

909/165
и 32, 40, 60

Из истории Н. Карачаево- Черкесского

Труды
Карачаево-
Черкесского
научно-
исследовательского
института

Выпуск VI

С Т И Я И С Т О Р И Ч Е С К А Я

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1970

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗ ИСТОРИИ КАРАЧАЕВО- ЧЕРКЕССИИ

Труды
Карачаево-
Черкесского
научно-
исследовательского
института

Выпуск VI
СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Ставропольское книжное издательство • 1970

Редакционная коллегия:

Р. Х. Джанибекова (ответ. редактор), Е. П. Алексеева,
И. Х. Калмыков, К. Т. Лайпанов, Д. А. Напсо,
В. П. Невская.

БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ЗА УПРОЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КАРАЧАЕ И ЧЕРКЕСИИ (март—декабрь 1920 г.)

После разгрома Деникина трудовые горцы Северного Кавказа с помощью великого русского народа и под руководством большевистской партии начали упорную борьбу за переустройство своей жизни на основах социализма.

Центральный Комитет партии и лично В. И. Ленин прилагали огромные усилия для восстановления и упрочения Советской власти на Северном Кавказе. Созданное 8 апреля 1920 г. Кавказское бюро ЦК РКП(б) во главе с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым умело руководило борьбой трудящихся за окончательную победу Советской власти. Серго Орджоникидзе и С. М. Киров стремились сами побывать на местах, повстречаться с рабочими и крестьянами, с горцами, узнать их настроения, думы и чаяния.¹

Посланцы ЦК руководствовались указаниями В. И. Ленина, который 2 апреля 1920 г. телеграфировал Орджоникидзе: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам... Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее. О ходе дела сообщайте точнее и чаще».² За чуткое отношение к нуждам трудящихся масс Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров снискали любовь и уважение всех трудовых горцев.

В тяжелые для трудящихся Северного Кавказа дни трудовые горцы, иногородние и казаки получали действенную помощь от

¹ Г. К. Орджоникидзе. Биография. М., 1962, стр. 123.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 175.

русского пролетариата и его героической партии. На своих заседаниях ЦК РКП(б) часто обсуждал горский вопрос и принимал решения о всесторонней помощи северокавказским горцам, намечал меры по улучшению их положения.¹

В. И. Ленин лично заботился об оказании помощи горским народам. «Уполномочиваю Вас объявить горцам,—телеграфировал В. И. Ленин Орджоникидзе,—что я обещаю провести через Совет Народных Комиссаров денежную помощь им. Выдайте им в счет этого до двухсот миллионов».² По указанию В. И. Ленина горским трудящимся было отпущено также два миллиона аршин мануфактуры и много других промышленных товаров. Трудящиеся Кубано-Черноморской области, по словам Орджоникидзе, получили «свыше 6 миллионов аршин мануфактуры, сахар, соль и спички в обмен на хлеб».³ В июне 1920 г. для нужд населения Баталпашинского отдела было выделено 250 000 аршин мануфактуры.⁴ Тогда же Горский отдел в Кисловодске получил от Севкавревкома в помощь горцам Карачая 100 000 руб.⁵

Благодаря поддержке русских рабочих и крестьян, северокавказские народы начали с энтузиазмом восстанавливать разрушенное белогвардейцами народное хозяйство. Кавбюро ЦК РКП(б) и Северо-Кавказский ревком, руководствуясь директивными указаниями ЦК партии и В. И. Ленина, быстро наладили партийную и советскую работу. Повсюду были восстановлены партийные организации и местные органы Советской власти.

Под непосредственным руководством С. Орджоникидзе и С. М. Кирова в конце марта 1920 г. были созданы Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б) в составе Черного, Лиманского, Яна Полуяна, Горбунова, Вишняковой, Волика⁶ и Кубано-Черноморский областной революционный комитет в составе Яна Полуяна, Коробкина и Горбунова.⁷

В течение марта, апреля и мая были организованы ревкомы во всех населенных пунктах области. Одновременно создавались отделские комитеты партии и комсомола, местные партийные и комсомольские ячейки, которые в первые месяцы после освобождения объединяли небольшое количество передовых борцов

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 11, д. 10, л. 5, д. 11, л. 1.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 178.

³ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, стр. 120.

⁴ «Баталпашинская правда», 1920, 25 июня.

⁵ Партийный архив Ростовского обкома КПСС, ф. 1966, оп. 1, д. 5, л. 92.

⁶ Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917—1920 гг. Краснодар, 1957, стр. 387.

⁷ ГАКК, ф. р. 158, оп. 1, д. 66, л. 1.

за власть Советов. Так, к моменту освобождения Кубани областная партийная организация насчитывала в своих рядах всего лишь 386 членов и кандидатов партии.¹ Но, несмотря на малочисленность, кубанские большевики успешно руководили восстановлением народного хозяйства и упрочением Советской власти.

Кубано-Черноморский обком РКП(б) начал работу в чрезвычайно трудных условиях. В период хозяйничания белогвардейцев народное хозяйство Кубани пришло в упадок: количество скота в 1920 г. по сравнению с 1913 г. снизилось на 57%, а посевные площади сократились на 50%.² Многочисленное казачье офицерство, опираясь на эксплуататорские элементы, организовывало бело-зеленые банды, которые совершали разбойничьи набеги на кубанские станицы, села, аулы, терроризировали и грабили население, убивали активных борцов за Советскую власть, угоняли скот, забирали или сжигали хлеб, всячески мешая хозяйственному возрождению области. Слабая пролетарская прослойка среди населения Кубани и Черноморья и напряженное отношение значительной части казачества к проводимым Советской властью мероприятиям усугубляли трудности восстановления народного хозяйства.

Однако трудности не испугали ~~большевиков~~. Руководствуясь решениями IX съезда РКП(б), определившего ближайшие задачи партии, коммунисты области твердо осуществляли ленинскую политику строительства новой жизни.

Постоянную помощь партийным и советским организациям Кубани и Черноморья оказывали реввоенсоветы и политотделы IX и X армий Кавказского фронта, в частности: А. Стопани, С. Коссиор, А. Белобородов, Трифонов, Дм. Фурманов, С. Анучин, М. Эпштейн, Б. Михайлов, С. Гамза, В. Квиркелия, И. Шевцов, Е. Тольский, Печорский и другие видные политработники. Журнал «Спутник коммуниста» (орган политотдела IX армии и Кубано-Черноморского обкома) писал: «На Красную Армию падает задача организовать советский аппарат на Кубани. И Красная Армия через политические отделы (главным образом дивизионные) свою задачу выполняла и выполняет, покрывая всю Кубань густой сетью советских органов, направляя их работу и вводя в эти органы своих политических работников».³

¹ М. Ф. Горбачев. Первые шаги Советской власти на Кубани и Черноморье. Труды Кубанского сельхозинститута, вып. V (37). Краснодар, 1958, стр. 40.

² Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Статистический сборник. Краснодар, 1924, стр. 441.

³ «Спутник коммуниста» (Краснодар), 1920, № 5—6, стр. 6.

При активной помощи армейских политотделов областная партийная организация умело направляла усилия трудящихся на выполнение ответственных задач партийно-советского и хозяйственно-культурного строительства. За короткое время в Кубано-Черноморье было создано 239 станичных, хуторских, сельских и аульных коммунистических ячеек, объединивших 5250 членов и кандидатов партии; 130 комсомольских ячеек с 4800 членами; 140 профсоюзных организаций. Было организовано 140 совхозов, 40 коммун, 29 артелей, 55 культпросветов, 30 клубов, 19 народных домов, 68 изб-читален, 149 библиотек, 86 театров, 56 кинематографов.¹ Только за один месяц коммунисты провели 828 митингов, 450 бесед, 580 лекций, а также организовали 146 субботников и 69 различных недельных кампаний.²

Кубанские большевики разрешили самый важный для аграрной Кубани вопрос — земельный, а вместе с тем и продовольственный.

В 1920 г. Советская республика испытывала голод. IX съезд партии поставил задачу: «Собрать путем высшего напряжения сил продовольственный фонд в несколько сот миллионов пудов».³ В выполнении этой задачи плодородной Кубани отводилось значительное место (65 млн. п.).⁴ А это требовало восстановления довоенных посевных площадей. Кубано-Черноморский ревком в специальном постановлении от 1 апреля 1920 г. призывал трудящихся области к увеличению запашек и засева своих полей и поставил задачу: «Ни одного клочка годной для посева земли не должно оставаться невспаханым».⁵ Благодаря усилиям партийных комитетов и ревкомов весеннепосевная кампания была проведена успешно. В результате уже летом и осенью 1920 г. Кубань оказала большую продовольственную помощь центральным губерниям России и городу Баку.⁶

Земельный вопрос был окончательно разрешен на I Кубано-Черноморском областном съезде трудового казачества, крестьян, горцев и рабочих, состоявшемся в конце мая 1920 г. Исходя из основных советских законоположений о земле, съезд отменил частную собственность на землю, на ее недра, леса, воды. Все земли бывшего нетрудового пользования без всякого выкупа

¹ ГАКК, ф. р. 158, оп. 1, д. 23, л. 9.

² Там же.

³ «КПСС в резолюциях...», ч. 1, стр. 487.

⁴ ГАКК, ф. р. 158, оп. 1, д. 3, лл. 3—4.

⁵ «Известия Кубано-Черноморского обкома РКП(б)». Краснодар, 1920,

№ 1, стр. 8.

передавались в распоряжение всего трудового населения. Отдача земли в аренду воспрещалась; за иногородними и горцами признавалось право пользования теми земельными площадями, которые состояли в их фактическом пользовании к моменту восстановления Советской власти.¹ В резолюции съезда особо подчеркивалось значение коллективных хозяйств. Отмечалось, что «переход к общественному производству в сельском хозяйстве сможет поднять его производительность на должную высоту, уничтожить эксплуатацию человека человеком и содействовать объединению всех трудящихся в их борьбе с капиталом». Далее в резолюции указывалось, что объединение землеробов в артели и товарищества будет поощряться Советской властью.²

Большое значение для многонациональной Кубано-Черноморской области имело правильное разрешение национального вопроса. Здесь, кроме русских, проживало значительное количество ранее угнетенных народов. Для лучшего удовлетворения интересов этих народов с учетом их специфических особенностей при обкоме партии был создан интернациональный отдел,³ а при областном ревкоме — мусульманский отдел, первым председателем которого являлся студент азербайджанец Али Акперов, член большевистской организации «Гуммет».⁴ Немного позже при ревкоме создается горская секция во главе с абхазским большевиком Нестором Лакоба, а осенью 1920 г. при Кубано-Черноморском обкоме партии — отдел национальных меньшинств во главе с черкесским большевиком Асланбеком Калмыковым. Последний был отозван из Баталпашинского партийного комитета 2 ноября 1920 г.⁵

По-ленински разрешив национальный вопрос, областная партийная организация проделала огромную работу по вовлечению горских трудящихся (адыгейцев, черкесов, карачаевцев, ногайцев, абазинцев) в партийное и советское строительство. Национальный вопрос всегда был в центре внимания кубанских коммунистов. На первой областной партийной конференции (октябрь 1920 г.) в числе других обсуждался вопрос и о работе среди горцев. В резолюции конференции говорилось: «Работа среди горцев является составной частью всей работы партии на Куба-

¹ «Красное знамя» (Краснодар), 1920, 25 мая.

² Там же.

³ ГАКК, ф. р. 158, оп. 1, д. 54, л. 15.

⁴ ГАКК, ф. р. 158, оп. 1, д. 2, л. 515.

⁵ «Известия Кубано-Черноморского обкома РКП(б)» (Краснодар), 1920, № 4, стр. 6.

ни, и партийная конференция находит необходимым, чтобы на эту сторону было обращено сугубое внимание».¹ Обком партии посылал в национальные районы опытных партийных работников, оказывал горцам помощь промтоварами, заботился о выделении им земельных угодий, помогал в восстановлении народного хозяйства, в подъеме культуры. Этими мерами кубанские большевики подготовили почву для создания в будущем горских национальных автономий.

Борьба за упрочение Советской власти в Баталпашинском отделе, в том числе в Карачае и Черкесии, проходила в условиях полной разрухи и непрекращающейся гражданской войны. В период господства деникинцев народное хозяйство отдела пришло в упадок. Белогвардейская статистика признавала, что если в 1918 г. посевная площадь здесь составляла 105 685 десятин, то в 1919 г. она сократилась до 59 653 десятин.² Почти наполовину сократилось и количество скота.³ В отделе свирепствовали эпидемические болезни, остро ощущался голод, не хватало предметов первой необходимости.

Все эти трудности были преодолены благодаря мудрому руководству Коммунистической партии и братской помощи великого русского народа.

Партия и правительство, возглавляемые В. И. Лениным, проявляли особую заботу о ранее угнетенных и отсталых народах, какими были и кавказские горцы. Руководители северокавказских большевиков С. Орджоникидзе и С. М. Киров, уделявшие много внимания устройству жизни горских трудящихся, постоянно интересовались и жизнью народов Карачая и Черкесии, оказывали им помощь кадрами, деньгами, продовольствием, мануфактурой и т. д. Возглавляемое ими Кавбюро ЦК РКП(б) принимало нужные меры к созданию и укреплению партийных организаций в горских районах Кавказа, направляя в эти районы коммунистов, знающих местные условия, быт и обычаи горцев. 3 августа на заседании Кавбюро отмечалось, что направленные ЦК РКП(б) на Кавказ 600 коммунистов распределены главным образом в Кубано-Черноморской области и в Ставрополе.⁴ Многие из них Кубано-Черноморским обкомом РКП(б) были направлены на работу в Адыгею, Карачай и Черкесию. На заседаниях

¹ «Известия Кубано-Черноморского обкома РКП(б)» (Краснодар). 1920, № 4, стр. 6.

² Статистико-экономические материалы по обследованию Кубанского края. Екатеринодар, 1919, стр. 64.

³ Там же, стр. 65.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 1, л. 1.

обкома партии неоднократно обсуждался вопрос о помощи Баталпашинскому отделу партийными работниками. Так, на заседании, состоявшемся 19 мая 1920 г., где присутствовали Умар Алиев и Александр Марчихин, заслушав доклад последнего о партийной работе в Баталпашинском отделе, обком постановил: «Поручить тов. Вишняковой послать в Баталпашинский отдел, кроме уже посланных туда, еще десять партийных работников».¹

Благодаря помощи Кавбюро и обкома партии, с мая 1920 г. стала налаживаться партийная работа и в Баталпашинском отделе, в котором к моменту освобождения имелось небольшое число коммунистов. Группа коммунистов, посланная сюда в мае по распоряжению Кавбюро, составила ядро Баталпашинской отделинской коммунистической организации. Чрезвычайное собрание коммунистов, состоявшееся 20 мая 1920 г., избрало отдельский комитет РКП(б) во главе с видным партийным работником Александром Денисовичем Метелевым,² который, будучи уроженцем Майкопского отдела, был хорошо знаком с жизнью и бытом горских народов. Членами отдельского комитета партии работали И. Пузырев, В. Малахов, Ф. Шматченко, М. Макеева и другие.

Отдельский комитет начал издавать свой орган — газету «Баталпашинская правда». Она сыграла важную роль в пропаганде идей Коммунистической партии, в организации и воспитании масс. Секретарь парткома А. Метелев, одновременно являвшийся редактором газеты, часто выступал на ее страницах с актуальными политическими статьями, призывал трудящихся организовываться в партию, бороться за окончательную победу Советской власти.³

Почти одновременно с отдельским комитетом партии были организованы профсоюзная и комсомольская организации.⁴ Первым председателем отдельского профкома был избран Иван Пузырев, а секретарем отдельского комитета комсомола — Ольга Борисенко.

Образование отдельского комитета РКП(б) способствовало улучшению работы отдельского ревкома, организованного в конце марта 1920 г.⁵ Председатель ревкома А. Марчихин, члены —

¹ ГАКК, ф. р. 158, оп. 1, д. 54, л. 15.

² «Красные горы» (орган Баталпашинского отдельского ревкома), 1920, 23 мая.

³ «Баталпашинская правда», 1920, 6 июня.

⁴ ГАКК, ф. р. 158, оп. 1, д. 42, л. 22.

⁵ Там же, д. 2, л. 307.

В. Малахов и Ф. Шматченко, а также руководители отделов — А. Баранов (управления), И. Пузырев (совнархоз), П. Борисенко (военком), Я. Чайкин (начальник политбюро ЧК), Н. Фисенко (начальник милиции), Могильный (продовольственный комиссар) и другие — были коммунистами. Только земельным отделом заведовал беспартийный агроном В. Гаврилин.¹

В деле организации хозяйственной, партийной и советской работы отдельные большевики получали действительную помощь от армейских партийных организаций сначала X, а затем IX армий. Старые партийные работники — профессиональный революционер, коммунист с 1912 г. Борис Данилович Михайлов,² член Реввоенсовета X армии и С. Гамза, уполномоченный Реввоенсовета этой армии, вместе с политработниками воинских частей, дислоцированных на территории Баталпашинского отдела, вложили много труда в политическое воспитание и организацию трудящихся масс, особенно горцев Карачая и Черкесии. Первые ревкомы и партийные ячейки на территории отдела были созданы при их активном участии. По указанию С. Орджоникидзе и с помощью ответственного инструктора Северо-Кавказского ревкома Умара Алиева они провели ряд совещаний и съездов горцев, сыгравших важную роль в укреплении Советской власти в Карачае и Черкесии. На одном из таких совещаний, проходившем 8—9 апреля 1920 г., для управления горцами при Баталпашинском ревкоме был создан временный горский революционный комитет во главе с Асланбеком Кочкаровым (председатель) и Асланбеком Калмыковым (заместитель).³ Создавая горский ревком, кубанские большевики и политические работники X армии исходили из программы партии по национальному вопросу и руководствовались конкретными указаниями С. Орджоникидзе и С. М. Кирова. В постановлении об организации горского ревкома, подписанном уполномоченным X армии Гамза, военным комиссаром 12-й кавалерийской дивизии Бережко, председателем отдельского ревкома Марчихиным и председателем горского ревкома Кочкаровым, выражалась уверенность в том, что трудовые горцы будут бороться за победу советского строя. «Мы, представители Военно-Революционного Совета Красной Армии и Кубанского областного революционного комитета, совместно с представителями карачаевского и кабардинского (черкесского — К. Л.) народов, — говорилось в этом поста-

¹ ГА КЧАО, ф. 40, оп. 1, д. 1.

² М. Б. Траскунов. Кавказская Краснознаменная. Тбилиси, 1961, стр. 257.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 11, д. 31, л. 1.

новлении, — заслушав их заявления, обменявшись мнениями и идя навстречу нуждам и интересам трудового горского населения, постановили: организовать общий Горский революционный комитет как подотдел отдельского ревкома, на которого возлагается от имени Советской власти энергично обслуживать и защищать интересы трудовых горцев в полном согласии с основными законами Советской власти. Доведя это до сведения трудового горского населения, мы надеемся, что трудовые горцы пойдут совместно с Рабоче-Крестьянским правительством дружно по пути освобождения от власти капитала».¹

Член Реввоенсовета X армии, руководитель армейских большевиков Б. Д. Михайлов, сообщая С. Орджоникидзе о результатах совещания с представителями горцев Баталпашинского отдела, телеграфировал: «Доношу, что 8 и 9 апреля в станице Баталпашинской состоялись совещания представителей горских племен Теберды, представителя Реввоенсовета 10 тов. Гамза, военкомдива 12 и предревкома Баталпашинского отдела. В результате переговоров достигнуто предварительное соглашение. Причем горцы приняли наши требования о разоружении и выдаче в недельный срок всех вооруженных деникинских офицеров и солдат, скрывающихся в горах, и, кроме того, требования о сдаче имеющегося у горцев оружия. Создан временный ревком горного района Баталпашинского отдела...»²

Проводимая партией ленинская национальная политика способствовала тому, что горские трудящиеся активно поддерживали все мероприятия Советской власти. Члены горского ревкома вместе с уполномоченным РВС X армии С. Гамза, военным комиссаром и начальником политотдела 12-й дивизии Бережко и Духадзе, политработником Осташенко и другими побывали в аулах Карачая и Черкесии. На собраниях и митингах они разъясняли трудящимся политику Коммунистической партии, оказывали помощь в создании аульных органов Советской власти, в налаживании хозяйственной жизни, в организации борьбы против банд. Вернувшись из Карачая, 23 апреля 1920 г., тов. Гамза докладывал РВС X армии: «В аулах организованы ревкомы. Качество держится выжидающе. Настроение горцев революционное. Открыт набор добровольцев в горах на своих лошадях. Экономическое положение аулов крайне тяжелое...»³

С целью дальнейшего сплочения трудовых горцев Карачая

¹ Борьба за Советскую власть на Кубани. Краснодар, 1957, стр. 399.

² ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 11, д. 31, л. 1.

³ ЦГАКА, ф. 193, оп. 1, д. 77, л. 643.

и Черкесии вокруг большевистской партии и широкой информации горского населения о всех сторонах жизни Советской России политотдел X армии, отдельский и горский ревкомы по указанию Северо-Кавказского ревкома созвали так называемый информационный общегорский съезд. Он состоялся в станице Баталпашинской 27—30 апреля. Работой съезда руководили большевики во главе с уполномоченным РВС С. Гамза и ответственным инструктором Северо-Кавказского ревкома Умаром Алиевым, которые выступили с докладами о текущем моменте. Доклад по национальному вопросу сделал Даут Гутекулов, по земельному — Гаврилин, по административному управлению — Осташенко, продовольственному — Могильный, здравоохранению — Уколов, народному образованию — Малахов и т. д.¹

Съезд единодушно вынес резолюцию о всемерной поддержке Советской власти и послал приветственную телеграмму ВЦИК, в которой говорилось: «Первый общегорский съезд народов Баталпашинского отдела: карачаевского, абазинского, кабардинского (т. е. черкесского — К. Л.), ногайского и осетинского в количестве 141 делегата, приветствует Великую Социалистическую Советскую Россию, освободившую трудящихся Кавказа. Съезд выражает свою твердую уверенность в конечной победе пролетариата над мировой буржуазией».²

С. Орджоникидзе лично интересовался ходом работы этого съезда. Б. Михайлов сообщал ему: «Доношу, что съезд представителей горских племен Баталпашинского отдела открылся 27 апреля в станице Баталпашинской. Присутствует 141 делегат, из них 36 коммунистов и сочувствующих, один левый эсер, остальные беспартийные. Уполномоченный 10 Гамза сделал доклад по текущему моменту. Вынесена резолюция о всемерной поддержке Советской власти. Политотделом 12-й дивизии вручено съезду знамя... Приступлено к организации советской школы для горцев».³

Вскоре после этого съезда в Эльбургане состоялся Общегорский съезд, на котором были приняты важные решения (по земельному вопросу и др.), направленные на удовлетворение интересов трудящихся.

В мобилизации трудящихся на борьбу с хозяйственной раз-

¹ ЦГАКА, ф. 193, оп. 2, д. 130, л. 6.

² Э. А.-Г. Джанибеков. Образование Карачаево-Черкесской автономной области. В кн. «40 лет автономии Карачаево-Черкесии». Черкесск, 1962, стр. 57.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 11, д. 31, л. 2.

рухой, в разъяснении политики Коммунистической партии и советского государства большое значение имели собрания и митинги, проводимые коммунистами в населенных пунктах Баталпашинского отдела. Агитационно-пропагандистский отдел отдельского комитета РКП(б) только за июнь 1920 г. провел в 33 населенных пунктах 42 митинга, на которых выносились резолюции, выражающие сочувствие Советской власти и РКП(б).¹

Благодаря разъяснительной работе коммунистов, трудящиеся отдела стали яснее понимать политику Коммунистической партии, влияние которой все больше усиливалось. По мере роста влияния и авторитета партии ее ряды укреплялись и пополнялись новыми передовыми борцами за светлую жизнь. Уже к середине июня в отделе было организовано 13 партийных ячеек, объединивших 183 коммуниста и сочувствующих.²

Баталпашинский отдельский комитет наряду с разъяснительной проводил организаторскую работу. Он постоянно контролировал и направлял деятельность ревкомов. На общем собрании членов Баталпашинской организации РКП(б), проходившем 19 июля под руководством В. Кандыбина и И. Борисенко, было решено усилить партийный контроль за работой учреждений. Забедующие отделами отдельского ревкома должны были периодически отчитываться перед партийными собраниями.³

По предложению отдельского парткома в начале июля был изменен состав отдельского ревкома. Приказом облревкома председателем Баталпашинского отдельского ревкома вместо А. Марчихина был назначен секретарь парткома Александр Метелев — энергичный и деятельный работник, а членами ревкома — И. Борисенко и С. Савин.⁴

Партийная организация Баталпашинского отдела с помощью Кавбюро ЦК РКП(б), Кубано-Черноморского обкома партии и армейских партийных организаций добилась значительных успехов в решении экономических и политических задач, стоявших перед отдельскими коммунистами. Главной среди этих задач было правильное разрешение земельного вопроса, имевшего первостепенное значение для вовлечения крестьян в работу по восстановлению народного хозяйства. С. Орджоникидзе и С. М. Киров неоднократно подчеркивали важность этого вопроса. Выступая с докладом на заседании Северо-Кавказского ревкома,

¹ «Баталпашинская правда», 1920, 14 июня.

² «Баталпашинская правда», 1920, 13 июля.

³ Там же, 1920, 23 июля.

⁴ ГАКК, ф. р. 158, оп. 2, д. 151, л. 123.

С. М. Киров говорил, что «земельный вопрос надо поставить во главу нашей всей политики на Северном Кавказе».¹

При разрешении земельного вопроса баталпашинские большевики руководствовались советскими законами о земле и постановлениями областных съездов. Частная собственность на землю в отделе была отменена. Земли нетрудового пользования перешли в распоряжение всего трудового населения. Хотя земельный вопрос в отделе был разрешен только к весне 1921 г., но уже в 1920 г. трудовые казаки, крестьяне и горцы получили десятки тысяч десятин земли² из расчета 1,5—2 десятины на едока, не считая приусадебного участка в пределах до 0,5 десятины на двор.³

В результате проведения земельной реформы только трудящиеся Черкесии получили свыше 38 тысяч десятин плодородной земли.⁴

С первых же дней Советской власти многие крестьяне Баталпашинского отдела отказывались от единоличного ведения хозяйства и объединялись в совхозы и коммуны, которые создавались на бывших помещичьих землях. К августу 1920 г. в отделе насчитывалось 8 таких хозяйств. В их распоряжении находилось 12350 десятин пахотных земель. Совхозы были многоотраслевыми.⁵ Первые сельскохозяйственные коммуны были созданы в Беломечетской и Отрадной.⁶ Советская власть, дав трудящимся землю, вместе с тем помогала вспахать и засеять ее. Поскольку в отделе не хватало сельскохозяйственных орудий и семян, земельный отдел ревкома из инвентаря помещичьих экономий организовал прокатную станцию сельскохозяйственных машин с целью временного снабжения нуждающегося населения машинами и орудиями,⁷ а продовольственный отдел ревкома снабжал крестьян семенами. В результате этих мер большинство посевных площадей было запахано и засеяно.

Одновременно отделские власти урегулировали земельные споры как между населенными пунктами внутри отдела, так и с соседними районами. Особое значение имело правильное разре-

¹ РОПА, ф. 1966, оп. 1, д. 5, л. 4.

² «Ленинское знамя», 1962, 5 января.

³ Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Краснодар—Ростов, 1924, стр. 293.

⁴ Карачаево-Черкесский музей краеведения, рукописный фонд, д. 71, л. 50.

⁵ «Советский Кавказ» (орган Кавбюро ЦК РКП(б) и Северо-Кавказского ревкома), 1920, 22 августа.

⁶ «Баталпашинская правда», 1920, 9 июня.

⁷ Там же.

шение земельного спора между Кабардой и Карачаем, который искусственно разжигался враждебными Советской власти кулацко-мулльскими элементами. Здесь видную роль сыграл Северо-Кавказский ревком. Его представитель Умар Алиев в конце мая 1920 г. побывал на Бичесыне, в Хасауте, Кармове, созывал сходы карачаевцев и кабардинцев, разъяснял им политику партии и Советской власти по земельному и другим вопросам и подготовил почву для урегулирования земельного спора.¹

Этот спор был разрешен на общегорском съезде кабардинцев и карачаевцев, состоявшемся в Кисловодске 9 июня 1920 г. под председательством Умара Алиева. Активное участие в его работе приняли представители Кисловодского ревкома и Кисловодского комитета партии Шешнюк и Шукин, выступившие с разъяснениями по текущему моменту.² Съезд определил границы между Кабардой и Карачаем, принял резолюцию по текущему моменту, по земельному и продовольственному вопросам, по борьбе с преступностью и избрал из трех лиц Горский отдел при Кисловодском ревкоме под председательством Наны Токова.³

Съезд проходил в духе дружбы и взаимопонимания, в духе дальнейшего сплочения кабардинских и карачаевских трудящихся в их совместной борьбе за укрепление Советской власти. Резолюции съезда выражали стремление горцев поддержать Советскую власть, активно бороться за новую свободную жизнь. «Мы, трудовые кабардинцы и карачаевцы,—говорилось в резолюции по текущему моменту,—стоившие под гнетом царизма и капитала, приветствуем Советскую власть, после года хозяйничанья белых хищников вновь явившуюся на Северный Кавказ и освободившую нас из духовного и экономического рабства... На призыв представителя Северо-Кавказского ревкома тов. Алиева, а также представителей местного ревкома и местной организации партии поддержать Советскую власть мы отвечаем полной готовностью и обещаем принять посильное участие в создании свободного союза свободных трудящихся, без различия религии, национальности и языка. Отдадим все наши силы для обороны Советской власти. Приветствуем победоносную Красную Армию, несущую освобождение мусульманским народам Востока... По отношению к контрреволюционерам, скрывающимся в горной по-

¹ РОПА, ф. 1966, оп. 1, д. 21, лл. 15—16.

² РОПА, ф. 1966, д. 21, л. 28.

³ Там же, л. 29.

лосе, мы обещаем принять самые решительные беспощадные меры для ликвидации этих белых хищников».¹

В дальнейшем трудовые горцы Кабарды и Карачая вместе с русскими трудящимися активно претворяли в жизнь решения Кисловодского съезда, совместными усилиями укрепляли Советскую власть в верховьях Малки и Подкумка.

✓ Разрешение земельного вопроса в Баталпашинском отделе и терской части Карачая способствовало также улучшению продовольственного положения. Успешное проведение всех полевых работ дало возможность отделу выйти из продовольственного кризиса и своевременно выполнить государственную продрозверстку. Урожай был убран коллективными усилиями трудящихся и воинских частей. Пять ударных продовольственных отрядов, возглавляемых коммунистами, при активной помощи прибывших из центра России продовольственных работников заготовили в плоскостных районах значительное количество хлеба.² А горная часть отдела сдала большое количество скота. Только один Учкулан сдал за май и июнь 1920 г. 488 голов крупного рогатого скота.³

Значительную продовольственную помощь трудящиеся оказывали воинским частям. Командир 3-й отдельной кавалерийской бригады Я. Ф. Балахонов в письме к карачаевским пастухам Кисловодского района писал: «Приношу от лица всей вверенной мне бригады глубокую благодарность за подаренные для бригады 20 голов крупного рогатого скота, а также и горскому отделу за сочувственное отношение к воинским частям».

✓ Трудящиеся Баталпашинского отдела, хотя и сами испытывали недостаток продовольствия, посылали продукты голодающему населению центра России и Баку. Комсомольцы и молодежь отдела взяли шефство над голодающими детьми, прибывшими с Поволжья, организовали для них детские дома, снабдили детей всем необходимым. Спасая от голода жизнь многих трудящихся братских народов, народы Карачаево-Черкесии выполняли свой интернациональный долг.

Наряду с сельским хозяйством восстанавливались промышленные предприятия, транспорт; строились новые школы, клубы, избы-читальни, улучшалось медицинское обслуживание населения. В ст. Баталпашинской был создан народный театр им. Лу-

¹ РОПА, ф. 1966, оп. 1, д. 21, л. 28.

² «Баталпашинская правда», 1920, 25 июня.

³ ГА КЧАО, ф. 40, оп. 1, д. 1, л. 48.

* «Советский Кавказ» (Пятигорск), 1920, 10 июля.

начарского под руководством Н. П. Краснова,¹ сыгравший немалую роль в пропаганде идей Советской власти. Началась подготовка к изданию учебников на горских языках.² Для развития здравоохранения и народного образования немалое значение имели съезды медицинских работников и учителей. Отдел народного образования ревкома организовал в Баталпашинской детский приют для сирот, а также столовую, где питались дети до 16-летнего возраста.³

Благодаря руководству большевистской партии и огромной братской помощи русского и других народов, трудящиеся многонационального отдела успешно восстанавливали хозяйство и развивали культуру.

Большой вклад в дело восстановления народного хозяйства внесли трудящиеся, участвуя в неделях труда, коммунистических воскресниках и субботниках, в которых В. И. Ленин видел начало коммунистического труда, зачатки новой трудовой дисциплины.

А. Метелев, И. Пузырев, Ф. Шматченко, М. Макеева, В. Малахов и другие руководители баталпашинских большевиков на собраниях коммунистов и на митингах трудящихся разъясняли массам значение коллективного труда и призывали их принимать активное участие в общественных мероприятиях. В 1920 г. почти каждую неделю коммунисты отдела организовывали субботники и воскресники, показывая массам образцы коммунистического отношения к труду. В те дни часто можно было видеть объявления следующего содержания: «Всем товарищам коммунистам и кандидатам предлагается в порядке партийной дисциплины в воскресенье 20 июня в 8 часов утра... прибыть на соборную площадь ... для проведения воскресника. Кроме коммунистов для проведения воскресника приглашаются также и беспартийные рабочие, казаки и крестьяне.

Баталпашинский отдельский партком».⁴

Примеру коммунистов следовали трудящиеся отдела, воины Красной Армии, коллективными усилиями которых убирались хлеба, восстанавливались промышленные предприятия, дороги, мосты и т. д.⁵ Рабочие Хумаринских угольных копей только на двух субботниках добыли двести пудов угля и обратили его на

¹ «Баталпашинская правда», 1920, 25 июля.

² Там же, 1920, 16 июня.

³ «Советский Кавказ», 1920, 22 августа.

⁴ «Баталпашинская правда», 1920, 18 июня.

⁵ ЦГАКА, ф. 192, оп. 1, д. 170, л. 50.

нужды красноармейцев Западного фронта, сражавшихся против польских панов.¹

✓ Для быстрейшей ликвидации хозяйственной разрухи трудящиеся не жалели ни сил, ни средств. На строительство школ, больниц, на восстановление мостов и дорог они отдавали свои сбережения. На ремонт моста и дороги около Каменномоста жители Учкулана, например, внесли 25538 руб.²

За восстановление народного хозяйства, наравне с мужчинами, активно боролись женщины, освобожденные от векового гнета и неравенства. Под руководством возглавляемого Марией Макеевой женского отдела отдельского комитета они принимали живое участие в многообразной трудовой и политической жизни. Постановление съезда женщин отдела — «приложить все усилия к тому, чтобы помочь Советской власти во всех ее начинаниях»³ — женщины-труженицы с успехом претворяли в жизнь.

✓ Таким образом, отдельская партийная организация вместе с профсоюзной и комсомольской организациями в 1920 г. проделала большую работу по восстановлению народного хозяйства и развитию культуры. Социально-экономические и политические мероприятия, проводимые отдельскими большевиками, окончательно укрепили позиции Советской власти. Уже в 1920 году был ликвидирован класс помещиков, а также подорвана экономическая мощь кулацких хозяйств и укреплена экономическая позиция бедняцко-середняцких хозяйств. «В крестьянской стране,— писал В. И. Ленин,— первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще».⁴

Успехи трудовых горцев были бы еще более значительными, если бы их мирному труду не мешали контрреволюционные банды. Дело в том, что упрочение Советской власти в Баталпашинском отделе, как и на всем Северном Кавказе, происходило в острой классовой борьбе. Белогвардейцы, оставшиеся после разгрома Деникина в горах и лесах Северного Кавказа, опираясь на казачьи и горские верхи, создавали многочисленные бандитские шайки и отряды, которые вели вооруженную борьбу против Советской власти. Империалистические державы, мечтавшие прибрать к рукам Кавказ, снабжали эти банды оружием и деньгами, посылали своих агентов для организации контрреволю-

¹ «Баталпашинская правда», 1920, 25 июня.

² Там же.

³ «Баталпашинская правда», 1920, 11 июля.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 276.

ционной работы. Большую помощь империалистам оказывали грузинские меньшевики, приютившие у себя многих белогвардейцев и всячески поддерживавшие бандитские шайки.

На территории Баталпашинского отдела действовали офицерско-кулацкие банды генерал-майора Хвостикова, полковников Крымшамхалова, Васильева, Назарова, есаула Поперека, князя Джантемирова и другие. В терской части Карачая (в районе Эшкакона, Бермамыта, Бичесына), по сообщению штаба Кавказского фронта, весной 1920 г. орудовали банды численностью около двух тысяч человек под командованием офицеров бывшего отряда генерала Шкуро и местных князей.¹ Эти банды, свившие себе гнезда в горах и лесах, непрерывно совершали бандитские налеты на станицы, села и аулы, убивали партийных и советских работников, терроризировали, грабили население, мешали проведению в жизнь важных мероприятий Советской власти. В населенных пунктах и особенно на кошах жизнь из-за бандитизма сделалась невыносимой. От рук врагов трудового народа пали многие передовые борцы за революцию. 20 мая 1920 г. в районе Хасаута был зверски убит бандой карачаевских кулаков уполномоченный Северо-Кавказского ревкома Таукан Алиев, который вместе с представителем 12-й дивизии руководил борьбой за упрочение Советской власти в терской части Карачая.²

Отдельские и областные органы власти, а также командование IX армии неоднократно обращались к бандитам с требованием вернуться к мирной жизни. Зеленчукцы, например, призывали бело-зеленых вернуться «в свои станицы к своим братьям, матерям и отцам», предупреждая, что в противном случае бандам будет объявлена беспощадная борьба.³ Однако бандиты продолжали делать свое черное дело. Тогда трудящиеся перешли к решительным действиям. Газета «Советский Кавказ», орган Кавбюро ЦК РКП(б), писала, что население Баталпашинского отдела везде организует отпор налетам бандитов.⁴ На собраниях и митингах трудящиеся требовали немедленной ликвидации бандитизма. На своем общем собрании жители аулов Большого Карачая 24 июня единогласно вынесли решение принять меры к искоренению бандитизма.⁵

¹ ЦГАКА, ф. 109, оп. 3, д. 212, л. 74.

² РОПА, 1966, оп. 1, д. 10, л. 43.

³ «Баталпашинская правда», 1920, 7 июля.

⁴ «Советский Кавказ», 1920, 28 июля.

⁵ ГА КЧАО, ф. р. 40, оп. 1, д. 1, л. 57.

Со всей остротой был поставлен вопрос об уничтожении бандитизма и на съезде председателей ревкомов Баталпашинского отдела, проходившем 27 июня. Принятая съездом резолюция требовала создания новых отрядов для борьбы с бандами, а также увеличения количества милиционеров. В резолюции отмечалось, что в борьбе с бандами важное значение имело закрытие ведущих в Грузию перевалов Кавказского хребта, «через которые банды угоняют гурты скота, переправляют оружие и через которые переходят белогвардейцы».¹

В борьбе против банд трудящимся оказывали решающую помощь части IX армии, дислоцированные на территории Баталпашинского отдела. В связи с усилением бандитизма в конце мая прибыла в отдел 3-я отдельная кавалерийская бригада под командованием Я. Ф. Балахонова. Она в течение июня ликвидировала действовавшие в районе Бекешевской крупные банды полковников Назарова, Минакова и ряд мелких шаек.² В районе Кардоникской, Зеленчукской, Сторожевой, Преградной частями I-й Кавказской дивизии были разгромлены банды Хвостикова, Поперека, Васильева и другие. Остатки этих банд ушли в горные леса.

Но после ухода из отдела воинских частей бандиты снова активизировали свои действия. Одной из главных причин усиления бело-зеленого движения на Кубани летом 1920 г., по словам члена Кавбюро А. Белобородова, было недовольство сельских богачей хлебной разверсткой.³ Не желая помочь хлебом голодающим трудящимся центра России, кулачество всячески пыталось сорвать продразверстку и с оружием в руках выступало против Советской власти. Контрреволюционные банды, действовавшие в южной части Баталпашинского, Лабинского и Пятигорского отделов, по приказу Врангеля в июне объединились под командованием генерала Хвостикова в так называемую «Армию возрождения России» и в июле начали крупные военные операции против малочисленных здесь советских войск. По плану Антанты и Врангеля эта «армия», заняв Баталпашинский отдел, должна была идти на соединение с войсками Врангеля, которые намеревались высадиться в западной части Кубани.

Получив значительную помощь от Антанты, Хвостиков при-

¹ «Баталпашинская правда», 1920, 2 июля.

² Н. Я. Балахонов. Страницы жизни Якова Балахонова. Черкесск, 1957, стр. 53.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 5, л. 285.

ступил к выполнению контрреволюционного плана. В своих воззваниях к населению он выступал с демагогическими лозунгами, рассчитанными на обман масс, и требовал немедленной мобилизации военнообязанных.¹ Офицеры, кулаки и другие антисоветские элементы шли добровольно в ряды хвостиковских банд, а трудящиеся уклонялись от мобилизации, уходили в леса. В своем воззвании к казакам станиц Зеленчукской, Сторожевой и Преградной Хвостиков отмечал, что в этих станицах имеются казаки, которые убегают в лес и зовут туда других, прикрываясь лозунгом «Долой войну!». Генерал угрожал, что тот, кто не присоединится к его армии, будет объявлен вне закона и расстрелян.²

Путем угроз, репрессий и обмана хвостиковцам удалось создать довольно крупные военные силы — до 15 тысяч штыков и сабель при 5 орудиях и 60 пулеметах.³

Хвостиковские банды в основном состояли из верхов казачества, но в их рядах было немало и горских офицеров и кулаков. Карачаевские князья полковники Мурзакул и Магомет-Гирей Крымшамхаловы командовали хвостиковскими бандами, действовавшими в районе Сторожевая — Преградная.⁴ Адъютантом генерала Хвостикова был белогвардейский есаул карачаевский кулак Бабула Кочкаров. Банда в 1500 сабель под командованием полковника Васильева и черкесского князя ротмистра Бемаубокова состояла в основном из горских верхов.⁵

Отряды Хвостикова стали теснить части 34-й дивизии. В конце июля и начале августа развернулись жестокие бои в районе Кардоникской, Зеленчукской, Сторожевой и Преградной, где были сосредоточены основные силы Хвостикова. Ст. Кардоникская и некоторые другие населенные пункты несколько раз переходили из рук в руки.⁶ В начале августа под натиском бело-зеленых банд 102-я стрелковая бригада под командованием Фавицкого с тяжелыми боями отступила по ущелью Малого Зеленчука на а. Касаевский (Хабез), а кавалерийская бригада — в сторону Усть-Джегутинской. Захватив горные станицы, хвостиковцы повели наступление на плоскостные районы Баталпашинского отдела. Штаб белогвардейцев из Кардоникской был перенесен в Удобную.

¹ ЦГАКА, ф. 109, оп. 3, д. 272, лл. 8—9.

² ЦГАКА, ф. 317, оп. 1, д. 20, л. 153.

³ И. С. Коротков. Разгром Врангеля. М., 1955, стр. 139.

⁴ ЦГАКА, ф. 317, оп. 1, д. 20, лл. 22—23.

⁵ Там же, л. 23.

⁶ ЦГАКА, ф. 192, оп. 4, д. 687, лл. 438, 456, 469.

Наступление хвостиковских банд совпало с действиями врангелевского десанта на Кубани. Высадив десант из отборных войск под командованием генерала Улагая, врангелевцы должны были идти на соединение с Хвостиковым, по пути мобилизуя казаков. Врангель рассчитывал на поддержку кубанского зажиточного казачества, с помощью которого он хотел захватить весь Северный Кавказ, а затем широким фронтом двинуться на Москву.

В связи с первоначальными успехами врангелевцев подняли голову все антисоветские элементы Северного Кавказа. Хвостиковцы широким фронтом двинулись на северо-запад, захватив довольно значительную территорию. 9 августа в своем рапорте Врангелю Хвостиков хвастался, что его «армия» держит фронт от Пятигорска до ст. Некрасовской в Майкопском отделе.¹ Во второй половине августа главные силы Хвостикова были сосредоточены по линии Отважная—Бесстрашная—Подгорная—Спокойная—Надежная. Двигаясь по Урупу, банды намеревались выйти к линии железной дороги в районе Армавира,² а оттуда двигаться на соединение с Улагаем. 17 августа они захватили Отрадную и приблизились к Армавиру.³

В августе хвостиковцы усилили бандитские нападения в районе Бекешевской, Усть-Джегутинской, Невинномысской и других населенных пунктов. Бандитский отряд в 500 сабель на некоторое время захватил ст. Беломечетскую, создав непосредственную угрозу отдельскому центру.⁴ 15 августа была захвачена бандитами и Бекешевская. Участились нападения также на аулы Карачая и Черкесии, где контрреволюционные горские верхи подготавливали антисоветские выступления.

В это тяжелое время съезд трудовых горцев Кубани и Черноморья, проходивший 11—12 августа в Екатеринодаре под руководством Яна Полуяна, Эшба и Лакобы, постановил: поднять трудовых горцев Кубани и Черноморья на активную поддержку Советской власти, решительную борьбу с бело-зелеными бандами, выбрасывать из среды горцев всех врагов Советской власти.⁵

Отдельская партийная организация принимала действенные меры по борьбе с контрреволюционными бандами. Секретарь Баталпашинского отдельского комитета РКП(б) и председатель

¹ ЦГАКА, ф. 317, оп. 1, д. 22, л. 32.

² ЦГАКА, ф. 109, оп. 3, д. 212, л. 191.

³ ЦГАКА, ф. 192, оп. 2, д. 879, л. 2.

⁴ ЦГАКА, ф. 109, оп. 3, д. 212, л. 189.

⁵ «Советский Кавказ», 1920, 22 августа.

ревкома А. Метелев 1 августа на страницах «Баталпашинской правды» писал о том, что Советская власть переходит от слов к делу—бандиты и их пособники будут уничтожаться беспощадно.¹ По приказу особоуполномоченного Реввоенсовета IX армии Черемухина были расстреляны 20 агентов и пособников контрреволюции.² 9 августа был издан приказ о сожжении Кардоникской и с. Георгиевско-Осетинского за поддержку белых банд.³ Одновременно отдельные органы власти решили создать новые отряды из карачаевской бедноты и с их помощью разгромить крупные скопления контрреволюционных отрядов в районе этих двух населенных пунктов. В конце августа с этой целью в Большой Карачай выехали Черемухин и председатель ревкома А. Метелев с небольшим отрядом, состоявшим из жителей Баталпашинской и обозом с оружием. На собрании аулов Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук Черемухин рассказал о цели своего приезда и призвал карачаевцев подняться на борьбу против контрреволюции. Трудящиеся начали создавать отряды. Между тем Черемухин, будучи человеком незнакомым с горскими обычаями, допустил серьезные ошибки, которые были использованы белогвардейцами. В частности, в одном из своих выступлений он оскорбил стариков, что вызвало недовольство населения, и, кроме того, публично расстрелял гостивших у своих карачаевских друзей двух ни в чем не повинных осетин, обвинив их в шпионаже. И. Б. Шевцов, уполномоченный Реввоенсовета IX армии по ликвидации авантюры Крымшамхалова в 1920 г., пишет, что «неумный и неосторожный поступок уполномоченного 9-й Кубанской армии Черемухина... привел к восстанию».⁴ Реакционное карачаевское офицерство, находившееся в тесной связи с Врангелем, Хвостиковым и грузинскими меньшевиками и давно подготавливавшее контрреволюционное восстание против Советской власти,⁵ использовало ошибки Черемухина. Офицеры и заодно с ними кулацко-мулльские элементы во главе с кулаком Туганом Тотуркуловым развернули антисоветскую агитацию. При этом они страшно раздували ошибки Черемухина, пытаясь спровоцировать народ на контрреволюционное выступление. Одновременно распустили провокационный слух о том, что якобы со

¹ «Баталпашинская правда», 1920, 1 августа.

² ГАКК, ф. р. 158, оп. 1, д. 32, л. 26.

³ Там же, л. 26-а.

⁴ И. Шевцов. В 1920 году. В кн. «Незабываемые годы». Ставрополь, 1960, стр. 201.

⁵ Ислам Тамбиев. Карачай прежде и теперь. Ростов-на-Дону, 1931, стр. 16.

стороны Теберды через горы идут крупные силы хвостиковцев. Черемухин поверил этому и со своим отрядом стал поспешно уходить вниз по Кубанскому ущелью. Вместе с отрядом ушла и группа горских трудящихся во главе с Курманом Курджиевым и Али-Солтаном Герюговым, которые вместе с Черемухиным, Метелевым и Остащенко руководили подготовкой выступления трудящихся Карачая против бело-зеленых банд.

└ Как только ушел отряд, контрреволюционеры пустили новый провокационный слух о том, что Черемухин якобы расстрелял ушедших с отрядом карачаевцев. Белогвардейские офицеры Джатдай Байрамуков и Даут Узденов, организовав кулацкую банду, подняли мятеж и 1 сентября в бою уничтожили почти весь отряд Черемухина, состоявший из 30 всадников и стольких же пехотинцев.¹ После этого в Карачае стали создаваться новые контрреволюционные офицерско-кулацкие отряды, в которые была мобилизована (путем обмана или насильно) и часть трудовых карачаевцев. Эти банды, во главе которых стал сподвижник Хвостикова белогвардейский полковник Мурзакул Крымшамхалов, начали готовиться к захвату станицы Баталпашинской и города Кисловодска.

Антисоветский мятеж в Большом Карачае серьезно осложнил обстановку в отделе. Он дал хвостиковцам возможность сгруппировать свои силы и 4 сентября захватить ст. Баталпашинскую. Малочисленный гарнизон отдельского центра после упорного сопротивления отступил. В бою героически погибли большинство работников отдельского военного комиссариата во главе с комиссаром коммунистом Ребергом, много других коммунистов и красноармейцев.² В Баталпашинской бандиты хозяйничали всего один день, но и за это время они ограбили советские учреждения и жителей, расправились со многими партийными и советскими работниками, зверски зарубили заведующую женским отделом отдельского комитета партии Марию Макееву.³

└ Таким образом, в августе—сентябре 1920 г. создалась угроза существованию Советской власти в Баталпашинском отделе. Напряженной была обстановка и в других отделах области. Она требовала напряжения всех революционных сил.

В. И. Ленин, руководивший борьбой партии и народа за упрочение Советской власти, пристально следил за разворачиванием событий на Северном Кавказе. Он быстро оценил всю

¹ ЦГАКА, ф. 317, оп. 1, д. 15, л. 1.

² ГАКК, ф. р. 102, оп. 1, д. 42, л. 2.

³ «Ставропольская правда», 1961, 14 августа.

серьезность обстановки, сложившейся на Кубани в августе 1920 г., и принял срочные меры для разгрома десанта Улагая, сподвижника Врангеля, отрядов Хвостикова и других контрреволюционных банд. По предложению В. И. Ленина руководство по ликвидации десанта Улагая и контрреволюционных банд на Кубани Политбюро ЦК РКП(б) возложило на Серго Орджоникидзе.¹ 20 августа В. И. Ленин телеграфировал Орджоникидзе: «Сегодня провел в Политбюро обязательный выезд Ваш в Ростов для ближайшего участия в ликвидации десантов на Кубани и Черноморье. Ускорьте и налягте на это изо всех сил, извещайте меня чаще».²

С. Орджоникидзе из Баку прибыл в Армавир, где в то время находился полевой штаб IX армии. Оценив обстановку, он решил прежде всего разгромить армию Хвостикова, наступавшую на Армавир, а затем войска Улагая. По его указанию была создана ударная Левофланговая группа IX армии в составе 12-й, 14-й, 34-й дивизий. Эта группа войск, наступая по фронту от Баталпашинского до Майкопского отдела, стала громить банды Хвостикова, Крымшамхалова, Крыжановского и других. Одновременно части IX армии под руководством С. Орджоникидзе стали теснить войска Улагая, не сумевшего, как он рассчитывал, мобилизовать казаков, которые отказались поддерживать белогвардейцев.

В. И. Ленин, следивший за ходом борьбы против белых отрядов на Кубани, 9 сентября телеграфировал С. Орджоникидзе: «Быстрейшая и полная ликвидация всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани — дело абсолютно общегосударственной важности. Осведомляйте меня чаще и точнее о положении дела».³

К середине сентября войсками IX армии были ликвидированы врангелевские десанты, а хвостиковцы прижаты к горам. 10 сентября С. Орджоникидзе докладывал В. И. Ленину: «Ни одного солдата из десанта Врангеля на Кубани нет. Банды генерала Хвостикова и Крыжановского частью истреблены, частью прижаты к горам. Операция еще не закончена. У нас безусловное превосходство людских и технических сил, но сильно затрудняют операции условия горной войны. Сегодня выезжаю на Терек для проведения ряда народных съездов горцев».⁴ Из Владикавказа

¹ Г. К. Орджоникидзе. Биография, стр. 136.

² В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М., 1957, стр. 243.

³ В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920), стр. 249.

⁴ З. Орджоникидзе. Путь большевика. М., 1956, стр. 293.

С. Орджоникидзе продолжал руководить операциями войск Кавказского фронта и всей партийно-политической и хозяйственной работой на Кавказе. Он непосредственно возглавлял также борьбу народов Карачая и Черкесии за упрочение Советской власти.

В то время, когда основные силы Левофланговой группы IX армии сражались против главных сил Хвостикова в верховьях Урупа и Большого Зеленчука, сподвижник Хвостикова белогвардейский полковник князь Крымшамхалов объединил контрреволюционные карачаевские и казачьи банды и повел их на Баталпашинскую со стороны Усть-Джегутинской и Бекешевской. Многочисленные банды начали теснить 102-ю стрелковую бригаду, которая, героически сражаясь, отступила к Баталпашинской. 9 сентября в окрестностях станицы шли ожесточенные бои.¹ Подоспевшие кавалерийские части 12-й дивизии наголову разбили объединенные карачаево-казачьи банды и, преследуя их, 12 сентября освободили ст. Бекешевскую, а 16 сентября — ст. Усть-Джегутинскую и а. Джегутинский.²

Насильно мобилизованные крестьяне оставляли фронт и бежали в аулы и коши, а остатки банд с боями отступили через аулы Кумско-Лоовский и Джегутинский и по Кубанскому ущелью в глубь Карачая. Главари бандитов рассчитывали укрепиться в трудно проходимых горных ущельях Карачая и с помощью Антанты, Врангеля и меньшевистской Грузии собрать новые военные силы и широко развернуть контрреволюционную борьбу.

Поддавшись разнузданной антисоветской пропаганде и на различные провокации, жители многих правобережных станиц, а также аулов Джегутинского, Воронцово-Карачаевского (Новый Карачай) и с. Георгиевско-Осетинского (Коста-Хетагурово) ушли в горы Большого Карачая и Теберды, где испытывали неимоверные трудности.

По приказу Врангеля общее руководство карачаево-казачьими бандами в середине сентября принял один из агентов Антанты бывший командир белогвардейской Черкесской дивизии адыгейский князь генерал-майор Султан Клыч-Гирей, переброшенный в Баталпашинский отдел из Грузии с группой белогвардейцев. Он привез с собой много денег и по указанию Врангеля и представителей Антанты стал создавать новые отряды для борьбы против Советской власти, которые образовали «фронт»

¹ ЦГАКА, ф. 317, оп. 1, д. 6, л. 30.

² ЦГАКА, ф. 192, оп. 4, д. 773, л. 32.

от ст. Кардоникской до г. Кисловодска. Этот «фронт», существовавший полтора месяца (до конца октября), врангелевцами громко именовался «Северо-Кавказским фронтом». Главнокомандующим «фронтом» был утвержден Султан Клыч-Гирей, начальником штаба — полковник Плотников, командирами отрядов — полковники Крымшамхалов, Крымшамхалов-Соколов, Ануфриев, Черный и Новосельцев.¹

✓ Остатки разбитых банд со всех концов шли в Карачай и присоединялись к бандам Султан Клыч-Гирея — Крымшамхалова. «Главкомандующий» регулярно извещал представителей Антанты и Врангеля о ходе антисоветской борьбы. 13 сентября он доносил французскому представителю, находившемуся в Тифлисе, о том, что количество «войск, на честность и надежность которых... можно рассчитывать, достигает до 7—7,5 тысячи».² На организацию этих банд Султан Клыч-Гирей потратил огромные суммы денег, которые в изобилии предоставлялись Антантой. В своем донесении от 26 сентября на имя Врангеля Клыч-Гирей сообщал, что им израсходовано до 300 млн. руб., и просил прислать еще 100 млн.³

Отряды Султан Клыч-Гирея и Крымшамхалова вместе с отрядами Хвостикова, турецкого агента Гоцинского (в сентябре поднявшего мятеж в горах Дагестана) и другими контрреволюционными силами, по плану Антанты должны были задушить Советскую власть на Северном Кавказе. Эти банды, снабжаемые и поддерживаемые Антантой и меньшевистской Грузией, представляли серьезную силу. Поэтому командование Красной Армии приняло своевременные меры к их ликвидации. Серго Орджоникидзе в своей телеграмме от 18 сентября на имя члена Реввоенсовета Кавказского фронта Трифонова требовал немедленного освобождения Карачая, ликвидировав авантюру карачаево-казацких верхов как можно быстрее.⁴ Для выполнения этой задачи в Карачай и нагорные станицы были направлены основные силы Левофланговой группы IX армии. Со стороны Урупа и Зеленчука наступали части 14-й дивизии, которые 12—15 сентября освободили от хвостиковцев Преградную, Сторожевую, Зеленчукскую и Кардоникскую.⁵ Со стороны Кисловодска в сторону аулов Хасаут и Кумско-Лоовского двигались части

¹ ЦГАКА, ф. 320, оп. 1, д. 21, лл. 5, 9.

² ЦГАКА, ф. 109, оп. 3, л. 291, л. 16.

³ Там же.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 11, д. 143, л. 1.

⁵ ЦГАКА, ф. 317, оп. 1, д. 9, лл. 67, 70, 138.

Пятигорского боевого участка во главе с Беленковичем, а по главному направлению — по Кубанскому ущелью — наступали части прославленной 12-й кавалерийской дивизии под командованием Лунева, которые в ожесточенных боях в районе Красногорской и Георгиевско-Осетинского разбили отборные белогвардейские отряды карачаевских, осетинских и казачьих верхов. Части 102-й пехотной бригады под командованием Фавицкого после ожесточенных боев 21 сентября заняли сел. Георгиевско-Осетинское, а 23 сентября — а. Каменномост, важный стратегический пункт.¹

Трудящиеся радушно встречали советских воинов-освободителей. В некоторых населенных пунктах были организованы отряды самообороны, которые оказывали помощь Красной Армии. Так, самооборона ст. Преградской, состоявшая из 600 вооруженных жителей, освободила станцию от хвостиковских банд еще до прихода частей 14-й дивизии.²

Среди карачаевских аулов наиболее революционным был Каменномост, названный Хвостиковым «Красным Каменномостом». При приближении частей 102-й бригады трудящиеся аула, возглавляемые Курман-Али Курджиевым, выслали делегатов «с заявлением о сочувствии Советской власти».³ По сообщению штаба 12-й дивизии, каменномостцы, будучи твердыми сторонниками власти Советов, не выполнили требование Султан Клыч-Гирея и Крымшамхалова о проведении мобилизации и предоставлении их частям продовольствия и фуража. Более того, для борьбы с бандами они сформировали отряд из 60 человек во главе с «Советом пяти», руководимый К. Курджиевым.⁴ Трудящиеся Каменномоста сыграли значительную роль в разгроме карачаево-казачьих банд осенью 1920 года, «проявив огромную революционную решимость в подавлении контрреволюционного восстания генерала Клыч-Гирея».⁵ Позже, в 1933-м, руководитель каменномостцев, один из организаторов карачаевской бедноты, Курман-Али Алиевич Курджиев за боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени.

После поражения под Георгиевско-Осетинским остатки банд отступили по Кубанскому, Тебердинскому и Маринскому ущель-

¹ ЦГАКА, ф. 317, оп. 1, д. 9, лл. 191, 229.

² Там же, л. 67.

³ ЦГАКА, ф. 192, оп. 2, д. 836, л. 5.

⁴ ЦГАКА, ф. 317, оп. 1, д. 21, л. 51.

⁵ Г. Апресян. От повстанческих отрядов к Красной Армии. Жур. «Революция и горец» (Ростов-на-Дону), 1933, № 10—12, стр. 127.

ям, заняли оборону в труднодоступной горной местности и приступили к перегруппировке своих сил. Командующий «Карачаевской армией» (несуществующей) полковник Крымшамхалов лично побывал во всех горных карачаевских аулах, проводил антинародные мероприятия. Он вместе с Султан Клыч-Гиреем посылал приказы с требованием немедленно собрать в аулах «по одному человеку с дома, способного носить оружие».¹ Карательные отряды, созданные из контрреволюционных элементов, насильно мобилизовали людей.² А

Таким образом были созданы новые контрреволюционные отряды под командованием белогвардейских офицеров. Создавались новые отряды также из беженцев — жителей станиц Бекешевской, Боргустанской, Суворовской, Усть-Джегутинской, Красногорской (только в местности Буруш-Сырты в районе Теберды скопилось около четырех тысяч подвод с беженцами).³ В Карачай шли также остатки белоказачьих банд из Баталпашинского, Пятигорского, Лабинского отделов и других мест. В составе частей Султан Клыч-Гирея были даже донские казаки. Все эти банды, объединившись, составили довольно значительную военную силу, поддерживаемую Антантой и меньшевистской Грузией, откуда шло оружие и боеприпасы.⁴

Однако тыл белогвардейцев был слабым. Трудовые карачаевцы не желали воевать против своей Советской власти, убегали в леса, коши, отказывались давать бандам продовольствие и т. д. Но карательные отряды и военные комиссии не только мобилизовывали людей, а и насильно забирали скот, хлеб, масло для нужд банд. «Верховный Совет обороны Карачая», созданный при штабе Крымшамхалова из помещичье-кулацких верхов во главе с коннозаводчиком Кеккезом Узденовым и муллой Токал-Хаджи Каракетовым, руководил грабежом. Положение трудящихся резко ухудшилось. Им не хватало хлеба и предметов первой необходимости; не хватало фуража для скота, который стал погибать от бескормицы.

Трудящиеся Карачая, руководимые большевиками, стали все активнее выступать против белогвардейцев, принесших народу неисчислимые бедствия. Они выступали против крымшамхаловщины, выражали свои симпатии к Советской власти. В переданном С. М. Кирову постановлении, принятом 15 сентября 1920 г.

¹ ЦГАКА, ф. 317, оп. 1, д. 22, л. 51.

² ЦГАКА, ф. 320, оп. 1, д. 9, л. 11.

³ ЦГАКА, ф. 192, оп. 2, д. 836, л. 5.

⁴ ЦГАКА, ф. 320, оп. 1, д. 9, л. 11.

на собрании 500 карачаевцев, находившихся на кошах в районе Кисловодска, говорилось: «Давно стремившиеся к Советской власти и свободе... мы, свободолюбивые горцы-карачаевцы, получив ее с помощью Красной Армии, поддерживаем Советскую власть и готовы умереть за нее до единого».¹

Было ясно, что трудовые карачаевцы вовлечены в белогвардейскую авантюру путем насилия и обмана. Поэтому В. И. Ленин обратился с воззванием к карачаевским трудящимся, призывая их к борьбе против врагов трудящихся — белогвардейцев. Согласно указаниям В. И. Ленина, а также С. М. Кирова и С. Орджоникидзе, кубанские большевики приняли все меры к ликвидации возникшего в горах Карачая опасного контрреволюционного очага путем организации карачаевских трудящихся на борьбу против белогвардейских офицерско-кулацких банд. Эта миссия была возложена на военного комиссара Левофланговой группы IX Кубанской армии И. Б. Шевцова, опытного партийного работника, сумевшего с честью выполнить поручение партии.

В конце сентября 1920 г. И. Шевцов выехал из Армавира в Карачай. «Отпечатав ночью три тысячи экземпляров воззваний к карачаевцам за подписью Ленина и Калинина,— пишет Шевцов,— я выехал в Кисловодск».² С помощью пятигорской и кисловодской партийных организаций он при активном участии командующего Пятигорским боевым участком А. Беленковича и председателя горского отдела Кисловодского ревкома, делегата съезда народов Востока Наны Токова провел ряд совещаний и конференций представителей карачаевского народа.⁴

Газета «Горская беднота» сообщала, что 9 сентября 1920 г. в Пятигорске состоялась конференция горцев-карачаевцев, которая прошла под лозунгом: «Долой белые банды, да здравствует Советская власть!». «Члены конференции,— писалось в корреспонденции,— выражали единодушное желание поскорее кончить с врагами трудового народа, прекратить навязанную нам гражданскую войну и перейти к мирному творческому труду. Все члены конференции, как один, обещали принять все меры для уничтожения бело-зеленых банд, бродящих по склонам гор, нападающих на беззащитных граждан».³

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 4, д. 70, л. 16.

² И. Шевцов. В 1920 году. В кн. «Незабываемые годы». Ставрополь, 1960, стр. 204.

³ «Горская беднота» (орган Терского обкома РКП(б) (Владикавказ), 1920, 28 октября.

Делегаты конференции во главе с Наны Токовым, вернувшись в Карачай, провели большую работу среди трудящихся, разъясняя политику Советской власти и разоблачая врагов этой власти в Карачае, пугавших народ тем, что Красная Армия якобы отомстит карачаевцам за гибель отряда Черемухина, отберет имущество, сожжет аулы и т. д. Они доказывали вздорность подобных провокационных слухов и разъясняли массам, что Красная Армия пришла в горы Карачая освобождать трудящихся от ига белобандитов и помочь горцам приступить к мирной жизни.

Обманутые массы стали требовать восстановления Советской власти. В постановлении, принятом на совещании представителей аулов Карачая, проходившем в Учкулане под руководством Н. Токова, говорилось: «...Отсылку делегатов в Кисловодск считаем необходимой для улажения и разъяснения возникшего конфликта».¹

Баталпашинские большевики, в том числе большевики Карачая во главе с С. Халиловым, вели активную подпольную работу, разлагая тыл крымшамхаловцев и готовя массы к восстанию против белогвардейских карачаево-казачьих банд. В сентябре 1920 г., в период ожесточенной борьбы с белогвардейскими бандами, в ауле Верхняя Теберда С. Халиловым была создана первая коммунистическая ячейка в Карачае из наиболее активных членов большевистской подпольной группы в составе Саида Халилова, Мудалифа Урусова, Исмаила Байкулова, Магомета Батчаева, Махсута Халилова и Адимджашара Батдыева.² Эта ячейка организационно была оформлена в день третьей годовщины Октябрьской революции — 7 ноября 1920 г.³ Она сыграла большую роль в организации трудящихся на борьбу за восстановление и упрочение Советской власти в Карачае.

В результате огромной работы, проделанной кубанскими и терскими большевиками, карачаевские трудящиеся стали решительно выступать против кулацко-мулльских элементов, отказываться воевать за интересы крымшамхаловых и султан-гиреев. 16 октября 1920 г. заместитель начальника Политотдела IX армии писатель Дмитрий Фурманов отмечал, что в рядах банд, действующих в Карачае, замечается полнейшая дезорганизация.⁴ В своем письме к Крымшамхалову генерал Хвостиков писал: «Жители Даута задерживают без причины моих людей, направ-

¹ ЦГАКА, ф. 192, оп. 1, д. 173, л. 23.

² Воспоминания члена КПСС с 1918 года Л. Э. Бутте-Батчаевой.

³ «Горская жизнь», 1924, 7 ноября.

⁴ ЦГАКА, ф. 192, оп. 2, д. 836, л. 6.

ляемых в Сухум, и на все мои мирные предложения ничего не отвечают... Комбинируя все происходящее, я прихожу к заключению, что карачаевцы не только не помогают мне, но вредят и мешают работе... Я изнемогаю в боях, а горцы сидят за моей спиной и только наблюдают. Им нравятся коммунисты».¹

Трудящиеся аулов посылали делегатов к штабам советских войск, переходили на территорию, занятую частями Красной Армии, которые проявляли исключительную чуткость и заботу о карачаевских трудящихся. По сообщению штаба Левофланговой группы, «1 октября из аула Нижняя Мара ...в штаб 119-го полка прибыли делегаты с предложением сдать имеющееся у них оружие» и выразили готовность бороться против контрреволюции.²

Уполномоченный Реввоенсовета комиссар И. Шевцов сообщал Реввоенсовету IX армии, что карачаевцы симпатизируют Советской власти.³ В результате большой политической работы большевиков Крымшамхалов, Султан-Гирей и другие белогвардейцы были изолированы от масс и всякие попытки расширения бандитизма парализованы. Представители народа во главе с Наны Токовым сообщали советскому командованию о желании трудящихся бороться против белых банд. 27 октября 1920 г. в ст. Красногорской были подписаны условия мирного соглашения, утвержденные 28 октября Реввоенсоветом Кавказского фронта.⁴

По условиям этого соглашения карачаевцы в семидневный срок должны были очистить территорию Карачая от банд и восстановить Советскую власть. Насильно мобилизованные горские крестьяне громили банды, не желавшие сдаваться Советской власти, и расходились по домам, приступая к мирной жизни. Только немногим белогвардейцам удалось спастись бегством. Главари белых банд Крымшамхалов и Султан Клыч-Гирей вместе с группой отъявленных контрреволюционеров ушли через Клухорский перевал в Грузию, куда они заранее отправили 300 голов крупного рогатого скота якобы в обмен на боеприпасы.⁵

Чрезвычайный съезд представителей карачаевского народа, созванный 11 ноября в Учкулане и проходивший под руководством уполномоченного Наркомнаца Умара Алиева, высказался

¹ «Горская беднота» (Владикавказ), 1920, 26 сентября.

² ЦГАКА, ф. 317, оп. 1, д. 20, л. 117.

³ ЦГАКА, ф. 192, оп. 1, д. 177, л. 127.

⁴ ЦГАКА, ф. 192, оп. 1, д. 211, л. 155.

⁵ ЦГАКА, ф. 109, оп. 3, д. 295, л. 18.

за всемерную поддержку Советской власти и избрал делегатов на съезд народов Терека.¹

Пробывшая в Карачае месяц военно-гражданская контрольная комиссия во главе с И. Шевцовым проделала большую работу по оказанию помощи трудящимся в укреплении Советской власти. Трудовым карачаевцам, испытывавшим большие материальные трудности, по ходатайству комиссии было выдано 3 вагона муки, много соли и керосина. А карачаевский народ, писал И. Шевцов, в знак благодарности Реввоенсовету за бескровное улажение возникшего конфликта подарил IX армии 350 голов крупного рогатого скота, 350 бурок, одну тысячу шапок.² В своей телеграмме Реввоенсовету IX армии И. Шевцов сообщал, что карачаевцы выполнили все условия соглашения «за исключением выдачи Крымшамхалова и Султан-Гирея, последние до приезда делегатов Карачая из Красногорской бежали в Грузию. Весь Карачай очищен от бело-зеленых банд. В аулах организованы ревкомы, назначен общекарачаевский ревком... назначен военком... Съезд Карачая приветствует героическую Красную Армию, клянется всеми силами поддерживать Советскую власть».³

С разгромом белогвардейских отрядов Хвостикова, Султан Клыч-Гирея, Крымшамхалова и других территория Баталпашинского отдела была в основном очищена от банд, хотя борьба с бандитами продолжалась еще несколько лет. От рук этих бандитов погибли Саид Халилов, Канамат Халкечев, Аскерби Карабашев, Иван Демиденко и другие активные борцы за Советскую власть в Карачае и Черкесии.

Трудящиеся Баталпашинского отдела, борясь за упрочение Советской власти, принимали активное участие в борьбе против врагов в других районах Советской республики. Многие из них героически сражались против Колчака, Деникина, Врангеля, белополяков, борясь бок о бок вместе с представителями других народов нашей страны.

Всю гражданскую войну прошли в боях коммунисты Я. Балахонов, Г. Чучулин, И. Пузырев, И. Бережной, А. Чайка, Г. Балацкий, П. Окружко, Г. Занченко, К. Темирязев, А. Карабашев, К. Шанов, П. Петровский, М. Милашова, А. Доценко и многие другие славные сыны и дочери народов Карачаево-Черкесии.

В 1920 г. много баталпашинцев участвовало на польском и врангелевском фронтах. Газета «Баталпашинская правда» сооб-

¹ Умар Алиев. Карачай, Ростов-на-Дону, 1927, стр. 149.

² ЦГАКА, ф. 192, оп. 1, д. 211, л. 192.

³ Там же.

шала, что в день объявления в отделе первой мобилизации в Красную Армию — 7 июля 1920 г. — в центр отдела организованно прибыли многие сотни крестьян, казаков, горцев и настойчиво просили отправить их на польский фронт.¹

За отличие в боях с врагами многие сыны народов Баталпашинского отдела были награждены орденами и почетным революционным оружием. Прославленный полководец Красной Армии герой гражданской войны Я. Ф. Балахонов, который осенью 1920 г. командовал 5-й Кубанской кавалерийской дивизией, за большой героизм, проявленный в борьбе против Врангеля, был награжден двумя орденами Красного Знамени и золотой шашкой.²

Усилиями всего советского народа, возглавляемого Коммунистической партией, были одержаны блестящие победы над объединенными силами контрреволюции. В октябре—ноябре 1920 г. Красная Армия завершила разгром белополяков и Врангеля. С разгромом третьего похода Антанты закончился в основном период интервенции и гражданской войны в нашей стране. Советский народ, его славная Красная Армия под руководством Коммунистической партии одержали всемирно-историческую победу. Сбылись пророческие слова великого Ленина, который еще в разгар гражданской войны заявил: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».³

Решающим условием победы советского народа и его Красной Армии в суровые годы гражданской войны было руководство Коммунистической партии, которая сумела организовать трудящихся всех национальностей России на борьбу против врагов Советской власти. «И только благодаря тому,— говорил В. И. Ленин,— что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек, шли десятки, сотни, тысячи, и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные

¹ «Баталпашинская правда», 1920, 9 июля.

² Н. Я. Балахонов. Страницы из жизни Якова Балахонова, стр. 63—64.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.

жертвы были принесены,—только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двухкратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить».¹

Одной из основных причин победы Советской республики над белогвардейцами и интервентами являлось то, что благодаря правильной ленинской политике нашей партии в огне гражданской войны сложился и окреп военно-политический союз рабочего класса и крестьянства, укрепились дружба народов нашей страны. Трудящиеся под руководством партии коммунистов сражались плечом к плечу, отстаивая великие завоевания Октябрьской революции.

Значительный вклад в дело победы над белогвардейцами и интервентами внесли и трудящиеся Кавказа, в том числе Карачая и Черкесии. Они под руководством Коммунистической партии и при огромной братской помощи великого русского народа в ожесточенной борьбе отстояли и укрепили завоевания Октябрьской революции.

С осени 1920 г. Советская республика приступила к мирному социалистическому строительству. К созидательному труду вместе с другими народами приступили и трудящиеся Карачая и Черкесии, которые под руководством Коммунистической партии, при постоянной помощи великого русского народа начали успешно строить новую жизнь.

В докладе Комиссии по национальному и колониальному вопросам для II конгресса Интернационала в июле 1920 г. В. И. Ленин подчеркивал, что отсталые страны, освободившиеся от национального гнета и ставшие на путь советского развития, несмотря на свою отсталость, могут перейти к социализму. «С помощью пролетариата передовых стран,—говорил Владимир Ильич,—отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».² В нашей стране эту помощь ранее отсталым народам оказывали русский пролетариат и его партия.

В. И. Ленин, исходя из программы партии по национальному вопросу, разработал принципы государственного устройства национальных окраин России и определил способы вовлечения их в русло советского строительства. Владимир Ильич неодно-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 240.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

кратно подчеркивал, что советский строй может окончательно победить только при подлинном равноправии всех национальностей. В. И. Ленин беспощадно бичевал малейшее проявление недоверия к той или иной нации, считая, что «нет вещи хуже, чем недоверие нации».¹

В. И. Ленин, ЦК РКП(б) много внимания уделяли, в частности, восточным народам России, значительно отставшим в своем развитии. ЦК РКП(б) и Исполком Коминтерна в начале сентября созвали в Баку I съезд народов Востока, в работе которого принимали участие и представители кавказских горцев Умар Алиев, Джалаля Коркмасов и др. Этот съезд имел важнейшее значение для упрочения Советской власти в районах России, населенных восточными народами, а также для мобилизации революционных сил народов Востока на борьбу против империализма и его агентуры на Кавказе.

В октябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) обсудило вопрос «О задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами», и, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, приняло решение, в котором говорилось: «Признать необходимым проведение в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах, для тех восточных национальностей, которые еще не имеют автономных учреждений».²

Исходя из этого решения, Кавбюро ЦК РКП(б) во главе с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым начало подготовку к проведению съездов северокавказских народов. Эти съезды должны были принять решения об устройстве горских областей Кавказа. В конце октября 1920 г. этот вопрос обсуждался на краевом совещании коммунистических организаций Кавказа и Дона, наметившего задачи партийного и советского строительства. В период подготовки и проведения съездов горских народов Орджоникидзе и Кирову оказывал помощь делегат II конгресса Коминтерна Умар Алиев.³ 11 августа 1920 г. по окончании работы конгресса он был направлен на Кавказ уполномоченным Народного Комиссариата по делам национальностей, как указано в его мандате, «с полномочиями на организацию горских отделов при местных органах Советской власти, для информации и установления связи с центром».⁴

17 ноября 1920 г. во Владикавказе открылся съезд народов

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 161.

² «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2, стр. 17.

³ ЦГАОР, ф. 5145, оп. 14, д. 26, л. 3.

⁴ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, л. 394, л. 8.

Терской области, проходивший под руководством Орджоникидзе и Кирова. На этом съезде, в работе которого принимала участие и карачаевская делегация во главе с У. Алиевым, была провозглашена Горская Автономная Советская Республика. В состав этой республики входили шесть национальных округов — Чечня, Ингушетия, Осетия, Кабарда, Балкария, Карачай. Тогда же была провозглашена и Дагестанская Автономная Советская Республика. Горцы за свою долгую историю впервые получили автономию из рук Коммунистической партии. Предоставление автономии горцам еще теснее связало их с Советской Россией, с великим русским народом.

Приказ об образовании Карачаевского округа, куда входили кубанская и терская части Карачая, был издан 19 ноября 1920 г. По рекомендации С. Кирова и С. Орджоникидзе председателем Карачаевского окружного ревкома был назначен Умар Алиев. 19 ноября по его представлению Терский обком РКП(б) принял решение о создании Карачаевского оргбюро РКП(б), во главе которого стал У. Алиев.¹ Оргбюро РКП(б) и окружной ревком проделали большую работу по восстановлению и развитию хозяйства и культуры горцев. Весной 1921 г. в Карачае был разрешен земельный вопрос. Трудящиеся Карачая получили из рук Советской власти десятки тысяч десятин плодородной земли, где образовалось много новых аулов (Учкекен, Терезе, Сары-Тюз и т. д.)

Черкесы, абазинцы и ногайцы до начала 1922 г. продолжали находиться в составе Баталпашинского отдела Кубанской области. С помощью русского народа они достигли больших успехов в развитии своей экономики и культуры.

С давних времен черкесы, абазинцы, ногайцы и карачаевцы, а также русские, проживавшие в Баталпашинском отделе, находились в тесных экономических и культурных связях. Историческая, экономическая и культурная общность этих народов требовала их объединения в одну административно-территориальную единицу. Трудящиеся Карачая и Черкесии послали в Москву делегацию во главе с Умаром Алиевым с просьбой образовать объединенную Карачаево-Черкесскую автономную область. Делегация была принята В. И. Лениным, который внимательно следил за процессом развития советских автономий. Он одобрил желание трудящихся об образовании автономии карачаевского и черкесского народов. По предложению В. И. Ленина ВЦИК

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 65, оп. 1, д. 2, л. 10.

12 января 1922 г. издал декрет об образовании объединенной Карачаево-Черкесской автономной области.

Так, в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции ранее угнетенные народы Карачая и Черкесии получили свободу, равноправие и автономию из рук русского рабочего класса и его славной большевистской партии. Советский строй открыл им широкие возможности для развития своей экономики и культуры. «Вот если бы,— говорил столетний черкес-старик,— запрудили эту горную речку, куда бы пошла вода? Она бы теснилась, бурлила, билась бы о берега и стонала. Вот так было с нашим народом. Мы, в прошлом бедные горцы, всю жизнь прожили запруженными. И вот пришел к нам большой человек Ленин и открыл в реке запруженное место. Вода хлынула большим потоком и пошла свободно, вольно и радостно...»¹

✓ Упорная и длительная борьба народов нашей страны за победу Советской власти завершилась успешно. Советские люди под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным наголову разбили объединенные силы внутренней и внешней контрреволюции и завоевали возможность строить социализм и коммунизм.

За годы Советской власти преобразовалась Карачаево-Черкесия. Народы, населяющие ее, ныне в единой братской семье народов Советского Союза строят коммунистическое общество, о котором много сотен лет мечтали люди труда.

Карачаевцы, черкесы, абазинцы, ногайцы, как и другие ранее угнетенные народы, достигли высокого развития благодаря мудрому руководству Коммунистической партии и братской помощи народов СССР, в первую очередь русского народа. Ленинская партия особое внимание уделяла поднятию экономики и культуры ранее отсталых народов, какими были и горцы Кавказа. В марте 1921 г. X съезд партии разработал конкретные меры по ликвидации фактического неравенства народов нашей страны. Съезд выдвинул задачу — «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию».²

Центральный комитет партии во главе с В. И. Лениным постоянно оказывал помощь народам Кавказа в ликвидации отсталости, в развитии их экономики и культуры. В. И. Ленин много занимался конкретными вопросами развития экономики и культуры горских народов, в том числе народов Карачаево-Черкесии.

¹ А. Победоносцев. Черкесия. М., 1940, стр. 48.

² КПСС в резолюциях... стр. 559.

руссии с Советской Украиной и Белоруссией. Характерная особенность этого периода — дальнейшее укрепление Советского Союза, социально-экономического единства советских народов, усиление притягательной силы идей социализма, торжество ленинской национальной политики. Ныне в состав СССР входят 15 союзных и 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 национальных округов.

Исходя из вышеизложенного, можно установить общую закономерность становления и развития национальной государственности народов СССР. Для довоенного периода основная закономерность развития национальной государственности заключалась в том, что с углублением социалистических преобразований, укреплением социалистической экономики, ростом политической активности и культурного уровня трудящихся происходило дальнейшее совершенствование национальной государственности и восхождение от ее низших форм к высшим.

Для современного этапа коммунистического строительства характерно дальнейшее совершенствование форм национальной государственности, расширение прав союзных и автономных республик. По содержанию деятельности ныне национальная государственность все больше и больше приобретает интернациональный характер. Этому в значительной мере способствуют миграция и интернационализация населения, интернационализация экономики и все расширяющиеся многосторонние связи между всеми народами. В принципе и ныне возможен переход от низшей к более высшей форме автономной организации. Но эта возможность еще не является закономерностью.

✓ В деятельности партийных организаций занимала большое место проблема разрешения национального вопроса и интернационального воспитания трудящихся. В феврале 1919 г. на съезде ингушей в Базоркино Г. Орджоникидзе говорил о необходимости создания автономии горских народов, всемерного укрепления местных органов власти. Как только закончилась гражданская война, повсеместно ревкомы заменялись советами. Принимались меры по вовлечению представителей горской и казачьей бедноты в государственное строительство.

17 ноября 1920 г. во Владикавказе открылся съезд народов Терека, который обсудил вопрос об образовании Горской автономной республики. По количеству делегатов (500) и их национальному составу съезд явился крупным политическим событием, сыгравшим значительную роль в консолидации сил трудящихся Северного Кавказа. Работа съезда проходила под знаком

пролетарского интернационализма и дружбы народов. В своем выступлении Г. Орджоникидзе подчеркнул, что русские рабочие и крестьяне, которые свергли самодержавие и контрреволюцию, являются друзьями и братьями горцев, что союз с рабочими и крестьянами России скреплен кровью, здесь пролитой лучшими сынами и русских и горцев в борьбе за одно и то же дело.¹

Главный итог работы съезда — решение о создании Горской автономной социалистической республики. Каждая национальная фракция выделила одного представителя для поездки в Москву с целью решения вопросов, связанных с образованием автономии горских народов. В состав делегации вошли: от казаков — Тимашевский, чеченцев — Т. Эльдерханов, кабардинцев — Н. Катханов, осетин — С. Мамсуров, балкарцев — М. Энеев, карачаевцев — У. Алиев, горских евреев — Вениаминов.² Делегаты выразили глубокую благодарность партии и В. И. Ленину за справедливую политику по отношению к народам Терека и подчеркнули, что автономия еще больше скрепит узы братства, связывающие трудовые массы Терской области и Советской России.³ Они поклялись от имени горской бедноты и всего трудового населения области до последней капли крови бороться за Советскую власть, за красное знамя и за великие идеалы социальной революции.⁴

Избранная на съезде народов Терека делегация совместно с центральными органами проделала всю подготовительную работу, необходимую для создания автономии. В январе 1921 г. Постановлением ВЦИК была образована Горская автономная советская социалистическая республика в составе РСФСР.

Конституция Горской республики торжественно провозглашала, что ГАССР является неотъемлемой составной частью Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, великой семьи содружества свободных, равноправных народов. Тем самым было подчеркнуто значение интернационального объединения трудящихся вокруг Советов и Коммунистической партии. Это положение конституции вместе с тем разоблачало грубые измышления националистов, утверждавших, что ГАССР — результат насильственного объединения народов, и пророчивших ее неминуемую гибель.

Горская республика состояла из шести округов — Чеченского,

¹ СООПА, ф. 1849, оп. 1, ед. хр. 36, л. 9.

² Там же, л. 21.

³ Там же, л. 33.

⁴ СООПА, ф. 1849, оп. 1, ед. хр. 36, л. 21.

Назрановского (Ингушетия), Владикавказского (Осетия), Кабардинского, Балкарского и Карачаевского (в то время Черкесия продолжала находиться в составе Баталпашинского отдела Кубанской области).

ГАССР являлась политической автономией. Ее высшим законодательным органом был съезд Советов, а между съездами ЦИК. Совнарком являлся высшим исполнительным и распорядительным органом. Для управления делами ГАССР учреждались народные комиссариаты — внутренних дел, финансов, юстиции, просвещения, здравоохранения, земледелия, социального обеспечения и т. д.

✓ Государственное устройство Горской республики являлось демократическим. Съезд Советов и ЦИК представляли многонациональное население Северного Кавказа. Эти органы были выборными и подотчетными. Население имело право отозвать любого депутата, не оправдавшего доверие избирателей. ГорЦИК избирался в составе не более 75 человек и был постоянно действующим органом. Он нес ответственность как перед избирателями, так и перед высшими органами РСФСР.

Избирательная система Горской республики также была демократической, отражавшей интересы трудящихся. Правом избирать и быть избранным в Советы пользовались все граждане (в возрасте старше 18 лет), независимо от вероисповедания, национальности, оседлости. Лишались избирательных прав только те, кто пользовался наемным трудом и жил на нетрудовые доходы. Горянки впервые в истории получили право избирать и быть избранными во все органы власти.

Интересы Горской республики при Наркомнаце выражало ее представительство (оно было создано 1 марта 1921 г.), которое ставило перед Советским правительством вопросы экономического и культурного строительства. Представительство способствовало сближению народов Северного Кавказа с другими национальностями, собирало и разрабатывало все сведения о жизни и нуждах Горской республики, участвовало в выработке документов, декретов, положений, мероприятий, которые касались автономии и ее народностей.¹ Работа представительства проходила под руководством Наркомнаца (оно находилось на правах отдела Наркомнаца) и ГорЦИКа. Деятельность представительства была подчинена укреплению интернациональной дружбы трудящихся республики со всеми народами нашей страны.

¹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, ед. хр. 830, л. 35.

Проблема национальных отношений получила дальнейшее развитие в решениях X съезда партии. В резолюциях съезда указывалось, что задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке... для ускоренной подготовки местных кадров — квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения.¹

Съезд также уделил большое внимание преодолению националистических предрассудков, борьбе с различными уклонами в национальном строительстве. Он осудил оба уклона в национальном вопросе — великодержавный и местный, — как «вредные и опасные для дела коммунизма», и указал на «особую опасность и особый вред первого уклона — уклона в сторону великодержавности и колонизаторства».² Призывая партию к решительной борьбе с националистическими пережитками, съезд указал на необходимость чуткого, внимательного отношения к интересам каждой нации, национальному чувству, психологии и быту.

Выполнение решений X съезда партии в Горской республике легло на плечи немногочисленной партийной организации. По состоянию на 1 августа 1920 г. в составе партийных организаций Терской области имелось 263 первичные партийные организации, в том числе 111 городских и 152 сельские.³ В областной партийной организации насчитывалось 4863 коммуниста, из них 2808 членов и 2055 кандидатов в члены партии.⁴ Несмотря на некоторый рост, партийные организации оставались малочисленными. В большинстве станиц и аулов их вовсе не было. Низкий идейно-теоретический и политический уровень некоторой части коммунистов порождал серьезные трудности в работе. Городские партийные организации оказывали значительную помощь сельским

¹ КПСС в резолюциях... ч. 1, стр. 559.

² Там же, стр. 562.

³ СООПА, ф. 1849, оп. 1, ед. хр. 44, л. 29.

⁴ Там же.

и налаживании массово-политической работы среди населения, разрешении аграрного вопроса, строительстве новой жизни. Своей беззаветной преданностью идеям коммунизма и самоотверженной борьбой коммунисты завоевали доверие трудящихся масс.

Трудности и особенности партийного строительства в национальных районах Северного Кавказа заключались в малочисленности пролетариата, сильном влиянии мусульманского духовенства на массы, переплетении националистических, сословных и других пережитков. Но тщательный учет специфических особенностей горской действительности, гибкость проведения тех или иных мероприятий, последовательная защита интересов трудящихся обеспечивали немногочисленной партийной организации успех в работе.

В феврале 1921 г. состоялась II Терская областная партийная конференция, уделившая большое внимание проблемам национально-государственного строительства и интернационального воспитания трудящихся. Она расценила образование Горской республики «как акт крупной политической важности... как фактор национально-культурного возрождения и освобождения от исторических и экономических условий угнетения, отсталости... теснейшего объединения горских трудовых масс между собой и с российским рабочим классом».¹

Конференция сконцентрировала внимание коммунистов на процессе расслоения деревни, объединении бедноты вокруг Советской власти, воспитании масс «в духе борьбы с националистическими, религиозными и буржуазно-демократическими тенденциями» и создании таким образом подлинно организованной опоры Советской власти.²

Конференция прошла под знаком интернационализма и призвала коммунистов к необходимости «соблюдения строгого единства, согласованности и твердости в проведении поставленной политической линии всеми советскими органами ГАССР».³

Важное принципиальное значение имело решение конференции об учете исторических особенностей развития каждого народа в проведении социалистических преобразований. «Принимая во внимание,— говорилось в резолюции,— сложность обстановки горской среды и наличие особенных бытовых и религиозных условий, конференция настоятельно рекомендует планомерность и

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, ед. хр. 282, л. 2.

² Там же

³ Там же.

сугубую осторожность в проведении классовой политики ГАССР, категорически отвергая, случайность и непреодолимую прямолинейность подхода к горской деревне».¹

└ Значение конференции заключалось в том, что она с учетом ленинских указаний и общепартийных установок выработала правильную линию деятельности партийных организаций. Ее решения сыграли важную роль в повышении политической бдительности трудящихся, разоблачении происков классового врага и консолидации трудового горского крестьянства вокруг задач хозяйственного и культурного возрождения края. При этом особое внимание обращалось на скорейшее восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства.└

На Северном Кавказе серьезным тормозом интернационального воспитания трудящихся являлись различного рода националистические пережитки. Они прежде всего выражались в стремлении остатков свергнутых классов законсервировать отсталый горский быт, в идеализации прошлого, поощрении национальной замкнутости, ограниченности, разжигании национализма и национального эгоизма.

✓Первая Горская областная партийная конференция, состоявшаяся в апреле 1921 г., дала решительный отпор сепаратистским тенденциям местных националистов и мусульманского духовенства. После тщательного обсуждения проблем строительства национальных округов, установления правильных границ между народностями конференция решила, что «выделение административных единиц должно проводиться по территориально-национальному признаку, на основе экономического тяготения и в связи с разрешением земельного вопроса».² При этом конференция исходила из указания В. И. Ленина о том, что в национально-государственном строительстве нельзя становиться только на национальную почву, что нельзя не учитывать такие моменты, как территориальная целостность, единая экономическая жизнь, что, например, нельзя отрывать города от тяготеющих к ним национальных районов.

Национально-территориальный принцип являлся основным и главным в определении границ той или иной автономии. Поэтому в резолюции первой Горской областной партийной конференции указывалось, что «персонально-национальная постановка вопросов приведет к развитию объективно-реакционного национализма и сепаратизма, чреватых национальными трениями и столк-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, ед. хр. 282, л. 2.

² Там же.

повениями. Поэтому механическое выделение, как метод приближения советского аппарата к массам, должен быть категорически отброшен.¹

Данное положение явилось основополагающим при создании и укреплении национальных округов внутри Горской республики. В свою очередь административное деление республики было подчинено задачам экономического и культурного строительства, интернационального объединения и братского сотрудничества народов.

Горская республика просуществовала недолго. Однако она сумела проделать значительную работу по установлению национального мира и возрождению народного хозяйства края.

В годы гражданской войны производительные силы Северного Кавказа были подорваны. Например, до революции с территории, занимаемой Горской республикой, вывозилось до 15 млн. п. зерна, а в 1921 г. ГАССР превратилась в потребляющую область.² В ходе войны было разрушено до 30 аулов, города пострадали на 50%.³

Трудящиеся республики начали восстановление народного хозяйства с разрешения аграрного вопроса. После революции началась конфискация помещичьей земли, ликвидация крупного землевладения. Земли горской и казачьей верхушки передавались крестьянам. Во всех округах начались землеустроительные работы. Партийные и советские органы проделали большую подготовительную работу по переселению части крестьян с гор на плоскость.

В восстановлении хозяйства республики важную роль сыграли взаимопомощь и братское сотрудничество советских народов. С 1 марта по 1 ноября 1921 г. горцы получили 15 вагонов мануфактуры, 197 ящиков медикаментов и т. д.⁴ В 1922 г. Советское правительство предоставило ГАССР кредит на сумму 10 млн. руб. и отпустило 25 тыс. п. семенной кукурузы.⁵ Когда в 1922 — 1923 гг. хозяйство Осетии сильно пострадало от землетрясения, то ЦИК выделил ей более 28 тыс. руб. золотом.⁶ Братская помощь явилась одним из решающих факторов восстановления и дальнейшего развития производительных сил республики.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, ед. хр. 282, л. 2.

² «Жизнь национальностей», 1923, № 1, стр. 99.

³ ЦГАОР, ф. 1318, д. 256, л. 162.

⁴ ЦГАОР, ф. 1318, д. 256, л. 162.

⁵ Там же, л. 163.

⁶ Там же.

В период существования ГАССР было положено начало культурной революции. В 1921 г. в республике работало 312 школ 1-й ступени и 37 — 2-й ступени, в которых соответственно обучалось 30,2 тыс. и 1,7 тыс. учеников.¹ В 30 детских домах содержалось около 3 тыс. детей. В наиболее крупном промышленном центре — во Владикавказе — функционировало 10 детских домов с 1140 детьми.²

Предметом постоянной заботы партийных организаций являлась подготовка кадров национальной интеллигенции. С этой целью во Владикавказе было открыто 3 техникума, организовано 14 краткосрочных курсов на 1300 человек. В 1920 г. стал работать институт народного образования.³

Постепенно налаживалась деятельность медицинских и культурно-просветительных учреждений.

В феврале 1923 г. состоялась первая сессия ГорЦИКа третьего созыва. Сессия подвела первые итоги хозяйственного и государственного строительства в республике, наметила очередные задачи социалистических преобразований. Она отметила возросшую политическую активность трудящихся, обострение классовой борьбы в деревне, все еще имеющие место национальные трения на почве земельного голода и хозяйственных неурядиц. Съезд дал положительную оценку деятельности ГорЦИКа, Наркомнаца, Наркомпроса и других органов власти.

Сессия избрала президиум ГорЦИКа в составе пяти человек: И. Зязикова, С. Мамсурова, Измаилова, Носова, Авсарагова. Президиум избрал председателем И. Зязикова, заместителем председателя Авсарагова и политическим секретарем Измаилова.⁴

Сессия также образовала Совнарком республики во главе с С. Мамсуровым. Наркомом внутренних дел был назначен Авсарагов, юстиции — Дзедзиев, продовольствия — Бутаев, земледелия — Мальсагов, труда — Душкин, здравоохранения — Тотоев.⁵

ГорЦИК постоянно занимался улучшением деятельности советских органов, вел борьбу с бюрократизмом и волокитой. 18 августа 1923 г. президиум ГорЦИКа рассмотрел вопрос о структуре и работе государственного аппарата. Он отметил как главную причину слабой работы местных органов бюрократизм

¹ «Жизнь национальностей» 1923, № 1, стр. 99.

² «Горская мысль», 1921, № 1.

³ Там же.

⁴ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, ед. хр. 682, л. 9.

⁵ Там же, л. 9.

национальные лоскуты, которые потом трудно будет вновь сшить».¹

Руководители Горской республики были подлинными интернационалистами и считали, что в сложной исторической обстановке, в острой классовой борьбе сохранение единства республики является одной из важнейших задач партийных организаций и всех трудящихся. Вот почему они выступали против образования самостоятельных автономий, упускали из виду, что идея объединения, заложенная в Горской республике, жила и живет в СССР. Поглощенные практической работой, решением сложных задач возрождения края, они не заметили, что в ходе развития и укрепления Советской власти, повышения творческой активности трудящихся масс сложились объективные условия для перехода народов к отдельным самостоятельным автономиям.

Краевой комитет партии внимательно следил за развитием национальных отношений на Северном Кавказе и направлял их, вовремя разрешал многочисленные вопросы, которые возникали в области национального строительства. Крайком партии считал совершенно правильным и своевременным переход к самостоятельным автономиям и отмечал, что это будет вести не к ослаблению, а к дальнейшему усилению интернациональных связей между всеми народами. «Давая территориальную автономию, тем самым,—указывалось в резолюции I краевой партийной конференции, состоявшейся в мае 1923 г., по докладу Гикало о вопросах национального строительства,—дает возможность народам, не отрываясь от русского пролетариата, проделать эту работу общекультурного и экономического возрождения, которую нам нужно проделать в связи с их отсталостью».²

В сентябре 1921 г. Постановлением ВЦИК была образована Кабардинская автономная область в составе РСФСР.

С выходом Кабарды из ГАССР встал вопрос и о выходе Карачая. Карачаевцы издавна жили рядом с черкесами, абазинцами, ногайцами и русскими Баталпашинского отдела. Вместе с ними они принимали активное участие в борьбе за установление Советской власти. Кроме того, карачаевцы по своей экономической жизни и быту тяготели больше к Кубанской, нежели к Терской области. Поэтому образование автономии Карачая и Черкесии наилучшим образом отвечало потребностям хозяйственного и культурного строительства и задачам интернационального воспитания трудящихся.

¹ «Горская правда», 1921, № 167.

² «Горская правда», 1923, № 79.

26 ноября 1921 г. в Баталпашинске собрался съезд народов Карачая и Черкесии. Задача делегатов заключалась в принятии окончательного решения об образовании объединенной автономии. Горцы выразили свое желание вместе с жителями соседних русских станиц создать единую национальную государственность. Представитель Баталпашинской выступил за вхождение населения станицы в автономию. Однако представители Усть-Джегутинской и Исправной высказались против вхождения в автономию, а делегат ст. Кардоникской занимал колеблющуюся позицию.¹ Да и нельзя было ожидать единого мнения по вопросу образования автономии — сказывалась веками проводившаяся царизмом политика национального угнетения, влияния остатков свергнутых классов на трудовую массу.

Однако следует подчеркнуть, что трудящиеся массы в своем абсолютном большинстве поддержали идею образования единой автономии. Об этом говорят многочисленные архивные материалы, которые до сих пор не были извлечены и использованы нашими историками. Съезд принял решение об образовании национальной автономии трудящихся, проживающих на территории Карачая и Черкесии и соседних русских станиц, и просил ВЦИК РСФСР удовлетворить желание трудового народа.²

12 января 1922 г. председатель ВЦИК М. И. Калинин подписал декрет об образовании объединенной Карачаево-Черкесской автономной области. «Выделить из Горской республики, — говорилось в нем, — территорию, ныне занимаемую карачаевцами, и южную часть Баталпашинского отдела Кубанской области, ныне занимаемую черкесами и 6-ю казачьими станицами, и образовать из этих территорий объединенную Карачаево-Черкесскую автономную область с административным центром Баталпашинском, непосредственно связанную с РСФСР».³

1 Декретом ВЦИК до созыва учредительного съезда Советов вся полнота власти возлагалась на объединенный Карачаево-Черкесский ревком. Осенью 1922 г. съезды советов Карачая и Черкесии избрали на общих основаниях свои собственные исполкомы, которые на паритетных началах составили общий объединенный областной исполком с правом губернского исполнительного комитета.

Объединенная область состояла из пяти округов: Баталпашинского с 29 населенными пунктами, Эльбурганского — 14,

¹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 645, лл. 112—116.

² Там же.

³ У. Алиев. Карачай. Ростов-на-Дону, 1927, стр. 182—183.

Учкуланского — 6, Хумаринского — 19, Малокарачаевского — 10. Во главе округа стояли исполкомы окружных Советов. В аулах и станциях были созданы местные органы власти — Советы депутатов трудящихся. 30 января 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило постановление Юго-Восточного бюро о составе Карачаево-Черкесского комитета РКП и ревкома. Во временное бюро вошли У. Алиев, Хасанов, Д. Гутекулов, Селиванов, Батурин, Белоусов, Рыбин-Багров. Ревком был утвержден в составе У. Алиева, Хасанова, Д. Гутекулова, Ахлова, Селиванова и беспартийных — К. Курджиева, Кочкарова, А. Калмыкова, С. Серкова.¹

Юго-Восточное бюро ЦК перед новой автономией поставило задачу восстановления хозяйства, укрепления порядка и законности, ликвидации прежних трений и конфликтов между населением пограничных частей Карачая и Кабарды.² В своем письме по поводу создания автономии А. И. Микоян рекомендовал областной партийной организации проявить максимум внимательности к существующим национальным отношениям между карачаевцами и черкесами внутри области, стремясь изгнать антагонизм между ними и создать условия дружной работы между всеми национальными группировками области и все усилия направить на культурное и хозяйственное процветание всех народностей в равной степени.³ Это была боевая задача областной партийной организации.

Кропотливая работа областной партийной организации, тщательный учет всех моментов хозяйственного, культурного и национального характера, широкое вовлечение масс в решение важнейших вопросов принесли успех строительству национальной государственности народов Карачаево-Черкесии, установлению дружественных отношений между многочисленными национальностями.

С такой же кропотливостью, осторожностью на основе полного равенства и полной добровольности партийные организации Северного Кавказа решили проблему национальных отношений. В результате этого народы получили свою национальную государственность.

В июне 1922 г. Постановлением Президиума ВЦИК была создана Адыгейская автономная область.¹ 5 декабря 1922 г. была

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 14, ед. хр. 313, л. 1.

² Там же, л. 2.

³ Там же.

образована Чеченская автономная область. В обращении по поводу предоставления чеченцам автономии ГорЦИК указывал, что «этим своим актом Советская власть лишний раз подчеркнула, что она твердо и бесповоротно идет по пути национального самоопределения и развития культурных и хозяйственных сил народов».² В этом же году была создана объединенная Кабардино-Балкарская автономная область.³

Горская республика была ликвидирована декретом ВЦИК от 7 июля 1924 г. В нем указывалось, что ГАССР упразднена в «согласии с волеизъявлением народностей, населяющих автономную Горскую Советскую Социалистическую Республику, и в целях скорейшего развития классового самосознания национальностей, входящих в состав автономной Горской Социалистической Республики, а также в целях наиболее широкого вовлечения трудящихся масс этой республики в дело советского государственного управления». При упразднении ГАССР были образованы Сунженский национальный округ, автономные области осетинского и ингушского народов. Город Владикавказ был выделен в самостоятельную административную единицу.

Государственное размежевание народов Северного Кавказа с учетом их экономических, культурных и политических интересов сыграло большую роль в ликвидации фактического неравенства этих народов, в приобщении их к передовой русской культуре и социалистическим формам хозяйства. Гибкая национальная политика партии, создание различных форм советской национальной государственности — автономная республика, автономная область, национальный округ, соответствующих особенностям и национальному облику народов, дали возможность партии установить и укрепить союз между пролетариатом и крестьянством ранее угнетенных национальностей, вовлечь их в хозяйственное, культурное, советское и партийное строительство, заложить фундамент великой дружбы народов, основанной на равенстве, братстве и суверенности больших и малых наций.

В. И. Ленин считал, что не может быть подлинного равенства наций без равенства и в вопросах национальной государственности. Он неоднократно указывал, что, «перестроив капитализм в социализм, пролетариат создает возможность полного устранения национального гнета; эта возможность превратится

¹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, ед. хр. 215, л. 313.

² «Горская правда», 1923, № 13.

³ ЦГА КБ АССР, ф. р. 2, оп. 1, ед. хр. 28, л. 1.

в действительность «только»—«только»! — при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно «симпатиям» населения, вплоть до полной свободы отделения».¹

§ 3. Партийные организации — руководители строительства национальной государственности и интернационального воспитания народов Северного Кавказа

Создание и укрепление советской национальной государственности народов Северного Кавказа проходило под руководством В. И. Ленина, Центрального Комитета партии и местных партийных организаций, которые сумели поднять трудящихся на борьбу за упрочение Советской власти и восстановление народного хозяйства. Большую роль в ликвидации политического неравенства народов Северного Кавказа сыграли выдающиеся деятели партии Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, А. И. Микоян и другие, работа которых по консолидации революционных усилий различных национальностей получила высокую оценку партии.

Северо-Кавказский крайком партии непосредственно руководил ходом социалистического строительства в национальных областях, детально вникал в деятельность партийных, советских и хозяйственных органов. Постановлением III пленума Юго-Восточного крайкома партии от 31 июля 1924 г. при крайкоме была создана Национальная комиссия. В нее входили: А. Микоян, Б. Калмыков, Позерн, Эйсмонт, Н. Ф. Гикало, Беленький, Мамсуров, И. Зязиков, Ш. Хакурате, Энеев, Т. Эльдерханов, Коркмасов, Такоев и др., всего 19 человек.²

Крайком имел также Горское бюро, которое занималось делами национальных республик. В 1924 г. секретарем бюро был И. Зязиков, его заместителем — Такоев.³

Национальная комиссия, в состав которой входили ответственные работники национальных областей, хорошо знающие особенности местного быта, условия жизни каждого народа, квалифицированно руководила социалистическими преобразованиями на Северном Кавказе. Она как бы являлась практической школой подготовки местных кадров. В регулярно проводимых заседаниях комиссии принимали участие многие партийные, со-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 22.

² РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 3, л. 3.

³ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 30, л. 3.

ветские работники, которые перенимали и использовали все лучшее, что было в ее деятельности. Будучи интернациональной по своему составу, она последовательно проводила национальную политику партии, выражавшую коренные интересы всех трудящихся.

Исключительной гибкостью и осторожностью отличалась деятельность крайкома партии по разрешению национального вопроса. Об этом красноречиво говорит и работа крайкома среди национальных меньшинств, вкрапленных в русское население края. Решением бюро крайкома от 10 марта 1925 г. были созданы национальные секции при окружных комитетах партии.¹ Под руководством парткомов секции занимались вовлечением трудящихся в социалистическое строительство, ликвидацией неграмотности и малограмотности населения, школами, клубными и медицинскими учреждениями. Для обсуждения очередных задач национальных меньшинств секции созывали собрания или совещания их представителей, что вместе с тем являлось формой вовлечения трудящихся в сферу управления.

В ноябре 1924 г. IV Пленум Северо-Кавказского крайкома партии подвел итоги работы и определил очередные задачи партийных организаций национальных областей в социалистическом строительстве. В своем выступлении секретарь крайкома партии А. И. Микоян отметил, что проведение национальной политики на Северном Кавказе представляет величайшие трудности: горная полоса края заселена разнообразными народностями с чрезвычайно низким культурным уровнем, большинство из них даже не имеет национальной письменности и живет в обстановке сложного переплетения национальных и социальных противоречий со значительными остатками патриархально-родового быта. Советское строительство затрудняется почти совершенным отсутствием промышленного пролетариата, откуда можно было бы черпать силы партии, а также тем, что в этих областях совершенно незначительны кадры интеллигенции.²

Но, несмотря на эти трудности, краевая партийная организация добилась успехов в разрешении национального вопроса, в укреплении уз интернациональной дружбы между народами. В общем, я должен констатировать, говорил А. И. Микоян, что наша национальная политика дала положительные плоды. Моменты борьбы между отдельными народностями пока еще неизбежны, но рост этих народностей ведет к тому, что северокав-

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 30, л. 3.

² РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 6, л. 44.

казские народности чувствуют с каждым днем правоту политики партии большевиков и все теснее сплачиваются вокруг нас, вокруг нашей партии и рабочего класса.¹ Пленум отметил хорошую работу парторганизаций Кабардино-Балкарнии, Адыгеи и Осетии.

IV Пленум крайкома партии обязал партийные организации в своей деятельности тщательно учесть особенности социалистического строительства и сложность политической обстановки в национальных районах края. «В нашем крае,— отмечал А. И. Микоян,— имеются двоякого рода автономные образования: одни более или менее национально-монолитны, другие — многонациональны. Многонациональные автономные области складываются из нескольких — двух или трех — основных народностей, не говоря об остальных, менее значительных национальных меньшинствах. Такими областями у нас являются Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская области, устройство которых напоминает своеобразную форму федеративной области, где не устранена возможность возникновения трений между национальностями».² Поэтому Пленум заострил внимание партийных организаций на недопустимости проявления местничества в хозяйственном и культурном строительстве, на усилении интернационального воспитания трудящихся.

Участники Пленума — представители национальных областей — высоко оценили деятельность крайкома по восстановлению хозяйства и укреплению братского сотрудничества народов. «Бюро крайкома,— говорил Такоев,— выполнило колоссальную работу, и я сейчас смело могу заявить, что среди горских народностей нет более популярного органа, нет более популярного аппарата, нет более популярного коллектива, чем краевой комитет».³ Своей неустанной работой по проведению социалистических преобразований в автономных областях крайком партии снискал полное доверие со стороны многочисленных национальностей Северного Кавказа.

Партия проявляла постоянную заботу о совершенствовании форм и методов организаторской и партийно-политической работы применительно к специфическим особенностям развития того или иного народа, к конкретной исторической обстановке. Практика партийного строительства в национальных областях имела свои особенности. Известно, что в 20-х годах, в условиях

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 6, л. 44.

² РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 6, л. 19.

³ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 8, л. 73.

новой экономической политики и некоторого оживления частного капитала, партия придавала особое значение сохранению чистоты своих рядов, организационной и идейной сплоченности партийных организаций. ЦК партии установил ограничения для не-пролетарских элементов при вступлении в партию.

Однако эту совершенно правильную установку нельзя было шаблонно распространять и на окраины, в том числе на Северный Кавказ,¹ где пролетарская прослойка оставалась еще незначительной и Советская власть в основном опиралась на трудовое крестьянство. Рост и укрепление партийных организаций на окраинах могли происходить, как правило, за счет приема в партию передовых представителей трудового крестьянства. Поэтому в национальных районах были установлены льготы при вступлении в партию для выходцев из крестьян.

Партийное строительство в национальных областях проходило в исключительно трудных условиях. Из-за малочисленности рабочего класса партийные организации оставались преимущественно крестьянскими. Несмотря на активное участие трудового крестьянства в борьбе за Советскую власть, уровень его революционной сознательности и организованности значительно отставал от уровня рабочего класса. Основная масса крестьян оставалась неграмотной и малограмотной. В обстановке острой классовой борьбы некоторая часть коммунистов, выходцев из крестьян, не всегда правильно ориентировалась и допускала ошибки. Классовый враг всячески стремился проникнуть в ряды партии и разложить их изнутри. Однако это были трудности роста партийных организаций и носили они временный характер.

Но в партии находились люди, которые пасовали перед трудностями и не верили в возможность создания массовых партийных организаций на окраинах. Эти люди не верили в силу Коммунистической партии, в силу революционного союза рабочего класса и крестьянства, в самостоятельное историческое творчество ранее отсталых народов. Они готовы были предать интересы веками угнетавшихся трудящихся масс окраин, разорвать союз рабочего класса центра с крестьянством окраин, ослабить их объединенные интернациональные усилия и восстановить власть буржуазии и помещиков.

✓ В июне 1923 г. на IV Сессии ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей Зиновьев заявил о невозможности создания на окраинах массовых

¹ Имеются в виду национальные, в основном крестьянские районы.

организаций, о невозможности некапиталистического пути развития отсталых народов и строительства социализма на окраинах. Совещание осудило антиленинское выступление Зиновьева и призвало партийные организации укреплять единство своих рядов, повышать политическую активность коммунистов, выращивать кадры, поднимать массы на строительство социализма. «Одной из коренных задач партии, — говорилось в резолюции совещания, — является выращивание и развитие из пролетарских и полупролетарских элементов местного населения молодых коммунистических организаций национальных республик и областей, всемерное содействие этим организациям встать на ноги, получить действительно коммунистическое воспитание, сплотить хотя бы немногочисленные вначале, но подлинно интернационалистские коммунистические кадры».¹

21 января 1924 г. скончался В. И. Ленин — вождь Коммунистической партии и организатор Советского многонационального государства. Горькой болью отозвалась в сердцах трудящихся смерть любимого вождя. Коммунисты и весь народ еще теснее сплотились вокруг Центрального Комитета. По ленинскому призыву в ряды РКП(б) пришли сотни и тысячи наиболее сознательных рабочих и крестьян.

Идя навстречу желаниям крестьянства и стремясь пополнить ряды малочисленных деревенских партийных организаций за счет преданных Советской власти людей, ЦК РКП(б) своим письмом от 10 мая 1924 г. предложил партийным организациям приступить к приему в партию лучшей части крестьянства.² Обращалось особое внимание на вовлечение в ряды партии представителей коренных национальностей окраин: из среды батраков, бедняков, крестьян от сохи, кустарей, не эксплуатирующих чужого труда, середняков, доказавших свою верность Советской власти. Наряду с приемом в кандидаты партии выходцев из коренных национальностей практиковался более облегченный перевод в члены партии кандидатов, закончивших кандидатский стаж до XIII съезда партии и удовлетворяющих общим требованиям приема в члены партии.³

На 1 января 1924 г., до смерти В. И. Ленина, в Северо-Кавказской краевой партийной организации насчитывалось 43,1 тыс. коммунистов. По ленинскому призыву вступило в партию 7 тыс.

¹ КПСС в резолюциях... ч. 1, стр. 761.

² РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 28, л. 11.

³ Там же.

человек и на основе решений XIII съезда — 2 тыс. крестьян.¹ На 1 января 1925 г. в краевой партийной организации насчитывалось 58,1 тыс. коммунистов. Изменился и социальный состав партийных организаций: до ленинского призыва рабочих было 22,5 тыс., а после — 31 тыс., крестьян соответственно — 13,6 и 17,1 тыс., служащих — 7 тыс. и 10 тыс.² Крестьян вступало сравнительно мало, и задача заключалась в том, чтобы втянуть в партию лучшую часть крестьянства и казачества.

Крайком отметил как отрицательное явление то обстоятельство, что количество служащих в партии резко увеличилось. Так, за 9 месяцев 1925 г. число рабочих в партии выросло на 38%, крестьян — на 25%, а служащих — на 41%.³ С увеличением количества коммунистов увеличилось и число партийных ячеек: на 1 мая 1925 г. их было 1323, а на 1 октября — 1823.⁴ В сельских районах возникло много новых партийных ячеек, что в свою очередь означало рост влияния партии на трудящиеся массы деревни. «Мы, таким образом,— говорил А. И. Микоян,— проникаем в деревню все больше и больше. Нужно продолжать это».⁵

Краевой комитет партии внимательно следил за ростом и укреплением партийных организаций национальных областей, помогал им преодолевать трудности и ошибки, которые часто порождались сложностью и запутанностью национальных, классовых, религиозных и сословных отношений. В марте 1925 г. бюро крайкома приняло постановление по Кабардино-Балкарской областной партийной организации. Ввиду чрезмерного увеличения состава парторганизации и наличия в ней большого числа политически безграмотных членов, крайком партии предложил обкому в течение одного года прекратить прием в партию новых кандидатов, перенести центр тяжести работы парткомов на партийно-воспитательную работу.⁶ (Решением бюро крайкома от 11 сентября 1925 г. Кабардино-Балкарской организации был разрешен прием в партию, но крайне осторожно, при строгом соблюдении Устава, принимая преимущественно крестьян от сохи, рабочих, батраков и лучших советских работников.)⁷ Для повышения идейно-теоретического уровня коммунистов предла-

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 28, л. 11.

² Там же, д. 81, л. 16.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 140, л. 7.

⁷ Там же, л. 1.

галось организовать различные курсы, периодически устраивать совещания деревенского актива по округам, которые в условиях национальных областей явились замечательной школой повышения политической и производственной активности и интернационального воспитания трудящихся.

Крайком предложил обкому перенести центр массово-политической работы из города в деревню: создать школы-передвижки, политкружки, расширить антирелигиозную работу, оживить деятельность изб.-читален. Крайком одобрил опыт Кабардино-Балкарской партийной организации по сбору сагита¹ и предложил национальной комиссии обобщить его и распространять по другим национальным областям.

В восстановительный период партийные организации национальных областей выросли и окрепли. По состоянию на 1 января 1926 г. состав партийных организаций представлял следующую картину:²

	Членов партии		Кандидатов		Коммунистов	
	всего	в т. ч. женщин	всего	в т. ч. женщин	всего	в т. ч. женщин
Адыгея	274	22	410	63	684	85
Ингушетия	181	10	312	9	493	19
Каб.-Балкария	629	24	1168	87	1797	111
Кар.-Черкесия	192	23	388	58	580	81
Сев. Осетия	762	29	1653	211	2415	240
Чеченская	199	11	440	36	639	47
Всего	2237	119	4371	464	6608	583
в %	100	5,3	100	10,6	100	8,8

Из таблицы видно, что к концу восстановительного периода в партийных организациях национальных областей насчитывалось более 6,6 тыс. коммунистов. Несмотря на свою немногочисленность, они явились той ведущей силой, которая возглавила проведение социалистических преобразований на некогда отсталой окраине России. Более или менее массовыми стали партий-

¹ Сагит — десятая часть урожая, которая собиралась в пользу духовенства. Кабардино-Балкарская партийная организация превратила сагит в средство оказания помощи маломощным хозяйствам.

² РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 387, л. 3.

ные организации Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Особенностью партийного строительства явилось то, что количество кандидатов в члены партии преобладало над количеством членов партии. Объяснялось это тем, что после смерти В. И. Ленина еще больше усилилась тяга трудящихся в ленинскую партию, что в партийные организации прибыло новое пополнение за счет передовых рабочих и крестьян, которые в 1926 г. не успели пройти срок пребывания в кандидатах. В последующие годы соотношение между количеством членов и кандидатов в члены партии изменилось — число членов партии стало преобладающим.

Серьезным тормозом в партийном строительстве являлось то, что количество женщин-коммунисток оставалось крайне незначительным. Во всех партийных организациях национальных областей насчитывалось только 583 женщины, или 8,8%. Октябрьская революция раскрепостила труженицу, сделала ее равноправным членом общества. Однако в первые годы Советской власти все еще давали о себе знать пережитки тяжелого прошлого женщины — ее забитость, отсталость, сильное влияние духовенства. К началу 30-х годов количество горянок в партийных организациях значительно увеличилось.

Особенности партийного строительства в национальных областях ярко отражает так же картина их социального состава¹ (на 1 января 1926 г. в %)

	Всего коммунистов	Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих
Адыгея	684	25,8	58,0	8,6	7,5
Ингушетия	493	11,0	72,3	16,7	—
Каб.-Балкария	1797	5,9	87,0	6,8	0,3
Кар.-Черкесия	580	25,6	57,6	15,3	0,5
Сев. Осетия	2415	14,1	72,0	10,1	3,8
Чеченская	639	22,8	50,7	26,5	—

Из таблицы видно, что партийные организации национальных областей являлись по своему составу преимущественно крестьянскими. Удельный вес крестьян был особенно высок в Кабардино-Балкарской, Ингушской, Северо-Осетинской, Карачае-

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 387, л. 5.

во-Черкесской партийных организациях. За годы, прошедшие после революции, значительно повысилось классовое самосознание крестьянства. В восстановительный период усилился процесс классовой дифференциации в деревне. Национальное крестьянство стало верной и надежной опорой диктатуры пролетариата, усилилась тяга его лучших представителей в партию. Все это способствовало увеличению удельного веса крестьян в общем составе партийных организаций.

Рабочая прослойка в партийных организациях все еще оставалась незначительной. Это объяснялось небольшим удельным весом промышленных рабочих в общем составе населения областей. Кроме того, в годы гражданской войны и иностранной интервенции несколько сократилось количество рабочих. Многие из них погибли в борьбе с контрреволюцией. В 20-х годах больших изменений в развитии промышленности не произошло. В результате этого медленно рос и рабочий класс. Однако, несмотря на малочисленность рабочих в партийных организациях, они играли решающую роль в осуществлении социалистических преобразований на Северном Кавказе. Рост рядов партии происходил также за счет передовой интеллигенции. Партийные организации Северного Кавказа в ходе восстановления народного хозяйства и разрешения национального вопроса выросли как в организационном, так и в политическом отношении. Они твердо и последовательно боролись за претворение в жизнь программы социалистического строительства и под руководством ЦК партии отстаивали чистоту и сплоченность своих рядов. Когда в конце 20-х годов троцкисты навязали партии новую дискуссию, сеяли неверие в силы рабочего класса и крестьянства и отрицали возможность строительства социализма в СССР, Северо-Кавказская партийная организация решительно осудила ренегатов революции, еще теснее сплотила свои ряды вокруг ЦК и выразила твердую уверенность в победе дела рабочего класса. В ходе этой борьбы партийные организации ярко продемонстрировали свою верность делу пролетарской революции. Первая Чеченская областная партийная организация (декабрь 1928 г.) отметила, что чеченская организация в борьбе против антипартийных уклонов (троцкисты, правая опасность) выявила себя как стойкий, истинно ленинский, сплоченный вокруг большевистского ЦК отряд нашей партии, идейно выросший в этой борьбе, укрепившийся за счет пополнения своих рядов новым составом пролетариата и деревенской бедноты.¹

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 559, л. 79.

Конференция обратила внимание обкома на необходимость еще большего сплочения и единения коммунистов чеченцев и русских на основе общей совместной работы по выполнению решений партии, на основе усиления воспитательной работы по окончательному изжитию проявлений великодержавного шовинизма и местного национализма у отдельных членов организаций.¹ Одновременно ставилась задача преодоления всякого рода группировок в организации как путем усиления воспитательной работы, так и мер пресечения, вплоть до исключения из партии.²

В условиях, когда страна приступала к развернутому социалистическому строительству, когда силы партии и народа были мобилизованы на создание социалистической промышленности и коллективизацию сельского хозяйства, дискуссия, навязанная партии троцкистами, была недопустимой, отнимающей много времени и сил. Вместе с тем дискуссия показала как сильные, так и слабые стороны деятельности партийных организаций. Отдельная часть коммунистов в ходе дискуссии допустила ошибки, проявила колебания. Подобное имело место в Черкесской, Адыгейской, Ингушской, Карачаевской и других партийных организациях. Это объяснялось прежде всего недостаточной политической подготовкой некоторой части коммунистов.

Итоги дискуссии были подведены краевым комитетом партии, который принял меры к улучшению социального состава партийных организаций и повышению идейно-теоретического уровня коммунистов. В результате этого за полтора года (1/I—1927 г.—1/VII—1928 г.) областные партийные организации улучшили свой социальный состав, добились повышения удельного веса пролетарского ядра (с 14,6 до 19,2%) за счет снижения удельного веса крестьян (с 69,1 до 65%) и служащих (с 15,1 до 13,1%).³

Однако рабочая прослойка в партийных организациях национальных областей была меньше, чем в краевой организации (партийная прослойка среди рабочих в национальных областях равнялась 8,4%, а по краю — 13,0%).⁴

Прослойка сельскохозяйственных рабочих и батраков слабо росла в партийных организациях Чечни, Карачая, Ингушетии, Осетии, Кабардино-Балкарии.⁵ Подобное положение объясня-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 559, л. 84.

² Там же.

³ РОПА, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 839, л. 11.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

лось малочисленностью и недостаточной зрелостью отдельной части рабочих национальных областей. Но сам факт роста рабочих прослойки имел большое значение для сплочения партийных рядов и повышения их боеспособности.

В деятельности партийных организаций Северного Кавказа большое место занимали вопросы преодоления националистических пережитков, которые проявлялись в различных формах — это национальная ограниченность и замкнутость, стремление подчеркнуть национальную исключительность и идеализировать прошлое, преувеличивать роль одного народа и принижать роль других в проведении социалистических преобразований, увековечить старые реакционные обычаи и традиции, это попытки получить как можно больше материально-технических средств и культурных ценностей за счет ущемления интересов других национальностей. Все это имело место и на Северном Кавказе.

Первая группа националистических пережитков была связана с проблемой строительства националистической государственности. Обретение автономии национальными меньшинствами — закономерность и объективная необходимость становления и укрепления дружбы народов, преодоления национальной замкнутости и ограниченности. Это подтвердилось практикой национального размежевания на Северном Кавказе. Не оправдались, например, опасения руководителей Горской республики о том, что с ее ликвидацией начнутся бесчисленные национальные трения. В апреле 1925 г. пленум Чеченского обкома партии с удовлетворением констатировал, что «национальный мир между народами, входившими в ГАССР, с разъединением Горской республики ни в коей мере не нарушался» и поручил обкому «совместно с партийными организациями соседних областей повести усиленную борьбу по установлению интернациональной дружбы между народами».¹ Следовательно, ленинская политика предоставления национальной государственности национальным меньшинствам целиком и полностью оправдала себя.

При создании национальной государственности и ее внутреннем административно-территориальном размежевании на округа партийные организации учитывали желания и симпатии трудящихся. Однако в ходе строительства автономии встречались многочисленные националистические пережитки, выражавшиеся в стремлении к территориальной замкнутости и национальной ограниченности. Зимой 1925 г. среди осетинских работников, а

¹ ЧИОПА, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 8, л. 1.

также на съезде Северной и Южной Осетии возобладало мнение об объединении двух автономных областей в одну автономную республику.¹ При этом осетинские товарищи игнорировали указание В. И. Ленина о том, что в строительстве многонационального государства нельзя становиться исключительно лишь на почву «национально-территориалистического принципа»,² что из-за национального момента нельзя искусственно разрывать давно сложившиеся экономические связи.

Исторически сложилось так, что Южная Осетия вместе с Грузией составила единую экономическую общность. Географическое положение и природные условия Южной Осетии и Грузии определили эту общность. В национальном отношении общего между осетинами Южной и Северной Осетии, безусловно, было больше, нежели между осетинами и грузинами. Однако в интересах успешного развития населения Южной Осетии нельзя было становиться исключительно на «национально-территориалистический принцип». Поэтому крайком партии не мог удовлетворить желание некоторых осетинских работников.

Националистические пережитки в ходе строительства национальной государственности проявлялись также в Карачаево-Черкесии. Небольшие греческие селения требовали самостоятельной автономии, отказывались входить в состав Карачаево-Черкесии. Даже жители а. Старо-Абуковского (ныне Первомайское) в письме к А. И. Микояну просили включить их только в состав Кабарды, но не Карачаево-Черкесии.³ Население отдельных казачьих станиц также требовало отдельной автономии.

В августе 1924 г. состоялся съезд шапсугов. На нем присутствовало 50 делегатов.⁴ Одним из важнейших вопросов, обсуждавшихся на съезде, был земельный. В среднем надел на одного едока составлял в Псыбе 0,33, Малом Псеушко — 0,24, Большом Псеушко — 0,40, Красно-Александровском — 0,18, Божьих Водах — 0,20, Кичмае — 0,18 га.⁵ Естественно, что для шапсугов самым злободневным вопросом являлся аграрный. Решая его, отдельные делегаты заняли националистическую позицию — требовали автономии шапсугов, простиравшейся от Абхазии до Таманского полуострова с центром в Туапсе.⁶ Аулы Божьи Воды

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 202, л. 106.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 149.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 3366, л. 103.

⁴ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 93, л. 28—30.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

и Красно-Александровский хотели выйти из Шапсугского района.¹ Однако съезд разоблачил националистов и создал ревком, на который была возложена задача укрепления местной власти и интернационального объединения трудящихся.

В процессе строительства национальной государственности нередко проявлялись остатки великодержавного шовинизма, выражавшиеся в игнорировании национальных особенностей, стремлении подменить тщательно продуманную воспитательную работу администрированием, командованием, подорвать союз горского крестьянства с пролетариатом Центра. Выше приводились примеры того, как те или иные русские населенные пункты отказывались входить в национальную автономию. В свое время выдвигалась идея создания Грозненской губернии, независимой от национальных областей, что сыграло бы только отрицательную роль в сближении трудящихся. Как указывалось в решениях II Горской конференции РКП(б), «тенденция к созданию обособленных административно-хозяйственных единиц и округов Горской республики (имеется в виду идея создания Грозненской губернии) нарушает хозяйственно-политический союз горской бедноты с пролетариатом, что в свою очередь приводит к ослаблению Советской власти и тормозит хозяйственную работу. Факт же возникновения таких тенденций внутри партии... не улучшает, а ухудшает политическое и экономическое положение ГССР.»² Подобные тенденции проявлялись и в других автономных областях.

Националистические тенденции в практике государственного строительства также проявлялись в неправильном формировании советских органов. Часто нарушался принцип паритетного (равного) представительства всех национальностей в советских органах, что имело место в ряде областей.

В процессе строительства национальной государственности партийные организации Северного Кавказа проводили разнообразную по своей форме и богатую по своему содержанию работу по интернациональному воспитанию трудящихся. Главный итог разрешения национального вопроса состоял в том, говорил А. И. Микоян на III краевой партийной конференции, что каждый, даже самый маленький народ получил свою собственную автономию. Даже шапсуги получили районную автономию.³ Процесс автономизации горских народов закончился в 1924 г., когда

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 93, лл. 28—30.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, ед. хр. 282, л. 2.

³ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 82, л. 14.

последнее многонациональное объединение — ГССР — было ликвидировано и созданы самостоятельные автономии Осетии и Ингушетии.

В связи с тем, что автономии объединяли две-три национальности, то в них так проводилось административное деление, чтобы оно отвечало интересам каждой национальности. В состав национальных областей входило многочисленное русское население. Поэтому крайком стал на путь объединения русских в специальные русские районы, с некоторой автономией в вопросах быта, просвещения, земли и бюджета по отношению к органам власти автономной области.¹ И, как отмечал А. И. Микоян в письме в ЦК партии в конце 1925 г., получились русские автономные районы, то есть русские округа в составе горских автономных областей. Эта работа в основном была закончена в 1925 г.²

Идя навстречу желаниям населения казачьих станиц Зеленчукской, Холодно-Родниковской, Исправной, Сторожевой, крайком партии считал возможным создание казачьего округа в составе Карачаево-Черкесии, поставив во главе исполкома коренного казака.³ В Чечне был создан казачий округ с населением 5 тыс., в Кабардино-Балкарии — 9,4 тыс. и в Осетии — 16 тыс. человек.⁴

Создание административных единиц по национальному принципу с учетом компактности населения внутри автономных областей явилось важным фактором устранения национальной неприязни и недоверия, воспитания трудящихся в духе интернационализма и укрепления дружбы народов. «Эта мера сильно подбодрила казаков,— писал А. И. Микоян в ЦК партии,— устранила почву для прежнего недовольства, когда они называли себя, по отношению к горцам, «пасынками», дала толчок к самостоятельности и творческой работе по улучшению хозяйства, школ, больниц, дорог и всей жизни казачьих районов».⁵

Важное значение для интернационального воспитания трудящихся, развития их экономики и культуры имело правильное разрешение вопроса о национальных меньшинствах, вкрапленных в русские округа. Там, где национальные меньшинства составляли более или менее компактную группу населения, создавались самостоятельные национальные районы в составе соот-

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 194, л. 13.

² Там же, д. 80, л. 24.

³ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 194, л. 13.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 14.

ветствующих русских округов, но с правами автономии.¹ Такими районами являлись Шапсугский с 5 тыс. населения в составе Черноморского округа; Туркменский — с 6 тыс. туркмен, 588 татарами, 4 тыс. русских в составе Ставропольского округа и Армяно-Хадыженский район с 7 тыс. армян в составе Майкопского округа.²

Подобное административное устройство удачно сочетало как национальные, так и экономические моменты. Во-первых, в области национальных отношений оно исключало возможность (конечно, в определенной степени) возникновения национальных трений и недоразумений. Оно обеспечивало автономию в рамках района, что давало возможность более тщательного учета национальных особенностей быта и культуры при проведении социалистических преобразований. Самоопределение — объективная необходимость сближения и тесного сотрудничества народов. Следовательно, автономия в форме национального района, входящего в состав русских округов, не разделяла, а сближала народы. Создание подобной автономии разоблачало националистов, утверждавших, что в Советской России проводится политика русификации, национального угнетения. Во-вторых, в области экономической районная автономия способствовала не только сохранению, но и укреплению существующих экономических связей. А ведь область экономики выступает в качестве важнейшего фактора сближения наций. Таким образом, автономия в рамках района с ее небольшим национальным составом и компактным населением гармонически сочетала национальные и интернациональные моменты и являлась замечательной формой усиления братского сотрудничества народов.

Северо-Кавказский край отличался исключительной национальной пестротой. Здесь можно было встретить представителей почти всех национальностей страны. Кроме районов с компактным национальным составом имелись и такие районы, где не было достаточно компактного населения для создания автономных районов. В таких случаях крайком партии становился на путь образования национальных сельских советов. Эта работа широко коснулась немцев, греков, армян, вкрапленных маленькими группами в различные районы края. Национальный Совет был близок и понятен трудящимся. Объективно он содействовал приближению Советской власти к массам, учету специфических

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 194, лл. 16—17.

² Там же.

особенностей национальных меньшинств. Сельсовет выступал в качестве своего национального органа.

В национально-государственном строительстве, предоставляя многочисленным национальностям Северного Кавказа автономии, крайком партии проявлял большую гибкость, тщательно учитывал уровень развития национальных, экономических и других общественных отношений. И эта деятельность явилась важнейшим фактором интернационального объединения усилий трудящихся в строительстве социалистического общества, укреплении братского сотрудничества и дружбы народов.

Вторая группа националистических пережитков проявлялась в отношениях как между автономными областями, так и между ними и русскими округами. Экономической основой этой категории националистических пережитков являлись нерешенные или неправильно решенные аграрные отношения. Они, эти отношения, в той или иной мере касались всех автономных областей и соседних русских округов. Настолько были запутаны земельные отношения на Северном Кавказе, что сразу после революции их полностью разрешить не удалось.

Долгое время существовали трения между Кабардино-Балкарией и Терской областью. Причина этих трений заключалась, главным образом, в неправильном административно-хозяйственном устройстве, не отражавшем объективные, исторически сложившиеся условия. Например, центр Нагорного округа Кабарды был размещен в Пятигорске, центр Прималкинского округа — в Прохладной.¹ Экономически близлежащие кабардинские аулы тяготели к рынкам Пятигорска, Кисловодска, Железноводска и Прохладной. Излишки продуктов сельского хозяйства кабардинские крестьяне вывозили на эти рынки. Исходя из этого, руководители Кабардино-Балкарии требовали, чтобы 50 % дохода от пятигорского и прохладненского базаров поступало в областной бюджет.² На почве этого возникали серьезные трения.

Отношения между Кабардино-Балкарией и Терской областью были предметом специального обсуждения на заседании бюро крайкома партии 30 апреля 1925 года. Бюро отметило отсутствие со стороны Кабардино-Балкарии и Терской области достаточного желания поддержать добрососедские отношения, что они игнорируют друг друга, искусственно раздувают взаимное непонимание. Бюро также указало на то, что в обострении отношений между двумя областями «немалую роль играют также при-

¹ В то время Прохладная не входила в состав Кабарды.

² РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 14, л. 7.

тязания представителей КБАО на территории Терека выступать в качестве административных и хозяйственных распорядителей».¹ Постановление бюро крайкома сыграло большую роль в разрешении спорных вопросов между Кабардино-Балкарией и Терской областью.

Особенно остро националистические тенденции проявились в период споров между Ингушетией и Сунженским казачьим округом. 9 октября 1924 г. состоялось объединенное заседание Оргбюро Сунженского округа и ревкома автономной Ингушетии. Бюро отметило, что существующие земельные споры играют только на руку антисоветским элементам, что на почве этих разногласий все более широкий характер принимает бандитизм и разворачивается националистическая пропаганда среди населения. Бюро создало смешанную комиссию для разрешения существующего земельного спора между селениями Яндыко-Карабулакская, Яндыко-Плиево-Троицкая, Сагопш-Вознесенская, Нестеровская и т. д.²

Исторически сложилось так, что Сунжа в экономическом отношении несколько больше тяготела к Чечне, нежели к Ингушетии. Этот факт несколько тревожил ингушских товарищей, которые утверждали, что Сунжа не может существовать самостоятельно и она, мол, хочет пожениться с Чечней—с богатой тетушкой.³ В свою очередь сунженские работники утверждали, что «Ингушетия умышленно раздувала единоличные случаи убийств, дабы иметь мотивы, благоприятствующие постановке вопроса о присоединении Сунжи к Ингушетии как способ прекращения национального антагонизма и разрешения земельных споров».⁴

Как было отмечено выше, создание русских округов внутри автономных областей или национальных районов внутри русских округов полностью оправдало себя и явилось важным фактором укрепления братской дружбы народов. Исторически оправдалось и образование Сунженского округа, ибо через самоопределение проявлялась тенденция к сближению и установлению братской дружбы. В ходе социалистического строительства преодолевались веками существовавшие разногласия и создавались объективные предпосылки для более тесного сотрудничества народов. Когда сложились подобные предпосылки, то произошло объединение Чечни, Ингушетии и Сунженского округа в единую авто-

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 111, л. 7.

² РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 46, л. 14.

³ Там же, л. 16.

⁴ Там же.

номную область. Опыт социалистического строительства учит, что поспешность в разрешении национального вопроса и искусственное объединение трудящихся различных национальностей недопустимы, ибо они превращаются в тормоз прогрессивного развития национальных отношений.

При национально-государственном размежевании Северного Кавказа осетины Моздокского района оказались оторванными от Осетии. Они были выходцами из горной Осетии и заселили эти места со второй половины XVIII века. В 1921 г. на I съезде Советов Горской республики моздокские осетины обратились к делегатам с просьбой о присоединении их к Горской республике. Однако просьба осталась неудовлетворенной. Искусственное отделение осетин Моздокского района от основного осетинского населения отрицательно сказывалось на развитии хозяйства и культуры. Культурно-просветительная работа в Моздоке проводилась силами и средствами осетинского областного отдела народного образования. Имевшиеся там школы I и II ступени не отвечали задачам культурного строительства.

Искусственное разъединение осетин использовали националисты для антисоветской деятельности. «Такая обстановка (т. е. разъединение осетин) в психологии осетин Моздокского района, — указывалось в решении первой Осетинской областной партийной конференции, — преломляется в том направлении, что они считают себя в положении угнетенных и обиженных, что порождает среди них вредный национальный шовинизм, как ответ на окружающую обстановку».¹ Кроме учета национального момента с присоединением Моздокского района значительно улучшились земельные отношения в Северной Осетии. Поэтому первая областная Северо-Осетинская партийная конференция вынесла резолюцию о возбуждении ходатайства о присоединении Моздокского района к Северной Осетии.² Несколько позже решение конференции было удовлетворено. Моздокский район вошел в состав Осетии.

В конце 20-х годов особенно острый характер приняли отношения между Северной Осетией и Ингушетией из-за Владикавказа. Известно, что Владикавказ сыграл выдающуюся роль в объединении трудящихся горцев в период борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе. Крепкая, спаянная партийная организация и пролетарское ядро города всегда высоко несли знамя социалистической революции и выступали в качестве той интер-

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 70, л. 66.

² Там же.

национальной силы, которая вместе с другими отрядами рабочего класса Северного Кавказа цементировала дружбу многочисленных народов края, ведущих упорную борьбу за завоевания Великого Октября. Владикавказ был символом единства горского крестьянства и немногочисленного, но многонационального рабочего класса Терека. В экономическом отношении также была велика роль города в жизни трудящихся Осетии, Чечни, Ингушетии. На рынках Владикавказа крестьяне реализовывали избытки сельскохозяйственной продукции, приобретали промышленные товары, предметы труда.

Город славных революционных традиций, тесно связанный с именами таких замечательных революционеров, как Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, Н. Буачидзе, после революции стал центром Горской республики. Владикавказ постепенно превращался в административно-культурный центр всего Северного Кавказа: здесь размещались органы управления молодой республики, созданы были учреждения краевого значения: Горский пединститут, педтехникум, Горский сельхозинститут, сельскохозяйственная опытная станция, рабфак. С ликвидацией ГССР и образованием самостоятельной автономии Северной Осетии и Ингушетии Владикавказ стал вольным городом, то есть в административном отношении он стал самостоятельным, одновременно являясь центром Осетии и Ингушетии.

Однако Владикавказ продолжительное время не мог оставаться на положении вольного города. Исторически и экономически он стал собирателем и центром осетинских земель. Он осуществлял руководство социалистическим строительством в деревне. Отделение города от Осетии было бы искусственным, так как Владикавказ по своему историческому прошлому, этнографическому составу, хозяйственным и социально-культурным мероприятиям являлся составной частью Осетии. Поэтому решением крайкома партии от 13 октября 1928 г. он был передан Северной Осетии.¹

Решение краевого комитета партии было совершенно правильным.

Третья группа националистических пережитков проявлялась в группировочной борьбе между работниками различных национальностей и переплеталась с религиозными и сословными пережитками. Трудность преодоления этих пережитков заключалась в том, что они преподносились в форме защиты национальных

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 829, лл. 33—35.

интересов, традиций и обычаев. Неискушенным в политике массам трудно было разобраться в существе происходящей группировочной борьбы.

Эта группа националистических пережитков остро проявлялась в Карачаево-Черкесии — наиболее многонациональной автономии, в которой был крайне малочисленным промышленный пролетариат, а партийные организации переживали период становления и укрепления. Остатки эксплуататорских классов, особенно в казачьих станицах, рьяно выступали против мероприятий Советской власти, разжигали национальную рознь, натравливали станицы на аулы. Им ни в чем не уступали также остатки горской знати и мелкобуржуазных элементов. Руководители области не всегда правильно разбирались в сложной обстановке и допускали серьезные ошибки. Враги умело использовали эти ошибки, разжигали шовинизм и национализм.

Говоря о многонациональном составе Карачаево-Черкесии, следует отметить такую специфическую особенность, когда ни карачаевцы, ни черкесы не имели в составе населения абсолютного большинства или относительного меньшинства. Лишь вместе взятые они составляли примерно столько, сколько русских, или несколько больше их. «Такой состав области,— писал А. И. Микоян в конце 1925 г. в ЦК,— predetermined ту обостренную национальную борьбу по каждому мельчайшему вопросу, которая во многом парализовала творческую деятельность Советской власти в Карачаево-Черкесской области. Эти отношения доходили до такой остроты, в особенности в половине 25-го года, когда все эти три национальные группы (русские, карачаевцы и черкесы) не находили возможным дальнейшее совместное сожительство в составе единой области»...¹

29 декабря 1924 г. состоялось заседание Национальной комиссии крайкома партии по Карачаево-Черкесии. Крайком не только вскрыл причины оживления националистических предвззудков, но и разработал целую систему мер по улучшению интернационального воспитания трудящихся и преодолению существующих разногласий между различными национальными группами работников. Как главную и основную крайком поставил задачу «утверждения национального мира и братства между всеми народами».² Для достижения этой цели состав оргбюро был расширен до размеров обычного партийного комитета — в его состав вошли по 3—4 представителя от каждой националь-

¹ РОПА, ф. 7. оп. 1, д. 194, л. 15.

² Там же, д. 80, л. 19.

ности. Исполком пополнился новыми работниками и вся его деятельность строилась на паритетных началах с тем, чтобы каждая национальная группа помимо общей ответственности за всю область несла ответственность за состояние работы среди своего народа, коллективно обсуждая эти вопросы и проводя в жизнь через общесоветский аппарат единой Карачаево-Черкесской автономной области.¹

Считая разьединение области преждевременным и что это не разрешит национальных противоречий между народностями, а создаст ряд осложнений и трудностей как в области политической, так и хозяйственной, ибо все эти народы в этом отношении сильно переплетаются друг с другом, крайком пошел по пути совершенствования административного устройства области, сохранив ее единство.² Перестройка осуществлялась по национальному принципу: созданы были три карачаевских округа — Малокарачаевский, Учкуланский и Хумаринский. В национальном отношении эти округа оказались компактными: кроме одного осетинского и двух черкесских аулов не было ни одного населенного пункта, не заселенного карачаевцами. Казачьи станицы области объединялись в два округа — Зеленчукский и Баталпашинский. Черкесское, абазинское, ногайское население с несколькими небольшими русскими хуторами образовали два округа.

Во избежание разногласий при распределении материальных и финансовых средств несколько ограничивались права областного исполкома — бюджеты округов утверждались в крайисполкоме. Облисполком временно лишился также права «менять земельные границы между национальными округами».³ Проведенная в области административная реформа сыграла важную роль в укреплении интернациональных связей между трудящимися. «Эта реформа, — писал А. И. Микоян в ЦК партии, — встретила всеобщее сочувствие со стороны всех национальных групп Карачаево-Черкесской области, окрылила их и дала толчок к более успешной творческой работе, сузив максимально плоскость возможных национальных трений».⁴

В целях улучшения работы партийных организаций крайком поставил задачу приема в партию достойных представителей горской бедноты и трудового крестьянства. Он обязал коммунистов вести решительную борьбу с работниками, нарушающими

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 194, л. 24.

² РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 194, л. 15.

³ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 194, л. 15.

⁴ Там же, д. 2, лл. 48—56.

своим поведением и работой дружеские отношения между отдельными национальными группами и слоями, проводя одновременно агитационную работу по укреплению связи между всеми без исключения национальностями, населяющими Карачаево-Черкессию.¹ Крайком заострил внимание партийных организаций на необходимость проведения гибкой тактики по отношению к мусульманскому населению — осторожное, основанное на тщательном учете местных особенностей, проведение мероприятий, затрагивающих религиозную сферу, не допуская оскорбления религиозных чувств верующих.²

Национальная комиссия крайкома партии вскрыла серьезные недостатки в деятельности секретаря обкома Д. Гутекулова. Он был предан делу революции, проделал большую работу по укреплению Советской власти в Карачаево-Черкессии, являлся инициатором многих хороших начинаний. Д. Гутекулов был последовательным интернационалистом и активным деятелем в претворении в жизнь ленинской национальной политики. Однако он допустил ряд серьезных ошибок и недооценил «тех моментов — национального характера, — как отмечал А. И. Микоян в своем заключительном слове на IV пленуме крайкома партии в ноябре 1924 г., — которые в жизни нашего края играют далеко не последнюю роль».³

Д. Гутекулов не смог добиться слаженной работы представителей различных национальностей, не всегда твердо проводил классово выдержанную линию, особенно в подготовке и выдвижении национальных кадров. Он упрощал сложную обстановку, в которой работал, и ошибочно сводил противоречия между различными национальностями только к явлениям экономического характера. Экономические предпосылки противоречий, конечно, играли немалую роль в жизни трудящихся области. Однако было бы неправильно сводить всю сложную систему противоречий социального, национального, религиозного и сословного характера только к явлениям экономического характера. Многие ответственные работники не способствовали своим поведением укреплению дружбы народов. Крайком высоко оценил заслуги Д. Гутекулова в борьбе за укрепление Советской власти и, проявляя о нем заботу, направил на работу в качестве заместителя заведующего крайздравотделом.

Меры, принятые крайкомом партии, способствовали укреплению

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 2, л. 35.

² Там же, лл. 48—56.

³ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 6, л. 43.

нию партийных организаций, усилению их влияния на массы и улучшению политической обстановки в области.

При проведении своей колониальной, человеконенавистнической политики царизм всегда придерживался политики: «Разделяй и властвуй». Особенно эта политика давала желанные для царя результаты на многонациональном Северном Кавказе. Например, в Осетии царизм систематически натравливал друг на друга дигорцев и иронцев, что отрицательно сказывалось на росте революционного сознания масс. Особенно усилились разногласия между дигорцами и иронцами в период гражданской войны, когда дигорская часть подверглась разрушению белыми, среди которых оказалось немало иронцев. В первые годы социалистического строительства нередко острый характер принимали взаимоотношения между этими двумя частями осетинского населения.

В период между III и IV областными партийными конференциями так называемое «письмо 19» (от имени 19 дигорских работников — Д. Н.) было направлено в ЦК партии, в котором утверждалось, что систематически ущемляются интересы Дигории, что, мол, мало работников — выходцев из Дигории в областном аппарате и т. д. ЦК и крайком партии неоднократно занимались этими вопросами. ЦК проверил состояние областной партийной организации, вскрыл факты проникновения в советские и партийные органы враждебных элементов, греющих руки на сословной борьбе. Однако в противовес IV Северо-Осетинской партийной конференции (ноябрь 1927 г.), квалифицировавшей заявление «19» как антипартийное, ЦК партии установил, что заявление «19» не является антипартийным, и обязал партийную организацию «прекратить всякую группировщину».¹

Внимательность и чуткость, с которым ЦК отнесся к заявлению «19», сыграли важную роль в создании обстановки дружной товарищеской работы. «От первоначальной ироно-дигорской борьбы, — отмечал в своем постановлении крайком партии в апреле 1928 г., — вытекающей из противоречия между революционной ролью Дигории и ее небольшим количественным весом в области (около 1/3 населения) и ошибок прежних лидеров организации (Мамсуров, Такоев), остались только остатки».² В номенклатуре обкома партии было 111 работников, из которых 66 иронцев и 30 дигорцев.³

¹ СООПА, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 24, л. 7.

² РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 820, л. 2.

³ Там же.

Националистические пережитки нередко в острой форме также проявлялись в Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии. Они, эти пережитки, принимали различные формы, но суть их была одна — защита узконациональных или даже групповых интересов в ущерб общепролетарским интересам. Среди национальных работников часто встречались такие товарищи, которые рассматривали экономическую, политическую и культурную отсталость как явление, дающее им преимущественное право на какие-то льготы. Коммунистическая партия и советский народ оказывали всестороннюю помощь ранее отсталым народам в преодолении их отсталости. Партия рассматривала эту помощь и поддержку как интернациональный долг ушедших в своем развитии вперед народов, но не как заботу о сохранении или развитии какой-то национальной исключительности или награду за особые заслуги того или иного народа.

✓ Партийные организации национальных областей сыграли решающую роль в укреплении дружбы и братского сотрудничества народов. Правильное разрешение национального вопроса они видели в осуществлении глубоких социальных преобразований в жизни трудящихся, трезвом учете специфических особенностей каждого народа, решительной борьбе со всеми проявлениями шовинизма и национализма.

§ 4. Расширение советской демократии и дальнейшее совершенствование форм национальной государственности — важнейший фактор интернационального воспитания и укрепления братской дружбы народов

Закономерностью развития советского общества является всемерное расширение социалистической демократии, широкое вовлечение масс в управление государством. Поэтому крайком партии поставил перед местными партийными организациями задачу коренизации государственного аппарата, перевода делопроизводства и работы Советов на языки коренных национальностей. Коренизация была призвана приблизить аппарат к массам, а массы к аппарату, облегчить вовлечение трудящихся в управление государством, сделать власть близкой и понятной массам. Советское строительство в национальных областях наглядно показало интернациональную природу Советской власти, источники ее силы и могущества. ✓

Большим своеобразием отличалась организация Советской

власти на Северном Кавказе. Здесь пролетариат был малочисленным, и поэтому социальной базой Советской власти в основном являлось крестьянство.

По мере развития революции, укрепления диктатуры пролетариата, союза рабочего класса Центра с крестьянством окраин крестьянские Советы стали осуществлять функции диктатуры пролетариата. Своеобразие крестьянских Советов на Северном Кавказе заключалось в том, что они функционировали в стране, где победила социалистическая революция и была установлена диктатура пролетариата. В условиях диктатуры пролетариата, поддержки и помощи Советской власти и руководства Коммунистической партии была минимальной опасность перерождения крестьянских Советов. Победа социалистической революции создала все необходимые условия, чтобы крестьянские Советы проводили строго выдержанную пролетарскую политику. На 1 июня 1930 г. количество руководящих советских, хозяйственных и профсоюзных работников из коренных национальностей составило 46,3% от общего количества работников, а к началу 1932 г. — 52,5%.¹ Должности председателей облисполкомов были коренизированы на 100, заведующих земельными управлениями — на 75, прокуроров областей — на 87%.²

Большие изменения произошли в качественном составе руководящего актива. Выросла партийная и рабоче-крестьянская прослойка: в составе областных руководящих работников членов партии было 97,5%, рабочих — 24,4%, крестьян — 43,8%.³ Соединяя знания и опыт, лучшие традиции каждого народа, коренизация сыграла большую роль в улучшении деятельности местных органов власти. На июнь 1930 г. выходцев из коренных национальностей было: из 351 члена облисполкомов — 194 человека, или 55,8%; из 81 члена президиума — 44, или 54%.⁴ Изучение состояния кадров по 21 округу показало, что общий состав членов окрисполкомов коренизирован на 75%, членов президиумов — на 69%, председателей окрисполкомов — на 85%.⁵ По проверенным 502 Советам представители коренных национальностей работали председателями в 408 Советах, или коренизация должности председателей составила 81%, секретарей — 62%.⁶

¹ «Революция и горец», 1932, № 1, стр. 32.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Эти данные свидетельствуют о том, что были сделаны первые серьезные шаги к превращению Советов в массовые и интернациональные организации трудящихся.

Победа социалистической системы хозяйства расширила социальную базу Советской власти и явилась экономической основой дружбы народов СССР. Однако закономерностью и объективной необходимостью сближения и братского сотрудничества народов является не только создание экономической основы, но и демократической политической организации общества. Как отмечалось выше, после окончания гражданской войны была создана Горская республика, а к концу восстановительного периода многие народности обрели свою государственность в форме автономной области.

Однако формы национальной государственности не являются извечными, раз и навсегда данными. Как составная и неотъемлемая часть общественно-экономической формации они развиваются по законам диалектики. Совершенствование форм национальной государственности, переход от низшей к более высшей ее форме не простой юридический акт, а результат глубоких социально-экономических преобразований в жизни общества.

Каковы же были социально-экономические предпосылки, обусловившие переход народов Северного Кавказа к более высшей форме национальной государственности? Таких предпосылок, на наш взгляд, несколько.

В-первых, в конце 20-х и начале 30-х годов Советская власть прочно стала на ноги, вопрос «кто кого» в основном был решен в пользу социализма. Укрепились экономические связи между городом и деревней, пролетариатом Центра и крестьянством окраины. Народное хозяйство страны, в том числе и национальных окраин, в основном было восстановлено и развивалось успешно. Рядом со старыми очагами промышленности возникали новые. Таким образом, сложилась экономическая предпосылка дальнейшего сближения различных национальностей через совершенствование национальной государственности, переход к более высшей ее форме.

Во-вторых, закономерность развития пролетарского государства такова, что с ростом социалистических элементов в экономике изменяется и область общественных отношений. К концу 20-х годов социальные отношения претерпели серьезные изменения — город, который до революции выступал в качестве эксплуататора деревни, превратился не только в проводника социалистических идей в среде крестьянства, но и в основного организа-

тора социалистического производства, в носителя новых отношений между людьми, основанных на равенстве и братстве; классовая дифференциация в деревне завершилась, бедняцко-середняцкая масса окончательно стала на путь социализма, были подорваны экономические рычаги, политическое влияние кулачества; остатки эксплуататорских классов и духовенство переживали глубокий кризис.

В-третьих, в области политической в национальных областях произошли крупные изменения. В годы гражданской войны малочисленный рабочий класс еще больше сократился. Возглавив борьбу масс, он вынес на своих плечах основную тяжесть войны. В восстановительный период рабочий класс получил новое пополнение и в политическом отношении еще больше закалился. Если после революции органы власти были крестьянскими, то к середине 20-х годов несколько увеличилась рабочая прослойка в составе местных органов. Советы превратились в массовые организации. Работа по коренизации аппарата, школы, прессы дала свои первые результаты — диктатура рабочего класса стала более близкой и понятной крестьянству национальных окраин. Трудовое население Северного Кавказа верило в рабочий класс, окончательно и бесповоротно пошло за ним. Возросла трудовая и политическая активность тружеников города и деревни.

В-четвертых, закономерностью и объективной необходимостью социалистического строительства на окраинах является подготовка кадров национальной интеллигенции. Победа революции и процесс восстановления народного хозяйства разбудили и вызвали к активной деятельности творческие силы народа. К середине 20-х годов организовалась целая система подготовки кадров хозяйственного, политического и культурного строительства. В связи с коренизацией возросло количество работников коренных национальностей, занятых в сфере управления. Следовательно, рост национального рабочего класса и интеллигенции явился серьезным фактором развития и совершенствования форм национальной государственности.

И, наконец, в-пятых, характер национальных отношений претерпел серьезные изменения. Доминирующим в отношениях между национальностями стали взаимопомощь и братское сотрудничество, равенство и суверенность народов.

Таковы те предпосылки, которые определили дальнейшее развитие и совершенствование форм национальной государственности народов Северного Кавказа.

Что же давало народностям Северного Кавказа создание отдельных автономий или совершенствование форм национальной государственности? Предоставление отдельной автономии или совершенствование ее форм означало последовательное проведение в жизнь ленинского положения о праве наций на самоопределение, которое устраняло возможность обострения национальных отношений, способствовало ликвидации остатков бывшего политического неравенства и создавало более благоприятные условия для сближения и тесного сотрудничества народов.

✓ Диалектика национальных отношений — сложный, противоречивый процесс. Она означает переход от более низших форм к более зрелым, высшим формам развития наций и национальных отношений. Она предполагает и совершенствование форм национальной государственности, ибо социально-экономические изменения, происходящие в жизни народа, порождают и новые, более совершенные формы общественных отношений. Механическое, искусственное, насильственное сохранение старой формы, изжившей себя и несоответствующей новому содержанию, неизбежно порождает конфликты, социальные противоречия. Вот почему партия, которая в своей деятельности руководствовалась марксистской диалектикой, рассматривала и рассматривает совершенствование форм национальной государственности как фактор сближения и укрепления уз интернациональной дружбы народов.

Совершенствование форм национальной государственности — закономерность развития национальных отношений, дающая возможность тщательно учесть исторически-специфические особенности психологии, быта и традиций каждого народа в процессе осуществления социалистических преобразований в экономике и культуре. Национальная государственность — не только неотъемлемое право каждой социалистической нации, но и необходимое объективное условие расцвета экономики и культуры народа.

✓ В области идеологической предоставление или совершенствование форм национальной государственности разоблачало гнусную клевету остатков той части эмигрировавшей националистической буржуазии, которая обвиняла большевиков в проведении якобы русификаторской политики по отношению к нерусским национальностям окраин. Практика социалистического строительства и развития национальных отношений в СССР окончательно разбила злобные утверждения врагов социализ-

ма о якобы существующем в нашей стране национальном гнете. L

В области политической совершенствование форм национальной государственности имело огромное непреходящее значение. Трудящиеся капиталистических государств, колониальных и зависимых стран на опыте СССР убеждались в том, что только социализм может положить конец социальному и национальному гнету, что только в условиях социализма происходит подлинный расцвет экономики и культуры больших и малых наций. Следовательно, политика партии, направленная на совершенствование форм национальной государственности, имела не только национальное, но и интернациональное значение.

В начале 1926 г. трудящиеся Карачая и Черкесии подняли вопрос о создании самостоятельных автономий. 26 марта бюро Северо-Кавказского крайкома партии при участии А. И. Микояна, Савельева — секретаря оргбюро Карачаево-Черкесской автономной области, К. Курджиева, А. Дзыба, Мхце, К. Астежева и других рассмотрело вопрос об образовании автономии и «ввиду согласия всех сторон (представителей карачаевцев, черкесов, казаков, абазинцев, ногайцев — Д. Н.) и явной целесообразности разъединить область на самостоятельные автономии» — решило вопрос положительно.¹ L

На многочисленных собраниях трудящиеся области тщательно обсуждали вопросы, связанные с образованием самостоятельных автономий. 23 мая 1926 г. состоялся окружной съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и горских депутатов Черкесского округа. На съезде присутствовали представители 28 населенных пунктов. Съезд в своих решениях просил Союзное правительство пойти навстречу желаниям трудящихся Черкесии и предоставить ей возможность образования самостоятельной государственности в рамках РСФСР.² В это же время в ст. Баталпашинской проходили съезды Советов карачаевского и русского населения в отдельности, которые также рассмотрели вопросы образования автономий.³

Учитывая особенности Карачая и Черкесии, трудности хозяйственного и культурного строительства, идя навстречу желаниям трудящихся, в 1926 г. постановлением Президиума ВЦИК Карачай был выделен в самостоятельную автономную область. При его выделении образован Черкесский национальный округ. L

¹ РОПА, ф. 7, оп. 1, д. 242, л. 3.

² ГА КЧАО, ф. 19, оп. 45, ед. хр. 13, лл. 1—7.

³ Там же.

Баталпашинский район вошел в состав Армавирского округа.¹ Черкесский округ состоял из двух районов — Эльбурганского и Кабардино-Ногайского. Районы были небольшими и имели в своем составе по 15 сельских Советов. Однако органы окружной власти находились вне территории Черкесии — в Баталпашинске, что создавало неудобства и трудности в экономическом и культурном строительстве. В округе насчитывался 51 населенный пункт.

При образовании Черкесского национального округа выделение Баталпашинска в самостоятельную административную единицу в составе Армавирского округа политически являлось несостоятельным, практически ошибочным. Экономически черкесские, абазинские, ногайские аулы тяготели к Баталпашинску. Политическим центром округа являлся Баталпашинск, а он подчинялся Армавирскому округу. Подобное административное деление, искусственно разрывавшее сложившиеся экономические связи, превращалось в тормоз общественно-экономического развития Черкесии. Оно также отрицательно сказывалось на укреплении братской дружбы трудящихся различных национальностей. В 1928 г. Черкесский национальный округ был реорганизован в автономную область. В июле 1931 г. Баталпашинский район был ликвидирован, — Баталпашинск стал центром Черкесской автономной области. Ст. Сторожевая, хутора Овечкинский и Николаевский вошли в состав Черкесии; ст. Усть-Джегутинская, Кардоникская, Красногорская и Зеленчукская — в состав Карачая. Ст. Исправная и х. Фроловский стали частью Отрадненского района, но впоследствии они вошли в Черкессию.²

При образовании Чеченской автономной области в самостоятельную административную единицу были выделены г. Грозный и Сунженский округ. В той сложной конкретной обстановке это было верно. Но в ходе социалистического строительства возникла необходимость их объединения. Этому способствовало еще и то, что в годы революции и гражданской войны чеченская, ингушская беднота и грозненский пролетариат вместе отстаивали завоевания Октября и мужественно сражались против многочисленных врагов. В огне борьбы родилась и укрепилась боевая интернациональная солидарность рабочего класса одного из пролетарских центров на Северном Кавказе и национального крестьянства. Немалую роль призвана была сыграть эта солидарность и в годы социалистического строительства.

¹ ГАКЧАО, ф. 28, оп. 1, ед. хр. 18, л. 64.

² «Революция и горец», 1931, № 8, стр. 74—75.

Состоявшаяся в конце 1928 г. Чеченская областная конференция бедноты приветствовала воссоединение Грозного и Сунжи с Чечней. «Вместе били генералов, кадетов,— говорилось в резолюции конференции,— теперь вместе будем строить и укреплять Советскую власть... Трудовые казаки, казачки — наши братья и сестры, с ними пойдем против князей и попов, мулл и шейхов... Грозненский пролетариат — наш руководитель. Молодежь Чечни учится у грозненского комсомола и дальше будет учиться на опытах его работы».¹

Вхождение Грозного и Сунженского округа в состав Чечни исторически оправдало себя и способствовало успешному претворению в жизнь планов социалистического строительства. Что же дало это объединение? Во-первых, усилилось пролетарское руководство крестьянством. Беднота получила возможность усвоить новые формы и методы — трудовая дисциплина, ударные бригады, социалистическое соревнование, планирование, повышение производительности труда и т. д., — возникшие в среде пролетариата. Во-вторых, укрепился союз рабочего класса с крестьянством при руководящей роли пролетариата. Грозный сыграл большую роль в подготовке национального рабочего класса. В-третьих, объединение способствовало созданию и укреплению материально-технической базы сельского хозяйства. В-четвертых, объединение явилось важным фактором решения национального вопроса, сближения и интернационального воспитания населения Грозного, Сунжи и Чечни.

Вхождение Грозного и Сунженского округа в состав Чечни благотворно отразилось на развитии экономики и культуры области — усиленный рост социалистических элементов (колхозы и совхозы), успешное наступление на капиталистические элементы деревни (кулака), расширение сети школ, медицинских и культурно-просветительных учреждений и т. д.² IV съезд Советов Чеченской автономной области отметил, что «не подлежит сомнению, что под руководством грозненского пролетариата будет усилен темп экономического, культурного и политического возрождения области. Рост добычи нефти, а также рост строительства г. Грозного поднимет экономическое состояние деревни и будет способствовать ее политическому возрождению».³ В этом историческое значение объединения Чечни, Грозного и Сунжи.

Своевременно решая вопросы национально-государственного

¹ «Революция и горец», 1929, № 1—2, стр. 20—21.

² ЦГА ЧИАССР, ф. р. 264, оп. 1, ед. хр. 98, л. 6.

³ Там же, ед. хр. 296, л. 1.

строительства, партия вместе с тем не допускала в этом важном деле никакой поспешности. В 1928 г. группа коммунистов Чеченской организации поставила вопрос об объединении Чечни и Ингушетии. «Каждая народность (имеется в виду чеченская и ингушская — Д. Н.), — писала эта группа в крайком партии, — уже более полувека развивается по собственному пути, но, несмотря на чересполосицу, ингуши и чеченцы имеют друг с другом много общих интересов культурно-экономического порядка. Ни ингушская и ни чеченская народности не могут построить свою национальную культуру независимо друг от друга...»

Что касается культурного строительства, действительно Чечня и Ингушетия совместно решали вопросы латинизации письменности, унификации алфавита, создания грамматики и словарей, выработки научно-практической терминологии, методики и национализации школ, создания и развития литературы и искусства. Однако в 1928 г. не было достаточно экономических и политических предпосылок для объединения Чечни и Ингушетии. В стране шла острая классовая борьба — решался вопрос «кто кого». Экономическая и политическая отсталость усложняла эту борьбу в Чечне и Ингушетии. В политическом отношении предстояла большая работа по коренизации государственного аппарата, школы, прессы и т. д. Проблема подготовки кадров еще не была решена. В области национальных отношений предстояло преодолеть пережитки великодержавного шовинизма и местного национализма, которые в острой форме нередко давали о себе знать. Особенно они, эти пережитки, выпукло проявлялись в период коллективизации. Значительная часть крестьянства Чечни и Ингушетии оказалась под влиянием буржуазной идеологии — национализма, шовинизма и ислама — и приняла участие в контрреволюционном выступлении против проводимых в деревне социалистических преобразований.

Краевой комитет партии, исходя из конкретной исторической обстановки, специфических особенностей Чечни и Ингушетии, имея в виду также сильное влияние шейхов и мулл на отсталую часть населения, счел преждевременным объединение двух самостоятельных автономий в единую.

Предвоенные пятилетки явились важным этапом экономического и культурного развития автономных областей Северного Кавказа, которые стали превращаться из аграрных в аграрно-индустриальные районы. Возникли десятки заводов и фабрик, расширилась сеть железных и шоссейных дорог, увеличился рабочий класс.

Особенно глубокие изменения произошли в сельском хозяйстве. В итоге первой и второй пятилеток завершилась коллективизация. Национальное крестьянство стало на путь социализма, зажиточной и культурной жизни. Например, к декабрю 1934 г., ко II областному съезду Советов Чечено-Ингушетии, 60%, или 35 тыс., хозяйств области объединилось в 343 колхоза. Посевная площадь колхозов составила более 190 тыс. га.¹ Укрепились и техническая база сельского хозяйства — создано 9 МТС с 667 тракторами.² Постепенно росло животноводство. К концу 1934 г. поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 21, овец — на 22, птицы — на 150%.³ В горах имелось 75 животноводческих товариществ, объединявших 7,1 тыс. хозяйств, или 27% населения гор.⁴

Коллективизация явилась глубочайшим социально-экономическим преобразованием в жизни крестьянства. Социалистическое переустройство крестьянского хозяйства сопровождалось коренной переделкой психологии и быта крестьян. Частнобывшие психология все больше и больше уступала место социалистическому сознанию. Как отмечал II областной съезд Советов Чечено-Ингушетии, «вызван к жизни колхозным строем гигантский рост производительных сил, резко поднято материальное благосостояние и культурный уровень колхозного крестьянства. Сотни клубов, изб-читален, библиотек, кино, театров и радиоточек имеют в настоящее время аулы».⁵ В массе колхозников росло и закреплялось социалистическое отношение к труду и общественной собственности.

Подобные крупные социально-экономические изменения произошли в жизни каждой национальной области, которые и явились экономической основой совершенствования и развития форм национальной государственности. Без этой экономической базы и окончательного поворота массы крестьянства к социализму переход от автономной области к автономной республике исторически был бы не оправдан.

В январе 1934 г. состоялась первая Чечено-Ингушская областная партийная конференция, которая рассмотрела вопросы образования объединенной автономной области. Открывая конференцию, секретарь обкома Г. Махарадзе заявил: «Наша пар-

¹ ЧИОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 77, л. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Революция и горец», 1930, № 1, стр. 2.

⁵ ЧИОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1, л. 4.

тийная конференция является конференцией объединительной, конференцией Ингушетии и Чечни. Объединение Ингушетии и Чечни стало возможным на основе хозяйственного и культурного роста этих двух областей, этот рост и явился предпосылкой к объединению».¹ Конференция отметила, что 1933 г., предшествовавший объединению, явился годом огромного, невиданного для областей перелома в деле реконструкции сельского хозяйства и в организационно-хозяйственном укреплении колхозов.

Выражая интересы трудящихся горного края, Президиум ВЦИК 15 января 1934 г. принял постановление об объединении Ингушетии и Чечни в единую автономную область с центром в Грозном. Область состояла из 16 районов.²

Объединение Чечни и Ингушетии законодательно закрепил объединительный съезд Советов двух областей, созданный в Грозном в январе 1934 г. Разоблачая националистическую деятельность враждебных элементов, выступавших против объединения Чечни и Ингушетии и продолжавших сеять яд национализма и шовинизма, делегаты заявили, что «мы должны показать неимоверный рост культуры, промышленности, экономики в нашей области, вытекающей из акта объединения. Объединившись, мы представляем из себя настолько мощную стальную армию, что кулаки чувствуют, что им приходит конец».³ Съезд принял обращение к трудящимся Чечни и Ингушетии: «Это историческое решение (решение об объединении — Д. Н.) показывает, насколько хозяйственно и культурно выросли наши народы, трудящиеся, которые испытали всю тяжесть невероятного гнета царского самодержавия, безжалостно расправлявшегося с нашими революционерами, поднимавшими знамя восстания. Карательные экспедиции царского самодержавия, свирепая расправа колонизаторов и сплошные восстания масс против угнетателей, — вот чем заполнена кровавая история кавказских войн».⁴

А Весть о создании объединенной Чечено-Ингушской автономной области вызвала законную гордость и искреннюю радость трудящихся, которые выражали свою бесконечную благодарность партии большевиков за неуклонное претворение в жизнь ленинской национальной политики, за заботу о национальных меньшинствах. Делегации рабочих, колхозников горячо приветствовали объединительный съезд и желали новых успехов Чече-

¹ ЦИОПА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1, л. 4.

² «Революция и национальности», 1935, стр. 92—93.

³ ЦГА ЧИАССР, ф. р. 268, оп. 1, ед. хр. 274, л. 9.

⁴ ЦГА ЧИАССР, ф. р. 268, оп. 1, ед. хр. 277, л. 31.

но-Ингушетии. На имя трудящихся области поступили многочисленные телеграммы и письма, в которых выражалась радость и добрые пожелания народам новой автономии. Например, трудящиеся красного Дагестана выразили непоколебимую уверенность в том, что объединение Чечни и Ингушетии будет способствовать усилению темпов социалистического строительства, бурному росту промышленности, социалистического земледелия и животноводства, дальнейшему расцвету национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.¹ Подобные приветствия поступили от всех братских республик и областей. Радость Чечено-Ингушетии превратилась в большой светлый праздник многонациональной страны.

Ликвидация частной собственности на основные средства производства, безраздельное господство социалистической собственности, превращение Северного Кавказа из аграрного в аграрно-индустриальный район, создание национальной рабочей класса, победа колхозного строя, крупные достижения на фронте культурного строительства, утверждение социально-экономического единства советского народа — все это создало необходимые объективные предпосылки для развития и совершенствования форм национальной государственности. В декабре 1936 г. Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская автономные области были реорганизованы в автономные республики с непосредственным подчинением Центральному правительству.

✎ При социализме нет антагонистических противоречий между базисом и надстройкой. С развитием и совершенствованием производственных отношений развивается и совершенствуется и надстройка. В данном случае с победой социалистической системы хозяйства утвердилось социально-политическое единство советского общества, стала более совершенной и форма национальной государственности народов Северного Кавказа.

Совершенствование форм национальной государственности — показатель возросшего авторитета Советов, повышения их роли в осуществлении социалистических преобразований в экономике и культуре. Советы приняли активное участие в коллективизации сельского хозяйства, ликвидации кулачества как класса и укреплении колхозного строя. В деятельности Советов заняли большое место вопросы социалистического соревнования, мобилизации трудящихся на выполнение хозяйственно-политических задач. В

¹ ЦГА ЧИАССР, ф. р. 268, оп. 1, ед. хр. 274, л. 2.

1933 г. в Кабардино-Балкарии Советы провели тысячи собраний тружеников по проблемам переустройства деревни, создали более 500 бригад, объединявших 6 тыс. колхозников.¹ Из 4,4 тыс. депутатов местных органов около 1,5 тыс. являлись ударниками.

В процессе социалистического строительства деятельность Советов стала более разнообразной и содержательной. Например, в Кабардино-Балкарии при 533 производственных бригадах были созданы депутатские группы, в состав которых входило 1,1 тыс. депутатов сельских Советов. Вокруг Советов был организован актив из колхозников-ударников в количестве 6 тыс. человек.² Во Всероссийском конкурсе на лучший Совет включалось 24 Совета. Многие Советы в краевом соревновании за лучшую постановку советской работы заняли первые места.³

Во всех автономных областях и республиках уделялось большое внимание подготовке советских работников, особенно из среды горянок. Расширялась сеть школ и курсов по подготовке и переподготовке работников государственных учреждений. В октябре 1935 г. Президиум ВЦИК принял специальное решение о развертывании курсов подготовки председателей исполкомов Советов из числа женщин. На организованных в крае курсах обучались горянки из всех национальных областей. Они изучали родной язык, математику, организацию социалистического сельского хозяйства, финансовую работу, учение о советском государстве.

Под руководством партийных организаций успешно решались задачи национализации государственных органов, хозяйственного аппарата, школы, прессы. В 1936 г. пленум Карачаевского облисполкома обсудил вопрос о ходе коренизации. Он отметил, что трудящиеся массы добились крупных успехов в деле хозяйственного, государственного, культурного строительства и интернационального сплочения трудящихся.⁴ С января 1936 г. на руководящую советскую работу было выдвинуто 15 человек, заместителями председателей — 4 женщины, окончило 6-месячные курсы машинисток 38 девушек.⁵ В большинстве Советов дело-производство было переведено на языки коренных национальностей.⁶

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 1175, л. 182.

² Там же.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 1175, л. 182.

⁴ ГА КЧАО, ф. 1983, оп. 1, ед. хр. 39, л. 3.

⁵ Там же.

⁶ Там же, ф. 2, оп. 233, св. 12, л. 1.

У съезд Советов Черкесии (1936 г.) также рассмотрел состояние коренизации и утвердил окончательный план перевода делопроизводства на национальный язык. По состоянию на 1 января 1936 г. в областных организациях работало 28 ответственных работников — выходцев из коренных национальностей.¹ Вскоре после съезда в связи с коренизацией был открыт учебный комбинат по подготовке кадров. С апреля 1936 г. здесь начало обучаться 196 человек. Комбинат подготовил для областного и районных советских органов секретарей, счетоводов, делопроизводителей, машинисток. Его окончило всего 235 человек.²

Успехи автономных областей в строительстве национальной государственности были несомненными: укрепились и повысилась роль Советов в хозяйственном и культурном строительстве, выросли кадры, в основном завершилась коренизация.

VIII Чрезвычайный съезд Советов Союза ССР принял новую Конституцию, которая в законодательном порядке закрепила всемирно-исторические победы советского народа — победу социализма. Трудящиеся автономных республик и областей, как и все народы нашей страны, приняли активное участие во всенародном обсуждении проекта новой Конституции. На заводах и фабриках, на стройках и транспорте, на полях колхозов и совхозов, — всюду проходили собрания трудящихся, на которых труженики города и деревни горячо одобрили проект Конституции.

Большим событием в жизни трудящихся Северного Кавказа стали выборы, проведенные на основе Конституции победившего социализма. Партийные организации развернули широкую массово-политическую работу. В Карачае было организовано 203 агитпункта, 212 агитколлективов, объединявших 1,7 тыс. агитаторов. На двадцатидворках, предприятиях и учреждениях работало около 600 кружков по изучению Конституции СССР и Положений о выборах.³ В Чечено-Ингушетии проект Конституции обсуждался на 361 пленуме Советов, на 884 собраниях с участием более 113 тыс. человек, выступило с одобрением проекта 3,9 тыс. человек, которые внесли около 200 предложений к проекту.⁴

Подготовка к выборам показала выросшую трудовую и политическую активность трудящихся в социалистическом строи-

¹ ГА КЧАО, ф. 1983, оп. 1, ед. хр. 39, л. 3.

² Там же.

³ ПАСКК, ф. 45, оп. 11, св. 14, ед. хр. 114, л. 46.

⁴ ЦГА ЧИАССР, ф. р. 268, оп. 1, ед. хр. 94, л. 2.

тельстве. «Обсуждение проекта Конституции Союза ССР,— отмечалось в одном из партийных документов,— вызвало огромный подъем активности широких трудящихся масс Чечено-Ингушетии. Проект обсуждался при исключительной деловитости и внимании на общих собраниях трудящихся, пленумах Советов, исполкомов, секциях и депутатских группах. Проект повсеместно и на всех собраниях был одобрен».¹ Когда это было, отмечали трудящиеся, чтобы чеченцы и ингуши могли принимать участие в обсуждении и вносить свои добавления в правительственный закон.² Конечно, никогда. Только Коммунистическая партия и Советская власть дали и дают такую возможность всем трудящимся, независимо от их национальности или расовой принадлежности.³

В Чечено-Ингушетии из 367,2 тыс. избирателей приняли участие в голосовании более 350 тыс., или 95,3%.⁴ Большую активность проявили женщины: по 20 сельским районам 95,9% женщин-избирателей приняли участие в голосовании и отдали свои голоса за блок коммунистов и беспартийных.⁵ Итоги выборов в Верховный Совет СССР, отмечал обком партии, являются ярким показателем преданности трудящихся Чечено-Ингушской АССР делу социализма, делу Коммунистической партии. И чеченцы, и ингуши, и кумыки, и русские,— все трудящиеся республики шли дружной семьей на избирательные участки и отдавали свои голоса за еще лучшее будущее Родины.⁶

«Кабардино-Балкарская областная партийная организация обеспечила блестящее проведение действительно демократических, действительно свободных выборов, выдержала серьезный политический экзамен на зрелость»,— говорил Б. Э. Калмыков на XV областной партийной конференции. В республике приняло участие в выборах 183,4 тыс. человек, или 98,6% взрослого населения, голосовало за кандидатов в депутаты 182,8 тыс. человек, или 99,7%.⁷ «Итоги выборов показали,— говорилось в решениях XV областной партийной конференции,— что трудящиеся Кабардино-Балкарии, как и весь советский народ, своим единодушным голосованием целиком и полностью одобрили политику Комму-

¹ ЦГА ЧИАССР, ф. р. 268, оп. 1, ед. хр. 94, л. 2.

² Там же, лл. 2—3.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 5580, л. 42.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 1179, л. 27.

нистической партии, превратившей бывшую старую Россию из страны отсталой, темной, бескультурной, из страны голода, зверской эксплуатации и угнетения народностей в передовую, культурную, могучую социалистическую державу».¹

В Карачае на выборы явилось 99% всех избирателей. Как эти выборы не похожи на те, которые проводились в Карачае в 1927 г.! Тогда из общего количества 26 тыс. избирателей явилось на выборы немногим более 10 тыс. человек, или 39%. В Черкесии более 99% избирателей явилось на выборы и 99,7% из них отдали свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

При высокой активности коммунистов прошли выборы также в Адыгее и Северной Осетии.

Закономерность становления социалистического общества такова, что преобразования в экономическом укладе жизни, победа социалистической системы хозяйства ведут к коренным социальным изменениям в структуре общества. Антагонизм классов уступает место социально-политическому единству, дружбе народов. Отражением социалистических преобразований в экономике явились преобразования и в духовной жизни. Монолитность, единство и сплоченность, с которыми была принята новая Конституция и проведены выборы в высшие органы власти — ярчайшее свидетельство того, что интернационалистическая политика Коммунистической партии полностью восторжествовала.

* * *

Образование национальной государственности явилось важнейшим фактором воспитания трудящихся в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Оно создало благоприятные условия для успешного развития экономики и культуры северокавказских народов и перехода их к социализму, минуя капитализм.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, ед. хр. 1179, л. 27.

ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАРАЧАЯ И ЧЕРКЕССИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 ГОДОВ

I. Работа партийных организаций Карачая и Черкесии по мобилизации трудящихся на помощь фронту (1941—1942 гг.)

22 июня 1941 г. фашистская Германия внезапно и вероломно напала на СССР. Отмобилизованные и вооруженные современной боевой техникой 190 вражеских дивизий вторглись в пределы Советского Союза. Внезапное нападение немецко-фашистских войск поставило нашу страну и армию в исключительно тяжелое положение.

Центральный Комитет партии разработал меры по мобилизации всех сил страны на борьбу с врагом. Эти меры были изложены в директиве ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 29 июня 1941 г. Директива требовала от партийных, советских, профсоюзных организаций мобилизовать все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма.¹

Партия вдохновила советских людей на героические ратные и трудовые подвиги, вселила в народные массы глубокую веру в свои силы, непреклонную решимость и готовность отстаивать

¹ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сборник документов. Госполитиздат, 1958, стр. 355.

каждую пядь советской земли, драться с врагом до его полного разгрома. В своей деятельности Коммунистическая партия руководствовалась указанием В. И. Ленина о том, что «раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо».¹

Центральный Комитет уделял большое внимание тому, чтобы в условиях войны партийный аппарат проявлял максимальную оперативность, инициативность и исполнительность и служил в этом отношении образцом для всего государственного аппарата. В интересах усиления партийного влияния на решение важнейших хозяйственных вопросов были внесены существенные изменения в структуре центральных и местных партийных органов.

Партийная организация Карачаевской автономной области, объединявшая 1300 коммунистов, и Черкесская партийная организация, в рядах которой насчитывалось 1203 коммуниста, перестроили свою работу на военный лад и, руководствуясь решениями ЦК ВКП(б) и Советского правительства, проводили огромную работу по мобилизации всех сил трудящихся на разгром врага.

В первые же дни войны был проведен ряд партийных мобилизаций.

На фронт ушло более 50% коммунистов и 80% комсомольцев Карачая и Черкесии.

Областные партийные организации направляли на фронт свои лучшие силы.

Среди патриотов, вступивших в действующую армию, было большое количество руководящих партийных и комсомольских работников. На поля сражений отправлялись секретари областных, районных и городских комитетов партии, секретари первичных партийных организаций.

В целях улучшения военного обучения и поднятия дисциплины партийные организации Карачая и Черкесии проводили строевые смотры обучающихся военному делу, каждый выходной день оsovиахимовцы совершали военизированные походы на 30—40 км.²

2 июля было опубликовано постановление СНК СССР «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 117.

² Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 371, сп. 1, л. 10.

обороне», где говорилось, что каждое предприятие, каждый дом должны стать крепостью обороны.¹

Постановлениями бюро Карачаевского и Черкесского обкомов партии намечались меры, обеспечивающие быстрейшее выполнение решений партии и правительства. В июле-августе были полностью укомплектованы областные, районные, городские пункты местной противовоздушной обороны. В короткое время на предприятиях и учреждениях были организованы группы самозащиты, в которые вошли тысячи рабочих и служащих. Вопросы о подготовке населения к противовоздушной обороне, о создании народного ополчения к началу сентября были обсуждены всеми партийными комитетами Карачая и Черкесии.

Вся практическая деятельность Карачаевской и Черкесской партийных организаций проходила под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!». На пленумах областных и районных партийных комитетов, на партийных собраниях рассматривались вопросы, связанные с задачами военного времени, и намечались конкретные меры. Мобилизуя трудящихся на отпор врагу, перестраивая народное хозяйство на военный лад, партийные организации Карачая и Черкесии обогащались опытом, мужали, крепли, набирались новых сил.)

В условиях военного времени изменился стиль работы партийных организаций. Работники областных партийных комитетов большую часть времени проводили в первичных организациях. Обсуждение вопросов в партийных органах проходило более оперативно и организованно. Центральное место в работе бюро, пленумов партийных комитетов занимали проблемы, связанные с перестройкой деятельности предприятий, колхозов, МТС, с осуществлением оборонно-массовых мероприятий. Важнейшей своей задачей партийные комитеты считали укрепление первичных парторганизаций прежде всего на предприятиях оборонного значения. Первичные партийные организации, расширив свои ряды, усилили партийное влияние на решающих участках производства. Коммунисты шли на самые сложные и трудные участки работы.

Областные комитеты партии особое внимание уделяли политическому воспитанию масс. Основным его содержанием стала пропаганда программы партии по защите социалистического Отечества, положительного опыта перестройки на военный лад,

¹ «Правда», 1941, 2 июля.

идей советского патриотизма, дружбы народов и пролетарского интернационализма.

Бюро областных комитетов партии в постановлении «О перестройке лекционной пропаганды в условиях Отечественной войны» требовали от партийных организаций «всю партийно-политическую работу, культурно-просветительную и агитационно-пропагандистскую работу подчинить интересам фронта, задачам организации отпора врагу».¹

При всех районных и городских комитетах партии были созданы группы докладчиков, в которые вошли руководящие партийные, советские и комсомольские работники. Лекторы подбирались с учетом национальных особенностей района, области. Лекции читались на русском, карачаевском, осетинском, черкесском, абазинском, ногайском и других языках. Деятельное участие в пропагандистской работе принимали секретари и лекторы обкомов партий, секретари обкомов комсомола, преподаватели пединститута.

Только за первые восемь месяцев войны в обеих областях было прочитано 2743 лекции и доклада, проведено 51164 групповые беседы и читки, 207 вечеров вопросов и ответов, на которых приняли участие 744791 человек. За это же время было проведено 1480 митингов с охватом 227500 человек.²

Наполнилась новым содержанием агитационная работа партийных организаций. На основе указаний Центрального Комитета партии партийные кабинеты при райкомах и горкомах партии были преобразованы в агитпункты. 2481 агитатор информировали трудящихся о положении на фронтах, разъясняли политику Коммунистической партии, связывая массово-политическую работу с конкретными задачами, которые решались в заводских цехах, забоях шахт, на фермах и в бригадах. Широкое распространение получили такие формы наглядной агитации, как плакаты, выставки, витрины.³

В постановлениях пленумов Карачаевского и Черкесского обкомов ВКП(б) «О мерах по усилению партийно-политической работы в соответствии с военной обстановкой» (март 1942 г.) отмечалось, что агитационно-массовая работа стала носить более живой и действенный характер. В решениях пленумов говорилось о необходимости еще больше усилить агитационно-пропагандистскую и организационно-политическую работу среди на-

¹ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 371, оп. 1, л. 404.

² Там же, л. 406.

³ Там же, л. 494.

селения. Пленумы призвали трудящихся повысить революционную бдительность.¹

Областные газеты «Красный Карачай», «Красная Черкесия», «Кызыл Карачай», «Черкес пэж» и районные газеты помогали партийным организациям вдохновлять трудящихся на патриотические дела, освещали ход социалистического соревнования, вскрывали недостатки на производстве, широко пропагандировали образцы работы по-военному. Газеты из номера в номер показывали, как труженики села и аула борются за расширение посевных площадей, повышение урожайности сельскохозяйственных культур и увеличение продуктивности общественного животноводства. На страницах газет часто выступали фронтовики: Публикуемые в печати статьи под рубриками «Земляки в боях за Родину», «Письма с фронта», «Письма на фронт» являлись показателем единства народа и его армии. Во всех мероприятиях, проводимых партийными организациями, деятельное участие принимал верный помощник партии — славный ленинский комсомол.

Комсомольские организации Карачая и Черкесии, насчитывавшие в своих рядах более 15 тыс. комсомольцев, внесли достойный вклад в дело победы над врагом. Областные комитеты партии, придавая большое значение руководству комсомолом в годы войны, неоднократно рассматривали вопросы о работе областных комитетов ВЛКСМ, о состоянии и уровне руководства комсомолом со стороны партийных комитетов.

Благодаря неустанной работе партийных организаций, в первые же месяцы войны народное хозяйство Карачая и Черкесии было перестроено на военный лад. Партийные организации, возглавив патриотический подъем трудящихся, показали свою способность мобилизовать массы на выполнение самых сложных задач, поставленных партией. Неустанная забота коммунистов об усилении помощи фронту, об укреплении единства фронта и тыла умножала связи партийных организаций с массами, еще выше поднимала авторитет партии в массах.

Промышленные предприятия, колхозы и совхозы увеличили количество и качество выпускаемой продукции. Рабочие заводов и фабрик, труженики полей Карачая и Черкесии в годы войны проявили трудовой героизм. Работать за двоих, троих! Боец трудового фронта ни в чем не должен уступать бойцу действующей армии! — таков был девиз трудящихся. Коллективы промышлен-

¹ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 45, оп. 1, д. 113, л. 49.

ных предприятий с необычайным напряжением работали для удовлетворения нужд фронта.¹ Больше, лучше, быстрее, при наименьшей затрате рабочей силы и материальных ресурсов — таков был характер и сущность творческих исканий рабочих коллективов тех дней. Образцы высокой производительности труда показывали фабрики и заводы Черкесии. В социалистическом соревновании по итогам 1941 г. больших успехов добился Черкесский завод краймаслопрома, выполнивший план по маслу на 102% и по сыру на 132%. Более 50% рабочих стали давать стахановские нормы выработки.²

Образцы высокой производительности труда показывал коллектив артели «Путь в коммуну». Подчинив всю работу интересам фронта, он обеспечил досрочное выполнение производственного плана 1941 г., дав сверх плана продукции на 132 тыс. руб.³ Самоотверженно трудился и коллектив рабочих Черкесского хлебокомбината. В результате хорошо поставленной политиковоспитательной работы, усиления партийного руководства и широкого развертывания социалистического соревнования здесь двухмесячный план 1942 г. был выполнен на 134%. Партийная организация комбината явилась подлинным вожакom масс, коммунисты показывали образцы трудового героизма. В коллективе комбината насчитывалось 42 стахановца, выполнявших производственные планы более чем на 200%.⁴ За три года третьей пятилетки продукция местной промышленности Черкесии возросла на 33, а промышленность союзного подчинения — на 66%⁵.

Успешно развивалась и промышленность Карачая. В честь 24-й годовщины Октябрьской революции коллективы фабрик и заводов Карачая считали себя мобилизованными и единодушно стали на трудовую вахту до полной победы над врагом. В предоктябрьском соревновании отличились коллективы предприятий Малокарачаевского райпромкомбината. Сверх годового задания ими было выпущено продукции на 40 тыс. руб.⁶

↓ IX пленум Карачаевского обкома партии, состоявшийся 15 июня 1942 г., отметил, что за пять месяцев 1942 г. Зеленчукский лесозавод дал 107% плана, Малокарачаевский райпромбыткомбинат майское задание выполнил на 135,8, Карачаевский хлебо-

¹ «Красная Черкесия», 1941, 28 сентября.

² Там же, 1942, 10 февраля.

³ Там же.

⁴ «Красная Черкесия», 1942, 20 марта.

⁵ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 40, д. 13, л. 515.

⁶ «Красный Карачай», 1942, 28 июня.

комбинат — на 158,5, старательские артели на прииске Малая Лаба — на 103, имени 1 Мая на прииске Кизил-чук — на 106, Зеленчукский лесозавод — на 157,5%.¹

Партийные организации Зеленчукского и Аксаутского лесозаводов, Малокарачаевского райпромыбыткомбината, Карачаевского хлебокомбината, прииска Малая Лаба, возглавив социалистическое соревнование, обеспечили досрочное выполнение и перевыполнение производственных планов.²

Благодаря целенаправленной деятельности партийных организаций и героическому труду коллективов предприятий, промышленности Карачая, несмотря на тяжелые условия военного времени, переживала период своего дальнейшего подъема. Так, например, валовая продукция всей промышленности Карачая по отношению к 1939 г. возросла на 25%, в том числе промышленность союзного подчинения — на 210, республиканского подчинения — на 3,3, краевого подчинения — на 47, областная и районная — на 44,3 и кооперативная — на 29,5%. Объем товарной продукции промышленности в 1941 г. составил 55099,5 тыс. руб.³ Одна угольная промышленность Карачая в 1941 г. дала прирост в размере 40 тыс. т угля.⁴

Промышленность заняла ведущее место в хозяйстве области, превысив продукцию сельского хозяйства в 1,6 раза.⁴ К 1 января 1942 г. промышленность Карачая дала для нужд обороны страны: шеелита на 210 тыс. руб., киновари на 60 тыс. рублей, молибдена на 180 тыс. рублей, карбида 450 кг.⁵

Высокий патриотизм и сознание своего долга перед Родиной проявило наше колхозное крестьянство. Несмотря на трудные условия войны, колхозники и колхозницы работали не покладая рук. Они прекрасно понимали, что каждый пуд хлеба, каждый килограмм мяса, масла, шерсти, каждая тонна картофеля — удар по врагу.

В 1941 г. колхозы Карачая закончили уборку колосовых и полностью рассчитались с государством по всем видам поставок.

Первыми в области закончили хлебоуборку и полностью выполнили госпоставки: колхоз имени Сталина а. Терезе Малокарачаевского района, доход которого составил свыше полутора мил-

¹ «Красный Карачай», 1942, 28 июня.

² Там же, 1942, 18 июня.

³ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 371, оп. 1, л. 264.

⁴ «Красный Карачай», 1942, 18 июня.

⁵ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 371, оп. 1, лл. 353, 404.

лиона рублей, колхоз имени Карла Маркса того же района, доход которого превысил миллион рублей. Колхозами-миллионерами были: колхоз имени Микояна Усть-Джегутинского района, колхоз имени Орджоникидзе Учкуланского района и другие.¹

Тысячи колхозников показали образцы работы, перекрывая нормы выработки. Звено Марии Конобродской из колхоза имени XVII партконференции ст. Сторожевой в 1941 г. собрало на своих участках по 400 ц картофеля с га. Все члены этого звена ежедневно выполняли норму на 300—400%.² Подобные примеры можно привести не только по этому колхозу. Коммунист Ибрагим Узденов из а. Эркен-Юрт Кувинского района, участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, на тракторе СТЗ за три дня убрал 70 га колосовых.³

Высокие образцы труда показывал тракторист бригады № 11 Больше-Зеленчукской МТС Юсуф Докумов, по-стахановски работали женщины-горянки. Своим самоотверженным трудом прославили себя орденоносцы Гитче Гочияева, Аминат Алиева, Анишат Темиреева, Абидат Узденова, Хаджат Бостанова и многие другие. 6 апреля 1942 г. горянка-комсомолец Кынчыу Абазалиева, трактористка Горной МТС Преграденского района, установила рекорд. Работая ночью на тракторе СТЗ, она вспахала 5,6 вместо 2,7 га по норме и сэкономила 30 кг горючего.⁴

Выполняя указания ЦК ВКП(б) и СНК СССР о повышении урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства, большинство колхозов Карачая в 1941 г. выполнило государственный план развития животноводства. Под руководством партийных организаций колхозы Карачая в 1941 г. значительно повысили продуктивность скота и сдали государству больше, чем в предыдущий год, животноводческой продукции. Так, настриг шерсти против 1939 г. был увеличен на 22,3, удой молока на колхозных фермах — на 32,5%. Было сдано и продано государству молока на 11, выработано сыров — на 9,8, масла — на 16,8% больше, чем в 1940 г.⁵

Работники ферм добились больших результатов в деле увеличения производства продуктов животноводства. Доярка-ордено-

¹ «Красный Карачай», 1941, 8 декабря.

² Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 13, д. 40, л. 430.

³ Там же.

⁴ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 371, оп. 1, д. 40, л. 316.

⁵ Там же, л. 480.

носка Ефросиния Мостовая из колхоза имени Красных партизан Черкесского района в течение трех лет от закрепленных за нею 10 коров получала по 3307 литров молока; доярка Фатимат Кенчешао из колхоза имени Штейнгардта Хабезского района надоила от каждой коровы местной породы 2107 л молока; гтичица Дарья Данилюк из колхоза «Новая жизнь» Черкесского района от каждой несушки собрала по 91 яйцу; чабан Михаил Долбыш из колхоза «12 лет Октября» Кувинского района получил на каждые 100 овцематок 123 ягненка; чабан Иван Домарев из колхоза имени Сталина Черкесского района настриг от 700 овцематок по 5,1 кг шерсти; табунщик Алимурза Дышеков из колхоза имени Комсомола Икон-Халкского района от 15 конематок вырастил 15 жеребят; свиарка Евдокия Кудрявцева из колхоза имени Сталина Черкесского района от 12 свиноматок получила по 21 поросенку.¹

Только колхозный строй и коллективный труд могли обеспечить решение задач, поставленных партией и правительством, давать фронту и стране больше хлеба, мяса, молока, картофеля, овощей и сырья для промышленности. На заре существования первого в мире государства рабочих и крестьян, когда империализм стремился его задушить, В. И. Ленин говорил, что «...помогать Красной Армии всем, чем только может помогать каждый, — таков первый основной и главнейший долг всякого сознательно-го рабочего и крестьянина».²

Говоря о значении этой помощи, он подчеркивал: «Когда красноармейцы видели, что в тылу о них заботятся, тогда Красная Армия была воодушевлена тем духом, который давал ей победу», что «всякая помощь, оказанная в тылу красноармейцам, немедленно превращалась в усиление Красной Армии, в укрепление их настроения... в увеличение наступательной способности».³ В годы Отечественной войны эти проникновенные ленинские слова нашли свое новое подтверждение.

Осенью 1941 г. коллективы нескольких предприятий Москвы предложили организовать сбор теплых вещей для фронтовиков. Эта инициатива нашла широкую поддержку народа и была подхвачена во всех районах страны. Для того чтобы придать этому очень нужному делу организованный характер, ЦК партии своим решением от 5 сентября 1941 г. обязал нацкомпартии, краевые.

¹ «Красная Черкесия», 1942, 22 марта.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 360.

³ Там же, стр. 361.

областные комитеты возглавить организацию сбора теплых вещей для действующей армии.¹

В Карачае и Черкесии решение ЦК было встречено с большим подъемом. Энергичная работа партийных организаций привела к тому, что на приемные пункты стали непрерывно поступать теплые вещи и подарки. Трудящиеся дарили воинам кавказские полушубки, валенки, ватные куртки, брюки, теплое белье и многое другое. На фронт нескончаемым потоком шли подарки советским воинам, задушевные письма. Уже к 1 января 1942 г. трудящиеся Карачаевской автономной области собрали и отправили для Красной Армии свыше 6 вагонов коллективных и индивидуальных подарков и 68650 теплых вещей,² а Черкесской автономной области — свыше 50 тыс. самых разнообразных вещей — валенок, полушубков, бурок, шапок-ушанок, шерстяных носков.³ В одном Кировском районе было собрано 5757 теплых вещей и 1456 кг шерсти.⁴

Советские люди отдавали Родине свои сбережения и ценности. На средства трудящихся создавались новые авиационные эскадрильи, танковые колонны, артиллерийские батареи, бронепоезда и т. д. Народы Карачая и Черкесии, как трудящиеся всей страны, направляли фронту все, что могли; снабжали его оружием и боеприпасами, продовольствием и одеждой. Труженики обеих областей откликались на все призывы о помощи фронту.

Партийные организации и трудящиеся по почину сельхозартели «Красный колхозник» Тамбовской области организовали сбор денежных средств на постройку танковых колонн «Ставропольский колхозник», «Северокавказский комсомолец», эскадрильи самолетов. Осенью 1941 г. трудящиеся одного Хабезского района собрали на строительство авиазвена «Хабезский колхозник» 300 тыс. руб., на 1 млн. руб. облигаций госзаймов,⁵ а трудящиеся Икон-Халкского района собрали 243 тыс. руб. на строительство эскадрильи бомбардировщиков «Красная Черкесия», которая предназначалась для летчиков второго Белорусского фронта.⁶

В 1942 г. на строительство танковой колонны «Ставропольский колхозник» только по Черкесской области было собрано

¹ «Правда», 1941, 6 сентября.

² Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 371, оп. 1, л. 495.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 43, ед. хр. 1756, л. 28.

⁴ Там же, л. 29.

⁵ Там же, л. 24.

⁶ ПАСКК, ф. 1, оп. 10, д. 41, л. 25.

245 тыс. рублей, на формирование Орджоникидзеградской добровольческой кавалерийской части поступило денежных средств по Карачаю 6274406, по Черкесии — 5122124 руб.¹ По Карачаю также поступило 245 тыс. руб. на строительство авиаэскадрильи «Комсомолец Карачая».²

Обращение фронтовика гвардии лейтенанта Измаила Аджиева к трудящимся Черкесской автономной области с призывом организовать сбор средств на строительство эскадрильи самолетов «Красная Черкесия» нашло горячий отклик в сердцах тружеников многонациональной области. В ответ на это обращение трудящиеся области собрали 500 тыс. руб. на строительство самолетов.³

Колхозники Малокарачаевского района решили построить на свои личные сбережения авиаэскадрилью «Колхозник Карачая». Колхозники а. Джага внесли в государственный банк 122300 руб., а Учккен — 167 тыс. руб., а Элькуш — 121500 руб. Всего по району было собрано и сдано в банк около 1 млн. руб. Трудящиеся этого же района собрали на строительство боевых самолетов «Красный Карачай» 15 тыс. руб., за что получили благодарность правительства.⁴ Кроме того, колхозники, рабочие и служащие Малокарачаевского района в течение 24 часов закончили подписку на второй Военный государственный заем на сумму 1253347 руб. и внесли наличными 814269 руб., превысив предполагаемый план подписки почти в три раза.⁵

А. Мижаев из колхоза имени Кантемирова Икон-Халкского района в фонд строительства танковой колонны внес из личных сбережений 30 тыс. руб.⁶ Председатель колхоза имени XVII партсъезда Керим Тлепсеруков в газете «Народное слово» Усть-Джегутинского района писал: «...Помня, что каждый народный рубль усиливает военное могущество нашей Родины, приближает день окончательной победы над ненавистным врагом, я вношу наличными из своих личных сбережений в счет нового Военного займа 30000 рублей и облигации на эту сумму сдаю в фонд Главного Командования Красной Армии».⁷ За первые три года войны жи-

¹ ПАСКК, ф. 1, оп. 12, д. 14, л. 59.

² «Красный Карачай», 1942, 18 июня.

³ «Красная Черкесия», 1944, 13 октября.

⁴ ПАСКК, ф. 1, оп. 10, д. 4, л. 22.

⁵ Там же, л. 24.

⁶ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 45, оп. 3, д. 1, л. 435.

⁷ «Народное слово», 1944, 2 марта.

тели Карачая и Черкесии внесли в фонд обороны более 52 млн. руб.¹

Проявлением любви к Родине было могучее движение народов нашей страны за обеспечение своевременной реализации государственных займов и билетов денежно-вещевой лотереи. Только в 1942 г. по Карачаю при плане 11820 тыс. было размещено займа на 12362 тыс. руб. Кроме того, было реализовано билетов денежно-вещевой лотереи на сумму 922 тыс. руб., наличными внесено 182 тыс. рублей.² В Черкесии было реализовано 808,7 тыс., вместо 700 тыс. руб.³ В 1944 г. в Черкесии было размещено билетов денежно-вещевой лотерей на сумму 3604 тыс. руб.⁴

В результате умелой партийно-массовой, организационной и пропагандистской работы, которую в дни войны проводила Коммунистическая партия, армия получала огромную помощь. Добровольные взносы в фонд обороны, сбор средств на строительство вооружения для Красной Армии, успешное размещение государственных займов, быстрое и успешное распространение билетов денежно-вещевой лотереи — все это приближало победу над врагом.

В Карачае и Черкесии широкое распространение получили субботники и воскресники; зарабатываемые на них деньги трудящиеся отправляли в фонд обороны. 10 августа 1941 г. был организован краевой комсомольский обоз. В этот день из 25 районов, а также из Карачаевской и Черкесской автономных областей было доставлено на элеваторы свыше 13 тыс. 500 п. зерна.⁵

Одной из важных и неотложных проблем, которая стала перед партийными организациями Карачая и Черкесии, была подготовка резервов и пополнения для фронта путем проведения всеобуча, формирование истребительных батальонов, отдельных отрядов и т. д.

По решению бюро Карачаевского и Черкесского обкомов ВКП(б) на всех предприятиях промышленности, транспорта и сельского хозяйства развернулась большая работа по военному обучению трудящихся. Важную роль в решении этой задачи сыграли оборонные организации. В подразделениях Осоавиахима готовились десятки, сотни снайперов, пулеметчиков, автоматчиков

¹ «Ленинское знамя», 1965, 12 мая.

² «Красный Карачай», 1942, 15 июня.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 43, ед. хр. 1756, л. 3.

⁴ «Красная Черкесия», 1944, 16 июля.

⁵ ПАСКК, ф. 1, оп. 12, д. 14, л. 65.

и бойцов различных специальностей для армии и флота. В организациях Красного Креста получали подготовку медицинские сестры, сандружинницы и т. д. Так, в Карачаевске было подготовлено 60 медсестер и 65 дружинниц.¹ Развернулось движение доноров за дачу своей крови для спасения раненых бойцов. В массовую подготовку боевых резервов включились также все спортивные и физкультурные организации. В городах и районах обеих областей были созданы и оборудованы военно-учебные пункты. В Карачаевске на 15 июля 1941 г. на краткосрочные курсы инструкторов-общественников было привлечено более 2000 человек.²

В областные комитеты партии нескончаемым потоком поступали заявления бывших партизан с просьбой зачислить в Орджоникидзевскую кавдивизию и отправить на фронт. Черкесский горком ВКП(б) созвал специальное совещание, на котором 45 человек подали заявление о зачислении их в Орджоникидзевскую кавдивизию.³ С такой же просьбой обратились в Карачаевский обком ВКП(б) бывшие кавалеристы казачьей сотни из ст. Зеленчукской.⁴ Бюро обкома партии своим постановлением от 12 января 1942 г. определило: «Сформировать в области добровольческий кавалерийский сабельный взвод к 22 января 1942 г.»⁵

Партийные организации Карачая и Черкесии возглавили патриотическое движение по созданию отрядов народного ополчения. На собраниях партийного актива было решено немедленно начать формирование отрядов и военное обучение ополченцев. Сотни трудящихся мужчин и женщин вступали в отряды народного ополчения. Многие ополченцы, прошедшие учебу в отрядах и эскадронах, пополняли ряды действующей армии.

В Карачае и Черкесии по решению областных комитетов партии были сформированы во всех районных центрах истребительные батальоны численностью от 10 до 175 человек.⁶ В декабре 1941 г. из Карачаевского истребительного батальона было отправлено на фронт 200 человек.⁷

Всесторонняя помощь действующей армии с первых дней войны стала одним из главных участков работы партийных орга-

¹ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 371, оп. 1, л. 35.

² «Красный Карачай», 1941, 7 июля.

³ ПАСКК, ф. 1, оп. 5, д. 22, л. 22

⁴ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 371, оп. 1, л. 115.

⁵ Там же, л. 32.

⁶ Там же, д. 14, л. 21.

⁷ Там же, л. 25.

низаций Карачая и Черкесии. Под их руководством проводилась широкая мобилизация трудящихся на строительство оборонительных сооружений: окопов, укрытий для пулеметов, минометов, противотанковых рвов и т. д. Уже 26 июня 1941 г. бюро обкомов партии направили группу руководящих работников для мобилизации местного населения на оборонительные работы. Под руководством партийных и советских органов трудящиеся Карачая и Черкесии построили сотни километров оборонительных сооружений.¹ Десятки и сотни рабочих, служащих, колхозников выходили на работу по сооружению оборонительных рубежей. В одной только Черкесской области в октябре 1941 г. в строительстве оборонительных сооружений приняло участие 8500 человек.²

В сентябре 1941 г. партийные организации Карачая и Черкесии развернули работу по реализации постановления Государственного Комитета Обороны от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Вопрос о всеобщем обучении был рассмотрен всеми партийными комитетами на собраниях партийного и советского актива. В ряде районов были проведены совещания секретарей первичных партийных организаций, собрания членов профсоюзов, колхозников.³ При непосредственном участии и под руководством партийных организаций был проведен учет всех граждан, подлежащих обучению.

В результате всей этой работы в одной только Карачаевской области в июле обучалось военному делу вместо 500—600 человек, как намечалось, несколько тысяч трудящихся.⁴

Большую работу в этом отношении провели комсомольцы Карачаевской области, где к концу октября в одном областном центре было охвачено военным обучением более 408 комсомольцев.⁵

Следует сказать, что если вначале работа военных отделов была поставлена слабо, то после проведенных со стороны обкомов партии мероприятий положение изменилось. Обкомы партии проводили регулярную проверку выполнения своих решений, взяв их под свой непосредственный контроль. Работа по военному обучению заметно улучшилась. К марту 1942 г. было подго-

¹ З. К. Карданов. Карачаево-Черкесия за 40 лет Советской власти. Черкесск, 1958, стр. 13.

² Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 11, д. 41, л. 94.

³ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 5, л. 375.

⁴ Там же, л. 42.

⁵ Там же, ф. 371, оп. 1, л. 513.

товлено 1800 человек.¹ Наряду с этим проводилась подготовка специальных кадров для Красной Армии в комсомольско-молодежных подразделениях всеобуча.

Во всех районах были сформированы комсомольские боевые отряды, комиссарами которых стали первые секретари райкомов комсомола. При областных комитетах комсомола были созданы комсомольские истребительные батальоны. Кроме того, велась подготовка молодых людей по программам ГТО и ГСО, Ворошиловского стрелка, ПВХО. Только по Черкесии было подготовлено 876 значкистов ГТО, 5576 — ГСО, 1250 — БГТО, 15423 человека сдали нормы на значок ПВХО.²

Партийные организации, усиливая воспитательную работу среди молодежи, направляли ее внимание на овладение военным делом. В подразделениях всеобуча готовили мастеров рукопашного боя, пулеметчиков, минометчиков, автоматчиков, истребителей танков. Молодежь каждую зиму устраивала лыжные кроссы.³ †

Партийные организации поддерживали постоянную связь с дивизиями, сформированными в крае. В каждую из них направлялись пополнения из добровольцев. Неоднократно организовывали встречи рабочих и служащих с бойцами и командирами. Шли письма, посылки, дивизиям оказывалась также большая материально-техническая помощь. Так, в мае 1942 г. делегация трудящихся Орджоникидзевого края побывала у доваторцев и вручила им первомайские подарки. Одиннадцать вагонов с подарками было доставлено конникам-гвардейцам.⁴

Трудящиеся Карачая и Черкесии в годы войны шефствовали над частями и соединениями действующей армии. Карачаевский и Черкесский обкомы ВКП(б) поддерживали непосредственную связь с 51-й армией 4-го Украинского фронта, с 56-й и 37-й армиями. Между рабочими и воинами шла теплая переписка, был организован обмен делегациями. Так, в декабре 1941 г. бойцы, командиры, политработники 56-й армии писали трудящимся Карачая: «Ваши успехи, товарищи карачаевцы, на трудовом фронте нас радуют и вместе с тем мы, бойцы, командиры и политработники, требуем от вас еще сильнее помогайте Красной Армии».⁵

¹ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 5, л. 58.

² Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 371, оп. 1, л. 58.

³ Там же, ф. 115, оп. 1, д. 286, л. 46.

⁴ ПАСКК, ф. 1, оп. 5, д. 25, л. 22.

⁵ «Красный Карачай», 1941, 23 декабря.

Областные комитеты партии уделяли большое внимание развитию всех видов связи между трудящимися и частями действующей армии. Важной связью с частями и подразделениями была переписка командиров и бойцов с трудящимися областей. Обкомы ВКП(б) получали огромное количество писем из действующей армии. В них сообщалось о славных боевых делах трудящихся Карачая и Черкесии. Многие из этих писем публиковались на страницах краевых и областных газет, обсуждались на собраниях рабочих коллективов, на колхозных собраниях и, безусловно, способствовали новым славным делам труженников промышленности и сельского хозяйства.

Партийные организации популяризировали ратные подвиги лучших сынов Карачая и Черкесии, на их примерах воспитывали трудящихся в духе патриотизма, любви к Родине. 27 августа 1943 г. в газете «Красная Черкесия» была напечатана статья о подвиге Иосифа Лаара, грудью закрывшего амбразуру вражеского дзота: «Геройски во имя победы погиб еще один защитник Родины»,¹ — писала газета. Газеты в яркой и доходчивой форме разъясняли справедливый, освободительный характер Великой Отечественной войны, на конкретных примерах показывали, что страна имеет все необходимое для полного разгрома фашистской Германии, пропагандировали и популяризировали героические подвиги бойцов-земляков, командиров и политработников. Они печатали серии статей «В помощь бойцу всеобуча». В них рассказывалось о способах борьбы с танками, об устройстве оружия, о приемах маскировки и т. д.

В июле 1941 г. группа воинов обратилась к трудящимся Карачая с призывом работать лучше, чтобы приблизить победу над врагом. «Мы, большевики Карачая... будем бесстрашно драться за счастье Советского народа. Можете надеяться, что мы будем достойными воинами. За нами — Отчизна, за нами — победа».²

Партийные организации Карачаевской и Черкесской автономных областей сумели мобилизовать коммунистов на решение конкретных боевых задач. Отдать все силы интересам фронта, делу организации разгрома врага — таков был девиз коммунистов и комсомольцев. «В такой момент, — говорил В. И. Ленин, — всякий сознательный коммунист должен сказать себе: мое место там, впереди других, на фронте, где дорог каждый

¹ «Красная Черкесия», 1943, 27 августа.

² «Красный Карачай», 1941, 8 июля.

сознательный коммунист».¹ Посланцы из Карачая и Черкесии в огне сражений громили фашистов под Москвой и Ленинградом, на Днестре и в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии, в Крыму и под Сталинградом, на Северном Кавказе, Орловско-Курской дуге, в районах Мурманска и Карелии, участвовали в штурме Берлина и в разгроме империалистической Японии.

Партия и правительство высоко оценили заслуги трудящихся Карачаево-Черкесии. Во время Великой Отечественной войны 15 отважных сынов Карачая и Черкесии стали Героями Советского Союза. Одним из первых героев стал член ленинской партии подполковник Иван Иванович Лободин, командир кавалерийского полка.

За боевые подвиги при форсировании Днепра высокое звание Героя Советского Союза было присвоено пятерым нашим землякам. Это коммунисты: Харун Умарович Богатырев, подполковник, командир танковой бригады; Георгий Данилович Бутаев, лейтенант, парторг стрелкового батальона; Иван Петрович Меркулов, старшина снайпер; Дмитрий Иванович Панченко, сержант, командир взвода автоматчиков и комсомолец Виктор Петрович Леонов, старший сержант, командир отделения отдельной разведывательной роты. При форсировании Керченского пролива звание Героя Советского Союза было присвоено летчику-исстребителю Дмитрию Александровичу Старикову, который совершил 479 боевых вылетов. Звание Героя Советского Союза получили Иосиф Лаар, о подвиге которого мы писали выше, Асхат Карданов, Сергей Белан, Андрей Енжиевский, Александр Козаев, Филипп Омелянюк, Фарах Камалдинов и легендарный командир партизанского отряда Осман Касаев.

Босвыми делами прославили себя в период войны Ибрагим Банев, Хызыр Хачиров; смертью храбрых пали на поле битвы писатели-коммунисты Исса Каракетов, Хасан Бостанов, Хасан Булатуков, Даут Байкулов; поэты-комсомольцы Магамет Урусов, Тохтар Борлаков, Керим Унежев, Нух Меремуков, Хасан Карданов.

Мужественно сражался против немецко-фашистских захватчиков сын черкесского народа Умар Хабеков. Действуя в авангарде 100-й гвардейской Свирской дивизии по пути к столице Австрии батальон, которым командовал Хабеков, первым ворвался на западную окраину Вены и форсировал Дунайский канал, отрезав путь противнику. Батальон разгромил два враже-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 186.

ских полка и несколько эсэсовских батальонов, взял более 300 пленных, захватил зенитную батарею и много других трофеев.¹

Самоотверженно боролись против фашизма советские женщины. В самых тяжелых условиях войны советские патриотки делали все для победы над фашизмом. Сотни горянок сражались с оружием в руках, защищая Родину. Первыми среди них были Зоя Куатова, Зухра Эркенова и другие. В боях особенно отличилась девушка из а. Мара Халимат Эбзеева, которая командовала кавалерийским эскадроном.

Воины из Карачая и Черкесии, как и воины из других областей и краев многонационального Советского государства, проявляли в борьбе с фашизмом высокие моральные качества советских патриотов. Об этом свидетельствуют письма, полученные из действующей армии на имя райкомов и обкомов партии. В них выражена благодарность за воспитание воинов-посланцев Карачая и Черкесии. Вот одно из них, присланное на имя Карачаевского обкома ВКП(б): «...Краснознаменная стрелковая часть, в которой служили два друга-карачаевца Магомет Мутчаев и Осман Гочияев, была спешно двинута в горы Заполярья... За три дня боев два друга-снайпера уничтожили 78 фашистов. В боевых успехах снайперов — большая заслуга партийной организации, которая воспитала в них черты советского человека.²

Стойкость, мужество и отвага, проявленные воинами — посланцами Карачая и Черкесии на фронтах Великой Отечественной войны при защите Родины, явились результатом большой идейно-воспитательной работы, которую проводили областные партийные организации — славные отряды великой партии коммунистов.

Большую помощь нашим Вооруженным Силам в разгроме немецко-фашистских захватчиков оказало партизанское движение, получившее, благодаря организующей и направляющей деятельности партии, огромный размах на всей советской территории, временно оккупированной противником.

Многие сыны Карачая и Черкесии, в основном коммунисты и комсомольцы, сражались в рядах партизанских отрядов Украины и Белоруссии. На белорусской земле особо отличились командиры партизанских частей Аскер Борхозов, Юнус Каракетов, Кичибатыр Хаиркизов, Хмара Догужиев, Карабит Хамуков. В 1941—1944 гг. покрыл себя бессмертной славой легендар-

¹ Г. Холопов. Гвардии капитан Хабеков. В ст. «Имя твое коммунист», Ленинград, 1963, стр. 475.

² «Красный Карачай», 1943, 26 июня.

ный командир 121-го партизанского полка капитан Осман Мусаевич Касаев. Этот полк, действовавший в Могилевской области Белорусской ССР, взорвал 33 вражеских эшелона, истребил почти полторы тысячи оккупантов. 121-й партизанский полк с 1941 по 1944 гг. освободил 44 населенных пункта, а капитан Касаев провел свыше сотни крупных боевых операций по разгрому гарнизонов, подразделений и частей врага.¹ Прославленному партизанскому командиру было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Среди славных партизан Советской Белоруссии почетное место занял Курман-Али Рамазанович Кипкеев. Отряд имени Кирова партизанской бригады «За советскую Белоруссию», которым командовал старший лейтенант Курман-Али Кипкеев, в боях уничтожил сотни гитлеровцев и захватил большие трофеи.²

Летом 1942 г. немецко-фашистские войска, предприняв наступление на юге нашей страны, захватили значительную часть Северного Кавказа. Фашистами была захвачена и территория Карачая и Черкесии. Части 49-го горнострелкового корпуса, которые оккупировали Карачай и Черкесию, поставили перед собой задачу овладеть перевалами Главного Кавказского хребта и открыть дорогу фашистской армии в Закавказье.

С августа 1942 г. по январь 1943 г. территория Карачая и Черкесии находилась под пятой фашистских варваров. Много разрушений, страданий и горя причинили оккупанты. Как и в других оккупированных районах страны, фашисты беспощадно истребляли людей, в том числе женщин, детей и стариков. За период оккупации территории Карачая и Черкесии немецко-фашистские изверги подвергли неслыханным издевательствам и убили более 9 тыс. человек.³

На курорте Теберда Карачаевской области немецкие бандиты умертвили голодом 500 детей, находящихся в костно-туберкулезных санаториях, 147 детей замучили и расстреляли. 54 ребенка были вывезены в горы по направлению к Гоначхиру в адской машине «Пекарня» и дорогой удушены отработанными газами. Кроме того, на курорте Теберда фашисты арестовали 287 медицинских работников—служащих костно-туберкулезных санаториев и членов их семей. Их заставили вырыть себе могилы, и после

¹ «Правда», 1965, 10 мая.

² «Ленинское знамя», 1967, 5 марта.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 43, ед. хр. 1756, л. 29.

этого они были расстреляны.¹ В Черкесске в результате применения «душегубки», отравления и расстрелов было уничтожено свыше 3 тыс. советских граждан, преимущественно детей, женщин, стариков.² За садами «Садкоопхоза» г. Черкесска зверски убито более 820 человек.³

Зверства фашистов вызвали справедливый гнев советского народа. В трудных условиях оккупации коммунисты проводили пропаганду и агитацию среди населения, несли в массы слово большевистской правды, вдохновляли и поднимали советских людей на борьбу с врагом, на помощь частям действующей Красной Армии.

Областные партийные организации заблаговременно приступили к созданию партизанских отрядов. Бюро Ставропольского краевого комитета партии в июле 1942 г. утвердило план организации партизанского движения на территории края, а в августе 1942 г. в г. Кизляре был создан краевой штаб партизанского движения, который возглавил первый секретарь краевого комитета партии М. А. Суслов. В Карачае и Черкесии по решению Ставропольского краевого комитета партии место расположения партизанских отрядов предполагалось в горах Карачая и Черкесии, главным образом в ст. Преградненской и Зеленчукской. С приближением немецко-фашистских захватчиков отряды заняли исходные позиции в верховьях рр. Теберда, Большой Зеленчук, Уруп.

С августа 1942 г. по январь 1943 г. в Карачае и Черкесии было сформировано 15 партизанских отрядов и 3 группы. В их рядах насчитывалось 900 человек.⁴ Основную ударную силу партизанских отрядов составляли коммунисты и комсомольцы, ответственные партийные и советские работники. Общее руководство партизанскими отрядами Карачая и Черкесии осуществляли секретари обкомов Максим Григорьевич Романчук и Геннадий Максимович Воробьев.

8 августа разведка сообщила, что в некоторых районах области появились немецкие самолеты, которые сбросили парашютистов. Советские части отступали с тяжелыми боями, одни — по направлению к Нальчику, другие — к Теберде. Несмотря на создавшуюся серьезную опасность, партизаны проводили подго-

¹ Партархив Карачаево-Черкесского облисполкома, ф. р. 354, оп. 1, д. 1, л. 67.

² «Красная Черкесия», 1944, 8 октября.

³ Там же.

⁴ ПАСКК, ф. 1, оп. 1, д. 788, л. 161.

товительные мероприятия. Боец Хачиров доставил из а. Верхняя Мара табун лошадей. В Преграденском районе местные жители собрали для партизан 80 овец, 14 пар теплой одежды, дали проводников. В Черкесской области в х. Садовом на квартире Алексея Ивановича Соляного находился штаб партизанского отряда.¹

Август 1942 г. был первым месяцем пребывания партизанских отрядов в тылу врага. Пылая жгучей ненавистью к врагу, партизаны давали клятву бороться с оккупантами до последней капли крови. Мужественно сражались с фашистами партизаны отряда «Мститель» г. Микоян-Шахара (Карачаевска). Действуя на базе «Гоначхир», 14 августа 1942 г. партизаны встретились с частями 49-го немецкого горнострелкового корпуса. В состав корпуса входили 1-я и 4-я, 97-я и 101-я горнострелковые дивизии. Отряд «Мститель» закрывал подход к Теберде и Домбаю и 14 августа в неравном бою уничтожил более 30 и ранил 60 немцев,² отряд задержал на несколько дней продвижение немецких войск к перевалам.

Партизаны вели активную борьбу и на других перевалах. Потерпев крупную неудачу на Марухском перевале, немцы решили активизироваться на Наурском направлении. Фашисты здесь накапливали отдельные отряды, чтобы ударить по главным силам 810-го полка, но и здесь партизаны сорвали их план.³ Беспощадно громили врага Черкесские городской и районный партизанские отряды. 16 августа 1942 г. они на Буковом участке в 20 км от а. Архыз устроили засаду. В результате там было убито 60 фашистских солдат и офицеров, подбито 2 танка, 1 автомашина и мотоцикл. На Буковом участке 17 августа 1942 г. принял бой и партизанский отряд Зеленчукского района «За свободу казачества». Отрядом было уничтожено и выведено из строя 4 немецких мотоцикла и одна танкетка.⁴

3 сентября 1942 г. в Преграденском районе Ново-Александровский партизанский отряд совершил ночной налет на немецкий гарнизон, расположенный на х. Круглом. В итоге налета немцы потеряли 25 солдат и офицеров и ранеными свыше 20 человек. Кроме того, у них было захвачено 8 лошадей.⁵

¹ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 101, л. 14.

² В. Гнеушев, А. Попутько. Тайна Марухского ледника, Ставрополь, 1964, стр. 254.

³ Там же.

⁴ ПАСКК, ф. 69, оп. 1, д. 1, стр. 77.

⁵ Там же.

Группа партизан из Преградненского отряда в количестве 9 человек скрытно проникла в ст. Преградную и, захватив вражескую бронемашину, перебила ее прислугу. В числе убитых оказался известный немецкий кинорежиссер Дитрих, развезжавший по горам со специальным заданием Геббельса. У него было изъято 20 тыс. м заснятой киноплёнки, ценные документы и фотоснимки с изображением злодеяний фашистов на нашей советской земле.¹

Надежным и активным помощником Коммунистической партии в тылу врага были комсомольцы. В августе 1942 г. комсомолка Ната Василенко добровольно вступила в Преградненский партизанский отряд. Мужественная и отважная партизанка готова была выполнить любое задание командования отряда. Во время выполнения задания Ната была схвачена гитлеровцами. Фашисты подвергли ее чудовищным пыткам, но патриотка не выдала товарищей. Перед расстрелом она, гордо подняв голову, заявила фашистам: «Я дала клятву Родине быть добросовестной ее дочерью, мстить врагу и ни на одну секунду не отступлю от своей клятвы. Коммунисты от вас спасения не ждут и товарищей не выдают. За меня отомстят вам мои товарищи. Я умираю за Родину».²

Героизм проявила партизанка карачаевка Залихат Эркенова, бывший инструктор Карачаевского областного комитета партии. Микоян-Шахарский партизанский отряд, в котором она находилась, попал в окружение немцев. Завязалась жестокая перестрелка. Все преимущество этой перестрелки было на стороне немцев. Партизаны решили отойти. Эркенова взяла на себя трудную задачу — прикрыть отход партизанского отряда. Интенсивной стрельбой, которую открыла по немцам из автомата, она задержала немцев, дала возможность уйти партизанам.³ Позже Залихат Эркенова попала в руки врага. Фашисты расстреляли ее в Кисловодске. Эркенова посмертно награждена орденами Отечественной войны, Красной Звезды и медалью.

В рядах партизан Хабезского отряда отважно боролась дочь черкесского народа комсомолка Зурият Тлисова.

2 сентября в Марухском ущелье группа партизан Кувинского и Икон-Халкского партизанских отрядов, находясь в засаде, подпустила на расстояние 70—80 м эскадрон немецкой кавалерии и

¹ В. Гнеушев. А. Попутько. Тайна Марухского ледника, Ставрополь, 1964, стр. 253.

² «Красный Карачай», 1943, 29 октября

³ ПАСКК, ф. 1, оп. 7, д. 1, л. 14.

дружным ружейно-автоматным огнем обратила его в паническое бегство. В бою проявила мужество разведчица отряда Асият Кушева, бывший инструктор Кувинского райкома ВКП(б), которая захватила в плен двух немецких шпионов.¹

К декабрю 1942 г. обстановка на фронте коренным образом изменилась. Успешное наступление Красной Армии в районе Среднего Дона, г. Сталинграда и Калмыкии поставило в критическое положение немецкую группировку на Северном Кавказе. Части Советской Армии с юга и севера теснили противника и подходили к Ставропольскому краю. Немецкое командование стремилось вывести на север живую силу и технику. В этой обстановке краевой штаб партизанского движения издал приказ о дальнейшем усилении действий партизанских отрядов Карачая и Черкесии.²

Командование Закавказского фронта поставило перед партизанскими отрядами задачу вести разведывательные действия, устанавливать место расположения и численность противника и их штабов, степень вооруженности этих частей, направление передвижения войск и т. д. В декабре 1942 г. коммунисты Мудалиф Батчаев, Дмитрий Забегалов, Ахмат Семенов, Алексей Лубенцов, Мурат Хутов были направлены штабом Закавказского фронта для разведывательной работы в Карачай. Они систематически сообщали частям Красной Армии сведения о противнике, обеспечили бесперебойную работу радиции, выполняли специальные задания по переброске групп и отдельных лиц в тыл противника.³

В а. Теберда Карачаевской области директор средней школы Хасан Асланбекович Макоев активно выполнял все поручения подпольной разведгруппы воинской части Красной Армии. Живя в школе, он скрывал у себя на квартире радиста-разведчика Мудалифа Батчаева, организовал в ауле агитгруппу, которая проводила агитационную работу, направленную против оккупантов.⁴

Руководящие партийные и советские работники выполняли авангардную роль в борьбе с врагом. В одной только Черкесской области в партизанские отряды ушло 240 руководящих работни-

¹ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 101, л. 92.

² ПАСКК, ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 77.

³ ПАСКК, ф. 1, оп. 12, д. 20, л. 200.

⁴ Государственный архив Ставропольского края, (ГАСК), ф. 2174, оп. 2, д. 4, л. 150.

ков, из которых 114 погибли в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.¹

Партизанское движение в Черкесской автономной области возглавлял Геннадий Максимович Воробьев — первый секретарь областного комитета партии. Несмотря на тяжелые условия, сложившиеся в Черкесске, партизаны мужественно сражались против оккупантов. Отряды, руководимые тов. Воробьевым, провели в общей сложности 10 боевых схваток с немцами и полицейскими. В декабре 1942 г. Воробьев с группой партизан в количестве 70 человек был обнаружен и окружен немцами в лесу под Черкесском, сражался с ними до последнего патрона и погиб смертью героя.²

Партизанский отряд имени К. Е. Ворошилова был организован в декабре 1942 г. и оперировал в Черкесской области. В ходе боевых операций до 19 января 1943 г. им было взято в плен 116, уничтожено 100 вражеских солдат и офицеров, взят румынский штаб во главе с капитаном и сдан в особый отдел 37-й армии, пленена подрывная немецкая команда в количестве 11 человек, снят наблюдательный артиллерийский пункт со всеми приборами, захвачены трофеи — 4 пулемета (два станковых, два ручных), 115 винтовок, 12 автоматов, свыше 300 гранат, 10 тысяч патронов, 1 легковая машина. Во время боевых операций особо проявил себя Иван Максимович Артемов. С одной гранатой, ворвавшись в помещение, где располагался враг, он обезоружил и привел в штаб 6 немцев, доставил 1 ручной пулемет, 1 автомат, 4 винтовки.³

14 ноября отряды Ново-Александровского, Преградненского и Кировского районов в верховье р. Уруп вели семичасовой бой с частями 4-й горнострелковой альпийской дивизии. В этом бою противник потерял более 120 человек убитыми и около 200 человек ранеными.⁴ Кувинско-Икон-Халкский отряд на территории Черкесской автономной области уничтожил 85 немецких солдат и офицеров, подбил 7 вражеских автомашин, совершил 18 нападений.⁵

В борьбе за Родину смертью храбрых пали Максим Григорьевич Романчук, первый секретарь Карачаевского обкома ВКП(б),

¹ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 57, л. 2.

² ПАСКК, ф. 1, оп. 7, д. 1, л. 15.

³ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 101, л. 13.

⁴ ПАСКК, ф. 1, оп. 7, д. 1, л. 16.

⁵ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 101, л. 92.

Моисей Иванович Исаков, первый секретарь Карачаевского горкома партии, Якуб Чомаев, секретарь Преградненского райкома партии, Зекерья Исхакович Эркенов, комиссар партизанского отряда «За Родину», Заллю Биболатовна Эркенова, прокурор Карачаевской автономной области, партизаны Исмаил Идрисович Акбаев, Ханафи Касаев, В. К. Панаев, секретарь Преградненского райкома ВЛКСМ т. Папуков и др.

За короткий период своей деятельности с августа 1942 г. по январь 1943 г. партизанские отряды Карачая и Черкесии провели значительную работу по оказанию помощи частям Красной Армии. Действуя в тылу врага, партизанские отряды совершили более 100 крупных налетов и оборонительных боев. Во время этих операций уничтожено 1700 немецких солдат и офицеров, 22 автомашины, 11 танков, 13 мотоциклов, 7 пулеметов, взорвано 17 мостов, уничтожено свыше 30 км телефонной связи, а также много другого военного снаряжения.¹

Партизанские отряды Карачая и Черкесии сыграли большую роль. Они задержали немцев, дали возможность регулярным советским войскам укрепиться на перевалах Главного Кавказского хребта (Клухорском, Марухском, Санчарском и других). Отряды с честью выполнили свою задачу, оказав большую помощь в разгроме немецко-фашистской группы армии «А».

Разгром гитлеровской группировки под Сталинградом означал создание благоприятных условий для перехода советских войск в общее наступление на большей части советско-германского фронта. В январе—марте 1943 г. советские войска, действовавшие на Северном Кавказе, продвинулись с боями на 600—700 км Карачай и Черкесию освобождали войска 37-й армии, которыми командовал генерал-майор Козлов. Советские войска, освободив оккупированные территории Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР, города Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск, продолжали успешное наступление в сторону Карачая и Черкесии. 13—16 января 1943 г. 37-я армия преследовала противника в общем направлении на Черкесск. В боях у ст. Суворовской было уничтожено до 110 солдат и офицеров противника, захвачено 3 пушки, 5 станковых пулеметов, 6 минометов, 28 винтовок, несколько автомашин со снарядами и патронами.²

Активные боевые действия завязались на подступах к Черкесску. Фашистское командование здесь сосредоточило крупные

¹ Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Ставрополь, 1962, стр. 188.

² Архив Министерства обороны СССР, ф. 392, оп. 8898, д. 55, кк. 29.

силы 370-й дивизии, ряд других частей и старалось закрепиться на подступах к городу. Несмотря на сильный мороз и метель, в ночь на 15 января 1943 г. передовые полки 2-й гвардейской стрелковой дивизии, стремительно развивая наступление, нанесли врагу ряд поражений.

16 января командование 37-й армии подтянуло к городу новые силы. 17 января, преследуя отходившего противника, соединения 37-й армии ворвались в Черкесск и освободили его. Первым в город ворвался 3-й батальон 535-го гвардейского стрелкового полка под командованием гвардии старшего лейтенанта тов. Косманчука. Своими решительными действиями батальон внес панику в ряды врага. Он овладел переездом через железнодорожную линию и отрезал пути отступления автотранспорта противника. Несмотря на ожесточенные контратаки противника, батальон захватил и удержал за собой 6 шестиствольных минометов, 20 автомашин. Продвигаясь к центру города, батальон уничтожил в шести домах, приспособленных к обороне, 40 фашистов и захватил в плен 70 румынских солдат. Старший сержант Факин с десятью бойцами захватил румынский обоз в 40 подвод и 120 пленных.

В боях за Черкесск войска 37-й армии разгромили 667-й пехотный полк, 370-ю пехотную и 2-ю гвардейскую стрелковую дивизию румын.¹

Ожесточенное сопротивление наступавшим советским частям фашисты оказывали на берегах рр. Малого и Большого Зеленчуков. 21 января 1943 г. разгорелся кровопролитный бой за а. Бесленей. 2-я гвардейская стрелковая дивизия, встречая упорное сопротивление пехоты противника, стала обходить Бесленей с севера. Советские части не дали врагу закрепиться на новом рубеже. Фашисты бежали в панике. Бесленей был взят, а вслед за ним рухнула и вся оборона немцев на р. Большой Зеленчук.² 22 января был освобожден Карачаевск — центр Карачаевской области. С 23 по 25 января были освобождены ст. Зеленчукская, Преградненская, п. Курджиново и Псебай, а к 29 января на территории края уже не осталось ни одного вражеского солдата.³

Трудовые и ратные подвиги советских людей в период Вели-

¹ Архив МО СССР, ф. 392, оп. 8898, д. 27, к. к. 29.

² Там же, д. 69, к. к. 63.

³ ПАСКК, ф. 1, оп. 7, д. 1, л. 15.

кой Отечественной войны были высоко оценены Коммунистической партией и Советским правительством. Свыше 2 тыс. человек из Карачая и Черкесии награждены орденами и медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»¹ За ратные подвиги высоких правительственных наград были удостоены более 14 тыс. воинов.²

II. Деятельность партийных организаций Карачая и Черкесии по возрождению народного хозяйства (1943—1945 гг.)

В период временной оккупации Карачая и Черкесии гитлеровские варвары причинили огромный ущерб народному хозяйству, общественным организациям, культурно-просветительным учреждениям и гражданам. Общая сумма нанесенного ущерба промышленным предприятиям Карачая и Черкесии составляет 220 124 936 руб.³

Особенно большой ущерб был нанесен сельскому хозяйству области. Гитлеровцы разрушали и сжигали не только промышленные предприятия, но и материально-техническую базу колхозов и совхозов, машинно-тракторные станции, животноводческие фермы, зернохранилища и овощехранилища.

В результате немецкой оккупации было сильно подорвано животноводство. Гитлеровцами уничтожено 20 700 лошадей, 36 501 голова крупного рогатого скота, 239 852 овцы, 49 512 свиней. Почти полностью было уничтожено колхозное птицеводство Карачая и Черкесии — 146 891 голова птицы.⁴ Немцы уничтожили в Карачае 112 колхозных пасек и 8 тыс. пчелосемей. Забирая мед, они топили в воде пчел, а опустошенные ульи сжигали, используя их как дрова. Оккупанты разрушили 112 молочно-варных, 112 конетоварных, 26 свиноводческих ферм.⁵

В результате хозяйничания немцев сильно пострадала техническая база сельского хозяйства. В совхозах и колхозах Черкесской области было разграблено и уничтожено 242 конных плуга, 520 сенокосилок, 792 сеялки, 34 мастерских МТС, 11 гаражей, сараев, 37 вагончиков для трактористов. В денежном выражении материальный ущерб, нанесенный немецкими оккупантами сельскому хозяйству Черкесской области, составляет: по колхозам —

¹ Труды Черкесского НИИ, вып. 2, 1954, стр. 196.

² «Ленинское знамя», 1967, 14 января.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, ед. хр. 189, л. 11.

⁴ ГАСК, ф. р. 1368, оп. 1, д. 228, л. 1.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, ед. хр. 189, л. 14.

340 297 365, по совхозам — 13 701 123, по МТС — 7 695 762, а всего — 361 723 250 руб.¹

Наряду с грабежами и уничтожением имущества и продуктов, принадлежащих колхозам и совхозам, гражданам, немецкие захватчики пытались уничтожить культурно-просветительные и лечебные учреждения. Убыток, нанесенный фашистами школам и культурным учреждениям только одного города Черкесска, составляет 2635 тыс. руб.² Сильно пострадало и личное имущество населения: ущерб этот составил более 14 млн. руб. Разрушено много домов и хозяйственных построек. Общая сумма ущерба, нанесенного народному хозяйству, культуре, государственным учреждениям, общественным организациям и гражданам Карачая и Черкесии, исчисляется в сумме, превышающей 3 млрд. руб.³ Приведенные факты показывают, какой колоссальный материальный ущерб понесли Карачаевская и Черкесская автономные области в период оккупации.

Партийные организации Карачая и Черкесии в первые же дни после освобождения областей от фашистских захватчиков восстановили партийные, советские, комсомольские и профсоюзные органы. На руководящую работу были выдвинуты опытные коммунисты. Партийные организации и местные Советы сплотили вокруг себя актив трудящихся, с помощью которого решали сложные задачи по восстановлению народного хозяйства, улучшению бытовых условий населения.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделили большое внимание восстановлению и развитию народного хозяйства Карачая и Черкесии. Постановлением СНК СССР от 7 мая 1943 г. на восстановление народного хозяйства Ставропольскому краю было ассигновано более 77 млн. руб. Кроме того, СНК СССР отпустил 25 млн. руб. кредита колхозам, колхозникам, рабочим и служащим на восстановление производственных построек, на обзаведение скотом, приобретение сельскохозяйственного инвентаря и восстановление жилого фонда, находящегося в личном пользовании трудящихся. Ставропольский краевой комитет партии и крайисполком уделяли большое внимание восстановлению и развитию промышленности, сельского хозяйства и культурно-бытовых учреждений Карачая и Черкесии. Черкес-

¹ ГАСК, ф. р. 1368, оп. 1, д. 2, л. 178.

² Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС. ф. 115, оп. 1, д. 7, л. 42.

³ З. К. Карданов. Карачаево-Черкесия за 40 лет Советской власти. Черкесск, 1957, стр. 113.

ской автономной области было отпущено 2 млн. руб.,¹ а Карачай, кроме денежной помощи, получил на сотни тысяч рублей промтоваров, специально для горных аулов.²

Партийные организации Карачая и Черкесии, выполняя указания Коммунистической партии и Советского правительства, развернули большую партийно-политическую и агитационно-массовую работу. Партийные организации приняли ряд мер по обеспечению выполнения плана восстановительных работ. Прежде всего они направили коммунистов и комсомольцев на решающие участки промышленности, транспорта и сельского хозяйства.³ В короткое время областные партийные организации для практической помощи направили в районы большую группу областного партийно-советского актива и специалистов различных отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Вопросы восстановления разрушенного хозяйства стояли на бюро и пленумах обкомов ВКП(б), горкомов, райкомов, а также на собраниях партийного актива. Учитывая важность восстановительных работ, Карачаевская и Черкесская партийные организации в своей деятельности на первое место ставили задачи дальнейшего усиления всесторонней помощи фронту.

В целях более быстрого восстановления народного хозяйства бюро Карачаевского обкома ВКП(б) 16 августа 1943 г. приняло решение о подготовке и переподготовке кадров массовой квалификации. Было намечено подготовить до 1300 человек путем индивидуального и группового обучения без отрыва от производства.

5—6 сентября 1943 г. в Карачае и Черкесии прошли областные собрания партийного актива. Они обсудили вопрос: «Об итогах XI пленума Ставропольского краевого комитета ВКП(б) и задачах восстановления народного хозяйства».⁴

Партийные организации Карачая и Черкесии прежде всего обратили внимание на восстановление угольной промышленности.

Правительство ассигновало на восстановление разрушенных шахт более 1500 тыс. руб.⁵ 18 апреля 1943 г. было создано совещание хозяйственного актива угольной промышленности Кара-

¹ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 2, д. 35, л. 4.

² Там же, ф. 371, оп. 2, л. 206.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, д. 75, л. 13.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, л. 14.

⁵ ГАСК, ф. р. 1368, д. 69, л. 31.

чая, которое призвало партийные, советские, профсоюзные организации усилить работу по мобилизации рабочих и служащих на быстрое восстановление угольной промышленности.

Не оставался в стороне и комсомол. 25—26 сентября в Карачаевске состоялось областное собрание комсомольского актива, которое обсудило вопрос: «Задачи и участие молодежи в проведении в жизнь постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов».¹

В тяжелых условиях войны партийные организации Карачая и Черкесии развернули работу по восстановлению промышленности, чтобы еще больше усилить помощь фронту. За короткий срок—с января по июнь 1943 г.—были восстановлены почти все предприятия промышленности. Коллективы шахт № 1 и № 3, во главе которых стояли коммунисты, перешагнули производственные показатели довоенного времени. За первое полугодие 1943 г. шесть шахт Карачая дали стране 6 тыс. т угля. К 1944 г. в Карачае были восстановлены все 13 шахт. Это была большая победа шахтеров, достигнутая под руководством партийных организаций в сложных условиях войны и разрухи.²

Самоотверженно работали трудящиеся Карачая и Черкесии на возрожденных предприятиях, отдавая свой труд общему делу советского народа — разгрому врага. С новой силой развернулось социалистическое соревнование. Больших трудовых успехов в предоктябрьском соревновании добились рабочие комбината «Севкавзолото», которому Ставропольский крайком ВКП(б) и крайисполком вручили переходящее Красное знамя.

В 1943 г. железнодорожники Орджоникидзевской железной дороги, включившись в предоктябрьское социалистическое соревнование, дали обязательство выполнять план по погрузке и выгрузке не менее чем на 200%, снизить простои вагонов не менее чем на 3 часа. В связи с этим хороших показателей в предоктябрьском социалистическом соревновании добились автотранспортники Черкесии, доставлявшие уголь к железнодорожной ветке. Они увеличили километраж пробега автомобилей сверх плана более чем на 10%, перевыполнив задание по перевозке угля на 10%.³

¹ «Красный Карачай», 1943, 27 сентября.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, д. 189, л. 13.

³ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 3, д. 3, л. 5.

За 11 месяцев 1943 г. неплохих результатов добились рабочие и служащие системы Чернацпромсоюза, выполнив годовой план на 108,3%. Значительно превысили задание такие артели, как имени Кирова, имени 1 Мая и «Новый путь». На 1 мая 1944 г. на промышленных предприятиях Черкесской области насчитывалось более 700 стахановцев, систематически выполняющих и перевыполняющих производственные нормы.

Еще больших успехов добилась промышленность Черкесии в первом полугодии 1944 г. По государственным предприятиям план первого полугодия выполнен на 124, по кооперативным — на 126%. Восстановлена была горнорудная промышленность. Комбинат «Севкавзолото» из месяца в месяц выполнял государственный план по добыче шеелита, золота. План второго квартала 1943 г. был выполнен на 127,6%. Уже во втором квартале 1943 г. предприятия «Севкавзолото» дали стране металла в размере, превышающем добычу в доокупационный период.¹ С ростом промышленности значительно вырос и численный состав рабочих. Если в 1943 г. на промышленных предприятиях Черкесии работало 1513 человек, то на 1 сентября 1946 г. количество рабочих составило 2740 человек.²

Проводя гигантскую работу по восстановлению промышленности, партия уделяла также огромное внимание возрождению сельского хозяйства, благодаря чему трудности, созданные войной и временной оккупацией, успешно преодолевались. На помощь Карачаю и Черкесии пришли трудящиеся многих республик и областей. Колхозы и совхозы получили тракторы, плуги, скот, семена.

Советское государство оказывало помощь Карачаю и Черкесии кредитами, семенной ссудой, различными материалами. К весеннему севу 1943 г. колхозы и совхозы Карачая получили в виде государственной ссуды 330 ц семян.³ По постановлению СНК РСФСР от 21 августа 1943 г. колхозам Карачаевской области для проведения осеннего сева было отпущено 1500 п. семян.⁴

В Карачай и Черкесию из братских республик поступали строительные материалы: цемент, олифы, стекло, лес, краски, кровельные и другие материалы. Полностью было сохранено и

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, д. 189, л. 12.

² Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 3, д. 3, л. 4.

³ «Красный Карачай», 1943, 8 октября.

⁴ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 371, оп. 2, л. 206.

возвращено эвакуированное имущество организаций, колхозов, совхозов и поголовье скота. Трудящиеся Нагорного Карабаха безвозмездно передали колхозам и совхозам Карачаевской области более 52 т. пшеницы, около 8 т. ячменя, 1600 кг проса, 3200 кг гороха, 2500 кг полбы; 16 голов крупного и 46 голов мелкого рогатого скота, много свиней, кур; картофеля, лука, сыра, масла, лоби, яиц; 4350 тыс. руб., 500 предметов одежды и обуви, выделили полный комплект оборудования для детских яслей.¹

Большую помощь сельскому хозяйству оказывали трудящиеся Нахичеванской автономной республики. Они отправили городу Черкесску 8 вагонов различных продуктов и материалов, в том числе зерно, рис, соль, мебель, медицинскую аппаратуру, оборудование для детских яслей, библиотеку и т. д.

Вопросы восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства были объектом обсуждения бюро и пленумов Карачаевского и Черкесского обкомов и райкомов партии, а также партактивов и собраний, совещаний передовиков сельского хозяйства. Исходя из указаний ЦК ВКП(б) и СНК СССР, Карачаевский и Черкесский комитеты партии приняли ряд постановлений, в которых была изложена практическая программа борьбы партийных организаций за скорейшее восстановление сельского хозяйства.

В марте 1943 г. в связи с приближением сроков весеннего сева Черкесский обком ВКП(б) провел совещание работников сельского хозяйства, на котором были обсуждены неотложные меры подъема колхозного и совхозного производства. В обращении участников совещания указывалось: «Сейчас перед нами большая и ответственная задача — восстановить разрушенное колхозное и совхозное хозяйство, как можно быстрее ликвидировать последствия немецко-фашистской оккупации в сельском хозяйстве. В ближайшие же дни полностью закончить подготовку к весеннему севу, очистить и довести до посевных кондиций семенной материал, укомплектовать полеводческие бригады и звенья, закрепить за ними земельные участки и рабочее тягло».²

2 апреля 1943 г. Карачаевский обком партии созвал областное собрание партийного актива, где обсуждался вопрос о восстановлении и развитии сельского хозяйства области, а 21 апреля — областное совещание по животноводству.³

¹ «Ставропольская правда», 1943, 29 сентября.

² Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 5

³ «Красный Карачай», 1943, 23 апреля.

Все эти решения мобилизовали массы на новые трудовые подвиги. «Все для фронта, все для победы» — этот девиз стал звучать еще сильнее. Колхозы и совхозы Карачая и Черкесии в чрезвычайно тяжелых условиях, при серьезном недостатке тягловой силы, а также семян, при перебоях с горячим и т. д. справились с проведением весеннего сева.¹ Сверх государственного плана в одной только Черкесии было посеяно 1400 га зерновых культур.²

25 июня 1943 г. Карачаевским обкомом ВКП(б) было принято постановление «Об уборке урожая и заготовке сельскохозяйственных продуктов в 1943 г.»³ По призыву областного комитета партии все колхозники и колхозницы, рабочие и служащие совхозов и МТС области вышли на уборку урожая и провели ее по-боевому, выполнив план сдачи государству сельскохозяйственной продукции.

В борьбе за восстановление сельского хозяйства активное участие принимали комсомольцы и молодежь. Из них были созданы бригады по сбору колхозного имущества и обеспечения колхозов семенами. Эти бригады в Черкесии собрали 1200 вил, 800 ручных граблей, 700 кос, серпов, отремонтировали 39 жаток, 21 лобогрейку, 18 сноповязалок, 109 сортировок, 929 крестьянских ходов, свыше 391 косилок, 68 триеров, 53 комбайна, 84 весов, приняли активное участие в ремонте зернохранилищ, амбаров, оборудовании токов. Комсомольцы а. Алибердуковский Хабезского района собрали 900 ц семенного материала, вместо 400 ц запланированных.⁴

Всего комсомольцами Черкесии было собрано 1 тыс. т. семенного материала, более чем на 70 тыс. руб. различных инструментов, запасных частей к сельхозмашинам и металлолома. Во время весеннего сева комсомольцы Черкесии посеяли сверх нормы 188 га, названных ими оборонными, и совместно с несоюзной молодежью и колхозниками — еще 850 га хлебов. Ими было скошено 12280 га трав, засилосовано 32055 т силоса. Для сдачи государству было законтрактовано 3930 голов крупного рогатого скота, 169 овец и козوماتок, 7765 голов птицы. Собрано и возвращено на колхозные фермы более 900 голов различных

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, д. 189, л. 7.

² Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 33.

³ Там же, ф. 371, оп. 2, л. 218.

⁴ Там же, ф. 115, оп. 1, д. 18, л. 3.

животных, восстановлено 17 конеферм, 65 МТФ, 66 ОТФ, 19 СТФ.¹

В Карачае комсомольцами и несоюзной молодежью было собрано 19450 голов крупного рогатого скота и законтрактовано 4350 телят. Молодежь успешно подготовила к зимовке 78 ферм. В этой области со 195 оборонных га было собрано 6800 ц. пшеницы, 825 ц. кукурузы, 350 ц. подсолнуха. На уборке картофеля и кукурузы соревновались 115 комсомольско-молодежных звеньев и 11 комсомольско-молодежных бригад.²

Конец 1943 г. характеризуется большой активностью колхозного крестьянства. Колхозники выступали инициаторами многих начинаний, которые должны были ускорить выполнение государственных планов. Десятки колхозов полностью рассчитались с государством по хлебу и другим сельскохозяйственным продуктам, выполнили и перевыполнили государственный план сева озимых культур. За перевыполнение плана урожайности 36 колхозных звеньев в Черкесии получили дополнительную оплату, причем из этих 36 звеньев по картофелю — 14, по подсолнечнику — 16, по кукурузе — 4, по фасоли — 2.³

Партийные организации Карачая и Черкесии, борясь за восстановление сельского хозяйства, много поработали, чтобы вырастить отряд передовиков и новаторов производства. 29 января 1944 г. бюро Ставропольского крайкома партии и крайисполком наградили почетными грамотами 75 передовиков МТС и колхозов, добившихся высоких показателей в выполнении производственных планов.

В трудных условиях военного времени многие животноводы области добились прекрасных результатов. Старший чабан колхоза имени Карла Маркса Кувинского района Михаил Абрамович Денисенко при плане 3,9 кг настриг с каждой мериносовой овцы по 5 кг высококачественной шерсти, хорошо подготовил свою отару к зимовке.⁴ В колхозе имени Коминтерна (ст. Исправная Кировского района) доярка Степанида Гавриленко от 10 коров надоила по 1390 л молока при плане 1060 л, за что ей было начислено в виде дополнительной оплаты 125 л молока.

Неплохо работали трактористы. В 1944 г. молодежно-комсо-

¹ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 115, оп. 1, д. 18, л. 4.

² ПАСКК, ф. 1, оп. 1, д. 802, л. 15.

³ Там же, л. 8.

⁴ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 33.

мольская бригада Икон-Халкской МТС на 15-сильный трактор выработала 800 га мягкой пахоты и числилась в Норкомземе СССР по соревнованию на втором месте.

Партийные организации области вырастили и немало передовиков сельского хозяйства среди комсомольцев. За успешную работу на весеннем севе 1944 г. постановлением крайкома ВЛКСМ и крайзо было награждено 19 молодых трактористок, колхозников, колхозниц почетными грамотами. В краевую Книгу почета молодых передовиков занесен Ибрагим Гуков — тракторист Икон-Халкской МТС, вспахавший трактором «СТЗ» 339 га; отмечена хорошая работа молодежной бригады т. Кубанова (Икон-Халкская МТС) и Гомазенко (Черкесская МТС).

В 1944 г. колхозы и совхозы провели весенний сев организованнее, чем в 1943 г., но еще не добились получения довоенных урожаев, хотя отдельные колхозы, бригады и звенья получили урожай выше, чем до оккупации. Так, например, колхоз имени Карла Маркса Кувинского района получил в 1944 г. в среднем по 12 ц овса, по 10,4 ц ярового ячменя, по 20 ц подсолнуха с га. Колхоз досрочно выполнил план хлебозаготовок и сдал в фонд Советской Армии 6 тыс. п. хлеба.¹

Дальнейшее развитие народного хозяйства Карачаевской автономной области было приостановлено осенью 1943 г. Как известно, 2 ноября 1943 г. была упразднена Карачаевская автономная область, а карачаевский народ переселен в Среднюю Азию и Казахстан. Этот акт был грубым нарушением ленинской национальной политики, суверенитета и свободного самоопределения всех наций страны.

Находясь на новых местах жительства в Казахской и Киргизской ССР, карачаевцы продолжали упорно трудиться. Вместе с русскими, казахами, киргизами, узбеками и другими братскими народами под руководством Коммунистической партии они в грозные годы Великой Отечественной войны ковали победу над врагом, самоотверженно трудились на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах. Тысячи тружеников-карачаевцев стали трактористами, комбайнерами, шоферами, механиками, приобрели и другие новые профессии, добивались высокой про-

¹ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 3, д. 1, л. 33.

производительности труда в разных отраслях сельского хозяйства и промышленности.

В крупнейшем хлопководческом совхозе страны «Пахта-Арал» было поселено 3680 карачаевцев — 944 семьи (из которых 1227 человек были трудоспособными). Рабочие — карачаевцы, составлявшие $\frac{1}{4}$ часть всех рабочих совхоза, активно включились в работу, в результате чего в 1944 г. совхоз «Пахта-Арал» добился значительного повышения производительности труда по сравнению с 1943 г., дав стране большое количество хлопка, мяса, молока, шерсти.¹ На сборе хлопка в совхозе особенно отличились из карачаевцев стахановцы: Акбаева, собравшая 20 тыс. кг «белого золота» (в день она собирала по 250 кг), Казиева и Хапаев.² Среди доярок совхоза отличились Каракыз Джатдоева, позже ставшая одной из лучших доярок Казахстана, удостоенной ордена Ленина.

В годы Великой Отечественной войны многие труженики-карачаевцы за ударный труд были награждены грамотами Верховных Советов Казахской, Киргизской и Узбекской ССР, орденами и медалями Советского Союза. Тысячи карачаевцев были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Центральные Комитеты Коммунистических партий среднеазиатских республик, местные партийные организации и органы Советской власти давали высокую оценку трудовой деятельности карачаевцев как в период Великой Отечественной войны, так и в годы послевоенного социалистического строительства. «Основная масса трудоспособных выселенцев,— говорилось в докладе ЦК КП(б) Казахстана ЦК ВКП(б),—относится к труду добросовестно, многие из них получили и получают в данное время премии, поощрения и правительственные награды.³ ЦК КП(б) Киргизии в 1944 г. отметил, что большая часть переселенцев трудится честно и упорно, многие из них перевыполняют производственные задания. В докладной записке говорилось о том, что группы косарей-карачаевцев из колхоза «Новая жизнь» Фрунзенской области перевыполняли ежедневно нормы выработки. В период хлебоуборки во многих колхозах и совхозах ежедневно работали «не только все трудоспособные специалисты,

¹ Партархив Киргизского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 56, оп. 8, д. 810, л. 6.

² Там же, д. 1128, л. 73.

³ Партархив Киргизского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 708, оп. 13, д. 354, л. 9.

но даже старики, подростки и дети 12—14 лет».¹ Так, тракторист Таласской области С. Байрамуков выполнял норму пахоты на 300%, за что был премирован обкомом партии ценным подарком.²

ХХ съезд партии вскрыл факты грубого нарушения основных принципов ленинской национальной политики, выразившиеся в необоснованном выселении целых народов, осудил их и принял меры к их устранению. ЦК КПСС и Советское правительство, руководствуясь решениями ХХ съезда партии, осуществили меры по реабилитации высланных народов. В январе 1957 г. допущенные ошибки были ликвидированы — восстановлена автономия карачаевского народа. Черкесская автономная область была преобразована в Карачаево-Черкесскую. Восстановлена национальная автономия также балкарцев, калмыков, чеченцев, ингушей, чем созданы условия для их всестороннего развития в братской семье народов СССР. Это благотворно сказалось на укреплении дружбы и социалистического интернационализма советских народов.³

Восстановление национальной автономии карачаевского народа явилось важной вехой на пути развития производительных сил Карачаево-Черкесии. Это событие создало все условия для быстрого обновления и роста экономики области.

12 декабря 1944 г. Совнарком СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Ставропольского края». Для обсуждения постановления Совнаркома СССР и определения конкретных задач 15 декабря 1944 г. в Черкесске собралось областное собрание партийного актива. Его участники вскрыли недостатки и положительные стороны в работе местных партийных организаций по руководству восстановительными работами в области промышленности и сельского хозяйства, наметили пути их устранения.⁴

Партийные организации Черкесии восприняли постановление областного собрания партийного актива как программу конкретных мероприятий. Многие районные комитеты партии, первичные партийные организации проделали большую организаторскую работу, сумели возглавить патриотический подъем колхозного крестьянства.

¹ Партархив Киргизского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 56, оп. 4, д. 810, лл. 16, 17.

² Там же, оп. 56—5, д. 615, л. 39.

³ История КПСС, М., Госполитиздат, 1963, стр. 646.

⁴ «Красная Черкесия», 1945, 7 ноября.

Героический труд колхозников дал неплохие результаты. Если Черкесия в 1943 г. сдала государству 820 тыс. п. хлеба, то в 1944 г. — 975 тыс. п. Несмотря на то, что животноводству был нанесен огромный урон фашистскими оккупантами, колхозы Черкесии за годы войны сдали государству 120 тыс. п. мяса, 6 млн. п. молока, более 2 млн. шт. яиц, 11513 тыс. п. шерсти.¹

Задача победоносного завершения войны требовала от партийных организаций дальнейшего усиления их боеспособности, мобилизации всех сил работников сельского хозяйства на борьбу за максимальное повышение урожайности колхозных полей и продуктивности животноводства. 11 февраля 1945 г. состоялось совещание передовиков полеводства Черкесии. Вслед за совещанием прошли пленумы райкомов, партийные собрания, на которых коммунисты по-деловому обсудили свои задачи и определили конкретные меры, имевшие решающее значение для дальнейшего развития сельского хозяйства области и дальнейшей активизации всей партийной работы.)

Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства, областных и местных партийных и советских органов, трудовой героизм колхозного крестьянства способствовали тому, что огромный ущерб, нанесенный сельскому хозяйству войной, был в основном ликвидирован. В Черкесии были освоены все пахотные земли, значительно увеличилось по сравнению с военным периодом поголовье скота в колхозах, совхозах и в личном пользовании колхозников.

* * *

(Деятельность партийных организаций Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны — один из ярких примеров организаторского мастерства ленинской Коммунистической партии, умелого руководства ею трудящимися массами, в сознательности и героизме которых состоит главный источник силы советского общества. В. И. Ленин указывал: «Причина наших побед: прямое обращение нашей партии и Советской власти к трудящимся массам с указанием на всякую очередную трудность и очередную задачу; умение объяснить массам, почему надо налечь изо всех сил то на одну, то на другую сторону советской работы в тот или иной момент; умение поднять энергию,

¹ Партархив Карачаево-Черкесского обкома КПСС, ф. 1, оп. 3, ед. хр. 3, л. 10.

героизм, энтузиазм масс, сосредотачивая революционно напряженные усилия на важнейшей очередной задаче».¹

Партийные организации Карачая и Черкесии, как и вся Коммунистическая партия, твердо помнили и проводили в жизнь указания В. И. Ленина, сумели еще выше поднять социалистическую сознательность масс, увеличить вклад в общее дело разгрома врага.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 305.

ВОВЛЕЧЕНИЕ ГОРСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СИСТЕМУ РУССКОГО КАПИТАЛИЗМА

В изучении истории горских народов большую роль сыграли научно-исследовательские институты автономных республик и областей, опубликовавшие много ценных работ по истории, преимущественно своих народов.

Важнейшее место в исследованиях занимали проблемы социально-экономического развития народов Северного Кавказа и дружбы с русским народом.

По истории народов Карачаево-Черкесии наиболее ценны и содержательны работы В. П. Невской, И. Х. Калмыкова, А. И. Лаврова, Х. О. Лайпанова;¹ по истории Кабардино-Балкарии — Т. Х. Кумыкова, Н. Ф. Мужева;² по истории Северной Осетии — М. С. Тотоева, А. К. Джанаева, М. М. Блиева, Б. В. Скитского, Г. Кокиева, А. Тедтоева, В. И. Лариной, Дзагурова, Г. В. Каз-

¹ См.: В. П. Невская. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956; Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период). Черкесск, 1960; Карачай в пореформенный период, Ставропольское книжное издательство, 1964. И. Х. Калмыков. Черкесы. В сб.: «Народы Карачаево-Черкесии», Ставрополь, 1957, А. И. Лавров. Абазины (там же). Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.

² См.: Т. Х. Кумыков. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX веке. Нальчик, 1962; Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965. Н. Ф. Мужев. Социально-экономическое развитие Кабарды в 50—60 годах XIX века. Ученые записки Кабардинского пединститута. вып. VI. Нальчик, 1955.

бекова;¹ по истории Адыгей — М. В. Покровского;² по истории чеченцев и ингушей — А. В. Фадеева, Н. П. Гриценко и Б. А. Калоева.³

В эти же годы вышли обобщающие труды — «Очерки истории Адыгей»,⁴ «История Кабарды»,⁵ «История Северо-Осетинской АССР». Все эти труды освещают в основном историю отдельных народов. Недостаточно изученными остаются общие проблемы социально-экономического развития горских народов под влиянием русского капитализма и роста дружественных связей с русским народом.

Такой обобщающей работой является монография Т. Х. Кумыкова «Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок», но она написана только на материалах о горских народах Терской области, преимущественно Кабарды.

Задача данной статьи — показать, как происходил процесс вовлечения горских народов бывших Кубанской и Терской об-

¹ См.: М. С. Тотоев. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1954. А. К. Джанаев. К истории формирования рабочего класса в Северной Осетии. Известия Северо-Осетинского НИИ, т. XIX. Орджоникидзе, 1957. М. М. Блиев. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959.

Б. В. Скитский. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа. Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. I, вып. 2. Грозный, 1959; Сословный вопрос в Северной Осетии во II половине XIX века и в начале XX века. Известия Северо-Осетинского НИИ, т. XVI. Г. Кокиев. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1963. А. Тетдоев. Временно проживающие крестьяне в Северной Осетии во II половине XIX века и в начале XX века. Дзауджикау, 1952. В. И. Ларина. Социально-экономическое развитие г. Владикавказа во II половине XIX века и его влияние на окружающее горское население. Известия Северо-Осетинского НИИ, т. XXI, вып. 1. Д. А. Дзагуров. Заметки о сельском хозяйстве Северной Осетии во II половине XIX века — начале XX века. Известия Северо-Осетинского НИИ, т. XXII, вып. 3. Г. В. Казбеков. Формирование и развитие рабочего класса в Северной Осетии (1860—1940 гг.). Орджоникидзе, 1963.

² М. В. Покровский. Русско-адыгейские торговые связи, Майкоп, 1957.

³ А. В. Фадеев. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России. «История СССР», 1959, № 6; О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. II, вып. 1, Грозный, 1960. Н. П. Гриценко. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период. Известия Чечено-Ингушского НИИ, т. IV, вып. 1; т. V, вып. 1. Грозный, 1963. Б. А. Калоев. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей. «Советская этнография», 1961, № 1.

⁴ Очерки истории Адыгей, т. I, Майкоп, 1957.

⁵ История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957.

ластей в систему русского капитализма, особенности социально-экономического развития горских народов в пореформенный период под влиянием проникавших в горские аулы капиталистических отношений.

Пореформенное время в России характеризуется ускоряющимися темпами капиталистического развития. При этом «...капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических стран в водоворот мирового хозяйства».¹

Капитализм в России особенно нуждался в новых районах и рынках, так как его развитие в Центре сдерживалось многочисленными пережитками феодально-крепостнического строя. В силу этого развитие капитализма шло «вширь», охватывая новые районы страны, в том числе и территорию горских народов Северного Кавказа.

Однако в первые пореформенные десятилетия (60—70-е гг.) горские народы слабо вовлекались в систему экономического развития России. Слабое развитие капитализма в эти годы в Центре, недостаток капиталов, отсутствие удобных транспортных связей тормозили проникновение капитализма в горские аулы. Поэтому включение Кавказа в общую систему русского капитализма произошло в последующие десятилетия, — «...экономическое «завоевание» его Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне», — писал В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России».²

80—90-е гг. характеризуются более быстрыми темпами экономического завоевания горских районов, включением их в общую систему капитализма России; при этом русский капитализм отводил им роль аграрно-сырьевого придатка, здесь создавались важные районы торгового земледелия и скотоводства.

С развитием капитализма начинается строительство железных дорог, связавших Кавказ с остальной Россией. В 1872 г. Александр II подписал указ о строительстве Владикавказской железной дороги, потребность в которой диктовалась также военно-стратегическими задачами — усилением обороноспособности Кавказа.

Строительство Владикавказской железной дороги способствовало росту сельскохозяйственного предпринимательства, повы-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 595.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 594.

шению цен на землю. До 1872 г. десятина земли в Кубанской области (в районе намечавшегося строительства дороги) стоила 12—15 руб., а в 1874 г. земля охотно покупалась по 25 руб. за десятину.¹ Но в связи с еще низким уровнем товарности хозяйства Владикавказская железная дорога была убыточна. Положение изменилось в 80-е гг., когда была построена железная дорога Тихорецкая—Новороссийск (1887—1888 гг.), давшая возможность вывоза сельскохозяйственной продукции за границу. В последующие годы Северный Кавказ был связан железными дорогами с Поволжьем (в 1899 г. построена железная дорога Тихорецкая—Царицын), с Каспийским морем (до Петровского порта сооружена в 1894 г.) и с Закавказьем (до Дербента в 1900 г.).

Строительство железных дорог способствовало развитию земледелия и скотоводства, росту товарности сельского хозяйства. Если в 1877 г. в Терской области было собрано хлеба 204 338 четвертей, что при населении в 610 773 человека составило по 0,37 четверти на душу,² то в 1894 г. при населении в 837 292 человека собрано 1 504 682 четверти — по 1,79 четверти на человека,³ в 1900 г. — 2 815 798 четвертей, по 3,01 четверти на душу населения.⁴

Еще значительнее были успехи в развитии зернового хозяйства Кубанской области.⁵

Годы	Собрано зерна, в четвертях	На душу насе- ления, в четвер- тях	Урожайность, в самах
1891	9011398	6,5	6,8
1892	12406647	7,8	6,8
1893	13237193	8,0	7,0
1894	11136146	6,5	6,5
1895	11992292	6,25	5,9

¹ «Кубанские войсковые ведомости», 1874, № 18.

² Сборник сведений по Терской области, Владикавказ, 1878, стр. 150.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 422, оп. 3, д. 1462, л. 39.

⁴ Терский календарь на 1902 год, Владикавказ, 1901, стр. 61.

⁵ Отчет начальника Кубанской области за 1895 год. Екатеринодар, 1896, стр. 74—79.

Товарные излишки по области за три года составляли более 4 четвертей на душу населения.

Не менее показателен рост скотоводства в обеих областях:¹

Области	Годы	Лошадей	Крупного рогатого скота	Мелкого скота	Всего
Терская	1875	—	—	—	1795397
Терская	1898	212835	1067229	2079324	3359408
Кубанская	1879	197242	1170471	2417874	4296831
Кубанская	1898	570770	1480177	3232450	5649636

По количеству скота на душу населения обе области занимали одно из первых мест в России — на 100 жителей в Терской области приходилось 372 головы скота, в Кубанской — 300 голов. Это были важные районы товарного скотоводства. [←]

Об увеличении товарности хозяйства Кубанской и Терской областей свидетельствует возросший вывоз сельскохозяйственной продукции: в 1895 г. из Кубанской области отправлено 72667 голов крупного рогатого скота, 617567 овец, 346183 п. шерсти, 118228 овчин;² торговые обороты по области составили в 1896 г. 51 585 025, в 1898 г. — 58 261 141, в 1899 г. — 68 852 223 руб.³ — по 53—56 руб. на душу населения.

Из Терской области в 1897 г. вывезено 7,5 млн., в 1899 г. — 16 млн. п. хлеба,⁴ торговый оборот по области вырос с 805 тыс. в 1875 г. до 4301 тыс. руб. в 1886 г.,⁵ в 1876 г. торговых свидетельств выдано на 24 048, в 1885 г. — на 111 882 руб.⁶

¹ Таблица составлена по данным отчетов начальников областей.

² Отчет начальника Кубанской области за 1895 год. Екатеринодар, 1896, стр. 96.

³ Отчет начальника Кубанской области за 1899 год. Екатеринодар, 1900, стр. 122.

⁴ Т. Х. Кумыков. Социально-экономическое развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. М., 1962, стр. 38.

⁵ Г. Н. Казбек. Военно-статистическое описание Терской области, ч. 1, Тифлис, 1888, стр. 184.

⁶ Там же, стр. 201.

Увеличивала производство товарной сельскохозяйственной продукции кулацкая верхушка из среды казачества, горских общин. Непрерывный и все возрастающий приток разорившихся крестьян из России создавал кадры наемных рабочих-батраков.

Характеризуя развитие Кубанской области в последней четверти XIX века, В. Щербина писал, что с 1876 г. за 16 лет население выросло с 831 тыс. до 1544 тыс. человек, запашка — с 500 тыс. до 1500 тыс. десятин, размер заводского и фабричного производства — с 2840 тыс. до 8545 тыс. руб., число фабрик и заводов — с 2044 до 6807, рабочих — с 7212 до 16464 человек.¹

Горские районы Северного Кавказа также втягивались в общее русло капиталистического развития: возрастает удельный вес земледелия в экономике горских народов, плоскостные земли Северной Осетии, Чечни, Кабарды, прикубанские аулы становятся крупными районами товарного земледелия. При этом изменяется структура посевов, повышается роль кукурузы и озимой пшеницы в хлебном производстве. В Северной Осетии в 1874 г. зерновых собрано 240 330 четвертей, в том числе озимой пшеницы 74 368, ячменя — 42 642, кукурузы — 81 353, картофеля — 1963¹/₃ четверти, а в 1898 г. — 478 493 четверти (рост в 2 раза), в том числе кукурузы 345 358 четвертей — более 72% всех зерновых, картофеля собрано 55 913 четвертей.² В 1896 г. ²/₃ всей собранной кукурузы в Северной Осетии поступало на рынок,³ за 1897—1901 гг. ежегодно вывозилось 2 млн. п. зерна.⁴

В 1898 г. урожай зерновых в Грозненском округе составил 444 435 четвертей, при этом кукуруза составляла 68% всего сбора; при населении 205 тыс. человек выходило по 20,5 п. зерна на человека. В 1867 г. на 3 участках Кабарды собрано проса 1 159 605 (91,6%), кукурузы — 80 730 (6,4%), пшеницы — 24561 п. (около 2%).⁵ В 1899 г. сбор кукурузы составлял 27,8% урожая зерновых и технических культур, пшеницы — 15,2, проса — 38,5, ячменя — 10,9, подсолнечника — 0,4, картофеля — 2,7, прочих — 4,5%.⁶ По мнению Евг. Максимова, в 1890—

¹ Кубанские ведомости, 1893, № 21.

² В. С. Гальцев. Социально-экономическое и культурное развитие народов Северного Кавказа в 70—80-х годах XIX века. «Вопросы истории», 1954, № 10, стр. 120.

³ Материалы по истории Осетии, т. III. Дзауджикау, 1950, стр. 70.

⁴ К. Х. Дзокаев. Экономическое развитие осетинского крестьянства. Известия НИИ, вып. 1, Дзауджикау, 1848, стр. 11.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 10, д. 1007, д. 11.

⁶ Сельскохозяйственные районы Кабарды, т. 3. Воронеж, 1929, стр. 56.

1892 г. кабардинцы могли продавать 567 тыс. п. хлеба в год.¹ Уже в 1897 г. из Кабарды вывезено 1443 тыс., в 1900 г. — 2691 тыс. п.² зерновых, в 2 раза больше, чем собрано в 1867 г.

О размерах хлебного производства в 1900 г. у горских народов Терской области говорят следующие данные.³

Округа	Собрано хлеба, в четвертях	На душу населения	Урожайность, к самах
Грозненский	512662	2,65	15,36
Владикавказский	304091	3,13	10,07
Нальчикский	241139	2,37	10,09
Хасав-Юртовский	191401	2,83	7,15
Итого по округам	1249293	2,71	10,92
Всего по области	2815798	3,01	9,61

Из таблицы мы видим, что во Владикавказском округе, населенном преимущественно осетинами, на душу населения зерна производилось больше, чем в других округах. В целом же у горских народов на душу населения зерна производилось меньше, чем у казаков, что объясняется острой нехваткой удобных земель в горных районах.

Важным районом товарного земледелия было пространство, ограниченное средним и нижним течением рек Урупа и Белой, занятое казачьими станицами и горскими аулами.

В конце XIX в. в указанном районе производилось зерна:⁴

	Населе- ние	Земли под посевами, в десятинах	Сбор зерна, в четвер- тях	Товарный остаток, в четвертях
По станицам	177157	202233	878323	445044
По аулам	18526	17223	119164	80442
Всего по району	195683	219456	997487	525486

¹ Терский сборник, вып. III. Владикавказ, 1893, стр. 79.

² В. С. Гальцев. Указ. соч., стр. 120.

³ Терский календарь на 1902 год. Владикавказ, 1902, вып. XI, стр. 61.

⁴ Кубанский сборник, т. VI. Екатеринодар, 1900, стр. 200—237 (подсчет автора — Ф. Т.).

Производство зерна по аулам составило 6,55 четверти на одного жителя, а по станицам — около 5 четвертей; остаток от собственного потребления в аулах по 4,3 четверти на жителя, а в станицах — около 3 четвертей. При этом на десятину посева в аулах получено 6,7 четверти, в станицах же — 4,75 четверти, разница в 1,95 четверти довольно значительна.

Товарность земледелия в горских аулах вышеуказанного района — Хакуриновском, Мамхеговском, Блечепсынском, Хачемзиевском, Егерукай, Ходзь, Джерокай, Кошехабль была довольно высокой: озимой пшеницы — 42,3, картофеля — 47,8, кукурузы — около 40, подсолнечника — 85%.¹ В 1868 г. на этой территории при горском населении в 15 710 душ обоего пола собрано всего 178 107 мер зерна (картофель и подсолнечник не производились вообще), что за вычетом на посев составляло около 9,8 меры на душу населения, тогда как по оценке администрации в год на человека требовалось 15 мер.²

Районами преобладающего скотоводства являлись Карачай, Балкария, Кабарда, горные части Северной Осетии и Чечни. В пореформенное время происходит увеличение поголовья скота и возрастает товарность скотоводства. За 1867—1895 гг. в Балкарии поголовье скота выросло: лошадей — с 3075 до 5682; овец — с 106 041 до 205 085, крупного рогатого скота с 16 676 до 46 082, а всего — с 125 802 до 256 849 голов — более чем в 2 раза. Товарность же скотоводства выросла почти в 4 раза: в 1867 г. продано 588 голов крупного рогатого скота и 4—4,5 тыс. овец, в конце XIX в. ежегодно продавалось 2—3 тыс. голов крупного рогатого скота и до 14 тыс. овец.³

В Кабарде в 1868 г. всего было скота 363 372, в 1889 г. — 411 406, в 1897 г. — 748 тыс. голов;⁴ рост за 30 лет на 206%.

В Ингушетии в 1873 г. всего имелось скота 78 258 голов (по 3,6 головы на душу населения); в 1890 г. стало 116 067 голов, при этом в горных районах — 26 716 голов, по 27,7 головы на двор, в плоскостных районах — по 13 голов на двор (89 352 головы).⁵

¹ Терский сборник, вып. III. Владикавказ, 1893, стр. 79.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 265, л. 46.

³ Н. Ф. Грабовский. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. III. Тифлис, 1870, стр. 10.

⁴ Терский сборник, вып. XI. Статистический очерк.

⁵ Терский сборник, вып. II, книга 2. Владикавказ, 1892, стр. 119.

Общий размер скотоводства у горских народов Терской области в 1900 г. характеризуется такими данными:¹

Округа	Лошадей, ослов, мулов	Крупного рогатого скота	Овец	Свиней	Всего	На 100 душ населения
Нальчикский	50794	189704	530336	2901	773748	760,7
Хасав-Юртовский	9853	75488	233934	871	320158	473,1
Грозненский	21303	303088	362871	567	687829	355,9
Владикавказский	22195	83449	219760	1127	327532	225,9
Итого по округам	104145	651729	1346901	5466	2108267	458,4
Всего по области	236854	1086083	2218622	78583	3622888	387,7

Горское население имело больше скота, чем казачьи станицы, а Кабарда по этому показателю занимала одно из первых мест в России. В нагорной полосе скотоводство было основным занятием населения.

Значительным ростом товарности характеризуется скотоводство у карачаевцев. В 1867 г. в Карачае имелось скота 230 246 голов, в том числе 186 471 овца, 13 625 лошадей и 30 150 голов крупного рогатого скота² (по 13 голов на жителя), продано скота и изделий на 74 602 руб.³ В начале XX в. насчитывалось скота 656 254 головы — 33 756 лошадей, 125 027 голов крупного рогатого скота, 497 471 овца (по 19 голов на жителя); ежегодно продавалось 9 595 лошадей, 30 787 голов крупного рогатого скота, 107 552 овцы и козы; кроме скота, продавалось шерсти на 250 тыс., 6600 п. масла на 66 тыс., кож и овчин на 56 709, а всего со скотом — на 3 307 369 руб.⁴ В то же время карачаевцы производили только 134 560 п. зерна (менее 4 п. на человека).⁵

Горные районы Чечни и Ингушетии не стали районами тор-

¹ Терский календарь на 1902 год, вып. XI, стр. 71.

² ГАКК, ф. 452, оп. 1, д. 605, лл. 9, 19.

³ Там же, л. 26.

⁴ Кубанский сборник, т. XV. Екатеринодар, 1910, стр. 322—323.

⁵ Архив Карачаево-Черкесского НИИ, ф. 6, оп. 6, д. 4, л. 57.

гового скотоводства вследствие страшного малоземелья и скудости почв. В 1898 г. в Грозненском округе продано крупного рогатого скота только 4803 головы (1,6% от общего количества), на 87 233 руб. и 10 873 головы мелкого скота — 2,9% (на 36 941 руб.).¹

В социально-экономическом развитии горских народов в пореформенный период все явственнее проявляются характерные черты так называемого первоначального накопления — мобилизация земли и скота в руках все меньшего числа собственников и разорение основной массы непосредственных производителей, рост торгового и ростовщического капитала.

При наличии общинного землепользования в плоскостных районах концентрация земли происходила внутри общин. Одним из средств мобилизации общинной земли в руках зажиточной верхушки служила земельная аренда.

В первые годы после реформы арендная плата была довольно низкой. В 1867 г. в горских округах Кубанской области за пастьбу скота она составляла 5—15 коп. с головы крупного и 1—4 коп. с головы мелкого; аренда покоса — 2—5 руб. за стог, аренда земли под пашню — 3 руб. за десятину целины, 1,54 руб. за десятину пахотной земли; за мельницу — 5 руб. с поставы.²

К концу XIX в. покупные и арендные цены на землю в связи с усиленным колонизационным потоком и ростом товарности хозяйства сильно выросли. В 1893 г. в горских аулах Кубанской области они колебались в размере 10—15 руб. за десятину, доходя до 30 руб. (под огород и табак).³ Цена земли в Кабарде выросла с 3—4 руб. за десятину в 1880 г. до 40 руб. в 1900 г. В плоскостной Осетии до 80-х гг. арендная цена составляла 4—10 руб. за десятину пахотной земли, а в 1895—1900 годы — 20—25 руб. и доходила до 30—35 руб.⁴

Одним из видов земельной аренды, способствовавшим концентрации наделов в руках богатых общинников, являлась сдача в аренду своих паев горской беднотой, которая не была в состоянии их обрабатывать и поэтому полностью или частично сдавала кулацкой верхушке, в свою очередь переарендовавшей эту зем-

¹ Отчет начальника Терской области за 1898 год. Владикавказ, 1899, Приложение 9.

² «Кубанские войсковые ведомости» № 48, 1867.

³ Кубанская справочная книжка на 1894 год. Екатеринодар, 1893, стр. 5.

⁴ А. Тедтеев. Временно проживающие крестьяне в Северной Осетии во II половине XIX века и в начале XX века. Дзауджикау, 1952, стр. 39.

лю, за более высокую плату. В рапорте от 14 января 1896 г. начальника Кубанской области атаман Майкопского отдела пишет об этом: «Между горским населением стало обнаруживаться стремление сдавать свои наделы в аренду и пристраиваться к другим занятиям — к торговле, к поступлению в услужение... из горцев, продавших свои паевые наделы, образуется пролетариат, весьма неудобный в отношении общественной безопасности».¹

В этом же документе описан порядок аренды: «Бедняк, пуждаясь в деньгах, обращается к богатым односельчанам, те его ссужают нужною суммою денег, но при этом выговаривают себе гарантию в виде аренды будущего паевого надела, в чем брали с бедняка расписку ... Скупщики давали под залог пая в 4 десятины по 40 руб., т. е. по 1 руб. 11 к. за десятину в год, так как брали пай на 9 лет. Сами скупщики тогда же переарендовывали землю русским крестьянам от 6 р. 50 к. до 8 руб. за десятину в год. Скупщиками являлись люди, пользующиеся известным влиянием в обществе, а потому борьба с ними для бедняков является непосильной».²

За 4 десятины «скупщик» получал в год 26—32 руб., а за 9 лет—234—288 руб., что давало 72,5% прибыли на вложенные деньги. Беднота не могла сдавать свои наделы непосредственно русским крестьянам, так как их участки были разбросаны в разных местах. «Скупщик» же, приобретя много паев, просил об отводе земли в одном участке, что общество не могло не удовлетворить. Сдача беднотой в аренду своих паев получила значительные размеры. Так, в ауле Хатажукаевском Майкопского отдела из 440 домохозяев 110 запродали свои участки в 1895 г. (и еще много было желающих) 9 лицам, заарендовавшим 1225 десятин.³ За 1895—1897 гг. на таких же условиях в Майкопском отделе отдали пай в аренду 369 домохозяев.⁴

Средством обогащения кулацкой верхушки являлась аренда казенных, станичных и частновладельческих земель. Все коннозаводство кулацких хозяйств базировалось на арендных землях. Царская администрация в вопросах аренды шла навстречу зажиточной горской верхушке, сдавая ей казенные земли по 10 коп. за десятину, особенно коннозаводчикам, которые снабжали армию лошадьми. По рапорту начальника Баталпашинского

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 793а, лл. 23—24.

² Там же, л. 61.

³ ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 793а, лл. 62, 69.

⁴ Там же, лл. 92—117 (подсчет автора — Ф. Т.)

отдела, в 1895 г. большая часть коннозаводчиков содержала лошадей на арендуемых участках.¹

Условия сдачи в аренду земель станичными обществами и казной давали возможность только состоятельным лицам арендовать их — земля сдавалась большими участками, арендная плата вносилась вперед, нередко требовался крупный денежный залог. В марте 1892 г. Зольское станичное правление объявило торги на сдачу в аренду 4821 десятина 500 саженой земли сроком на пять лет.² В апреле того же года общество станицы Александрийской Пятигорского отдела сдавало в аренду 4975 десятин по 1 руб. за десятину; желающие торговаться должны были в день торгов внести залог в размере не меньше 300 руб., арендная плата вносилась на год вперед.³

По инструкции о сдаче в аренду земель Кубанской области, арендатор вносил залог, равный не менее 2-месячной арендной плате, и за полгода арендную плату. Этим закрывался доступ горской бедноте к непосредственной аренде.

Арендаторами являлись крупные овцеводы или зажиточные горцы, передававшие арендуемую землю мелкими участками на кабальных условиях бедноте. Всего в 1890 г. обществами Терской области сдано в аренду 214298 десятин по средней цене 34,5 коп. за десятину, в том числе в Сунженском отделе — 39907 десятин по 58 коп. за десятину. Земля арендовалась преимущественно зажиточными горцами, переарендовывавшими ее бедноте.⁴ В 1898 г. сдавалось 387299 десятин (22% станичных земель) по 44 коп. за десятину; арендаторы — также овцеводы и зажиточные горцы.⁵

В аренду сдавала большую часть своих земель и горская знать. Алдаро-баделята Осетии 80% земель сдавали в аренду; на остальных землях господствовала отработочная система ведения хозяйства, носителем капиталистических отношений являлась сельская буржуазия.⁶

Арендные платежи тяжким бременем ложились на плечи трудящихся масс. Жители осетинского селения Ардон в 1863 г.

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 943, л. 1.

² ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 58, д. 332, л. 4.

³ Там же, л. 13.

⁴ Терский календарь на 1892 год, Владикавказ, 1892, кн. 2, стр. 17.

⁵ Отчет начальника Терской области на 1898 год. Владикавказ, 1899, стр. 33.

⁶ М. С. Тотоев. Положение крестьянства и классовая борьба в Северной Осетии в последней четверти XIX века. Орджоникидзе, 1958, стр. 6.

платили арендные платежи в сумме 362 руб., а через 33 года за те же самые земли плата составляла 11200 руб.¹ Население горной Осетии в конце XIX века за аренду 8992 десятин платило 142010 руб. (по 16 руб. за десятину), да на покупку зерна и сена уходило 88618 руб.² Чтобы добыть деньги, беднота уходила на заработки — на Садонский рудник, Мизурскую фабрику, Дарг-Кохскую железнодорожную станцию, лесные промыслы, сезонные сельскохозяйственные работы.

Почти $\frac{3}{4}$ карачаевского скота как зимой, так и летом содержалось на арендных землях. В начале XX в. расходы карачаевцев на аренду земли и покупку хлеба составляли ежегодно 1295314 руб., да государственные и общественные повинности составляли 570 тыс. руб.,³ что составляло 53 р. 33 к. на каждого жителя (314 руб. на двор)⁴.

Львиная доля народных денег из арендных сумм шла на обогащение горских скупщиков-предпринимателей. Размер арендной платы за земли, сдаваемые казной и станичными обществами, к концу XIX в. изменился мало, но во много раз выросли арендные платежи горской бедноты, большая часть которых шла в карман посредника-арендатора.

Арендуемые земли находились нередко за 150—200 верст, и богатеи-арендаторы образовывали своеобразные «товарищества» по выпасу скота, в которых на бедноту ложились все тяготы, а большую долю продукции получал кулак-арендатор.

Растущая сельская буржуазия являлась основным скупщиком земель у дворянства. С 1870 по 1880 г. в Нальчикском округе из 669 совершенных сделок на куплю-продажу земли по 5 десятин приобрели 112, по 15 десятин — 223 и свыше 20 десятин — 234 хозяина.⁴ К концу XIX в. в Большой Кабарде дворянами продано 35925 (47%), а в Малой Кабарде — 20153 десятины — $\frac{2}{3}$ дворянских владений,⁵ при этом в Большой Кабарде 19425 десятин куплено 187 кулацкими хозяйствами.⁶

¹ В. Н.-Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа, Тифлис, 1896, стр. 21.

² Б. В. Скитский. Остатки феодализма в земельных отношениях в Нагорной полосе Северной Осетии в пореформенное время. Известия Северо-Осетинского НИИ, т. XVIII, стр. 164.

³ Кубанский сборник, т. XV, стр. 239.

⁴ А. А. Белоусов. Экономическое развитие Кабарды. Нальчик, 1955, стр. 34.

⁵ Труды по естественному, историческому и экономическому обследованию Кабарды, т. III. Воронеж, 1929, стр. 77.

⁶ Там же.

К концу XIX в. «чумазы» землевладельцы заметно теснят «благородных». По рапорту начальника Хасав-Юртовского округа, на сентябрь 1893 г. из 242 частных владельцев в округе 95 не принадлежали к сословиям князей и узденей, не были и офицерами; многие из них имели крупные наделы — Хасар Магомедов (с. Андреевка) имел 300, Умар Эфенди Османов и Телекот Айдемиров (с. Аксай) — по 1 тыс. десятин.¹ В Сунженском отделе на август 1895 г. 88 земельных участков принадлежало горцам, в большинстве нетитулованным.² На январь 1894 г. в Нальчикском округе из 238 горских землевладельцев 35 не были дворянами или офицерами, кроме них имелось 198 землевладельцев из русских крестьян, владевших участками в 300 десятин.³

Во Владикавказском округе в 1894 г. имелось 160 владельцев, преимущественно горцев недворянского происхождения, им принадлежало 32024 десятины 493 сажени земли.⁴

Капиталистическое предпринимательство в земледелии у горских народов было развито слабо, основную товарную продукцию давали мелкие товаропроизводители, преобладало полунатуральное хозяйство горских крестьян. В 18 селениях плоскостной Осетии в конце XIX в. 6 тыс. дворов имели участки (или арендовали) размером около 3 десятин, на них сеяли кукурузу, получали по 120 мер с десятины, большая часть ее шла на рынок.⁵ На рынок выбрасывались не только товарные излишки, но и необходимая часть продукции крестьянского хозяйства, «...мелкие крестьяне понижают свои потребности ниже уровня потребностей наемных рабочих и надрываются над работой несравненно сильнее, чем последние».⁶ Это ленинское определение полностью относится и к горским народам в пореформенный период. С целью получения денег для выплаты повинностей, арендной платы, для покупки необходимых в хозяйстве и быту товаров горец выносил на рынок и значительную часть необходимого для него продукта. «Он должен по необходимости, в ущерб питания семьи, малых деток, значительную часть молока,

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 3, д. 4376, л. 22.

² Там же, лл. 69—70.

³ Там же, ф. 11, оп. 1, д. 4376, лл. 50—53.

⁴ Там же, лл. 56—60.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 224, оп. 1, д. 7, л. 12.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 7.

мяса и пшеницы сносить на рынок и превращать в деньги»,¹— свидетельствует А. Ардасенов.

Старые феодальные способы порабощения горского населения сочетались с новыми капиталистическими формами эксплуатации, что ускоряло социальное расслоение. В горной полосе бытовал бессрочный залог — бегенда; бедняк, нуждаясь в деньгах или скоте для перевозки груза, брал их у богача под залог земельного участка. При невозврате взятого скота или денег земля оставалась в уплату долга. Так как сумма залога была значительно меньше рыночной стоимости земли, то кулацкая верхушка по невысокой цене приобретала земли бедноты; продать же заложенный участок на рынке запрещалось без разрешения заимодавца. Так, житель чеченского с. Селеты Кадыр в 90-х гг. по праву залога приобрел 7 загонов пашни за 70 руб. (по 10 р. за загон) и по купле имел 10 загонов стоимостью 760 руб.— по 76 руб. за загон² (в 7,6 раза дороже!)

У всех горских народов, особенно в нагорной полосе, был распространен ортак. В земледелии он заключался в том, что ортатчик (берущий землю) отдавал владельцу половину зерна и соломы (сходен с русской испольтиной), с покоса — $\frac{2}{3}$ сена шло хозяину.³

В скотоводстве ортак был в основном двух видов: 1) хозяин (обычно владелец овец) сдавал ортатчику скот на срок не менее 5 лет, последний прибавлял половину своего скота от взятого; по истечении срока скот делился пополам, шерсть — также пополам, за падеж отвечал ортатчик. 2) Ортатчик не добавлял своего скота, но получал половину шерсти и половину только приплода. Были и более кабальные условия ортачества. «Беднейшие жители вынуждены наниматься пасти скот у князей из-за десятой части приплода (овец и коз) и за право пользоваться пастбищами».⁴ Бытовала и плата пастуху от приплода по воле хозяина.

Многолетний тяжелый труд ортатчика, в любую погоду неотлучно находившегося при скоте, оплачивался, в лучшем случае, в переводе на деньги, в размере 30—40 руб. в год, что составляло около 3 руб. в месяц. И это за труд не одного пастуха, а всей семьи, постоянно помогавшей в уходе за скотом! В случае падежа скота ортатчик оказывался в неоплатном долгу.

¹ В. Н.-Л. Указ соч., стр. 32.

² Терский сборник, вып. VII. Владикавказ, стр. 65.

³ Кубанский сборник, т. XV, стр. 239.

⁴ В. Теплов. По истокам Кубани и Терека. СМОМПК, вып. XIV. Тифлис, 1892, стр. 164.

Ортак бытовал у всех горских народов. Зажиточные ингуши сдавали баранов на выпас по 10, 20, 50, 100 штук; через 3 года получали свое стадо и половину приплода, половину кож с павших животных и половину шерсти.¹ Ортакчество становится своеобразной формой батрачества, наймом работника на очень тяжелых условиях.

Зажиточные элементы использовали в целях обогащения и такие патриархальные обычаи, как взаимопомощь при стрижке овец, уборке хлебов, сенокосе, — эти работы выполняли за угощение.

Обычай барантования, служивший когда-то средством материального вознаграждения за счет обидчика, превращается в своеобразный штраф, налагаемый сильным на слабого, богатым на бедного.

В горной полосе многочисленны были батраки, работавшие «за харчи» и «пятилетние батраки», оплачиваемые натурой — батрак метил 20—30 маток и приплод от них, а через 5 лет половину этих овец и приплода от них (или только приплода) получал в качестве оплаты за труд.

Обычай аталычества также использовался как средство беззастенчивой эксплуатации детей и подростков.² Зажиточные хозяева брали детей бедноты формально как аталыков, а фактически как дешевых работников; за 11—14 лет непрерывной работы хозяин давал подарок — несколько голов скота или калым за невесту.

Патриархальные пережитки способствовали тому, что главы семей наживали богатство, нещадно эксплуатируя членов семьи. Так, карачаевец Джамбулат Байчоров, выходец из небогатой узденской семьи, в молодости занимался извозом, но в 90-х годах стал богатейшим человеком в Карачае; он был главою семьи из 60 человек, которыми распоряжался по своему усмотрению (еще держал 20 годовых работников и 60 сезонных); Д. Байчоров имел 1 тыс. лошадей, 500 голов крупного рогатого скота, 10 тыс. овец, 4 участка земли площадью 220 десятин, 10 десятин сада.³

¹ И. Ф. Грабовский. Ингуши. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. XI. Тифлис, 1878, стр. 101.

² См.: В. П. Невская. Карачай в пореформенный период. Ставропольское книжное издательство, 1964.

³ Е. И. Студенецкая. Ортак — одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарии (конец XIX — начало XX веков). Труды Карачаево-Черкесского пединститута, Нальчик, вып. 1, стр. 208.

Вследствие еще слабого развития капиталистических отношений ростовщический процент у горских народов был очень высок; наиболее большим он был в глухих горных местах, отдаленных от дорог и торговых центров; «Чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия — тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение».¹

До 1865 г. в Карачае ростовщический процент равнялся 90; в 1866 г. общество установило 30%, но на этих условиях ростовщики не давали ссуд, тогда общество составило приговор об устройстве ссудной кассы с 9% кредитом, выделив из общественных сумм 3 тыс. руб., но и это не разрешило кредитного вопроса.

Ростовщичеством занимались, преимущественно, торговцы и кулаки. В. Я. Тепцов, путешествовавший по Кавказу, так определяет лицо кулака: «Новак (кулак — прим. автора) оставил пастушество, обратил большую половину своего имущества в капитал и живет на проценты с него... С обществом он еще не порвал связи, напротив, он присосался к нему, подобно пиявке, и сосет бедняка... Главное же его внимание обращено на капитал. Он ссужает нуждающихся деньгами за очень большие проценты и нередко натурою: скотом, хлебом и т. п.»²

Мотивируя прошение общества сел. Аксай (Хасав-Юртовского округа) об учреждении общества мелкого кредита, Адилхан Умиев пишет по поручению общества: «Во всяком селении есть несколько состоятельных лиц, скупающих по низкой цене не только урожай настоящего, но даже будущего года, дающих своим односельчанам деньги в рост на самых отяготительных условиях; в нашей местности кредит, платимый заимщиком при краткосрочном кредите и на мелкие суммы, доходит до 80 и 100%».³

По свидетельству И. Ф. Грабовского, в 70-х гг. у ингушей ростовщический процент составлял 50 коп. с 10 руб. в месяц — 60% годовых и доходил до 100%.⁴

Участковый начальник Екатеринодарского отдела в рапорте атаману 18 декабря 1893 г. сообщал: «Более энергичная часть

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 383.

² В. Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека. Тифлис, 1891, стр. 43.

³ Архив Северо-Осетинского НИИ, ф. 18, д. 4, л. 57.

⁴ И. Ф. Грабовский. Указ. соч., стр. 100.

населения занялась торговлей, эксплуатирует большую часть (бедноту), стала «кулаками», развивалось ростовщичество в ужасающих размерах — со 100 руб. в год 40%, и эти проценты в большинстве случаев удерживаются кредиторами при выдаче денег займа».¹

Фактически 40 руб. брались не со 100, а с 60 руб. — почти 67% годовых.

Рост ростовщичества способствовал развитию капиталистических отношений. «Торговый и ростовщический капитал, — говорил В. И. Ленин, — есть необходимый момент в развитии капитализма, необходимое колесо в механизме мало развитого капиталистического общества».²

Развитие торговли и предпринимательства при трудности получения кредита привело к росту обществ мелкого кредита. Одним из первых такое общество возникло в сел. Ардон (Осетия), его капитал к концу 80-х гг. составлял 12 тыс. руб., вышший размер ссуды составлял 90 руб. при 10% годовых. Ольгинское общество на 5 июля 1899 г. имело в раздаче 92 хозяевам ссуд на сумму 965 руб. В 90-х гг. общества мелкого кредита имелись в большинстве сел Северной Осетии.³

В целях кредита использовались общественные кассы горских народов. В начале XX века доходы в сельские общества составляли в Нальчикском округе 124216, Владикавказском — 108111, Грозненском — 88284, Хасав-Юртовском — 71609; всего по округам Терской области — 589910 руб.⁴

Общества мелкого кредита, как и общественные суммы, способствовали хозяйственным успехам зажиточной верхушки горских народов, так как ссуда давалась только состоятельным хозяевам при поручительстве других лиц и под залог имущества; бедняку получить ссуду было невозможно.

Конкуренция русской фабрично-заводской промышленности затормозила развитие промыслов у горских народов; домашние промыслы не переросли в широком масштабе в ремесленное мелкотоварное производство. Более устойчивыми были домашние промыслы, связанные с переработкой шерсти — изготовление бурок, полстей, горского сукна, черкесок; эти изделия домашнего производства имели большой спрос у казачьего населения. Домашние промыслы успешнее развивались в горских районах, где

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 793а, л. 59.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 406.

³ ЦГА СО АССР, ф. 224, оп. 1, д. 7, лл. 2—10.

⁴ Терский календарь на 1902 год, стр. 30.

кустарные изделия служили дополнительным источником доходов для безземельной и малоскотной бедноты.

В конце XIX — начале XX вв. в Балкарии производилось ежегодно 381100 аршин горского сукна, кроме этого — бурки, паласы, полсти.¹ В Кабарде ежегодно изготовлялось 18 тыс. буроков на 130 тыс. руб.; в Чечне преимущественно вырабатывали полсти — 225 тыс. штук, в Северной Осетии — сукна на 100 тыс. рублей, шерсти перерабатывалось 7500 п. Всего в Терской области производилось изделий из шерсти на 1154 тыс., в Кубанской области — на 240 тыс. руб., в том числе 9 тыс. буроков.²

Однако большая часть шерсти в конце XIX в. вывозилась на суконные предприятия центральной России и даже за границу.

Только из Карачая в начале XX в. вывозилось шерсти на 250 тыс. руб.,³ а в 1867 г. карачаевцами продано всех изделий и скота на 74602 руб.

Характер ремесленного производства носила обработка металлов. Но число ремесленников было небольшим, горские мастерские были примитивными, в них работал обычно мастер с подручным. В 1896 г. в Терской области имелось кустарей: в станицах — 174, с суммой производства 21498 руб.; в селениях — 816, с суммой производства 45027 руб.; в городах — 676, с суммой производства 130936 руб.⁴

По материалам местных исследований, «и в городах, и в станицах главный контингент серебряков, медников, лудильщиков и оружейников составляли горцы (отхожие кустари)».⁵ По специальностям кустари разделялись следующим образом: кузнецов и слесарей — 918, «серебряков» — 251, оружейников — 216, (из них 208 горцев), медников — 157, лудильщиков — 124.⁶ Если учесть, что медники и лудильщики были преимущественно из Дагестана, а среди кузнецов и слесарей много русских, то общее число горцев-кустарей по области не превышало 1 тыс. человек — всего около 0,2% горского населения. Кустари по металлу занимались преимущественно ремонтом заводских изделий; аульное ремесло упорнее держалось в горных районах юго-востока, куда меньше проникали фабричные изделия.

¹ Терский сборник, вып. V. Владикавказ, 1903, стр. 188.

² Ш. К. Ч е т и я — Обзор промышленности фабрично-заводской, кустарной и горной в губерниях и областях Кавказского края. «Исторический вестник», вып. I. Архивное управление Груз. ССР, 1945, стр. 225—228.

³ Кубанский сборник, т. XV, стр. 323.

⁴ Терский сборник, вып. IV, Владикавказ, 1897, стр. 7.

⁵ Там же, стр. 8.

⁶ Там же, стр. 16.

Новым явлением в жизни горских народов во второй половине XIX в. было появление и рост промышленных предприятий с применением наемного труда, а в конце XIX в. и машин. О распространении промышленных предприятий в горских районах Терской области говорит таблица.¹

Округа	Известко- вые заво- ды	Кирпич- черепич. заводы	Мельни- цы	Всех пред- приятий	Рабочих	Сумма производ. в руб.
Грозненский	5	96	737	925	957	780171
Владикавказский	11	61	1218	1316	1563	231286
Нальчикский	7	7	317	342	423	41565
Хасав-Юртовский	4	12	184	232	245	70292
Итого	27	176	2456	2815	3188	1123314
По области	70	380	3056	4062	6669	7220417

Большинство предприятий представляли собой водяные мельницы горского типа с помолом до 10 п. в сутки, но уже появлялись и заимствованные мельницы русского типа с четырьмя и более поставами; возникают кирпично-черепичные заводы, хотя и небольшие по размеру, с одним-тремя рабочими, но капиталистического типа.

По росту промышленных предприятий впереди шла Северная Осетия. В 1885 г. во Владикавказе и Владикавказском округе имелось 226 мелких полукустарных предприятий с 726 рабочими; в 1901 году — 1459 предприятий (в городе 143, в округе 1316), из них мельниц 1230. Число рабочих на одно предприятие в городе составляло 6,3, в округе—1,9 человека, а сумма производства на одного рабочего в городе была 222 руб., в округе—148 руб. 80 к.² В округе преобладали мелкие полукустарные предприятия с малой производительностью, в городе—предприятия капиталистического типа с более современным оборудованием.

¹ Терский календарь на 1902 год, вып. XI, стр. 75.

² А. К. Джанаев. К истории формирования рабочего класса в Северной Осетии. Известия Северо-Осетинского НИИ, т. XIX, стр. 120.

Наиболее крупное предприятие Северной Осетии — Садонский серебряно-свинцовый рудник с фабрикой. До реформы он обслуживался почти одними русскими рабочими, после реформы растет число рабочих осетин: в 1868 г. их насчитывалось 111, а в 1875 г. стало 340 человек (рост 306%).¹

Рудоискательная горячка 90-х гг. привела к открытию новых рудников и штолен; в 1896 г. в действии находилось 14 мелких рудников, 28 шахт и штолен. Появляются предприниматели-горцы. В октябре 1890 г. житель с. Брагуновского Мата Хаджи Мурзабеков просил об аренде нефтеносного участка сроком на 30 лет.² Житель с. Донифарс 3-го участка Владикавказского округа Хаджимет Кобекаев, в марте 1898 г. просил Терское областное правление о разрешении на разведку серебро-свинцовых и медных руд в юрте данного аула.³

Недра Северного Кавказа привлекали внимание крупных «капиталистических акул» — в 1896 г. возникло общество «Алагир» с первоначальным капиталом в 4,5 млн. руб. 80% акций принадлежало бельгийским капиталистам и 20% — русским.

К концу XIX в. для многих рабочих-горцев, занятых в горной промышленности, заработок был единственным источником существования. В 1897 г. на горных промыслах Терской области работало 635, на нефтяных — 565 человек.⁴

У горских народов капиталистическое промышленное производство начиналось с 3-й стадии, минуя простую кооперацию и мануфактурную стадии. Объясняется это тем, что промышленный капитализм проникал из России, которая вступила в стадию машинного производства.

Натуральная замкнутость хозяйства горских народов постепенно нарушалась, развивались рыночные связи, в торговый оборот вовлекалась масса непосредственных производителей.

В 60—70 гг. горские народы, хотя хозяйство их и сохраняло в основном натуральный характер, не могли обходиться без русских промышленных изделий — хлопчатобумажных тканей, металлических изделий, фабричного сукна, более дешевого, чем горское, без соли, а в нагорной полосе и без привозного хлеба.

Торговый обмен совершался путем ярмарочной и базарной торговли. Ярмарки и базары находились в городах и станицах,

¹ А. К. Джанаев. К истории формирования рабочего класса в Северной Осетии. Известия Северо-Осетинского НИИ, т. XIX, стр. 123.

² ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 5, д. 4251, лл. 1—2.

³ Там же, оп. 6, д. 4818, л. 1.

⁴ Архив Северо-Осетинского НИИ, оп. 1, д. 6, лл. 785—786.

куда горцы совершали поездки, получая проездные билеты в окружающих управлениях. В 1868 г. в Эльборусском округе был выдан 5721 билет, по ним совершено поездок и привезено хлеба: из Зеленчукского округа — 41 арба, 847 вьюков, из Кабардинского округа — 9. арб, 331 вьюк, из района 15-й бригады Терского казачьего войска — 1 арба и 206 вьюков, из района 55-й бригады Кубанского войска — 1 арба и 181 вьюк. Всего — 76 арб и 2337 вьюков.¹

Если считать на арбу по 4 четверти и на вьюк 1 четверть, всего было привезено 2641 четверть. Но начальник округа считал, что поездок было фактически в несколько раз больше — билет выдавался на 2 месяца, и за это время каждый горец старался сделать несколько поездок, многие вообще не брали билетов; хлеб покупали в основном у казаков.²

Немаловажную роль в развитии торговли играли торговцы, проникавшие в горские аулы. По постановлению министерства финансов от 4 ноября 1865 г., они обязаны были брать торговые свидетельства. Однако сведения об их выдаче не дают полной картины объема торговли, так как многие торговцы не брали свидетельств. По рапорту начальника Эльборусского округа от 21 июля 1866 г., в Карачае «торговлю красным товаром ведут евреи, армяне, грузины (последние через перевалы прибывают в количестве 50 человек, два раза в год); торговля преимущественно меновая, большинство торговцев не имели установленных свидетельств».³

Лавки с красным и бакалейными товарами в 60—70-х гг. в аулах только появлялись, а принадлежали горцам лишь единицы.

В 80—90-х гг. оборот внешней и внутренней торговли горских народов быстро возрастает. При этом удельный вес ярмарочной торговли в общем торговом обороте горских народов падает, ведущая роль переходит к базарам, городским и окружным рынкам, постоянным торговым заведениям, которые функционировали систематически. Оборот ярмарочной торговли Терской области в 1876 г. составлял 1 770 211, в 1894 г. — 1 799 025⁴ — рост только на 28 814 руб., 8,5% от всего торгового оборота.

Городские рынки, базары, лавки охватывали всю территорию горских народов, превращая ее в постоянно действующий единый рынок. В 80—90-х гг. начальнику Терской области посту-

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 124, лл. 153—159.

² Там же, лл. 159—160.

³ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 265, лл. 3—6.

⁴ Терский сборник, вып. V. Владикавказ, 1903, стр. 84.

пали от аульных обществ многочисленные прошения об открытии базаров — от аулов Дылым, Урус-Мартан, Кучмазукино, Пседах, Тамаза-Тюбе и др.¹

К концу XIX в. торговые обороты горских округов Терской области имели следующие размеры:²

Округа (с городами)	Заведений	Торговцев	Оборот в руб.	Прибыль в руб.
Владикавказский	1099	1216	9589341	916890
Грозненский	831	1806	4242601	441604
Нальчикский	328	334	604500	73476
Хасав-Юртовский	295	330	992150	94304
Итого по округам	2583	3686	17128592	1526274
Всего по области	5212	7189	30946956	2929548

Участие войскового (казацкого) населения в торговле было незначительно — 2,24% от общего числа торговцев.³ Основными торговыми центрами являлись города Владикавказ, Грозный, Моздок, Кизляр, расположенные среди горских поселений. В 80-е гг. начинается вытеснение приходящих торговцев местными, открывавшими лавки в аулах. Ломаются старые пренебрежительные взгляды на занятие торговлей как на дело постыдное. «Туземец из обычного предрассудка,— писал в 60-х гг. этнограф-чеченец Чах Ахриев, — считавшего непозволительным торговать мелкими избытками своего хозяйства, не повезет их куда бы то ни было на продажу».⁴ По адату карачаевцы не могли заниматься торговлей. Иным положением стало в 80—90-х гг. «Ныне же не найдется ни одного общества без нескольких лавок, содержащих туземцами, вытеснившими евреев. Не редкость, когда на 300 дворов населения насчитывается 3—4 лавки»,⁵ — писал Ардасенов в 90-х гг.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 12, оп. 16, дд. 43, 73, 101, 117, 120, 194.

² Терский календарь на 1902 год, вып. XI, стр. 76.

³ Там же, стр. 64.

⁴ Чах Ахриев. Экономический и домашний быт жителей Терского участка Ингушского округа. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 3, стр. 14.

⁵ В. Н.-Л. Указ. соч., стр. 347.

В 1894 г. в карачаевском а. Учккен имелось 19 лавок, из них 13 мануфактурных;¹ в 12 ингушских селениях имелось 64 лавки, в том числе в с. Базоркино 12 лавок.²

Торговые заведения, принадлежавшие местным жителям, появлялись в аулах всех горских народов. В 60-х гг. в Кабарде не было ни одного торговца-кабардинца; на 16 октября 1891 г. в Нальчике среди негильдейских купцов было 15 кабардинцев и 2 балкарца, из 57 гильдейских купцов—22 кабардинца; на конец июля 1892 г. из 64 гильдейских купцов было уже 30 кабардинцев.³

Если 80-е гг. характеризуются бурным ростом торговцев и мелких торговых заведений, нередко принадлежавших нескольким владельцам, то в 90-е гг. происходит укрупнение торговых заведений при уменьшении числа торговцев; в одних руках сосредотачивается несколько лавок, мелкие торговцы подчиняются крупным. В 1890 г. в Терской области насчитывалось 11079 «торгующих» и 2225 лавок, в 1896 г. — 4728 торговцев и 5009 заведений.⁴

За эти же годы в Кабарде количество торговых заведений выросло вдвое при уменьшении числа торговцев.

Горные районы слабее вовлекались в сферу товарно-денежных отношений. Большим препятствием являлось отсутствие дорог. До присоединения к России у горских народов в горной полосе не было колесных дорог, только тропы связывали между собой селения и ущелья. Балкарцы и карачаевцы не знали гужевого транспорта; осетины, чеченцы, кумыки, ногайцы пользовались двухколесной арбой. Перевоз грузов в горах производился выюками, что обходилось очень дорого. Так, от Чегемского общества (Балкария) до Нальчика, ближайшего торгового пункта, было 120 верст, поездка за хлебом требовала 5—6 дней; для безлошадных наем лошади стоил 6 руб., в то время как 6 пудов кукурузы, которые он мог привезти, стоили 3 руб.⁵— в два раза дешевле.

Поэтому жители горной полосы стремились построить дороги — выделяли средства, рабочую силу, обращались за помощью к властям. Дороги, построенные между укреплениями во

¹ В. П. Невская. Указ. соч., стр. 144.

² Статистические таблицы населенных мест Терской области, т. 1, Владикавказ, 1890, стр. 37.

³ Т. Х. Кумыков. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX веке. Нальчик, 1962, стр. 134.

⁴ Там же, стр. 136—137.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 270, д. 1, л. 11.

время завоевания Кавказа русскими войсками, мало затронули горные районы, хотя они нужны были и в военно-полицейских целях. В отчете по военно-народному управлению за 1863—1869 гг. помощник начальника Кубанской области предлагал проложить следующие дороги: 1) вдоль течения Малого Зеленчука, 2) от М. Зеленчука к Верхне-Николаевскому мосту на реке Кубань, 3) от ст. Ключевой к г. Екатеринодару вниз по р. Псекупсу, 4) от ст. Верхне-Николаевской вверх по Кубани в Карачай.¹

В 60-х гг. дорога в Карачай была построена силами караево-осетинского народа с помощью от казны, более 4,5 версты пробито в скалах и 13,5 версты в каменистом грунте.² В 1858 г. начато строительство Военно-Осетинской дороги, в 1888 г. по ней открыто движение. В 1884 г. Балкарское общество просило у начальника области пособия на шанцевый инструмент и 400 п. пороха для постройки дороги, основные расходы в сумме 40 тыс. руб. общество брало на себя, обложив по 80—100 руб. каждый двор.³ В 1893 г. на постройку дорог казною отпущено бесплатно 4152 п. пороха.⁴ Но эта помощь была недостаточна. Нередко дороги строились и самим горским населением без помощи казны, без технических расчетов и средств, что приводило обычно только к напрасным расходам. На постройку дороги своими силами Хуламское и Безенгневское общества Балкарии напрасно потратили 50 тыс. руб., Чегемское — 32 тыс. руб.⁵

Постройка дорог, хотя и в ограниченных размерах, способствовала проникновению новых веяний в самые глухие ущелья. В 90-х гг. в горах Балкарии имелось 106 ветряных и водяных мельниц с суммою производства 2470 руб. и 17 торговых заведений с оборотом 7705 руб., лавки были в каждом обществе.⁶ Торговля стала очень прибыльным делом. С постройкой дороги в Чегемском обществе лавочники в аулах получали «барышом более чем в 200%».⁷

По развитию капиталистических форм из горских народов на первом месте была Северная Осетия. В 1900 г. из годового оборота Северного Кавказа в размере 165 млн. руб. на предгорную и горную зоны приходился 41 млн. руб. — 25%; по 25 руб.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 172, л. 42.

² Там же, л. 43.

³ ЦГА СО АССР, ф. 224, оп. 1, д. 7, л. 12.

⁴ Там же, л. 17.

⁵ Там же, ф. 270, д. 11, л. 23.

⁶ Документы по истории Балкарии (конец XIX—начало XX веков). Нальчик, 1962, стр. 62.

⁷ Терский сборник, вып. 5, стр. 90.

на одного жителя; в степной полосе — по 54 руб.¹ В Северной Осетии торговый оборот составлял 100 руб. на жителя — в 4 раза выше, чем в предгорном и горном районах, и почти в 2 раза, чем в степной полосе, населенной русскими и являвшейся важнейшим районом торгового земледелия и скотоводства на Северном Кавказе. Уже в 1884 г. в с. Ново-Христианском, например, при населении в 3 тыс. человек имелось 20 кирпично-черепичных заводов, более 30 мельниц европейского и горского типов, 12 мануфактурных лавок². В с. Христиановском в 1880 г. было 4, а в 1900 г. — 64 лавки.³

Из осетин вышли довольно крупные предприниматели. В 1863 г. осетин Ходжаев построил в Моздоке один из первых на Северном Кавказе винокуренный завод. В 1899 г. на Свято-троицком винокуренном заводе, принадлежавшем осетинам Корганову, Кехтурову и Таирову, работало 72 человека, годовой оборот составлял 140 тыс. руб.; на табачной фабрике Татузова и Вахтангова было занято 110 рабочих; Батигей Кануков в конце XIX в. владел Холстинским серебро-свинцовым рудником.⁴

Большие успехи Северной Осетии в развитии капиталистических форм экономики объясняются наличием такого важного экономического центра, как Владикавказ, и прямой железнодорожной связи с Центральной Россией.

Из среды других горских народов также вырастали предприниматели. Среди чеченцев, например, появились купцы второй гильдии, некоторые из них становились промышленниками. Так, Баширов стал владельцем паровой мельницы в Грозном, Тана Чермоев — нефтепромышленником, Мациев — владельцем кирпичного завода;⁵ чеченец Абубакор был купцом 2-й гильдии, имел оборотный капитал в 100 тыс. руб.⁶ В прошении главноначальствующему гражданской частью на Кавказе представители чеченского народа писали в 1896 г.: «Есть между нами и купцы, ведущие торговлю с годовым оборотом на сотни тысяч рублей;

¹ А. В. Фадеев. Вовлечение Северного Кавказа в систему пореформенной России. «История СССР», 1959, № 8, стр. 58.

² Г. В. Казбеков. Формирование и развитие рабочего класса в Северной Осетии (1860—1940). Орджоникидзе, 1963, стр. 58.

³ Материалы по истории Осетии, т. III, стр. 167.

⁴ В. И. Ларина. Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960, стр. 165.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 5, д. 4244, л. 50.

⁶ Там же, л. 51.

имеются и заводы — черепичные, кирпичные, известковые и др., лесопилки и русские мельницы».¹

Однако в целом горские районы по экономическому развитию отставали от основной территории России. По данным Всероссийской переписи 1897 г., сельским хозяйством (земледелием и скотоводством) занималось 94,1% населения Северной Осетии и 96,55% других горцев; в обрабатывающей и горной промышленности было занято: осетин — 1,28%, других горцев — 0,95%; в торговле — 0,88% осетин и 0,53% других горцев.²

Для ускорения экономического развития края Терское отделение Русского технического общества на заседании 21 марта 1905 г. признало необходимым «...приобщение края к общественным формам управления коренной России с привлечением к нему представителей всех элементов населения, без различия племен и религий, уравнивание в правах всех жителей без различия национальностей ...введение всеобщего обязательного обучения, открытие университета и специальных учебных заведений».³

Проникновение капиталистических отношений ускорило процесс социального расслоения горского населения. К началу XX в. экспроприация горского крестьянства достигла значительных размеров. Общинная собственность только маскировала истинное положение крестьян, лишившихся своих наделов. В результате правительственных пожалований отдельным лицам, отвода земель в казну, земельных захватов зажиточными элементами происходит сильное сокращение земельных участков общин, что способствовало ускоренному разорению малоимущих слоев населения.

В большинстве аулов Карачая пахотные участки крестьян составляли 0,1 — 0,2 десятины, а 30740 десятин наиболее удобных земель находились в руках «высшего» сословия.⁴ Некоторые владельцы имели, в условиях Карачая, очень большие участки: Чотчаевы — 1284, Крымшамхаловы — 4904, Узденовы — 1044, Лайпановы — 1522 десятины.⁵

Для карачаевцев, как и других жителей горной полосы, важным показателем расслоения являлась обеспеченность скотом. В начале XX в. 40% карачаевских дворов не имели овец — основ-

¹ ЦГА СОАССР, ф. 11, оп. 6, д. 4756, л. 29.

² Терская область (первая всеобщая перепись 1897 г.). СПб, 1905, стр. 15.

³ Сборник сведений о Северном Кавказе, т. III, Ставрополь, 1909, стр. 136.

⁴ Кубанский сборник, т. XV, стр. 317—318.

⁵ Кубанский сборник, т. XV, стр. 338, 347.

ного богатства карачаевского народа, 3% не имели крупного рогатого скота, 20% — лошадей; при этом были дворы, которые имели 2500 и более овец, 500 голов крупного рогатого скота, 300 лошадей.¹

В чеченских аулах 3,9% дворов не имели крупного рогатого скота, 45% — мелкого, 60% было безлошадных.² Наличие лошади в хозяйстве чеченца являлось признаком некоторого достатка; следовательно, 60% дворов не имели необходимого достатка. По отдельным аулам расслоение было еще сильнее: в ауле Самсир Веденского округа в 1906 г. из 78 домохозяев 67 (83,3%) не имели ни овец, ни коз³ (и это в горной полосе!); в с. Джаматой из 69 хозяев 50 было безземельных, в с. Шикарой безземельных имелось 97 хозяев из 138, в Бенгоровском обществе—112 дворов из 187, в Ушкаловском — 123 из 174 дворов.⁴

К 1905 г. 3998 семей горной Чечни (44% всех семейств) оказались без земли.⁵

Аналогичное положение было и в ингушских селениях: 1,3% в горах и 5% на плоскости не имели крупного рогатого скота, 31% в горах и 44% на плоскости не имели мелкого скота.⁶

В Хасав-Юртовском округе, населенном преимущественно кумыками и чеченцами, из 13120 дворов 1612 (12,3%) не имели крупного рогатого скота, 8356 дворов (63,7%) не имели мелкого.⁷

В 1893 г. 41,5% дворов Северной Осетии не имели овец и коз, а 1% (около 100 хозяйств) владели 180 тыс. голов овец и коз,⁸ в среднем по 1809 голов на хозяйство.

В Кабарде на 1890 г. из 12082 семейств 680 не имели крупного рогатого скота (5,6%), 2958 (24,5%) были безлошадными и 5593 (46,3%) — без овец и коз.⁹ В начале XX в. в Урусбиевском обществе (Балкария) 50% хозяйств не имели количества скота, необходимого для прожиточного минимума.¹⁰

У прикубанских ногайцев в 1885 г. 1287 семейств не имели лошадей, 2269 семей имели по одной лошади, 31 семья — от 2 до

¹ Кубанский сборник, т. XV, стр. 263.

² Терский сборник, вып. III. Владикавказ, 1893, стр. 81—84.

³ ЦГА СО АССР, ф. 270, д. 11, лл. 245—313 (подсчет автора.— Ф. Т.).

⁴ Терский сборник, вып. VII, стр. 206—207.

⁵ Там же, стр. 168.

⁶ Терский сборник, вып. II. Владикавказ, 1892, стр. 119—122.

⁷ Статистические таблицы населенных мест Терской области, вып. 4, т. II, стр. 66, 67, Владикавказ, 1890.

⁸ К. Х. Дзюкаев. Указ. соч., стр. 14.

⁹ Статистические таблицы населенных мест Терской области, т. II, вып. 5, стр. 66.

¹⁰ Документы по истории Балкарии... стр. 6.

25 лошадей и 31 семья — от 25 до 50 лошадей, а отдельные семьи — даже по 500—600 лошадей.¹

Такая же картина в начале XX в. была и в земледелии. В 1894 г. осетинам принадлежало только 54,66% земли во Владикавказском округе (45,34% — казне и казачеству), при этом 45% крестьян-осетин имели лишь 1,3% земли, принадлежавшей осетинскому народу; 0,28% крупных землевладельцев владели 14% земли.² В 1890 г. 13% населения Тагаурского общества составляли безземельные.³

Социальному расслоению способствовала неравномерность землеобеспечения в горах и на плоскости. В начале 90-х гг. средние наделы осетин на плоскости равнялись 5,1 десятины удобной земли (5,4 десятины всей), а в горах — по 0,82 десятины удобной земли на душу. Разница была и в наделах по общинам: в с. Шанаевском наделы были до 15,1, в Христиановском — 3,4, Магометанском — 2,6 десятины, тогда как минимальным наделом для прожиточного минимума администрация считала 5 десятин удобной земли.⁴

По данным А. Гассиева, к концу XX в. в 23 сельских обществах Чечни наделы пахотной земли составляли 0,1—0,4, в 16 обществах — 0,5, в 39 обществах 0,5—0,9, в 43 обществах — 1—1,9, и только в 7 обществах — 2—4 десятины,⁵ в то время как, по заключению даже царских чиновников, для удовлетворения потребностей семьи из 5 человек нужно иметь 6 десятин пахотной земли, 4 десятины пастбищ и 8 десятин покоса.⁶

Ингуши в горах имели на душу мужского пола всей земли, удобной и неудобной, по 1,8 десятины, из нее под распахкой по 0,2 десятины. Назрановские ингуши имели наделы по 4,3 десятины, а галашевские (2732 души обоего пола) почти все сидели на арендных землях.⁷

В 1906 г. из 2796 дворов Балкарии 139 дворам (5%) принадлежало 20% пахотной земли, 30% пастбищ и 43% покоса.⁸

¹ Народы Карачаево-Черкесии (историко-этнографические очерки). Ставрополь, 1957, стр. 135.

² М. М. Блиев. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959, стр. 152.

³ Терский сборник, вып. II, Владикавказ, 1892, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 25.

⁵ А. Гассиев. Земельно-экономическое положение туземцев и казаков на Северном Кавказе. Владикавказ, 1909, стр. 41.

⁶ Сборник «Сведения о кавказских горцах», вып. 2, Тифлис, 1869, стр. 52.

⁷ Терский сборник, вып. II, стр. 103—107.

⁸ Там же, стр. 129.

На территории нынешней Черкесии в 1913 г. крупные богатей владели 41% земли и 53% скота, а 64% горского населения оставалось беспосевным или малопосевным.¹

Усилению имущественного и социального расслоения способствовал бытовавший порядок распределения общинных земель—подымно и от количества скота; маломощные хозяйства получали $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{1}{4}$ часть пахотного пая, а пастбищными угодьями пользовались фактически владельцы скота, которые ежегодно пользуясь одними и теми же участками, считали их своей собственностью и даже сдавали в аренду бедноте.

Никакими жалобами, прошениями и обращениями в суд общины не могли вернуть захваченные участки, так как в руках зажиточных элементов находились аульные должности, на их стороне стоял весь правительственный аппарат. Доверенные карачаевского народа Хаджи-Султан Байчоров и Аслан-Мурза Боташев в 1903 г. обратились с жалобой к начальнику области на незаконный захват 17140 десятин пастбищ 263 лицами, но безрезультатно.²

Обращаясь в Комиссию по землеустройству нагорной полосы, жители Чегемского общества писали: «В общинном пользовании находится никак не более $\frac{1}{6}$ части всей земли, а остальная и более удобная земля находится у крупных владельцев — таубиев и узденей, захваченная ими. Таубии и уздени, владея $\frac{5}{6}$ всей земли, остальной пользуются на общинном праве; налоги правительство взимает с общества, как владельца всей земли».³ Жители просили обратить захваченные участки в достояние общества. Весенне-летние пастбища концентрировались в руках кулацкой верхушки.

Концентрацию надельных участков в рамках общины отмечали публицисты того времени. Осетинский этнограф Г. Цаголов в 90-х гг. писал: «Я не ошибусь, если скажу, что в настоящее время если не большая, то во всяком случае довольно значительная часть надельной земли сосредоточена в руках сельской буржуазии».⁴

Все эти данные говорят об уже значительном и все усиливающемся расслоении среди горского населения. Горцы, не имевшие скота или имевшие только корову или несколько овец, не могли самостоятельно вести свое хозяйство и искали дополни-

¹ Л. И. Лавров. Абазины. В кн.: «Кавказский этнографический сборник», т. 1, стр. 41, М., 1955.

² ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 1377, л. 3.

³ ЦГА СО АССР, ф. 270, д. 1, лл. 34—37.

⁴ «Терские ведомости», 1899, № 138.

тельные источники существования — попадали в кабалу к кулакам, поступали в услужение, нанимались на промышленные предприятия, или шли в отход. Более половины из почти 600-тысячного горского населения Северного Кавказа вынуждено было искать заработков.

Рост социального расслоения, появление, с одной стороны, разоренных крестьян, ищущих заработка, и кулачества — с другой, отмечают экономисты и публицисты. Известный осетинский экономист А. Ардасенов писал о разорении горцев: «Их можно видеть в гостиницах, трактирах, в передней барина, на вокзалах железных дорог, в канцелярии, в полиции, в ямщиках, в магазинах в качестве мальчиков и т. д.»¹ Он же говорит и о росте кулачества: «Увлечение торговлею, оборотом начинает создавать среди туземцев особое сословие хищников-кулаков, по своим приемам и проделкам представляющих подобие русского кулака, только, мне кажется, еще более грубых, жадных и жестоких».²

Положение разоряемых масс горского населения нагорной полосы осложнялось трудностью найти дополнительные источники заработка на месте ввиду отсутствия промышленных предприятий. В октябре 1905 г. к начальнику Нальчикского округа обращались беднейшие балкарцы с просьбой ускорить горные разработки, «чтобы пользоваться заработками для прокормления своих семейств».³ Краем беспросветной нужды назвал Г. Цаголов нагорную полосу.

Масса обездоленного населения стремилась переселиться в плоскостные аулы. Здесь она оказывалась на положении «временнопроживающих» или иногородних, сходных по положению с русскими иногородними в казачьих станицах. Временнопроживающие подвергались особенно жестокой эксплуатации. Об их положении Г. Цаголов пишет: «Старшины и другие должностные лица обращаются с ними как с существами низшего порядка, устанавливают непосильные для них поборы. Берут на все и за все. Чуть ли даже не за то, что временнопроживающие дышат одним воздухом с господами коренными жителями».⁴

В марте 1894 г. временнопроживающие в с. Бачи-Юрт (Чечня) были обложены такими дополнительными поборами: за пастьбу коровы — 1 руб., лошади — 2 руб., быка — 1 руб. 80 коп., мелкого скота — 50 коп., барана — 75 коп., за дрова — 5 руб. с ды-

¹ В. Н.-Л. Указ. соч., стр. 35.

² Там же, стр. 36.

³ Документы по истории Балкарии... стр. 29.

⁴ Г. Цаголов. Край беспросветной нужды. Владикавказ, 1919, стр. 186.

ма, за мелочную торговлю — 5 руб., за бакалейную — 10 руб., за мануфактурную — 15 руб. в год.¹ Распоряжением начальника округа это положение было распространено на временнопроживающих всего округа.² Размер платежей неуклонно возрастал. По общественному приговору в марте 1903 г. временнопроживающие с. Дарг-Кох (Владикавказский округ) дополнительно платили: за кв. сажень усадебной земли — 5 коп., за пастьбу лошади — 3 руб., быка — 3 руб., коровы, буйвола или буйволицы — 3 руб., жеребенка — 50 коп., на мирские расходы — по 10 руб. о семьи.³ В начале XX в. платежи временнопроживающих составляли 25—30 руб. и доходили до 45—50 руб. в год.⁴

К 1905 г. только во Владикавказском округе временнопроживающих насчитывалось 10052 души обоего пола.⁵

В 1893 г. в аулах Кубанской области инородных (так здесь называли временнопроживающих) проживало: в Екатеринодарском отделе — 4549, в Майкопском — 19800, в Баталпашинском — 3965, всего — 28394 человека.⁶

Не имея оседлости или имея только усадьбную оседлость, масса временнопроживающих являлась дешевым источником рабочей силы. Временнопроживающие выплачивали государственные подати по месту прежнего жительства, но вследствие бедности, как правило, нерегулярно. Власти их прежних аулов неоднократно обращались к администрации с просьбой вернуть временнопроживающих на старые места жительства. Так, в приговоре от 25 марта 1895 г. жители с. Нижне-Ачалукского просили о возвращении 44 семей, проживающих в разных местах Терской области.⁷

Начальник области предписал впредь не выдавать видов на жительство в другие места, пока не будет выплачена задолженность.⁸

Эта своеобразная круговая ответственность всего горского населения препятствовала свободному передвижению разоренных горцев, обрекала их на нищенское существование в суровых горах.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 5, д. 4498, лл. 1—3.

² Там же, л. 4.

³ Материалы по истории Осетии, т. 3, стр. 56.

⁴ А. Тедтоев. Указ. соч., стр. 34.

⁵ А. Х. Цаликов. Кавказ и Поволжье, 1913, стр. 50—51.

⁶ Кубанская справочная книжка на 1894 год, стр. 107.

⁷ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 5, д. 4408, л. 68.

⁸ Там же, л. 72.

И несмотря на это, отходничество принимает значительные размеры у всех горских народов — неимущие горцы нанимались к казакам на сезонные работы; объездчиками в имения крупных землевладельцев, табунщиками; на рудники, шахты, нефтепромыслы.

По переписи 1897 г., только 3% горцев Кубанской области являлись наемными рабочими. Но эти данные не отражают истинного положения, так как по переписи учтены только те, для кого продажа рабочей силы была единственным источником существования, и не учитывалась масса сезонных рабочих, полупролетарских элементов, эксплуатация которых была прикрыта патриархально-феодалными пережитками. Особенно значительным отходничество было в осетинских селениях; в начале XX в. числилось в с. Христиановском — 300, Ардон — 250, Баток-Юрт — 300, Дарт-Кох — 300, Заманкул — 300, Ольгинском — 160 отходников.¹

Более массовый характер принимало отходничество из горной полосы. Газета «Голос Кавказа» в 1907 г. писала об этом: «Жители Тамиска (Осетинское селение. Прим. автора — Ф. П.) ежегодно с наступлением весны отправляются на плоскость, где они арендуют клочки земли, другие ищут заработков во время полевых работ. Они являются поденщиками и батраками при полном отсутствии понятия о рабочем дне и правильной нормировке заработной платы. За самую нищенскую плату работают они от зари до зари».²

Нередки были случаи, когда в поисках работы горцы, особенно осетины, покидали свою родину. «Осетины давно знают, что такое капитализм, не только отечественный, но и заокеанский. Многие из них годами жилали в Америке, Канаде и там доподлинно испытали капиталистическую эксплуатацию».³

Отходничество способствовало приобщению горцев к общим условиям социально-экономического развития России, сближению с русским народом, приобщало к революционно-освободительному движению.

Капиталистические отношения у горских народов развивались под влиянием капиталистического развития России, в результате растущих экономических связей с русским народом. Эти связи способствовали появлению новых культур и усовершенствованных орудий труда у горских народов, приобретаемых, преж-

¹ Г. В. Казбеков. Указ. соч., стр. 30.

² «Голос Кавказа», 1907, № 6.

³ С. М. Киров. Избранные статьи и речи. М., 1957, стр. 40.

де всего, кулацкой верхушкой. В 1894 г. в горских аулах Кубанской области имелось 2235 плугов и 424 других усовершенствованных орудия, 23 конных и 23 паровых молотилки, 1 паровая и 4 конных мельницы.¹ По данным Т. Х. Кумыкова, в течение 1894—1895 гг. со склада сельскохозяйственных орудий Юхневича и Резанова на станции Прохладной горцами куплено 554 усовершенствованных плуга, 13 косилок, 15 грабель, 14 жаток, 6 молотилок.²

Развитие виноградарства на Кумыкской плоскости стало возможным благодаря торговым связям с русским населением. В отчете начальника Терской области за 1883 г. о роли виноградарства в хозяйстве населения Кумыкской плоскости говорится: «Казачье население Кизлярского, Грозненского и туземное — Хасав-Юртовского и отчасти Грозненского округов занимается лишь виноградарством, сбывая все свои продукты кизлярским горожанам».³

Многие виды садовых и огородных культур горское население заимствовало у русского; продукты садоводства и овощеводства начали поступать на рынок. В 1894 г. во Владикавказском округе было собрано фруктов 22238 пудов, из них продано 14530 п. на 15147 руб., овощей было продано в Грозненском округе на 4800, в Хасав-Юртовском — на 7370, в Нальчикском — на 9396, во Владикавказском — на 32344 руб.⁴

В пореформенный период происходит включение горских народов Северного Кавказа в общую систему экономического развития России; под влиянием экономического развития России и сближения с русским народом у всех горских народов происходит подтачивание и разложение феодально-патриархальных порядков — нарушалась натуральная замкнутость их хозяйства, развивались товарно-денежные отношения.

Изменения в экономике горских народов происходили в соответствии с требованиями всероссийского и мирового рынков, при этом русский капитализм отводил горским районам роль аграрно-сырьевого придатка — здесь складывались важные районы товарного земледелия и товарного скотоводства.

¹ Кубанская справочная книжка из 1894 год, стр. 49—87 (подсчет автора. — Ф. П.).

² Т. Х. Кумыков. Социально-экономическое развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. М., 1962, стр. 35—36.

³ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 12, оп. 1, д. 139, л. 5.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 12, оп. 1, д. 1462, л. 44.

Социально-экономическое развитие горских народов изучаемого периода характеризуется зарождением новых, капиталистических отношений, появлением новых классов. В среде горских народов появляется новый класс — буржуазия, ряды которого составляли торговцы, ростовщики, кулацкая верхушка аульных общин, промышленники. Основная же масса горского населения экспроприировалась аульной верхушкой и горским дворянством, чему способствовала политика царизма, и попадала под гнет растущей горской и русской буржуазии и дворянства.

Особенностью зарождавшихся капиталистических отношений у горских народов Северного Кавказа было то, что наемный труд нередко выступал в скрытом виде — в трансформируемых феодально-патриархальных формах угнетения.

К концу XIX в. явственно выступали и буржуазные формы эксплуатации, особенно в промышленности. Переплетение феодально-патриархальных форм угнетения с развивавшимися капиталистическими особенно тяжело отражалось на трудящихся массах горского населения, положение которых было еще тяжелее, чем народных масс в Центральной России.

Во второй половине XIX в. у всех горских народов наметился переход от феодально-патриархального строя к капиталистическому, быстрее этот процесс протекал в плоскостных районах, уровень экономического развития которых был выше, чем горных районов.

В процессе социально-экономического развития горских народов в пореформенный период и сближения с русским народом создавались предпосылки для их сознательного участия в революционно-освободительном движении против самодержавия, гнета помещиков и капиталистов за победу Советской власти.

ПЕРЕЖИТКИ РОДОВОЙ ОБЩИНЫ И СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА У КАРАЧАЕВЦЕВ В XIX ВЕКЕ

Вопрос о различных формах общины у карачаевцев в IX веке является одним из малоизученных вопросов советского кавказоведения. Трудность исследования этого вопроса заключается прежде всего в отсутствии у народа в досоветский период своей письменности, в отсутствии каких бы то ни было законодательных актов и записей обычного права до присоединения Карачая к России, пока община и ее институты не подверглись влиянию русского права и не потеряли черты патриархальной демократии.

Между тем проблема общины, которой уделяли большое внимание К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, не потеряла своего значения и своей актуальности и в наши дни, когда народы Африки и Азии (их аграрный строй основывается на сельской общине) освобождаются от колониального рабства и выбирают пути своего дальнейшего развития.

Источниками для исследования карачаевской сельской и семейной общины послужили архивные материалы, обнаруженные в Центральном государственном историческом архиве, Центральном государственном архиве Ленинграда, Центральном государственном архиве Северо-Осетинской АССР, Государственном архиве Краснодарского края, а также в других кавказских архивах. Дополнением к ним явились произведения устного народного творчества карачаевцев, а также рассказы стариков, собранные во время поездок по аулам области.

Карачаевское общество основывалось на тех же принципах, которые, по словам Ф. Энгельса, «господствуют в первобытной истории всех или почти всех народов: разделение народа по при-

знаку родства и общая собственность на землю».¹ Это разделение карачаевского народа по признаку родства лежало не только в основе родовой общины карачаевцев, но и сохранилось как самый стойкий пережиток и в XIX в., когда исчезли все остальные признаки родового строя. Коллективная собственность на скот давно уже заменилась частной, исчезло равенство общинников, вытесненное острым имущественным и социальным неравенством, в частную собственность перешла часть земельных угодий. Лишь как пережиточная форма сохранились следы коллективного труда. Не было и совместного потребления.

В XIX в. от родовой общины остались лишь отдельные пережитки, не определяющие способа производства, а лишь напоминающие о былом единстве родов. Таковы совместные поселения членов бывших родов — родовые кварталы — тийре внутри сельской общины, родовые тавро, родовые кладбища, довольно строгая экзогамия внутри бывших родов, взаимопомощь родственников и т. д.

Но если родовая община в XIX в. стала лишь пережиточной формой, то семейная община сохранилась в полной силе, с коллективной собственностью на скот и землю, с коллективным трудом и совместным уравнительным потреблением. Наряду с большими семьями в XIX в. в карачаевскую сельскую общину входило большое количество малых семей, ведущих индивидуальное хозяйство.

Кроме родовых связей, которые оставались крепкими и внутри сельской общины, членов карачаевской общины сближали общие интересы по владению и защите своих земель, охране населения и скота, по проведению и поддержанию в порядке ирригационной системы и т. д. При том уровне развития производительных сил, который был в Карачае в XVIII—начале XIX вв., хозяйственное единство, которое обеспечивала община, было необходимым условием существования общества.

Методы ведения хозяйства в высокогорной местности (полукочевое скотоводство и орошаемое земледелие) требовали тесного сплочения жителей. Под влиянием имущественного и социального неравенства, индивидуального труда, выделения господствующей верхушки родовая община разлагалась. Функции ее по объединению населения, но уже в более широких масштабах, перешли к соседской общине — первому социальному объединению свободных людей, не связанных кровными узами.²

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 329.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 694.

Экономической основой карачаевской сельской общины было общинное землевладение на основные земельные угодья — пастбища, зимние и летние, сенокосы, лес. В процессе феодализации общинное землевладение сокращалось. Крупные скотоводы из бийских и верхушки узденских тукумов захватывали лучшие и наиболее важные в скотоводческом хозяйстве земли — зимние пастбища туакишлыки. Процесс захвата общинных земель и превращения их в частные продолжался в течение всего XIX в. Уже к середине века в общинном владении находились лишь горные пастбища у границ ледников да на крутых склонах гор.

Таким образом в Карачае происходил тот же процесс уменьшения роли общинной собственности на землю и превращения ее в общинный придаток частной собственности, о котором писал К. Маркс в своем письме к В. И. Засулич: «Оставляя в стороне все влияние враждебной среды, уже одно постепенное накопление движимого имущества, начиная с накопления скота (допуская даже накопление богатства в виде крепостных), все более и более значительная роль, которую движимое имущество играет в самом земледелии, и множество других обстоятельств, неотделимых от этого накопления, но изложение которых отвлекло бы меня слишком далеко, — все это действует как элемент, разлагающий экономическое и социальное равенство, и порождает в недрах самой общины столкновение интересов, которое сперва влечет за собой превращение пахотной земли в частную собственность и которое кончается частным присвоением лесов, пастбищ, пустошей и пр., уже ставших общинными придатками частной собственности».¹

Однако этот процесс и в XIX в. не был завершен в Карачае, и общинное начало продолжало существовать рядом с частнособственническим. Особенностью сельской общины у карачаевцев было сохранение в ней пережитков более архаичных форм — родовой и семейной общины. Пережитки их сохранились настолько рельефно, что даже в 70-е гг. XIX в. список жителей Карачая составлялся не по аулам, а по родовым группам.²

Рассмотрим подробнее каждую из этих форм.

1. Пережитки родовой общины

Пережиточной формой родовой общины в Карачае XIX в. был тукум и союз тукумов — каум. Как уже говорилось, тукум

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 681.

² ЦГА СО АССР, ф. 262, ед. хр. лл. 50—86.

давно уже утратил свои первоначальные черты, свое бывшее единство. О коллективной собственности на основные средства производства напоминали лишь отдельные пережитки: родовые тавро, тукумные земли. Еще меньше осталось следов коллективного труда и совместного уравнительного потребления.

«Родовой организации, собственно говоря, не существует», — писал о карачаевцах Б. Миллер. «Родовой быт не кладет почти никакого отпечатка на земельные отношения карачаевцев и принцип индивидуализации всецело восторжествовал над общинно-родовым строем».¹

Но тем не менее пережитки родовой организации были в Карачае очень сильны. И не только патриархального, но и более раннего материнского рода. Это было подмечено впервые тем же Б. Миллером, наиболее крупным знатоком карачаевской общины во всей досоветской литературе. Следы материнского рода он находил в свадебных обрядах и подарках, в выдающейся роли брата невесты и дяди по матери при заключении брака.²

И полевой материал, и фольклор подтверждают наблюдения Б. Миллера. Дядя по матери (ана кърнашы) не только устраивает свадьбу своей племянницы, но и в течение всей жизни является ближайшим родственником, самым дорогим и почетным. Когда в семье племянника или племянницы рождался ребенок, то имя ему обычно давал дядя по матери.

Особая близость детей сестры, которые были порой дороже собственных детей, отражена и в народных пословицах. «Две трети парня от дяди по матери» (Джашны юч этиб эки юлюшю-ана кърнашындан).³ «Родившийся от сестры заласканный бывает» (Эгечден туугъан эрке болады).⁴ «Если придет сын сестры, то центральный столб дома и то оживится», так дорог гость (Эгечден туугъан келсе, йюню ара багъанасы кымылдар).⁵

Если карачаевец оказывал кому-нибудь особенно большую услугу или уважение, его спрашивали: «Что он, сын сестры тебе?» (Эгечинъден туугъанмы болгъанды?)⁶ или «Что он тебе, дядя по матери?» (Ана кърнашынъмы болады?).

¹ Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев. «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, стр. 6.

² Б. Миллер. В Карачае. «Этнографическое обозрение», 1899, № 1 — 22, стр. 396.

³ Нарт сёзле. Джыйгъан джарашдыргъан да Алийланы С. Ч., стр. 264.

⁴ Там же, стр. 265.

⁵ Там же, стр. 266.

⁶ Там же, стр. 266.

Пережитком матриликального поселения является обычай, по которому молодая женщина, прожив год или около этого в доме мужа, возвращалась на несколько месяцев, иногда на целый год в дом своего отца. Часто бывало, что к этому времени у нее был уже грудной ребенок. Тогда она ехала к отцу вместе с ребенком. За те месяцы, что дочь жила дома, ей готовили приданое, а также подарки родственникам мужа. Только после поездки молодой к отцу, ее муж получал право встречаться с родственниками жены. До этого даже случайная встреча считалась зазорной.

К пережиткам матриархата относят также более почетное положение женщины в Карачае, чем у некоторых других мусульманских народов. Женщина могла разнять дерущихся мужчин, если бросала между ними свой платок, могла защитить человека от смертельной опасности, если давала ему прикоснуться к своей груди. Что же касается большей самостоятельности карачаевской женщины в хозяйстве, случаев, когда по имени женщины — главы семейной общины — получали название целые атаулы, то это, безусловно, объясняется не только пережитками матриархата, но и особенностями экономического развития Карачая, при которых женщине приходилось заменять мужчин, уехавших на коши, во многих хозяйственных делах.

Пережитком патриархально-родового быта был довольно распространенный в XIX в. левиратный брак. При смерти старшего брата на вдове его должен был жениться один из младших братьев. Так Тулпаров Крым совсем юным человеком должен был жениться на вдове брата, у которой было уже четверо детей.¹

Древними родами Карачая были каумы. Их было четыре, что характерно для многих племенных объединений, имеющих дуальную структуру. Кауму были присущи многие черты родовой общины: происхождение от одного родоначальника, экзогамия, пережитки родовой собственности, взаимопомощь и т. д.

Каждый каум имел своего легендарного родоначальника — «тин ата». По преданиям, такими родоначальниками были сподвижники Карчи: Адурхай, Будиян, Науруз и Трам. От потомства этих лиц и пошли четыре основных поколения карачаевского народа: адурхаевцы, будияновцы, наурузовцы и трамовцы. Позже, при разрастании родов, адурхаевцы, будияновцы, наурузовцы и трамовцы стали союзами родов, в которые входили

¹ Полевой материал 1958 г., а. Карт-Джурт, Тулпаров Крым.

родовые общины — тукумы. Каумы объединяли не весь карачаевский народ, а лишь его основное ядро — старые узденские тукумы. Тукумы, возникшие позже из пришельцев в Карачай или из освободившихся крестьян-азатов, в каумы не входили.

По спискам, составленным и затем проверенным выбранными для этого депутатами, в 70-х гг. XIX в. каждый каум имел следующие тукумы:

<u>Адурхаевцы</u>	<u>Будияновцы</u>	<u>Наурузовцы</u>	<u>Трамовцы</u> <i>Албогачев</i>
<u>Байцоровы</u>	<u>Байрамуковы</u>	<u>Кочкаровы</u>	~~Албогачевы~~
<u>Джаммаевы</u>	<u>Акбаевы</u>	<u>Аджиевы</u>	<u>Бостановы</u>
<u>Батчаевы</u>	<u>Боташевы</u>	<u>Гаппоевы</u>	<u>Семеновы</u>
<u>Тулпаровы</u>	<u>Деккушевы</u>	<u>Байрамкуловы</u>	<u>Джанибековы</u>
<u>Кулчаевы</u>	<u>Чотчаевы</u>	<u>Кобановы</u>	<u>Коркмазовы</u>
<u>Чичхановы</u>	<u>Текеевы</u>	<u>Мамчуевы</u>	
<u>Баневы</u>	<u>Тамбиевы</u>	<u>Гулаевы</u>	
<u>Эркеновы</u>	<u>Эзиевы</u>	<u>Каппушевы</u>	
<u>Чомаевы</u>	<u>Болуровы</u>	<u>Баттыевы</u>	
<u>Лайпановы</u>	<u>Элькановы</u>	<u>Салпагаровы</u>	
<u>Долаевы</u>			
<u>Урусовы</u>			
<u>Шидаковы</u>			

Кроме этих основных союзов родов, были, как говорилось, и другие, образовавшиеся позже. Союз Шадыбековцев объединял следующие тукумы:

<u>Биджиевы</u>	<u>Хасановы</u>
<u>Бытчаевы</u>	<u>Хачиловы</u>
<u>Доттоевы</u>	<u>Хубиевы</u>
<u>Джашиевы</u>	<u>Тохчуковы</u>

Кроме того, в Карачае был целый ряд тукумов, не входивший ни в какие объединения. Все они считали себя пришельцами из других племен и народов. Это тукумы:

Гебеноты
Каракоты
Каитовы
Кипкеевы
Доттуевы
Гатчиевы
Лепшоковы

Так как все эти тукумы считали себя выходцами из Кабарды, где они произошли от Шипшевых, то иногда они объединялись как поколение Чишилера.

Джуккаевы
Ахтаевы
Узденовы
Борлаковы
Алиевы
Шамановы
Умаровы
Кобановы
Айбазовы
Гочияевы
Тебуевы
Ортеневы

Эти люди были довольно поздними выходцами из Дагестана и в XIX в. еще поддерживали связи со своими родственниками — кумыками.

Особняком стояли бийские тукумы Крымшамхаловых, Дудовых и Карабашевых. Они не входили ни в один из каумов. Но чтобы придать себе вес и силу, составили особый союз, который вел свое происхождение якобы от самого Карчи — родоначальника Карачая. Но связи в этом союзе были значительно слабее, чем в узденских, и вместо взаимопомощи между тукумами процветало соперничество и борьба за власть.

✓ Принадлежность к одному из каумов была не только почетна, но и гарантировала человеку более крепкую защиту его личности, более надежную охрану его имущественных прав, более прочное положение в обществе. Поэтому многие и более поздние пришельцы пытались попасть именно в старые каумы и тукумы. Они договаривались со старшинами родов, заключая своеобразный устный договор о том, что их фамилия будет считаться принадлежащей к данному тукуму или кауму. Они же в свою очередь брали на себя обязанность защищать интересы тукума, как свои. При этом часто новые члены принимали и фамилию тукума.¹

Но так как попасть в старый тукум было все же очень сложно, то новые пришельцы в Карачай стремились, по крайней мере, создать свои родственные союзы. Так был создан союз Шатбеклеров или Шадыбековцев из ряда более поздних пришельцев в Карачай. Но чтобы придать этому объединению вид родового, члены его создали предание о том, что происходят от общего предка — Шадыбека. Якобы сын Шадыбека — Батыр со своими сыновьями Хубия и Хубтия вышли из Крыма несколько позже Карчи и присоединились к карачаевцам на Баксане. По другой версии, Хубий и Хубтий были сыновьями кызылбековского князя

¹ ЦГА СО АССР, ф. 262, ед. хр. 71, лл. 102—121.

Шатбека. После смерти отца Хубий присоединился к Карче, а Хубтий ушел в Абхазию. Хубий стал родоначальником Хубиевых, один из сыновей Хубия — Биджиевых и т. д.

Каитовы, Кипкеевы и Доттуевы объединились с Каракотовыми и Гебеновыми, такими же пришельцами из Кабарды, образовав более поздний союз тукумов — Хустосовцев или Чишилеры. «Все эти пять фамилий причислялись к Хустосовским фамилиям для взаимной защиты своих интересов», — сказано об этом союзе в Списке лиц свободных сословий бий, чанка и узден в карачаевском обществе Баталпашинского уезда.¹

З. Ванеев отмечает аналогичные явления и в осетинском обществе, где также налицо было два противоположных процесса: дифференциация, распадение родственных групп на более узкие и интеграция или консолидация отдельных родственных и неродственных групп в одну объединяющую группу.

Однако более поздние объединения отличались от старых во многих отношениях. Не говоря о том, что они не были так сильны, в них не было и пережитков родовой собственности, не было столь строгой экзогамии, предания об общих родоначальниках смутны и надуманны, не было общих органов управления и т. д.

Четыре коренных карачаевских тукума возникли в тот отдаленный период, когда в Карачае еще существовала коллективная собственность не только на земли, но и на скот. Об этом былом хозяйственном единстве союзов родов говорят сохранившиеся до самой революции родовые тавро — символ родового единства. Они имеются только у четырех основных союзов — адурхаевцев, будияновцев, наурузовцев и трамовцев. Ни один из других союзов не имеет родового тавра, так как возник много позже того периода, когда скот находился в общинной собственности.

Родовые тавро служат одним из немногих доказательств существования коллективной собственности в карачаевской родовой общине. Собственность на землю возникла позже, когда старые роды распались на новые тукумы. Поэтому земли, сохранившиеся в родовой собственности, принадлежали тукумам. Это были зимние пастбища — таукишлыки, которые формально находились во владении тукумов до конца XIX в. Фактически же таукишлыки делились по атаулам и семейным общинам, имевшим свои доли в них.

Первоначально в собственности тукумов были и пахотные, и сенокосные участки, о чем свидетельствует сохранившееся до

¹ ЦГА СО АССР, ф. 262, ед. хр. 23, лл. 50—86.

ХІХ в. право родового выкупа и родовой преэмпции. Эту интересную черту карачаевского землевладения подмечали многие исследователи. О ней писали и Г. Петров,¹ и В. М. Сысоев² и др.

Когда карачаевец — член тукума хотел продать свой земельный участок, то он обязан был предложить его родственникам по тукуму, которые имели предпочтительное право покупки. Если близкие родственники отказывались, он должен был предложить более дальним. И только если отказывались все родичи, должен был предложить соседу. Если же отказывались и соседи, землю можно было продать кому угодно, любому постороннему покупателю.

Если же участок был продан без соблюдения этих процедур, без предварительного оповещения родственников, то они могли опротестовать сделку и имели право выкупить участок у покупателя в принудительном порядке.

Распадение карачаевских каумов на ряд тукумов произошло, по-видимому, в период образования современных селений Хурзук, Карт-Джурт и Учкулан. Поэтому следов поселений по каумам мы в Карачае не находим. Члены одного каума могли быть в разных аулах. Так Байрамуковы из тукума будияновцев жили в Хурзуке, а члены того же каума Акбаевы в Учкулане, Боташевы — в Хурзуке и Карт-Джурте и т. д. Но тем не менее, несмотря на отсутствие единой территории, члены союзов родов не утратили ни родового имени, ни воспоминания об общем происхождении.

Все тукумы, входившие в данный каум, считались родственными, оказывали друг другу помощь в случае несчастья. Помогали собрать штраф или плату за кровь, защищали от набегов скот и селения. Однако помощь дальних родственников — членов одного каума не была столь обязательной, как близких — родственников по тукуму и тем более по атаулу. Внутри каумов одни тукумы считались более близкими (къысха тукъум), другие — более дальними (узакъ тукъум). Так, например, среди будияновцев особенно близкими считались тукумы Байрамуковых и Акбаевых, так как, по преданию, Байрамук и Акбай были родными братьями, сыновьями Темиркана, внука Будияна.

Экзогамия в союзах родов соблюдалась, но была менее строгой, чем внутри тукумов. Причем в разных союзах на брак внут-

¹ Г. Петров. Верховья Кубани — Карачай. Памятная книжка Кубанской области за 1880 год. Екатеринодар, стр. 137—138.

² В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях. СМОМПК, вып. 43. Тифлис, 1913, стр. 77.

при союза смотрели по-разному. Строже всех экзогамию соблюдали наурузовцы.

При этом учитывалась близость тукумов. За родственника из близкого тукума никак нельзя было выходить, а из дальнего — более возможно, хотя такие браки и не одобрялись. И. Щукин пишет, что к концу XIX в. строгие наказания за нарушение экзогамии стали заменяться штрафами, которые брались медной посудой, предпочтительно котлами.¹ А иногда и штрафа не брали.

Только наурузовцы и в конце XIX в. продолжали с прежней строгостью следить за экзогамией, гордясь, что за все время существования каума не было случаев нарушения экзогамии.² И вдруг в самом конце XIX в. разразился скандал. Молодой мулла Али Салпагаров, занимаясь арабским языком с очень способной девушкой Мариам Байрамкуловой, полюбил ее и решил жениться на ней. Все наурузовцы возмутились и решили строго наказать виновных в нарушении родовых традиций. На собрании старейшин наурузовцев постановили выселить Али Салпагарова из Карачая, а Мариам предать проклятию.

Не ограничиваясь этим решением совета старейшин, дело передали в горский суд. Али посадили в тюрьму, обвиняя в нарушении родового обычая. Мариам привязали к позорному столбу, и все проходившие мимо всячески окорбляли девушку. С отцом Мариам перестали здороваться, «за то, что он воспитал такую дочь».³

Этот случай так взволновал всю карачаевскую общину, что и другие родовые союзы стали строже следить, чтобы не было случаев нарушения экзогамии. Даже в таком искусственно созданном союзе, как шадыбековцы, в июне 1898 г. было созвано специальное собрание всех членов союза, которое приняло решение «не брать и не выдавать друг за друга девушек».⁴

Значительно теснее были родовые связи внутри тукумов. В течение всего XIX в. в старых аулах сохранялся принцип поселения по родовым кварталам — тийре. В Учкулане к началу XX в. насчитывалось 24 тийре, в Хурзуке — 27. По словам антрополога И. Щукина, каждый квартал был населен только одной фамилией, по которой он и получал свое название. «Только фамилии, не отличающиеся многочисленностью своих членов, а так-

¹ И. Щукин. Краткий географический очерк Карачая. «Русский антропологический журнал», 1913, № 1—2, стр. 57.

² Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев, стр. 11.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 11—12.

же представители других народностей, проживающие в селениях Карачая, образуют иногда один общий квартал».¹

В Карт-Джурте были расположены тийре Боташевых, Хубиевых, Узденовых, Крымшамхаловых, Бердиевых, Алиевых и др. В Учкулане — Аджиевых, Акбаевых, Байрамкуловых, Коркмазовых, Байчоровых, Каитовых, Джанибековых, Кочкаровых, Голаевых, Богатыревых, Абаевых, Текеевых, Семеновых и др. В Верхнем Учкулане — Урусовых, Айбазовых, Биджиевых, Бостановых, Каппушевых, Казанчиковых и др. В Хурзуке жили Алиевы, Дудовы, Хасановы, Джуккаевы, Кубановы, Лайпановы, Борлаковы, Узденовы и др.

Некоторые большие тукумы имели по несколько кварталов. Хубиевы жили в трех кварталах, Узденовы — в двух. Иногда тийре располагались даже в разных аулах. Одно тийре Салпагаровых было в Карт-Джурте, другое — в Учкулане, у Боташевых одно в Хурзуке, другое — в Карт-Джурте. Тийре были целыми поселками, насчитывающими до сотни усадеб. Часто внутри тийре помещалось и кладбище тукума. На нем хоронили только членов своей фамилии. Если человек умирал не дома, даже вне пределов Карачая, его везли хоронить домой, на родовое кладбище.

До отмены крепостного права в тийре наряду с членами тукума жили и их крепостные. Но это не делало их членами тукума, не давало прав ни при жизни, ни после смерти. Крепостные не имели права ни на клочок земли, ни на помощь в случае несчастия. Им отказывали даже в праве быть похороненными на тукумном кладбище.

Родовые кварталы — тийре были не просто группой жилищ, а единым коллективом. В этом отношении большой интерес представляет записанный журналистом Саидом Лайпановым рассказ старика Хасана Байрамукова, пересказывающего воспоминания его бабушки, умершей в 80-х гг. XIX в. Она описывала жизнь карачаевского тийре в дни ее молодости, то есть в первой половине XIX в.

Члены тийре жили единым дружным коллективом. Каждый вечер перед тем, как лечь спать, старики проверяли, все ли дома, а утром — спокойно ли прошла ночь в тийре, не было ли нападений, не увели ли скот или людей? Став старой, бабушка сама обходила каждое утро на рассвете тийре и, убедившись, что все в порядке, говорила: «Слава Аллаху, тийре спокойно» (Аллахха шукур, тийре тынчлыкълды).

¹ И. Щукин. Указ. соч., стр. 45.

Обычно утром открывались ставни, которыми за неимением стекол закрывали окна, из дымарей шел дым — значит, в доме все в порядке. Если же в каком-либо доме тийре окна оставались закрытыми, из дымара не шел дым — значит, ночью что-то случилось. Недаром в проклятиях, которые посылались врагу, говорилось: «Пусть дверь твоя закроется перед лунным светом, пусть дым твой иссякнет при луне!»¹ Увидев, что в доме что-то случилось, возможно, ночью напали недруги, все члены тийре спешили на помощь этой семье.

Родовых башен, как у чеченцев и некоторых других народов, у карачаевцев не было. Но в период язычества каждый тукум имел свою священную гору — Чоппа-къая. Там ежегодно осенью после окончания уборки и сенокоса устраивался праздник Чоппа. Все члены тукума, взяв с собой жертвенное угощение курманлык, отправлялись на свою гору. Трое молодых людей обслуживали всех. Старейшина тукума, совершив молитву, резал жертвенное животное. Его обжаривали над костром, не снимая шкуры. Потом резали на мелкие кусочки и раздавали присутствующим.

Также дружно участвовали все члены тукума не только в радостных, но и в горестных событиях своего тукума. Еще в период язычества, когда человек умирал, собирались все близкие и дальние родственники, выбирали тамадой самого красноречивого старика и шли к могиле. Каждый член тукума брал в руки по камню. Тамада, произнося молитву, ходил вокруг могилы, время от времени стуча камнями друг о друга и приговаривая: «О-о, сагъаша о-о!» И все присутствующие на похоронах подхватывали его слова и также ходили за ним вокруг могилы, ударяя камнем о камень.²

Когда в одном из домов тийре резали скотину, то кусочки мяса разносили по всем домам своего тийре, наиболее почетные части отдавая старейшинам тукума — тукъум тамада.

Большинство тукумов строго соблюдало экзогамию. Исключение составляли княжеские роды. Стремясь сохранить чистоту своей крови, они сочетались браком только с княжескими фамилиями соседних народов. Если же не было возможности женить сына на княжне или отдать дочь в княжескую семью соседних народов, то предпочитали вступить в брак с кем-нибудь из дальних родственников, только бы не унизиться до брака с простолудином.

¹ С. Лайпанланы. Сагъаша. «Ленинин байрагъы», 1965, № 36.

² Там же.

Крымшамхаловы женили молодых людей внутри своего тукма при условии, если они относятся к разным атаулам. Из атаула Гилястановых выдавали замуж и женили на молодых людях из атаулов Сосрановых или Ачахматовых и т. д.

Кроме княжеской спеси, этот факт может иметь и другое объяснение. Крымшамхаловы скорее всего являются выходцами из Дагестана, где эндогамия не только допускалась, но была основной формой брака. Может быть, именно поэтому так широко практиковали такие браки и Крымшамхаловы. Когда начали работать на Северном Кавказе сословно-поземельные комиссии, то для подтверждения своего княжества Крымшамхаловы ездили в Дагестан, к шамхалу Тарковскому. Но тот отказался выдать им соответствующую бумагу, не признавая их княжеского происхождения. Очевидно, именно в это время Крымшамхаловы стали распространять версию о своем происхождении от родоначальника Карачая — Карчи.

Экзогамия распространялась не только на кровных родственников, но и на всех принятых в род, усыновленных, а более всего на вскормленных молоком одной матери. Экзогамию при аталычестве М. О. Косвен объясняет тем, что аталычество возникло в период перехода от матриархата к патриархату, и первоначально ребенка отдавали из рода отца на воспитание в род его матери.¹ Естественно, что он не мог вступать в брачные отношения с членами рода матери.

В период своего возникновения аталычество — воспитание ребенка не в своей семье, а в семье воспитателя — аталыка — не носило классового характера и было широко распространенным явлением во всех слоях населения. И лишь позже аталычество, как и другие институты родового строя, приобрело классовый характер.²

Аталычество у карачаевцев, как показывают источники XIX в., было довольно распространенным явлением, но всегда связанным с вассальными отношениями феодального общества. На воспитание отдавались только княжеские дети и всегда в семью подвластных узденей. Обычай воспитания узденями княжеских детей был настолько широко принят, что Г. Петров с него начинает перечисление основных обязанностей карачаевских узденей: «Уздени воспитывали детей старшин, выезжали или

¹ М. О. Косвен. Аталычество. «Советская этнография», 1935, № 2, стр. 59.

² М. О. Косвен. Аталычество. «Советская этнография», 1935, № 2, стр. 57.

подъяривали для них лошадей, сопровождали их в пути, делали с ними набеги на соседей и защищались при неприятельских вторжениях».¹

Взять на воспитание ребенка бия считалось большим почетом, а кроме того, обеспечивало покровительство семьи ребенка и сулило экономические выгоды, так как аталыку делались богатые подарки и, главное, дарилась земля. Земли, данные за аталычество, так и назывались «эмчек джер» — молочная земля. Старики и сейчас указывают, какие именно земли давали Крымшамхаловы за воспитание своих детей.

Аталык — воспитатель или «эмчек ата» — молочный отец — подбирался бийской семьей еще до рождения ребенка из числа вассальных узденей, жены которых имели грудных детей. А так как это было и выгодно, и почетно, то в желающих недостатка не было. Ребенка отдавали буквально через несколько дней после рождения. Семья узденя растила его, как родного ребенка, окружая вниманием и заботой. Молочная мать — «эмчек ана» — кормила и холила своего воспитанника, который назывался «эмчек улан» или «эмчек джаш» (молочный мальчик), или «эмчек кыыз», если это была девочка.

Мальчика аталык учил езде на лошади, обращению с оружием, обычаям и всему прочему, что входило в комплекс обучения тех времен. Девочку молочная мать учила женским рукоделиям, ведению домашнего хозяйства.

Когда воспитанник вырастал, его возвращали родителям, снабдив конем и хорошей одеждой. Родители ребенка в свою очередь одаривали аталыка и его семью. Связь между выращенным бийским сыном или дочерью с семьей аталыка не прерывалась и после возвращения их в отцовский дом. Семья аталыка принимала самое горячее участие в судьбе своего приемного ребенка, в выборе жениха или невесты, в свадьбе и т. д. Во время свадьбы молочным братьям и сестрам делались подарки наравне с родными братьями и сестрами. На молочных родственников распространялись все права и все ограничения, присущие кровным родственникам.

Но в отношениях аталыка с семьей выращенного ребенка была и другая сторона, появившаяся значительно позже, чем нормы родового общества. Аталык становился вассалом княжеской семьи и вместе с землями, полученными за воспитание ребенка, получал и вассальные обязанности. Он должен был сопровож-

¹ Г. Петров. Указ, соч., стр. 132.

дать и охранять своего сюзерена, защищать его интересы и под видом добровольной помощи нести ряд повинностей, которые заключались как в приношениях, так и в отработке. Повинности несла вся семья аталыка: и жена и дети его.¹

М. О. Косвен предупреждает против смешивания с аталычеством другого, не менее древнего обычая, когда ребенка брали на воспитание с целью прекращения вражды между родами. Такие случаи наблюдались и в Карачае. Так, при вражде, вспыхнувшей между потомками Шадыбека Хубиевыми и Хачиновыми, чтобы примириться, Хачиновы взяли на воспитание малолетнего мальчика Хубиевых и тем восстановили мир между тукумами.²

Другим способом прекратить вражду, и особенно кровную месть, — было усыновление членом оскорбленного рода самого виновника вражды: убийцы или обидчика. Процедура усыновления имитировала кормление грудью. Человек, ищущий покровительства или желающий заслужить прощение, должен был прикоснуться губами к груди старейшей женщины из оскорбленного тукума. Этим он как бы усыновлялся тукумом. Тот брал его под свое покровительство, а следовательно, о продолжении вражды уже не могло быть и речи.

Даже убийца или покушавшийся на убийство мог припасть к груди матери оскорбленного или даже убитого человека, и тем заслуживал прощение, так как считался уже членом тукума. Б. Миллер рассказывает, что в 80-е гг. XIX в. в Учкулане был случай, когда человек, уличенный в прелюбодеянии, прибежал к матери оскорбленной им женщины и, припав к ее груди, просил: «Ты будь моей матерью, а твоя дочь — мне сестрой».³ Только таким способом смог он избежать тяжелого наказания за прелюбодеяние, которое очень строго каралось в Карачае.

Иногда к такому методу прибегал и преследуемый. Спасаясь от погони, он мог даже у малознакомых людей просить защиты и покровительства. Если ему удавалось умолить женщину дать прикоснуться к ее груди, то весь род женщины становился защитником его как члена данного рода.

Тукум имел право усыновления и иным способом, путем торжественного обряда «прохождения под палкой». Для этого собирались все члены тукума, согласного усыновить чужеродца. Старейшие представители тукума держали палку, под которой проходили сначала принимаемый в род, а затем следом за ним

¹ Полевой материал 1958 г., а. Джегута, Байрамукова Джандет.

² Б. Миллер. Указ. соч., стр. 7.

³ Там же, стр. 15.

старейшины. Человек, принятый таким образом в тукум, назывался «таякъ-къарнаш» (брат из-под палки). Антропологу И. Щукину рассказал об этом обычае в начале XX века учитель хурзукской школы Т. Ш. Биджиев, сообщив, что этот обычай вышел из употребления совсем недавно, лет за 25 до этого, то есть в 70—80-е гг. XIX в.¹

Очень небольшое распространение в Карачае имел обычай кровной мести, свойственный родовым обществам. Мирный па-стушеский карачаевский народ уже на заре своей истории предпочитал уплату выкупа кровавой вражде. По преданию, уже детям Баташа, который открыл для карачаевцев район верховьев Кубани, была выдана всем народом своеобразная плата за кровь убитого отца — прорыта особая индивидуальная оросительная канава — «къан илипин» — кровавая канава.

Лишь в одной из народных сказок рассказывается о кровной мести в Карачае. Ецемей, сын Ецея, узнав, что отец его убит злодеем Кубой, отправился отомстить за него, сказав матери, что этого требует священный долг. Интересно, что первой отправилась отомстить за смерть брата сестра Ецея, пока сын был мал.² Других упоминаний о кровной мести нет в фольклоре.

Обычно в случае убийства собирались старейшины тукумов, которые старались примирить враждующие стороны, договаривались о размере платы за кровь. В Карачае могло быть выкуплено даже убийство бия, в то время как у некоторых адыгских народов за убийство князя полагалась смерть обидчика, и ничем нельзя было ее откупить.

Плата за кровь бралась самыми дорогими вещами — землей, рабами. Случаи отдачи земли и рабов в качестве платы за кровь зафиксированы документами XIX в., отражены в народных преданиях. Так, по преданию, Тохчук — родоначальник тукума Тохчуковых был дан карачаевцам кабардинцами в качестве платы за кровь убитого карачаевского юноши.

В документах конца XIX в., когда рассматривались земельные отношения и происхождение земельных владений, есть указания на передачу земель из одного тукума в другой в качестве платы за кровь. Так, Доттаевы получили за кровь землю Коче-рука, убившего брата Доттая. Карабашевы завладели за кровь землю Джашеевых. Один из Булуровых убил Чотчаева, и в ка-

¹ И. Щукин. Указ. соч., стр. 41—42.

² Богатырь Ецемей, сын Ецея (карачаевская сказка). СМОМПК, вып. XXI, Тифлис, 1896.

честве платы за кровь Булуropy отдали Чотчаевым земли по берегу р. Хурзук.¹

Б. Миллер подчеркивает, что убийство человеком сородича и чужеродца расценивалось по-разному. В случае убийства родича человека могли изгнать из рода, могли даже продать на сторону. «Убийца лишался всяких прав, делался объектом имущественной сделки, от него отрекался весь род, вне которого он был ничто».² Но убийством ему никто не грозил. Если же убитый и убийца принадлежали к разным родам, возникала кровная месть, которую можно было погасить лишь путем переговоров и уплаты пени за кровь, в зависимости от социального положения убитого.

При рассмотрении дела об убийстве учитывалось, было ли убийство преднамеренным или случайным. В последнем случае плата была более низкой. Несмотря на то, что случаи кровной мести были чрезвычайно редки в Карачае, народный обычай предусматривал порядок мести за убитого. Первым мстить обязан был сын убитого, затем братья, жена, близкие и в последнюю очередь, если нет близких родственников, — дальние.

Пеня за ранение, как и за убийство, зависела от социального положения потерпевшего. По адатам, за увечье бия бралось значительно больше, чем за ранение рядового общинника.³ Если же ранили друг друга лица одинакового положения, то дело не доводило до суда, а ограничивались тем, что виноватый лечил на свой счет пострадавшего, а после его выздоровления устраивал курманлык, дарил ему коня и одежду.⁴

Все спорные дела тукума решали или родовые старейшины, или общее собрание тукума. Но собрания собирались лишь в исключительных случаях, когда надо было принять важное решение, текущие же дела решали старейшины или, как пишет Н. Иваненков, «родовой суд из стариков».⁵

Единство тукума в XIX в. в основном было идеологическим, так как тукум перестал быть хозяйственной единицей, потерял коллективную собственность на средства производства и прочие черты коллективизма. Юридически в собственности тукумов

¹ ЦПА СО АССР, ф. 262, ед. хр. 23, л. 50—86.

² Б. Миллер. Указ. соч., стр. 13.

³ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, т. 1, Одесса, 1882, стр. 284.

⁴ Б. Миллер. Указ. соч., стр. 15.

⁵ Н. Иваненков. Карачаевцы, ИОЛИКО, вып. 5, Екатеринодар, стр. 29.

считались таукишлыки, но фактически, как уже говорилось, они чаще распределялись между отдельными семьями. Так, например, таукишлыки Байрамуковых были расположены в Даурбат и Тиккулак. Участки были поделены между атаулами, а внутри атаулов — между большими и малыми семьями.¹

Разделы таукишлыков производились не на определенный срок, а бессрочно. Полученный семьей участок передавался по наследству от отца к сыну. В случае смерти бездетного человека, земля передавалась ближайшему родственнику по атаулу. Такое землепользование уже далеко было от общинного равенства. Еще меньше равенства было между тукумами.

Разложение родовых отношений, выражающееся в имущественном расслоении общинников, шло двумя путями. Прежде всего возникло имущественное неравенство между родами. Выделились сильные роды, захватившие лучшие земли и власть над общиной, закабалявшие пленных и подчинявшие себе рядовых общинников. Такими родами в Карачае были прежде всего Крымшамхаловы, Дудовы, Карабашевы. Им принадлежали лучшие таукишлыки. Земли Крымшамхаловых были расположены по притокам Худеса и Джалан-Кола, в верховьях Индыша и при слиянии Учкулана и Худеса, по рр. Уллу-Каму и Дууту, по притоку Аман-Кол Кюзлюк-Орунлар. Это составляло 2850 десятин, которыми владели 16 семей Крымшамхаловых.² В условиях малоземельного Карачая — цифра огромная!

Эти земли давали им возможность не только содержать многотысячные стада скота и овец и табуны лошадей, но и эксплуатировать остальных общинников, ставя их в поземельную зависимость от себя.

Дудовы владели землями по Джалан-Колу и его притокам, при слиянии Хурзука и Уллу-Кама и по Уллу-Каму, всего 1420 десятинами. Карабашевы — 600 десятинами по притокам Худеса, на Дууте и по Уллу-Каму. Таким образом, в собственности этих трех бийских тукумов оказалась значительная часть сенокосных угодий Карачая.

Неравенство проникло и в среду рядовых общинников. Среди узденства появляются такие тукумы, как Алиевы, владевшие 1800 десятинами земли, Хубиевы, имевшие 1900, Боташевы — 900 десятин и т. д. Наряду с этим, узденские же тукумы Элькановых имели 20 десятин на 11 семей, Болуровы — 40 на 16 семей, Караевы — 40 на 9 семей, Шидаковы — 80 на 37 семей и т. д. Мно-

¹ Полевой материал 1965 г., х. Валуйский, Байрамуков Хасан.

² ГАКК, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 507, лл. 22—37.

гие же тукумы имели ничтожное количество земли, а некоторые и совсем не имели. 96 фамилий, в которые входили 294 двора, не имели ничего, кроме приусадебных участков, а 451 семья не имела и этого.¹

Вторым этапом разложения родовой общины было имущественное расслоение внутри тукума. Уже не все Крымшамхаловы выступали как собственники земли и стад, как владыки народа. Внутри Крымшамхаловых выделился атаул Ачахматовых (Ачахматлары), который захватил лучшие земли и претендовал на наследственное старшинство над общиной. Среди Байчоровых намного превосходил своим богатством сородичей атаул Бюденелары и т. д.

Но и внутри атаулов шел процесс выделения особо богатых семей, которые, забывая о родовой взаимопомощи, охотно эксплуатировали обедневших сородичей. К середине XIX в., когда появляются первые цифровые данные об имущественном положении семей, расслоение охватило все тукумы.

Списки, составленные накануне отмены крепостнических отношений в Карачае, показывают следующую картину имущественного неравенства: среди Боташевых был Шемахо, который с семьей в 6 человек влачил жалкое существование поденщика, так как не имел ни одной головы скота.² И был Абдурахман Боташев, в стаде которого насчитывалось 160 голов крупного рогатого скота и 700 мелкого.³ Канали Чотчаев с женой и детьми не имели ни одной головы скота, Аслан Чотчаев — 200 голов крупного рогатого скота и 1300 овец.⁴ Сокур Хубиев не имел ни одной головы скота, Сосран Хубиев — 9 лошадей, 40 голов крупного скота и 400 мелкого.⁵ И так по всем тукумам.

Приведенные материалы показывают, что тукумы к XIX в. потеряли все черты родовой общины: коллективную собственность, общий труд и совместное потребление. Не только между тукумами, но и внутри их наблюдалось резкое имущественное неравенство. Ликвидация пережитков родового строя усилилась после присоединения Карачая к России. Органы общинного самоуправления трансформировались в органы феодального общества.

Патриархально-общинные традиции и пережитки родовой ор-

¹ ГАКК, ф. 574, оп. 1, ед. хр. 507, лл. 22—37.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 129, л. 87.

³ Там же, л. 80.

⁴ Там же, л. 84.

⁵ Там же, л. 81.

ганизации замедляли процесс феодализации карачаевского общества. Феодальная верхушка стремилась использовать общинные институты для усиления своего экономического и политического положения. Это придавало своеобразие феодальным отношениям в Карачае, выступавшим под прикрытием общинных традиций.

Феодальная собственность на землю долгое время сохраняла вид общинной, так как земля находилась в собственности целых тукумов, а не отдельных лиц. Рост феодальной зависимости общинников происходил под покровом общинных традиций, придававших феодальной ренте вид добровольных приношений и помочей.

Сила общинных традиций, прочность родовой солидарности затуманивали классовые противоречия в карачаевском обществе, усложняли социальную борьбу крестьянства против наступления не только старой феодальной знати, но и новой феодализировавшейся верхушки карачаевского общества.

2. Семейные общины и атаулы

Семейная община у карачаевцев впервые была исследована и описана учеником и последователем М. Ковалевского, Б. Миллером.

Совершая поездки по Карачаю, Б. Миллер обратил внимание на большую архаичность общественного строя карачаевцев, на сохранение в нем пережитков родового строя и на особую прочность семейных общин. Семейную общину он считал «самым характерным явлением в жизни карачаевцев».¹ Можно спорить с Б. Миллером о том, была ли семейная община господствующей формой в конце XIX в., но для начала века ее универсальность бесспорна. Стремясь обрисовать прошлую жизнь карачаевского народа, Ортабай Тебуев, 1883 г. рождения, как главный признак ее назвал наличие таких больших семей, что «сто человек в один котел смотрели».²

Во широком распространении семейных общин в Карачае говорит сам характер построек. Типичным жилищем семейной общины были длинные дома. Вначале строился обычный для Карачая жилой дом из одной комнаты с очагом — уллу юй и с кладовой — гезен. Постепенно, по мере подрастания сыновей и их

¹ Б. Миллер. В Карачае, стр. 396.

² Полевой материал 1965 г., а. Кызыл Кала, Тебуев Ортабай.

женитьбы к дому пристраивались помещения для молодежи — отоу. Со временем дом все удлинялся и удлинялся.

Длинные дома можно встретить и сейчас в старых аулах: Карт-Джурт, Хурзук, Учкулан. Еще больше их было в конце XIX в., когда в Карачай приезжали первые исследователи карачаевской истории и этнографии. О таких домах писали Г. Петров («Каждое жилье представляет квадратный дворик, обнесенный со всех сторон строениями под одной сплошной крышей»),¹ Б. Миллер («Большая семья размещается в длинной постройке, иногда в несколько десятков шагов длины, разделенной на несколько помещений с отдельными входами в каждое, причем все входы обращены к одной стороне»).

И. Иваненков приводит в своей работе план такого жилища — дома Замы Айбазова. Фактически это было три дома в одном дворе, насчитывающих девять помещений. В первом жила мать, в остальных — восемь семей, всего — 46 человек. Сарай и двор находились в общем владении большой семьи. Дома эти были старыми уже тогда, в начале XX в. Рублены они были из огромных сосновых бревен, с двухскатной крышей из таких же брусьев, расколотых пополам, с земляными полами и совсем без потолков.²

Старики и сейчас помнят, как выглядел один из наиболее старых домов Карачая, так называемый «дом Боташа». Это было очень длинное строение, в котором к главному помещению — уллу юй было пристроено в длину 12 или 13 комнат для женатых сыновей или племянников.³ В таком доме могла разместиться семья в несколько десятков человек.

И. Щукин рассказывает, как возникали длинные дома. Женив сына, для молодых строили дом отдельно от отцовского двора, вдоль одной из боковых стен двора. Но постепенно к этому дому пристраивались новые комнаты, образуя новый длинный дом.⁴

Помещение, в котором жил глава семьи с женой и незамужними дочерьми, считалось главным в доме. Оно так и называлось уллу юй — большой дом. Здесь находился очаг, на котором готовилась пища для всей семьи. Это же помещение было и

¹ Г. Петров. Верховья Кубани — Карачай. Памятная книжка Кубанской области за 1880 год. Екатеринодар, стр. 136.

² И. Иваненков. Указ. соч., стр. 75.

³ Полевой материал 1965 г., к. Теберда. П. А. Утяков (старейший краевед Тебердинского заповедника).

⁴ И. Щукин. Краткий географический очерк Карачая. «Русский антропологический журнал», 1913, № 1—2, стр. 48.

местом совместных трапез. По вечерам у очага собирались для бесед и обсуждения всех дел семьи. В более бедных семьях здесь принимали и гостей. Богатые строили для гостей особую кунацкую. В богатых домах бывали и отдельные от жилого дома кухни — аш юй.

Бывали и такие случаи, что разросшейся семье становилось тесно в отцовском доме, а пристраивать новые комнаты было нигде. Тогда один из взрослых братьев мог построить себе новый дом и перейти туда с детьми. Но это не означало раздела, так как имущество оставалось общим, по-прежнему вместе работали члены семьи и даже питались по-прежнему из одного котла, приходя в уллу юй отцовского дома. По рассказам Эркенова Исмаила, 1878 г. рождения, его отец Каншаубий и дядя Хаджибий развехались в разные дома, сохранив общее хозяйство и общий стол.¹

Семейная община или большая семья была наиболее стойкой формой сохранения общинной собственности и общинных отношений. Уже после того, как давно разложилась родовая община, исчезли основные ее признаки — общая собственность, коллективный труд и совместное потребление, а место родовой общины заняла соседская, внутри этой соседской общины продолжали существовать семейные общины со всеми общинными атрибутами: коллективной собственностью на скот и на землю, коллективным трудом и совместным потреблением. Семейная община стала своеобразным осколком общинных отношений внутри классового общества. Это придавало ей особый характер, как переходной формы от общинного строя к классовому обществу.

Длительное сохранение семейной общины в Карачае определялось низким уровнем развития производительных сил, их натуральным характером, а кроме того, специфическими природными условиями. Большой семье удобнее было вести хозяйство, связанное с перекочевками скота с летних пастбищ на зимние, легче было очищать от камней участки под пахоту и сенокос, проводить на них оросительные каналы и т. д.

С другой стороны, малоземелье Карачая, незначительные размеры приусадебных участков служили препятствием для чрезмерного разрастания семейной общины. Слишком большой семье нигде было поставить большой дом на маленьком участке, трудно было прокормиться с небольшого сабана. Поэтому 20—30 человек — и община достигала своего предела, при дальнейшем

¹ Полевой материал 1965 г., а. Новая Джегута, Эркенов Исмаил.

росте делилась на две или несколько родственных общин. Этим объясняется то, что семейные разделы, благодаря которым община распадалась на самостоятельные семьи, происходили довольно часто и до XIX в., когда они стали вызываться ростом частнособственнических устремлений.

Семейная община в классовом обществе, каким было карачаевское общество XIX в., имела определенный классовый характер. Она существовала только у свободных сословий — биев и узденей. Крепостные крестьяне — юльгюлюкулы, имевшие право на семью, жили малой семьей. Патриархальные рабы — башсызкулы, как правило, совсем не имели семьи, а если и имели, в виде исключения, то только малую семью. ✓

О наличии семейных общин и об их сегментации в бийских тукумах рассказывают предания народа. По записи преданий, произведенной в 70-х гг. XIX в., сыновья Давлет-Гирея Крымшамхалова Ачахмат и Гилястан разделились, основав две самостоятельных больших семьи, которые при дальнейшем делении стали двумя атаулами — Ачахматлары и Гилястанлары. При разделе поделили не только скот и землю, но и крепостных крестьян, которые были в собственности семейной общины.¹ Судя по родословной Крымшамхаловых, это произошло за три поколения до Крымшамхаловых, живших в 70-х гг. XIX в., т. е. примерно в конце XVIII или в начале XIX в. В других преданиях, но уже значительно более смутных, рассказывается о разделе Эльбуздука и Гилястана, живших где-то в XVII в. Внутри узденьского сословия семейные общины прочнее всего сохранялись в зажиточных тукумах. С другой стороны, и само существование семейных общин делало тукум более богатым, так как больше-семейность была одним из условий зажиточности крестьян. Так, например, в пореформенный период одной из самых богатых семей Карачая была семья Джембулата Байчорова. Три взрослых женатых сына Дембулата Тинибек, Идрис и Адильгери жили вместе с отцом, ведя нераздельное хозяйство. И даже когда Джембулат умер, сыновья продолжали хозяйничать вместе. Главой семьи стал старший брат Тинибек. К этому времени семья насчитывала до 60 человек: 28 мужчин и 32 женщины. Кроме родных братьев, в семью входили 4 двоюродных брата с женами и детьми.² Богатством эта семья превосходила даже княжеские семьи. ✓

¹ ЦГА СО АССР, ф. 262, ед. хр. 23, л. 50—86.

² В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях. СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913, стр. 53.

Семья в 60—70 человек в Карачае была редкостью. Обычно семейные общины насчитывали 20—30 человек. Это были патриархальные семьи, объединявшие 3—4 поколения по мужской линии: деда с бабушкой, их женатых сыновей с семьями, внуков, а иногда и правнуков. Так, например, семья Рамазана Шидакова в середине XIX в. состояла из деда с бабушкой, отца с матерью, трех женатых сыновей с семьями. До замужества вместе с ними жили и 5 дочерей.

Вся власть в семье принадлежала старшему мужчине. Он оставался главой семьи до самой смерти. Даже после того, как по старости фактически не мог управлять хозяйством, юридически главой оставался отец. Батал Шидаков рассказывает, что в дни его детства дед был совсем стар. Он не мог уже ездить по кошам, не мог сам арендовать землю и продавать скот. Все это делал старший сын деда — Бекир. Но при этом он не имел права без разрешения отца истратить ни копейки денег. Всю выручку от продажи скота он привозил отцу и ждал распоряжений, какую сумму денег потратить на аренду земли, какую на покупку хлеба и различных вещей.¹

Уважение к старшим проявлялось не только в доме, но всюду, где молодой карачаевец мог встретить старика. Увидев на улице даже постороннего старика, наездник обязан был притормозить коня, так как проскакать мимо старика считалось верхом неуважения. Если шел известный молодому человеку старик, то он должен был сойти с коня и провести его мимо старика под уздцы.

«Коренной принцип каждой семьи составляет безусловное уважение и подчинение старшим», — писал о карачаевской семье Г. Петров. Младшие члены семьи не смели садиться в присутствии старших, особенно главы семьи, без его разрешения, не смели вмешиваться в разговор и принимать участие в еде.

Главу семьи звали ата — отец не только его родные сыновья, но и племянники и внуки. В таком случае родного отца звали или по имени или дядей — ата карнаш (брат отца), если это был дядя по отцу и ана карнаш, если это был дядя по матери (брат матери).

Глава семьи руководил не только хозяйственной жизнью семьи, арендуя землю, распоряжаясь скотом и семейной кассой, но и безраздельно распоряжался судьбой своих домочадцев. Он решал, на ком и когда женить сыновей, за кого выдавать замуж

¹ Полевой материал 1965 г., х. Валуйский, Шидаков Батал.

дочерей. Если это был разумный человек, он советовался с остальными взрослыми членами семейной общины. Но беда, если семье правил самодур. Никто не мог ограничить его деспотизма в условиях патриархальной семьи.]

Карачаевские пословицы призывали к почитанию отца, даже если он и не заслуживает его: «Если отец и плохой, возьми его на плечи». (Атанъ аман болса да сыртынъа кѣлтюр); Утверждали необходимость главы в хозяйстве: «И веретено без головки не будет правильно крутиться» (Башсыз урчукъ тюз айланмаз).²

Правда, полукочевое скотоводство карачаевцев накладывало свой отпечаток и на семейные взаимоотношения. Глава семьи не мог одновременно находиться и дома и на кошу. Поэтому, когда он был молод и силен, он обычно сам возглавлял перекочевку скота с летних пастбищ на зимние, а дома в это время безраздельно правила жена. Когда глава семьи старел, он переставал выезжать на коши и оставался дома. Управление всеми делами на кошу переходило в руки старшего сына. Он фактически руководил хозяйством, а власть отца становилась номинальной. С ним советовались по всем важнейшим делам: об аренде земли и продаже скота, о времени перегона скота и стрижки овец. Но фактически всей хозяйственной жизнью семьи руководил уже старший сын, так как отец находился порой за сотни верст от коша, где жили со скотом мужчины.

Эбзеев Локман, которому сейчас более ста лет, рассказывает о семье своего дедушки Джаммолата. Сыновья Джаммолата были давно женаты и имели своих детей, но по-прежнему во всем подчинялись отцу. Когда Джаммолат умер, семейную общину возглавил старший брат Хаджи-Осман. К этому времени у него было уже три сына: Чуек, Локман и Хаджи-Умар. Младший брат его Аубекир тоже имел трех сыновей: Касбота, Камбота и Хаджия. Все они, а также их жены и дочери подчинялись Хаджи-Осману.]

Став главой семьи, Хаджи-Осман сам подыскивал землю для аренды, заключал арендные сделки, сам ездил со скотом на коши, первое время сам и продавал скот на ярмарках и базарах. Но, постепенно старея, он все больше отходил от конкретных дел, сохраняя за собой руководство семьей. На базар он стал посылать своего племянника Касбота, который лучше других мог продать скот, взяв за него хорошую цену, дешевле купить нужные семье вещи.]

¹ Нарт сазле, стр. 272.

² Там же, стр. 175.

Сын Хаджибия Локман ушел работать на Эльбрусский рудник кузнецом. Но даже заработанными на руднике деньгами он не мог распоряжаться сам, а привозил их домой и отдавал отцу.¹ Настолько незыблема была в карачаевской семейной общине власть отца, распоряжавшегося коллективной собственностью семьи.

Лишь после смерти Хаджи-Османа семья распалась на 6 малых семей. У самого Локмана к этому времени было четверо детей.

Младшим сыновьям часто приходилось уходить в пастухи, если в своей семье было мало скота. Проработав 5 или более лет в качестве кой-джалчи — овечьего пастуха, он мог заработать несколько десятков голов овец. Но эти овцы не становились его частной собственностью, а поступали в общесемейное имущество, распоряжался которым опять-таки глава семьи.

Б. Миллер, лучше всех изучивший семейную общину в Карачае, называет власть отца в семье абсолютной. «Отцу, как главе семьи, все члены обязаны безусловным повиновением».² Только в конце пореформенного периода появились первые факты столкновения сыновей с отцами, и то только в том случае, если сын занимал какую-нибудь административную должность. Иначе он не осмелился бы перечить отцу.

Отец мог дать сыну калым, если невеста казалась подходящей, и мог отказать, если она не нравилась ему. Он мог обручить свою дочь еще в младенчестве, если хотел породниться с человеком. Власть отца не уменьшалась и после того, как сыновья женились. Они по-прежнему не могли ничего сделать без его разрешения. Мало того, если сын отказывался по требованию отца наказать свою жену, отец мог выгнать его из дому, не дав никакого имущества.³ Ни советы родственников, ни даже решение аульного схода не могли заставить отца изменить свое решение.

Глава семейной общины был в какой-то степени и административным лицом. Через него семья входила в сношения с местными властями, до присоединения 1828 г. с правителями Карачая — вали из рода Крымшамхаловых, после присоединения и установления в Карачае русской администрации — с приставами. После обложения карачаевцев налогами именно глава семьи отвечал за исправность поступления податей с дыма. На суде

¹ Полевой материал 1965 г., Карачаевск. Эбзеев Локман.

² Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев, стр. 23.

³ Там же, стр. 24.

показания главы семьи имели больший вес, чем показания членов семьи. В случае разногласий в показаниях за основу принимались данные, сообщенные главой семьи. При присяге соприсяжников более всего ценилась присяга главы семьи.

Экономической основой семейной общины была, как говорилось, коллективная собственность. В коллективной собственности были строения и усадьбы, скот и инвентарь, орудия домашнего промысла и утварь. В коллективную собственность поступало и унаследованное от отцов имущество, и приобретенное в процессе хозяйствования, и нажитое отдельными членами семьи при работе на стороне: в пастухах или табунщиках. Приданое, принесенное невесткой в дом, так же как и калым за дочь, поступало в общую собственность семьи.

«В правильно организованных дворах, представляющих в Карачае нормальный тип, существует общая семейная касса, в которую поступают все заработанные членами семьи деньги, и деньги, вырученные от продажи продуктов скотоводства; из общей кассы удовлетворяются все потребности большой семьи и вносятся подати»,¹ — писал Б. Миллер.

1. Основным богатством семейных общин, находящимся в полной собственности семьи, был скот. Лишь отдельные пережитки, как родовое тавро, некоторые обычаи, о которых уже говорилось выше, напоминали о том, что некогда скот находился в собственности родовой общины. В XIX в. весь скот Карачая был в собственности или семейных общин, или малых моногамных семей.

Появление частной собственности на скот и накопление скота у отдельных семей было тем фактором, который, прежде всего способствовал разложению экономического и социального равенства, порождал столкновение интересов, «которое сперва влечет за собой превращение пахотной земли в частную собственность и которое кончается частным присвоением лесов, пастбищ, пустошей и пр., уже ставших общинными придатками частной собственности».² Пахотные земли и поливные секоносы были в Карачае в XIX в. в безусловной собственности больших и малых семей. Их можно было передать по наследству, отдать в уплату за кровь, в качестве калыма и т. д. Но при продаже этих земель существовал целый ряд ограничений, указывающий на родовую собственность на эти земли в не столь отдаленные времена.

¹ Б. Миллер. Указ. соч., стр. 25.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 681.

Что же касается самых важных в скотоводческом хозяйстве земель — зимних пастбищ и сенокосов, то они и в XIX в. продолжали юридически считаться в собственности тукумов, а не семейных общин. Семейная община имела лишь свою долю в общетукумном таукишлыке. Причем доля различных общин была не одинаковой. Более богатые и сильные семейные общины захватывали себе львиную долю пастбищ, оставляя бедным сородичам самые плохие и неудобные земли. При этом играл роль и обычай распределения таукишлыков в зависимости от количества скота. Богатые скотом семьи становились и обладателями лучших земель.

Но участие в общих таукишлыках означало скорее право пользования, а не право владения землей. В первой половине XIX в. семейные общины могли пользоваться, но не могли продавать или сдавать в аренду свою долю в общем пастбище или сенокосе. Дальнейшее укрепление частнособственнических отношений на землю и в частности на таукишлыки произошло уже в пореформенный период. Летние пастбища, выгоны, лес и другие угодья находились в собственности сельской общины, и семейные общины пользовались этими землями как члены сельских общин.

Таким образом, если скот, строения, инвентарь, мельницы (у кого они имелись) находились в полной и безусловной собственности семейных общин, то земельные угодья лишь частично были собственностью большой семьи, так как процесс перехода от общинной собственности к частной в Карачае собственности не был завершен.

Коллективизм владения движимым и недвижимым имуществом в семейной общине подрывался патриархальным характером этой общины, при котором глава семьи бесконтрольно распоряжался всем имуществом. Только он мог заключать арендные и другие договоры, только он мог решить, какое количество скота надо продать, а какое оставить. Только он распоряжался общей кассой семьи. Таким образом коллективная собственность семьи выступала как собственность ее главы, теряя свои общинные черты. Бывали случаи, что отец разорял своих сыновей, когда он смотрел на общее добро, как на свою индивидуальную собственность и злоупотреблял своими правами, и никто не мог при этом одернуть его.

Б. Миллер приводит случай, когда «неумелые распоряжения старика, выжившего из ума, грозят подорвать благосостояние семьи, или когда старик без основательной причины прогонит

сыновей, не дав им никакого имущества».¹ Горские обычаи и в этих случаях не знают никакой санкции против главы семьи. В пореформенный период в таких случаях прибегали к русскому законодательству, при помощи которого имущество слабоумного старика передавалось под опеку с тем, чтобы управлял им старший сын. Но, по словам Б. Миллера, даже в конце XIX в. такие поступки сыновей осуждались обществом и вызывали всеобщее негодование, так как нарушали принцип безусловного повиновения отцу.²

Такие случаи, когда претензии главы семьи на имущество приходили в столкновение с интересами семьи или благодаря его слабоумию или алчности и мотовства, были, конечно, редким явлением. В подавляющем большинстве случаев отец стремился использовать свои права на имущество в интересах семьи, в интересах своих детей, которых он хотел видеть обеспеченными.

После смерти отца семейную общину возглавлял, как правило, старший брат. Но его права на общее имущество были уже не такими широкими, как у отца. Он не мог бесконтрольно распоряжаться им и тратить по своему усмотрению, а должен был советоваться с братьями. В семейных общинах, возглавляемых братом, а не отцом, патриархальный характер семьи выступал не так резко. Тем ярче были в этих семьях черты коллективизма. Братья считались такими же правомочными собственниками общего имущества, как глава семьи. Без их согласия нельзя было продать даже часть имущества, а тем более нельзя было лишить их права на это имущество.

В отцовской семье младшие члены не могли требовать ни раздела, ни выделения им их доли. Если же во главе стоял брат, то младшие братья могли потребовать выдела им части имущества. Поэтому и случаи раздела семей происходили чаще всего после смерти отца. Только несовершеннолетние братья должны были беспрекословно слушаться старшего брата, заменившего им отца.

Женщины по адату никаких имущественных прав не имели. Сестра не имела доли в отцовском наследстве, вдова не получала наследства после смерти мужа, оставаясь жить в семье мужа, а иногда выйдя замуж за младшего брата мужа. Но большого распространения левиратный брак в Карачае не имел. Шариат внес некоторые изменения в имущественное положение женщин. Женщине по шариату полагалась половинная доля мужчины.

¹ Б. Миллер. Указ. соч., стр. 28.

² Там же.

Матери старались скопить своим дочерям хоть небольшое имущество, заключающееся в подаренном им скоте, войлочных и шерстяных изделиях, изготовленных самой девушкой и ее матерью. Глава семьи обычно не касался этого имущества и разрешал женщинам самим распоряжаться им, продавать на рынке, обменивать.¹⁾

Б. Миллер сообщает любопытную деталь — в случае нужды глава семьи мог взять накопленное таким путем женское имущество, но только с согласия женщин и при условии возврата стоимости взятого.² Существовал обычай, по которому девушке-невесте разрешалось осенью, на уборке урожая, наворовать себе в приданое несколько мер ячменя. Совершенно очевидно, что ни одним из перечисленных способов женщина не могла составить себе приличного состояния и во всем зависела от мужчины.

Самый большой подарок женщине делался ее родителями примерно через год после выхода замуж. Женщина первый раз после замужества приезжала тогда в отцовский дом, часто уже с грудным ребенком. Дома она гостила несколько месяцев, иногда год. За это время ей собирали приданое, дарили скот, с которым она и возвращалась потом в семью мужа. Аналогичный обычай существовал и у других горцев Северного Кавказа.

Труд в семейной общине и в XIX в. сохранял коллективный характер. Работали все трудоспособные члены семьи, сообщая ухаживая за скотом и заготавливая сено, обрабатывая сабаны и возводя постройки, занимаясь домашними промыслами и рубкой леса. Руководил всеми работами глава семьи. «Он распределяет наличных членов семьи и контролирует их действия»,³ — писал Б. Миллер.

Существовало определенное, главным образом половозрастное, разделение труда внутри семейной общины. Так как главной отраслью хозяйства карачаевцев было скотоводство, то все трудоспособные мужчины были заняты работой по уходу за скотом, заготовкой сена, постройкой кошей и т. д. Почти круглый год жили мужчины вдали от дома, на зимних и летних кошах. Только на период весенних полевых работ приезжали они в аулы, принимая участие в пахоте и посеве, да на период уборки урожая. Уход за посевами лежал целиком на женщинах и оставшихся в ауле подростках и стариках. «От бороны уйди, к снопу»

¹ В. Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека. СМОМПК, вып. XIV. Тифлис, 1892, стр. 105—106.

² Б. Миллер. Указ. соч., стр. 54.

³ Там же, стр. 24.

вернись»,— говорится в карачаевской поговорке об участии мужчины в полевых работах (Сибиртгиде кетиб кюлтеде келген). Забороновав поле, он возвращался только к уборке. «Маленький палец — и то сила»,— говорят карачаевцы об участии детей в совместном труде (Гитче бармакъ да асыуду).¹ Об этом совместном труде карачаевских семей с большим уважением писал Г. Петров: «Ни один член семьи не остается без дела во время полевых работ или при передвижении кошей. Одни свозят навоз на поле, другие подгоняют волов, третьи расчищают поле; муж собирает стадо, жена и дети суется подле скарба, увязывают, павьючивают и снаряжаются в путь».²

Эта картинка рисует подготовку к летней кочевке, в которой принимали участие иногда и женщины и дети, особенно если кош был расположен недалеко от дома. На таких кошах производились порой и посевы.

Если же скот отгоняли далеко в горы, а посевы производились на сабанах около дома, то женщины оставались в ауле для ухода за посевами. На время уборки старались приехать и мужчины. «На время пахоты и уборки ячменя мужчины занимаются работой наряду с женщинами, причем и дети не остаются без дела, так как и для них находится подходящий труд: перетаскивать снопы, подгонять быков, толкать солому, подбрасывать колосья молотильнику и т. д.»³

Девочки и мальчики лет до 11—12 находились в аулах, помогая матерям в уходе за посевами, за скотом, который оставался дома. С детства мальчиков приучали пасти телят, ездить верхом на лошадях и ухаживать за ними. Так, если в дом приезжал гость, то коня его отдавали на попечение сыну хозяина, который должен был выводить его, напоить и накормить. Лет с 12—13-ти мальчиков брали на коши уже без матерей, как работников. Они участвовали и в сенокосе, сначала как половинные работники (то есть выполняющие половину нормы косаря) — джарымчал-къычы, потом как полноправные косари.

Девочки с малолетства приучались к домашним работам, к рукоделию и шитью, помогая в этом матерям. От черных работ девушек старались уберечь. Только в том случае, если в доме не было невесток, девушке приходилось помогать и в тяжелой работе. Очень ценились в девушке умение шить, вышивать золотым шитьем, изготавливать войлочные изделия. Даже девушки из са?

¹ Нарт сезле, стр. 189.

² Г. Петров. Указ. соч., стр. 129.

³ Там же.

мых знатных княжеских фамилий знали золотое шитье, а некоторые даже умели ткать ковры. Этим искусством обладали немногие девушки Карачая, поэтому оно особенно ценилось. (В конце XIX в. умением ткать ковры славилась жена Ислама Крымшамхалова).¹ «С ножниц капает мед», — говорили карачаевцы о хорошей рукодельнице (Къыбдысундан бал тамгъан).² «Хорошая женщина из иголки корову сделает» (Иги къатын ийнени ийнек этер).³

Домашние промыслы в Карачае также находились в основном в руках женщин. Они не только пряли шерсть, ткали сукно и обшивали семью, но занимались и скорняжным, а отчасти и сапожным мастерством, обувая себя и детей. «Женщины необыкновенно трудолюбивы; они несут на себе решительно всю работу: забота о прокормлении, обшивании всех членов семьи, изготовление сбруи, седел и даже сапог для мужчин, работа в поле — все это лежит на изнуренных женщинах»,⁴ — писал ветеринар Ваганов, специально изучавший хозяйство и быт карачаевцев. Это объяснялось все тем же характером скотоводства, при котором мужчина очень мало времени проводил дома, и женщине приходилось все делать самой. Мужчины шили лишь грубую рабочую обувь, делали ремни, необходимые в скотоводческом хозяйстве. Чисто мужским промыслом было кузнечное дело и изготовление деревянных орудий труда, утвари и посуды. Этим занимались мужчины длинными зимними вечерами на кошу, при тусклом свете лучины.

В женских промыслах особенно широко применялся коллективный труд всех женщин семьи, а иногда и соседок, так как невозможно в одиночку свалить бурку или войлок. Для этого нужен одновременный труд нескольких женщин.

Совместное потребление в семейной общине заключалось в общем столе и уравнительном потреблении всех продуктов хозяйства, в том числе и изделий домашних промыслов. Семья, как правило, питалась из одного котла. Столовой служила комната главы семьи — уллу юй, где и готовили и принимали пищу. Кушали не все сразу, а по очереди. Сначала ели старшие мужчины, после них — молодые мужчины, а потом уже женщины с

¹ Полевой материал 1965 г., к. Теберда, Холамлиева Фердоус.

² Нарт сезле, стр. 177.

³ Там же, стр. 175.

⁴ С. В. Ваганов. Значение охранно-карантинной линии на границе Кубанской области с Закавказьем в связи с условиями животноводства в нагорной полосе. ИОЛИКО, вып. I. Екатеринодар, 1899, стр. 31.

детьми. Грудных детей кормили в своих отоу, так как давать ребенку грудь в присутствии свекрови и вообще старшей женщины считалось неприличным. Карачаевки старались избегать этого, а если уж приходилось кормить в присутствии свекрови, то только после того, как она давала разрешение на это.

Приготовлением пищи, как и всем домашним хозяйством, руководила жена главы дома, обычно самая старшая женщина в доме — свекровь или жена старшего брата. Ее называли юй бийче — домоправительница, а дословно — княгиня дома или ана — мать. Она распоряжалась всем семейным имуществом, всеми запасами. Она же распределяла все работы по дому и руководила ими. Каждое утро она выдавала продукты для приготовления пищи, назначала, кому готовить. Когда еда была готова, следила за правильным распределением ее

Готовили по очереди невестки. Если семья была небольшой, то дежурили по одной. В большой семье — по двое. В будничные дни свекровь отдавала только распоряжения, но если готовили праздничный стол или ждали гостей, то в приготовлении угощения принимала участие и свекровь. Даже в княжеских домах угощение для гостей готовила сама хозяйка, в обычное же время — служанки.¹⁾

Приготовление пищи считалось хорошей работой, поэтому свекровь часто поручала ее и не в очередь любимой невестке, освобождая ее этим от более трудной и утомительной работы по двору или на участке. Не угодившая же свекрови невестка иногда не вылезала из самой черной работы, но перечить не смела.

Для приготовления одежды и обуви свекровь выдавала невесткам шерсть и шкуры, определяя каждой норму. Готовые изделия она же распределяла между детьми и внуками, откладывая определенную часть для продажи или обмена. Если свекровь была хорошей мастерицей, она старалась передать свое умение невесткам и дочерям, сама показывала им приемы работы.²⁾

Когда свекровь старела, ее обязанности фактически выполняла старшая невестка, которая вела все хозяйство, но пока мать была жива, хозяйкой продолжала считаться она. И только в очень редких случаях невестке удавалось стать главой семьи при живой свекрови.

Бывали и такие случаи, когда глава семьи умирал раньше жены, а сыновья не успели подрасти. Тогда женщине, особенно если она была умной и властной, приходилось самой возглавлять

¹ Полевой материал 1965 г., г. Карачаевск. Урусбиева Л. К.

все хозяйство. Она вела уже не только домашнее хозяйство, но занималась и мужскими делами, сама заботилась об обеспечении кормом скота, о сенокосах, о стрижке овец и т. д. Родственники мужчины помогали ей, и хозяйство ее процветало не хуже, чем при муже. Недаром в Карачае есть атаулы, ведущие свое происхождение от женщин-родоначальниц, прославившихся своим умением хозяйничать.)

Двоеженство в Карачае, несмотря на мусульманство, не получало большого распространения. Сказывалось влияние коренных обычаев народа, не привыкшего к многоженству.

Правда, согласно преданию, родоначальник карачаевского народа Карча имел несколько жен.)

Только в отдельных, притом богатых семьях, бывало по две, очень редко — по три жены. Одну из таких семей с тремя женами и кучей ребятишек посетил в конце XIX в. В. Я. Тепцов. Он подчеркивал редкость такого явления: «Многоженство среди горцев—большая редкость: оно обуславливается зажиточностью и стало привилегией дворянства, так как обыкновенные горцы по своей бедности не в силах прокормить и себя, не только нескольких жен».¹ В пореформенный период больше, чем одну жену, имели один-два человека, не больше. Старшина Хурзукского аула Ахмат Байрамуков имел две жены: одну карачаевку, другую армянку!

(Наибольшим уважением и почетом пользовалась всегда первая, старшая жена. Вторая во всем должна была подчиняться первой, исполняла более тяжелые работы по дому. Только с первой женой советовался муж о хозяйственных делах, о том, как женить сыновей и отдавать замуж дочерей. Вторая же жена не имела и в семье права голоса. «Чем выйти второй женой, лучше дома остаться»,—гласит карачаевская пословица (Къатын юсюне баргъандан эсе, тыбырда къалган игиди).²

Положение невестки и само по себе было не из легких. Придя в дом мужа, она долгие месяцы, а иногда и годы, не смела разговаривать со свекром и свекровью. Если невестка сумеет угодить свекрови, та довольно быстро делала ей подарок, разрешающий говорить. Если же невестка казалась недостаточно проворной и услужливой, малоприветливой, свекровь могла годами держать ее в молчании, не разрешая разговаривать.³

¹ В. Я. Тепцов. Указ соч., стр. 83.

² Нарт сюэзе, стр. 176.

³ Полевой материал 1965 г., а. Новая Джегута, Эркенов Исмаил.

Несколько улучшало положение женщины рождение ребенка, особенно мальчика. После этого она как бы окончательно принималась в семью мужа, став матерью кровного сына или внука семьи.)

Невестка не могла называть мужа по имени, да и вообще обращаться к нему в присутствии старших считалось неприличным. Иногда она придумывала для него особое имя, которым порой звали отца и дети, так как отцом-ата они называли дедушку.)

Получив право разговаривать со свекровью, невестка звала ее анам—мать, а свекра атам—отец. Мужа в разговоре со свекровью называла «ваш сын» (джашыгъыз), в разговоре с братьями и сестрами мужа — «ваш брат» (къарнашыгъыз). Братьев мужа называла «джаш» (мужчина), если он был взрослый, «джашчик» (паренек), если был мальчиком. Могла дать ему придуманное имя, чаще ласкательное прозвище: «нанык» (малина), «джаным» (душа). Малолетних сестер мужа звала «кызчик» (девочка), замужних — жена того-то, имеющих детей — мать того-то. Только дальних родственников мужа могла она называть по имени.¹

Замужняя женщина не могла принимать участие в танцах и веселье, только издали наблюдала за танцующей молодежью. В богатых семьях она даже на улицу не могла выйти без служанки.

Разводы в Карачае были редкостью в XIX в. Однако муж имел право бросить жену и без особых причин, женщине же для того, чтобы развестись с мужем, требовались особо веские причины. Но и при наличии их редкая женщина отваживалась оставить мужа и вернуться в дом отца, так как это считалось большим позором.)

Разделы семейных общин чаще всего происходили после смерти отца — главы семьи. Взрослые женатые сыновья его не хотели подчиняться старшему брату и предпочитали вести собственное хозяйство. Самый старший из наших информаторов Эбзеев Локман вспоминает, что пока был жив его отец Хаджи-Осман, женатые братья Локмана жили все одной нераздельной семьей. Когда Хаджи-Осман умер, семья разделилась на 6 малых семей, и сыновья и племянники покойного стали жить отдельными хо-

¹ Полевой материал 1965 г., а. Новая Джегута. Эркенов Исмаил, Текеев Сеид Умар.

зайствами. У самого Локмана к этому времени было четверо детей.¹

Имущество при разделе семьи делилось поровну между братьями. «Все сыновья по адату имеют право на равную часть как движимого, так и недвижимого имущества, причем не делается никакого различия между единоутробными и единокровными сыновьями, сыновьями от первой или второй жены»,² — пишет о семейных разделах Б. Миллер. Если сын умер, но остались его дети, то они получали отцовскую долю. По сведениям Б. Миллера, некоторую прибавку получал только старший брат — лучшую лошадь, шашку или ружье, небольшой клочок земли.³ Эта прибавка была выражением уважения к старшему брату.

Но так как мать, если она была жива после смерти мужа, оставалась с младшим сыном, то и ему давалась некоторая прибавка для прокормления матери. Так, например, при разделе семьи Хаджи-Османа Эбзеева младшему брату добавили на прокормление матери трех дойных коров.⁴ По данным В. М. Сысоева, матери полагалась одна часть имущества.⁵ Однако никто из наших информаторов о подобной, точно определенной доле матери не говорит. На долю матери обычно все сыновья выделяли по возможности некоторое количество скота, ей же оставляли отцовский дом.⁶

Незамужним сестрам определенной доли имущества по адату не полагалось. Если раздел велся по шарияту, что бывало очень редко и только после вмешательства эфенди, то сестре полагалась половинная доля брата. Обычно же сестры до замужества оставались на попечении братьев, которые содержали их, готовили им приданое, выделяя несколько голов скота, покупая вещи для берне. Когда сестра выходила замуж, то калым за нее получал брат, но он не должен брать его себе, а отдавал сестре.⁷ Это было ее собственное имущество, которым муж не мог распоряжаться.

Если братья не могли сами договориться о разделе отцовского имущества, то в дело вмешивались старики атаула или

¹ Полевой материал 1965 г., г. Карачаевск, Эбзеев Локман.

² Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев. «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, стр. 37.

³ Там же, стр. 38.

⁴ Полевой материал 1965 г., г. Карачаевск, Эбзеев Локман.

⁵ В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 54.

⁶ Полевой материал 1965 г., а. Кызыл Кала, Узденов Хадбибий.

⁷ Б. Миллер. Указ. соч., стр. 37.

тукума и стремились произвести раздел так, чтобы все были довольны. Б. Миллер так описывает процедуру раздела: «Имущество делится жребием; сперва в дележ идет недвижимое, как более ценное, затем уже делятся стада и табуны; жребий вынимают или мальчики или старики. Сперва из подлежащего разделу имущества предоставляется старшему брату выбрать несколько вещей по вкусу; затем после долгих трудов, путем продолжительных уравниваний определяется та доля, которая должна достаться каждому из братьев.»¹

Значительно сложнее было добиться выделения доли имущества сыну при живом отце. Такие разделы обычаем не одобрялись. Сын, по адату, не имел права требовать выделения доли имущества. Если отец согласен был на отделение сына, то мог дать ему несколько голов скота, даже участок земли. Но если отец отказывал сыну, то никто не мог принудить его к отделению сына. В таком случае сын вынужден был идти в батраки, чтобы заработать на жизнь. Мало того, отец мог и перед смертью отказать строптивому сыну в наследстве. Тогда имущество делилось между остальными братьями.²

Результатом разделения семейных общин на несколько самостоятельных больших и малых семей было образование атаулов. Как уже указывалось, в литературе об этой форме общественных отношений у карачаевцев почти ничего не сказано. Лишь в работе Б. Миллера «Из области обычного права карачаевцев» упоминалось, что внутри родовых кварталов существовали и группы еще более близких родственников, имевших общие клички по имени предков в пятом или в шестом колене.

Эти группы «семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины»³ были впервые изучены и описаны М. О. Косвен. Он применил к ним выдвинутый чешским историком Ф. Палацким термин «патронимии», который получил всеобщее распространение после разработки М. О. Косвен. основных положений о патронимии.

Именно так, путем сегментации семейных общин, возникали патронимии-атаулы в Карачае. Распадаясь, большие семьи теряли в значительной степени свое хозяйственное единство, так как дробились земельные угодья, делился по семьям скот и инвен-

¹ Б. Миллер. Указ. соч., стр. 39.

² Н. Иваненков. Указ. соч., стр. 43.

³ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 97.

тарь. Но идеологическая общность членов атаулов сохранялась долгое время и после раздела семейной общины. Она выражалась прежде всего в сознании общего происхождения, во взаимной помощи членов атаула, в строгой экзогамии и многих других связях, о которых будет сказано ниже.

Родство по атаулу считалось значительно более близким, чем по тукуму. «Атаул карнаш» — родственник по атаулу был почти так же близок, как член семьи. И селились родственники по атаулу рядом, занимая определенную часть квартала — тийре. И хоронили родственников по атаулу в одном углу тукумного кладбища.

Бедным вдовам и одиноким старикам родственники по атаулу помогали в обработке сабана и уборке хлеба, в заготовке сена и дров. Экзогамия внутри атаулов была очень строгой. Браки между членами одного атаула не допускались ни при каких обстоятельствах.

Карачаевское название патронимий «атаул» — «от отца» аналогичен приводимым М. О. Косвенем обозначениям патронимий у других горцев Северного Кавказа: осетинскому «фыды фырт» — «дети отца», абхазскому «абипара» — «отца сыновья» и т. д.¹ Именем этого отца — основателя атаула и называлась карачаевская патронимия. Причем, если родоначальники тукумов и тем более союзов тукумов являются чаще вымышленными лицами, то родоначальники атаулов — исторические лица, бывшие главы семейных общин.

Большинство атаулов называлось именами своих родоначальников. Таковы атаулы Хубиевых: Ходжалары (от Ходжа), Акайлары (от Акая), Хазлеуле (от Хазлеу), Амырханлары (от Амырхана) и т. д.² От имен родоначальников — по преданию восьми разделившихся братьев, произошли названия атаулов Эркеновых: Атталары, Джатталары, Адемийлары, Горханлары, Хамзатлары, Каплангерийлары, Сологайлары.³ Таково же происхождение названий атаулов Шидаковых: Хасанлары, Османлары, Темботлары⁴ и многих других тукумов.

Иногда названием атаула было не имя, а прозвище родоначальника. Так, один из атаулов Байчоровых называется Беденелары — по прозвищу отца известного карачаевского богача пореформенного периода Джембулата Байчорова «Бедене» — пе-

¹ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 187.

² Полевой материал 1965 г., а. Новая Джегута. Джазаева Кулият.

³ Полевой материал 1965 г., а. Новая Джегута, Эркенов Исмаил.

⁴ Полевой материал 1965 г., х. Валуийский, Шидаков Батал.

репелка. У Гочияевых есть атаул Алтыбармаклары (Шестипаловы), названный так по прозвищу родоначальника, имевшего отросток лишнего пальца. Атаул Лайпановых Бораκлары (Бурановы) получил свое имя от прозванного Бураном Хусина Лайпанова.

Текеев Сеид Умар рассказывает, что в его тукуме 7 поколений назад (7 отцов) один из Текеевых служил проводником в какой-то французской экспедиции, поднимавшейся на Главный Кавказский хребет или на Эльбрус. После этого проводника прозвали Французом. Это прозвище стало столь прочным, что вытеснило настоящее имя, которое всеми забыто. И детей и внуков проводника так и называли: Французовы (Французлары). Так возник атаул французовых.¹

Атаульное имя становилось второй фамилией семьи, а иногда даже вытесняло ее. Так, Джамаевы и Тульпаровы, выделившиеся от Батчаевых, перестали носить фамилию Батчаевых, Булатовы выделились из Чомаевых, Алботовы — от Бостановых² и т. д. Члены бийских тукумов особенно часто имели, кроме тукумной, фамилию атаульную. Так, например, Крымшамхаловы, кроме своего тукумного имени, имели атаульные: Ачахматлары, Биногерлары, Гилястанлары, Сосранлары. Эти фамилии произошли от имени родоначальников атаулов: разделившихся братьев Ачахмата и Гилястана, сына Ачахмата-Биногера.

Несмотря на патриархальный характер семейной общины у карачаевцев, в ней были и пережитки матриархата. Одним из них было наличие атаулов, носивших имя женщины-родоначальницы атаула. Среди атаулов Алиевых есть Хончалары, названные так по имени женщины Хонча, которая, овдовев, сама возглавила семейную общину и прославилась умелым ведением хозяйства. У Лайпановых по той же причине есть атаул Гыналары — от имени энергичной женщины Гына — правительницы семьи.

Не всегда раздел большой семьи вел к образованию новых атаулов. Часто разделившиеся семьи продолжали входить в старый атаул, в котором были и их отец, и дед, и другие предки. Для образования нового атаула нужен был ряд условий: и экономических — раздел имущества, иногда переезд из-за земельной тесноты в другой аул или в другое тийре; и идеологических — родоначальник атаула должен был чем-то прославиться, чтобы потомство стало носить его имя.

¹ Полевой материал 1965 г., а. Новая Джегута, Текеев Сеид Умар.

² ЦГА СО АССР, ф. 26, ед. хр. 23, лл. 50—86.

Некоторые авторы, не учитывая экономической основы образования новых атаулов — раздела семейных общин, учитывают только вторую, идеологическую сторону. Н. Иваненко, исходя именно из этого, объясняет образование новых фамилий, считая, что новые фамилии давались в память доблестного предка или в честь какого-либо выдающегося события в жизни семьи.¹ Это так, но непременным условием возникновения новой фамилии было ее экономическое отделение от старой семейной общины.

Размеры атаулов, так же как число атаулов в тукуме, были различны. И то и другое определялось экономическими условиями, в которых складывались атаулы. В сравнительно небольшом и не очень древнем атауле Алиевых насчитывалось 10 атаулов, а старый адурхаевский тукум Эркеновых, в котором была 51 семья, имел 8 атаулов.²

Разделение семейных общин и образование новых атаулов продолжалось в течение всего XIX в. Так, в тукуме Алиевых насчитывалось 7 старых атаулов: Хончалары, Ибрайлары, Мижегелары, Темруклары, Чоралары, Таумурзалары, Токзаклары и наряду с ними три новых атаула, отделившихся в пореформенный период: Астемирлары, Матчилары и Умарлары. В списке карачаевского народа, составленном в 70-х гг. XIX в., действительно фигурирует Астемир как глава небольшой семьи, насчитывающей всего 3 мужчин.³ Следовательно, только незадолго до этого выделилась семья Астемира, которая разрослась в атаул уже в конце XIX — начале XX вв.

Атаулы, которые вели свое происхождение от родных братьев, считались близкими — къысха атаул. Атаулы, объединявшие более дальних родственников — «узакъ атаул» (дальние атаулы). Къысха атаулы селились, как правило, рядом, составляя часть тукумного квартала — тийре.

Атаулы, как и тукумы, в XIX в. представляли собой пережиточные явления. В них исчезла основа, на которой держалось хозяйственное единство атаулов — коллективная собственность на землю и движимое имущество. У членов атаулов оставалось значительно меньше хозяйственного единства, чем у членов семейных общин. Ведь при разделах и скот, и инвентарь, и значительная часть земельных угодий — сабаны и биченилки подвергались разделу. Если в результате раздела возникали малые

¹ Н. Иваненков. Указ. соч., стр. 28.

² ЦГА СО АССР, ф. 262, ед. хр. 23, лл. 50—86.

³ ЦГО СО АССР, ф. 2, Б. 2, ед. хр. 23, лл. 50—86.

моногамные семьи (а так все чаще и получалось в XIX в., особенно во вторую половину его), то общинное начало почти целиком вытеснялось частнособственническим.

Экономические связи членов атаула сводились в основном к совместному владению одним лишь видом земельных угодий — таукишлыками. Это только в том случае, если атаул имел их; многие небогатые атаулы не имели и этого.

Атаулы, о которых рассказывают самые старые из наших информаторов, возникли 150—200 лет назад (по рассказам 6—8 отцов). Более ранние атаулы стали к этому времени самостоятельными тукумами. Некоторые атаулы, как, например, Темирлары из тукума Шидаковых, насчитывают всего 4 поколения, следовательно, возникли уже в пореформенный период. Не удивительно, что в этих атаулах нет коллективной собственности ни на скот, который уже давно стал частной собственностью, ни на пахотные и поливные сенокосные угодья.

Ни один из карачаевских атаулов не имеет своего тавра для скота, так как уже много веков скот не находился в коллективной собственности атаулов. Значительно дольше сохранялась коллективная собственность на землю, особенно на таукишлыки. Ряд карачаевских атаулов владел землями, принадлежащими всем членам атаула. Даже в конце XIX в. сохранялись в Карачае такие атаульные земли. Атаул Ачахматовых владел землями в верховьях Уллукама (участок этот и сейчас называется ачахматовским), шидаковский атаул Темирлары имеет таукишлык по Джазлыку и т. д.¹

Даже тогда, когда атаул делился на два, иногда на три самостоятельных атаула, таукишлыки часто оставались в совместном владении всех трех атаулов, составляя их коллективную нераздельную собственность. Также и сабаны при разделе больших семей иногда не делились по семьям, а оставались в коллективном владении атаула. Но таких случаев было мало, гораздо чаще сабаны и биченлыки подвергались разделу.

Однако и при коллективном владении таукишлыками они использовались не для ведения общего хозяйства, так как таковое отсутствовало, а чаще делились на доли по числу семей. Тогда каждая семья самостоятельно косила траву, самостоятельно свозила сено для своего скота и т. д. Причем доли были неравными. Более зажиточные семьи, имевшие много скота, владели большими долями, чем их бедные родственники.

В некоторых атаулах делили не землю, а скошенное сено. В

¹ Полевой материал 1965 г., х. Валуийский, Шидаков Батал.

этих случаях общинные традиции были сильнее. Косили всем атаулом, выезжая на совместный покос. Скошенное сено делили на всех членов атаула. При этом учитывалось не количество скота, а число косцов. Вдовам и немощным старикам атаула, которые не могли выставить косцов, косили все родственники и при дележе сена никогда не обходили их.¹

Другим пережитком коллективного труда были помочи — «маммат», особенно распространенные среди родичей. Если при разделе семьи сыновья или братья уходили из отцовского дома, то весь атаул помогал им построить новые дома. Мужчины валили и свозили лес, рубили бревна для стен и клали венцы, женщины месили глину, мазали стены и т. д. При дружной работе дом рос на глазах. По окончании стройки устраивали праздник. Хозяин дома резал баранов, щедро угощал родственников.

Члены одного атаула особенно часто объединялись в товарищества по покосу — «джийин» — не только для заготовки сена своему скоту, но и для найма в казачьи станицы. Из родственников часто создавались и кошевые товарищества для совместного выпаса скота — «кош негерлик». Однако во второй половине XIX в. стимулом для объединения чаще служили не родственные чувства, а имущественные интересы.

Помощь родственникам — членам своего атаула — выражалась не только в совместном труде по постройке домов и кошей, совместному покосу и проведению оросительных канав. Члены одного атаула помогали друг другу и имуществом. Если молодой человек собирался жениться и не имел средств уплатить калым, то весь атаул помогал ему собрать требуемое имущество. Обычай этот назывался «союм джыйлгъан» — помощь молодому. Выбрав верного друга, жених или молодой муж ездил с ним по кошам членов своего атаула. Каждый родственник давал ему, в зависимости от своего достатка, бычка или телочку, барашка или козочку. К концу поездки молодой имел уже небольшое стадо.²

Так же помогали иногда молодой семье, которая не имела своего скота. Им давали на обзаведение некоторое количество скота.

В давние времена, когда убийство требовало платы за кровь, чтобы не началась кровная месть, члены атаула помогали своему сородичу собрать нужное количество скота для платы за кровь — «къан телеу».

Девушке, которая собиралась замуж, родственники помогали

¹ Полевой материал 1965 г., а. Новая Джегута.

² Полевой материал 1965 г., а. Новая Джегута, Эркенов Исмаил.

собрать берне, которое она должна была принести в дом жениха.

Члены атаула принимали самое близкое участие во всех радостях и горестях своего атаула. Когда в атауле готовилась свадьба, то члены его давали скот для тоя, а потом всем атаулом приходили на свадьбу. Чем ближе был родственник, тем большим было его участие в праздновании свадьбы. По словам Б. Миллера, особенно велика во время свадьбы была роль дяди невесты по матери.¹

Приходило время и рождался ребенок. Женщины из атаула помогали ухаживать за молодой матерью, за новорожденным. Первые три-четыре дня после рождения ребенка кормила грудью не мать, а какая-либо родственница из атаула, имевшая грудного ребенка.² Это еще более увеличивало связь семей, так как к кровному родству добавлялось молочное.

Торжественной церемонией сопровождалось первое пеленание и укладывание ребенка в люльку. Происходило оно обычно дней через 10—15 после рождения ребенка. К этому дню резали барана или даже несколько штук, готовили лакомые блюда. Родственники женщины-матери приносили готовые кушанья и подарки ребенку и родителям мужа. Им дарили обычно верхнюю одежду. Пеленала ребенка и клала его в люльку свекровь. Старик атаула произносил при этом добрые пожелания (алгыш), чтобы ребенок рос сильным и мужественным, трудолюбивым и добрым. После этого устраивали курманлык — жертвенное угощение.

Когда умирал один из членов атаула, все родственники приходили в дом покойника с выражением своего соболезнования. Близкие родственники приносили белую материю для савана, каждый до 3—4 аршин. Так как в доме, где умер человек, первые дни после похорон готовить не полагалось, то родственники приносили готовую еду: мясо, хычин, хлеб и т. д.³ Приводили скот для устройства поминок.

Кроме празднеств, во время которых устраивались совместные трапезы, пережитки коллективного потребления проявлялись в обычае обносить членов атаула кусками мяса от каждой зарезанной головы скота. Если атаул был большим, то хозяевам барана оставалось очень немного после того, как мясо было поделено между родственниками. Самую почетную часть — голову —

¹ Б. Миллер. В Карачае, стр. 396.

² Полевой материал 1965 г., а. Новая Джегута, Эркенов Исмаил.

³ Полевой материал 1965 г., а. Новая Джегута, Хатауаев Сагат.

рубил пополам и относили двум самым почетным старикам атаула. Иногда голову рубили на три части, тогда нижнюю часть оставляли женщинам семьи.¹

Солидарность родственников по атаулу особенно сильно проявлялась во время потрясений в одной из семей. Если предстоял суд над кем-либо из атаула, то родичи принимали самое горячее участие. Они выступали соприсяжниками-атаулами на суде, ручаясь за порядочность обвиняемого. Если обвиняемого при- суждали к штрафу, весь атаул помогал ему собрать требуемую сумму.

В случае похищения девушки против воли родителей, все мужчины атаула, которые оказывались в это время дома, сажались на коней и пускались в погоню за похитителем. Так же дружно преследовали похитителей скота и бесстрашно вступали в схватку с ними. Отбить скот у похитителей важно было не только из экономических соображений — чтобы не лишиться скота, но это считалось делом доблести и чести молодых джигитов. Недаром в карачаевской народной песне «Къобанланы къой бёлек» («У Кобановых угнали отару») поется о юношах, павших в битве с похитителями скота, которые как джигиты погибают за честь Карачая.²

Отдельных воинских подразделений по атаулам в Карачае не было. Но и во время отражения вражеских набегов и во время войн, когда собиралось народное ополчение, члены атаулов старались держаться рядом, чтобы в первую очередь оказать помощь сородичу, если ему придется туго.

Не было в атаулах и официальной власти. Собрания членов атаула не были регулярным органом власти. Они собирались от случая к случаю, когда появлялась нужда в совместном обсуждении какого-либо вопроса. Это могли быть и хозяйственные дела, об использовании совместных земель, о начале сенокоса на общем таукишыке и об организации джийина, о необходимости оказать помощь члену атаула, попавшему в беду и т. д.

На собрании атаула обсуждалось и поведение отдельных лиц, так как атаул нес ответственность и за нравственность своих членов. Дружное осуждение провинившегося всеми родичами оказывало большое действие. Так, по рассказам стариков, среди Коркмазовых был Каншаука, который систематически зани-

¹ Полевой материал 1965 г., а. Новая Джегута, Текеев Умар.

² Эски къарачай-малкъар джирла. Джарашдыргъан Лайпанланы Хамид. Къарачай-черкес китаб издательства, 1958, стр. 40.

мался воровством. Семья ничего не могла поделать с ним. Тогда собрались все члены атаула и гневно осудили его поведение. Человека словно подменили,— так он переменялся. После этого собрания Каншаука ни разу не был замечен в воровстве.¹

Решающую роль в собрании членов атаула и вообще в решении всех дел атаула играли старейшины. Их никто не выбирал специально. Само собой получалось, что люди обращались за советом к тем старикам, которые пользовались наибольшим авторитетом, имели твердое доверие (бек ышаннъылыла). Они и составляли совет старейшин атаула — «картла оноуу».²

В делах атаулов, как и сельской общины в целом, по мере разложения общинных отношений и роста имущественного неравенства, все большее значение приобретало имущественное положение человека. В каждом атауле были богатые и бедные семьи. И хотя богатые и оказывали бедным некоторую родственную помощь, имущественное неравенство от этого не уменьшалось.

Разбогатевшие члены атаула не стеснялись использовать бедность своих сородичей в корыстных целях. Именно родственникам часто давали в ортак скот на выгодных для владельца условиях. Их же приглашали на маммат, получая большое количество рабочих рук за одно лишь угощение. Крупный скотовод приглашал бедных родственников в кошевое товарищество, используя их там как даровых пастухов своего скота. «В пастухи нанимают большей частью своих же бедных родственников», — писал В. М. Сысоев.³ Этими и многими аналогичными способами сельские богачи эксплуатировали бедняков, прикрываясь общинными пережитками, бытовавшими у карачаевцев.

Разложение семейных общин и атаулов особенно быстро пошло в пореформенный период, когда Карачай оказался втянутым в общее русло экономического развития Кубани. В горы проникали новые культуры и новые орудия труда, новые методы ведения хозяйства, основанного на частной собственности и тесно связанного с рынком. Для ведения хозяйства уже не требовалось такого тесного сплочения населения, как прежде. Вытеснение коллективных форм собственности частными как ржавчина разъедало общинные отношения. Коллективный труд вытеснялся ин-

¹ Полевой материал 1965 г., а. Новая Джегута, Текеев Сеид Умар.

² Полевой материал 1965 г., х. Валуиский, Шидаков Батал.

³ В. М. Сысоев. Укз. соч., стр. 83.

дивидуальным. А в крупных кулацких хозяйствах все большее распространение получал наем рабочей силы.

Царское правительство, проводившее консервативную политику в отношении русской общины, стремилось сохранить общину и в областях Северного Кавказа, надеясь с ее помощью задержать процесс обеднения и пролетаризации населения. Для этого оно издавало законы, затрудняющие выход из общины, усложняло процедуру семейных разделов. Крестьянин, желающий выйти из сельской общины, должен был навсегда отказаться от своего земельного надела, получить согласие родителей на свой выход, а затем приговор сельского схода.

Сложен был и раздел больших семей. Семейство, желающее разделиться, должно было подать заявление сходу, мотивировать повод раздела, доказать способность разделившихся семей к ведению самостоятельного хозяйства.¹

Но несмотря на все эти препятствия, в течение всего пореформенного периода шел процесс разложения сельских и семейных общин, так как развитие товарно-денежных отношений было несовместимо с патриархальным бытом. К концу XIX в. семейные общины стали в Карачае редкостью, так мало их осталось. В. М. Сысоев, исследовавший карачаевский аул в самом конце XIX в., приводит наперечет сохранившиеся семейные общины.

В 1898 г. в Карт-Джурте он упоминает три семейные общины: Султана Гочияева, Султанали Гочияева и Абдурахмана Крымшамхалова. Семья Султана Гочияева состояла из 24 человек: 9 мужчин и 15 женщин, семья Султанали Гочияева — из 23 человек: 11 мужчин и 12 женщин и семья Абдурахмана Крымшамхалова — из 19 человек: 7 мужчин и 12 женщин.²

Может быть, фактически больших семей было несколько больше, так как В. М. Сысоев не занимался специально общиной, как, например, Б. Миллер, поэтому мог и пропустить часть больших семей, но факт распада их был бесспорным. Бесспорным было и то, что преобладающей формой семьи стала малая семья. «Состав семей вообще не велик»,³ — заключает В. М. Сысоев.

О распадении семейных общин писали и другие исследователи, посещавшие Карачай и в конце XIX — начале XX вв. «Большая семья начинает в Карачае становиться редкостью, так как

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 5297, л. 104.

² В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 120.

³ Там же, стр. 53.

женившиеся сыновья стремятся обыкновенно выделиться»,¹—сообщает И. Щукин.

Распадение большой семьи и почти полное вытеснение ее малой семьи к концу XIX в. подтверждается и статистическим материалом. Данные Всероссийской переписи населения 1897 г. показывают, что в горских селениях Баталпашинского отдела средний состав семьи был 7 человек.² Семья у горцев была несколько больше, чем у казаков отдела,—6 человек—и чем у иногородних — 5,2 человека.³

По отдельным селениям Карачая данные были выше средних. Так, в а. Джазлык семьи в среднем насчитывали 8, в Дууте— 7,5, в Учкулане — 7,05 человека.⁴ К сожалению, данные имеются не по всем аулам, что затрудняет подсчеты.

Особенно быстрым был процесс распада семейных общин в новых аулах Малого Карачая. В Большом Карачае архаические черты патриархального быта держались значительно дольше.

Само переселение из Большого Карачая в аулы Малого Карачая разрушало общинные связи. Переселенцы покидали патронимические кварталы, порывали в какой-то степени со своим атаулом, а отчасти и тукумом. Бывшие кулы, составившие основную массу населения Мары, Каменномоста, Сентинского аула, вообще не имели семейных общин и не считались членами тукумов. Но и уздени, покидавшие Большой Карачай, фактически порывали со старыми узами.

Переселение редко происходило целыми семьями. В большинстве случаев переселялись отдельные члены больших семей. Тем более прерывались патронимические связи.

На новом месте заселение аулов происходило уже не по родственным признакам. Только в Джегутинском ауле некоторые фамилии пытались селиться общими кварталами, например, Байрамуковы. Но даже такой большой и сильной фамилии это не удалось, так как рядом селились члены других тукумов.

Но если патронимических кварталов в аулах Малого Карачая совсем не было, то семейные общины кое-где все же сохранялись. Так, например, в Тебердинском ауле было несколько семейных общин, в том числе даже среди бывших кулов. Семья

¹ И. Щукин. Указ. соч., стр. 48.

² Население Кубанской области по данным вторых экземпляров всеобщей переписи 1897 года. Под редакцией Л. В. Македонова, Екатеринодар, 1906, стр. 364—365.

³ Там же.

⁴ Там же.

Таукана Байкулова жила нераздельно до 1905 г.¹ Пять его взрослых женатых сыновей с семьями жили в одном дворе и вели общее хозяйство. Но такие семьи уже были редкостью.

Распадению семейных общин в Малом Карачае содействовали и формы землепользования. В условиях уравнильно-передельной общины, где земельный надел давался на дым, то есть на самостоятельную хозяйственную единицу, большая семья оказывалась в невыгодном положении. Поэтому женатым сыновьям, не говоря уже о взрослых братьях главы семьи, выгоднее было выделиться, получить земельный надел и вести самостоятельное хозяйство.

В. М. Сысоев застал и описал процесс распада одной из таких семейных общин. В том же Тебердинском ауле жила семья Батчаевых, состоящая из 27 человек. Формально семья еще считалась единой, но фактически она в конце 90-х годов XIX в. уже распалась на три семьи. Из пяти взрослых братьев двое остались с отцом, продолжая вести совместное хозяйство. Двое других выделились от отца, но между собой не разделились, ведя общее хозяйство. И лишь пятый сын отделился совершенно и от отца и от братьев, образовав самостоятельное хозяйство. Те два брата, которые вели совместное хозяйство, жили уже в отдельных домах, питались самостоятельно, но все расходы и доходы от хозяйства делили пополам.²

В Большом Карачае, где не было уравнильно-передельной общины и где пахотная земля находилась в наследственно-подворном владении, а община ведала лишь летними пастбищами, стремление к разделу было меньшим. И сам образ ведения хозяйства был более консервативным. Там исследователи встречали в конце XIX в. больше семейных общин, чем в Малом Карачае, но и они становились редкостью.

Одной из самых больших семейных общин, которая объединяла не только родных, но двоюродных братьев, была большая семья Тинибек Байчорова из Учкуланского аула. Тинибек Байчоров унаследовал от отца Джембулата большое количество приобретенных покупкой земель, огромные табуны лошадей и отары овец. Отец не хотел дробить хозяйства, поэтому не делил имущества между сыновьями, оставив все старшему сыну. Вместе с братьями жили и более дальние родственники. Всего семья насчитывала 60 человек: 28 мужчин и 32 женщины.³

¹ Полевой материал 1965 г., к. Теберда, Байкулов Шуганб.

² В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 54.

³ Там же.

В семье царили строгие патриархальные порядки — все члены ее должны были безропотно подчиняться Тинибеку. Бедные родственники, жившие в семье, фактически находились на положении батраков. Они ухаживали за многочисленным байчоровским скотом, за это питались в семье и получали одежду. Но никакого участия в дележе огромных доходов семьи они не принимали.

Это была завуалированная форма найма рабочей силы.

Широко использовали Байчоровы и другие виды эксплуатации — ортак и кошевые товарищества, а кроме того и нанимали часть батраков за деньги или «за харчи» (къарын джалчы).

Сохранение семейной общины для этой семьи было экономически выгодно и в новых условиях. Именно о таких семьях писал В. И. Ленин: «Семейная кооперация» служит основой для расширения хозяйства и превращается таким образом в капиталистическую кооперацию».¹ Хозяйство Байчоровых, снабжавших мясом, молоком, маслом и сыром все курорты Минводской группы более чем любое другое в Карачае, имело капиталистический характер.

Однако частнособственнические начала разлагали и эту общину. Не говоря о том, что в этой семье очень мало сохранилось черт коллективизма, младшие братья решительно требовали выдела их доли имущества. Тяжба, начатая ими против старшего брата в первом десятилетии XX в., продолжалась до самой Октябрьской революции. Так что семейная община со всеми ее атрибутами стала для этой семьи лишь формой, прикрывавшей новые, буржуазные отношения. Власть над младшими членами семьи нужна была Тинибеку Байчорову для захвата богатств семьи.

Эта завуалированность новых отношений патриархальными пережитками была одной из характерных черт карачаевской общины XIX в. Теряя свои основные черты, община часто сохраняла чисто внешние атрибуты. Так, например, до самой Октябрьской революции сохранялись в Большом Карачае патронимические кварталы и кладбища.

В 1898 г. произошел такой случай. В Учкулане умерли отец и сын из небольшой и незнатной фамилии Байгуровых, не имевшей ни патронимического квартала, ни кладбища. Родственники хотели похоронить покойников на ближайшем кладбище, в тийре Эркеновых. Но Эркеновы не разрешили этого. И только после

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 107.

долгих уговоров и настояний старшины согласились на погребение Байгуровых на своем патронимическом кладбище.¹

Эта удивительная стойкость патриархальных пережитков за-тушевывала разложение общинных отношений, выделение кулачества, эксплуатацию наемного труда, распадение семейных общин, вызванные ростом частнособственнических начал и имущественным неравенством.

Таким образом, изучение пережитков родовой общины и семейной общины у карачаевцев позволяет проследить картину эволюции общинных отношений в течение XIX в.

К началу XIX в. родовых общин в Карачае уже не существовало. Не было коллективной собственности ни на землю, ни на другие средства производства, ни коллективного труда, ни совместного уравнительного потребления. Лишь отдельные черты в жизни народа указывали на недавнее бытование этих отношений в прошлой жизни народа. Они проявлялись как в сфере производства, так и потребления.

Пережиточной формой родовой общины в Карачае был тукум и союз тукумов—кау́м. Потеряв хозяйственное единство, тукум сохранил пережитки коллективной собственности на землю в виде тукумного владения зимними пастбищами, преимущественного права членов тукума на покупку этих земель, общее тавро, которым метили свой скот члены тукумов, совместные поселения и кладбища. Внутри тукумов царила строгая экзогамия, обычаи взаимопомощи, сознание идеологического единства.

Разложение тукумов было вызвано ростом имущественного неравенства в связи с появлением частной собственности на скот, а затем и на землю. Наряду с ростом имущественного неравенства между тукумами шел процесс расслоения внутри тукумов, где выделялись богатые семьи, захватившие в свои руки тукумные земли, эксплуатировавшие обедневших сородичей.

Но низкий уровень развития производительных сил, натуральное хозяйство в сочетании со специфическими природными условиями Карачая обусловили сохранение в нем и в условиях развитого классового общества общинных начал в виде семейных общин. Семейные общины, в отличие от родовых, сохранились и в XIX в., особенно в первой его половине, как хозяйственные коллективы. В них продолжали существовать общинная собственность на движимое и недвижимое имущество, коллективный труд, совместное потребление.

¹ В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 124.

Однако коллективные начала подрывались в карачаевской общине ее патриархальным характером, при котором вся власть в семье принадлежала главе семьи. Он руководил всей хозяйственной жизнью семьи, арендуя земли, организуя перегон скота и его зимовку, распоряжаясь продажей скота и продуктов скотоводства, распределяя вырученные суммы. Домашним хозяйством ведала жена главы семьи, которая распределяла между женщинами семьи работы по приготовлению общей трапезы, одежды и обуви для всех членов семьи, ведала покупками и распределяла обновы.

В результате разрастания и сегментации семейных общин возникали атаулы, объединявшие группу семей, образовавшихся от распада семейной общины. Членов атаула объединяло сознание общего происхождения, общее имя, совместное поселение. Экономические связи членов атаула сводились к совместному владению зимними пастбищами, если это был зажиточный атаул, имевший свои земли. Никакой другой собственностью атаулы не обладали. Но и этот вид собственности в течение XIX в. все более переходил в частное владение.

Пережитки коллективных форм труда сохранились в совместном покосе, в обычае взаимопомощи членам своего атаула. Единство семейных общин и атаулов особенно ярко проявлялось в экстраординарных случаях, когда родичи собирались почтить умершего или помочь пострадавшему, защитить родственника от врагов или суда.

Разложение семейных общин и атаулов, происходившее и в дореформенный период, особенно быстро пошло во второй половине XIX в., когда в хозяйство карачаевцев все сильнее проникали товарно-денежные отношения, подрывавшие замкнутость натурального хозяйства. Вытеснение общинной собственности частной вело к резкому имущественному неравенству, к эксплуатации обедневших семей их родственниками под видами общинной помощи. Семейные общины распадались на малые моногамные семьи.

Царское правительство, считавшее в XIX в. общину надежным средством против пролетаризации крестьянства и классовой борьбы в деревне, стремилось сохранить как сельскую, так и семейную общины. Положение об аульных обществах ограничивало и затрудняло выход из общин и семейные разделы. Но никакие административные меры не могли приостановить разложение семейных общин.

Особенностью общественных отношений в Карачае порефор-

менного периода была завуалированность новых отношений массовой патриархальных пережитков. Семейная община, теряя свои основные черты: коллективную собственность на землю, скот и орудия труда, совместный труд и уравнилельное распределение продуктов, сохраняла чисто внешние атрибуты: совместное поселение, сознание родства и т. д. На деле же даже в тех немногих общинах, что сохранились в конце пореформенного периода, шла безжалостная эксплуатация бедных родственников, накопление богатств отдельными лицами.

Так проникновение в карачаевские аулы товарно-денежных отношений привело к имущественному и социальному расслоению крестьянства, разрушило последний осколок патриархально-родовых отношений — семейную общину.

К ИСТОРИИ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РУССКИМ И СЕВЕРОКАВКАЗСКИМИ НАРОДАМИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Сложными и многообразными были формы общения горцев Северного Кавказа и русского населения. Они имели довольно длительную историю, начало которой уходит к середине XVI в.

Терские казаки, и прежде всего гребенцы, оставались в течение двух веков в незначительном числе одни против многочисленных кавказских народов. За это время определилось немало каналов тесных дружественных связей между ними. Почти все казаки говорили на языках своих соседей, заимствовали у них форму одежды, многие навыки ведения хозяйства, быта и нередко входили с ними в родственные связи. Гребенские казаки «по долговременному жительству своему в горах не только одежду и оружие, но даже физиономию и стан имеют во всем сходные с кабардинцами. Отважность, соединенная с ловкостью владеть оружием и искусство управлять лошадью на скользящих стремнинах делают сие войско страшным...»¹

А. А. Бестужев-Марлинский в 30-х годах XIX в. отмечал, что «казаки отличаются от горцев только небритою головою, оружие, одежда, сбруя, ухватки, все горское... Почти все говорят по-татарски, водят с горцами дружбу, даже родство...»²

Л. Н. Толстой в своей повести «Казаки» писал: «Живя между чеченцами, казаки породнились с ними и усвоили себе обычаи,

¹ Дебу. Взгляд на Кавказскую линию. «Северный архив», 1822, № 2, стр. 175—176.

² А. А. Бестужев-Марлинский. Избранные повести, Л., 1937, стр. 201.

образ жизни и нравы горцев».¹ Он подчеркивает, что казак «уважает врага-горца» и что присущее казаку «щегольство в одежде состоит в подражании черкесу».²

Широко развитая система куначества и даже, в какой-то степени, аталычества дополняла и подтверждала достаточно глубокую и тесную связь горского населения с русским. Военные же действия до середины XVIII века носили эпизодический характер, были кратковременными и не нарушали на длительное время дружественных отношений между ними.

Во второй половине XVIII в., со времени активного продвижения России на Кавказе, особенно с постройкой Моздока и Азово-Моздокской линии, наступает период обострения антиколониальной борьбы горского населения. Но, отмечая этот факт, следует иметь в виду не только выступления трудового населения горских обществ, но и выступления феодальных верхов, которые больше всего боялись потерять свои земли и феодальные права на крепостных.

Многие протурецки настроенные князья, пользуясь своей властью и поддержкой мусульманского духовенства, вооружали и поднимали своих подвластных на борьбу против России. К этому толкала их Турция — старый противник России на Кавказе. Феодальные верхи использовали в своих интересах движение простого горского населения, задавленного и забитого тяжелой нуждой и непомерной эксплуатацией. В исключительно сложной обстановке все возрастающего разжигания неприязни к России, фанатических проповедей мусульманского духовенства и безрассудных действий многих русских генералов и офицеров-карателей исторически сложившиеся дружественные связи горского населения с Россией были поставлены под угрозу. Но так как антиколониальная борьба горских народов тесно переплеталась с антифеодальной, то в выступлениях против феодальных владельцев трудовое население часто пользовалось возможностью получить у русских защиту от угнетателей.

События многовековых связей России с народами Северного Кавказа заложили основы самых тесных и дружественных отношений, получивших в дальнейшем значительное развитие. В русских укреплениях и станицах по Тереку издавна постоянно проживало значительное количество горского населения, преимущественно из низших слоев, зависимых крестьян и особенно ясырей. Веками складывалось так, что зависимое население кав-

¹ Л. Н. Толстой. Повести и рассказы. М., 1952, стр. 218.

² Там же, стр. 219.

казских горцев, обремененное многочисленными налогами и ничем не ограниченными поборами, доведенное своими владельцами до крайней степени обнищания, убегало от них под власть русского начальства и нередко принимало христианство как гарантию невозвращения их на прежние места жительства.

Вопрос о возвращении беглых холопов горским феодалам был всегда одним из самых важнейших во взаимоотношениях их с русским командованием и правительством. Еще в 1712 г. кабардинские владельцы жаловались на то, что многие из подданных бегут на русскую сторону, принимают крещение, «живут на Тереке, а иные в Астрахани» и просили возвращать их.¹ Этот вопрос приобрел особенно большую остроту во второй половине XVIII в., во время широкого строительства на Северном Кавказе военно-оборонительных линий.

Следует отметить, что русское правительство широко пользовалось этим для укрепления здесь своей политической власти. Оно исходило при этом не из интересов социальных низов горского населения, а из интересов дворян и растущего купечества, для которых расширение территории Российского государства и утверждение власти на Северном Кавказе было в то время делом первостепенной важности.

Положение основной части горского населения на большей территории Северного Кавказа в середине и особенно во второй половине XVIII века было крайне тяжелым. Даже русское правительство в 1759 г. указывало кабардинским владельцам на то, что побег их холопов полностью зависят «от суровости хозяев и худого содержания». Князьям советовалось лучше содержать холопов, особенно некабардинцев, «почему и нужды им не будет делать побегов».² Хотя от этой рекомендации и отдавало духом ханжества, но признание факта действительно тяжелого положения горцев представителями царской власти говорило о многом. «Корыстолюбие кабардинских князей было и есть поводом самых величайших злоупотреблений,— писал Дебу,— ибо владельцы грабят не только обыкновенных своих подданных, но и уважаемых народом старшин, чем навлекли на себя народное негодование. Князья в отмщение питаемой к ним ненависти стали умножать грабительства не только между ясырями, но и меж-

¹ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. II, стр. 10; Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XVIII веках. М., 1956, стр. 63.

² П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, т. II, СПб., 1869, стр. 108.

ду коренными подданными, у коих без всякого разбора отнимают скот, пожитки, жен и детей... Взаимная злоба и ненависть между князьями и народом возрастающая понудили многих из народа, более других угнетаемых, искать в крайности своего убежища в наших владениях, почему и поселились многие на линии».¹

Особенно большой переполох в среде кабардинских и других феодалов вызвало строительство Моздока, расположенного в непосредственной близости к границам Кабарды и Осетии. Дело «состояло в том, что подданные их и невольники получили поползновение к частым побегам».² Побег их крепостных в значительной степени увеличивались. В письме кабардинского владельца Касая кизлярскому коменданту Потапову в ноябре 1763 г. говорилось, что «по причине такого построения крепости на Моздоке все подвластные наши намерены рассеяться в каменистые горы в том рассуждении, что из имеющихся у них каджа-рцев и грузинцев ясыри выбегаются в Кизлярскую крепость, хотя она в расстоянии от Кабарды состоит и более шести дней езды, однако оным никогда выдачи не бывает, а как урочище Моздок, будучи расстоянием от нас только половина дни езды, то по такой близости из имевшихся в Кабарде и обоего пола остаться не может и затем оные наши подвластные в нынешнем году, конечно, все рассеяться намерены».³

Действительно, кабардинские феодалы готовы были уехать как можно дальше, лишь бы не дать возможности сбежать своим холопам под защиту русских укреплений. В одном письме переселившегося на Куму кабардинского владельца отмечалось: «Перейдем туда, чтоб бежавшим от нас холопьям нашим за дальностью места о побеге их было им неспособно и невозможно, хотя они учинят побег, то было бы способно за ними учинить погоню».⁴ Как видно, вопрос о строительстве укреплений на Кавказской линии упирался именно в опасения горских и, прежде всего, кабардинских феодалов потерять своих крестьян и холопов. Кабардинский владелец Кагай Атажукин кизлярскому коменданту жаловался в октябре 1764 г., что многие «кабардинские холопы, не желая жить здесь в Кабарде, бегут и принима-

¹ Дебю. Разные исторические замечания относительно народов, соседствующих Кавказской линии. «Отечественные записки», СПб, 1821, стр. 103—104.

² АКАК, т. I, стр. 85.

³ АВГР, ф. Кабардинские дела (1762—1769), оп. 115/2, л. 5, л. 226.

⁴ Б. В. Скитский. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739—1779). Владикавказ, 1930, стр. 25.

ют крещение».¹ Видимо, многих из них владельцы выманивали и затем уже не отпускали на русскую территорию.²

Поток беглых в русские пределы был настолько велик, что в прошении кабардинских владельцев Екатерине II о прекращении постройки Моздока излагалась и настоятельная просьба возвратить им крестившихся беглых крепостных. В просьбе было категорически отказано.³

В ответ многие кабардинские владельцы в 1767 г. совершают нападения на Моздок и пытаются «находящихся во оном их наций холопей... забрать». И даже угрожали, что если им не возвратят беглых, то они «крымскими быть хотят».⁴ Подобные попытки и заявления кабардинских феодалов имели место и в последующие годы.

Кабардинские крестьяне сопротивлялись действиям своих владельцев и нередко в ответ на их стремление перейти на Кубань или крымскую сторону заявляли, что «то они все побег учинят на Моздок или в Кизляр, довольно ведая о насильствах крымских».⁵ Владельцы часто жаловались, что им невозможно «никакого слова в противность как узденю, так и подвластному своему сказать», т. к. они «угрожают побег учинить и жительством перейти в российскую сторону».⁶

Кабардинские князья Касай-бек и др. в апреле 1767 г. жаловались Кизлярскому коменданту Потапову на разорительные для них побегі крепостных. «Ежели вы ныне желаете, чтоб за беглых ясырей и кожаров в разорение не пришли, и в том месте остались, то о сыскании такого способа состоит в вашей воле... Единственное прошение наше состоит об отдаче и возвращении тукашуков и коджаров», за что готовы были выдать требуемых аманатов, возвратить скот, лошадей и пр., «только б дело наше в какой способ и порядок приведено было».⁷ В октябре того же года Касай Атажукин объявил, что «если они от российской стороны на нынешних местах почувствуют утеснение и холопи их в Моздоке принимаемы будут же, то они намерены и с нынешних мест перейти в горы и жительство иметь в вершинах Орпа или

¹ АВПР, ф. Кабардинские дела, оп. 115/2, 1765—1767, св. 17, л. 753.

² Там же.

³ Кабардино-русские отношения, т. II. М., 1957, стр. 239.

⁴ Кабардино-русские отношения, т. II, стр. 262.

⁵ Там же, стр. 263.

⁶ Там же, стр. 264.

⁷ АВПР, ф. Кабардинские дела, оп. 115/2 (1765—1767), д. 17, лл. 632—

Кубана».¹ Переселение было действительно осуществлено, только не туда, куда они обещали, а ближе, на реку Куму.²

Российское правительство, разрешая переход на русскую сторону горских крестьян, рассматривало это, прежде всего, в плане ослабления местной феодальной верхушки, особенно той части, которая больше тяготела к Турции и Крыму. Оно использовало в своих интересах внутренние противоречия в горских обществах. Горские феодалы вынуждены были часто идти на уступки, если даже дело касалось их крестьян и холопов. Так, 15 января 1769 г. Екатерина II в указе кизлярскому коменданту Поталову отмечала, что кабардинские владельцы недовольны «собственно потому, что принимают там от них холопы, желавшие креститься во избавление от рабства» и просят, чтобы «природные их люди черкесы им возвращались, напротив того армян и грузин от них также бегающих, как природных христиан, никогда не потребуют». Кабардинцам разрешалось принимать христианскую веру³ и, следовательно, оставаться под защитой русских властей. В этих условиях местные феодалы теряли свои прежние неограниченные права над своими крестьянами.

Опасность лишиться своих крепостных заставила кабардинских феодалов оставить в тот период попытки ликвидировать возводимые на Азово-Моздокской линии укрепления и присягнуть вновь на верность России.⁴ Положение феодальной верхушки еще больше осложнилось, когда было установлено, что «черному народу позволяется отходить от владельцев и переселяться во внутрь линии, в случае если будут утесняемы излишними поборами и другим образом или принуждены к противным России предприятиям и действиям. Дается также оному народу уверенность, что кто из них пожелает принять христианский закон, приняты будут и владельцы не должны в том им препятствовать».⁵ Все это во многом меняло отношения феодальных верхов к российскому престолу. Кроме того, устанавливалось, что если князья перейдут в другое место, т. е. станут противниками России, то их крестьянам разрешалось «отрешиться от зависимости и передаться российской защите и повелениям».⁶

Немало горцы страдали и от межфеодальной борьбы,

¹ АВПр, ф. Кабардинские дела, оп. 115/2 (1765—1767), д. 17, лл. 632—633, л. 720.

² АВПр, ф. Кабардинские дела (1768—1776), оп. 115/2, д. 19, л. 9.

³ Там же, оп. 115/2, д. 6, лл. 110, 113—114.

⁴ П. Г. Бутков. Указ. соч., т. II, стр. 58.

⁵ Там же, стр. 60.

⁶ Там же, стр. 58.

которая приносила часто не меньший вред, чем внешние нашествия и опустошения. Так, владельцы Большой Кабарды постоянно вели борьбу с владельцами Малой, «отнимая у них не только людей и скот, но и целые деревни».¹

Понятно, что от этой борьбы страдали больше всего простые люди, зависимые от своих феодалов.

В этих условиях простой народ Кабарды нередко срывал замыслы своих владельцев, направленный против России. По сообщению пристава Кабарды Таганова в конце ноября 1777 г. «чорный народ в непоколебимости и твердой верности находится российской стороне, через что и поутихли уздени... видя себя бесильными». Там же сообщалось, что в случае нападения владельцев на русские укрепления «могут, оставя их со всеми семьями, идти в ближайшие крепости без всякой опасности под защиту русских...»² или возвратиться домой.

В одном из рапортов в иностранную коллегию генерал Якоби, командовавший войсками на Кавказе во время строительства Азово-Моздокской линии, сообщал 19 января 1778 г., что при первоначальном строительстве крепостей горцы «не испытывали ни малейшей досады и неудовольствия». К нападениям «они поджигаемы были от соседей своих³ и горских феодалов, настроенных протурецки». «Что принадлежит до чорного народа,—продолжает Якоби,— то оный и поныне крепится в прежних своих мыслях, а хотя в собранной толпе и была некоторая часть, но привлечены были возмутителями силою и действием оружия... Однако ж из сих скопищ тайно уезжали от них депутаты и приходя к подполковнику Таганову (приставу кабардинского народа—С. Ч.) доносили ему, что они в толпе лишь только число людей составляли, впрочем же, как бы скоро открылась брань, то они намерены были, изменив своим начальникам, уйти в дома».⁴

Меры, принятые правительством России по предотвращению перехода феодальных владельцев на сторону Турции, удерживали теперь многих из них от активных антирусских выступлений. Опасность потерять своих подданных для них была намного сильнее неприязни к России и тяготения к Турции. И хотя выступления против России отдельных князей еще имели место, но они носили уже в большинстве своем кратковременный харак-

¹ ЦГАДА, ф. 23, д. 2, лл. 1—6.

² Там же, д. 5, ч. II, лл. 19—20.

³ ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 161, лл. 3—4.

⁴ Там же.

тер, после которого, как правило, наступала полоса прощений, клятв верности, принесения присяги и пр.

Царское правительство в этом отношении проявляло крайнюю непоследовательность. С одной стороны, оно разрешало переход горцев под защиту русских властей, когда вопрос касался борьбы с протурецки настроенными князьями, а с другой — с легкостью выдавало беглецов, когда феодалы смирялись или переходили на сторону России.

В лице представителей господствующих классов царское правительство видело проводников своей колонизаторской политики среди горских народов. Выступления местных феодалов против России носили характер прежде всего защиты интересов сохранения собственного господства над своими народами. Ими руководила одна лишь боязнь потерять свои права и привилегии над своими крепостными и холопами. Для достижения этой цели они использовали все средства и возможности, и прежде всего верное служение царскому правительству.

В целях привлечения кабардинской феодальной верхушки на свою сторону Екатерина II вскоре потребовала, «чтобы все природныя кабардинские холопы, впредь выбегать могущия, назад возвращены были в предупреждение умаления нужных для работы людей в таком обществе, коего благополучие теперь нам приятно».¹ «Природные» христиане-грузины и др. «из кабардинских жилищ выбегающие» оплачивались их владельцам по 50 рублей.²

В рассуждении Коллегии иностранных дел 15 февраля 1778 г. отмечалась нецелесообразность защиты кабардинских крестьян от их владельцев и предлагалось, что «как однажды навсегда дано кабардинским владельцам императорским словом обнадеживание... и всякие непосредственные разбирательства между их народом и владельцами не долженствует уже за пределы их кабардинского общества выходить».³

Такую же линию поддерживал и командующий Кавказским корпусом П. С. Потемкин, который в рапорте 18 ноября 1782 г. отмечал, что жалобы более 60 кабардинских владельцев «клонились только к тому, чтоб возвратить им их подданных», которые «переселились было на новую линию, предав себя покровитель-

¹ АВПР, ф. Кабардинские дела (1763—1771), оп. 115/2, д. 10, лл. 207—221.

² Там же.

³ Там же, 1777—1778, д. 2, л. 22; АКАК, т. 1, стр. 90.

ству» России.¹ После того как многие были возвращены своим прежним владельцам, «народ кабардинский пришел во уныние, и владельцы их называя, втверживали им, что они искали напрасного убежища».² «По возвращении же сих несчастных,— замечает Дебу,— мщение владельцев возросло над ними до крайнего мучительства, и народ, впад в отчаяние, потерял всякую к нам доверенность».³ Не отправленные еще кабардинские семьи, жившие вблизи Георгиевской крепости, бросились к П. С. Потемкину «с слезами и воплем», с просьбой защитить их от прежних владельцев. П. С. Потемкин тут же отмечает: «Я почитаю лучшим средством держать владельцев в некотором обуздании» и что не сооружение крепостей по линии утесняет кабардинских владельцев, а опасение «чтоб черный народ не оставил их».⁴ Он отмечал, что «народ большою частью ненавидит своих владельцев и не желает лучшего, как только б переселиться за нашими крепостями; и я уверен, что к будущей весне большая часть оных переселится, ...многие старики ко мне являлись и просили отводу земель и тогда князьки останутся безо всего или сами с подвластными переселиться».⁵

Несмотря на решение правительства передавать беглых горцев своим владельцам, приток их на русскую сторону не уменьшался. Выстроенные крепости, казачьи станицы и крестьянские села становились для многих угнетенных горцев привлекательным местом для укрытия от угнетателей — феодалов.

Тягу кабардинцев к России не могли не отмечать и представители военной администрации. В начальный период русско-турецкой войны 14 мая 1769 года астраханский губернатор отмечал: «Кабардинцы преданы России более, нежели Крыму, и хотя они послали в Крым нарочных, но с такими предложениями, что принять их невозможно будет. Сверх того черный народ о подданстве Крыму и слушать не хочет...»⁶ Много позже, в 1805 г., генерал Дельноцце князю Цицанову сообщал, что «всем известно, что черный народ кабардинский совершенно предан к российскому правлению»⁷

¹ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. II, стр. 347—348.

² Там же.

³ Дебу. Разные исторические замечания относительно народов, соседственных Кавказской линии. «Отечественные записки», 1821, ч. VIII, № 18, стр. 104.

⁴ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. II, стр. 347—348.

⁵ Там же, стр. 350.

⁶ АКАК, т. I, стр. 82; П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 60.

⁷ АКАК, т. III, стр. 967.

Генерал Якоби 20 ноября 1777 г. также сообщал в Коллегию иностранных дел, что старейшины черного народа тайно от владельцев «приносили благодарение... за спасение и освобождение от обременяющего их ига. Неутешно они жаловались мне,— продолжает Якоби,— что князья и узденья их не только разоряют, но, отымая, жон и детей их продают во отдаленные горские жилища, в Крым и в самую турецкую область, так что навеки принуждены раставатца с ними и сверх сего собирают с них совсем неумеренные подати, кто што захотел только взять».¹ Тот же Якоби в январе 1778 г. отмечал, что «черный народ крепится в прежних своих мыслях, т. е. быть в подданстве России»,² и «что они в толпе лишь только число людей составляют» и намерены, «изменив своим начальникам, уйти в дома».³

Исходя из конкретной обстановки, правительство снимало вопрос о возвращении беглых прежним владельцам или вновь ставило его. Так, князь Г. А. Потемкин в предписании командующему Кавказским корпусом П. С. Потемкину 29 декабря 1782 г., когда положение на Кавказе и вообще на юге было особенно напряженным, писал: «Просьбы владельцев кабардинских о возвращении поселившихся на линии кунаков да останутся без удовлетворения. Нужно и впредь давать пристанище бедному народу от притеснения князьков своих убегающему. Таким образом, не только чернь будет иметь способ избавляться от порабощения, но и владельцы, лишась подданных, не в состоянии уже будут производить каковыя-либо беспокойства... и отделение черни от владельцев почитаю надежным средством к обеспечению границ наших».⁴ В июле 1788 г. сменивший П. С. Потемкина генерал Текелли отмечал, что на просьбу владельцев возвратить «их холопьев, рассеявшихся жилищами по разным рекам в границах наших, для хлебопашества во внутрь Кабарды, которых я приказал им взять по желанию владельцев, хотя против воли холопьев».⁵ В 1790 г. ушло от феодалов до 1000 кабардинских крестьянских семейств, которые поселились на русской стороне.⁶

Таким образом, на этих примерах видно, что значительная часть зависимого населения Кабарды видела в соседстве с русским населением спасение от гнета и эксплуатации. И хотя цар-

¹ АВПР, ф. Кабардинские дела (1762—1778), оп. 115/2, д. 8, л. 373.

² ЦГВИА, ф. 52, д. 161, лл. 3—4.

³ Там же.

⁴ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. II, стр. 355.

⁵ Там же, стр. 374.

⁶ История Кабарды, М., 1957, стр. 55.

ское правительство и местная администрация использовали это тяготение горцев в своих интересах и часто возвращали их прежним хозяевам, общее стремление к соединению с русским народом не ослабевало. Эта тенденция к объединению продолжалась и во время длительной Кавказской войны, хотя война и оказалась большим препятствием на пути к единству народов.

Дружественные отношения выходили далеко за рамки взаимоотношений только этих двух народов. В состав тогдашней Кабарды входили народы Осетии, Балкарии, Карачая и др., которые находились в зависимости от ее феодалов.

С середины XVIII века активно стала проявляться тенденция к сближению с Россией основной части осетинского народа, особенно со времени похода русского корпуса под командованием Тотлебена в Грузию в 1769 году. С постройкой крепости Моздок предпринято переселение осетин с гор на плоскость. Отличительная черта взаимоотношений России с Осетией заключалась в том, что Осетия быстрее, раньше и единодушнее решила стать составной частью общероссийского государства. Уже в 1774 г. русские власти утверждали, что осетины считаются «состоящими в российском подданстве».¹ Переговоры о принятии в подданство Осетии происходили в Моздоке.² Здесь шире, чем среди других народов, распространялось христианство. В числе принявших христианство было много осетинских старшин, которые за верность России всячески поощрялись подарками, деньгами, чинами, орденами, значительными земельными наделами и пр.³

Положение Осетии было особенно важным для России в стратегическом отношении. Через нее шел путь по Дарьяльскому ущелью в Грузию. После присоединения ее к России значение этого пути стало усиливаться. К. Маркс отмечал: «Кавказские горы отделяют Южную Россию от богатейших провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии, отвоєванных москвитями от мусульман. Таким образом, ноги гигантской империи отрезаны от туловища. Единственная военная дорога, заслуживающая это название, вьется от Моздока к Тифлису через узкое Дарьяльское ущелье».⁴

Как и все народы Северного Кавказа, осетины видели в переходе на сторону русских некоторое послабление от ничем не

¹ П. Бутков. Указ. соч., т. II, стр. 60.

² М. М. Блиев. Присоединение Северной Осетии к России и его историческое значение. Кандидатская диссертация. М., 1955, стр. 149—151.

³ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, стр. 137—138.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 408.

ограниченного угнетения своих алдаров. Тагаурские крестьяне, например, поселились рядом с Владикавказской крепостью и под ее защитой.¹ Немалое число осетин, по сообщению П. Г. Буткова, «выйдя из гор, тут в окрестностях поселилось, устроив селение, обрабатывали пространные поля, вокруг Владикавказа впусте лежащие, и имели совершенный покой и тишину».² Тут же располагалась солдатская слободка. Владикавказские осетины в 1850 г. писали: «Издавна живя между русскими, привыкли к нравам и образу жизни их, усвоивши обязанности христианской религии, мы осчастливлены первые из горцев Кавказа принятием нас в число граждан будущего города».³ Астраханский и Кавказский генерал-губернатор П. С. Потемкин в 1787 г. писал, что осетины «из всех прочих народов горских наиболее оказывают привязанность к России».⁴ За исключением тагаурского алдара Ахмета Дударова и кучки тагаурских старшин осетины не принимали участия в движении шейха Мансура, отказывались воспринимать его фанатические призывы вести борьбу против России. Ориентация на Россию абсолютного большинства осетинского народа была характерной особенностью в их истории во второй половине XVIII века.

Таким образом, тяготение осетинского народа к России было в значительной степени определяющим и в поведении местной феодальной верхушки. К тому же печальный пример соседних кабардинских феодалов, терявших значительное число своих крепостных, бежавших на русскую сторону, заставил осетинских владельцев извлечь уроки. Нельзя, конечно, не учесть и того положения, что ориентация Осетии на Россию создавала условия и для освобождения ее от зависимости кабардинских князей. И, наконец, активная христианизация, проводившаяся здесь во второй половине XVIII в., также, несомненно, способствовала стремлению Осетии к воссоединению с Россией. Многие народы, как, например, абазыны, ногойцы и др., «избегая турецких нападений и даже самих разорений... ради спасения себя от толиких тиранских мучений» еще в конце XVIII в. стали семьями в большом числе переходить на русскую сторону и заявили о желании поселиться «купню с прочими их соотичами», находящимися в Таврической области. Один из военачальников генерал-поручик Хор-

¹ «Терские ведомости», 1869, № 6, 8, 10.

² П. Г. Бутков. Указ соч., т. II, стр. 166.

³ История Северо-Осетинской АССР, М., 1959, стр. 146.

⁴ Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. II, СПб, 188, стр. 252.

ват просил местную администрацию в отношении от 29 сентября 1796 г. «оказывать всякое им вспоможение», принимать на границах «с ласковостью без малейших каких-либо им притеснений» и объяснять, что им будет дана десятилетняя льгота от государственных повинностей, поясняя выгоды спокойной жизни.¹

Однако местная администрация далеко не всегда учитывала конкретные условия. Были нередки случаи, когда горцы не пропускались на русскую сторону, несмотря на их большую настойчивость, или им чинились большие к этому препятствия. Так, в рапорте Новороссийскому губернатору от 25 августа 1800 г. кошевой атаман Черноморского войска сообщал, что «жительствоющие на левой стороне реки Кубани татары, не взирая ни на каких караульных казаков сопротивление, пускаясь на все опасности, переправлялись со всем своим имуществом и малолетними детьми на эту сторону реки Кубани, где были окружены караулом, но ни под каким видом возвратиться не согласились» и отвечали, что им «легче согласиться получить смерть, нежели возвратиться».²

Сложной была обстановка в середине XVIII века во многоязычном и этнически пестром Дагестане. Перед лицом опасности новых разорительных нашествий иранских и турецких захватчиков и здесь усиливается ориентация на Россию, на защиту и покровительство которой рассчитывали отдельные феодалы: шамхал Тарковский, владельцы Аварии и Казикумуха, Андийское общество и др.³

△ Правительство, конечно, всемерно поощряло такие переходы феодальных владетелей на свою сторону. Еще в 1786 г. Екатерина II определила 6000 руб. ежегодной пенсии за переход в подданство России шамхалу Тарковскому,⁴ что было подтверждено и в 1799 г. Павлом I. Мечди-шамхал был возведен в чин генерал-лейтенанта, умций Кайтагский Рустам получил чин 4-го класса и ежегодное жалование 2000 руб., Табасаранский владетель также получил чин 4-го класса и 1500 руб. ежегодного жалования и даже дербентский хан Ших-Алихан, оказавший «некоторую превратность» России, вновь был принят в подданство и получил чин 3-го класса.⁵

Среди значительной части дагестанского крестьянства, разо-

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 339, 1796 г., л. 24.

² Там же, д. 427, л. 19.

³ Очерки истории Дагестана, т. I. Махачкала, 1957, стр. 172.

⁴ ПСЗ, т. XXII, № 16432.

⁵ АКАК, т. III, стр. 384.

ренного непомерной эксплуатацией и поборами и бесконечными межфеодальными распрями и нашествиями иноземных завоевателей, определилась открытая ориентация на Россию, о чем свидетельствовали многочисленные побеги горцев в ее пределы.¹ Природа ориентации трудового народа Дагестана на Россию была, конечно, иной, чем феодалов. Она была рассчитана на возможность найти защиту у России от внешних врагов и собственных угнетателей. Последние же видели в царской России защиту своих социальных интересов.²

В Дагестане сильной оставались протурецкая и проиранская ориентации отдельных феодалов.

Следует отметить, что большинство дагестанских феодалов не приняли участия в движении шейха Мансура, объявили себя приверженцами России во время турецких войн 1768—1774 гг. и 1787—1791 гг. Это было связано с тем, что они боялись потерять своих крестьян, так как «все жители желают безмерно» быть «под покровительством России. Почему ханы и страшатся преклониться на приглашение Порты».³ «В черном народе,— сообщал русский лазутчик,— молва идет, что ...придут русские войска... и они, «через прибытие оных избавятся от междоусобиц и налогов».^{3/}

Вторжение в Грузию и разорение ее иранским шахом Ага-Магомет-ханом поставило под угрозу смертельной опасности и народы Дагестана, Кабарды, Осетии и др. земель. Турция, давний и непримиримый противник Персии, особенно по вопросу о Кавказе, теперь поощряла действия Ага-Магомет-хана и в своих посланиях требовала от владельцев Кабарды и Дагестана войти с ним в соглашение и быть готовыми к войне с Россией.⁴ На этот раз турецкий султан, потерпевший разгром в недавно закончившейся войне с Россией, принять участие в новом нашествии на Кавказ не имел возможности.⁵ В организации иранского нашествия Ага-Магомет-хана первое место принадлежало англо-французским дипломатам.⁶ В этих условиях собственных сил для ограждения от полного разгрома у народов Дагестана и Кабарды, как и у других, не имелось. Большинство дагестанских

¹ П. Г. Бутков. Указ. соч., т. 1, стр. 257.

² ЦГВИА, ф. 52, д. 487, лл. 17, 25—30.

³ Там же.

⁴ П. Г. Бутков. Указ. соч., т. II, стр. 295.

⁵ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX в. Махачкала, 1957, стр. 361.

⁶ Там же.

владельцев не только отказались помогать шаху, но и делали попытки организовать совместный отпор, заручившись согласием помощи со стороны русского командования на Кавказе.

Вступление 30-тысячного русского корпуса под командованием графа В. Зубова в Закавказье, как известно, заставило персидские войска поспешно отступить.

Основная масса дагестанского населения с удовлетворением восприняла весть о вступлении русских войск в Дагестан и Закавказье и оказывало ей помощь.

Таким образом, у простого народа Дагестана, как и у других кавказских народов, создавалось представление, что только с помощью русских можно выйти из тяжелого положения угнетенности и кабалы, избежать опасности внешних турецко-персидских вторжений. Понятно, что царское правительство меньше всего думало об улучшении положения горских народов, но проводило свою колониальную политику в Дагестане с большой осторожностью.¹ Оно стремилось «обнадеживать» владельцев в оказании им покровительства со стороны российского престола, поощрении торговли и пр.² При этом царизм в условиях сильно раздробленного и разобщенного Дагестана широко пользовался политикой натравливания одних владельцев на других.

В этой обстановке, несмотря на проводимые на Кавказе методы колониальной политики царизма, с одной стороны, и продолжавшуюся антирусскую агитацию протурецки настроенных элементов — с другой, трудовые массы Дагестана в основе своей тянулись к России. Это было одной из основных причин столь активного принятия русского подданства большинством малых и больших феодальных владельцев к концу XVIII и началу XIX века. Важное место в этом процессе имели переговоры в Георгиевске в сентябре—декабре 1802 года.³ В 1803 г. русское подданство приняло Аварское ханство и присоединено Джаро-Белоканское «вольное общество».⁴

Серьезное испытание выдержала дружба дагестанского и русского народов в годы русско-иранской (1804—1813) и русско-турецкой (1806—1812) войн, когда турецкие, иранские и западноевропейские агенты развернули бешеную антирусскую

¹ Очерки истории Дагестана, т. 1, Махачкала, 1957, стр. 173.

² П. Г. Бутков. Указ. соч., т. II, стр. 286—287.

³ Очерки истории Дагестана, т. 1, 1957, стр. 183—184.

⁴ Там же.

агитацию.¹ Как всегда, в этих случаях, особую активность проявляли муллы, кадии, шейхи. И все же массы горцев в основе своей отнеслись с недоверием к этой агитации, отказывались помогать противникам России и многим своим владельцам, переметнувшимся на сторону врага.

Дагестанцы заявляли о своем согласии находиться под властью России. Это давало им возможность спокойно трудиться, сокращало междоусобицу феодалов, обеспечивало безопасность от внешних нападений, расширяло торговлю и пр. Вот почему широкие слои населения Дагестана, «начиная от Тарков до Койсу и до Кизляра, никто не согласен принять сторону Ших-Али»² (дербентскому хану, противнику России).

Горцы нередко оказывали России и практическую помощь в борьбе против иранских захватчиков и их пособников. Не помогли ни агитация извне, ни англо-французское золото и вооружение, ни различные обещания со стороны. Бухарестский мир с Турцией в 1812 г. и Гюллистанский мир с Ираном в 1813 году знаменовали собой важные успехи России на юге. И в этом была немалая доля трудового горского населения Кавказа, которое нисколько не оказало помощи противникам России. Тяга к России, несмотря на многочисленные препятствия, росла и крепла.

В западных районах Северного Кавказа, где турецко-крымское, а затем и английское вмешательство проявлялось особенно сильно, взаимоотношения с Россией были довольно сложными и тяжелыми. Это объясняется не только антирусской пропагандой, но и жестокой, в основе своей, политикой русского командования по отношению к беспокойным черкесским племенам. Туркофильская и русскофильские партии, существовавшие здесь почти во всех обществах, вели между собой острую борьбу.

Сторонники сближения с Россией были заинтересованы в активной торговле на меновых дворах, продаже леса и стремились избавиться от турецкой зависимости. Их противники, напротив, вели жестокую борьбу против всего русского. Их всемерно поддерживали муллы, работарговы, сбывавшие живой товар Турции. Линия сближения с Россией в этих условиях наиболее отвечала интересам широких слоев населения.^{3/}

¹ АКАК. т. II, стр. 144—145, 161—167, 555—556, 562—563, 785—786, 812, 820, 826, 886; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1664, ч. 40, л. 103 и др., ч. 50, д. 6171, л. 32 и др.

² АКАК, т. IV, стр. 675.

³ Очерки истории Адыгее, т. 1. Майкоп, 1957, стр. 291—292.

Многие документы свидетельствуют о том, что горцы по отношению к русским переселенцам были настроены мирно, желали оставаться в добрососедских отношениях. Так, между черноморскими казаками, поселившимися на правой кубанской стороне, и закубанцами с первых дней установились дружественные отношения.¹ Горцы делились с казаками лесом для построек, пока у них не окрепло собственное хозяйство, скотом, хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Казаки, в свою очередь, снабжали горцев солью, разрешали им пасти скот на богатых пастбищах Черномории.²

Одним из активных сторонников сближения с Россией был бжедугский князь Батыр-Гирей. Он «неоднократно оказывал помощь русской стороне».³ В этом, конечно, сказывалось его желание с помощью России окончательно утвердить свою власть над крестьянами-общинниками, считавшими себя свободными от феодальной зависимости. Батыр-Гирей открыто заявлял, что «никогда, ни под каким видом ни малейших обид верным подданным российским, а потому и Войску Черноморскому не делать».⁴

В неопубликованном «Обзрении исторических фактов о Черноморском войске» Я. Кухаренко и Туренко, отмечая большое тяготение горцев к черноморским казакам в первый период обоснования их на Кубани, писали: «Тогда же (в 1794 г.— С. Ч.) некоторые племена начали явно искать дружбы у казаков и покровительства России. Предводители бжедухов... со множеством уздений и слуг явились к кошевому Чепеге с предложением мира и обещанием пребыть в подданстве России... В продолжение четырех лет доставляли казакам все нужное по хозяйству и во всем пособляли сколько можно: хлеб зерном для посева всех родов, фруктовые деревья для произведения садов и даже оружие они сами привозили в кордоны и отдавали казакам за самое ничтожное количество соли, а иногда и даром».

По сообщению графа П. Зубова 9 мая 1795 г. хатукайский князь Арслан-Гирей «по совокупности с подвластными ему мурзами к России приверженности многоразными опытами показанной... по доброй всех воле находится в твердом и непреклонном от сто-

¹ П. П. Короленко. Черноморцы. СПб, 1874, стр. 94.

² В. П. Невская. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956, стр. 55.

³ Ф. Шербина. История Кубанского казачьего войска, т. I. Екатеринбург, 1910, стр. 610—611.

⁴ ГАКК, ф. 249, св. 30, д. 248, лл. 61—62.

роны их соблюдении». По его мнению, эти князья «не признают турков своими властелинами, законам их не повинуются и их не слушают».¹ Еще раньше, в 1793 г., Арслан-Гирей писал кошевому атаману Черноморского войска Чепеге, чтобы «позволительно было купечеству людям нашей стороны переезжать в российские места для торгового промысла, а из россиян в наши места, да позволено бы нам брать соль». Он просил кошевого ходатайствовать об этом перед русскими правительственными властями.² Подданные же хатукайского князя просили позволения перейти со всем их имуществом на войсковую землю «для всегдашнего тут жительства, но князь и мурзы вопреки сему требуют, чтобы подданных их на землю войсковую ради жительства не принимать».³ Однако в целях сохранения мира и нежелания обострять отношения с Турцией, П. Зубов предлагал черноморскому войсковому правительству объяснить горским владельцам, что российское правительство во внутренние их дела вмешиваться не может, но, «внушив им, что спокойное пребывание их в настоящих местах, сохранение на границах тишины и воздержание подвластных им народов от хищничеств и беспорядков будет столько же благоугодно ... как бы и принесение самой присяги».⁴ Екатерина II одобрила действия Зубова и разрешила пользоваться черноморскими войсковыми землями для выпасов.⁵ Это положение было подтверждено 3 декабря 1796 г. и Павлом I.⁶

Отказ русских властей принять указанных князей под свое подданство, видимо, имел основание, так как анапский паша Сеид Мустафа писал Чепеге, что бжедухи, «имея дружбу с черноморскими казаками, видно, прибегли к ним под защиту... и соединясь казаки с бжедухами, напали на шапсугов, учинили чрезвычайное происшествие...»⁷ Турецкая сторона обвиняла русские власти в нарушении принятых ранее условий мирного договора. Она стремилась при этом показать существующее якобы сличество закубанских народов в борьбе против России и не допустить любой возможности установления добрососедских и мирных отношений между ними и русскими.

Между тем желание части горского населения перейти на сторону России было настолько сильным, что принимало в от-

¹ ГАКК, ф. 249, св. 30, д. 248, л. 58.

² Там же, л. 16.

³ Там же, л. 63.

⁴ Там же, л. 64.

⁵ Там же, л. 60.

⁶ Там же, л. 154.

⁷ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 365, л. 57.

дельных случаях массовый характер. В рапорте черноморского войскового правительства новороссийскому генерал-губернатору Бердяеву от 10 июня 1797 г. сообщалось, что ряд закубанских князей из числа черкес, притесняемых за давние симпатии к русским в числе 2000 дворов их подвластных, просят навсегда перейти под покровительство России, на российскую землю. В своем письме они сообщали, что если Россия «на жительство к себе добровольно не примет, то мы более не имея себе защиты и покровительства будем через реку Кубань к вам на землю переправляться и без позволения начальства, а вы с нами, что хотите, то и делайте, пущай мы под Россию и помрем, только враги наши с нас не посмеются ...так что и к спасению себя с нашими людьми другого средства, кроме уходить под защиту России не имеем».¹

В конце 90-х годов XVIII в. местное командование русских войск доносило генералу Гудовичу, командовавшему в то время войсками на Кавказе, что «закубанские народы, кроме бесленевцев, никакого намерения, зловерного России, не имеют, а особливо живущие против Усть-Лабинской и Кавказской крепостей владетельные князья Темиргойский, Антихойский, Наурузовский и Махашевский имеют к России приверженность и не имеют никакого согласия к стороне турецкой, а желают быть под покровительством России в верности своей навсегда».² Историк черноморского казачества П. П. Короленко отмечал также, что «хатукайцы просили позволения перейти со всем их имуществом на русскую землю, но владельцы их на это не соглашались».³

Определенное тяготение к России имело и мелкое горское дворянство, постоянно находившееся под страхом подчинения местным князьям. Неустойчивость политического и экономического положения, опасность потерять и без того небольшое количество крепостных крестьян и землю толкали многих из них под защиту русского правительства. К тому же служба в русской армии и оказание некоторых услуг правительству еще больше закрепляли их социальные права.

К началу XIX в. на предкавказских землях, принадлежавших России, уже проживало немалое число горских дворян, выходцев из Дагестана, Кабарды, Осетии, Закубанья и др. районов. Переходы дворян на русскую сторону были весьма распространенным явлением в последующий период. Число перешедших на

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 30, д. 248, л. 166.

² АКАК, т. III, стр. 628.

³ П. П. Короленко. Черноморцы, стр. 94.

сторону России горских дворян было бы, несомненно, значительно большим, если бы не опасение разорения их хозяйства своими соотечественниками — сторонниками протурецкой ориентации.

Несмотря на это, примеров перехода дворян было много. В 1798 г. на русскую сторону переправился черкесский дворянин Шостак-Али с семейством и подданными своими в числе 49 человек.¹ В 1803 г. просил разрешения переселиться на земли черноморского казачества кубанский владелец Алпас. В том же году из-за Кубани переселились 551 д. об. п. ногайцев, из которых 214 переселилось в Таврию, на Молочные Воды, а остальные обосновались в Черномории, которых местные власти не прочь были зачислить в казаки.² В 1804 г. заявил о желании перейти на русскую сторону закубанский владелец Магмет-Гирей Султан. Высшее начальство не возражало дать такое разрешение, если сам владелец «согласит своих подданных, равно и других, кто пожелает перейти в Россию», поселиться в Крыму или на Молочных Реках с их единоверцами.³ Стремление правительства переселять горских дворян подальше от непосредственных границ в известной мере сдерживало их переход на сторону России.

Желание кавказских народов присоединиться к России было связано с опасностью стать жертвой грабежа и разбоя со стороны турецких, крымских и персидских захватчиков. События последней четверти XVIII в. явно показывали, что основная часть горских народов, особенно в восточной и центральной части Северного Кавказа, неоднократно заявляла о своем желании присоединиться к России. Это относилось к Кабарде, Дагестану, части закубанских народов.

Идея присоединения к России в это время нашла среди кавказских княжеств, ханств, «вольных обществ», отдельных владельцев и целых народов благоприятную почву. Только к концу XVIII в. в Дагестане к России присоединились шамхальство Тарковское, умцийство Кайтага, Табасаран, Дербентское, Кюринское, Бакинское, Кубинское, Ширванское, Талышское ханства и многие «вольные» общества.⁴

В состав России вошли Кабарда и фактически находившиеся в ее зависимости Осетия, Карачай, Балкария и др.

Еще в 1788 г. они передали генералу Текелли прошение карачаевского общества, в котором объявляли себя «зависимыми

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, св. 51, л. 383, л. 3.

² ЦГАИЛ, ф. 1263, оп. 45, д. 20, л. 87.

³ ГАКК, ф. 249, оп. 1, св. 72, д. 477, л. 4.

⁴ Очерки истории Дагестана, т. 1, 1957, стр. 182.

Российской империи» и настоятельно просили «приказать кабардинским владельцам, чтобы поступали они ...по обычаям наших предков» и не причиняли им вред.¹ Признание зависимости от России народов, которые не имели непосредственных границ с ее землями и затертых в глубине Кавказских гор, является свидетельством большой активности к такому объединению среди кавказских народов.

Несомненно одно, что тенденция к воссоединению с Россией у кавказских народов была значительно сильнее тенденции к объединению с Турцией, Крымом или Ираном, несмотря на бешеную антирусскую агитацию многочисленных иностранных эмиссаров и агентов мусульманского духовенства. И если вообще можно говорить о такой тенденции объединения с противниками России, то она исходила от исключительно узкого круга горской верхушки, фанатического духовенства.

Народные массы не разделяли и не могли разделять этого мнения: интересы Турции, Ирана и Крыма им были чужды. Эти страны несли кавказским народам голод, порабощение и физическое уничтожение. Правительства и правители этих стран были их врагами.

В исключительно сложной обстановке антирусские выступления народных масс носили временный характер и были направлены прежде всего против жестокости и несправедливости колонизаторских методов царизма, ничего не имевшими общего с интересами и стремлениями самого русского народа. И уж, конечно, народы Кавказа, испытывавшие на своих плечах многовековое иго насильников Востока, сопротивлялись всякой мысли и практике объединения с ними, несмотря на все понуждения со стороны отдельных феодалов и духовенства.

В этих условиях зависимое положение от иноверной России, хотя она была страной царей и помещиков, было намного легче рабского положения, создаваемого в завоеванных землях единоверными насильниками — турецко-крымскими и персидскими захватчиками.

Побеги горцев на русскую сторону продолжались и в первой половине XIX в., когда политическая обстановка на Северном Кавказе, в связи с разразившейся Кавказской войной, особенно обострилась и достигла наивысшего накала. Они по-прежнему серьезно беспокоили их владельцев. Местная администрация и петербургские власти получили и многочисленные жалобы на

¹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, св. 120, д. 481, л. 44.

побеги крестьян. В 1806 г., например, кабардинские владельцы просили возвратить бежавших на российскую сторону подвластных холопов, которые «под предлогом, якобы от притеснения от работ, чиня туда бегство, принимают христианскую веру. Хотя мы таковой религии и не мешаем, однако они должны служить нам так, как своим помещикам, а ежели им исполнить сего невозможно, то просили таковых, воспринявших веру, продавать христианам».¹

Не меньшую тревогу вызывал у кабардинских князей переход на сторону России находившихся ранее в зависимости от них мелких племен. Так, они требовали в начале XIX в. у русской администрации возвратить им абазинцев и других горцев, бывших у них «с давних времен в подданстве, а ныне вспомошествованием России ...отложившихся».²

Долгое время абазинские аулы Клычева, Кячева и Дударукова платили дань кабардинским владельцам Атажукиным, Биберовым, что же касается Лоовых, то одни из них платили дань Джембулатовым, другие — Мисостовым.³ В марте 1837 г. генерал Вильяминов писал, что со времени покорения Кабарды князья Атажукины не имеют никакого влияния на чеченский народ, бывший прежде в их зависимости. Освободилась от зависимости Кабарды значительная часть осетин, хотя по-прежнему в 1834 г. платили еще карачаевцы, балкарцы и другие племена.⁴

Стремясь удержать за собой народы, которые принесли присягу на верность России, русское командование старалось оградить их от нападений со стороны других. Так, в сентябре 1840 г., когда жители вольной Сванетии заявили о своей покорности, генерал Головин, бывший тогда командующим войсками на Кавказе, предупредил о строгой ответственности «жителей Северной стороны», притеснявших своих как «за обиду прочих русских подданных».⁵

В феврале 1818 г. шамхал Тарковский просил командующего войсками на Линии генерала Дельпоццо возвратить ему одного холопа с 4 детьми, бежавшего на русскую сторону.⁶

Отдельные кабардинские владельцы, бежавшие от власти русской администрации, боясь потерять своих крестьян, насильно

¹ АКАК, т. III, стр. 664.

² Там же.

³ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 1036, л. 10.

⁴ ЦГА КБ АССР, ф. 1, оп. 1, д. 49, л. 21.

⁵ «Кавказ», 15 декабря 1850 г.

⁶ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 84.

уводили их с собой или продавали другим владельцам. Из этого числа крестьян больше всего совершалось побегов.¹ Из них в 20-х годах XIX в. стал создаваться Вольный аул.²

В декабре 1831 г. кабардинский временный суд требовал от русского командования возвратить узденю Захохову его холопа Мету Тхепшева, бежавшего в Моздок, в противном случае «и другие холопья, пользуясь сим примером, желая избавиться от рабства, будут бегать из Кабарды от господ своих, а через что князья и узденья кабардинские несправедливо должны будут лишиться рабов своих».³

Переход под покровительство России отдельных горских владельцев, таким образом, был связан прежде всего со стремлением сохранить и упрочить свои феодальные права на подвластные им народы. В лице царизма они находили надежного защитника своих интересов и рассчитывали на то, что русская администрация заставит их силой оставаться за ними.⁴ В 1831 г., например, кабардинские князья Асламбек Бесланов и Измаил Касаев, находившиеся в бегах за Кубанью, просили генерала Емануеля, чтобы их вражда была «совершенно предана забвению». Они обещали собраться «во одно место на жительство», но просили, прежде всего, немедленно возвратить им всех холопов, которые бежали от них, «тогда все кабардинцы без изъятия исполняют наши приказания».⁵ Не случайно в 1850 г. адмирал Серебряков, командовавший в то время Черноморской линией, отмечал частые «выбеги крестьян», что заставило дворян «преклонить перед нами выю».⁶

Русское правительство в вопросах взаимоотношений и споров между отдельными владельцами и целыми народами пользовалось положением арбитра. При этом оно строго придерживалось своей основной линии — подчинение народов Кавказа своей власти.

В феврале 1822 г. в период широкого восстания в Кабарде, в прокламациях генерала Ермолова указывалось, что все те рабы, «кои прежде беглых владельцев выйдут из гор, или из-за Кубани в Российские границы, получают вольность».⁷ Это сильно подействовало «на угнетенную кабардинскую чернь, что беглецы-

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 8, л. 8.

² ЦГА КБ АССР, ф. 1, оп. 1, д. 31, л. 212.

³ ЦГА КБ АССР, т. II, д. 17, л. 194.

⁴ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 178, л. 9.

⁵ ЦГИА, Гр. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 73, л. 8.

⁶ ГАКК, ф. 260, оп. 2, д. 21, л. 4.

⁷ АКАК. т. VII, стр. 867.

владельцы были в опасности лишиться всех своих крестьян». Только в тот год из Кабарды на русскую сторону бежало до 500 душ,¹ из которых 320 были поселены в так называемом Вольном ауле при укреплении Нальчикском,² а другие разъехались по своему желанию в различные аулы.

Все попытки запугать крестьян прежними владельцами и заставить их вернуться вновь к ним не дали никаких результатов. Даже зачисление в казаки было «во всех отношениях предпочтительнее для них прежнего рабства».³

Однако царское правительство и местные власти по-прежнему использовали тяготение простого народа к России не с целью ослабления его эксплуатации и улучшения положения, а с целью удержания отдельных феодалов от антирусских выступлений. Уже в прокламации от 26 июня 1822 г. тот же Ермолов гарантировал кабардинским владельцам, вернувшимся с гор, неприкосновенность их земель и прочей собственности, достоинства и званий, а также сохранения их прав над подвластными, запрещая им лишь лишать рабов жизни.

Побеги крестьян от своих владельцев продолжались даже в период массовых антирусских выступлений и большого недорода и голода в русских районах Предкавказья в 1833 г. Начальник 22-й пехотной дивизии генерал Фролов доносил командующему войсками Вильяминову, что многие кабардинские крестьяне бегут на русскую сторону. От кабардинского владельца Магомета Жиренкова, например, в этот год бежали к русским крепостной Мисост Алиев с братом Фицем и племянником Мицико Каплановым и просили поселить их в станице Бабуковской.

Русским властям беглецы объявили, «что многие желают бежать от господ своих и быть преданными России»,⁴ но опасаются того, что по прибытии на Кубань будут задержаны приставами, чем воспользуются владельцы для возвращения их на прежние места жительства и притеснения оставшихся родственников.⁵

Русская администрация нередко военной силой заставляла горских крестьян следовать за своими владельцами. Так, например, когда абазинские крестьяне отказались следовать в 1842 г. за своими князьями Лоовыми при переходе их с Кумы на Ку-

¹ АКАК, т. VII, стр. 867.

² Там же.

³ См.: История Кабарды. М., 1957, стр. 83.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 163, л. 15.

⁵ Там же.

бань, в район Хумаринского укрепления, то русская администрация по просьбе владельцев применила силу и заставила крестьян переселиться к месту нового их жительства.¹

Колонизаторские методы царизма по отношению к горцам, разорительные походы в горы, уничтожение аулов, угон скота и пр., естественно, вызывали частые ответные нападения их на русские укрепления, казачьи станицы, крестьянские села и многочисленные хутора. Это затягивало и осложняло процесс соединения кавказских народов с русским населением на многие десятилетия.

Отдельные горцы, издавна связанные с русскими, прилагали немалые усилия, чтобы предотвратить своих соплеменников от нападений на русские селения и укрепления, чем вызывали у них неприязнь и нареkanie как «изменников их отечества», постоянные угрозы разорения и строгого за ними наблюдения. Мирные горцы нередко вынуждены были следовать вместе с немирными в горы, чтобы не подвергнуться жестокостям расправы.²

Война и ненависть друг к другу чужды простому народу, к какой бы национальности они ни принадлежали. И поэтому между простыми тружениками России и Северного Кавказа было гораздо больше точек соприкосновения в мирном труде, чем в делах войны. При тогдашних политических условиях было, конечно, много препятствий на пути осуществления этих общений, так как представители господствующих классов обеих сторон, иностранное вмешательство и религиозный мусульманский фанатизм надолго оттянули дело объединения народов. Однако эти силы не могли навсегда ликвидировать взаимного понимания, необходимости общения кавказских народов с великим русским народом.

В присоединении кавказских народов к России царизм использовал антинародные методы, да и другого ждть от него было невозможно. Несмотря на это, присоединение объективно имело колоссальное значение, так как создалась практическая возможность постепенного их сближения в условиях мирного совместного труда в различных сферах хозяйственной и культурной жизни. Других путей к объединению фактически в то время не было.

Отказ России от своих интересов на Кавказе или замедление в их разрешении, несомненно, привело бы к тому, что кавказские народы попали бы под власть Турции, Ирана или западных

¹ Народы Карачаево-Черкесии. Ставрополь. 1957, стр. 93.

² ГАКК, ф. 260, д. 653, л. 205.

государств — Англии или Франции, власть которых для местного населения Северного Кавказа была бы во много раз тяжелее и опаснее, чем зависимое положение от России. Сохранить же самостоятельность в условиях дробности, разобщенности народов Северного Кавказа, отсталости их хозяйства в то время было невозможно. Это особенно касалось малых народов, таких как балкарцы, карачаевцы, ингуши и др., которые не могли отстоять самостоятельность не только от внешнеполитических врагов, но и от соседних владельцев, например, от кабардинских князей.

Перспективы дружественных отношений между русским и кавказским народами были прогрессивными и многообещающими. Практика совместной деятельности и дальнейшего развития подтвердила правильность этого положения. Даже тяжелые годы длительной Кавказской войны, со всеми ее последствиями, не могли заглушить тенденцию к объединению народов, и как только затихали военные сражения, наступало время поисков общения народов между собой, развития торговли и совместной хозяйственной деятельности. Даже в самые напряженные годы войны стремление к объединению было значительно больше, чем стремление к разрушению, уничтожению людей, производительных сил и пр.

В отдельные периоды войны кавказские народы требовали и добивались от своих владельцев заключения мира, принятия присяги русскому правительству, хотя бы и на определенное время. Так, в августе 1828 г. шапсуги, абадзехи и другие народы в числе тысячи человек на своем совете решили просить русское правительство принять от них присягу на верность и аманатов, хотя бы на некоторое время, до разрешения взаимных отношений с турецкими властями просили разрешить свободную мену на соль их товаров и обещали предотвращать всякие нападения на русских.¹

Турецкие власти всячески противились общению горцев с русскими. В целях привлечения горцев для борьбы с «неверными» сторонники Турции в 1828 г. разослали мулл, дворян и почетных стариков к соседним народам для организации нападения на русские укрепления в нескольких местах. За это обещались от имени султана большие подарки.² Однако и в это время, когда шла уже война России с Турцией, делалось немало попыток отдельными черкесскими племенами сохранить мирные

¹ ГАКК, ф. 249, д. 975, л. 348, 358.

² Там же, лл. 116, 131.

отношения с русскими. Такие попытки заключения мира были сделаны совокупно со стороны шапсугов и натухайцев.¹ Еще накануне войны многие закубанцы из числа «черни», абадзехов и хамышйцев «делали между собою соглашение насчет дружественных связей» по отношению к России.²

На русскую сторону переходили черкесы всех племен и разные люди, в том числе и турки, попавшие в плен к черкесам при различных условиях. Так, например, подданный Турции Куба, турок по происхождению, вел торговлю товаром с горами. На обратном пути с Кавказа судно его затонуло и он вместе с 6 своими людьми был выброшен к шапсугским берегам, где попал в плен. Несколько раз перепродавался из рук в руки и, наконец, бежал на русскую сторону. Почти все бежавшие селились в аулах Ады или Гривенском.³

Среди русского казачьего населения селились не только отдельные семьи, но возникали и целые аулы. Так, в Черноморском войске были созданы два аула: Гривенский (в Екатеринодарском округе) и Ады (в Таманском округе). В первом из них в 1830 г. жили черкесы в числе 293 д. об. п., а во втором — татары — в числе 428 д. об. п.⁴ Все они занимались хлебопашеством и скотоводством.⁵

В Кабарде в районе Нальчика возник Вольный аул.⁶ Подобный аул позже возник и на Кубани.⁷ На Кавказской линии возникла станица Бабуковская, состоящая в основе своей из кабардинцев и других горских народов.⁸

Россия, несмотря на то, что правили ею царь и помещики, давала горским народам определенную возможность для занятия мирными хозяйственными делами, восстановления разрушенных длительной войной производительных сил и сохранения независимости от власти соседних, более сильных князей. Даже условия подчинения отдельных народов после их разгрома предусматривали не только политическую покорность, но и некоторые меры в развитии хозяйственной жизни и торговли. Так, после подчинения карачаевцев в 1828 г. предусматривалось, на-

¹ ГАКК, ф. 249, д. 975, л. 400.

² Там же, лл. 17, 24.

³ ГАКК, ф. 318, д. 94, л. 2.

⁴ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1130, лл. 3—4.

⁵ Там же.

⁶ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 299, л. 1; ф. 1, оп. 1, д. 31, л. 212.

⁷ П. Короленко. Записки о черкесах, стр. 356.

⁸ И. Бантковский. Бабуковцы. «Ставропольские губернские ведомости», 1879, № 50, 51.

пример, открытие менового двора в ауле Хахандуковском на реке Куме.¹ Они «могли получить там соль, железо, товар и хлеб и были бы пропускаемы в пределы России по своим надобностям».² Карачаевское общество обещало не пропускать через свои земли и не принимать враждебных России партий и особенно беглых кабардинцев и тем самым создавало для себя более нормальные условия развития. Русские войска сразу же выводились из Карачая. Управление фактически для них было самостоятельным с подчинением приставу.³

В 1834 году капитан Шаховский, перешедший перевал из Сванетии в Карачай в момент, когда карачаевцы стали под влиянием противников России проявлять колебания, сумел «сплотить карачаевцев к возобновлению присяги на верноподданничество» государю императору, что означало практически сохранение мира.

Переход на русскую сторону владельцев и простого народа Северного Кавказа особенно был значительным во время победы русских войск над Турцией. Для многих горцев становилось все более очевидным, что нахождение под русской зависимостью дает возможность не только сохранения жизни, но возможность ведения в более спокойных условиях своего хозяйства.

Переход на сторону России и подчинение ей отдельных народов и князей особенно усилились в конце 20-х и начале 30-х гг. Только за время второй половины 1827—начала 1829 гг. присягу приняли 513 деревень с 43 336 семьями (203 565 д. об. п.).⁵

Из перечневой ведомости о приведении в покорность горских народов, «обитающих за чертою Кавказской линии, начиная от Черного и до Каспийского морей» видно, что за сравнительно короткое время приняли присягу аварский владетель (279 деревень, 31 005 семейств), балкарцы (6 деревень, 658 семейств), дигорские старшины (7 деревень, 600 семейств), карачаевцы, значительное число чеченцев, ногайцев и др.⁶ В 1830 г. была окончательно присоединена к России Осетия.⁷

Характеризуя положение дел на Северном Кавказе в этот

¹ ЦГИА, Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 162, лл. 4, 14.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6231, лл. 125—126.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 162, л. 14.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18505, лл. 17—19.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6244, лл. 30—32 об.

⁶ ГАСК, ф. 79, д. 959, лл. 2—5.

⁷ М. С. Тотоев. Некоторые вопросы из истории Осетии XIX в. Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XIII, вып. 1, Дзауджикау, 1948, стр. 3—10.

период, П. Г. Голицын в 1828 г. писал: «Аварцы — народ сильный и воинственный, убежденный дружелюбным и мировым обращением русских и настояниями генерала Емануеля, принял присягу на верноподданство... Ханство Аварское заключало в себе 279 аулов, в коих считается 31 005 семейств, т. е. более 100 тыс. жителей. Равным образом, в начале лета, убедясь в такой же истине, явились с покорностью некоторые из закубанских народов, как-то: натукайцы, хамышейцы, темиргойцы, керкинейцы и разных племен закубанские ногайцы, всех более 19 000 душ».¹

На 1 января 1831 г. в числе «покорных» деревень чеченцев, кумыков, ногайцев, салатовцев, ауховцев и лезгин было 230 с 18 507 дворами.²

Многие из народов Северного Кавказа не принимали активного участия в Кавказской войне, уклонялись от понуждений выступать против России.

Останавливаясь на отношении карачаевцев к России, местное начальство в то время в одном из донесений в Петербург сообщало, что они после их покорения в 1828 г. «остаются нам преданными и, пользуясь выгодами спокойного своего быта, весьма неохотно смотрят на всех возмутителей...»³

Одной из главных причин, по которой карачаевцы желают спокойствия, служит еще и то, что, имея много табунов, как и рогатого скота, выгоняют их большей частью, в особенности на зиму, по южную сторону урочища Бычесына и Кумбаши.⁴

В последующих событиях развернувшейся Кавказской войны многие из принявших присягу переходили в разряд немирных, по несколько раз переходили с одной стороны на другую. Несмотря на неустойчивость положения, было немало примеров, свидетельствовавших о стремлении горцев соединиться с русским народом, выйти из состояния постоянной войны и княжеских междоусобиц.

Из ведомости «покорных» народов России, живущих на северной покатости Кавказских гор, составленной правительственными властями в 1831 г., видно, что власти разделяли эти народы на тех, которые не могут пользоваться доверием в войне против других народов, и тех, которые таким доверием могут

¹ Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля, соч. князем П. Б. Голицыным, СПб, 1851, стр. 76—77.

² ЦГИА, Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 134, лл. 6—11.

³ ЦГИА, Гр. ССР, оп. 6, д. 253, лл. 28—29.

⁴ Там же.

пользоваться. Интересно отметить, что, например, кумыков находили возможным «употреблять с пользою против чеченцев, но не более одного месяца...»¹

Такая же характеристика была дана чеченцам, живущим на Тереке и за Сунжей. Воинственных брагунцев, которых «вдаль никуда брать нельзя, но напротив своих соседей, чеченцев, по вражде между ними издавна имеющейся, с большою пользою можно будет употребить только на короткое время».² По мнению русских властей, бесленеевцы могли также быть использованы против абазин, махашевцы — против абадзех, хатукаевцы и бжедухи — против абадзех и шапсугов. Считалось возможным «употребить» против чеченцев кабардинцев из Малой Кабарды, а из Большой Кабарды «в пределах Кавказской линии везде и на долгое время, так как они, князья и дворяне, не занимаются дома ничем».

Нельзя было использовать, по мнению местных властей, дигорцев, балкарцев, хуламцев, бизенгеевцев, урусбиевцев, карацаевцев, т. к. «они после всех народов в недрах гор живущих, военною рукою покорены, для них весьма чуждо покажется быть на войне с русскими против своих единоверцев».³ Из этих народов считалось возможным использовать только желающих охотников из числа старшин.⁴ Кавказская администрация, как видно, была хорошо осведомлена о взаимных отношениях между отдельными народами, использовала их внутренние противоречия в планах политических выгод и утверждения власти царизма.

Правительство царской России неоднократно принимало самые различные меры по ускорению подчинения горских народов, в том числе и переселение горцев в плоскостные районы. Это переселение производилось в 40-х годах XIX в. «с крайней осмотрительностью», с доведением до сведения царя в каждом отдельном случае. При этом предусматривалось, чтобы поселение проводилось позади русских линий, «ни в коем случае не было стеснительно для покорных аулов и проводилось не иначе как с согласия обществ» и чтобы, наконец, выходы «не поколебали спокойствия и покорности в мирных горах».⁵

Конечно, в этом решении мыслилось не только сохранение

¹ ЦГИА, Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 134, лл. 13—14.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, 348, л. 12, об. 13.

спокойствия, но и стремление привлечь на свою сторону большее число горцев. Правительственная администрация хотела показать себя в какой-то степени защитницей интересов местных народов, особенно тех из них, которых считала мирными.

В известной мере привлекательным в переходе на русскую сторону для горцев было и то, что в определенные, крайне неурожайные годы русские власти разрешали торговлю с мирными горцами хлебом, скупаемым у русского населения Предкавказья. В 1844 г. было разрешено, например, вести торговлю хлебом с абазинами и прикубанскими ногайцами. Учитывая, что «наймы в теперешнем своем положении для нас чрезвычайно полезны по разным случаям, решено было приобретать хлеб по вольным ценам и провозить через меновые дворы и в места их жительства».¹ Ногайцам разрешалось свободно покупать и вывозить хлеб.² В 1849 г., когда у тех же народов в связи с неурожаем в предыдущем, 1848 г., не было даже зерна на посев, местные власти решили дать им хлеб взаимнообразно для посева. Такое решение, конечно, было вызвано больше всего не желанием оказать помощь народу, находящемуся в бедственном положении, а скорее стремлением не допустить сближения ногайцев с за-лабинскими немирными горцами, у которых имелся хлеб.³

С целью привлечения горских владельцев на русскую сторону делались разрешения производить покосы и даже посевы в Черномории. Такое разрешение получил, например, закубанский князь Пшекуй в 1831 г.⁴ Другой закубанский владелец Ханук Каплан Черей в том же году просил позволения косить сено на правой стороне Кубани, для чего намерен был переправить 100 косарей.⁵ Разрешено было также для сбора жатвы переправить на русскую сторону скот «с соблюдением карантинных правил» киркинейцам-черкесам Кучуку Пшекую 35 человек, дворянам Берберды 70 и Хатазуку 20 человек.⁶ Хамышийский бей Пшемаф Таркаков просил также переправить в Киргизов Кут рога-того скота 60 голов, овец и коз — 300 и езжалых лошадей — 6 штук.⁷

↙ В апреле 1832 года черноморским войсковым начальством

¹ ЦГА КБ АССР, ф. 48, оп. 1, д. 14, лл. 2, 10.

² Там же.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 515, л. 1.

⁴ ГАКК, ф. 249, оп. 1, св. 178, д. 178, л. 9.

⁵ Там же, св. 188, д. 1152, л. 95.

⁶ Там же, л. 111.

⁷ Там же, л. 132.

было разрешено заниматься хлебопашеством в Берестовом Куте при Большом острове Хануку Каплану Черему. Приверженный России князь Пшекуй Бей «по неимению за Кубанью мест для пахоты земли под посев хлеба» просил отвести ему те же земли, что и в предыдущем году. Кроме того, он просил разрешения «для поправки на подножном корме» перевести на русскую сторону принадлежавший ему скот (волов и лошадей) как ему, так и его подвластным.¹ Количество дворян (уорков), имевших на правой стороне свои пашни и выпасы, было немало. Многие из них имели здесь свои хутора. И это происходило в то время, когда началось всеобщее выступление горцев против русских.²

Многие закубанские народы силой удерживались своими владельцами, в основе своей сторонниками Турции, от всякого сближения с Россией. В то же время горцы не раз обращались к русским властям разрешить им переселиться в русские границы, чтобы навсегда освободиться от власти своих князей и старшин. Так, в 1844 г. 4800 дворов горцев разных племен из-за Кубани, бежавших в свое время вместе со своими владельцами в горы или за Лабу, просили принять их под покровительство русского правительства и разрешить поселиться на землях между Лабою и Кубанью «с предоставлением им свободы от владельцев». Они предупреждали при этом, что есть все предположения о переходе их владельцев на сторону Гаджи Магомета — одного из организаторов антирусских выступлений.³ Как видно, горцы не проявляли желания переходить вместе со своими владельцами на сторону противников России.

Русское командование на Линии и в Черномории отмечало, что принятие этих крестьян заставило бы владельцев отказаться от мысли переходить на сторону Гаджи Магомета, так как они «существовать без крестьян не могут» и поэтому должны «лишиться средств существования», все это заставило бы их перейти на русскую сторону.⁴

Кавказская администрация, несмотря на принятое ранее правило не принимать сразу явившихся в подданство, а ждать разрешения высших кавказских и петербургских властей, приняло их, так как, по ее мнению, они «на первых порах переселением своим, может быть, и не принесут нам особенных выгод, но по

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, св. 201, д. 1256, лл. 10, 24.

² Жизнеописание... Емануеля, стр. 106.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 409, лл. 11—12.

⁴ Там же.

крайней мере уменьшат часть явно враждебных нам и владельцам, которые без оных не в состоянии будут содержать себя на настоящих местах жительства, может быть, теперь перейдут на нашу сторону, если дойдет до них сведение, что наше правительство принимает крестьян под свое покровительство».¹

К середине XIX в. количество переходов горцев на русскую сторону увеличивалось. В 1849 г. генерал Рашпиль доносил командующему войсками на Кавказской линии и Черномории Завадовскому, что 4320 дворов «непокорных» абадзехов заявили ему через своих представителей о желании перейти на русскую сторону и прекратить борьбу.²

Факт перехода столь большого количества трудового населения из числа различных племен Северо-Западного Кавказа было явлением не случайным. Оно диктовалось не только желанием их освободиться от власти ненавистных владельцев, но и навсегда выйти из состояния постоянной враждебности России, приступить к мирному труду. Если горцы рассчитывали таким путем освободиться от власти своих владельцев, то русское командование считало, что такой «переход действительно был бы самым полезнейшим делом, за крестьянами перешли бы к нам и владельцы».³

Действительно, боязнь потерять своих крепостных крестьян, как и прежде, заставляла многих владельцев отказываться от перехода на сторону противников России. Об этом свидетельствует такой факт. При заключении условий перехода на русскую сторону абадзехских старшин, живших между реками Писа и Псефир, предусматривалось возвращение им беглых крестьян, перешедших ранее на русскую сторону. В свою очередь, абадзехами дворяне обязывались возвращать властям русских беглых и пленных, перешедших на сторону горских народов.⁴ Такая классовая солидарность не могла, естественно, содействовать более широкому переходу горцев. Таким образом, социальные интересы господствующих классов обеих сторон были препятствием массовому переходу горского населения в пределы России и задержали окончание Кавказской войны.

Огромный ущерб дружбе между русскими и горскими народами наносило мусульманское духовенство. Оно стремилось направить все усилия народа против русских, хотя и приходилось

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 409, лл. 11—12.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 808, лл. 1—5.

³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 409, л. 12.

⁴ Там же, д. 446, лл. 1—4.

осуществлять это с немалыми усилиями. Среди основной массы мирного населения, особенно в западной и центральной части Северного Кавказа, еще сильно ощущалось влияние языческих верований и христианства.

Среди многих горцев бытовали остатки христианских обычаев: воздержание от мяса в большие весенние посты и от работы в воскресные дни, отправление элементов христианской обрядности. Многие прибрежные жители Большой Абхазии и абазины «исповедуют магометанский закон, о коем не имеют точного понятия, не зная грамоты и примешивая к тому остатки христианства с древними языческими суевериями».¹

Большую приверженность мусульманской религии проявляли князья и дворянская верхушка, т. к. она содействовала усилению эксплуатации и дальнейшего закабаления крепостных и подвластных. «В прочем простой народ менее предан своей вере,— отмечал историк Данилевский,— нежели князья и уздени, и при удобном случае, кажется, не усомнился бы обратиться к закону предков своих, но политика князей всегда старалась предупредить малейший к тому повод в опасении, чтобы российская власть не водворилась между их подданными посредством духовных сношений».²

Ничто так не содействовало распространению магометанства и отхода от христианства, как антинародные колониальные методы царизма на Кавказе и активность вмешательства Турции в распространении и утверждении ислама, особенно в XVIII и начале XIX в. Однако «ненависть, которую питают здесь к христианам, обнаруживается менее, чем в прочих местах Азии».³

Как известно, коран разбивает все население мира на две части — на правоверных и неправовверных. Маркс по этому поводу заявлял: «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный — это «харби», враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными».⁴

Деятельность мусульманского духовенства была антинародной. Она расчищала и подготавливала дорогу панисламизму,

¹ Кавказ и его горские жители. Составлено Данилевским. М., 1846, стр. 110.

² Там же, стр. 114.

³ Кавказ и его горские жители, стр. 119.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, изд. II, стр. 167.

против которого так решительно выступал В. И. Ленин. В 1920 г. в «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам» он указывал на «необходимость борьбы с панисламизмом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.». ¹

Мирные аулы и даже та часть населения, которая в какой-то степени проявляла симпатии к русским, подвергались со стороны протурецки настроенных элементов различного рода гонениям, грабежу, разорению хозяйства, продаже в рабство и прямым убийствам. Так, командующий Черноморской линией генерал Будберг 20 апреля 1846 г. сообщал, что «в прошлом (1845 г.) горцы вторично захватили преданные нам семейства и настоятельно требовали продажи их в неволю для примера другим». ² В 1828 г. жители четырех нутухайских аулов, расположенных против Варениковского укрепления, в числе 520 дворов «со всей готовностью желали быть верноподданными русскому правительству». Однако они не в силах были «противиться воле прочих дальних единоплеменников своих и шапсугов», которые отвергали всякую возможность влияния русских на своих соплеменников, «растравливали их всякими волнениями о будущей независимости», направляли против них партии хадежеретов, угрожали разорить, переселить в горы, «если осмеляться быть преданными». ³ Дело доходило до того, что по настоянию открытых и ярых противников России было принято решение «предать смерти всех, кто доставит к ним (горцам — С. Ч.) прокламацию или воззвание российского начальства». ⁴ Однако, как сообщал в 1849 г. генерал-майор Рашпиль, жители четырех аулов «решили презреть всеми опасностями, угрожающими им непокорными единоплеменниками их, быть отныне впредь вполне постоянно преданными нашему правительству, на таких условиях, какие угодно будет оному предложить». ⁵

В то же время было разорено много аулов, готовых вести переговоры о присоединении к России. Противники сближения с Россией потребовали, например, от жителей Пшады прекратить сношения и торговлю с укреплением Новотроицким. Однако

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 166.

² ГАКК, ф. 260, д. 650, л. 28.

³ Там же, оп. 2, д. 510, лл. 1—3.

⁴ Там же, оп. 5, д. 53, л. 113.

⁵ Там же, оп. 2, д. 510, лл. 1—3.

мирные жители, несмотря на все угрозы, вели сношения с русскими и торговлю не только с Новотроицким, но и с Новоросийским укреплениями.¹

В 1846 г. генерал Будберг сообщал командующему кавказским корпусом следующее: «Около 8 лет джубгские старшины постоянно следовали одной системе вражды против нас, употребляя всякие меры к прекращению сношений жителей с укреплениями и особенно торговли, которую вели они сами, доставая товары с контрабандных судов. Обманывая народ с уверением в своей силе у турецкого правительства и поданием надежды на самую скорую помощь от турок. Они избрали своим оружием религию, напоминая, что коран запрещает правоверным искать дружбы гяуров. Ежегодно, при всяких удобных случаях, они приводили народ к присяге, чтобы неумоимо враждовать против нас, а в последнее время употребляли насильственные средства для достижения своих целей. Принимая враждебное против нас положение, они имеют в виду две цели: увеличение власти своей над народом и собственной торговой интерес». ² Следует отметить, что продажа более дешевых русских товаров, чем контрабандных турецких, увеличивала число сторонников дружеских отношений с русскими. Но очень часто они уступали партии сторонников Турции,³ имевшей в своем арсенале все средства устрашения. Однако протурецки настроенные элементы вынуждены были все больше и больше отступать перед силой растущего сопротивления местного населения.

Число сторонников России, несмотря на непрекращающиеся военные действия, становилось все больше. Среди убухов, например, в середине 40-х годов большим авторитетом пользовался некий Хаджи-Берзек, который, отъезжая в Мекку, говорил приставу: «Я враждовал почти всю жизнь свою против русских и только при конце ее я убедился, что сделал ошибку. Еду умирать в Мекку и буду завещать детям своим усердно служить русским и быть в рядах их хорошими офицерами». ⁴

Особенно много было желавших перейти на русскую сторону во время неурожая, в голодные годы. В 1845 г. среди убухов и шапсугов распространился сильный голод. «Голодные толпы,— говорилось в одном из донесений,— приходящие на мостовые площади, находят сострадание в русских солдатах, которых уми-

¹ ГАКК, ф. 260, д. 650, л. 34.

² ГАКК, ф. 260, д. 650, лл. 121—122.

³ Там же.

⁴ ГАКК, ф. 260, д. 650, л. 29-а.

лительнейшая черта человеколюбия обнаруживается здесь по всей силе и к населению враждебному».¹ Понятно, что большое количество горцев, желавших перейти под покровительство русских в это время, вызывалось голодом, и даже сами власти не обольщались успехами в привлечении на свою сторону горцев.²

Таким образом, несмотря на активность военных действий, росло общение горских народов с русским. «На базаре у стен Анапской крепости горцы везде бродили между русскими, как русские мужики».³ Будберг в своем донесении 14 июня 1846 г. сообщал, что дела с горцами «вообще благополучны». Меновая торговля активно проводилась во всех укреплениях. В Навагинском укреплении, например, ежедневно бывало на меновой площади до 150 человек. Даже прежде враждебно настроенные горцы из семейства Казы «изъявили теперь покорность правительству».⁴ Спустя некоторое время, 30 июля 1846 г. закубанские черкесы, непосредственно граничащие с русскими землями в большинстве своем в середине XIX в., считали себя подданными России, среди них было 5 адемейских аулов (650 д. об. п.), часть хатукайцев (150 д. об. п.), бжедухи (черченейцы) — 29 аулов (12 тыс. д. об. п.), хамышейцы (1800 д. об. п.) и др.⁵ Все они занимались хлебопашеством и скотоводством, вступали в торговые отношения с русскими селениями и станицами, находились под управлением своих князей, которые в зависимости от политической обстановки склонялись то на сторону открыто враждебных России племен, то на сторону русских. Особенно часто проявляли «сомнительную преданность» темиргоевские князья. «Простой народ лучше оценил покровительство и защиту русских...».⁶ То же отмечалось и в обзоре положения чеченцев, ингушей, осетин и др. народов, старшины которых до некоторой степени повинуются и показывают вид наружного расположения, но не имеют чувств усердия и искренней преданности, а по своему наклонному характеру к своеволию и буйству питают к нам тайную ненависть... Простой же народ повинуетя правительству, исполняет его приказания и требования по разным делам, участвует против непокорных народов, предоставляет подводы,

¹ ГАКК, ф. 260, д. 650, лл. 30—31.

² Там же.

³ А. В. Фадеев. Основные этапы в развитии русско-кавказских связей. Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, серия историческая, т. XVII, 1960, стр. 63.

⁴ ГАКК, ф. 260, д. 650, л. 25, об.

⁵ «Кавказ», 1859, № 96.

⁶ Там же.

многие из них (карабулаки, галгаевцы, кистинцы и др.) платят подати в казну (всего 2821 двор) по 1—1,5 руб. со двора.¹

Правительственные власти часто допускали грубости и ошибки во взаимоотношениях с горскими народами, чем отталкивали их, нанося делу сближения народов непоправимый вред. С другой стороны, отдельные горские князья переходили с одной стороны на другую по несколько раз. В конечном итоге от этого страдали крестьяне, которые теряли и без того слабое хозяйственное обзаведение, подвергая себя постоянной угрозе голода и смерти. Примером таких переходов служило поведение темиргоевского князя Карбека Балотукова, который 18 ноября 1851 г. с 3 своими аулами подвластных, по сообщению начальника правого фланга Кавказской линии генерала Евдокимова, «окончательно покорился российскому правительству и перешел на правую сторону реки Лабы»,² а по сообщению от 5 октября 1853 г. того же Евдокимова, Карбек Балотуков, поселенный у станицы Тифлисской, «по неизвестной причине подговорил до 20 семейств подвластных ему одноплеменников и в ночь с 1 на 2 октября снова бежал за Лабу».³ Такие переходы также осложняли объединение народов.

Общее число переходящих на русскую сторону горцев, однако, росло. В 1854 году жители аула Шумай Зежужук Тамук и Хаджимаф Тлеш ок «удалились из своего жительствова с тем предположением, чтобы в горы ни в какое время не возвращаться... всегда быть под защитою русского правительства и находиться в том самом месте, где будет угодно началству с несением служебных обязанностей, но с тем условием, чтобы там жили соплеменники. В противном случае «под защитой русского правительства быть не желаем».⁴ В 1855 г. на русскую сторону переселился князь Каспот Коноков с 40 дворами и поселился на жительство в укр. Каладжинском.⁵

Правительство рассчитывало, как известно, селить добровольно выходящих горцев на землях Войска Донского и даже на основании Указа от 16 декабря 1840 г.⁶ выдавало им на устройство в небольших суммах деньги частью безвозвратно (54 р. 50 к. ассигн.), а частью без процентов на четыре года

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 218, лл. 21—22.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 1080, оп. 3, д. 380, л. 5.

³ Там же.

⁴ ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 1723, л. 22.

⁵ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 2, д. 560, л. 20.

⁶ ВПСЗ, т. XV, № 14053; ГАКК, ф. 260, д. 127, л. 4.

(125 руб. ассигн.). Однако число таких переселенцев было незначительным и вся затея переселять горцев подальше от их родины провалилась и также не могла содействовать объединению народов.

Длительная и ожесточенная война надолго задержала экономическое и культурное развитие горских народов Северного Кавказа и усугубила их историческую отсталость. Военные действия и «экзекуции», проводимые царскими военачальниками, сопровождались заревами пожаров, а репрессии со стороны протурецки настроенных князей по отношению к «мирным горцам» часто вели к полному разрушению производительных сил и опустошению целых районов.

Между тем, помимо антинародных методов царизма и вопреки воле и желанию мусульманского духовенства и феодальных верхов, ориентирующихся на Турцию, сближение горцев с русским населением шло и развивалось. Знакомство с жизнью и хозяйствованием, обычаями русского населения содействовало созданию новых взаимоотношений.

Горцы все чаще стали обращаться к русской власти за необходимыми орудиями производства и многими товарами, в которых у них ощущался острый недостаток. Этому содействовали и местные кавказские власти, имея целью ускорять покорение народов. Кавказский наместник Воронцов дал разрешение выдавать орудия земледельческого труда «в виде наград за преданность и позволять покупать в Анапе и Новороссийске и то известным тоже преданностью и добрым образом мыслей». В 1850 г. командующий участка Черноморской береговой линии вице-адмирал Серебряков писал: «Теперь год в начале, а уже 120 хозяев завелись плугами, косами-горбушами и топорами. Рало всколотит землю, затупит нож разбоя и шашка сточится в избыток. Но это все со временем: начало есть. Польза труда превозможет добычу, а пример — всему учитель».¹

Сближение горцев с русскими и знакомство с их обычаями и экономикой создавали новые условия в их взаимоотношениях. «Недовольные своими юристами — муллами и эфендиями, определяющими ценою приношения значение корана, стали, забыв свой хаос, обращаться к нам для разбора своих тяжб, ссор, взаимных неудовольствий и даже недоразумений в доме. Случалось выслушивать жалобы отца на непочтительных детей, жены на мужа, брата на брата, а решать их, сказать по совести, к взаим-

¹ ГАКК, ф. 260, оп. 2, д. 21, лл. 2—5.

ному примирению и удовольствию той и другой стороны». Случалось судить владельца с рабом.¹

Таким образом, по мере развития взаимоотношений горских народов с русским казачьим и крестьянским населением, тенденция к объединению их росла, несмотря на все еще многочисленные препятствия и длительную Кавказскую войну.

Между горцами и русскими поселенцами — казаками и крестьянами устанавливались тысячи невидимых связей дружбы и уважения друг к другу. Примеров бескорыстной помощи горцев и русских в процессе их общения было огромное число. Когда, например, в 1844 г. среди ногайцев и калмыков началась натуральная оспа, многие русские крестьяне брали больных и выхаживали их. В имении помещика Реброва было помещено 34 больных, за которыми ухаживала крестьянка Марфа Иванова. Из них 25 человек выздоровело.²

Всем хорошо было известно высокое гостеприимство горцев. Еще цебельдинский пристав в 1846 г. отмечал, например, «что каждый горец скорее лишится жизни, чем выдаст своего гостя».³ Не удивительно поэтому, что среди горцев находили приют многочисленные русские солдаты, для которых побеги на сторону горцев были своего рода спасением от издевательств офицеров, жестокой муштры и палочной дисциплины.⁴

За время длительной Кавказской войны было немало примеров не только захватов в плен русских солдат и казаков, но и добровольных переходов на сторону противника. Это вызывалось главным образом невероятной тяжестью службы в царской армии с бесконечными наказаниями, издевательством со стороны дворян-офицеров, чиновников.

Нередко встречались среди горцев и казаки, иные из которых участвовали вместе с горцами в набегах на русскую сторону, принимали магометанство. Так, например, выходцы из станицы Наурской Яков Алпатов, Яков Пилипенко и Ананий Шуспасов перешли на сторону горцев. Первый и последний из них приняли мусульманство, наводили большой страх на окрестное казачье население своими набегами на русскую сторону.⁴

Чтобы представить себе характер перехода на сторону гор-

¹ ГАКК, ф. 260, оп. 2, д. 21, лл. 2—5.

² ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 801, лл. 1—2.

³ ГАКК, ф. 260, д. 653, л. 74.

⁴ СМОМПК, т. XXXIII, разд. II, стр. 122—127; М. С. Тотоев. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе. «Известия Северо-Осетинского НИИ», т. XII. Дзауджикау, 1948, стр. 176—177; «Северная пчела», 1862, № 133.

цев русских солдат, обратим внимание на то, что только в 1833 г. бежало 834, а в 1834 г. — 666 человек.¹ Генерал Завадовский 4 марта 1836 г. сообщал главнокомандующему на Кавказе барону Розену, что «русских беглых солдат в горских аулах очень много».² Многие из них находили приют и защиту среди осетин, особенно в Алагирском ущелье.³

Русское командование на Кавказе в это время просило правительство разрешить выдавать в порядке вознаграждения за поимку каждого беглого солдата по 10 руб. серебром.⁴ Это свидетельствовало о том, что борьба с побегами солдат на сторону противника приняла широкий размах, поскольку потребовались столь поощрительные меры.

Особую тревогу у военного министерства вызывало в 1842 г. то положение, что Шамиль дал распоряжение «к улучшению быта наших военных дезертиров, в горах находящихся».⁵

В армии Шамиля находилось немало русских солдат, особенно ценились русские солдаты-артиллеристы. «Знайте, — писал Шамиль своим наiban, — что те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам и вы тоже поверьте им. Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями. Явившись к правому, они также стали чистыми людьми. Создайте им все условия и возможности к жизни».⁶

Количество русских перебежчиков среди кавказских горцев было так велико, что, например, в Дагестане, по предложению самого Шамиля, они были взяты на государственное содержание. В 1845 г. в бою при ауле Дарго на стороне дагестанцев сражался даже отряд, состоящий из беглых солдат.⁷

Один из очевидцев деятельности Шамиля рассказывал: «Таких всельников (пленных) набралось у нас достаточно, так что из них Шамиль образовал даже целое селение, рядом с Ведено. Русских крестьянок или казачек, отбившихся от своего родного гнезда, он посылал в это селение, и они вольны были выбрать там себе мужей, причем один из поселенцев, по общему избранию, исполнял при венце обязанности священника. Если же кто из этого пришлого люда соглашался принять ислам, то тако-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 3, 22 об.

² ГАКК, ф. 318, д. 94, л. 2.

³ Осетины во 2-й половине XVIII века, по наблюдениям путешественника Штедера. Орджоникидзе, 1940, стр. 36.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 3, 22 об.

⁵ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 8, д. 33, л. 6.

⁶ См.: Очерки истории Дагестана, т. 1, 1957, стр. 219—220.

⁷ Там же.

вому предоставлялось право жениться на мусульманке. Мало-способных из числа пленных Шамиль прикомандировывал к какому-нибудь бедному узденю в качестве работника, причем их должны были содержать как членов семьи, т. е. кормить, одевать и пр.»¹

Командование на Кавказской линии, «принимая во внимание, что это обстоятельство может усилить побег в наших войсках, приняло меры к удержанию от сего неблагонадежных солдат и для прекращения сего зла предлагаю первых пойманных военных дезертиров расстрелять».² Эти предложения были сообщены через военное министерство Николаю I и «на случай крайности» утверждены им. Местным военным властям предоставлялись большие полномочия по предотвращению побегов солдат на сторону горцев.³

В 1845 г. кавказский наместник граф Воронцов специально обращался с призывом к беглым возвратиться, обещая за это прощение.⁴

Однако указанные меры не могли приостановить потока побегов солдат и казаков на сторону противника. В 1843 г. перебежал к чеченцам 22-летний казак станицы Червленной Гребенского казачьего полка Зота Чернин и участвовал вместе с ними в набегах на русскую сторону. Он был пойман и публично расстрелян в родной станице.⁵ Но и после этого побег не прекращались. В 1844 г. из Гребенского полка бежал казак Андреев, и, наконец, в 1848 г. из этого же полка бежал казак Дорошенко. Оба они впоследствии были пойманы. Первый был наказан 1000, а второй — 500 ударами шпицрутенами.⁶

Особое место принадлежит вопросу о переходе на сторону горцев солдат из числа поляков, сосланных на Кавказ после революционного восстания 1831 г., который не снимался в течение длительного времени. Среди горцев были польские и венгерские эmissары, руководимые из-за границы. Хотя методы их борьбы не всегда отвечали интересам дела, но они стремились нанести больше вреда царскому правительству путем активной работы среди непокорных горцев, поднимая их на борьбу против России. Для поляков, служивших в кавказской армии, из-

¹ СМОМПК, XXXII, отд. II, Тифлис, 1903, стр. 18.

² ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 8, д. 33, л. 6.

³ Там же.

⁴ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 635, л. 3.

⁵ ЦГА СО АССР, ф. 2, д. 31, лл. 5—19.

⁶ Там же.

за кордона шли различного рода прокламации, воззвания с призывом решительно выступить против царского правительства, захватить пушки и бежать в горы.¹

Кавказский наместник князь Барятинский в 1859 г. писал по поводу беглых русских солдат следующее: «В продолжение полувековой войны, которую мы ведем на Кавказе, постепенно скопилось в горах у некоторых племен довольно большое число пленных и беглых нижних чинов, которые, оставаясь между горцами долгое время, освоились с их образом жизни и нравами, а некоторые женились, прижили семейства и даже обратились к мусульманству, хотя большею частью по наружности, а не по чувству религиозного убеждения. Были не раз примеры, что выходили к нам из гор старые люди, бежавшие уже 30 лет и более назад и едва сохранившие на себе следы первобытного своего состояния».²

Побеги вызывались не только тяжелой солдатской и казачьей службой в тот нелегкий николаевский режим, но сравнительно вольной жизнью у горцев, с особыми нравами и привычками.

Среди побегов к горским народам особое место принадлежит делу сотника Атарщикова. Выходец из станицы Наурской, воспитанный в детстве среди кумыков, прекрасно знавший кумыкский, чеченский и другие языки кавказских народов, он в течение многих лет исполнял обязанности переводчика, служил в различных полках на Лабинской линии, был приставом карачаевского народа и, по определению командующего правым флангом Кавказской линии генерала Засса, «всегда отличался истинно благородными правилами и преданностью своему долгу».³ Несмотря на все эти характеристики безупречности службы кадрового офицера, Атарщиков дважды убегал в горы. Исследуя этот вопрос, М. О. Косвен⁴ объясняет первый побег в 1841 г. и четырехмесячное пребывание его там определенной душевной расстроенностью. После выздоровления он возвратился назад и даже пытался увести многих русских беглых солдат, которые в крайней бедности скитались по аулам. Возвратившись 30 января 1842 г. и будучи прощен, он получил назначение в донской полк на службу в Финляндию, подальше от Кавказа. Однако в ноябре того же года вновь бежал в горы, где принял

¹ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 8, д. 56, лл. 3—4.

² АКАК, т. XII, стр. 1167.

³ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 254—258.

⁴ Там же.

магометанство, женился на дочери ногайского узденя и совместно с горцами совершал набеги на русскую сторону. Только в августе 1845 г., будучи раненным одним из беглых казаков (Головиным) во время очередного набега, он был схвачен русской вооруженной командой, но по пути умер.

Если первая причина еще в какой-то степени объясняется личными переживаниями после смерти детей, то второй побег объяснить гораздо труднее. Попытка М. О. Косвена объяснить это в какой-то степени «особым укладом, своими обычаями и нравами, своей особой вольностью природного кавказца» и нежеланием служить в «чужом» полку в «далекой и холодной Финляндии» недостаточно убедительны. Это было своеобразным протестом против трудностей казачьей службы и жестокости царизма на Кавказе.

Побеги к горцам значительного количества солдат и казаков с конца XVIII и первой половины XIX века, таким образом, были довольно распространенными. Главная причина их — вероятно тяжелая служба в армии и в казачьих полках. Это был также своеобразный протест против нечеловеческой жестокости, муштры и палочной дисциплины. Вместе с тем побеги русских людей в горы свидетельствовали о многочисленных и дружественных связях их с горцами.

Между горцами и русскими устанавливалась система взаимной отдачи детей на воспитание в семьи, которая среди горцев существовала с незапамятных времен (аталычество).¹ Она в какой-то степени была воспринята и русским казачьим населением. Уже в конце XVIII века воспитание русских детей в семьях горцев было обычным и далеко не редким явлением.

Среди русского казачьего населения часто воспитывались дети и горцев, попавших в плен, и случалось нередко, когда они усыновлялись и навсегда оставались в русских селениях. Так, отставной урядник Кубанского казачьего полка Алексей Толстов воспитывал взятого в плен в 1828 г. черкесского мальчика Мисира. Последний хорошо выучился говорить по-русски. Будучи бездетным, Толстов в течение длительного времени просил высшие власти разрешить ему усыновить ребенка, но получал категорический отказ, т. к. мальчик происходил из холопов и представлял «выгоду обмена» на русских пленных. Только в 1830 г., после долгих и упорных просьб, граф Паскевич разрешил Толстову, наконец, усыновить Мисира и окрестить его.

¹ ГАКК, ф. 318, д. 51, л. 7.

Огромное влияние горцы и русские оказывали друг на друга в процессе совместного труда в земледелии и скотоводстве. В результате общения совершенствовались методы обработки земли, орудия труда, улучшалась породность скота. Горцы, в частности, в результате знакомства с методами хозяйствования русского населения, вводили в хозяйственный оборот новые культуры, улучшали семенной фонд. Так, постепенно получил внедрение картофель, ряд овощных культур (капуста, помидоры и др.).¹

Под влиянием русского населения к середине XIX в. до 30 % ставропольских ногайцев стали вести оседлый образ жизни и заниматься земледелием.²

Происходило заимствование в транспорте, предметах домашнего обихода, утвари, одежде. Осетины и кабардинцы, например, широко стали применять русскую четырехколесную телегу, брички, по русскому образцу стали строить дома и печи.

Русское население, в свою очередь, перенимало многовековой опыт горцев в уходе за скотом, выращивании лучших пород лошадей и пр.

Высокий уровень адыгейского садоводства оказал свое влияние на развитие садов в Черномории, где широко культивировались высококачественные сорта адыгейских яблонь, вишен и груш. Горцы охотно привозили саженцы плодовых деревьев на русские базары и ярмарки, продавая их здесь населению по дешевой цене. В области пчеловодства казаки, а затем и «иногородние промышленники» также почти целиком следовали приемам, применяемым горцами.³

Русские мастера, плотники, гончары, шорники, кузнецы все чаще приглашались в горские аулы. Корреспондент газеты «Кавказ» в 1848 г. писал из Ставрополя: «Свободные жители губернии, казаки, отставные солдаты, мещане ездят в Кабарду к князьям и богатым узденям, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полез-

¹ А. В. Фадеев. Основные этапы развития русско-кавказских связей. Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, серия историческая, т. XVIII, 1960, стр. 64.

² Военно-статистическое обозрение. Ставропольская губерния, т. XVI, ч. 1, СПб, 1851, таблица № 3.

³ М. С. Тотоев. К истории дореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955, стр. 102; История Кабарды, 1957, стр. 88.

ные вещи, жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания».¹

Горцы в процессе труда непосредственно общались с русскими крестьянами, рядом обрабатывали землю и вместе нанимались к кабардинскому князю или русскому помещику. Такое общение русского и горских народов имело колоссальное значение в развитии общественно-политической и культурной жизни народов.

Таким образом, многовековое общение русского и горских народов Северного Кавказа, несмотря на огромные препятствия к их объединению, имело огромное значение, переоценить которое невозможно.

В приветствиях Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и Президиума ЦК КПСС народам Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи в связи с 400-летием воссоединения их с Россией была дана высокая оценка совместной жизни и борьбы этих народов против внутренних и внешних врагов, за победу социализма и коммунизма в нашей стране.

В приветствии к народам Кабардино-Балкарии отмечалось: «Присоединение Кабарды к русскому государству имело решающее значение в исторических судьбах кабардинского, балкарского и других народов. Оно обеспечивало этим народам возможность дальнейшего национального развития, спасло их от порабощения и истребления со стороны иностранных захватчиков, создало благоприятные условия для экономического и культурного развития с русским и другими народами нашей страны.

Совместная борьба русского и кабардинского народов против иноземных завоевателей и царского самодержавия, против местных феодалов и русских помещиков и капиталистов сблизила эти народы и привела к установлению между ними братских взаимоотношений».²

В приветствии к народам Карачаево-Черкесии говорится: «Добровольное присоединение к русскому государству черкесского, карачаевского, абазинского, ногайского и других горских народов явилось крупным событием в их историческом развитии».³

¹ «Кавказ», 1848, № 22.

² «Правда», 1957, 6 июня.

³ «Ставропольская правда», 1957, 28 сентября.

ИЗ ИСТОРИИ МЕНОВОЙ ТОРГОВЛИ С ГОРСКИМИ НАРОДАМИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Северный Кавказ в конце XVIII и в первой половине XIX в. стал районом острых внешнеполитических противоречий между Россией, с одной стороны, Турцией, Ираном и стоящими за их спиной западноевропейскими государствами — Англией и Францией — с другой. Длительная война со стороны этих государств по отношению к местным народам была несправедливой, захватнической, и поэтому она сопровождалась временами острыми выступлениями национально-освободительного характера. И все же в этих условиях объективно складывалось так, что присоединение их к России, установление тесных и дружественных отношений с великим русским народом было прогрессивным делом. Этот процесс воссоединения народов в единое государственное объединение был длительным и очень сложным. Главное место в этом процессе принадлежало совместным трудовым усилиям русского и кавказских народов, не военным, а мирным взаимоотношениям во всех многогранных сферах хозяйственной и культурной жизни. И в этом отношении меновой торговле между русскими поселенцами и кавказскими народами в указанный период принадлежит видное место.

С конца XVIII в. был уже накоплен немалый опыт в торговле. Терские казаки с начала их поселения, т. е. с середины XVI в. и до начала массовой колонизации северокавказских земель, находились в тесных торговых отношениях с соседними народами. Временами они нарушались из-за внешнеполитических осложнений или внутренних неурядиц. Уже в XVII в. в крепости Терки имелись лавки и устраивались базары. Сюда горские

народы пригоняли для продажи скот, лошадей, привозили овчины, ковры, сукна, металлические изделия и пр.¹ Гребенские казаки поставляли на обмен соль, рыбу, домашние холсты, продукцию своих огородов, выменивая на них чекмени, бурки, башлыки, арбы, колеса и лошадей.²

В 30-х годах XVIII в. на смену Теркам как центру меновой торговли приходит Кизляр, который до начала XIX в. сосредоточивал до 90% всей торговли Предкавказья.³ Через него шли торговые связи не только с северокавказскими, но и закавказскими народами и Персией.⁴ В конце XVIII в. здесь имелось три торговых дома — русский, армянский и татарский.⁵ Кизлярские купцы находились в постоянных и тесных связях с соседними народами, особенно с кумыкскими селениями — Андреевским, Аксаевским, Костиковским и Казияуртовским.⁶ В Дагестане и Закавказье закупались огромные партии шелка и др. товаров (в начале XIX в. на 800 т. руб.), которые затем распространялись во многих губерниях России. Российских товаров продавалось ежегодно примерно на 500 тыс. руб.⁷ Значительной и давней была торговля с западными адыгами.⁸

Царское правительство использовало торговлю с горскими народами в своих планах колонизаторской политики. Спустя много лет, кавказский наместник граф Воронцов 20 мая 1845 года военному министру князю Чернышеву писал, что «торговля есть одна из ближайших и действительных мер к сближению нашему с горцами и укреплению наших сношений с ними и к положению предела неприязненным действиям».⁹

В целях развития торговли с горскими народами правительство еще в 1765 г. освободило кумыков и кабардинцев от упла-

¹ Очерки истории СССР XVII в., М., 1955, стр. 915.

² И. Попко. Терские казаки с стародавних времен, СПб, 1880, стр. 88.

³ Очерки истории СССР XVIII в., вторая четверть, М., 1957, стр. 447.

⁴ Г. Небольсин. Статистические записки о внешней торговле России, ч. I, СПб, 1835, стр. 151.

⁵ ЦГА ЧИ АССР, ф. 47, д. 1, лл. 1—15; Н. П. Гриценко. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII—первой половине XIX в. Труды Чечено-Ингушского НИИ, вып. I, 1960, стр. 76—77.

⁶ История, география и этнография Дагестана, М., 1958, стр. 68.

⁷ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 2, М., 1823, стр. 458.

⁸ М. В. Покровский. Адыгейские племена в конце XVIII—первой половине XIX в. Кавказский этнографический сборник, т. II, М., 1958, стр. 99—102.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782, л. 1.

ты пошлин при продаже и покупке товаров в Кизляре.¹ В связи с увеличивающимся привозом товаров с 1771 г. стали брать пошлины только с покупателей. В документах подчеркивалось, чтобы горцам при проезде и выезде «ни малейшего озлобления чинено не было».²

Вопрос об организации меновых отношений с горцами поднимался еще до открытия Кавказского наместничества. В 1780 г., например, предлагалось проводить меновую торговлю в таких пунктах, как Екатеринодар, Георгиевск, Ставрополь.³ В указе от 9 мая 1785 г. об открытии Кавказского наместничества также говорилось о необходимости заводить города не только «для обуздания своевольных народов», но и для «развития торговли с ними».⁴

Правительство в 1787 г. выделило значительные средства для развития торговли с Китаем, Ираном, и «другими азиатскими областями», в число которых несомненно входили и северокавказские земли.⁵ Через два года Екатерина II разрешила дагестанцам беспошлинно ездить для торговли с Кабардой по русской стороне.⁶

Следует отметить, что без развития торгового обмена с горскими народами русские и украинские переселенцы в то время обойтись не могли. Так, войсковой судья А. Головатый в предписании от 16 декабря 1792 г. Белому, прибывшему на Кубань с первой партией черноморских казаков, требовал «продажу соли... черкесам закубанским и покупку у них хлебных семян и других надобностей производить и заниматься купеческою коммерциею с ними, соблюдая от нашей стороны к ним ласковое обхождение».⁷

Уже тогда в Черноморском казачьем войске меновая торговля принимала в отдельные периоды большую активность. В 1795 г. здесь было создано три меновых двора: при Екатеринодаре (на Богоявленской пристани, против бжедухов), на Гудови-

¹ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., т. III, СПб, стр. 106.

² Там же, т. I, стр. 484.

³ АКАК, т. II, стр. 112; Т. Х. Кумыков. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962, стр. 25.

⁴ ПСЗ, т. XXII, № 16194.

⁵ ГАСК, ф. 235, д. 16, лл. 4—5.

⁶ ПСЗ, т. XVIII, № 16810.

⁷ ГАКК, ф. 249, оп. 1, св. 27, д. 222, л. 18.

чевой переправе (при Ольгинском кордоне) и при Андреевском кордоне (против натухайцев).¹

Определенным эквивалентом по отношению ко многим товарам стала соль. Особенно много выменивалось на соль леса. В донесении Екатерине II 12 января 1793 г. генерал Гудович, командовавший в то время войсками на Кавказе, писал: «Горы закубанские изобилуют годными не только на дома, но и на корабли лесами» и просил «позволения закубанцам брать у нас соль. Можно было бы выговорить право рубить у них лес под их охранением».²

Царское правительство было заинтересовано и в продаже соли за деньги. Так, в 1809—1810 гг. на Прохладненском меновом дворе уже было продано соли на 2789 рублей, а в 1811 г., после официального открытия менового двора, — на 17360 руб., в 1816 — на 14819, в 1817 — на 13677 руб. и т. д.³

Генерал Дебу отмечал, что за соль, а иногда за холст и другие подобные им вещи выменивались на меновых дворах от закубанцев мерлушки, бурки, кожи разных зверей, всякий хлеб в зерне, мел, воск, лес, овцы, военные орудия и частью скот, лошади и пленные люди.⁴

Монопольное владение соляными озерами создавало для царского правительства и местной администрации условия и возможности не только экономического, но и политического давления на горские народы. Так, в 1828 г. в Черномории были закрыты все меновые дворы, чтобы «преклонить горцев к покорности», и только после того, как эти меры не дали желаемых результатов, меновая торговля возобновилась.⁵

Вопрос об открытии меновых дворов на Кавказской линии неоднократно поднимался еще в конце XVIII века. Хотя обмен с горцами фактически проводился с давних пор, но организация его определена была значительно позже. Только по предложению главнокомандующего на Кавказе генерала Тормасова комитет министров 6 июля 1810 г. вынес решение, в котором кавказ-

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, св. 41, д. 332, л. 11, об., св. 43, д. 337, л. 17.

² ЦГАДА, ф. 23, д. 37, лл. 3—4; ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 350, лл. 1—2; д. 379, лл. 4, 21, 29, 36; Русско-адыгейские торговые связи (1795—1860 гг.). Сборник документов. Майкоп, 1957, стр. 12—24.

³ ЦГА, КБ АССР, ф. 49, оп. 1, д. 1, лл. 46—47, 50; д. 4, л. 123.

⁴ Дебу. О Кавказской линии, стр. 419—420.

⁵ ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 1255, лл. 3—5.

ской администрации было предложено «приступить к меновому торгу с горцами».¹

Известие о разрешении меновой торговли было встречено в первое время горцами с удовлетворением. Один из местных военачальников генерал Дальпоццо, отмечая стремление горцев к торговле, подчеркивал в своем рапорте высшим властям от 19 января 1811 г., что «многие кабардинцы каждый год ездят в Астрахань и Черкассы и даже имеют желание ехать на Макарьевскую ярмарку... Для тех из горцев, которые не желают привозить свои продукты в границы сами, а захотят продавать оные или обменять при карантинных, удобнее будет учредить меновые торги».²

По вопросу меновой торговли было немало рассуждений и предположений. Их острота сводилось к тому, чтобы как можно лучше укрепить власть царизма над огромной территорией Северного Кавказа. В 1811 г. на Линии было открыто 6 меновых дворов (Наурский, Прохладненский, Константиногорский, Прочноокопский, Усть-Лабинский и Лашюринский)³ и 4 соляных магазина (Прохладненский, открытый еще в 1809 г., Прочноокопский, Усть-Лабинский и Константиногорский). На устройство их предполагалось затратить 11900 руб.⁴

Кроме того, Тормасов предлагал учредить в Георгиевске комитет по меновым торгам под председательством командующего войсками на Линии и представителей горских народов для рассмотрения различного круга вопросов относительно меновой торговли, дважды в году собирать ярмарки, допуская туда горцев со своими товарами, с условием предварительного очищения в карантинах.

Результаты меновой торговли, несмотря на очень большие искусственно создаваемые препоны, вскоре дали первые успехи. Тот же Тормасов в своих отношениях к тайному советнику Ка-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782-а. л. 106. Т. Х. Кумыков. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965, стр. 74—75; ЦГИА Гр. ССР, ф. 1083, оп. 1, д. 77, лл. 7—8.

² АКАК, т. IV, стр. 835.

³ В 1812 г. по предложению генерала Ртищева вместо ликвидированных Лашюринского и Прочноокопского меновых дворов был создан главным образом для абазинцев меновой двор при Овечьем Броде. Здесь была установлена даже определенная такса обмена на соль (1 п. воска — 10 п. соли, 1 п. меда и масла — 4 п. соли, 1 п. сала — 3 п. соли, 4-вершковые по толщине бревна — 15 ф. соли, доска 3-х аршин длиною — 8 фунтов и т. д.). АКАК, т. V, стр. 839.

⁴ АКАК, т. IV, стр. 925—929.

зопавлеву от 31 мая и военному министру Барклаю де Толли 23 июня 1811 г. указывал, что торговля с горцами растет, население Кавказской губернии на хлеб меняет воск, мед, арбы, лес и другие предметы.¹

В обозрении о кавказских горцах за 1813 г.² отмечалось, что трудолюбивые абазинцы продают свои изделия из шерсти, сукно, холсты, съестные припасы³ по высоким ценам посетителям минеральных вод. Из конезаводов Трамова, Лоова, Клычева продавались лучшие лошади.⁴

Активная хозяйственная жизнь и торговля в значительной степени уменьшали число нападений горцев.⁵ За 1811—1819 гг. горцам продано 221324 пудов соли на 325172 руб.⁶

Давними были торговые связи русских крестьян и казаков с затеречными народами. Эти народы пользовались станичными лавками, где покупали для себя предметы первой необходимости. Владельцами таких лавок были обычно моздокские и кизлярские армяне. В 1829 г. в Червленной было уже 5 лавок, Шедринской—2, Каргалинской—2.⁷ Особенно много горцев стекалось на кизлярские торжища в 30—40-х годах.⁸

Число меновых дворов к середине XIX в. в значительной степени возросло. В Черномории, кроме созданных в конце XVIII в., возникают Великолагерный и Малолагерный меновые дворы (1823 г.) и меновые посты—Константиновский, Северный, Мостовой, Подгорный и Ново-Екатерининский (1845 г.),⁹ на Кавказской линии, по положению 1846 г., было сдано 11 меновых дворов.¹⁰

Несмотря на чрезвычайно сложную обстановку военного и политического характера, горцы стремились к укреплению связей с Россией. В 1827 г. абадзехи, например, считавшиеся одним

¹ АКАК, т. IV, стр. 925—929.

² ЦГВИА, ф. 414, д. 300, лл. 76—83.

³ В обозрении отмечалось, что абазинцы в земледелии «довольно прилежны», кроме яровой пшеницы, ячменя, «а более всего» проса сеют (в низовьях Малого Зеленчука). Ногайцы также имели «достаточное для них хлебопашество». Небольшое племя чагараев занималось посевами кукурузы, которую называли «турецкой пшеницей». (ЦГВИА, ф. 414, д. 300, лл. 76—83).

⁴ Там же.

⁵ АКАК, т. IV, стр. 925—929.

⁶ ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 81, лл. 101—348.

⁷ ЦГА ЧИ АССР, ф. 47, д. 1, лл. 1—55.

⁸ Движение горцев Северовосточного Кавказа в 20—50-х годах XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959, стр. 289.

⁹ Кавказский календарь на 1850 г. Тифлис, 1849, стр. 77.

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 3, д. 301, л. 5.

из непокорных племен, сами просили у русского командования открыть мену леса на соль и содержать на свой счет меновый двор. Генерал-майор Сысоев в своем донесении командовавшему в то время войсками на Кавказе Емануелю писал, что они отказались «совершенно от повиновения паше Анапскому и полагают всю надежду на Россию, от которой ищут пропуска за Кубань всех припасов, в конх они будут иметь нужду, и уверяют, что не только жить будут миролюбиво, но и даже стараться отклонить всякие злонамеренные других народов против России предприятия».¹

Надзор за торговлей должны были наблюдать особые чиновники. Запрещалось горцам вывозить огнестрельное оружие, а русским сбывать золото, серебро в монетах и слитках. Покупать товары горцы могли только за деньги, а сбывать путем обмена.² Таким образом, меновая торговля с горцами приняла сразу такой урезанный и ограниченный, колониальный характер, что говорить о какой-то «свободной» торговле фактически не приходится.

Меновая торговля с самого начала определилась как выгодная для царизма и крайне тяжелая для горцев. Горцы, как это отмечает советский кавказовед Т. Х. Кумыков, нуждающиеся в соли, в хлебе (в центральной и восточной части Северного Кавказа) были стеснены в своих действиях обязательностью обмена своих товаров только на меновых дворах под непосредственным присмотром представителей царской администрации; свободный проезд в Кавказскую губернию и Черноморское казачье войско запрещался. Карантинное очищение прибывших здесь продолжалось иногда до 40 дней.³

В карантинном уставе было записано: «Все проезжающие и приходящие из заграничных мест с товаром, скотом... не могут быть впускаемы в пределы империи, иначе как через учрежденные на сей линии карантины и заставы, где производится надлежащее очищение».⁴ Кроме того, верное принципам наживы за счет ограбления народов царское правительство систематически повышало цены на соль. При свободной торговле до учреждения меновых дворов в Кабарде она продавалась по

¹ ГАСК. ф. 79, оп. 1, д. 4330. л. 20.

² АКАК, т. ф. V, стр. 846—847.

³ Т. Х. Кумыков. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок, стр. 28, 33.

⁴ ГАКК, ф. 249, оп. 1, с. 188, д. 1152, л. 3, 1831 г.

1 р. 50 к. за арбу, тогда как после создания меновых дворов — от 40 коп. до 2 руб. за пуд.¹

При этом, как и раньше, указывалось, что «высочайшая воля» в учреждении меновых дворов была направлена не на увеличение доходов, а «единственно для приласкания горских народов»,² производить торговлю «по разным ценам».³

Длительная Кавказская война, высокие цены на соль, строгие меры⁴ по предотвращению распространения частых моровых болезней (чума, холера), распространявшихся обычно из Ирана и Турции, осложняли и без того нелегкое дело меновой торговли. Это было связано с задержкой горцев и их товаров на длительное время на карантинах и даже запрещением торговли и обмена на более длительные сроки. Все это не могло удовлетворить ни горцев, ни русских и украинских повоселов. Войсковой атаман в Черномории Матвеев в октябре 1822 г. жаловался генералу Власову на то, что по случаю «открытия за Кубанью заразительной болезни прекращена мена с тамошними народами хлеба, леса и других произведений из земли», отчего «войско лишилось выгоды, какая от нее была получена... Закубанцы стали удалять себя от дружеского с нами обхождения... стали оказывать отвращение...»⁵

Горцы, в частности кабардинцы, в связи с невыгодностью обмена на соль своих товаров, предпочитали покупать ее на деньги. Так, например, кабардинцами на Прохладненском меновом дворе с 1811 по 1812 г. было продано за деньги 70859 пудов (на 106 тыс. руб.), а выменено только 1578 пудов.⁶ За 1849 г. на Бургустанском меновом дворе соли было продано на 697 руб. 91¹/₂ коп., а выменено товаров на 33 руб. 30 коп.⁷

Линия правительства в отношении меновой торговли оставалась прежней, колониальной, и была направлена на закабаление

¹ Т. Х. Кумыков. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок, стр. 29.

² Русско-адыгейские торговые связи, стр. 37—38.

³ АКАК, т. V, стр. 851.

⁴ В конце 1809 г., например, некий Аматов в Кизляр тайно доставил товары. Местная администрация «из одной предосторожности» заперла Кизляр на 6 недель от «сообщения с другими местами», а виновника предала суду. Генерал Булгаков, командовавший в то время войсками на Линии, получил замечание правительства «за недостаточное наблюдение за строгостью мер соблюдения карантинных правил». (ЦГИАЛ, оп. 45, д. 20, лл. 89—90).

⁵ Русско-адыгейские торговые связи, стр. 46.

⁶ Т. Х. Кумыков. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в., стр. 79.

⁷ ГАСК, ф. 72, д. 12, лл. 1—27.

и политическое подчинение народов Северного Кавказа. Даже официальные власти не раз обращались в Министерство финансов с предложением о необходимости снижения цен на соль, и только 27 января 1827 г. было «высочайше утверждено» мнение Государственного Совета продавать горцам соль по 1 руб. за пуд, имея в виду, что «...убытки для казны будут крайне не велики и, конечно, не могут войти в сравнение с тем выгодным впечатлением, которое малое сие от правительства пожертвование произведет на сих соседей наших».¹

Вся тяжесть такого несправедливого обмена ложилась на горскую бедноту. Горские феодалы получали, напротив, ряд поощрений и выгод. Царское правительство хотело привлечь их на свою сторону. Так, в 1813 г. Новороссийский губернатор, ведавший землями Кубани, дюк де Ришелье «во уважение заслуг, оказанных России», разрешил пропустить закубанского владельца Ханукова с товарами «сверх уже пропущенных». В течение ряда лет князю Айтекову разрешалось вести торговлю без «малейшего задержания» и взыскания пошлин.² В 1827 г. хамышскому князю Алкасу за доставление леса по указанию Николая I было выдано 5 тыс. пудов соли.³

Основная же масса горского населения в поисках соли и других товаров искала непосредственные контакты с русским населением помимо меновых дворов. Остановить этот процесс властям было невозможно. Обороты свободной торговли, по мнению С. Броневского, по меньшей мере втрое превышали сумму, которой определялась официальная торговля.⁴

А Берже отмечал, что промышленность мирных чеченцев, особенно сунженских и терских, состояла в продаже леса. Они приготавливали зимой плоты строевого и дровяного леса и сплавляли их в половодье по Сунже и далее по Тереку до самого Кизляра, где их собиралось от 500 до 800 плотов. За каждый плот в тогдaшнее время платили от 30 до 50 руб. серебром. В Кизляре ежегодно отправлялось 5—6 тыс. арб кольев-торкал стоимостью по 3—5 руб. за арбу, за тысячу бочарных досок пла-

¹ ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 530, л. 16. Ср.: Т. Х. Кумыков. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок, стр. 34.

² ГАСК, ф. 687, оп. 1, д. 4, лл. 14, 24.

³ ГАСК, ф. 251, д. 232, л. 12. Ср.: Русско-адыгейские торговые связи, стр. 53.

⁴ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 145.

тили до 30 руб. серебром.¹ Если учесть, что рост кизлярского виноградарства требовал огромного количества кольев-подпор (торкал), винных бочек, то станет вполне очевидной и логичной необходимость искать путей для получения этих материалов у горских народов непосредственно, так как собственного леса у казаков не имелось и взять его в других местах, кроме как у горцев, было негде.

Главными товарами, которые выменивались черноморскими казаками у закубанских горцев в первой половине XIX в., оставались по-прежнему хлеб, лес, сельскохозяйственные орудия и инвентарь. Так, на Екатеринодарском меновом дворе и при Подгорной батарее в 1821 г. было выменено на соль 4767 сох, 986 окладин, 18209 лат и ворек (на крыши) и т. д.² Только в апреле 1823 г. на Редутском меновом дворе было выменено на соль 6815 пудов ржи, 73 пуда ячменя, 158 березовых окладин и 220 дубовых деревьев.³

Горцы, жившие по границам с кавказским линейным войском, напротив, сами искали возможность закупать хлеб у казаков и ставропольских крестьян. Мы приведем данные о ценах на хлеб в Ставропольской губернии в середине XIX в. (см. таблицу).

На левом фланге Кавказской линии «самая деятельная меновая торговля» шла в Кизляре, где привозные товары в 1846 г. оценивались в 70 тыс. руб. серебром, в Червленной — более 31 тыс., Известнобродской и Пятигорске — более 23 тыс. и т. д.⁴

Большое место в развитии торговли между горцами, русскими и другими народами занимали купцы из армян, греков, горских евреев и частично грузин. Они хорошо знали обстановку и нужды местных народов, их язык и являлись посредниками в торговле между русским и горским населением. Эти купцы, как отмечал П. Зубов, «проникают в самые отдаленные ущелья и, пользуясь святостью гостеприимства, проводят торговлю с годами, доставляя горцам предметы: соль, табак, вино. В особенности же для употребления князей, узденей: круглые фески, цветной шелк и бумагу, одеяла, кофей, перец, пряности, душистое мыло, гребни, в большом же количестве седла, оружие вся-

¹ А. П. Берже. Чечня и чеченцы. Рукопись, стр. 77. См.: Н. П. Гриценко. Указ. соч., стр. 64.

² ГАКК, ф. 345, оп. 1, д. 167, л. 37.

³ ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 86, л. 23.

⁴ «Кавказ», 1847, № 11.

Цены на муку и зерно (средние, выведенные из суммы цен в урожайные и неурожайные годы)
по Ставропольской губернии на 1849—1850 гг.¹

Уезды	Название зерна и муки	Справочная цена за четверть				Торговая цена за четверть			
		зимняя		летняя		зимняя		летняя	
		руб. коп.	руб. коп.	руб. коп.	руб. коп.	руб. коп.	руб. коп.	руб. коп.	руб. коп.
Ставрополь- ский уезд	Ржаная мука	5 56	3 36	4 39	2 82	5 40	5 26	3 95	2 67
	Пшеничная му- ка	6 85	7 5	6 19	4 75	7 15	7 8	5 93	4 63
	Овес	4 27	4 86	3 72	2 84	4 52	4 60	3 66	2 92
	Ячмень	4 52	4 74	3 94	2 87	4 58	4 47	3 89	2 72
	Пшено	9 25	10 75	10 95	7 43	9 80	10 68	9 91	6 93
Пятигорский уезд	Рожь	4 85	5 10	4 90	3 18	4 70	—	4 68	3 7
	Ржаная мука	4 65	5 32	4 96	3 —	4 78	5 27	4 83	2 96
	Пшеница	6 46	7 15	6 91	4 60	6 30	—	6 80	4 88
	Пшеничная му- ка	6 32	7 29	6 37	4 90	6 34	6 90	5 97	4 94
	Овес	3 90	4 8	3 43	2 3	3 81	3 89	3 31	2 8
	Ячмень	4 —	4 11	3 67	2 16	4 8	4 26	2 90	2 10
Кизлярский уезд	Пшено	7 80	7 76	8 20	4 60	8 37	9 33	8 43	5 —
	Пшеничная му- ка	6 63	6 40	5 29	6 16	6 75	6 75	6 75	6 75
	Овес	3 46	3 53	3 53	3 11	3 90	3 95	3 55	3 21
	Ржаная мука	4 25	4 41	3 71	3 58	4 50	4 78	3 58	3 67
	Ячмень	4 —	4 —	3 41	3 87	—	—	—	—
	Пшено	3 35	3 85	3 85	3 85	3 25	3 72	3 69	3 60

¹ См. Обозрение Кавказского края по Северную сторону Главного хребта в историческом, топографическом и статистическом описании. Составлена ген. штаба штабс-капитаном Забудским. Рукопись, ч. III, 1951, стр. 125—126. Ставропольская краевая библиотека им. М. Ю. Дерюгина.

кого рода, свинец, сталь, ножи, подковы, косы».¹ Так, например, житель Нахичевани армянин Максим Иванов длительное время вел торговлю с закубанцами через Усть-Лабинскую крепость, для чего получал от кавказской администрации специальное письменное разрешение.² Купцы Авадим и Бедрос в январе 1827 г. отправили от горцев 7 арб хлеба для обмена на соль.³

Проникновение армянских, а затем и русских купцов во внутренние горские районы имело место в центре и на правом фланге Кавказской линии и в Черномории. Так, ставропольские купцы Цырульников и Бабаев оставили свой торг на Прочно-окопском меновом дворе и с декабря 1845 г. развернули мену красным товаром и стали вести торговлю за Кубанью.⁴ Среди русских купцов, ведущих торговлю с горскими народами, широкой известностью пользовался купец 3-й гильдии Иван Лебедев, который за 24-летний период⁵ вошел «в совершенную доверенность» и «вел обширный круг торговли, преимущественно с горцами», имел лучшую гостиницу, первые лавки во Владикавказе, Назране и на Сунже.⁶ Кроме того, торговлю вели моздокский купец Антон Никитин,⁷ балашовский купец Иван Никонов⁸ и другие.

Особенно активно вели посредническую торговлю армянские купцы. Они доставляли горцам промышленные товары и вывозили ремесленные изделия, производимые горским населением. Вместе с тем кавказская администрация не раз поднимала вопрос (1833, 1838 гг.) о запрещении армянам вести посредническую торговлю.⁹ Они обвинялись в спекуляции товарами,¹⁰ в препятствии непосредственному общению горцев с русским населением края.¹¹

Русское купечество, в силу своей слабости и сохранения господства феодально-крепостнических порядков в России, продолжения Кавказской войны, колониальных методов царизма по

¹ П. Зубов. Картина Кавказского края, ч. II, СПб, 1834, стр. 79.

² ГАКК. ф. 249, оп. 1, св. 107, д. 728, л. 94.

³ Там же, ф. 249, оп. 1, д. 862, л. 1.

⁴ ГАСК. ф. 79, д. 3777, л. 1.

⁵ Там же, ф. 101, оп. 1, д. 353, лл. 1—8.

⁶ ЦГИАЛ. ф. 1268, оп. 2, д. 988, л. 1.

⁷ ЦГА КБ АССР, ф. 48, оп. 1, д. 7, лл. 1—7.

⁸ ГАСК, ф. 20, д. 8, л. 2.

⁹ Т. Х. Кумыков. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок, стр. 55—56.

¹⁰ Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска, Екатеринодар, 1913, т. II, стр. 602.

¹¹ Русско-адыгейские торговые связи, стр. 219—220.

отношению к горцам, не в состоянии было развернуть широкую торговлю с горскими народами.¹ Оно делало в этом отношении лишь первые робкие шаги.

Горское население нуждалось в большом количестве товаров российского происхождения. Кабардинцы, осетины, чеченцы, ингуши нуждались в хлебе. Только за 9 месяцев 1815 г. в Кавказскую губернию через Прохладную прибыло 1145 арб и, по подсчетам Т. Х. Кумыкова, вывезено более 18 тыс. п. разного хлеба.² При этом следует отметить, что закупка хлеба, несмотря на всевозможные препятствия со стороны официальных властей, происходила помимо меновых дворов, непосредственно у жителей. Усиление же карантинных предосторожностей вело к росту непосредственного общения горцев с трудовыми массами русского крестьянства и казачества.

Меновая торговля между тем заметно падала уже в начале 20-х гг. XIX в. Она все больше сдерживалась установленными и почти не меняющимися правилами, была крайне не выгодна для основной массы горцев, ограничивалась главным образом солью. Она подтачивалась непосредственным торговым общением горцев с русским населением, увеличением ярмарочной торговли, ростом доставки товаров фабричного происхождения армянскими, а затем и русскими купцами во внутренние районы Северного Кавказа. О ее сокращении свидетельствуют данные по Прохладненскому меновому двору. В 1830 г. здесь было продано соли 5883 п. 20 ф., в 1831 г.—4483 п.,³ в 1835 г.—1854 п.⁴ В отчете за 1836 г. смотритель Прохладненского менового двора все чаще докладывал, что «мены с горским народом на их продукты и прочее на казенную соль не было».⁵

В отчете начальника Кавказской области за 1831—1836 гг. отмечалось, что на «меновых дворах горцы ничего не получают, кроме соли. Это слишком недостаточно для удовлетворения их потребностей. Чтобы распространить меновой торг... необходимо улучшить его на другом основании».⁶

¹ Кавказский наместник Воронцов напрасно обвинял русских купцов, что они «как собака на сене, сами не пользуются для общего благоденствия выгодами от природы и от правительственных распоряжений и вместе с тем не желают, чтобы другие это делали» (ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 355, л. 300; ГАКК, ф. 249, оп. 1, св. 113, д. 749, л. 150).

² Т. Х. Кумыков. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок, стр. 47.

³ ЦГА КБ АССР, ф. 1, оп. 1, 1-й том, д. 16, л. 110.

⁴ Там же, ф. 49, оп. 1, д. 8, лл. 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 24, 26.

⁵ Там же, д. 15, лл. 1—7; д. 20, л. 5; д. 22, л. 1.

⁶ ГАСК, ф. 79, д. 4070, лл. 54—55.

Существенно не изменилось положение и после частичного изменения правил меновой торговли в 1829 г.¹ Снижение цен на соль до 1 руб. за п. в 1827 г.² и в 1846 г. — от 28 до 52 коп. за п.³ также не дало желаемых результатов.

Попытка ограничить отпуск соли по 1,5 п. на человека по билетам приставов, сделанная генералом Вельяминовым в феврале 1838 г., еще больше осложнила положение.⁴ В декабре 1847 г. главный смотритель меновых дворов Швецов в предписании своим подчиненным указывал, чтобы «от горцев не требовали, как было до сего времени, представления особых билетов от приставов на получение соли... а представлять им покупать такое количество, какое каждый из них хочет».⁵

Потребность горского населения в фабричных товарах между тем возрастала. В 1839 г. начальник Черноморской береговой линии Н. Н. Раевский отмечал: «Во всех укреплениях горцы настоятельно просят о доставлении им холста, сафьяна, турецких шелковых и бумажных тканей и о покупке у них кур, меда, мехов и бараньего сала».⁶ Однако попытки сократить продажу до 1 п. соли на душу имели место на Береговой линии и в 1850 г., особенно для тех племен, которые враждебно относились к царским властям.⁷

Стиснутые поясом меновых дворов с их жесткой регламентацией, горцы все решительнее выступали за отмену ограничений торговли, часто отказывались менять свои товары и даже покупать соль за деньги. Смотритель Прохладненского менового двора в конце 1839 г. сообщал, что здесь «не только мены с горскими народами не существует уже с давнего времени, но и сама продажа им казенной соли совершенно прекратилась».⁸ Выдвинутые в это время кабардинским временным судом более реальные цены на их товары (близкие к базарным) были признаны местной администрацией высокими. Горцев по-прежнему заставляли сбывать свои изделия и продукцию по низким це-

¹ ГАКК, ф. 249, оп. 1, св. 168, д. 1043, л. 2.

² ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 530, лл. 16, 21, 22.

³ АКАК, т. X, стр. 569; ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 5, д. 50, лл. 8—9; ГАКЧАО, ф. 1, оп. 1, св. 8, л. 3.

⁴ ГАСК, ф. 79, оп. 2, д. 847, л. 20.

⁵ ГАКЧАО, ф. 1, оп. 1, св. 8, л. 6.

⁶ АКАК, т. IX, стр. 475.

⁷ ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 1206, л. 15.

⁸ ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 730, лл. 134, 182.

нам,¹ запрещали им продавать хлеб, как, например, в 1833 г. «по причине неурожая».² Решительно запрещался тайный провоз из-за Кубани и обратно. При этом не без определенного цинизма предлагалось «не раздражать» горцев и «стараться всеми мерами приласкать их и привязать к нам узами дружбы и собственной их выгоды»,³ «приобрести доверие», а чиновникам предлагалось «ограждать горцев от обид и притеснений» и пр.⁴

Несколько иное положение в меновых отношениях было в Черномории, где торговля велась в более значительных размерах. Об этом, например, свидетельствуют данные о торговле, которая проводилась в 1842—1843 гг. через Екатеринодарский карантин в Черномории.

Характер торговых сделок	1842 г. ⁵		1843 г. ⁶	
	руб.	коп.	руб.	коп.
Привезено товаров из-за Кубани (сухие кожи, мягкая рухлядь, бурки, башлыки, шапки, масло, сало, мед, воск, изделия из леса, дрова и пр.)	85105	80	90753	3/4
Вывезено товаров за Кубань (ткани, выделанные кожи, соль и пр.)	42470	40	106893	10 3/4

Примерно такая же картина наблюдалась в Константиновском, Антоновском и др. меновых дворах на Кубани.⁷

В целом же меновая торговля неуклонно продолжала идти к упадку. Кавказский комитет в июне 1845 г. вынужден был признать, что «торговля с горцами в настоящее время находится в совершенном упадке».⁸ Несмотря на строгие запреты, гор-

¹ Т. Х. Кумыков. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в., стр. 85. Его же: Вовлечение Северного Кавказа во все-русский рынок, стр. 53—54.

² ГАКК, ф. 249, д. 2836, лл. 18—19. Однако представители феодальных верхов власти не отказывали в помощи. Так, в феврале—марте 1845 г. было выдано взаимобразно (до осени) по 60 четвериков проса сотнику Султан-Гирею, прапорщику Дударуко Бжегако и др. из Пашковского станичного магазина (ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 2, лл. 14, 30).

³ Русско-адыгейские торговые связи, стр. 87.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 2, д. 963, л. 4.

⁵ ГАКК, ф. 324, оп. 1, д. 580, л. 78.

⁶ Там же, д. 625, лл. 3—6.

⁷ Русско-адыгейские торговые связи, стр. 214.

⁸ АКАК, т. X, стр. 572.

цы скрытно входили в непосредственные контакты с русским населением, покупая у него соль и другие товары. Командующий Кубанской линией генерал Засс в 1842 г. сообщал, что «непозволительные тайные сатовки (торжища) солью между казаками поселенных на Кубани станиц и азиатцами развились в довольно степени» и предлагал «всевозможные средства к уничтожению этого зла».¹ Офицер Головин в то же время сообщал «о проложенных малокабардинцами и казаками через Терек по льду дорогах и производимой между ними торговле».² Во многом изменился и характер экономики горских народов, что отражалось и на меновой торговле. В 1841 г. из Прочноокопского менового двора сообщалось, что горцы «на хлеб с жителями... давно уже мены не производят. Занимаясь сами посевом проса и пшеницы, и в урожайные годы сами таковой хлеб привозят в наши границы»,³ соль покупают преимущественно за деньги и т. д.⁴ За период с 1842 по 1844 гг. на Прохладненском, Прочноокопском и Усть-Лабинском меновых дворах было продано 73 115 п. 9 ф. соли на общую сумму 20 628 р. 35 к., тогда как частная торговля достигла суммы в 37 300 руб.⁵

По данным за 1841—1845 гг., через 13 карантинных застав только на Кавказской линии было провезено товаров на 1003837 руб. и вывезено 1677877 руб.⁶ Вся меновая торговля в 1849—1850 гг., по данным Министерства внутренних дел, только в пределах одной Ставропольской губернии достигала 507875 руб.⁷

Карантинные условия торговли с горскими народами, таким образом, не могли сдерживать стремления народов к более свободному обмену торговли. Установленные правила были настолько жесткими, что вызывали несогласие даже у местной администрации.⁸ Сам наместник Кавказа граф М. С. Воронцов в письме военному министру графу Чернышову от 20 мая 1845 г. отмечал, что причиной слабости меновой торговли могло быть, с одной стороны, то, что вся она «ограничивалась одной только казенной солью без всякого участия русских промышленных и других российских произведений, необходимых гор-

¹ ЦГА КБ АССР, ф. 16, оп. 1, д. 163, лл. 23—24.

² Там же, оп. 2, д. 42, л. 1.

³ ГАКК, ф. 686, оп. 1, д. 60, л. 2.

⁴ Там же.

⁵ ГАСК, ф. 79, д. 3502, л. 7.

⁶ АКАК, т. X, стр. 572.

⁷ Журнал МВД, т. 55, 1855.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 424, л. 124.

цам, а с другой стороны, ход торговли останавливали иногда карантинные меры, принимаемые в разное время без всякой системы и с беспрестанными изменениями. Если прибавить к сему военные действия, постоянно почти производящиеся в течение последних лет, то нельзя удивляться, что если и существует теперь какая-нибудь меновая торговля с горцами, то она находится в руках небольшого числа армян, которые, будучи руководимы собственной выгодой, далеки от мысли содействовать благой цели правительства».¹

Правительственные власти видели, что горские народы, несмотря на всю сложность существующей военной обстановки, все больше тянутся к русским товарам, в которых ощущают возрастающую потребность, предпочитают турецким. В циркуляре от 18 марта 1845 г. командующего Черноморской кордонной линией Рашпиля начальнику 2-й кордонной линии Посполитакки отмечалось: «Горцы хотя и враждуют против нас, но они имеют в нас нужду. Нужда эта с каждым днем становится для них ощутительнее... Возможность и даже необходимость торгова между нами и закубанскими нашими соседями очевидна».²

Среди сравнительно многочисленного перечня товаров, поставляемых горцам, исключалось оружие, порох и металлы. Кавказский наместник Воронцов отдал в 1846 г. строгий приказ, запрещающий «вести торговлю порохом с мирными татарами, так как тот порох доходит до неприятеля».³ Правительственные власти боялись, что эти товары попадут в руки «немирных» горцев и будут служить основой для производства оружия.

Складывавшаяся политическая обстановка на Кавказе, все более усиливающийся кризис меновых отношений требовали серьезного пересмотра торговли с горцами в здешнем крае. При этом нельзя было не учитывать огромных изменений, происшедших в социально-экономическом развитии внутри страны, условий развала феодально-крепостнических отношений, развивающегося промышленного переворота, роста буржуазных отношений, расширения внутреннего и внешнего рынка, проникновения русских промышленных товаров на Восток, в Турцию, Персию, Среднюю Азию, на Кавказ и другие районы.

Северный Кавказ как часть единого в экономике России не мог находиться в стороне от этих изменений. Разумеется, те

¹ ИГИАЛ, ф. 1286, оп. 1, д. 872-а, л. 1.

² Русско-адыгейские торговые связи, стр. 219.

³ ЦГА КВ АССР, ф. 16, оп 1, д. 594, л. 1.

или иные явления политического и экономического характера могли проявляться в меньшей или большей степени по сравнению с центральными районами.

В обстановке столь больших изменений в общероссийском масштабе и вырабатывалось положение о меновой торговле, утвержденное затем Николаем I 9 февраля 1846 г. Это положение — результат требований расширения свободы торговли как усиливающейся русской буржуазии, так и горских феодальных верхов. В этом было заинтересовано также и трудовое горское и русское население края, хотя интересы трудящихся масс в расширении торговли были в корне отличны от заинтересованности господствующих классов.

Принятие нового Положения о меновой торговле с горскими народами означало возросшее значение Северного Кавказа в экономической жизни России. Их цель — «посредством оных (меновых отношений.— С. Ч.) приобрести доверие горцев и ознакомить их с разными полезными и необходимыми для них потребностями».¹ Это был, несомненно, шаг политики русского царизма в экономическом «завоевании» Кавказа. Меновые дворы должны были учреждаться по указанию кавказского наместника на пунктах, «удобных для меновой торговли», и «смотря по ходу торговли, менять их или прибавлять новые».² Как указывалось выше, меновые дворы были созданы в 11 пунктах.³

Круг горских товаров, допускаемых к беспошлинной и свободной продаже, в значительной степени расширился. С открытием Махошевского и Темиргоевского меновых дворов «торговля с горцами пошла в глубь гор».

Русские кулцы, промышленники, «мещане-одиночки», пожелавшие участвовать в меновой торговле с горцами, пользовались определенными льготами и преимуществами. Эти льготы могли быть и расширены, если наместник нашел бы это нужным и ходатайствовал в высшие инстанции. Создан был целый штат чиновников для надзора за меновой торговлей во главе с главным попечителем меновых отношений. В утвержденном по-

¹ ЦГА КБ АССР, ф. 48, оп. 1, д. 1, л. 5.

² Там же.

³ Амир-Аджиюртовский, Червленский, Солдатский (вместо Прохладненского), Известнобродский, Бургустанский, Баталпашинский, Прочноокопский, Усть-Лабинский, Екатеринодарский, Махошевский и Темиргоевский. (ЦГА КБ АССР, ф. 47, оп. 1, д. 6, л. 3; ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 3, д. 301, л. 5). В дальнейшем возникают Нальчикский, Тегинский и др. меновые дворы (ГАКК, ф. 709, оп. 1, д. 13, лл. 5—6). В 1847—1848 гг. их насчитывалось только в Ставропольской губернии уже 18.

ложении говорилось о необходимости принять меры к развитию торговли с горцами, «приобрести доверие... приучить их к мирным сношениям с ними, показать совершенную необходимость сих отношений и тем содействовать усмирению их», дать свободу торговле и пр. Конечно, это положение, как правило, впоследствии часто нарушалось. Оно было, как и прежние положения, направлено в конечном итоге на политическое и экономическое закабаление горских народов властью самодержавного правительства.¹

Положение 1846 г. было распространено в 1848 г. и на Черноморию, за которой, однако, было сохранено монопольное право продажи горцам соли на войсковых меновых дворах. Таким образом, установленные правила меновой торговли были распространены по всему Северному Кавказу.²

Торговля на меновых дворах, несмотря на все усилия администрации, не дала желаемых результатов. Начался период передачи меновых дворов отдельным частным лицам на откуп.³ Так, еще в 1802 г. Редутский и Екатеринодарский меновые дворы были сданы на откуп за 17 тыс. руб. сотнику Войска

¹ Всякое нарушение принятых правил вызывало строгое наказание со стороны администрации. 23 февраля 1847 г. главный смотритель меновых дворов Швецов указывал на факт незаконной продажи соли казаками Кисловодской станицы карачаевцам, отмечая это «как огромное нарушение правил торговли с горцами и ущерб казне». Соль было приказано отобрать и сдать в казну и, кроме того, взыскать с них в пятикратном размере ее стоимость». (ЦИА КВ АССР, ф. 48, оп. 1, д. 1, лл. 35—36).

² ЦИАЛ. ф. 1268, оп. 1, д. 782, л. 112.

³ Откупная система в Предкавказье в первой половине XIX в. захватила многие стороны его хозяйственной жизни. Так, в 30-х годах XIX в. стала практиковаться отдача на откуп содержания торговых мест (сельских ярмарок, базаров и пр.). В 1834 г., например, крестьяне села Московского Ставропольского округа на 10 лет отдали содержание ярмарки односельчанам братьям Переверзевым с уплатой обществу ежегодно 300 руб. Жители села Медвеженского в 1836 г. за 522 руб. отдали содержание ярмарки и пользование ее доходами на 5 лет однодворцу Сафону Ширяеву, а на последующие 5 лет (с 1841 по 1846 гг.)—однодворцу того же села Николаю Пашкову «за взятые у него обществом взаимобразно» 700 рублей. Новопокровское сельское общество заключило в 1835 г. соглашение с купцом 3-й гильдии Панковым и однодворцем Поповым на пользование доходами от 18 ярмарок, за что они должны были поставить 10 лавок на столбах. Откупа на получение доходов от ярмарок давались на различные сроки за «постройку каменной стены для ярмарочных лавок» (в с. Петровском), «за исходатайствование у начальства в селе ярмарки» (с. Благодарное) и т. д. Палата государственных имуществ, в интересах увеличения доходности казны, с 1840 г. все эти договоры аннулировала и установила новый порядок сбора с торговых мест товаров, скота и пр. в пользу казны. (ГАСК, ф. 444, год 1839, лл. 163—170).

Донского Николаеву.¹ В 1811 г. они были отданы за 16 тыс. руб. курским купцам Михаилу Сыроматникову и Сергею Антиномову.² Затем вся меновая торговля в Черномории перешла керченским грекам Александру и Алексею Посполитаки, которые были одновременно откупщиками винной монополии, рыбных заводов, соляных промыслов и владельцами мануфактур. Пронырливые и ловкие дельцы, они подмяли под себя всю войсковую администрацию, разорили многочисленных мелких собственников, беззастенчиво грабили казачье и горское население, беглых крестьян, занятых на рыбных и других промыслах. Многочисленные жалобы и глухой ропот заставили администрацию ограничить их власть, расторгнуть договоры на откуп и объявить формально торговлю с горцами свободной (1852 г.).

В Ставропольской губернии откупа на торговлю солью, добычу каменного угля и пр. в течение 1853—1859 гг. находились в руках пятигорского купца 1-й гильдии Крутицкого.³

Политика откупов — отражение колониальной политики царизма на Кавказе, порождение феодально-крепостнических отношений — являлась огромным тормозом в развитии экономики края. Одновременно это было попыткой найти выход из трудно-го состояния меновой торговли.

Горское население принимало активное участие в ярмарочной торговле в русских городах, селениях и станицах, куда все больше поставлялось им скота, изделий ремесла и продуктов питания. Несомненно, что участие горцев в ярмарочной торговле в той или иной степени началось с открытия первых ярмарок. Особенно большой активности она достигает в конце 20-х годов XIX в. Так, на Моздокскую ярмарку в 1829 году из завезенных на 385 тыс. руб. товаров разного происхождения более чем на 100 тыс. рублей было представлено товаров моздокских купцов, в том числе и горского происхождения. Значительное число товаров сосредоточивалось на Покровской ярмарке в Георгиевске.⁴ В мае 1834 г. сюда было пригнано 1270 лошадей, 1400 овец.⁵ Главный торг на Моздокских ярмарках в 1837 г. со-

¹ Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. II, стр. 582.

² ГАКК, ф. 249, оп. 1, д. 2294, л. 242.

³ Т. Х. Кумыков. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок, стр. 112; ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 781, лл. 70—71.

⁴ Т. Х. Кумыков. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок, стр. 48—49.

⁵ ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 1596, л. 43.

ставляли лошади, пригоняемые кочевыми и горскими народами.¹ В 1847—1848 гг. на ярмарки, проводимые в г. Ставрополе, кабардинцами и кумыками лошадей и скота пригонялось на общую сумму до 40 тыс. руб.² В 1830 г. в Черноморию князя Алхоз и Магмет Аджимоко и «еще 12 черкесов» привезли свои «традиционные» товары и продукты и продали их на сумму 4419 р. 83 к., на которые закупили товары промышленного производства (ткани, посуда и пр.).³

При этом следует отметить, что товары российского происхождения горцы предпочитали турецким, персидским и другим. Хозяйственное тяготение горцев к России было, по общему признанию, очень сильным и немало беспокоило открытых врагов сближения их с русским народом. Главный смотритель меновых дворов Швецов писал, что свободная торговля горцев с русскими характеризовалась «обоюдною пользою продавца и покупателя, она сближала между собой тесною дружбою и хлебосольством».⁴

Все шире разворачивалась ярмарочная торговля в Черноморском казачьем войске с участием соседних горцев. В 1845 г. на Покровскую ярмарку в Екатеринодар от покорных и «непокорных» горцев прибыло более 1000 арб с «туземными произведениями». «Во все продолжение ярмарки порядок и спокойствие не были нарушены закубанцами; доставлено ими произведений на 2550 руб. серебром и вывезено наших товаров и хлеба на такую же сумму».⁵

На городских, станичных и сельских ярмарках и базарах в Черномории стало все больше появляться продуктов животноводства и земледелия горцев, изделий кустарной промышленности, пушнины, леса, меда, воска. Только в 1843 г. через Известнобродскую карантинную заставу было провезено кабардинцами 1122 сапетки пчел, 174 п. воска.⁶

Большим спросом пользовались производимые горцами бурки, черкески, предметы украшения, пояса с серебряными и другими наборами и пр. Одежда горцев, предметы домашнего обихода, многие орудия труда были восприняты новоселами, особенно казаками Черноморского и Кавказского линейного казачьих войск, и поэтому потребность в них была постоянной.

¹ ГАСК, ф. 444, д. 54, лл. 18—19.

² Кавказское обозрение, стр. 279.

³ Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. II, стр 591.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782-а, л. 5.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 782-а, лл. 54—55.

⁶ ГАСК, ф. 79, оп. 2, д. 1008, л. 61.

В Троицкой ярмарке (Екатеринодар) летом 1845 г. приняли участие в торговле мирные (7205 чел.) и «немирные» (2595 чел.) закубанские черкесы общим числом 9800 чел., которые на 4901 арбе¹ доставили лес, различные изделия и продукты. Ими было продано, кроме того, 120 голов крупного рогатого скота и 80 лошадей. По возвращении с ярмарки горцы закупили значительное количество ржи, пшеницы, проса, много тканей, стеклянной и фарфоровой посуды и «прочих российских изделий вдовольном количестве».² Ими было закуплено также 1584 головы крупного и мелкого скота, 38 лошадей.³ Всего горцами продано товаров на 13550 рублей, а закуплено на 22457 рублей.⁴

В докладной записке своему начальству организаторы ярмарки писали: дружественные объяснения между русскими и горцами при покупке приводили к тому, что «из доставленных черкесами товаров не повезли назад ни одной вещи, кроме двух каюков, которые по огромности своей никому не потребовались... горцы жалеют, что к этому времени мало успели заготовить своих произведений», и просили «дозволить им торговать и в Покровскую ярмарку»,⁵ которая осенью 1845 г. также проводилась при значительном участии горцев.

Развитие торговых отношений с горцами в Черномории путем ярмарок в дальнейшем продолжалось. Их оборот зависел от состояния политической обстановки, времени года, экономического положения и пр. Об этом свидетельствуют некоторые данные о ярмарках в Екатеринодаре в 1846 г.⁶

В докладной записке командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Н. С. Завадовскому начальник Черноморской кордонной линии генерал Рашпиль отмечал добросовестность торгового обмена и дружелюбие горцев и русских на ярмарках. Он отмечал, что во время Троицкой ярмарки «черкес на ярмарке было не меньше, а может быть, и больше как наших людей. Это видел я сам, и многие другие удивлялись огромному количеству гарб и закубанского народа. Но более всего не могло казаться неувидительным для каждого, что ты-

¹ ГАСК, ф. 261, д. 731, л. 164.

² Там же, л. 143.

³ Там же, лл. 164—165.

⁴ ГАСК, ф. 261, д. 731, лл. 164—165.

⁵ Там же, лл. 157—165.

⁶ ГАСК, ф. 261, оп. 1, д. 857, лл. 60, 62, 117, 118. По сведениям «С.-Петербургских ведомостей», в 1846 г. Троицкую ярмарку посетило 10 тыс. горцев на 4-х тыс. возах. Товаров было привезено горцами на сумму 13 тыс. руб., а русских товаров — на 22,5 тыс. руб. (СПб ведомости, 1846, № 181).

Ярмарки	Количество горцев, прибывших на ярмарку	Количество арб	На какую сумму продано товаров горцами, в руб.	На какую сумму куплено товаров горцами, в руб.
Благовещенская	96	173	—	—
Троицкая	6244	5139	9156,2	8975,38
Покровская	2441	1387	4500	—

сячи черкес и казаков обоего пола, не понимающих друг друга, нисколько не затруднялись без толмачей купить и продать, что имел и что кому нужно было у других купить, сколько замечено, это не только не порождало неудовольствия с которой-либо стороны, но, напротив, кажется, забавляло тех и других... Из этого очевидно, как выгода торговли может ознакомить — сблизить враждующие народы».¹

Количество товаров, которыми производился обмен между горскими народами и русскими поселенцами, было во много раз выше указываемых официальными властями и карантинным начальством. Непосредственный обмен, провоз и вывоз товаров армянскими купцами не поддается никакому учету.

Развитие рыночной и ярмарочной торговли с участием горцев было бы в это время значительно выше, если бы оно не составлялось все еще большим количеством всевозможных препятствий. Так, 18 пунктов специально выработанных условий участия горцев в торговле на Благовещенской ярмарке в Екатеринодаре в 1845 г. были для них стеснительны. Здесь, помимо понятных предосторожностей, проявлялась основная колонизаторская линия царизма — политика силы и диктата.²

Нужда мирного горского населения в хлебе, особенно в неурожайные годы (каким был, например, и 1845), толкали их к расширению торгового обмена своих товаров на хлеб. В своем обозрении дел за Кубанью от 13 марта 1846 г. командующий Черноморской кордонной линией Г. А. Рашпиль отмечал крайне тяжелое положение, которое могло перерасти в голод. «Черке-

¹ ГАСК, ф. 261, оп. 1, д. 857, лл. 84—85.

² Русско-адыгейские торговые связи, стр. 215—216.

сы начали уже далеко простираť свои требования. Жалобы на недостаток хлеба и домогательство средств к приобретению его возникли от всех обществ мирных черкесов... Дело приняло оборот более серьезный и полумеры оказались уже неуместными».¹

△ Г. А. Рашпиль с разрешения генерала Завадовского в 1845 г. открыл обменные пункты черкесского сала на зерно.² В предписаниях станичным правлениям указывалось на необходимость немедленно известить об этом всех жителей станиц и хуторов.³ Конечно, в этих мерах местной администрации мало было желания оказать помощь в хлебе горцам. Об этом свидетельствует предупреждение в том же документе Рашпиля строго смотреть станичным начальникам, «чтобы жители не везли много хлеба на мену... При этом также строго внушать жителям, чтобы они при мене с черкесами как можно крепче торговались и — дорогой в настоящее время хлеб ценили высоко».⁴

Это была одна из форм ограничения торговли горцев со стороны правительственных и местных властей. Указанные меры предусматривали «не торговлю, а мену, дабы избыток произведений нашего края имел сбыт за Кубань, а оттуда также в натуре пополнялся бы недостаток местных потребностей войска».⁵ От местных властей требовалось, «чтобы на вольных базарах черкесы более, кроме хлеба, от наших жителей не получали... чтобы никто из наших, не привезший с собой хлеба, отнюдь не имел доступа к базарам...»⁶ Однако не допустить приобщение горцев к более широким размерам торговли власти уже были не в силах.⁷

¹ ГАКК, ф. 261, д. 817, лл. 55, 75.

² Там же, оп. 1, д. 736, лл. 32—34. Ср.: Русско-адыгейские торговые связи, стр. 241—243.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Русско-адыгейские торговые связи, стр. 276—277.

⁶ Там же.

⁷ После длительного перерыва в 1859 г. была открыта базарная торговля с мирными горцами, главным образом бжедухами. Такие базары были созданы против постов: главного Екатеринодарского, Павловского, Александровского, Константиновского и Подмогильного. В отчете Черноморскому войску за 1859 год отмечалось: «Начало торговли доставляет большую пользу для обеих сторон; доставляемый туземцами лес облегчает чувственную крайность в нем жителей Черномории, а сбыт его дает горцам средства покрывать свои недостатки в бедности». (ЦГИА, Гр. ССР, ф. 1080, оп. 2, д. 371, л. 28). Базарная торговля довольно развитой оставалась в Кизлярском и Моздокском уездах. (Обозрение Кавказского края, стр. 332—333, 341).

Потребность горцев в товарах промышленного производства все время росла. В 1850 г. закубанскими горцами было закуплено и вывезено только через Усть-Лабинскую карантинную заставу разных товаров на общую сумму 5600 р. 53 к.¹ В то же время через Червленную карантинную заставу было продано много продуктов и предметов первой необходимости, в том числе муки пшеничной — 11930 пудов, много рыбы, посуды и, как ни странно, 1380 пудов свиного сала и ветчины (!)²

Вместе с тем потребность в горских товарах росла и у русского населения. В апреле 1851 г., например, на Баталпашином меновом дворе русским населением у горцев было закуплено на 8685 р. 90 к., тогда как горцы закупили товаров промышленного производства лишь на 5195 р. 75 к.³

Развитие товарно-денежных отношений все больше втягивало горцев в круг общероссийской экономики. И хотя шла нескончаемая Кавказская война и было невероятно много препятствий к экономическому общению горцев с русским населением, но в их жизни происходили огромные перемены. Стремление приобрести российскую монету стало весьма заметным явлением в жизни большинства горских племен. В 1839 г. генерал Пулло сообщал из Чечни, что ежегодно до 40 тысяч горцев приходило на Сунженскую линию для сбыта своих продуктов и «звонкая монета усиливалась в обращении». Другой русский администратор в то же время сообщал, что горцы Западного Кавказа «узнали теперь цену деньгам и потому охотнее продают свои произведения на деньги, нежели на вымен товаров».⁴

К середине XIX в. ногайцы продавали скота на сумму от 100 до 175 тыс. руб.; от продажи шерсти получали до 30 тыс. рублей. Туркмены продавали верблюжьей шерсти примерно на 50 тыс. руб. серебром.⁵

Получая деньги, жаловался начальник Черноморской кордонной линии Рашпиль, черкесы покупают необходимые для себя товары в станичных лавках и тем самым наносят вред меновой торговле.⁶

Ломка старых патриархальных и натуральных отношений

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 5, д. 338, лл. 90, 91, 94, 95.

² Там же.

³ ГА КЧАО, ф. 1, оп. 1, св. 1, д. 16, лл. 6—7; оп. 4, св. 3, д. 65, лл. 12—13.

⁴ А. Ф. Фадеев. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореформенный период, «История СССР», 1957, № 1, стр. 153.

⁵ Обзорение Кавказского края, стр. 41—45, 61—62, 253.

⁶ Русско-адыгейские торговые связи, стр. 276—277.

среди многих горских племен была налицо, хотя и шел этот процесс сравнительно медленно. Торговля с русскими для горцев была, несомненно, прогрессивным шагом.

В середине XIX в. торговля горцев лесом стала принимать особенно широкие размеры. Только кабардинцы стали вывозить на продажу ежегодно до 25 тыс. подвод строевого и дровяного леса.¹

До 1840 г. надтеречные и сунженские чеченцы также вели довольно значительную торговлю лесом. К Кизляру они отправили по Сунже и Тереку до 600 плотов дровяного и строевого леса. Широко было развито бочарное производство, что находило большой сбыт в винодельческих районах Кизлярского края.² В отдельных местах Кабарды лесным массивам угрожало полное уничтожение. Многие горцы стали специализироваться на изготовлении отдельных видов продукции из дерева для продажи и постепенно превращались в ремесленников и товаропроизводителей.

Среди горцев появляются свои купцы, которые активно участвуют в торговых операциях с русскими, заготавливают и скупают необходимые предметы торговли среди соплеменников, проявляя при этом немалые способности и в значительной степени содействуя приспособлению их хозяйства к возрастающим потребностям рынка.

Более активному сближению горцев с русским населением, особенно тех, чьи земли лежали вдали от русских границ, в немалой степени мешали мирные аулы. Население этих аулов стремилось не допускать непосредственного общения горцев, живущих глубоко в горах, с русскими, так как это сократило бы их возможности обмена (особенно лесом) на товары первой необходимости. Это не раз отмечалось представителями местной администрации.³ В землях бжедухов, например, отдельные князьки взимали большую транзитную пошлину с провозимых товаров. «Нередко жадность этих наших князьков делает из курмука (пошлины) препятствие для торговли, гораздо важнее, чем дурное состояние, или — точнее сказать — несуществование путем сообщения по закубанской стороне».⁴ С другой стороны, такое посредничество мирных горцев в сближении русского на-

¹ Сборник сведений о кавказских горцах, т. III, стр. 21.

² Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1, СПб, 1871, стр. 382.

³ ГАКК, ф. 261, оп. 1, д. 731, лл. 167—172.

⁴ И. Попко. Черноморские казаки, стр. 124.

селения с горским из глубинных районов Северного Кавказа имело большое значение в развитии их экономики и культуры.¹

Таким образом, мы можем еще раз подчеркнуть активное стремление горцев к установлению тесных торговых отношений с русскими. Русский рынок для сбыта леса и других товаров и продуктов становился для горцев очень важным и необходимым.

Развитие торговых отношений между горскими народами и Россией существенно отличалось от того торгового обмена, который они вели с турецкими купцами. Последние были больше всего заинтересованы в обмене своих дорогостоящих товаров (парча, бархат, шелк и пр.) на ценную древесину (тис, самшит) и др., но больше всего предпочитали выменивать «живой товар» — рабов. Это сильно сокращало круг торговцев, участвующих в операциях, замыкая его рамки крупной феодальной, протурецки настроенной верхушкой. Только она имела возможности владеть рабами и с помощью зависимого населения подвозить лес к побережью моря для последующей погрузки на турецкие корабли.

Понятно, что такая торговля с турками ни в коей степени не отвечала интересам основной массы горского населения, тормозила развитие производительных сил.

Торговля горцев с русскими, напротив, в значительной степени содействовала развитию их экономики. На свои ремесленные изделия, скот, меха, фрукты горцы выменивали у русских не только соль, но и предметы первой необходимости, легкий и дешевый ситец, холст и другие ткани, различные орудия производства и пр. Не удивительно, что они больше тянулись к развитию торговли с Россией, несмотря на непрекращающиеся военные действия, сложность политической обстановки и злобную антирусскую пропаганду.

¹ Н. П. Гриценко. Указ. соч., стр. 68.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АБАЗИН, ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Абазины (самоназвание «абаза») живут ныне в Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края, а также в восточной части Адыгейской автономной области Краснодарского края.¹

В языке абазин имеются два диалекта: тапанта и шкарауа. К группе тапантовцев относятся лоовцы, бибердовцы, дударуковцы, клычевцы и джантемировцы; к группе шкарауовцев — там, кизилбек, баг, чегрей, баракай и мысылбай-башилбай. Проблемы этнической истории абазин, в частности вопрос об их происхождении, принадлежат к числу наименее изученных в кавказоведении. Родство абхазского и абазинского народов отмечают все исследователи. Очень долгое время, вплоть до XIX в., в значительной части письменных источников даже не было термина, которым бы обозначались северокавказские абазины.² Так, в русских летописях XII—XIV вв. «Обезом» называли сначала Абхазию, обезами же — живших в Восточном Причерноморье абхазов и абазин. Позднее «Обезом» стали именовать Абхазию и Грузию вместе, причем иногда «Обезом» (Абхазией) называлась вся Грузия.³

В более поздних источниках, например, в русских документах

¹ Из сводных работ об абазинах см.: Л. И. Лаврова. Абазины. Историко-этнографический очерк. Труды Института этнографии. Новая серия, т. XXVI. Кавказский этнографический сборник, т. I, М., 1955, стр. 5—47.

² Г. П. Сердюченко. Язык абазин. Известия Академии педагогических наук РСФСР, 67, М., 1955, стр. 17.

³ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965, стр. 138.

XVII в., абазины, как и абхазцы, иногда называются «абазой», но встречаются и названия «абазины», «абазинцы», «обазинцы», обозначающие кубанских абазин.¹ Западноевропейские авторы XVII в. одинаково называют абхазцами и абхазцев и абазин (Д'Асколи — «абаза», «аббаза»; Жан де Люк — «абхазы»; Витсен — «абаза»). Ламберти отмечает, что «с северной стороны ближе всех (к мингрельцам) живут те кавказцы, которых турки называют абазинами или абкасами».²

Турецкий автор XVII в. Эвлия Челеби также не различает абхазцев и абазин, называя и тех и других «абазами», «абазой». Абхазию он именует «Абазией».³ Автор начала XVIII в. Ксаверио Главани выделяет группу абазин из абхазцев, но отмечает, что абазины (бескесек абаза) по языку и происхождению — абазы, то есть абхазцы.⁴

Более поздние авторы XVIII и XIX вв. — Пейсонель, Гильденштедт, Паллас, Клапрот, Н. Дубровин, Ф. Торнау, Л. Люлье, Дюбуа де Монпере — не делают различия между абхазцами и абазинами.⁵ Правда, Л. Люлье все-таки выделяет абазин в особую группу, хотя и не считает возможным рассматривать абазин как самостоятельную народность, отличную от абхазов.⁶ А. Берже считает, что абазины — это переселенцы из Абхазии, которые прошли через горные перевалы и заняли пространство

¹ Е. П. Алексеева. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII вв. Черкесск, 1957, стр. 28—31.

² Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Дортелли Д'Асколи. Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД), т. 24. Одесса, 1902, стр. 105, 157, 160.

Жан де Люк. Описание перекопских ногайских татар, черкесов, мингрелов, грузин. ЗООИД, XI, 1879, стр. 488—489.

Н. Витсен. Север и восток Татарии (на голландском языке — русского перевода нет). Амстердам, 1705, стр. 554.

Ламберти. Описание Колхиды или Мингрелии. ЗООИД, X. Одесса, 1878, стр. 210—211.

³ Эвлия Челеби. Путешествие, кн. II — см. Ф. Брун. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря. ЗООИД, т. IX, Одесса, 1875, стр. 177—181; русский перевод отрывков из кн. VII «Путешествий» Эвлия Челеби хранится в г. Махачкала, в рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, исторический отдел, № 421, д. 1157 (в дальнейшем — Эвлия, рук.).

⁴ Главани Ксаверио. Описание Черкесии. 1727 г. СМОМПК, вып. XVII. Тифлис, 1893, стр. 154—165.

⁵ Сводка мнений, указанных автором по данному вопросу, и характеристика высказанных этими авторами взглядов даны в работе: Г. П. Сердюченко. Язык абазин, стр. 11—15.

⁶ Л. Люлье. Черкесия. Краснодар, 1927, стр. 9, 11.

жили мисимiane. Через их территорию проходили пути на Северный Кавказ — по Клухорскому и, видимо, по Марухскому перевалам. Абазги жили по побережью Черного моря на северо-запад от апсиров, до р. Бзыбь. Далее на северо-запад от абазгов, примерно до реки Псоу, жили саниги (или сагиды).¹ Северо-западнее санигов, вплоть до реки Туапсе, среди прочих племен обитали зихи и ахеи.² Согласно Арриану (II в. н. э.), зихи были северными соседями санигов, друг от друга их отделяла река Ахейус³ (рр. Шахе или Псезуапсе).

Что касается ахеев, то сведения о местах расселения этого племени, имеющиеся в письменных источниках, неточны и противоречивы. По мнению Г. А. Меликишвили, ахеи (ахейцы) жили от Туапсе до Сочи.⁴ Подобной же локализации ахеев придерживаются Л. И. Лавров и Ш. Д. Инал-Ипа. По мнению Л. И. Лаврова, ахеи жили где-то между Новороссийском и Сочи. Определяя более точное местонахождение этого племени, Л. И. Лавров называет крайним к северу пограничным пунктом ахеев Старую Ахею, где, согласно Псевдо-Арриану (V в.), протекала река Топсида, то есть Туапсе.⁵ Недалеко от этих мест протекает река Агуи, в названии которой, как отмечает Л. И. Лавров, сохранилось племенное название «ахей».⁶ Ш. Д. Инал-Ипа локализует ахеев между Туапсе и Сочи или Адлером. Но отдельные группы ахеев могли жить и юго-восточнее Сочи и Адлера. Так, согласно данным абхазской топонимики, почти все побережье от Адлера до Гагры некоторые старики абхазы до сих пор называют «Аха», а в верховьях реки Бзыби есть мест-

¹ З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964. Институт народов Азии; его же: Из истории средневековой Абхазии (VI—XVI вв.). Сухуми, 1959, стр. 6—16, карта на стр. 19. В дальнейшем ссылки будут на эту работу З. В. Анчабадзе, изданную в 1959 г.; Ш. Д. Инал-Ипа. Об этногенезе древнеабхазских племен. Доклад на VII международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., август 1964, стр. 9; его же: Абхазы, стр. 88—90, 93, 96, 97.

² Л. И. Лавров. О происхождении... стр. 203; его же: Адыги в раннем средневековье, стр. 38—39.

³ Арриан — В. В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. I. СПб, 1898—1900, стр. 224.

⁴ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 87—93; карта № 2.

⁵ Псевдо-Арриан — Лат., I, стр. 278—280; Л. И. Лавров. О происхождении... стр. 203.

⁶ Л. И. Лавров. О происхождении..., стр. 203.

ность и река Ахей.¹ После II в. н. э. ахеи в источниках не упоминаются, очевидно, они были поглощены зихами. Некоторые исследователи полагают, что ахеев в числе других племен можно считать древними предками абхазцев и абазин.²

Предками абхазцев и абазин была также часть зихов. Другая часть зихов, как известно, приняла участие в формировании адыгской народности.

Название «зихи» сохранилось в наименовании «джики». Л. И. Лавров указывает, что в древнегрузинских источниках термином «джики» назывались предки абазин.³ Джикетами (джигетами) грузины еще сравнительно недавно называли абхазское племя садзов, жившее до 1864 г. в окрестностях Адлера.⁴ Древнее название «зихи» слышится в слове «азыгъа», которое у адыгейцев до сих пор означает «абхазы».⁵

Основными компонентами в формировании абхазцев и абазин явились апсилы и абазги и в какой-то степени — саниги и мисимиане. Название «абазги» стало названием не только абхазского народа, но сохранилось и в самоназвании абазин — «абаза». Самоназвание абхазцев «апсуа» скорее всего происходит от названия «апсилы».⁶ Один из шкарауовских абазинских аулов в Карачаево-Черкесии тоже называется Апсуа. Название

¹ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, стр. 88, 351.

² По мнению Ш. Д. Инал-Ипа, ахейцы являются одним из прибрежных абхазских племен (Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, стр. 88). Л. И. Лавров обращает внимание на то, что «названия таких древних племен Северо-Западного Кавказа, как апсилы, абазги, ахеи, заставляют вспомнить обычную в абхазском и абазинском языках особенность наделять слова начальным звуком «а» (Л. И. Лавров. О происхождении... стр. 195).

³ Л. И. Лавров. Обезы, стр. 162.

⁴ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, стр. 97; как отмечает Х. С. Бгажба, еще в XIX в. у садзов-джигетов, кроме абхазского языка, было наречие асадзипсуа. В этом наречии Х. С. Бгажба видит «абхазо-абазинский диалект». (Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект, стр. 290). Джигеты были родственны северокавказским абазинам, с одной стороны, и населению западной части Бзыбской Абхазии — с другой. Сами себя они называли садзами или абадзой. Список слов, содержащийся в сочинении турецкого автора XVII в. Эвлия Челеби, показывает значительную близость языка джигетов к языку убыхов. Что касается убыхов, то они были промежуточным звеном между абхазской и адыгской этническими группами. (Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, стр. 264, 365, 368).

⁵ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, стр. 97.

⁶ З. В. Анчабадзе. Указ соч., стр. 69; Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, стр. 77.

«саниги» сохранилось в названии абхазского племени садзов (джигетов), родственников абазинам.¹

Что касается мисимиан, то в отношении их этнической принадлежности существуют разные точки зрения. Их считали осетинами (В. Б. Пфафф), каким-то особым племенем (С. Н. Джанашиа), сванами (С. Г. Каухчишвили, Г. А. Мелликишвили). Ш. Д. Инал-Ипа, на наш взгляд, очень убедительно показал, что мисимиане являются древнеабхазским племенем, близким апсилам. Интересно также заключение этого автора о том, что в основе этнонима мисимиан лежит название абхазского племени маршанов (марчан). Род Маршанов господствовал в Цебельдинском округе, в Псху, Медовее и некоторых других горных абхазских обществах.²

Таким образом, и абхазцы и абазины ведут свое происхождение от одних и тех же предков — апсилов, абазгов, санигов, мисимиан, возможно, — ахеев и какой-то части зихов. Об этническом родстве абхазцев и абазин говорят данные языка, топонимики, этнонимики, фольклора и многих исторических источников.

Не подлежит сомнению родство абхазского и абазинского языков. Несмотря на то, что абазинский язык испытал влияние кабардино-черкесского языка, сходство абхазского и абазинского языков очевидно, и объясняется оно отнюдь не долгим соседством, заимствованиями и взаимовлияниями, как полагает Л. И. Лавров. Причины сходства нужно искать гораздо глубже. Исследователи-языковеды приходят к выводу, что в древние времена предки абхазцев и абазин говорили на одном языке. Первоначально были диалекты, которые имели незначительные особенности, впоследствии эти особенности стали более ощутимыми. Однако и в наше время абхазский и абазинский языки

¹ В настоящее время Л. И. Лавров выдвигает гипотезу о том, что саниги — предки одного из адыгских племен — жанеевцев (Л. И. Лавров. К истории бжедугов и жанеевцев. Ученые записки Адыгейского НИИ, т. IV, история и этнография, Краснодар, 1965, стр. 250). Для подтверждения этой рабочей гипотезы нужны еще дополнительные обоснования. Пока все же имеется больше данных в пользу того, что саниги являются предками абхазцев и абазин.

² Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, стр. 93—96; отметим, кстати, что жители селения Псху имеют особый говор, который наблюдается только у них и у жителей Апсуа в КЧАО.

сохранили общность грамматического строя и основного словарного фонда.¹

Близкое родство абхазцев и абазин прослеживается во многих чертах их материальной² и духовной культуры, в частности, на материалах тамг. Существовала группа тамг, которая до недавнего времени бытовала и в Абхазии и у северокавказских абазин.³

О том, что первоначальным местом обитания абазин была территория нынешней Абхазии и восточное побережье Черного моря, вплоть до Туапсе, говорят и народные предания. Так, записаны предания, согласно которым часть абазин еще в давние времена выселилась из Абхазии в долину р. Теберды.⁴ По другим преданиям, из разных местностей⁵ северо-западной Абхазии выселились шкарауовцы и другие абазины. Л. И. Лавров отмечает, что, по преданиям, исконной территорией обитания абазин были Адлеровский, Туапсинский и Лазаревский районы, в частности, местность Вордане, северо-западнее Сочи. Топонимика этих мест сохранила следы абазинского языка.⁶

Итак, абхазцы и абазины являются близкородственными народами, и это объясняется общностью происхождения, тем, что оба народа произошли от общих предков.

Когда же отделился абазинский народ от абхазского, другими словами, как происходил процесс формирования абхазской и абазинской народностей на ранних этапах?

¹ А. Н. Генко. Абазинский язык, стр. 9; Х. С. Бгажба. Бзыбский диалект, стр. 288; К. В. Ломтатидзе. Ашхарский диалект, стр. 339; З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 204. Особенно близок абхазскому языку шкарауовский (ашхарский) диалект абазинского языка. Это отмечают указанные исследователи. См. также: Е. С. Шакрыл. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов. Ученые записки Адыгейского НИИ, т. IV. Краснодар, 1965, стр. 214.

Говоря о близости абхазского и абазинского языков, объясняющейся общностью происхождения, нельзя впадать в другую крайность, считая тапантаский и шкарауовский (ашхарский) диалекты диалектами абхазского языка. От этого предостерегал Г. П. Сердюченко, подчеркивавший, что «язык абазин в настоящее время является языком совершенно самостоятельным, обладающим особенностями, резко отличающими его как от кабардино-черкесского, так и от абхазского». (Г. П. Сердюченко. Язык абазин, стр. 32).

² З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 205, при. 6.

³ Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. Сухуми, 1962, стр. 32, 40, 75.

⁴ К. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. Кавказский сборник, т. XXI, 1900, стр. 65; Л. И. Лавров «Обезы»... стр. 162—163.

⁵ К. В. Ломтатидзе. Указ. соч., стр. 133, 340, 350; Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, стр. 369.

⁶ Л. И. Лавров. «Обезы»... стр. 163; его же: О происхождении народов Северо-Западного Кавказа, стр. 193—207.

Проблемой формирования абхазской народности специально занимался Ш. Д. Инал-Ипа.¹ Как справедливо отмечает этот исследователь, начальный этап образования народности относится к периоду формирования прочных союзов племен. Существование же таких союзов абхазских племен, по данным Плinius и Арриана, в I—II вв. было уже давно совершившимся фактом.

К концу I в. сложилось несколько «царств» или «княжеств» с местными правителями во главе — «княжества» апсиров, абазгов, санигов и др. Это было время распада первобытно-общинного строя и возникновения классового общества, когда сложились условия для слияния небольших этнических групп в более крупные и закладывались основы для формирования абхазской народности. Возникшие «княжества», по существу, являлись союзами племен, находившихся на стадии военной демократии, но с некоторыми зачатками государственности. Близкое соприкосновение с античными государствами способствовало социально-экономическому и политическому развитию населения Северо-Западного Кавказа. Из четырех основных союзов абхазских племен главными являлись апсилы на юго-востоке и абазги на северо-западе. Другие племена и племенные союзы ассимилировались этими двумя наиболее сильными племенными объединениями. Процесс формирования абхазской народности был длительным и завершился, в основном, как считает Ш. Д. Инал-Ипа, с образованием Абхазского царства с единым правителем во главе в VIII в. После второй половины VIII в. апсилы и саниги в источниках почти не упоминаются, а упоминания о мисимианах исчезают еще раньше.

Возникновение Абхазского царства, которое являлось образованием феодального типа, имело большое значение в процессе становления абхазской народности. Существование государства способствовало упрочению этнической общности людей, объединенных единством происхождения, территории, языка, культуры, знаменовало собой разрушение племенных преград, создавало благоприятные условия для консолидации апсиров,

¹ Ш. Д. Инал-Ипа. Об этногенезе древнеабхазских племен. (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук). М., 1964, стр. 9—10; его же: Абхазы, стр. 92, 93, 96, 102, 103, 131, 132, 138, 385.

санигов, мисимиан, какой-то части зихов и других племен вокруг абазгов, которые, как предполагает Ш. Д. Инал-Ипа, и явились ядром в образовании абхазской народности. Вместе с тем действовали и силы, сдерживавшие этническую консолидацию местного населения — феодальный партикуляризм, сильные пережитки патриархально-родовых отношений, сохранявшихся у абхазов, как и у многих других кавказских народов, в течение всего средневековья вплоть до XIX в.¹

Когда же началось формирование абазинской народности, отличной от абхазской, и когда этот процесс исторический завершился?

Этот процесс не мог начаться ранее VIII в., так как до этого времени ни у населения Абхазии, ни у племен, обитавших вдоль по восточному берегу Черного моря северо-западнее Абхазии, еще не было феодальных отношений. Народность же, как известно, категория, свойственная классовому обществу, в условиях Северо-Западного Кавказа — феодальному обществу, так как здесь у местного населения первобытно-общинный строй непосредственно сменился феодальными отношениями, минуя рабовладельческую формацию. В VIII в. у населения Абхазии уже было государственное образование раннефеодального типа. В течение VIII—X вв. складывались феодальные отношения и у всего местного населения Северо-Западного Кавказа, в том числе у зихов.²

Завершился процесс образования абазинской народности, по нашему мнению, не позднее XIV в. Ко времени массового переселения абазин на Северный Кавказ — к рубежу XIII—XIV вв. (см. ниже) — уже существовала отличная от абхазской абазинская народность. Ведь если этого не признать и считать, что абaziны — это часть абхазцев, которая выселилась на Северный Кавказ и только там сформировалась в абазинскую народность, то как тогда объяснить наличие абазин на Восточно-Черноморском побережье и даже в самой Абхазии вплоть до недавнего

¹ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, стр. 138—139, 385; см. также: З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 96.

² О становлении в развитии феодальных отношений у народов Северо-Западного Кавказа см.: Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I, гл. II, Ставрополь, 1967.

времени?¹ Значит, разделение на абхазцев и абазин произошло еще на побережье Черного моря, до массового переселения абазин на северные склоны Кавказского хребта.

В этом отношении представляет интерес следующее замечание Ш. Д. Инал-Ипа: «...имеются веские основания полагать, что абазинны до своего переселения на Северный Кавказ представляли собой обособленную часть абхазского этнического массива, которая, населяя северо-западные горные области Абхазии и прилегающие места, в том числе м. б. частично и какие-то территории за хребтом, была известна под своим особым племенным названием «ашва».²

¹ Предки абхазо-абазин в средние века населяли Восточное Причерноморье не только к югу от реки Туапсе, но и к северо-западу от этой реки, где они жили отдельными группами среди адыгов. Это мы попытаемся показать на археологических материалах V—XIV вв. в следующем разделе.

Имеются сведения письменных источников о расселении предков абазин и самих абазин на восточном побережье Черного моря. (Константин Багрянородный, X век — см. ниже; Русские летописи XII—XIV вв.).

Некоторые данные по этому вопросу мы находим у авторов XVI—XVII вв. Так, Герберштейн (XVI в.) упоминает «афгазов», живших к юго-востоку Меотийских болот (Азовское море — Е. А.) и Понта (Черного моря — Е. А.), по реке Кубани, впадающей в болота (С. Герберштейн, Записки о московитских делах. М., 1908, стр. 120). Надо думать, что здесь речь идет об абазинах, живших среди черкесов по восточному берегу Черного моря, северо-западнее Туапсе, вплоть до устья Кубани и Азовского побережья, а также по Кубани.

Об абхазцах и абазинах, населявших Восточное Причерноморье, пишут уже упомянутые нами авторы XVII века Д'Асколи, Жан де Люк, Ламберти и Эвлия Челеби. Сведения последнего для нас особенно интересны. Так, в числе прибрежных племен он называет племена суук-су, кютаси (живших в районе Туапсе), ашегали, обитавшие к северу от р. Аше, и другие. Некоторые из названных племен, например, ашегали, могли быть абазинскими. В преданиях, собранных Ш. Б. Ногмовым, фигурируют абазинские князья Ашевы. В числе горных племен Эвлия называет племена беслеб и чаграй. По мнению А. Н. Генко и Г. П. Сердюченко, «беслеб» — бессельбай, башильбай, а «чаграй» — шахгиреевцы, иначе — баговцы. (Эвлия у Ф. Бруна, стр. 173—182; А. Н. Генко. О языке убыхов. Известия АН СССР, № 3, 1928, Л., стр. 237; Г. П. Сердюченко. Язык абазин, стр. 10; Е. П. Алексеева. Очерки по экономике и культуре... стр. 28—31).

Абазинские жили на восточном берегу Черного моря и в XVIII—XIX вв. Вплоть до 1864 г. на побережье оставалась еще значительная часть абазин.

Часть абазин жила в горах Абхазии, в Псху, Ахчypsа, Псананан, Хуажбе и в других местах. Ряд абазинских фамилий встречается в Бзыбской и Абжуйской Абхазии. По преданию, абхазские Ачба и абазинские Лоу — одного рода (см. указанные работы Ц. Н. Бжания, Ш. Д. Инал-Ипа, Л. И. Лаврова, З. В. Анчабадзе).

² Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы, стр. 370, прим. 1. (Подчеркнуто везде нами. — Е. А.).

Здесь уместно будет также вспомнить сообщение византийского автора X века Константина Багрянородного, по словам которого между Сотириуполем (очевидно, Пицунда, близ устья р. Бзыбь) и Никопсией (Нечепсухо, севернее Туапсе) находилась «Авазгия», или «Абасгия».¹ Как мы видим, Константин «Абасгией» называет не всю территорию, заселенную в средние века абхазцами (начиная от р. Галидзга² и далее по побережью на северо-запад). «Абасгия» Константина располагалась в северо-западной части современной Абхазии и далее по Восточно-Черноморскому побережью вплоть до Туапсе и несколько севернее. Короче говоря, названа именно та местность, которая обычно связывается с областью древнего обитания абазин. Может быть, именно в «Абасгии» Константина Багрянородного и обитали абазинцы «ашва», обособленная часть абхазского этнического массива, о которой говорит Ш. Д. Инал-Ипа.

Таким образом, есть основания предполагать, что начало формирования абазинской народности, отличной от абхазской, падает на конец I тысячелетия н. э., когда у всех племен, из которых образовалась абазинская народность, в том числе и у зихов, существовали феодальные отношения и когда абазинцы, представлявшие уже обособившуюся часть абхазского этнического массива, занимали определенную территорию, возможно, этой территорией была местность между Бзыбью и Туапсе, названная Константином «Абасгией». Может быть, к этому времени они имели уже и свое особое название, например, «ашва», как полагает Ш. Д. Инал-Ипа. К рубежу XIII—XIV вв., еще до массового переселения абазин на северные склоны Кавказского хребта, этот процесс завершился. Образовалась абазинская (точнее — древнеабазинская) народность, на основе которой в последующие периоды формировались более поздние абазинские этнические образования.

¹ Константин Багрянородный. Об управлении государством. Пер. В. В. Латышева, пересмотренный Н. В. Малицким. ИГАИМК, вып. 91. М.—Л., 1934, стр. 21: «От конца Зихии, то есть от реки Никопсиса, побережье занимает земля Авазгия до города Сотириуполя на протяжении 300 миль». Эта территория вообще была несколько обособленной. Как пишет З. В. Анчабадзе, «не случайно... что именно этот район составлял в Абхазском царстве (а затем до определенного времени в объединенной Грузии) так называемое Абхазское эршество». (З. В. Анчабадзе, Указ. соч., стр. 209). На этой территории, среди других племен жили родственные абхазцам и абазинцам саниги — садзы-джики, часть которых, по словам З. В. Анчабадзе, была ассимилирована убыхами (З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 209).

² З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 210.

Обратимся теперь к данным археологии и попытаемся с их помощью пролить некоторый свет на интересующие нас вопросы этнической истории абазинского народа. До сих пор таких попыток исследователи-абазиноведы не делали.

К сожалению, пока еще совершенно не изучены памятники I тысячелетия до н. э. древних зихов, ахеев и других племен, обитавших на восточном побережье Черного моря, северо-западнее Абхазии, и принявших участие в образовании древнего абхазо-абазинского этнического массива.

Лучше обстоит дело с памятниками тех предков абхазцев и абазин, которые жили на территории Абхазии. Здесь исследованы интересные памятники I тысячелетия до н. э., которые дают представление о различных сторонах материальной и духовной культуры древнего населения Абхазии, в частности, об обряде погребения.

У населения древней Абхазии, помимо обряда трупоположения, издавна практиковался обряд трупосожжения. Самые ранние погребения с кремацией, известные на территории Абхазии, относятся к X в. до н. э.¹

В могильниках, расположенных в городе Сухуми (на Сухумской горе и на соседней с ней горе Гуад-Иху) среди погребений VIII—III вв. до н. э., помимо трупоположений, встречены и погребения с кремацией — в урне и без урны.² Основная группа погребений Гуад-Ихского могильника относится к V—III вв. до н. э.³

Погребения с кремацией Гуад-Ихского могильника были двух типов. К первому типу относятся округлые могильные ямы без обкладки, с полной кремацией покойника (кремация производилась на стороне). Ко второму типу принадлежат могильные ямы удлиненной формы, с частичным сожжением покойника (до обугливания костей). Кремация производилась непосредственно в могильной яме.

Инвентарь могильника — местный (колхидская культура), хотя и имеются некоторые предметы (глиняные сосуды) греческого происхождения. Некоторые железные предметы (орудия

¹ Письмо М. М. Трапша к автору данной статьи от 24 декабря 1965 года.

² Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш. Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти. Труды Абхазского НИИ, т. XXXII, Сухуми, 1961, стр. 115—128 (в частности, стр. 119).

³ М. М. Трапш. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг. «Советская археология», т. XXIII. М., 1955, стр. 206—227.

труда, предметы вооружения) и бронзовые украшения можно сопоставить с изделиями позднекобанского облика.

Анализ материала свидетельствует о связях древнего населения окрестностей Сухуми с античными колониями Причерноморья, а также с народами Северного Кавказа, степной полосы Юга России и Северного Причерноморья. Можно говорить и о начавшемся процессе имущественной дифференциации.¹

На территории Абхазии исследованы и другие могильники I тысячелетия до н. э. Выявлены трупоположения в простых грунтовых ямах, вторичные захоронения в урнах и трупосожжения в урнах и без них.²

Таким образом, обряд трупосожжения в урнах и без них, наряду с другими формами захоронений, был характерен для древнего населения Абхазии, начиная с X в. до н. э. Этот обряд местный. Он не мог быть заимствован, например, у греков, которые появились здесь значительно позднее X в. до н. э.³

В настоящее время на территории Абхазии открываются могильники и более позднего времени, чем рассмотренные нами выше. Так, в горной части Абхазии, северо-восточнее Сухуми, на пути к Клухорскому перевалу, у селения Цебельда, исследованы могильники III — начала VI в. н. э.⁴

Захоронения были двух типов: трупоположение и трупосожжение. К первому типу относятся грунтовые могильные ямы удлиненной формы. Покойник клался в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад или на юго-запад. Иногда руки сложены на груди, по христианскому обряду. (Отметим, кстати, что в этом могильнике найден золотой крестик III в.).

Второй тип — трупосожжение.⁴ Сожжение было полное и не-

¹ М. М. Трапш. Некоторые итоги... стр. 236.

² М. М. Трапш. Письмо от 24 декабря 1965 г. к автору данной работы; Г. К. Шамба. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии. «Советская археология», 1965, № 2, стр. 265.

³ Г. К. Шамба. Указ. соч., стр. 265.

⁴ М. М. Трапш. Памятники апсило-абазгской культуры. Тезисы доклада на секционном заседании Пленума Института археологии АН СССР, посвященного исследованиям 1961 г., март-апрель 1962 г. Москва; его же: Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг. Труды Абхазского НИИ, тт. XXXIII—XXXIV. Сухуми, 1963, стр. 258—277; его же: Раскопки некрополя «Ахъацарахва» в сел. Цебельда Абхазской ССР (Тезисы доклада). Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов). Отделение истории АН СССР. Отделение общественных наук АН Азербайджанской ССР. Баку, 1965, стр. 120; Г. К. Шамба. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии, стр. 262—266.

полное. Как правило, прах помещался в урну, и лишь в редких случаях сыпался на дно могилы. В качестве урн использовались большие красноглиняные пифосы, а также кувшины с двумя петлевидными ручками. Урна покрывалась красноглиняной тарелкой или миской, а в отдельных случаях — кубкообразной вазой на высокой ножке. Предметы украшения помещались вместе с пеплом погребенного в урне. Возле клались предметы вооружения: топоры, мечи, наконечники копий и стрел, щиты с умбонами. Иногда рядом с погребением клали труп коня с принадлежностями сбруи.⁴

Труположения и трупосожжения хронологически сосуществуют. Чем объясняется наличие разных обрядов погребения на одном и том же могильнике, исследователи пока не решили. Может быть, это объясняется отсутствием этнического единства,¹ а может быть, здесь следует искать другие причины. На наш взгляд, следует обратить внимание на проникновение христианства. Трупосожжение, как известно, обряд дохристианский. Та же часть населения этой местности, которая приняла христианство, естественно, погребалась по христианскому обряду, по обряду труположения.

В Цебельдинских могильниках есть погребения бедные, есть и очень богатые. Это свидетельствует о довольно далеко зашедшем процессе имущественной дифференциации.

Наличие большого количества оружия в Цебельде говорит о воинственности оставившего могильник населения, которому пришлось вести постоянную борьбу с римскими захватчиками, а также, видимо, с племенами, нападавшими на него со стороны Северного Кавказа.

Существовали и мирные, торговые связи с населением Северного Кавказа: ведь эта местность лежала на древнем торговом пути через Клухорский перевал. По типам мечей, черешковых железных наконечников стрел прослеживается тесная связь цебельдинцев с сарматами Северного Кавказа. Эти связи также, очевидно, осуществлялись через Клухорский перевал. Вещи, найденные в цебельдинских могилах, сделаны очень искусно, что говорит о высокой культуре.

¹ Г. К. Шамба (Указ. соч., стр. 265) считает, что пестрота обряда указывает на смешанность населения, имевшего разные культурные традиции и разное происхождение. М. М. Трапш полагает, что погребенные как по обряду труположения, так и по обряду трупосожжения относились к одной этнической группе (Указ. соч., в Трудах Абхазского НИИ, тт. XXXIII—XXXXIV, стр. 262).

Наряду с предметами местного происхождения, есть вещи античного типа. Это говорит о широких торговых связях местного населения с позднеантичным миром (через город Севастополис — Сухуми).

Среди находок местного типа, происходящих из Цебельдинских могильников, есть вещи, характерные только для Цебельдинской культуры. Это глиняные сосуды (в основном — кувшины) с чашечкообразным венчиком, ведущие свое происхождение от подобных же местных сосудов раннеэллинистического времени (напр., IV в. до н. э.); серебряные серьги с кантовидными вильчатыми подвесками; пластинчатые крестовидные фибулы.¹

Таким образом, Цебельдинская культура имела свои локальные особенности.

И, наконец, еще один, весьма важный вывод: бронзовые гривны, фибулы, очковидные подвески и другие вещи, а также орнаментальные мотивы на украшениях генетически связаны с подобными же мотивами и вещами, характерными для предметов колхидо-кобанского типа. Цебельдинская культура, как отмечает М. М. Трапш, есть «результат дальнейшего развития Колхидской культуры».²

Как мы отмечали выше, судя по данным письменных источников, в первой половине I тысячелетия н. э. в этих местах жили апсилы и абазги, поэтому совершенно справедливо, на наш взгляд, заключение М. М. Трапша о принадлежности Цебельдинских могильников апсило-абазгским племенам.³ Здесь только, как нам кажется, нельзя упускать и факт соседства горного племени мисимиап.

Итак, для Цебельдинских могильников, наряду с труположением, чрезвычайно характерен обряд трупосожжения (главным образом, с урнами). В этом обряде сказывается древняя

¹ М. М. Трапш. Раскопки некрополя «Ахъацарахва». Тезисы, стр. 120. Первоначально к числу предметов, свойственных только для Цебельдинской культуры, относились и найденные в Цебельдинских могильниках особой формы топоры со свисающим лезвием и свисающим обухом. Но, как показали дальнейшие исследования, подобного типа топоры существовали на значительно более широкой территории (Г. К. Шамба. Указ. соч., стр. 265). Интересно, что такие топоры были у абхазцев вплоть до XIX в.

² М. М. Трапш. Указ. соч., в Трудах Абхазского НИИ, тт. XXXIII—XXXIV, стр. 275; его же: Раскопки некрополя «Ахъацарахва». Тезисы, стр. 120.

³ М. М. Трапш. Указ. соч., Труды Абхазского НИИ, тт. XXXIII — XXXIV, стр. 259, 276.

местная традиция погребать сожженный прах покойника в могильных ямах, а иногда — в урнах.

Итак, обычай трупосожжения, наряду с трупоположением, практиковался в этих местах непрерывно, начиная с X в. до н. э., вплоть до позднеантичной и раннесредневековой эпох.¹ Это местный, древний обычай, не заимствованный у других народов, скажем, у греков.

Цебельдинские могильники связываются с апсилами, абазгами и, возможно, мисимнанами, которых можно считать предками абхазцев и абазин. Таким образом, для предков абхазцев и абазин, наряду с трупоположением, характерен обряд трупосожжения с урнами и без них.

Обратимся теперь к памятникам Северо-Западного Кавказа, расположенным вне пределов Абхазии. Есть ли здесь трупосожжения в I тысячелетии до н. э. и характерны ли они для погребального обряда местных племен?

Трупосожжение встречено в одном из курганов с деревянным шатром у ст. Костромской. Этот курган оставлен скифами и относится к VI в. до н. э.² Трупосожжения иногда встречаются в скифских курганах VI—IV вв. до н. э. на Украине (Смела), на Среднем Дону и в Средней Азии.³

Погребения с трупосожжениями, относящиеся к этому же времени — середины I тысячелетия до н. э., — известны на территории Карачаево-Черкесии (один случай, в кургане у с. Карабашево) и в Кабардино-Балкарии, в частности у с. Верхний Чегем и Булунга. Эти захоронения грунтовые, бескурганные. Обнаруженные там вещи представляли обломки обгорелых железных предметов, бронзовых изделий позднекобанского типа и разноцветных стеклянных бус. Человеческие кости сохранились в виде мелких обгоревших обломков.⁴ Курган у с. Кара-

¹ Г. К. Шамба. Указ. соч., стр. 265.

² ОАК, 1897, стр. 2—11.

³ А. А. Бобринский. Курганы и археологические находки близ местечка Смелы, т. I. СПб., 1887, стр. 22; Е. Г. Кастанаян. Обряд тризны в боспорских курганах. «Советская археология», т. XIV, М.—Л., 1950, стр. 128. В. А. Башнилов. Курганы с трупосожжением у сел. Мастюгина. «Советская археология», 1963, № 2, стр. 151—157; С. П. Толстов. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. ВДИ, 1963, № 2, стр. 28, 34, 35.

⁴ Карабашево, В. П. Любин. Находки скифской эпохи в Карачаево-Черкесии. Труды Карачаево-Черкесского НИИ, вып. IV, серия историческая. Ставрополь. 1964, стр. 254—261. Верхний Чегем, Булунга. — Е. П. Алексева. Археологические раскопки в районе сел. Верхний Чегем в 1959 г. Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. 9. Нальчик, 1961, стр. 193—204.

башево связывается с распространением Скифской культуры, что касается кремации в Кабардино-Балкарии, то о причинах ее появления здесь в середине I тысячелетия до н. э. пока говорить трудно.¹ Но можно совершенно твердо утверждать, что вообще трупосожжение для этих мест не характерно. В Карачаево-Черкесии также до VI в. до н. э. трупосожжения не практиковались. Курган Карабашево — пока единственный случай и для VI в. до н. э. Позднее, во второй половине I тысячелетия до н. э. и в раннем средневековье, кремации здесь также не было. И, очевидно, лишь в очень позднее время в некоторых местах Карачаево-Черкесии (напр., на Теберде) имело место трупосожжение (об этом мы будем говорить дальше).

В античных колониях, расположенных в причерноморских и приазовских районах Северо-Западного Кавказа, трупосожжения практиковались, начиная с VI в. до н. э. и вплоть до III в. н. э. включительно. Это был греческий обряд, наблюдаемый в греческих, иногда в греко-синдских погребениях.

В некрополях Пантикапея, Фанагории, Кеп, Тирамбы и других населенных пунктов Боспора, а также Танаиса встречено

¹ Одна из вероятных возможностей — проникновение обряда трупосожжения в Чегемское ущелье, вместе с посетителями этого обряда, через перевал, из Западного Закавказья. Вполне естественно предположить, что отдельные западнозакавказские этнические группы проникали через перевалы на Северо-Западный и Северный Кавказ еще в очень ранние эпохи. Так, М. М. Трапш полагает, что закавказские племена, в том числе и племена, жившие на территории Абхазии, переходили на Северо-Западный Кавказ и селились там еще в эпоху бронзы. (Письмо М. М. Трапша к автору данной работы от 24 декабря 1965 г. и замечания М. М. Трапша на данную работу от 23 февраля 1966 г.). Обоснование своему мнению М. М. Трапш видит в материалах и выводах, имеющихся в статье А. А. Иессена (Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. Материалы и исследования по археологии СССР, 23. М.—Л., 1951, стр. 75—124) и в находке близ г. Майкопа каменной плиты с надписью. Г. Ф. Турчанинов считает, что эта надпись сделана на древнеабхазском языке и датируется XIII—XII вв. до н. э. (Г. Ф. Турчанинов. Древнейший письменный памятник Кавказа. ВДИ, 1965, № 3; ВДИ, 1966, 2; «Вопросы истории», 1965, № 4). Само по себе предположение М. М. Трапша о возможном проникновении каких-то западно-закавказских (в том числе и древнеабхазских) этнических групп на Северо-Западный Кавказ еще в эпоху бронзы нам не кажется невозможным, однако доводы М. М. Трапша в пользу этого предположения мы не можем считать вполне убедительными. Материалы указанной статьи А. А. Иессена говорят скорее о существовании обмена с западнозакавказскими племенами, нежели о проникновении на Северо-Западный Кавказ самих этих племен. Что касается надписи на Майкопской плите, то чтение и датировка этой надписи многими учеными оспариваются (см. например, статьи И. М. Дьяконова в ВДИ, 1966, № 2, стр. 99—104; П. У. Аутлева, там же, стр. 104—107; И. Е. Крупнова в журнале «Вопросы истории», 1965, № 4 и др.).

много трупосожжений в урнах. Эти погребения бескурганные.¹ Но известны и трупосожжения в урнах, находящихся в курганной насыпи.²

Есть бескурганные трупосожжения без урн (в могиле находились остатки сожженного праха и обгорелые вещи). Трупосожжения без урн получили название «жженные гробницы» или «жженные могилы». «Жженные могилы» встречены не только в грунтовых некрополях, но и в подкурганных погребениях. Так, они обнаружены под насыпью греко-синдского кургана «Большая Близница» (IV в. до н. э.)³

Таким образом, греческий обряд трупосожжения в какой-то степени заимствовался сильно эллинизированной местной синдской знатью. Для других племен Северо-Западного Кавказа в античный период обряд трупосожжения был не характерен. Местное население продолжало хоронить умерших без кремации, по своим обрядам.

Итак, в I тысячелетии до н. э. обряд трупосожжения, практиковавшийся у греков и в какой-то степени у скифов, для местного населения Северо-Западного Кавказа был совершенно чуждым.

Как же обстояло дело в эпоху средневековья?

Начиная с V в. н. э. трупосожжение, наряду с трупоположением, становится обычным видом захоронения на Северо-Западном Кавказе. На Восточно-Черноморском побережье могильники с трупосожжением, расположенные бок о бок с трупоположением,

¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 330; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 40, 280, 292, 382; Е. Г. Касанаян. Обряд тризны в боспорских курганах. «Советская археология», т. XIV, М.—Л., 1950, стр. 128 и др.; ее же: Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и их местные особенности. МИА, вып. 69. М.—Л., 1959, стр. 260, 271—276; Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикалея, его история, этнический и социальный состав. МИА, вып. 19, М., 1951, стр. 64, 75, 85; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, вып. 57, М., 1956, стр. 39; В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагория в 1938, 1939 и 1940 гг. МИА, вып. 19, М., 1951, стр. 189—249; его же: Второй год работ Синдской экспедиции. КСИИМК, вып. 51. М., 1953, стр. 149—155; Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя в Кепях в 1959—1960 гг. КСИА, вып. 91. М., 1962, стр. 98—106, и другие исследования по археологии Боспора. См. также: Д. Б. Шелов. Раскопки Танаиса в 1955 г. КСИИМК, вып. 74, М., 1959, стр. 74—80; его же: Некрополь из Танаиса (раскопки 1955—1958 гг.), МИА, вып. 98, М., 1961, стр. 6, 83—84.

² Н. И. Соколовский. Раскопки в Кепях в 1960 г. КСИА, вып. 91, М., 1962, стр. 83—91.

³ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 292.

положениями, известны от Раевской до Туапсе. Датируются они с V по XIV в. н. э.¹

У Раевской, у бывшего хутора Кобзы, — могильник XII — XIII вв. и позднее. Есть курганы с погребальными красноглиняными урнами, покрытыми гребенчатым орнаментом.² В Новороссийске, на 6-й версте железной дороги Новороссийск—Тоннельная, обнаружен небольшой трегубый оранжевый кувшин высотой 22 см. Вокруг него втрое изогнутая сабля, наконечник копья, стремяна, удила, огниво, листовидные наконечники стрел и др. предметы.

В г. Новороссийске, в парке им. В. И. Ленина, Н. В. Анфимовым обнаружено погребение с трупосожжением в желтоглиняном кувшине-урне. В урне находились два плоских черешковых железных наконечника стрел и сероглиняная миска с слегка отогнутым краем³ (вспомним, что в Цебельде погребальные урны иногда покрывались мисками). Второе погребение — в урне-горшке. Горшок широкогорлый, плоскодонный, высота 0,5 м. Дата погребений — X — XI вв.⁴

У Мысхако (памятники XI—XIII вв.) — курганы полушаровидной формы, на поверхности видны плиты от гробниц. Под насыпью — каменное кольцо. В могильнике у бывшей усадьбы Пенчула встречаются захоронения с трупосожжением (в урнах).⁵

Пенайский мыс, 16 км к югу от Новороссийска. Курганный могильник. Западная и южная часть насыпи — из камней, северная и восточная — из чистой земли. В этой части насыпи (а не в центре), на материке или на 30 см ниже — урна. Дата — средние века.

Кабардинка. 4 пифоса с каменными крышками. Относятся к IX—X вв. Мыс Дооб. В северной части горы Дооб, вблизи дороги — селище XI—XV вв. Здесь же курганы с трупосожжением и трупоположением; одновременные с поселением. Бывшее имение Борисово — тоже мыс Дооб. Три хронологических группы могил.

1-я группа (V—VI вв. н. э.) — 51 погребение: 40 каменных ящиков, 9 грунтовых могил, два сожжения в каменных ящиках.

¹ Е. П. Алексеева. Материальная культура черкесов в средние века по данным археологии. Труды Карачаево-Черкесского НИИ, вып. IV, серия историческая. Ставрополь, 1964, стр. 195—203.

² МАК, вып. II, стр. 100—102.

³ Н. В. Анфимов. Отчет о раскопках 1952 г. Архив ИА.

⁴ Там же.

⁵ МАК, вып. II, стр. 73—76.

1 2-я группа погребений (VII в.) — 10 погребений, из них два сожжения в каменных ящиках, 1 сожжение в грунтовой могиле.

1 3-я группа могильника (VIII—IX вв.) — 69 погребений, в том числе 45 каменных гробниц с трупосожжением, 10 грунтовых ям с трупосожжением.¹

1 Геленджик. Могильник на северо-восточной окраине. Два погребения в урнах с трупосожжением. Одно из них датируется VI—VII вв. — красноглиняная урна. В ней найдены бритва, оселок. Во второй урне обнаружен инвентарь X—XI вв. (сабля, железный шлем с медными украшениями и заклепками, кольчужная сетка, красноглиняный кувшин).

Могильник в бухте XIII—XIV вв. и позднее. Есть трупосожжения. Под курганом из щебня — урна, края которой поднимались над материком. Урна прикрыта плоским камнем. Есть погребения в урнах, датирующиеся X в. и позднее.²

У Геленджика — урна с жжеными костями внутри. Рядом с урной — кривая сабля с крестовиной и серп. Погребение с трупосожжением в красноглиняной урне типа цилиндрической кружки с ручкой.

На р. Жанэ — грунтовые погребения и погребения в урнах. Прасковеевка. Три кувшина — погребения с трупосожжением. Архипоосиповка. 4 погребения с лошадьми. В двух погребениях — урны с трупосожжением, в двух других — пустые урны, VIII—IX вв. Сопино, у Ново-Михайловского. Погребения V—VII вв. Зафиксирована кремация.³ Туапсе. Погребения в урнах, X—XII вв. (на бывшей даче Киселева).⁴

Единичный случай был отмечен на правобережье средней Кубани, в Пашковском 1-м могильнике (IV—V вв.). В одном из погребений (№ 6) на глубине 1,2 м обнаружены сильно кальцинированные и обожженные кости рядом с серебряной фибулой, на которой сохранились отпечатки ткани. Здесь же находился сероглиняный сосудик характерной для данного могильника формы. При раскопках этого могильника встречались

¹ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, Пг., 1914, стр. 75—219.

² МАК, вып. II, стр. 65—67.

³ Н. В. Анфимов. Памятники зиков в районе селения Ново-Михайловского. Тезисы доклада на Пленуме Института археологии АН СССР 7 апреля 1961 г., Москва.

⁴ Сводка средневековых памятников Северо-Западного Кавказа дана в работе: Е. П. Алексеева. Материальная культура черкесов в средние века по данным археологии. Труды Карачаево-Черкесского НИИ, вып. IV, серия историческая. Ставрополь, 1964, стр. 202.

сосуды без человеческих костей. По предположению исследовавшего Пашковский могильник К. Ф. Смирнова, эти сосуды можно считать остатками детских трупосожжений.¹

Погребения с сожжением (в урнах и без них) в настоящее время открыты и в Закубанье. Они датируются с VIII по XIV в.²

Убинские памятники — южнее Краснодара, на р. Убин, у Шапсугского водохранилища. Вскрыто 330 погребений, из них 300 трупоположений и 30 трупосожжений в урнах. Курганы полушаровидной формы. Курганы с трупосожжением иногда окружены каменными обкладками. Погребальные урны — на горизонте. Вокруг урны — испорченное оружие. Урны из красной и серой глины, гончарные и лепные, плоскодонные двуручные, реже — трехручные сосуды, с широким горлом. Плоские ручки в верхней части тулова. Орнамент — выпуклый поясok в верхней части, на плечиках, иногда в средней части тулова. Лощеные продольные полосы. В качестве урн использовались и амфоры. Одна из них высотой 41 см, грушевидной формы, с округлым дном, на тулове — врезанные горизонтальные бороздки.^{2с}

Сел. Октябрьское, Тахтамукаевский могильник. (Между рр. Убинка и Псекупс). Среди более ранних погребений обнаружено погребение с кремацией VIII—IX вв. Найдены вещи, попорченные огнем: сабля с прямым перекрестием, довольно крупные наконечники стрел, стремена с прямым основанием, кольчатые удила и др.³

Колосовка, на р. Фарс, близ Махашевской. Курганный могильник X—XI вв. Курган № 1, высота 0,80 м, длина — 8 см. Два захоронения с трупосожжением в урнах. Представляют собой кострища с обломками урн, согнутыми предметами и попорченным огнем оружием. В этом же кургане одно трупоположение.

В кургане № 2 керамики нет. Оригинальное сочетание трупоположения и трупосожжения. Четверо умерших положены на спину (согласно обряду трупоположения) и засыпаны глиной.⁴

¹ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. В кн.: «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 219; его же: О некоторых итогах исследования меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, вып. 37, М.—Л., 1951, стр. 159.

² М. Л. Стрельченко. Вооружение адыгейских племен в X—XV вв. В кн.: Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края, вып. I, Краснодар, 1960, стр. 143—144.

³ Н. В. Анфимов. Тахтамукаевский могильник. Труды Адыгейского НИИ, т. II, Майкоп, 1961, стр. 197.

Сверху зажигался костер, глина прокаливалась и таким образом трупы и вещи сжигались. Найдено вооружение и конское снаряжение.¹

Таким образом, могильники с трупосожжением известны в Закубанье, на левобережье средней Кубани между рр. Убинка и Фарс. В настоящее время могильники с кремацией обнаруживаются и в горных районах Адыген, у Баракаевской (исследования П. А. Дитлера).

Итак, погребения с трупосожжением, находящиеся в соседстве с трупоположениями, обнаружены на Восточно-Черноморском побережье, северо-западнее Туапсе, вплоть до станицы Раевской (Туапсе, Сопино, Ново-Михайловское, Архипоосиповка, Прасковеевка, Геленджик, река Жанэ, бывшее имение Борисово на мысе Дооб, Кабардинка, Пенайский мыс, Мысхако, Новороссийск, Раевская). Захоронение в каменных ящиках, грунтовых могилах, урнах.²

Датируются погребения с трупосожжением с V по XIV вв. Трупосожжений, относящихся к V—VII вв. незначительное количество (бескурганные, в каменных ящиках и грунтовых могилах). С VIII—IX вв. число их увеличивается (в каменных ящиках, грунтовых могилах, урнах, иногда под курганными насыпями).

В X—XIV вв. на Северо-Западном Кавказе, в том числе в Восточном Причерноморье, преобладающим становится подкурганный обряд захоронения.²

Под курганами хоронили и с кремацией. В таких случаях западная и южная часть насыпи состояла из камней, а северная и восточная — из чистой земли. В этой части насыпи, на материке или несколько ниже, на глубине 0,30 м, помещалась урна. Иногда урны находились под насыпью в центре кургана, на материке или несколько ниже, так что края ее поднимались над материком. Положение урны различное: вертикальное, донышком вниз и несколько наклонное. Отверстие урны прикрывалось плоским камнем. Урны имели вид амфор, кувшинов, пифосов, цилиндрических кружек с ручкой. В урне помещался сожженный прах покойного и испорченные огнем вещи. Вещи иногда находились и вокруг урны.²

Помимо курганных, в X—XIV вв. существовали и бескурганные погребения, в том числе и трупосожжения. Сожженный

¹ П. Д. Дитлер. Могильники в районе п. Колосовка на р. Фарс, Труды Адыгейского НИИ, т. II, Майкоп, 1961, стр. 157, 159, 166.

² Е. П. Алексеева. Материальная культура черкесов, стр. 171.

прах покойника и вещи помещались в урны, которые ставились или клались в грунтовые могилы. В таких урнах иногда помещались пережженные вещи без костей.

Такова была картина в Восточном Причерноморье.

Могилы с сожжением (в урнах и без них), подкурганные и бескурганые, открыты и в Закубанье: Убинский могильник южнее Краснодара; у с. Октябрьского-Тахтамукаевского; Баракаевский могильник; могильник Колосовка на р. Фарс близ Махошевской и др. Трупосожжения здесь датируются с VIII по XIV вв. Судя по тем данным, которыми мы пока располагаем, основная масса закубанских трупосожжений относится к X—XIV вв.)

Кому же принадлежат погребения с трупосожжением? Как уже было сказано, местному, адыго-меотскому, населению захоронения с кремацией были совершенно не свойственны. Значит, этот обряд занесен на Северо-Западный Кавказ какими-то адыго-меотскими племенами. Как мы отмечали выше, обряд кремации, практиковавшийся у греков и иногда у скифов, местным населением воспринят не был, и, следовательно, средневековый обряд трупосожжения нельзя считать «наследником» греческой или скифской кремации.

К. Ф. Смирнов, говоря о погребении с трупосожжением, встреченном в Пашковском 1-м могильнике, считает это свидетельством проникновения в Прикубанье через придонские и предкавказские районы, а возможно, через Крым элементов культуры полей погребений. Он даже допускает возможность переселения какой-то группы населения из восточных районов культуры полей погребений в Среднее Прикубанье.¹

А. П. Смирнов, характеризуя погребения с трупосожжением Борисовского, Убинского, Мысхакского, Натухайского, Раевского и других могильников, считает возможными «кандидатами на эти памятники» древних славян, добавляя, впрочем, тут же, что «слабая изученность древнейших славян не позволяет привлекать этот материал для сравнения и высказанная мысль является одной из возможных рабочих гипотез».²

Что касается первой гипотезы, то по отношению к единичному погребению Пашковского 1-го могильника здесь есть доля

¹ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен. Сб. Вопросы скифо-сарматской археологии, стр. 219; его же: О некоторых итогах, КСИИМК, вып. 37, стр. 159.

² А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. Ученые записки Кабардинского НИИ, IV, Нальчик, 1948, стр. 73, 80, 83, 84, 89.

вероятности. Пашковский 1-й могильник находится на правобережье Средней Кубани, то есть в районе, который мог быть доступным для носителей культуры полей погребения.

Однако вряд ли можно объяснить влиянием этой культуры трупосожжения, открытые в предгорных и горных районах Северо-Западного Кавказа. К тому же, наибольшее число трупосожжений падает, как мы уже говорили, на X—XIV вв. Слишком велик и территориальный и хронологический разрыв с территорией и временем существования культуры полей погребения.

По инвентарю трупосожжений Северо-Западного Кавказа, чисто местному по своему характеру, генетических связей с культурой полей погребения не прослеживается.

Еще меньше вероятность о принадлежности трупосожжений Северо-Западного Кавказа славянам. Трудно допустить, чтобы славяне жили с V по XIV в. в предгорных и горных районах Северо-Западного Кавказа, в таких, например, местах, как Колосовка на р. Фарс. У нас нет никаких данных на этот счет и в письменных источниках. Не подтверждается эта гипотеза и данными археологии — вещи, найденные в погребениях с кремацией, принадлежат не к славяно-русской, а чисто местной, северо-западнокавказской культуре.¹

¹ В последнее время выдвигается точка зрения о том, что средневековые захоронения Северо-Западного Кавказа с трупосожжением частью могут быть абазинскими, а частью — тюркскими — П. А. Дитлер. Замечания на «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I (Макет, 1964 г.), февраль, 1966 год. Трудно сказать что-либо в защиту или против этой точки зрения П. А. Дитлера, не зная аргументации автора.

Во всяком случае, мы не исключаем возможности того, что при детальном изучении погребений с трупосожжением, с открытием новых таких захоронений может выясниться, что часть кремационных погребений оставлена абазинами и их предками, а часть какими-то другими племенами.

Что касается тюрков, то, действительно, известно, что у различных тюркских племен в разные эпохи и на разных территориях обряд трупосожжения существовал. Но вопрос этот надо ставить совершенно конкретно: какие именно тюрки могли занести обряд трупосожжения на Северо-Западный Кавказ? Прослеживаются ли пути «продвижения» этого обряда? Согласуется ли подобное предположение с данными письменных источников и всем, имеющимся в нашем распоряжении археологическим материалом?

Ведь пока у нас нет сведений о том, что именно те тюрки, которые проникали на Северо-Западный Кавказ (напр., болгары, кипчаки), и в тот именно период, когда они проникали, хоронили своих умерших по обряду трупосожжения. Наоборот, всем им в это время был свойствен обряд трупоположения: болгарам — в узких могилах с захлечиками, кипчакам — под курганами, в колодах и без них, с конем. См.: Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.

Нам кажется, что источник распространения кремационного обряда надо искать ближе, не в Приднепровье или Поволжье. Ведь по соседству с интересующими нас районами Северо-Западного Кавказа находится Абхазия, где обряд трупосожжения имел место с глубокой древности, с X в. до н. э., и существовал в позднеантичный и раннесредневековый периоды.

В статье «Материальная культура черкесов в средние века, по данным археологии», написанной в 1962 г. и изданной в 1964 г., мы высказали предположения, что появление обряда трупосожжения в средние века на Северо-Западном Кавказе объясняется влиянием культуры древнего населения Абхазии.¹

В работе «Происхождение и формирование абазинского народа», написанной в 1963 году,² мы выдвинули точку зрения о том, что распространение обряда трупосожжения на Северо-Западном Кавказе в период средневековья связано с расселением в этих местах предков абазин и самих абазин, что именно абазинцы являлись носителями обряда трупосожжения.

В указанной выше статье Г. К. Шамба, опубликованной в журнале «Советская археология» № 2 за 1965 год, имеется замечание, весьма созвучное нашей точке зрения. Говоря об обряде трупосожжения, встреченном в Цебельдинских могильниках и в других местах Абхазии и Западной Грузии, и указывая на почти непрерывное применение здесь обряда трупосожжения, начиная с X в. до н. э. до позднеантичной и раннесредневековой эпохи, Г. К. Шамба замечает: «Нужно помнить Борисовский и другие могильники Северо-Западного Кавказа и погребальный обряд, некогда бытовавший у абазин, также связанных с абхазским этническим массивом».³

Действительно, если обряд трупосожжения в средние века на Северо-Западном Кавказе не был «наследником» кремационного обряда греков или скифов, не был занесен какими-либо другими племенами (например, славяно-русскими) и не был характерен для адыгских племен, а с другой стороны, этот обряд практиковался предками абхазцев и абазин с глубокой древности вплоть до средних веков, то сам собой напрашивается вопрос: а не являются ли средневековые восточнопричерноморские и закубанские погребения с трупосожжением абазинскими?

¹ Труды Карачаево-Черкесского НИИ, вып. IV, серия историческая. Ставрополь, 1964, стр. 169.

² См.: Очерки истории Карачаево-Черкесии. т. I, гл. III, Ставрополь, 1967.

³ Г. К. Ш а м б а. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии. «Советская археология», 1965, № 2, стр. 265.

То обстоятельство, что погребения с трупосожжением находятся рядом с погребениями с труположением, иногда на одном и том же могильнике, не должно смущать: известно, что с давних времен многие абазинские племена жили бок о бок с черкесами. Абазинские селения перемежались с черкесскими и часто непосредственно «соседили» (см. выше примечание о расселении абазин среди адыгов на восточном побережье Черного моря, к северо-западу от р. Туапсе).

Конечно, для подкрепления этой гипотезы нужно еще сделать многое. Надо исследовать археологические памятники санигов, зихов и других племен, обитавших на территории от северных границ Абхазии до Туапсе и также принявших участие в консолидации абазинской народности. Нужно детальнее изучить средневековые погребения с кремацией на территории Абхазии и сопоставить их по всем деталям погребального обряда и инвентаря с известными нам кремационными захоронениями Северо-Западного Кавказа.

Но можно и сейчас провести многие параллели в погребальном инвентаре кремационных погребений, обнаруженных на территории Абхазии, в частности в Цебельде, с подобного же рода захоронениями Северо-Западного Кавказа. Красноглиняные урны из погребений с трупосожжением Закубанья (особенно Восточного Причерноморья) имеют черты сходства с цебельдинскими урнами, с грушевидными (с суживающимся книзу донышком) и с двуручными пифосами.¹

Вспомним, что в Цебельдинском могильнике урны покрывались мисками. В Новороссийске в погребальной урне обнаружена миска. Сходен орнамент на сосудах, например, наlepной шнур.

Железные предметы и бронзовые украшения, найденные в Цебельдинских могильниках, сходны с подобными вещами, обнаруженными на Северо-Западном Кавказе, правда, относятся они к более позднему времени, чем цебельдинские. Имеют сходство железные мечи,² ножицы,³ вилки для вынимания мяса из

¹ М. М. Трапш. Некоторые итоги... рис. 3(1) и 3(3). Ср.: Е. П. Алексеева. Материальная культура... табл. IX, 1, 2, 4; урны X—XIV вв.—сходство в общих чертах.

² М. М. Трапш. Указ. соч., рис. 5(1). Ср.: Е. П. Алексеева. Указ. соч., табл. II(1); мечи V—VII вв.—сходство в общих чертах.

³ М. М. Трапш. Указ. соч., рис. 6(4). Ср.: Е. П. Алексеева. Указ. соч., табл. XII-a, 13; ножицы X—XIV вв.—аналогия довольно близкая.

котла,¹ втоковидные наконечники копий,² умбоны от щитов.³ Крестовидная фибула, подобная цебельдинским, найдена в районе Гагры.⁴

Остальные предметы из Цебельдинских могильников — мечи, наконечники копий, стрел, удила, пряжки, фибулы, браслеты, стеклянные бусы — обычны для памятников I—V вв. н. э. (особенно III—V вв.) не только для Абхазии и Северо-Западного Кавказа, но и для более широкой территории.)

Итак, урны из Цебельдинских могильников и даже обычай покрывать их мисками имеют аналогии в комплексах с трупосожжением на Северо-Западном Кавказе. Различные металлические предметы из Цебельдинских могильников также аналогичны некоторым вещам из северо-западнокавказских могильников (как с трупосожжением, так и с трупоположением).

Северо-западнокавказские аналогии цебельдинским вещам относятся не ко времени Цебельдинского могильника (I—начало VI в.), а ко времени более позднему — V—VII вв., VIII—IX вв. и особенно, как это ни странно на первый взгляд, к X—XIV вв.

Пока многие из приведенных параллелей могут объясняться просто общим сходством материальной культуры населения Абхазии и Северо-Западного Кавказа в средние века.

Однако некоторые моменты, как, например, сходство погребальных урн, обычай накрывать их мисками, появление на Северо-Западном Кавказе вещей, типа цебельдинских, только со времени распространения здесь обряда трупосожжения (после V в. и даже с X в. — ножницы, например)⁵ могут свидетельст-

¹ М. М. Трапш. Указ. соч., рис. 6(5). Ср.: Е. П. Алексеева. Указ. соч., табл. XII-а, 14; вилки X—XIV вв. — аналогия довольно близкая.

² М. М. Трапш. Указ. соч., рис. 5(6). Ср.: Е. П. Алексеева. Указ. соч., табл. VI, 6; наконечники копий VIII—IX вв. (из Борисовского могильника) — аналогия довольно близкая.

³ М. М. Трапш. Указ. соч., рис. 5(10). Ср.: М. Л. Стрельченко. Вооружение адыгейских племен... рис. на стр. 155. Подобные же умбоны из могильника XIV—XV вв. (у Красной Поляны) хранятся в Сочинском музее.

⁴ М. М. Трапш. Указ. соч., рис. 7(4). Ср.: Е. П. Алексеева. Указ. соч., табл. IV-а, 24; крестовидная фибула V—VII вв.; М. М. Трапш. Указ. соч., стр. 263, рис. 3(6). Ср.: С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. В сб.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 31, рис. 31 (в правом нижнем углу); амфора с перхватом.

⁵ На Северо-Западном Кавказе мне известна только одна находка ножниц из комплекса более раннего, чем эпоха средневековья: пружинные ножницы из погребения I—II вв. Краснодарского могильника на ул. Тельмана, 6. Почтовой. (Н. В. Анфимов. Основные этапы развития культуры меотосарматских племен Прикубанья по материалам грунтовых могильников. Автореферат кандидатской диссертации. ИИМК АН СССР, М., 1954, стр. 12).

говать о том, что обряд трупосожжения существовал именно у абазин, а не у адыгов или еще каких-либо племен.

Если восточнопричерноморские и закубанские погребения с трупосожжением действительно принадлежат абазинам, то по распространению их можно заключить, что отдельные поселенцы из числа предков абазин жили среди адыгских племен на восточночерноморском побережье северо-западнее Туапсе с V—VI вв. В VIII—IX вв. число этих поселенцев значительно увеличивается, а в X—XIV вв. они в большом количестве обитали среди адыгов вплоть до Раевской, а может быть, и севернее. С VIII—IX вв. началось проникновение абазин и в Закубанье, в частности, на левобережье средней Кубани. Основная масса трупосожжений в Закубанье, по-видимому, датируется X—XIV вв.,¹ следовательно, более значительное заселение этих мест абазинами происходило именно в этот период.)

¹ После XIV в. трупосожжения на Северо-Западном Кавказе нам неизвестны. О погребальном обряде абазин после этого времени достоверных данных у нас пока нет. Во всяком случае, можно думать, что этот обряд менялся и не был единым. Изменения зависели от различных причин — от соседства с другими племенами — абхазскими, адыгскими и др., от принятия христианства, а затем мусульманства и др. Так, в одной из работ мы высказали предположение, что абазинским может быть христианский могильник рубежа XIII—XIV вв. у а. Ново-Кувинского (Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960, стр. 38). Это предположение было поддержано Т. М. Минаевой, которая раскопала данный могильник (Т. М. Минаева. К вопросу о половцах на Ставрополье по данным археологии. МИСК, вып. II. Ставрополь, 1964, стр. 193; публикацию о раскопках Ново-Кувинского могильника см. в ст.: Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. Труды Черкесского НИИ, вып. II, Черкесск, 1954, стр. 291—296). Впрочем, пока что только предположение, которое требует еще очень серьезных доказательств. Возможно, что среди черкесов, на территории Карачаево-Черкесии и в Пятигорье, абазины так же, как и черкесы, стали погребать своих умерших в дубовых колодах и гробах под небольшими курганными насыпями. На побережье Черного моря у абхазцев, а возможно, и у абазин, был обычай подвешивать гробы с умершими на деревьях. Об этом пишут, например, авторы XVII в. Ламберти (СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913, стр. 189—190) и Эвлия (рук., стр. 102—108). Отметим, что такой обычай был засвидетельствован и у других народов Северо-Западного Кавказа, в частности, у черкесов. Но он имел место тогда, когда причиной смерти погребаемого был удар молнии, напр., см.: И. Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. Записки Новороссийского университета, т. I, вып. I—II, Одесса, 1867, стр. 59—60. Скорее всего, и отмеченный авторами XVII в. обычай погребения на деревьях у абхазцев не был обязательной и единственной формой погребального обряда, а практиковался в случаях исключительных, вызванных какими-то определенными поверьями и обстоятельствами. Мнение, созвучное только что изложенному, высказывает и Ш. Д. Инал-Ипа (Абхазы, стр. 547—549).

Что же могут сказать археологические материалы о времени появления абазин на территории Карачаево-Черкесии? Прежде всего, есть ли в верховьях Кубани и Зеленчуков погребения с трупосожжением, кроме уже отмеченного трупосожжения в Карабашевском кургане, относящегося к скифскому времени?

Трупосожжения отмечены в долине реки Теберды Г. Н. Прозрителевым.¹ В глубине Тебердинской долины, в котловине, окруженной небольшими камнями, лежащими наклонно и образующими как бы навес, Г. Н. Прозрителев обнаружил маленькие дубовые долбленные гробики, «в которые нельзя было бы поместить и новорожденного». Внутри гробиков находились остатки закопченных предметов. Около гробиков лежали куски березовой коры. В одном из гробиков, завернутом в березовую кору, найдены пепел и обгоревшие кости. Г. Н. Прозрителев справедливо считает, что перед нами погребения с трупосожжением и что эти погребения принадлежат какому-то пришлому народу.

Не являются ли эти трупосожжения могильниками первых абазинских поселенцев на территории Карачаево-Черкесии? То обстоятельство, что трупосожжения совершены не в глиняных урнах, не должно нас смущать, во-первых, потому, что и в Закубанье трупосожжения совершались не всегда в урнах, и, во-вторых, потому, что в XIV—XV вв. у населения Закубанья глиняная посуда вообще постепенно выходит из употребления.

Следует обратить внимание и на тот факт, что эти трупосожжения обнаружены в долине реки Теберды. Судя по абазинским преданиям, одним из первоначальных мест поселения абазин, проникших на территорию Карачаево-Черкесии, была именно долина реки Теберды (что, конечно, не исключает возможности расселения абазин и в других местах Карачаево-Черкесии).

Так, К. Сталь сообщает, что, согласно абазинским преданиям, переселение абазин из Абхазии проходило постепенно, через горные перевалы, на пространстве между реками **Тебердой** (подчернуто нами.— Е. А.) и Белой.²

По преданию, записанному Л. И. Лавровым у одного из

¹ Г. Н. Прозрителев. Древние Тебердинские могильники. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии, вып. V, 1913, стр. 3—6; Д. М. Павлов, Искусство и старина Карачая. Отд. отт. из СМОМПК, вып. 45, Махачкала, 1926 (отт.— 1927), стр. 11, 27, 28.

² К. Сталь. Этнографический очерк... стр. 65.

стариков аула Инжиччукун, абазины выселились из Абхазии на р. Теберду.¹ Большой знаток истории Карачая Н. Г. Петрусевиц отмечает, что еще в 20-е годы XIX в. абазин-медовеевцы считали тебердинские земли своими.²

К сожалению, ни предания, ни тебердинские трупосожжения не являются датирующим материалом. Но у нас есть свидетельство письменного источника о том, что в конце XIV в. на территории современной Карачаево-Черкесии абазины уже жили. Так, по словам персидского автора XV в. Шерефа-ад-дин Иезди, Тимур в 1395 г. вышел со своим войском по верховьям Кубани к Эльбрусу, «в местность Абаса», то есть во владения абазин, как отмечают комментаторы Шерефа-ад-дин Иезди.³

Итак, судя по локализации и датировке погребений с трупосожжением, которые мы считаем возможным связывать с абазинами, эти последние уже в VIII—XIV вв. проникали и селились на северных склонах Кавказского хребта, в Закубанье. Первое письменное свидетельство о пребывании абазин на Северном Кавказе относится к концу XIV в. Таким образом, и данные археологии и приведенный письменный источник говорят о том, что не позднее конца XIV в. абазин-ы уже заселяли северные склоны Кавказского хребта и прилегающие к ним с севера районы как в Закубанье, так и на верхней Кубани.

Приведем теперь существующие точки зрения о времени заселения абазинами северокавказских предгорий и равнин⁴ и посмотрим, насколько согласуются они с только что сделанным нами выводом.

Дореволюционные авторы отнесли время поселения абазин на Северном Кавказе к позднему периоду: И. А. Гюльденштедт, С. Броневский, Л. Люлье — к XVII в., Е. Д. Фелицын — к XVI в.

Н. Ф. Яковлев полагает, что абазин-ы жили на Северном Кавказе в XI в. А. Н. Генко считает, что абазин-ы-тапантовцы («равнинные жители») переселились на Северный Кавказ в те-

¹ Л. И. Лавров, Обезы, стр. 163.

² Н. Г. Петрусевиц. Записка о распределении между карачаевцами земель, 1862 г. (ГАКК), д. 507, 1867 г., лл. 22—37. Архивные материалы Н. Г. Петрусевица любезно предоставлены мне В. П. Невской.

³ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.—Л., 1941, стр. 122—125.

⁴ Г. П. Сердюченко. Язык абазин, стр. 20—22; А. Н. Генко. Абазинский язык, стр. 3.

чение XII—XIII вв., а горцы-шкарауовцы—в XVII в. По словам Г. П. Сердюченко, заселение абазинами Северного Кавказа произошло не позднее конца XVI в., а может быть, и раньше. По мнению Л. И. Лаврова, абазины переселились на Северный Кавказ в XIV—XV вв.¹

З. В. Анчабадзе считает, что переселение произошло в XIII—XIV вв. Эта дата переселения абазин подтверждается, по словам З. В. Анчабадзе, некоторыми данными из абазинской лексики. Абазины называют большой и тяжелый плуг термином «ватан» (к-1-ватан), абхазское — а-куат-ан. Это название, как полагает З. В. Анчабадзе, происходит от грузинского названия плуга «гутани». Плуг этого типа появляется в Грузии только в XII в. Отсюда автор делает вывод, что абазины не могли переселиться ранее XII в.

Первыми стали переселяться тапантовцы. По мнению З. В. Анчабадзе, термин «амыстаду» (г1амста ду) — «большой дворянин», имеющийся у абазин-тапантовцев, является буквальным переводом древнегрузинского термина «дидебули азнаури», который также означает «великий дворянин». Этот термин у грузин бытовал только до XIV в. Следовательно, тапантовцы могли позаимствовать этот термин только до XIV в., а значит, и ушли они с побережья не позднее XIV в.

У шкарауовцев нет термина «амыстаду». Они, как и абхазцы, употребляют термин «атауд». Термин «тавад» для обозначения высшей феодальной прослойки появился в Грузии лишь в XV в. У шкарауовцев есть термин «агруа» («мегрел») для обозначения крепостных крестьян. Такой специальный термин не мог возникнуть ранее начала XVII в., когда Абхазия выделилась из Мегрелии в качестве самостоятельного княжества и когда ряды феодально зависимого населения Абхазии стали пополняться пленными мегрелами, захваченными во время междоусобиц между Абхазией и Мегрелией. Таким образом, заключает З. В. Анчабадзе, шкарауовцы не могли переселиться на Северный Кавказ ранее XVII в.²

По словам Ц. Н. Бжанин, восточная ветвь абазин (тапантовцы) переселялась потоками из Абхазии, начиная с XIV в. в верховья р. Кубани (Кубани), Инджыгов (Большого и Малого Зеленчуков, Урупа, Лабы и на Гуму (Куму). Ашхарцы (шкарауовцы) жили в горах Абхазии, в Псху, Ахчипса, Псанаиан,

¹ Л. И. Лавров. О происхождении... стр. 207.

² З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 256—257.

Хуажве и в других местах. Они переселились на плато бассейна р. Большого Зеленчука позднее тапантовцев.¹

Таким образом, большинство исследователей в настоящее время считает, что абазины начали переселяться с Черноморского побережья на северные склоны Кавказского хребта на рубеже XIII—XIV вв. Не отрицается возможность проникновения на Северный Кавказ отдельных абазинских групп и до этого времени.

Первыми переселились тапантовцы, а затем (в XVII в.) шкарауовцы. Однако вряд ли можно полагать, что до XVII в. никаких шкарауовских племен на Северном Кавказе не было. Согласно карачаевским преданиям, карачаевцы должны были уйти из Архыза в Эльтаркач, а затем на Баксан под давлением одного из шкарауовских абазинских племен — кизилбеков. Переселение же карачаевцев на Баксан имело место значительно раньше XVII в.²

Что же заставило абазин покинуть Черноморское побережье и искать новые места для своих поселений?

У абазин, как и других народов Северного Кавказа, в первой половине II тысячелетия н. э. уже были феодальные отношения. Это видно хотя бы из того, что в XIV в. существовал термин «амыстаду» — «большой дворянин» (см. выше), а следовательно, и категория, соответствующая этому термину. Усиление роли экстенсивного хозяйства и увеличение удельного веса отгонного скотоводства заставляло абазинских феодалов искать новые пастбища. Имел место (в определенные периоды) и натиск внешних врагов — грузинских феодалов, монголо-татар (в более северных районах обитания абазин, напр., в устье Кубани), крымских ханов, турок. Немалую роль сыграли и внутренние феодальные междоусобицы.

Переселению абазин на северные склоны Кавказского хребта в XIII—XIV вв. благоприятствовало обезлюдение значительных пространств на Северном Кавказе в результате опустошительных нашествий монголов и Тамерлана.

Абазины переселялись на Северный Кавказ и после XIV в. В течение XV—XVII вв. они заселяли ущелья по верховьям Лабы, Урупа, Большого и Малого Зеленчука, возможно — Теберды. Постепенно продвигаясь по течению этих рек, абазины вышли на равнины Северного Кавказа, заняв в числе прочих предгорных районов и бассейн верхней Кумы.

¹ Ц. Н. Б ж а н и я. Указ. соч., стр. 75.

² См.: Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I, гл. IV, Ставрополь, 1967.

По каким же путям проходило переселение абазин на Северный Кавказ? Какая-то часть абазин шла на восток вместе с черкесами по северным склонам Кавказского хребта. Но основная масса переселялась через перевалы — Белореченский и другие. По преданиям абазин, переселение их из Абхазии происходило постепенно, через горные перевалы, на пространстве между реками Тебердой и Белой.¹

До недавнего времени использовались следующие скотогонные маршруты из Абхазии в верховьях Лабы, Урупа, Зеленчука и Теберды.² Мзымта-Кбаадс (Красная Поляна) — верховья Большой Лабы; Бзыбь-Санчара — к Большой Лабе; Бзыбь-Псху — Большой Зеленчук; Бзыбь-Псху — Санчарский перевал — верховья рек Урупа и Загедана; Гума (в Абхазии) — по р. Гумыста и Келасур — горный перевал — верховья рек Большого и Малого Зеленчука; Кодор — Лата — Клухор — Марух. Чхалта — гора Марух — рр. Маруха и Аксаут; левый приток Латы — Клухор — река Теберда.

По реке Сакену — к истокам реки Учкулан. Одна из веток по реке Сакен шла на пастбища в районе Клухорского перевала. По Кодорскому ущелью проходил главный маршрут. Эта дорога издревле служила путем сообщения Абхазии с Северным Кавказом («Военно-Абхазская» или «Военно-Сухумская дорога»).

Перечисленные маршруты, как совершенно справедливо замечает Ц. Н. Бжания, были известны абхазскому населению с древнейших времен. Очевидно, эти пути, в частности, через Санчарский и Клухорский перевалы, использовались при переселении абазин на Северный Кавказ.

Начиная с XVI в., мы находим письменные сведения о северокавказских абазинах. В русских летописях упоминается князь Тутарык (Дударуко) Езбозлуков, побывавший в Москве в 1555 г. Очевидно, этот же князь — «абазинский мурза Додорук» — упоминается и в Родословной Черкасских (Кабардинских) князей, составленной в XVII в. В документе 1570 г. сказано, что Темрюк, князь Большой Кабарды, приходил помогать «баазыцким черкасам», то есть, возможно, абазинам.³

¹ К. Сталь. Этнографический очерк... стр. 65.

² Ц. Н. Бжания. Указ. соч., стр. 75.

³ Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI—30-е годы XVII в.). М., 1963, стр. 155.

В Родословной князей Черкасских (Кабардинских) есть сообщение о том, что сын кабардинского князя Матрюка — Кайтука — «утонул на Кубане-реке, как в добычу ездил под абазинцев».¹ Это произошло в конце XVI в. Приведенный документ служил свидетельством пребывания абазин на Северном Кавказе и, очевидно, на территории Карачаево-Черкесской области, так как речь идет о районе, близком к Кабарде (имеется в виду не нижняя или средняя, а верхняя Кубань).

Интересные сведения о северокавказских абазинах имеются в документах 1634 и 1643 гг. В первом из них говорится о приезде в Терки «из абазинской землицы» мура Кумургуки Отлешукина (Ловова) с узденями. Во втором документе сказано, что для принесения шерти (присяги верности) Русскому государству «к Пяти Горам» приехал Сарлап Ловов (Лоов) с мурзами. Мурзы эти, судя по именам, были представителями тапантовских племен (Янтемир-Джантемир, Бийбердеев—Бибердов, Доруков—Дударуков) и не тапантовских (Джаным Бабуков и Алкас Бегишев).²

Но тапантовское племя бабуковцев обитало между Кумой, Подкумком и верхней Кубанью, а возможно, переходило и на Зеленчук. Тапантовские племена жили по соседству с «Пятью горами», куда они приезжали приносить присягу верности Русскому государству.

Турецкий автор Эвлия (начало 40-х годов XVII в.) более точно определяет местоположение северокавказских абазин. Из его сообщений можно заключить, что в Закубанье жили абазинские племена мысылбаев, дударуковцев и бибердовцев, причем дударуковцы и бибердовцы населяли верховья Кубани и Зеленчуков (Джэнджека и Б. Джэнджека).³

Итак, в XVII в. в верховьях Кубани и Зеленчуков жили тапантовские племена — дударуковцы, бибердовцы (Эвлия; русский документ 1643 г.), джантемировцы, лоовцы (русский документ 1643 г.). Кроме тапантовцев, в 40-х г. XVII в. на Северном Кавказе обитали и шкарауовские племена, все или некоторые. Так, Эвлия пишет о мысылбаях, живших в бассейне Кубани, а русский документ 1643 г. называет не тапантовские племена (бабуковцев и других), обитавшие между Кумой и верхней Кубанью, а возможно, заходившие на Зеленчуки. Согласно карачаевским преданиям, еще задолго до XVII в. сна-

¹ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, т. М., 1889, стр. 2.

² Е. Н. Кушева. Народы Северного Кавказа, стр. 156.

³ Эвлия. Рук., стр. 757—758, 764—767.

чала на Лабѣ, а потом в Архызѣ, на Большом Зеленчуке обитало шкарауовское племя кизилбеков.

Следующее по времени упоминание об абазинах относится к первой четверти XVIII в. Ксаверио Главани (1724 г.) пишет, что к востоку от бесленеевцев находился округ Бескесек-Абаза, управляемый черкесским беем, «но по языку и происхождению они абазы». Название Бес-Кесек (по-ногайски), Бек-кесек (по-карачаевски) значит пять селений: дударуковцев, лоовцев, бибердовцев, клычевцев и мысылбаев. Главани называет также два шкарауовских племени — баг и баракай.¹

Пейсонель (1750—1762 гг.) называет шкарауовские племена и шесть абазинских тапантовских племен, которые «давно уже утвердились в Черкесии. «Алтыкесек» (шестиродным) — называют их ногайцы. Черкесы именуют их басхяг».²

Выводы

1. Абхазцы и абазины — близкородственные народы, они происходят от одного общего корня. Предками обоих этих народов являются абазги, апсилы, саниги, мисимиане, часть зихов, и, возможно, — ахен.

2. В VIII в., с образованием Абхазского феодального царства, сформировалась, в основном, абхазская народность. Не ранее VIII в. и не позднее XIV в. из этой абхазской народности выделилась абазинская (точнее — древнеабазинская) народность. Вероятно, это произошло к X веку, когда у всех возможных компонентов, которые могли принять участие в формировании древнеабазинской народности, уже существовали феодальные отношения. Может быть, территорией расселения этой обособившейся от абхазцев древнеабазинской народности была Абасгия Константина Багрянородного (X век), расположенная, по его словам, от Сотириуполя (очевидно, Пицунда, у устья р. Бзыбь) до Никопсии (Нечепсухо, севернее Туапсе). Именно эта территория считается местом древнейшего обитания абазин, по преданиям и по данным топонимики.

3. У предков абхазцев и абазин, помимо других погребальных обрядов, издавна существовал обряд трупосожжения. У

¹ Главани Ксаверио. Описание Черкесии, 1724 г., СМОМПК, вып. 17, Тифлис, 1893, стр. 154—155.

² М. Пейсонель. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 годах. Краснодар, 1927, стр. 21—34.

северокавказских народов, в частности адыгов и их предков, кремация не практиковалась. Пока нет оснований приписывать средневековые трупосожжения Северо-Западного Кавказа каким-либо пришлым племенам и народам. Скорее всего, на наш взгляд, обряд трупосожжения средневековых могильников Северо-Западного Кавказа следует связывать с выделявшимися из древнего абхазо-абазинского массива абазинами.

4. Предки абазин, а затем и сами абазинцы жили на восточном побережье Черного моря не только до Туапсе, но и на северо-запад от Туапсе, среди адыгских племен — с V до XIX вв. Об этом говорят археологические памятники (погребения с трупосожжением) и письменные источники.

5. Погребения с трупосожжением в Закубанье датируются VIII—XIV вв., следовательно, проникновение в эти места абазинских племен, которые мы считаем носителями обряда кремации, началось с VIII в. Не позднее конца XIV в. абазинцы уже населяли северные склоны Кавказского хребта, что и согласуется с сообщением Шерефа-ад-дин Иезди о существовании в конце XIV в. «местности Абаса», которая, судя по его рассказу, находилась в верховьях Кубани.

6. Массовое переселение абазин на северные склоны Кавказского хребта происходило, очевидно, начиная с рубежа XIII—XIV вв., после монгольского нашествия. Именно в это время они заняли и некоторые районы в верховьях Кубани и Зеленчуков, а возможно, и по р. Теберде.

Переселение абазин с Восточно-Черноморского побережья на Северный Кавказ, в частности на Кубань, Зеленчуки и Куму, продолжалось до XVII в. Первыми переселились тапантовцы, затем — шкарауовцы. К 40-м гг. XVII в. в верховьях Кубани и Зеленчуков и на прилегающих территориях жили уже все тапантовцы и шкарауовцы.¹

¹ Приношу глубокую благодарность языковедам-абазиноведам Р. Н. Клычеву (Карачаево-Черкесский педагогический институт) и В. Б. Тугову (Карачаево-Черкесский НИИ), а также другим товарищам, взявшим на себя труд прочесть мою работу в рукописи и сделавшим мне ряд ценных замечаний и указаний. Большую помощь мне оказал ныне покойный археолог М. М. Трапш (Абхазский НИИ).

Я. А. ФЕДОРОВ,

Г. С. ФЕДОРОВ

РАННИЕ БУЛГАРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Историки и географы средневековья уделили древним булгарам немало внимания. Их свидетельство — неоценимый источник, иногда единственный, с помощью которого исследователи имеют возможность осмыслить события в аспекте истории Юго-Восточной Европы первого тысячелетия.

Интерес к древним булгарам не случаен: их судьбы были неразрывно связаны с судьбами коренных племен Поволжья, Северного Причерноморья, Балканского полуострова. Упоминаются болгарские племена и среди насельников Северного Кавказа эпохи раннего средневековья. К сожалению, сведения о кавказских булгарах крайне отрывочны и скупы. Недостаточно изучены археологические памятники Северного Кавказа, которые могли бы быть с уверенностью отнесены к числу ранне-булгарских. Наиболее полную сводку их с краткой характеристикой приводит Е. П. Алексеева в своей книге «Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа», но и в этой работе (в соответствии с темой исследования) описаны памятники сравнительно небольшой территории Северного Кавказа — Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.¹

Недостаточность материалов крайне сужает возможности исследования при разработке вопроса о ранних булгарах Северного Кавказа. Авторы ставят себе скромную задачу: собрать воедино факты, в той или иной мере освещающие эту проблему, и постараться осмыслить их под углом зрения этнической истории края. Может быть, когда это будет сделано, станет виднее,

¹ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, Черкесск, 1963, стр. 21—31.

куда должны быть направлены усилия исследователей, чтобы решить одну из основных проблем изучения раннего средневековья Северного Кавказа: когда появились на его территории тюркоязычные племена и какова их роль в этногенезе некоторых современных народов, прежде всего кумыков, карачаевцев и балкарцев.

В конце первого века нашей эры государство Хунну распалось.¹ Это событие в значительной степени определило судьбу тюркских племен, а также пути, по которым пошло развитие восточной и западной ветвей тюркских языков.

В степях Северного Казахстана и Приуралья сравнительно немногочисленная гунная орда оказалась в окружении местных сарматских и угорских племен. Живя в течение более двухсот лет бок о бок с аборигенами, пришельцы волей-неволей вступали с ними в разного рода связи. По мнению некоторых исследователей, это привело к образованию нового народа, известного под названием гуннов.² Предполагается, что в результате смешения пришлых гуннских племен с уграми и сарматами, угорский физический тип восторжествовал над монгольским, а культура пришельцев подверглась значительной сарматизации.³ Не случайно, Аммиан Марцеллин, приводя описание внешности и характера гуннов, не упоминает ни об их скуластости, ни об узких глазах. Если бы характерные для монголоидов черты были свойственны облику гуннов, вряд ли бы они укрылись от внимания современников. Л. Н. Гумилев полагает, что Аммиан Марцеллин, автор IV в., описал не дальневосточных монголоидов, а хунно-угорских метисов.⁴

В нижнем Поволжье, при исследовании курганов позднесарматского времени, обнаружены кочевнические погребения пер-

¹ А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1956, стр. 77, сл. Л. Н. Гумилев. Хунну. Срединная Азия и древние племена, М., 1960, стр. 220.

² К. Иностранцев. Хунну и Гунны. Труды туркологического семинария Ленинградского института живых восточных языков, т. I, Л., 1926; Л. Н. Гумилев. Некоторые вопросы истории хуннов. ВДИ, 1960, № 4, стр. 4.

³ Л. Н. Гумилев. Хунну. М., 1960, стр. 243. Ср.: М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 43.

⁴ Л. Н. Гумилев. Указ. соч., стр. 244.

вых веков.¹ По времени погребения относятся к кругу ранних памятников гуннской эпохи, когда в степях Юго-Восточной Европы появились первые группы пришельцев из Средней Азии. Некоторые из погребений, возможно, принадлежат «гуннам», о которых упоминает Дионисий Периегет, как о кочевниках, населявших в середине II века степи Северного Прикаспия.² Не случайно, как показал анализ, черепа нижневолжских поздне-сарматских погребений относятся к разнообразным антропологическим типам, иногда с небольшой монголоидной примесью. Несколько черепов напоминают южносибирский тип, указывающий на этногенетические связи раннесредневекового населения Северного Прикаспия с востоком.³

Превращение азиатских хуннов в новый народ — гуннов Приуралья — характерно для тюркской экспансии: по мере движения на запад, основной антропологический тип пришельцев изменялся в той мере, в каких количественных отношениях находились монголоидные элементы завоевателей к абorigенам. В то же время, пришельцы не только сохранили свой язык, но и распространили его среди связанных с ними угорских и сарматских племен. Угорские же племена, в свою очередь, оказали влияние на формирование языка западных гуннов. Видимо, не случайно, что тюркские элементы в современном венгерском языке сходны с соответствующими тюркскими элементами чувашского языка: и тот, и другой донесли до нашего времени архаику тюркских языков, сложившихся в первые века.⁴

Н. А. Баскаков выделяет III в. до н. э. — IV в. н. э. в особую — «хуннскую» эпоху в развитии тюркских языков и тюркского этноса. В это время происходит коренная дифференциация тюркских племенных языков и разделение их на две обширные группы: к первой относятся языки огузов, оногузов, сарагузов, кутургузов — предков древних аваров, сабиров, болгар, хазар, а также современных чувашей; ко второй — языки огузов, древних кыргызов, части древних уйгурских племен,

¹ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, вып. 60, М., 1959, стр. 490, сл.

² В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I. Греческие писатели. СПб, 1893, стр. 186.

³ В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья, МИА, вып. 60, М., 1959, стр. 571—572.

⁴ В. В. Бертольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 5. Б. А. Серебrenников. Происхождение чуваш по данным языка. Сб. ст. О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957, стр. 38.

оставшихся на востоке, а также их позднейших потомков — (огузов, кыпчаков, карлуков).¹

Не трудно заметить, что в первую группу входят языки, связанные с западными гуннами и в то же время с уграми южного Приуралья. Языки этой группы («Р—Л языки» по терминологии тюркологов) вымерли так же, как угас и язык собственно гуннов. В качестве реликта вымерших Р—Л языков сохранился лишь язык современных чувашей.

Изучение чувашского языка, в сопоставлении с уцелевшими остатками вымерших языков булгар, савиров, хазар, позволило лингвистам реконструировать процесс формирования тюркских языков «хуннской» эпохи, установить участие в этом процессе иноязычных элементов.² В результате сложных, но однозначных процессов, протекавших в заволжских степях и в степных пространствах Южного Приуралья, образовались родственные между собою племенные группы и народности «гуннского» круга. Языки этих групп и народностей принадлежали к тюркским языкам Р—Л группы. К ним относятся древнеболгарские языки, а также языки савиров и хазар.

Участие угорского этнического элемента в формировании гуннского круга племен, в том числе болгарских, установил А. Р. Зифельд-Симумяги, занимавшийся изучением остатков хазарского языка. Он пришел к выводу, что «первоначальное ядро хазарской народности» принадлежало к урало-алтайским племенам, которые обитали в районах Среднего и Южного Приуралья на рубеже нашей эры. Южная граница их обитания, по мнению А. Р. Зифельда-Симумяги, доходила на юге до северных берегов Каспийского моря, но в эпоху следовавших затем нашествий других племенных союзов, эти племена частично ассимилировались с завоевателями.³

Все это очень похоже на истину. Хазарский язык, как известно, был родствен болгарским языкам, а также савирскому.⁴ Сами хазары, если верить письму царя Иосифа, считали себя в родстве с другими народностями и племенами «гуннского» круга. «Ты спрашиваешь,— пишет Иосиф,— из какого народа, какого рода и племени мы (происходим)... Мы нашли в родо-

¹ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 36.

² Б. А. Серебренников. Происхождение чуваш по данным языка Сб. О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957, стр. 41.

³ А. Р. Зифельд-Симумяги. К вопросу о языке хазар. «Известия Азербайджанского филиала АН СССР», вып. II, Баку, 1937, стр. 50.

⁴ Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 104, сл.

словных книгах наших предков, что у Тагармы было десять сыновей, и вот их имена: Агийор, Тирас, Авар, Угин, Биз—л, Т—р—на, Хазар, З—нур, Б—л—г—д, Савир. Мы происходим от сыновей Хазара...»¹ В тексте пространной редакции «Агийор» передан как «Уюр», а «Б—л—г—д» как Б—л—гр. Среди имен десяти братьев-эпонимов не трудно узнать имена народов, судьба которых неразрывно связана с гуннами. Это—угры, авары, барсилы, булгары, савиры. Савиры же были автохтонами Западной Сибири, предками современных хантов и манси, т. е. принадлежа-ли к числу угорских племен.

В. Н. Чернецов приводит интересное свидетельство С. К. Патканова: «Среди тобольских татар распространено предание о народе савир, который занимал до прихода татар территорию по Среднему и Нижнему Иртышу».² В своем исследовании «Усть-полуйское время в Приобье» В. Н. Чернецов приводит ряд интереснейших примеров из ханто-мансийского фольклора, данных топонимики, названий родов и фамилий-патронимий, свидетельствующих о широком бытовании у народов Южной Сибири и бассейна Оби—Иртыша этнонима савир (сипыр, себар). В. П. Чернецов считает, что культура древних кочевых угорско-савирских племен нашла отражение в памятниках Среднего Прииртышья — курганы типа Саргатских и Коконовских, а в Южном Зауралье — Челябинские курганы. На рубеже н. э. территория, занимаемая савирами, распространялась до северо-казахстанских степей.³

Языковые и археологические материалы подтверждаются исследованиями антропологов. Анализ серии черепов из Больше-Тарханского могильника, принадлежащего ранним булгарам, позволил М. С. Акимовой вывести заключение, что «расогенез болгар и древнего населения Восточного Казахстана и Киргизии протекал сходным образом. Основной тип, вошедший в их состав, был тип, близкий к расе Среднеазиатского междуречья». М. С. Акимова считает, что монголоидные черты приобретены древними булгарами в результате появления гуннов в пределах расселения их предков. Процесс смешения, по ее мнению, происходил в Зауралье. «Именно здесь,— заключает М. С. Акимова,— вероятнее всего, и шло формирование антропологического

¹ П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, стр. 74.

² В. Н. Чернецов. Усть-Полуйское время в Приобье. МИА, вып. 35. М., 1953, стр. 239.

³ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 238—240.

типа ранних болгар».¹ Здесь же, очевидно, в той же этнической среде образовались и родственные булгарам хазары, барсилы и другие тюркоязыческие племена, вошедшие в гуннский союз. В Зауралье, видимо, произошло отюречивание основного угорского компонента в составе племен гуннского союза, в том числе предков савиров.

Экскурс в область раннего этногенеза булгаро-савирских племен понадобился для того, чтобы обосновать включение в число исследуемых нами памятников не только собственно болгарские древности, но и древности других племен, родственников булгарам. К этим племенам мы относим, в первую очередь, савиров и барсилов, с которыми связаны крупные события истории народов Северо-Восточного Кавказа.

Первые упоминания источников о булгарах связаны с Кавказом. Я имею в виду свидетельства сирийских авторов Мар Абас Котины, использованные автором «Истории Армении» Моисеем Хоренским² и Захария Ритора.³ Мар Абас Котина, живший в IV в., локализует болгар к северу от Кавказского хребта, «в цепи Кавказской горы», так и называя край «землей болгаров».⁴ Захарий Ритор утверждает, что в его время болгары жили за Каспийскими воротами, т. е. к северу от Дербентского прохода, среди других племен, в том числе сабилов, хазар, саргуров. Свидетельство Захария Ритора относится к VI в.⁵

О времени и обстоятельствах проникновения болгарских племен в Юго-Восточную Европу, а также об их происхождении как зарубежные, так и советские историки до сих пор не пришли к единому решению. В советской литературе, посвященной булгарам и их этногенезу, можно обнаружить по крайней мере три взаимоисключающих гипотезы.

А. П. Смирнов, например, считает, что болгары — автохтоны степей Юго-Восточной Европы — вышли из сарматской среды и

¹ М. С. Акимов. Материалы к антропологии ранних болгар. В кн.: В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков. «Ранние болгары на Волге». М., 1964, стр. 191.

² Моисей Хоренский. История Армении. Перевод Н. Эмина. М., 1893, стр. 55—56.

³ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. Хроника Захария Ритора, кн. 12, гл. 7, М.—Л., 1941, стр. 165.

⁴ Моисей Хоренский. Указ. соч., стр. 62.

⁵ Н. В. Пигулевская. Там же.

отюречены в эпоху гуннского нашествия.¹ Такого же, в общем, мнения о происхождении болгар придерживается В. Т. Сиротенко. Он утверждает, что тюркизация болгар происходила в степях между Доном и Волгой, начиная со II в. н. э., вследствие проникновения в Поволжье тюркоязыческих племен. Кто были эти племена, В. Т. Сиротенко не уточняет.² Н. Я. Мерперт склонен рассматривать древних болгар как конкретную группу тюркоязыческих племен, проникших из Азии в степи Северного Причерноморья и Приазовья еще в догуннскую эпоху.³ М. И. Артамонов, а за ним В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков, соглашаясь с Н. Я. Мерпертом по вопросу о происхождении болгарских племен, считают сообщения ранних источников о булгарах в Европе анахронизмом и предполагают, что булгары появились в Приазовских степях в составе гуннской орды в конце IV в.⁴

Не будем разбираться в аргументации защитников той или иной гипотезы: она хорошо известна всем, кто занимается вопросами раннего средневековья. Хочу лишь отметить, что едва ли не прав Н. Я. Мерперт, который так же, как А. П. Смирнов, относясь с должным вниманием к свидетельствам ранних сирийско-армянских источников и к упоминанию болгар в Анонимной Хронике под 359 годом, высказывает предположение о пребывании болгар в Восточной Европе уже в первых в. н. э., т. е. в догуннское время.

Можно считать анахронизмом сообщение Мар Абас Котины о появлении болгар в степях Северного Кавказа еще во II в. до н. э. Но сомневаться в достоверности сообщения нет оснований, потому что имеется совершенно независимое от армянского источника свидетельство византийского хрониста, который под 354 годом, за 16 лет до вторжения гуннской орды, среди племен Юго-Восточной Европы упоминает болгар.⁵

Еще одно соображение: Мар Абас Котина писал свой труд «Начальная истории Армении» в конце IV в., в самый разгар

¹ А. П. Смирнов. Волжские болгары. Труды ГИМ, вып. XIX. М., 1951, стр. 10. Он же: Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар. В сб. «К шестидесятилетию А. В. Арциховского». М., 1962, стр. 169.

² В. Т. Сиротенко. Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники IV—VII вв. Ученые записки Пермского государственного университета им. А. М. Горького, т. XX, вып. 4, Пермь, 1961, стр. 41.

³ Н. Я. Мерперт. К вопросу о древнейших болгарских племенах, Казань, 1957, стр. 7.

⁴ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 83—84; В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 105.

⁵ Th. Mommsen. Über den chronographen vom Jahre 354. Leipzig, 1850, s. 559.

бурных событий, коренным образом изменивших облик Юго-Восточной Европы. Еще гремели мечи, свистели стрелы и не рассеялся дым пожарищ там, где катились на запад орды завоевателей. Трудно себе представить, чтобы в то смутное время куда-то далеко на юг, за горные хребты Кавказа и Малой Азии, могли дойти достоверные сведения об этническом составе гуннской орды. Сейчас, когда в распоряжении исследователей нет, по-существу, бесспорных данных о времени проникновения в Восточную Европу протобулгарских племен, на этот счет можно строить всевозможные предположения. По-видимому, наиболее ранними пришельцами в пределы Северного Кавказа были савиры. По признаку языковой принадлежности мы вправе отнести их к племенам булгарского круга.¹

Археологические материалы подтверждают начавшееся еще в последних веках до н. э. проникновение угорских племен в Восточную Европу, в Заволжье.² Среди них могли быть предки савиров. Какие-то события конца первого тысячелетия до н. э. заставили угро-савирские племена покинуть насиженные места. Часть их ушла на север, в низовья Оби.³ Часть савиров могла уже в то время начать свое движение на юго-запад, сначала в Южное Приуралье, где они встретились с гуннами, затем — в степи Северного Прикаспия. Здесь во II в. н. э. их локализует Птолемей.⁴

Собственно булгарские племена начали проникать в степи Южного Заволжья в первых веках н. э. Здесь они влились в коллектив сарматских племен и подверглись культурному влиянию абorigенов.⁵ Антропологический анализ черепов заволжских курганов позднесарматского времени показал, что основной долихомезокранный тип напоминает черепа из Салтовского могильника и аланских могильников Северного Кавказа. Отдельные же черепа сходны с булгарскими черепами из Зливинского могильника.⁶ Так уже в первых веках н. э. наметилась традиция алано-булгарского «мирного сосуществования», которое просле-

¹ Н. А. Баскаков. Тюркские языки, стр. 106—107.

² А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, вып. 58, М., 1957, стр. 103.

³ В. Н. Чернецов. Усть-Полуйское время в Приобье, стр. 226.

⁴ В. В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. I, стр. 231.

⁵ В. Т. Сиротенко. Указ. соч., стр. 40—41.

⁶ В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья, стр. 572.

живается на разновременных памятниках раннего средневековья Украины и Приазовья, Прикубанья и Дагестана.

Направление миграции угорско-булгарских племен в сторону Кавказа отнюдь не было случайностью. «По антропологическим материалам, — пишет В. В. Гинзбург, — мы можем проследить автохтонное развитие населения сталинградского Заволжья в эпоху бронзы и в сарматское время и его родственные связи с населением Северного Кавказа. На всем протяжении указанных периодов населения этого района общалось с населением саратовского Заволжья и Приуралья».¹

Так еще в глубокой древности возникла родственная и культурная близость аборигенов Нижнего Поволжья с населением Предкавказских степей, с населением Южного Зауралья и Западного Казахстана.² В раннем средневековье савиро-булгарские племена, впитав по пути сарматские элементы, пришли на Северный Кавказ дорогами, давно проторенными их предшественниками, а может быть, и предками.

* * *

Мы не случайно начинаем обзор с памятников Северо-Восточного Кавказа: именно здесь, в низовьях Терека и Сулака, в степях и предгорьях Дагестана осели первые тюркоязыческие пришельцы из Заволжья.

В сирийской хронике Захария Ритора (VI в.) читаем, что «за Каспийскими воротами (живут) булгары со (своим) языком, народ языческий и варварский, у них есть города, и аланы, у них пять городов. Из пределов Даду (т. е. Дагестана. — Я. Ф., Г. Ф.) живут в горах, у них есть крепости. Авангур — народ, живущий в палатках, авгар, сабир, бургар, аланкуртаргер, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит — эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием».³ Среди перечисленных народов, живущих «за Каспийскими воротами», т. е. в Северном Дагестане и дальше — в пределах Северного Кавказа, дважды упоминаются бургары (булгары). В первом случае

¹ В. В. Гинзбург. Указ. соч., стр. 594.

² Н. М. Глазкова и В. П. Чтецов. Палеоантропологические материалы Сталинградской экспедиции. МИА, вып. 78, М., 1960. Схема соотношения краниологических типов в эпоху бронзы и железа на территории Нижнего Поволжья, стр. 291.

³ Н. В. Пигулевская. Указ. соч., стр. 165

сказано, что они, как и аланы, имеют свои города; несомненно, 3. Ритор имеет в виду оседлых болгар.

Достойно внимания, что арабские авторы более позднего времени упоминают о хазарской крепости Беленджер,¹ которую Табари называет Булкер-Балкар.² Беленджер находился севернее Тарку, где-то на Сулаке. Из этого можно заключить, что имя болгар сохранялось в Северном Дагестане даже после того, как хазары, вытеснив или ассимилировав болгарские племена, заняли господствующее положение в Северо-Западном Прикаспии.

В дохазарское время, в IV—V вв., низовья Сулака занимали барсилы-берсула, одно из подразделений болгар. Поэтому, очевидно, византийские авторы помещают страну Берсилию в Северном Дагестане. Отсюда, по свидетельству автора IX в. Феофана Византийца, «вышли хазары, великий народ».³ К числу памятников, оставленных барсилами в Дагестане, К. Ф. Смирнов считает возможным отнести Агачкалу, недалеко от г. Буйнакса. В урочище Агачкала исследованы склеповые и грунтовые погребения, а также поселение. Памятник датируется VII—IX вв.⁴ М. И. Артамонов также считает, что агачкалинские древности могли принадлежать барсилам, жителям Беленджера-Берсили.⁵

Большой интерес представляют наблюдения В. Ф. Генинга и А. Х. Халикова о сходстве некоторых видов керамики Агачкалы с отдельными керамическими изделиями Танкеевского могильника. Танкеевский могильник находится в Заволжье, ниже устья Камы, и относится его исследователями к кругу ранне-болгарских памятников.⁶ Не лишено интереса сопоставление некоторых сосудов и их орнаментовки с керамикой катакомбных погребений Балты и Чми в Северной Осетии, датируемых тем

¹ Из Тарих аль-камиль Ибн-ал-Асира. Пер. Жузе. Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1940, стр. 24.

² Derbend — Nameh Translated from a select turkish version... by Mirza A. Kazem—Beg. Mémoires de l'Académie impériale des Sciences, t. VI. St. Petersburg, 1861, pp. 161—162.

Дорн. Известия о хазарах восточного историка Табари. «Журнал Министерства народного просвещения», 1844, ч. 43, стр. 480—481.

³ Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Пер. В. И. Облоуского и Ф. А. Терпювского. Чтения МОИДР (Моск. об-во истории и древностей Российских). М., 1890, стр. 260.

⁴ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник-памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 113—119.

⁵ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 312.

⁶ В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 81.

же временем, что и Агачкала.¹ В связи с наблюдениями В. Ф. Генинга приведем свидетельства источников. Арабский автор начала X в. Ибн-Русте локализует на Средней Волге знакомые нам по Дагестану племена барсал-берсула.² Знаменательно также, что во время своего путешествия в Болгар Ибн-Фадлан встретил там «домочадцев в количестве пяти тысяч душ мужчин и женщин... Все они известны (под названием) Баранджар».³

Не трудно заметить, что приведенные сопоставления предметов материальной культуры, подкрепленные свидетельствами современников, связывают Северный Кавказ и, прежде всего Дагестан, с Волжской Болгарией по направлению, по которому уходили в VII в. с Кавказа болгары, теснимые хазарами.

Другим народом, упоминаемым Захарием Ритором, были савиры. М. И. Артамонов, основываясь на анализе источников, считает, что савиры, как и барсилы, составляли основное население раннесредневекового «царства гуннов» в Северном Дагестане. При этом савиры занимали его южную часть, барсилы — северную в низовьях Сулака и Терека.⁴

Как уже говорилось, первое упоминание о савирах относится ко II в. Птолемей локализует их в северо-западном Прикаспии. У нас данных о савирах, относящихся к первым векам, нет. Можно лишь предполагать, что до гуннского вторжения савиры частично занимали степи Центрального Предкавказья, гранича здесь с сираками. Так или иначе вплоть до VII в. савиры упоминаются в источниках как оседлые насельники Северо-Восточного Кавказа. Здесь они вступают в тесные и разносторонние связи с аборигенами. Можно утверждать, что вопрос о савирах имеет первостепенное значение при разработке этнической истории Кавказа. Находясь на границе степных пространств и гор Дагестана, савиры испытали на себе удары гуннов, затем — авар и тюркютов. Савиры были посредниками между населением степей Северо-Западного Прикаспия и кавказскими аборигенами — населением горных районов Чечни и Дагестана.

К сожалению, памятники раннего средневековья Присулакской равнины пока еще мало изучены. Среди них наиболее

¹ В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 81.

² А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1871, стр. 263; Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русских Абу-Али-Ахмеда бен Омара ибн-Дагста. СПб., 1869, стр. 22.

³ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 138.

⁴ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 229. Ср. карту на стр. 200.

выдающийся — Верхнечирюртовский могильник, исследованный в 1956—1957 гг. археологической экспедицией Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Материалы раскопок опубликованы лишь частично в предварительном сообщении Н. Д. Путинцевой.¹

Верхнечирюртовский могильник датируется V—VII вв.² В могильнике представлены три типа погребальных сооружений — катакомбы, грунтовые могилы и грунтовые могилы с подбоем. Катакомбы по своей конструкции и по инвентарю могут быть сопоставлены с аланскими памятниками Северного Кавказа. Особенно близкие аналогии Верхнечирюртовским катакомбам обнаруживают погребения могильника Байтал-Чапхан в Кара-чаево-Черкесии.³

В. А. Кузнецов сопоставляет инвентарь Верхнечирюртовского могильника с инвентарем катакомбных погребений у ст. Змейской в Северной Осетии. Он считает, что могильник Верхнего Чирюрта следует отнести к локальной группе аланских памятников, выдвинутых на восток — к Сулаку.⁴ Некоторые оригинальные черты материальной культуры, представленной в катакомбах Верхнего Чирюрта, В. А. Кузнецов объясняет «особенностями местной среды, того этнокультурного субстрата, с которым встретились и смешались аланы в Дагестане».⁵

Не будем здесь касаться аланской проблемы: не в аланах в данном случае дело. Вспомним, однако, что вместе с аланами в низовьях Дона и Кубани были разгромлены древнебулгарские племена. Вместе с аланами болгары отошли частью на север — в пределы нынешней левобережной Украины, частью — на юг, в предгорья Северного Кавказа. Трудно объяснить случайным совпадением тот факт, что в районе Салтово-Зливки, и в Кара-чаево-Черкесии, и в некоторых других районах Северного Кавказа аланским памятникам в полном смысле слова сопутствуют памятники болгарские. При этом многие из них одновременны. Облик же материальной культуры являет столько общих черт, что порой лишь характер погребальных сооружений и, в осо-

¹ Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД, т. II, Махачкала, стр. 248—264.

² Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 264.

³ Там же, стр. 254.

⁴ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа МИА, вып. 106, М., 1962, стр. 33.

⁵ В. А. Кузнецов. Аланы и средневековый Дагестан. МАД, т. II, стр. 268.

бенности, палеантропологический анализ костных остатков позволяют определить принадлежность памятника аланам или булгарам.

Для древнебулгарских погребальных сооружений характерны грунтовые прямоугольные могильные ямы, иногда с запле-чниками.¹ Достоинно внимания, что в Верхнем Чирюрте, наряду с катакомбами, обнаружены грунтовые погребения, которые (что очень важно) занимают обособленную часть могильника. Инвентарь грунтовых могил в общем схож с инвентарем катакомб.² К сожалению, публикация Н. Д. Путинцевой носит предварительный характер. Протокольное описание конструкции грунтовых могил отсутствует, не выделены также вещи, найденные в этих могилах. Больше того, черепной материал Верхне-чирюртовского могильника не зашифрован и выделить, как мне сообщила Т. С. Кондукторова, черепа, взятые из грунтовых могил, невозможно. Все это заставляет привлекать материалы, добытые в могильнике, обобщенно и условно. К сожалению, продолжить исследование этого интересного памятника невозможно: долина, где расположен Верхнечирюртовский могильник, затоплена при устройстве водохранилища.

Т. С. Кондукторова, обрабатывавшая черепной материал Верхнечирюртовского могильника, любезно поделилась с нами некоторыми соображениями. С ее разрешения, приводим их здесь.³ Во-первых, в черепах верхнечирюртовской серии имеются следы давних связей Северного Дагестана с северо-востоком. Обнаружены также некоторые общие черты у черепов Чирюрта с черепами из катакомб Змейской. Связи со змейским катакомбным могильником отмечает также А. Г. Гаджиев.⁴ Во-вторых, наблюдается некоторое сходство черепов В. Чирюрта с черепами Зливкинского могильника, принадлежащего, как известно, древним булгарам.⁵ В-третьих, верхнечирюртовская серия име-

¹ В. Т. Сиротенко. Основные теории происхождения булгар, стр. 10; В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге, стр. 8, сл. Н. Я. Мерперт. Древнейшие болгарские племена Причерноморья. Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1953, стр. 611.

² Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник, стр. 252.

³ Т. С. Кондукторова. Антропологическая характеристика черепов из Верхнего Чирюртовского могильника в Дагестане. «Вопросы антропологии», вып. 25, т. М., 1967, стр. 128.

⁴ А. Г. Гаджиев. Данные по палеантропологии Дагестана. Ученые записки НИИ Дагестанского филиала АН СССР, т. X, Махачкала, 1962, стр. 196.

⁵ А. Г. Гаджиев. Вопросы происхождения народов Дагестана, по данным антропологии. Рук. фонд Дагестанского филиала АН СССР, Ф. 3. Опись 3. 204/3466, лл. 132—133.

ет небольшую монголоидную примесь, что также характерно для зливкинской серии,¹ для древнеболгарской краниологической серии Большетарханского могильника,² а также для древнеболгарских черепов могильника Нови Пазар в Болгарии.³

К сожалению, в серии черепов из Верхнего Чирюрта не выделены, как уже говорилось, черепа из грунтовых могил, так что данные, сообщенные Т. С. Кондукторовой, относятся ко всей серии в целом.⁴ Все же можно отметить прослеживаемые генетические связи чирюртовцев с сарматской средой Нижнего Поволжья, с северокавказскими аланами с древнебулгарским типом, представленным столь типичными сериями, как зливкинская и большетарханская.

Вспомним о древних связях Северного Дагестана с Нижним Поволжьем и далее с Южным Зауральем;⁵ характеристика верхнечирюртовской серии вполне отвечает этим связям, а их направление — пути, по которым могли прийти в Северный Дагестан болгаро-савирские племена в первых веках. Связи же с аланскими сериями, в том числе со змейскими черепами, не противоречат однотипности погребальных сооружений Верхнего Чирюрта и Змейских катакомб.

Следует обратить особое внимание на другой вид верхнечирюртовских погребальных сооружений — могильные ямы. Грунтовые погребения известны и в других памятниках Дагестана эпохи раннего железа. К. Ф. Смирнов, исследовавший Таркинский и Карабудахкентский могильники, считает, что грунтовые могилы становятся в позднесарматское время преобладающей формой погребальных сооружений Северного Дагестана.⁶ Однако особенности антропологического типа верхнечирюртовских черепов, сближающие их с древнебулгарскими, позволяют обратиться к другим сопоставлениям.

Конструкция могильной ямы верхнечирюртовских грунтовых погребений не прослежена исследователями. Зафиксирован лишь

¹ М. М. Герасимов. Скелеты древних болгар. Антропологический сборник, т. I, М., 1956, стр. 146—165.

² М. С. Акимов. Указ. соч., стр. 185.

³ С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. «Советская археология», т. XXVII, 1957, стр. 130.

⁴ В последнее время дагестанскому антропологу А. Г. Гаджиеву удалось обнаружить пять паспортизированных черепов. Все черепа с монголоидной примесью относятся к грунтовым погребениям. За сообщение этих данных приношу А. Г. Гаджиеву благодарность.

⁵ В. В. Гинзбург. Этногенетические связи..., стр. 594.

⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки. МИА, вып. 23, М.—Л., 1951, стр. 257.

погребальный обряд. Его характерные черты: вытянутое на спине положение костяка, руки — вдоль туловища, ноги иногда скрещены в голених.¹ Эти признаки характерны для погребального обряда ранних булгар: в таком же положении находились костяки в погребениях Большетарханского могильника,² могильника Нови Пазар.³ Аналогичный обряд зафиксирован Е. И. Крупновым в грунтовых погребениях Кешенэ-аллы в Кабардино-Балкарии, сопоставляемых автором раскопок с Зливками.⁴

Ориентировка грунтовых погребений Верхнего Чирюрта неустойчивая, но преобладает СВ. Отмечены немногочисленные случаи ориентировки костяков головой на СЗ, С, З и на Ю.⁵ Северо-западная ориентировка наблюдается в могильнике Кешенэ-аллы.⁶ Любопытно, что ориентировка погребений в могильнике Нови Пазар так же, как и в Верхнем Чирюрте, преимущественно на северные румбы, с отклонением на восток.⁷ Неустойчивая ориентировка погребений Верхнечирюртовского могильника объясняется этнической неоднородностью населения. Присулакской низменности эпохи раннего средневековья, нашедшей свое отражение в черепном материале. Принимая во внимание свидетельство источников и приведенных сопоставлений, можно допустить, что в составе населения, оставившего могильник, определенное место занимали пришлые элементы, связанные с савиро-булгарами. Не случайно грунтовые могилы занимают особый участок могильника.

Очевидно, могильник в Верхнем Чирюрте так же, как и селище, принадлежал тому смешанному населению, которое образовалось в результате частичной ассимиляции пришельцев с аборигенами. Аборигены — коренные дагестанцы, генетически связанные с носителями приморского варианта каякентско-хорчоевской культуры; пришельцы — кочевые племена «гуннского» круга и аланы, продвинувшиеся в низовья Сулака из пределов центральной части Северного Кавказа.

Процесс ассимиляции в VI—VII вв. не завершился. Об этом свидетельствует сосуществование различных форм погребаль-

¹ Н. Д. Путинцева. Указ. соч., стр. 250.

² В. Ф. Геннинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге, стр. 8, сл.

³ С. Р. Станчев. Новый памятник болгарской культуры, стр. 110—111.

⁴ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 года в Кабардинской АССР. Ученые записки Кабардинского НИИ, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 314.

⁵ Н. Д. Путинцева. Указ. соч., стр. 250.

⁶ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 314.

⁷ С. Р. Станчев. Указ. соч., стр. 110—112.

ных сооружений. Представляется, что в Присулакской низменности и в прилегающих к ней районах предгорного и приморского Дагестана жили как племена аланского круга, в значительной степени впитавшие в себя коренные элементы (они хоронили своих покойников в катакомбах), так и тюркоязычные племена Берсилии-Беленджера. Они в большой степени сохраняли свои этнические особенности. Не им ли принадлежали грунтовые погребения Верхнего Чирюрта?

Невольно напрашивается сравнение с ситуацией, характерной для форм сосуществования аланского и болгарского населения, оставившего памятники Салтово-маяцкой культуры в верховьях Северного Донца. Как известно, и в аланских и в болгарских погребениях представлена единая материальная культура. Различны формы погребальных сооружений, а соответственно, и антропологические типы погребенных в катакомбах и грунтовых могилах. Анализируя краниологические серии катакомбных и грунтовых погребений, Г. Ф. Дебеч пришел к выводу, что «разница в черепном указателе между Зливкинским и Салтовским могильниками указывает на значительную разобщенность обеих групп в отношении брачных связей.¹ Другими словами, кочевники-булгары, перейдя к оседлости и живя бок о бок с аланами, держались обособленно и сохраняли свой этнический тип.

Также обособленно, поселившись вместе с аланами в Северном Дагестане, держали себя вначале и савиро-булгарские пришельцы. Это были воинственные, только что перешедшие к оседлости племена. Приведем характеристику Кесарийского Прокопия: «Сабиры являются гуннским племенем; живут они около Кавказских гор. Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен. Их начальники издревле вели дружбу, одни с римским императором, другие с персидским царем. Из этих властителей каждый обычно посылал своим союзникам известную сумму золота...».²

В связи с приведенным свидетельством Прокопия, невольно обращает на себя внимание одна замечательная находка среди других предметов, обнаруженных в погребениях Верхнего Чирюрта. Я имею в виду золотую монету с изображением визан-

¹ Г. Ф. Дебеч. Палеантропология СССР. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, новая серия, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 256.

² Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 407.

тийского императора Ираклия (610—641).¹ С одной стороны, мы имеем надежную индикацию, уточняющую датировку памятника, с другой — подтверждение связей населения Северного Дагестана с Византией в первой половине VII века, когда Кавказ еще входил в территорию, подвластную Западно-тюркскому каганату.

Среди населения Кавказа собственно тюркюты были в значительном меньшинстве, но они сумели организовать крупные по тому времени военные силы, привлекая к своим походам местные племена. Так было и в 622 г., когда Ираклий начал военные действия против Ирана. Неудачи первых лет войны заставили императора обратиться к старым союзникам Византии — тюркютам. Армянский хронист VII века Моисей Каганкатвацци приводит интересные подробности дипломатической деятельности византийского правительства по сколачиванию антииранской военной коалиции. Посланнику Ираклия удалось путем подкупа привлечь к походу против военных сил Ирана в Закавказье «златолюбивых народов косоносцев» и склонить к союзу с империей «наместника северного царя Джебукагана» — брата кагана западных тюркютов Тун-шеху.² Союз был заключен в 626 г., и войска «царя севера» вторглись в Албанию, а затем — в Грузию.

Что же это был за народ — «косоносцы»? Не подлежит сомнению, что речь идет о подвластном тюркютам «народе». Известно, что правители Западно-тюркского каганата привлекали к участию в походах на Закавказье в первую очередь кавказские племена, в том числе савиров, хазар, барсиллов. Сами тюркюты кося не носили. Описывая разгром Дербента, Моисей Каганкатвацци изображает тюркютов в виде «широколицей, безресничной толпы, которая в образе женщин с распущенными волосами устремилась на них (жителей Дербента. — Я. Ф.)»³ О «небрежности» прически тюркютов говорит и Агафий: «...волосы... у турок и аваров не причесаны, запущены...».⁴

Следовательно, «косоносцы» не принадлежали к собственно тюркютским племенам. М. И. Артамонов, опираясь на Летопись Феофана и на Сирийские источники, опубликованные Н. В. Пи-

¹ В. И. Каннивец. Дагестанская археологическая экспедиция 1959 г. Ученые записки института истории, языка и литературы (ИИЯЛ) им. Г. Цадасы, т. III, Махачкала, 1957, стр. 163.

² М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 145.

³ М. Каганкатвацци. Указ. соч., стр. 105.

⁴ Агафий. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953, стр. 14.

гулевской, отмечает, что подстригали волосы спереди и заплетали их сзади в несколько кос угорские племена. В Византии такая прическа называлась «гуннской» и носили ее столичные шеголи.¹ Таким образом, «косоносцами», участниками похода тюрок на Закавказье, были, по-видимому, подвластные им оторченные угорские племена, обосновавшиеся на Кавказе к северу от Дербентского прохода. Из племен, населявших плоскостной Дагестан, ближе всего к уграм были савиры. «Косоносцы» савиры влились в ополчение тюрок и под водительством Джебукагана двинулись в поход на помощь императору Ираклию. В 627 г. союзники осадили Тбилиси и в следующем году взяли город приступом. Тбилиси был разрушен и разграблен, жители перебиты.

Пути в Закавказье были хорошо известны савирам. Не исключено, что этими путями византийские монеты попали на Сулак и оказались в числе предметов погребального инвентаря Верхнечирюртовского могильника. Достоинно внимания, что там обнаружены монеты Ираклия и Константина II (первая половина VII в., время последних походов тюрок в Закавказье).

С походами тюрок в Закавказье связан уникальный памятник, исследованный покойным А. А. Иессеном в Азербайджане: впускное погребение одного из больших курганов Уч-тепе.²

Среди вещей также обнаружена золотая византийская монета, но более раннего времени с изображением Юстина I (518—527). Инвентарь погребения — меч с односторонним лезвием (предшественник сабли), золотой поясной набор, золотой перстень с пехлевийской надписью позволяют датировать погребение концом VI — началом VII в.³ Сложная конструкция погребального сооружения, потребовавшая усилий большого числа людей, и богатый инвентарь привели А. А. Иессена к заключению, что в кургане Уч-тепе был погребен «хазарский» вождь, участник тюрко-хазарского вторжения в Закавказье. Датировка погребения действительно укладывается в эпоху византийско-иранских войн конца VI—начала VII в., но следует вспомнить, что в это время Хазарии еще не существовало. Правда, источники упоминают хазар в качестве союзников тюр-

¹ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 156.

² А. А. Иессен. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Теппе. МИА, вып. 125, М.—Л., 1965, стр. 153—194.

³ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 180.

кютов.¹ Однако прав, по-моему, М. И. Артамонов, считающий, что под «хазарами» следует подразумевать племена Северного и плоскостного Дагестана, в том числе савиров.² Ведь VI в., — время расцвета «царства гуннов» — Джидана со стольным городом «великолепным Варачаном», расположенным именно в плоскостных и предгорных районах нынешней Дагестанской АССР. Царство «гуннов» находилось на пути тюркютских войск в Закавказье и служило своего рода плацдармом вооруженных сил сначала Западно-тюркютского каганата, затем — Хазарии. Основное же население Джидана были савиры, сами по себе не отличавшиеся миролюбием.

История сохранила сведения о многочисленных походах гуннов-савир в пределы Закавказья и Передней Азии: в 508 г. они вторглись в Каппадокию, Галатию и Понт, в 516 г. нападают на Армению, в 528 г. савиры вместе с персами снова вторгаются в Армению, в 531 г. участвуют на стороне Ирана в войне его с Византией, в 540 г. нападают на Закавказье, в 552 г. вторгаются в Азербайджан. В 567 г. савиры и другие племена Северо-Восточного Кавказа были покорены тюркютами, и с тех пор до момента распада Западно-Тюркютского каганата они выполняли роль ударной силы в составе тюркютских войск. Но вернемся к «хазарскому» погребению Уч-тепе.

Как говорилось выше, среди вещей обнаружены золотой перстень, сердоликовая резная печать в золотой оправе, золотая монета. По заключению А. А. Иессена, эти уникальные предметы «не имеют по своему происхождению ничего общего с основным вещевым материалом погребения и могли попасть во владение погребенного скорее всего уже в Закавказье, в качестве военной добычи».³

О том, что погребенный в кургане Уч-тепе вождь прибыл в Албанию, нынешний Азербайджан, с севера, из пределов Северо-Восточного Кавказа (возможно, в качестве военачальника тюркютских войск), мы заключаем по керамическому сосуду, обнаруженному в могильной яме учтепинского впускного погребения. Наиболее близким по форме А. А. Иессен считает сосуд из Комбулты, датируемый IV—VII вв. и отнесенный В. А. Кузнецовым к керамике, типичной для восточного варианта Алан-

¹ М. Хоренский. История Армении, стр. 134; М. Каганкатвацц. История Агван, стр. 80, 154, 157.

² М. И. Артамонов. История хазар, стр. 155—156.

³ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 180.

ской культуры Северного Кавказа.¹ По форме тулова и ручки сосуд из Уч-тепе может быть сопоставлен также с аналогичным сосудом из погребения Кешенэ-аллы, ориентировочно датированным автором раскопок Е. И. Крупновым VII—VIII вв.² Особенно характерны для раннеаланской керамики сосцевидные налепы на тулове сосудов. Именно такие налепы имеются на сосуде из Уч-тепе.

Для определения этнической принадлежности учтепинского впускного погребения значительный интерес представляет анализ костных остатков. По определению В. В. Гинзбурга, антропологический тип погребенного близок к типу Среднеазиатского междуречья. Этот же тип характерен для булгарского населения Правобережного Цимлянского городища и черепного материала эливкинского могильника.³ А так как верхнечирюртовские черепа, как и череп из Уч-тепе, по некоторым показателям также сопоставимы со зливкинскими, есть основание отнести впускное погребение Уч-тепе к кругу интересующих нас памятников. Учтепинское погребение несомненно связано с бурным временем, пережитым населением Северо-Восточного Кавказа в дохазарскую эпоху. Этому не противоречит ни датировка памятника, ни погребальный обряд и вещевой материал, ни антропологический тип погребенного.

Изучение древностей Северного Дагестана эпохи раннего средневековья только еще начинается. Нет сомнения в том, что будущие археологические исследования на Северо-Восточном Кавказе, включая предгорный Дагестан и приморскую полосу, дадут возможность обстоятельно и разносторонне выяснить роль ранних булгар и савиров в этнической истории края.

* * *

Среди народов Юго-Восточной Европы, упоминаемых Захарием Ритором, булгары названы дважды. Непосредственно за Каспийскими воротами (т. е. за Дербентской тесниной), говорит Ритор, «... (живут) булгары со (своим) языком, народ языческий и варварский...», но оседлы: «у них есть города».⁴ Мы попыта-

¹ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 180. Ср.: В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, рис. 27 (А, 3).

² Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР, стр. 315, рис. 30.

³ В. В. Гинзбург. Антропологическая характеристика черепа человека из впускного погребения кургана в урочище Уч-тепе. МИА, вып. 125, стр. 193.

⁴ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники... стр. 165.

лись связать сообщения сирийской хроники об оседлых булгарах с другими свидетельствами современников раннего средневековья и с некоторыми памятниками Северо-Восточного Кавказа. В том же абзаце Захарий Ритор перечисляет еще тринадцать народов, но уже «живущих в палатках». Среди этих народов, очевидно, кочевых, упомянуты и булгары: «они существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием».¹

Свидетельство сирийского источника VI в. подтверждается находками археологов, обнаруженными почти на всем пространстве Северного Кавказа к западу от современной Чечено-Ингушетии, а также на Северном Донце и на Нижнем Дону.² При раскопках правобережного и левобережного городищ, близ станции Цимлянской в низовьях Дона, расчищены остатки круглых юртообразных жилищ с примитивным очагом.³ Исследователи справедливо относят их к числу памятников, оставленных булгарским населением, частично перешедшим к оседлости.⁴ Древним булгарам принадлежат некоторые грунтовые могильники на Донетчине, в низовьях Дона, на Северном Кавказе, а также поселения с характерной керамикой — котлами типа казанов с внутренними ушками на венчике для подвешивания над открытым очагом.⁵

Ареал распространения вышеназванных памятников целиком укладывается в границы расселения булгарских племен, очерченные источниками. Речь идет о Великой Болгарии Кубрата, объединившего в 20-х годах VII в. булгарские племена как к востоку, так и к западу от Азовского моря.⁶ Основная территория болгарского племенного объединения находилась в восточном Приазовье, между Кубанью и Доном. Ставка Кубрата была в Фанагории, на Таманском полуострове.⁷ «Около Майотидского озера, — пишет византийский хронист Никифор, — по реке Кофине (Кубани. — Я. Ф.) была расположена издревле известная великая Болгария и жили так называемые котраги, едино-

¹ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники... стр. 165.

² Е. П. Алексеева. Карачасвцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 21—30; С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 188.

³ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 100.

⁴ Там же, стр. 147.

⁵ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 21. Ср.: В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИА, вып. 99, М., 1964, стр. 34—39.

⁶ Н. Я. Мерперт. Древнейшие болгарские племена Причерноморья. Очерки Истории СССР, III—IX вв. М., 1958, стр. 597. Ср.: Д. И. Иловайский. Рассказы о начале Руси. М., 1882, стр. 184.

⁷ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 598.

племенные с ними».¹ Более обстоятельно локализована Приазовская Болгария в армянской «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому: «В Сарматии лежат горы Кераунские и Гиппейские, которые выпускают из себя пять рек, впадающих в Маотийское море. Из Кавказа текут две реки: Валданис, текущая с горы Кракс, которая начинается у Кавказа и тянется на северо-запад между Меотидой и Понтом. Другая река Псевхрос (очевидно, южный рукав в дельте Кубани.— Я. Ф.) отделяет Боспор от тех мест, где находится город Никепс. К северу от них живут народы тюрков и болгар, которые именуются по названиям рек: Купи-Булгар, Дучи-Булкар, Окхондор-Блкар—пришельцы, Чдар-Болкар».²

В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков считают, что Гиппейскими горами автор армянской «Географии» называет не Ергени или Ставропольскую возвышенность, а Донецкий кряж.³ Мы предпочитаем версию М. И. Артамонова и Н. Я. Мерперта, усматривающих в Гиппейских горах именно Ставропольскую возвышенность, и вот на каком основании. Судя по точности описания реки Кубани—Валданиса, правильного указания места ее истоков и направления течения в низовьях (на северо-запад между Понтом и Меотидой), автор армянской «Географии» был прекрасно осведомлен об особенностях орографии Северного Кавказа и Приазовья. Достаточно взглянуть на карту Нижнего Дона и Северного Кавказа, чтобы убедиться в неправомерности сопоставления одной из гор, упоминаемых в «Географии» с Донецким кряжем: с севера в Азовское море впадают только две реки—Миус и Калмиус. Подавляющее же число рек, впадающих в Азовское море, текут с юга и юго-востока, вдоль Сальско-Манычской гряды и с отрогов Ставропольской возвышенности. Это—Кирпиль, Бейсуг, Сосыка, Ея, Кагальник. Впадая в Азовское море, эти реки образуют заметные по величине лиманы. По отношению к Кубани и Дону перечисленные Хоренским реки имеют второстепенное значение, и поэтому остались безымянными.

Довольно точно обозначена в армянской «Географии» другая река—Псевхрос, «отделяющая Боспор от тех мест, где

¹ Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия. Византийский временник, т. III, М., 1950, стр. 363.

² К. Патканов. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. «Журнал министерства народного просвещения», 1883, март, стр. 28.

³ В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге, стр. 112.

находится город Никопс» — Никопсия. Псевхросом, видимо, назван левый рукав Кубани, некогда впадавший в Черное море там, где ныне находится Цукурский лиман.¹ Действительно, левый рукав Кубани отделял Таманский полуостров, входивший в состав Боспора, от Восточного Причерноморья, где на землях зихов, предков адыгов, была расположена Никопсия.²

Осведомленность автора армянской «Географии» позволяет, на наш взгляд, довериться ему и в отношении локализации основной территории Великой Болгарии в восточном Приазовье, к северу от Кубани.

Сведения о ранних булгарах IV—VI вв. ограничиваются, в основном, свидетельствами источников: кочевой быт не способствовал сохранению вещественных остатков. Не случайно подавляющее большинство памятников, относимых к болгарским древностям, датируются концом VII—IX вв., временем, когда болгарские племена постепенно переходили к оседлости.³

К концу IX в. относится интереснейшее сообщение персидского анонима в «Худуд ал-Аламе» о болгарских племенах, уцелевших в пределах своих исконных кочевий после хазарского разгрома. Персидский автор упоминает область в—н—н—д—р и указывает ее границы: «К востоку от нее (области в—н—н—д—р.—Я. Ф.) — барадасы; к югу от нее — хазары; к западу от нее — горы; к северу от нее — мадьяры. Они (венендеры) трусливы, слабы, бедны. Доходных статей у них мало».⁴ Речь несомненно идет о тех же племенах, которые именуется в письме хазарского царя Иосифа в—н—н—т—р'ами. В—н—н—т—р'ы были разгромлены хазарами во второй половине VII века. Палеографический анализ текста письма хазарского кагана Иосифа позволил П. К. Коковцеву отождествить в—н—н—т—р'ов с проболгарским племенем оногуров, основным ядром Прикубанской Болгарии.⁵

Местоположение области в—н—н—д—р'ов, указанное персидским анонимом, позволяет локализовать ее в восточном Приазовье, включая правобережье Кубани в нижнем ее течении,

¹ См. карту к ст.: К. К. Герц. Археологическая топография Таманского полуострова. «Древности» (Труды Московского археологического общества), т. II, вып. 3, М., 1870.

² В. Б. Деопик. Адыгейские племена. Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, стр. 642.

³ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры, стр. 147.

⁴ Худуд ал'алем. Рукопись А. Туманского с введением В. В. Бартольда. Л., 1930, стр. 32.

⁵ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 171—172

там, где за полвека до этого находилась Великая Болгария Кубрата. В самом деле, персидский аноним утверждает, что к востоку от области венендеров жили буртасы («барадасы»). Но к востоку от Азовского моря находится Манычская впадина и дальше — низовья Волги. Здесь, по мнению некоторых исследователей, действительно жили буртасы.¹ Горы на западе — северо-западные предгорья Кавказского хребта. На юго-востоке находятся низовья Терека и Сулака — древняя Берсилия, колыбель Хазарского каганата. Наконец, на север от области венендеров, по указанию персидского анонима, кочевали мадьяры. Действительно, в IX в. степи Нижнего Подонья были заняты мадьярскими кочевьями, что и заставило хазар возвести пограничную со степью крепость Саркел (Белую Вежу).² Не совсем точно указанное западное направление (к горам Кавказа и южнее — к низовьям Терека и Сулака) не должно нас смущать: страны света в раннем средневековье могли определяться только по солнцу, следовательно, понятие «запад» и «юг» могли и не соответствовать в точности истинным или магнитным румбам.

Далее персидский аноним отмечает, что болгары-венендеры «трусливы, слабы, бедны». Речь идет, очевидно, об остатках булгарского населения в низовьях Дона и в Прикубанье, уцелевших после хазарского погрома. По источникам известно, что хазары обложили венендеров тяжелой данью.³ Это не могло не отразиться на их «доходных статьях»; зависимое положение и поборы привели неустойчивое экстенсивное хозяйство кочевников к упадку.

Материалы булгарских поселений и могильников Нижнего Дона наглядно отражают имущественное положение и быт булгар-венендеров. Юртообразные жилища, сравнительно бедный инвентарь погребений, предметы материальной культуры, являющие черты заимствования у оседлого земледельческого населения, характеризуют булгар как кочевников, перешедших к оседлости лишь в недалеком прошлом.⁴

Судя по размещению памятников зливкинского типа, бывшие кочевники становятся соседями оседлых земледельцев верхнесалтовцев или селятся в более южных степных районах

¹ А. Е. Алихова. К вопросу о буртасах. «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 53.

² М. И. Артамонов. Саркел—Белая Вежа. МИА, вып. 62, стр. 48—49.

³ П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X в., стр. 92.

⁴ И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры, стр. 141.

по берегам рек, в условиях, близких к тем, к которым они привыкли при кочевом образе жизни. Понятно, что болгарские поселения возникают несколько позднее поселений оседлых салтовцев, и именно — около рубежа VIII—IX вв.¹

Несколько раньше, в первой половине VIII в. болгарские поселенцы появляются и на Таманском полуострове. Об этом свидетельствуют находки в слоях Таманского городища фрагментов кухонной посуды со следами заглаживания поверхности травой — характерного приема болгарских горшечников, а также котлов с внутренними ушками. С. А. Плетнева полагает, что расцвет ремесленного гончарного производства в Таматархе связан с приходом туда болгар и алан.² Она считает, что «скорее всего это были аланские и болгарские отряды и небольшие группы, бежавшие из предгорий Кавказа и Прикубанья от опустошительных походов арабских полководцев Масламы и Мервана».³ Но арабские войска Масламы, вторгшиеся на Северный Кавказ через Дарьяльский проход, свернули на восток к Семендеру и никогда не углублялись в степи Предкавказья. Войска же Мервана во время его знаменитого похода 737 г. прошли по западному берегу Каспия и опустошили страну буртасов в низовьях Волги.⁴ Правда; в 735 г. состоялся поход Мервана в Аланию, где арабам удалось завладеть тремя крепостями.⁵ Но, как мне кажется, аланские беженцы имели полную возможность укрыться от арабов, не предпринимая столь далекого путешествия, тем более, что к их услугам были вполне надежные убежища в глухих и недоступных ущельях северного склона Кавказского хребта. Мне думается, что появление болгар и алан в Таматархе скорее всего связано с массовым оседанием кочевников на землю, о чем пишет сам автор исследования о средневековой керамике Таманского городища.⁶

Большинство советских исследователей относят гончарные котлы с внутренними ушками к болгарским древностям Юго-Восточной Европы.⁷ Ареал находок этого вида керамики совпадает с границами расселения болгарских племен в раннехазар-

¹ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 147.

² С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. В сб.: «Керамика и стекло древней Тмутаракани», М., 1963, стр. 28, 66.

³ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 67.

⁴ Из Тарих ал-камиль Ибн-ал-Асира, стр. 26.

⁵ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 218.

⁶ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 66.

⁷ В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИИ, вып. 99, М., 1964, стр. 34—39.

ское время. Как уже говорилось выше, фрагменты котлов с внутренними ушками обнаружены в культурном слое многих поселений Нижнего Дона¹ и Тамани.² Отдельные находки известны на правом берегу Кубани, например, у станицы Казанской, в долине Урупа на поселении Белый Ерик у станицы Удобной³ и далее — в Карачаево-Черкесии по правому берегу Кубани вплоть до средневекового Хумаринского городища и г. Карачаевска.⁴ Много фрагментов обнаружено в районе Пятигорья.⁵ Находки котлов как бы указывают путь продвижения булгар из Приазовья в предгорья Кавказа.

Видимо, во второй половине VII в. после ухода орды Аспаруха на Дунай остатки в—и—и—др'ов, спасаясь от хазар, двинулись вверх по Кубани вдоль отрогов Ставропольской возвышенности. Местность, обильная пастбищами, водой и зарослями уремы, давно привлекала кочевников. Здесь в свое время обитали оседлые земледельцы — меото-сарматские племена. Край был густо населен, о чем можно судить по множеству укрепленных городищ, исследованных Н. В. Анфимовым. Городища расположены вдоль правого берега Кубани от нынешнего Краснодара до района Армавира. Прикубанские поселения меото-сарматов были разрушены в основном гуннами в конце IV в.; уцелевшее население переправилось на левый берег Кубани, ближе к предгорьям Северо-Западного Кавказа, где издавна обитали их соплеменники.⁶ Край обезлюдел, возделанные поля превратились в первобытную степь — место кочевий пришельцев. Здесь, у подножия западных отрогов Ставропольской возвышенности, заросших густыми лесами, обосновались беглецы-венендеры, они же оногуры.⁷ Может быть, им принадлежали котлы, фрагменты которых с внутренними ушками найдены у станицы Казанской.⁸

Где-то около современного Невинномысска кочевья венендеров-оногуров разделились: часть двинулась дальше, вверх по

¹ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 109—110.

² С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 16.

³ В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 38—39.

⁴ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы, стр. 22.

⁵ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска в 1959 г. Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. IX, Нальчик, 1961, стр. 209—216.

⁶ Н. В. Анфимов. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, стр. 77. Ср. карту-вклейку.

⁷ П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка, стр. 92, прим. 1.

⁸ В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИИ, вып. 99, стр. 38.

правому берегу Кубани, в современную Карачаево-Черкессию; часть же продолжала перекочевку в направлении Пятигорья. Путь перемещения кочевий болгар-оногуров указывают находки фрагментов котлов с внутренними ушками. Находки датируются временем не ранее середины VII века, когда, в связи с хазарской экспансией в степи восточного Приазовья и Прикубанья, усилилось передвижение болгарских племен в глубь Предкавказья.¹ По-существу, это была вторичная волна болгарских пришельцев. Впервые они появляются в южной полосе Северного Кавказа и в предгорьях не позже середины IV в. Эту дату мы принимаем, опираясь на свидетельство Мар Абас Котины, который локализует «землю болгаров» на «северной равнине, у подошвы великой Кавказской горы», очевидно, в степях Северного Кавказа.² Вряд ли можно согласиться с его датировкой (II век до н. э.), но, принимая во внимание, что «Начальная история Армении» написана Котиной во второй половине IV в. н. э.,³ мы не можем отнести описываемые им события к более позднему времени.

Есть свидетельство о пребывании болгарских племен на Северном Кавказе и в V в. В конце этого столетия, по наущению Византии, сарагуры, оногуры и угуры вторглись в Закавказье. Сарагуры прошли через Дарьял и опустошили Иверию.⁴ Оногуры проникли в Закавказье, вероятно, вдоль восточного побережья Черного моря, иначе трудно объяснить название одной из крепостей Колхиды «Оногурис», упоминаемой Агафием в связи с византийско-персидскими войнами VI в.⁵ О пребывании оногуров на Черноморском побережье Кавказа можно заключить по характеру многих погребений Борисовского могильника близ Геленджика, относимых некоторыми исследователями к числу болгарских древностей.⁶ В этом нет ничего невероятного, ибо, как известно, низовья Кубани, а также северо-западная

¹ В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИА, вып. 99, стр. 38.

² Моисей Хоренский. История Армении. Пер. Н. Эмина. М., 1893, стр. 55—56, 62.

³ Я. А. Манадян. Начальная история Армении Мар Абаса. Палестинский сборник, вып. 2, М.—Л., 1956, стр. 69—86.

⁴ В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, стр. 841—843.

⁵ Агафий. О царствовании Юстиниана, стр. 57, 72, 73. Агафий объясняет название крепости тем, что в этом месте, около Археополя «гунны», называемые оногурами, сразились с колхами и были побеждены», стр. 73.

⁶ В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге, стр. 122.

оконечность Кавказа, по данным Равеннской космографии, находились в пределах страны Оногории.¹

Вскоре после этих походов сарагуры, а за ними оногуры исчезают из поля зрения современников: источники о них молчат. По-видимому, прав М. И. Артамонов, полагая, что возглавляемый сарагурами союз болгарских племен распался в начале VI в.² Вряд ли, однако, все сарагуры ушли в Закавказье: какая-то часть их могла осесть по ту сторону Дарьяльского прохода, в степях и предгорьях Центрального Предкавказья. Здесь они смешались с северокавказскими абorigенами, носителями раннеаланской культуры.

О прибытии новых болгарских переселенцев на Северный Кавказ во второй половине VI в. сообщает Михаил Сириец, патриарх Антиохийский. Он пишет, что болгары, выйдя из «гор Имеона», пришли «в страну алан, называемую Бар Салия, города которой ромеями построены и которые суть Каспий».³ Речь идет, очевидно, о восточных областях Алании и о Северном Дагестане.

Аланские же города, «построенные ромеями», возможно, сопоставимы с раннехристианскими культовыми сооружениями западной Алании в нынешней Карачаево-Черкесии.⁴ Общеизвестны свидетельства Захария Ритора о болгарских кочевых племенах на Северном Кавказе, относящиеся также к концу VI в. В числе этих племен Ритор указывает сарагур, угоров—огур, оногур.⁵

Нам кажется, что уже теперь на Северном Кавказе можно выделить две группы болгарских древностей: раннюю, связанную с сарагурами в Центральном Предкавказье и с барсилами Северо-Восточного Кавказа (ее следует датировать IV—VI вв.), и позднюю, датируемую VII—IX вв. Поздняя группа, очевидно, связана с продвижением в глубь Предкавказья остатков венедеров-оногуров после их разгрома в восточном Приазовье и ухода основной их массы во главе с Аспарухом на Дунай.

¹ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 76.

² Там же, стр. 64.

³ Цит. по В. Т. Сиротенко. Основные теории происхождения древних болгар, стр. 63. Ср.: М. И. Артамонов. История хазар, стр. 128.

⁴ В. А. Кузнецов. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г., КСИА, вып. 98, М., 1964, стр. 107—115.

⁵ Н. В. Пигулевский. Сирийские источники... стр. 165.

4 В последнее время на Северном Кавказе открыты памятники, справедливо относимые к числу раннебулгарских. К ним в первую очередь следует причислить поселение Кызыл-кала, в верховьях речки Джегута в Карачаево-Черкесии, уникальный памятник V—VII вв., открытый и исследованный Е. П. Алексеевой.¹ Если отнестись к сарагурам слои кызылкалинского поселения, датируемые V—VI вв., ассимиляция пришельцев аборигенами станет очевидной: пришельцы-булгары перешли к оседлости, смешались с коренными племенами, переняли их культуру. Об этом свидетельствуют находки на поселении. Автор раскопок Е. П. Алексеева сопоставляет керамику из Кызыл-кала с керамикой раннеаланского поселения в верховьях Кубани — Узун-кол, датируемого V—VII вв.² Для керамики обоих памятников характерны сосцевидные налепы на тулове — один из распространенных видов орнамента раннеаланской керамики V—VI вв. Следует отметить, что в последующие века сосцевидные налепы на керамике Северного Кавказа не встречаются.³

Е. П. Алексеева не случайно выделила сосуды из Кызыл-кала с сосцевидными налепами в особый тип: подобная орнаментация генетически связывает традицию ремесла раннесредневекового населения Кызыл-кала с ремеслом гончаров скифского времени и далее — эпохи поздней бронзы.⁴ Известно, что орнаментация керамической посуды сосцевидными налепами широко применялась носителями кобанской культуры, т. е. коренными кавказцами.⁵ Донести эту традицию до раннего средневековья могли только аборигены; от аборигенов ее переняли пришельцы — булгарские племена, связав свою судьбу, подобно аланам, с судьбой автохтонов Центрального Кавказа.

Если согласиться с предположением Е. П. Алексеевой о булгарской принадлежности средневековых древностей Кызыл-калы, а у нас нет основания сомневаться в его правильности, придется сделать вывод, что пришельцы уже к VI в. полностью слились с местным оседлым населением и утратили свою мате-

¹ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, стр. 21, сл.

² Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, стр. 21, сл. Табл. IV, XIV, XV.

³ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, вып. 106, рис. 3 (А, Б); рис. 15 (А, В); рис. 24 (А, Б); рис. 27 (А, Б).

⁴ Ср. табл. XV, рис. 1 и 2; табл. VIII, рис. 1 и 2; табл. III, рис. 10 в кн. Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа.

⁵ Ср., например, рис. 1—3 (вкладка) в ст. Д. В. Деопик и Е. И. Крупнова. Змейское население кобанской культуры в сб. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, стр. 19.

риальную культуры. Во всяком случае материалы Кызыл-калы не свидетельствуют, подобно материалам Зливкинского и Салтовского могильников, о разобщенности местной и пришлой групп населения. Возможно, пришельцы, у которых в результате военных потерь были обескровлены целые роды, влились как чужеродцы в состав местных племен, передав аборигенам свои этнические особенности в той мере, в какой находилось численное соотношение обеих групп. К сожалению, отсутствие антропологических материалов Кызылкалинского могильника не позволяет решить конкретно этот коренной вопрос этнической истории края.

Находка на поселении характерной для кочевников керамики — фрагментов котлов с внутренними ушками — не противоречит нашей гипотезе полной ассимиляции пришельцев местным оседлым населением: фрагменты могли и не принадлежать к основному керамическому комплексу V—VI вв., а попасть в слой позже — в VII или даже на рубеже VIII в. Так, собственно, и датирует находку автор раскопок.¹ К этому времени в глубь Центрального Предкавказья могла докатиться вторая волна булгарских кочевников — оногуры-венендеры. Одна из ветвей потока могла образовать булгарскую оседлость в районе Джегуты-Джеганаса и далее по правобережью Кубани до Карачаевска, где отмечено все увеличивающееся число находок котлов с внутренними ушками.²

Характерна особенность булгарских поселений, описываемая Е. П. Алексеевой: они открытого типа, без оборонительных сооружений. Убежищем в случае нападения врага могла служить цитадель на скале по соседству с поселением.³ Булгарские селения такого же типа обнаружены в нижнем Подонье⁴ и в районе Кисловодска.⁵

Следует отметить, что тех булгар-оногуров, которые остались на Северном Кавказе после ухода основной массы булгар на Дунай и на Волгу (VII в.), арабские и персидские источники именуют «внутренними булгарами (болгарами)», а византийский источник X века (Константин Багрянородный) и русские летописи — «черными булгарами (болгарами)». Эти-то булгары,

¹ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 27, 87.

² Там же.

³ Там же.

⁴ И. И. Лапушкин. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. МИА, вып. 62, стр. 255—257.

⁵ В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа, стр. 34.

видимо, и поселились позже в верховьях Кубани, Подкумка и Малки.

Археологи датируют появление болгарских переселенцев в районе Пятигорья VII веком.¹ Если наши предположения, что это были венендеры-оногуры правильны, придется отнести приход болгар ко второй половине или даже к концу VII века. В самом деле болгары могли придти в район нынешнего Кисловодска скорее всего вдоль Кубани из пределов Великой Болгарии после смерти Кубрата. Кубрат скончался около 642 года. По данным письма хазарского царя Иосифа, в—н—н—т—р'ы, т. е. болгары-оногуры, были разгромлены в середине VII века. Около 660 года болгары во главе с Аспарухом появились на Дунае. В это же время остатки орды Батбая могли прикочевать в Пятигорье.

Так, примерно, и датируются памятники, обследованные в 1959 г. В. А. Кузнецовым² и в 1961 г. Е. П. Алексеевой.³ Район Пятигорья и территория Малокарачаевского района КЧАО насыщены памятниками древности, среди которых выделяются раннесредневековые городища и поселения с находками фрагментов глиняных котлов кочевнического типа.

К сожалению, эти памятники, в частности в окрестностях Кисловодска, до сих пор не подвергались глубокому и всестороннему исследованию. Попытаемся на материале разведок хотя бы эскизно реконструировать особенности поселений, датируемых интересующим нас временем — VII—VIII вв.

Поселения в Пятигорье, как и в Карацаево-Черкесии, открытого типа. Иногда они расположены под защитой естественно укрепленного городища — Рим-гора, Клинь-я. Здесь, в Пятигорье и нынешнем Малокарачаевском районе, поселились болгары пришельцы. Об этом свидетельствуют материалы археологического исследования некоторых памятников в окрестностях Кисловодска и у селений Учккен и Терезе. Болгарская оседлость возникает вокруг древних укрепленных поселков, принадлежащих местному земледельческому населению, носителям Аланской культуры. Археологи отмечают разноплеменность населения городищ VII—VIII вв. в верховьях Подкумка, его широкие связи с окружающим миром. Это, конечно, не случай-

¹ В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа, стр. 38.

² В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе г. Кисловодска в 1959 г. Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. IX, Нальчик, 1961, стр. 209—216.

³ Е. П. Алексеева. Карацаевцы и балкарцы, стр. 23—28.

но: через Пятигорье, в частности по долине Подкумка, проходил древний караванный путь от Каспия к берегам Черного моря.

На некоторых городищах, особенно на Клиньере и Рим-горе, прослеживается древний слой, датируемый V—VII вв. Основанием для датировки служат керамические изделия, сопоставимые с посудой синхронных памятников Северного Кавказа. На поселении у отстойника, южнее Кисловодского озера, обнаружены даже предметы IV в.¹ Котлы с внутренними ушками — принадлежность культурного слоя или случайные находки поселений, окружающих древнее городище. Так обстоит дело на Клиньере, у городища на р. Аликоновке, около Рим-горы. Фрагменты котлов на возвышенных плато, где сохранились следы укреплений, встречаются в единичных экземплярах. В большинстве они обнаружены в слоях вместе с кусками турлучной обмазки, остатки построек легкого типа. Видимо, пришельцы отказались от юртообразных жилищ и заимствовали строительную технику у аборигенов.²

В. А. Кузнецов отмечает, что котлы были украшены линейным орнаментом.³ Такой же орнамент характерен для болгарских котлов Саркела (Белой Вежи).⁴ Сходные приемы ornamentации поверхности котлов могут служить косвенным подтверждением нашего предположения об этническом единстве болгарского населения Нижнего Дона и окрестностей Кисловодска: пришельцы в Пятигорье, очевидно, принадлежали к основному массиву болгарских племен Приазовья, к ядру распавшейся после смерти Кубрата Великой Болгарии — племенам в—н—н—т—р'ов-венендеров, или оногуров. На этнокультурные связи Пятигорья с Приазовьем указывает также сопровождение обломков котлов керамикой салтово-маяцкого типа, в частности фрагментами горшков с линейным орнаментом, совершенно не характерных для массовой керамики аланского круга памятников Северного Кавказа.⁵

На эти же связи указывает схожесть погребального обряда могильника, исследованного Е. П. Алексеевой в юго-восточной

¹ В. А. Кузнецов. Археологические разведки... стр. 211.

² Там же, стр. 213; Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы, стр. 25.

³ Там же, стр. 213; В. А. Кузнецов. Глиняные котлы... стр. 36, рис. 16.

⁴ С. А. Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА, вып. 75.

⁵ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии, стр. 214. Ср.: В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, рис. 3, 15, 24, 27.

части плато Римгорского городища, с погребениями болгар Приазовья и Северщины.¹

Напрашивается и другой вывод: скопления болгарских древностей вокруг Кисловодска свидетельствуют об образовании не позже VII в. в Пятигорье района с оседлым тюркоязычным населением. По мнению В. А. Кузнецова, болгары вытеснили отсюда алан, катакомбные могильники которых в IV—VI вв. покрывали район Кисловодска густой сетью.² Это не значит, конечно, что среди болгарских переселенцев не продолжали обитать оседлые земледельцы, коренные насельники Центрального Предкавказья: археологические материалы свидетельствуют о разнородном населении городищ Пятигорской группы, окрестностей Кисловодска.³ Речь идет об этническом ядре населения района, которое безусловно было тюркоязычным и в VII—XI вв. принадлежало к раннебулгарской группе. В XI в. Пятигорье вошло в состав Дешт и-Кыпчака, и болгарское население, по-видимому, слилось с новыми пришельцами — кыпчаками. Кыпчаки перешли к оседлости и находились, как и болгары, в добрососедских отношениях с аборигенами. Об этом есть прямое свидетельство источников.⁴ Накануне вторжения монголов край был в цветущем состоянии. «До покорения этой страны татарами,— пишет Шихабеддин Эннувейри,— она была повсюду возделана... В ней растут разные деревья, разные плоды: виноград, гранаты, айва, яблоки, груши, абрикосы, персики и орехи...».⁵

Об устойчивости тюркоязычного населения в районе Пятигорска можно судить по некоторым свидетельствам более поздних источников. Абдаллах Мухаммед ибн-Батута, арабский автор XIV в., утверждает, что в районе Бишдага «находилась ставка кыпчакского султана».⁶ По сообщениям персидских авторов того же времени Низам-ад-дина Шами и Шереф-ад-дина Иезди, Тимур «несколько дней пробыл в Биш-таге и окрестностях его».⁷ Тюркоязычный этнос прочно занимал район Пятигорья. Об этом свидетельствует топонимика, сохранившаяся до

¹ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы... стр. 27.

² В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа, стр. 38.

³ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы... стр. 28.

⁴ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, СПб, 1884, стр. 283.

⁵ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1, СПб, 1884, стр. 233.

⁶ Там же, стр. 289.

⁷ Там же, т. II, М.—Л., 1941, стр. 123, 183.

наших дней: Бештау (пять гор), Ессентуки (ср. асен тюк — здоровая шерсть) и т. д. Возможно, именно здесь формировалось ядро карачаевского и балкарского народов.

Столь же устойчиво было, видимо, тюркоязычное население в районе Хумары (недалеко от Карачаевска). Не случайно, здесь обнаружены плиты с древнетюркскими руническими надписями, датируемые IX веком.¹

В самое последнее время невдалеке от Кабардино-Балкарии обнаружена специфически-булгарская керамика. Летом 1962 г. А. П. Рунич нашел на древнем поселении близ карачаевского аула Хасаут, расположенного на границе Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, разбитый глиняный котел с внутренними ушками. Котел коричнево-серый, лепной, покрыт орнаментом из горизонтальных и вертикальных линий; внутреннее ушко с двумя отверстиями.² Орнамент круглодонного хасаутского котла схож с орнаментом таких же котлов из Саркела — Белой Вежи.³ Находка котла в верховьях реки Малки позволяет надеяться, что в ближайшем будущем и в Кабардино-Балкарии обнаружатся поселения с типично булгарской керамикой, а следовательно, можно будет обоснованно говорить о продвижении в бассейн Верхнего Терека булгарских групп, далеких предков карачаевцев и балкарцев. Может быть, тогда сопоставление В. Ф. Миллером и другими исследователями этнонима «балкар» с булгарами найдет свое конкретное подтверждение.⁴

Памятники раннебулгарского облика ведут нас дальше, в ущелья Кабардино-Балкарии. Погребения в узких грунтовых могилах сходны и по обряду, и по инвентарю с типичными булгарскими, обнаружены на реке Кардан, у аула Кешенэ-аллы. Грунтовый могильник Кешенэ-аллы был исследован Е. И. Крупновым в 1947 г.,⁵ раскопки его продолжены В. А. Кузнецовым в 1959 г.⁶ К сожалению, могильник разрушен оползнями, и Е. И. Крупнову удалось зафиксировать лишь одно непотрево-

¹ В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища, «Советская археология», 1963, № 1, стр. 298—305.

² В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа, КСИА, вып. 99, М., 1964, стр. 35—36.

³ С. А. Плетнева. Керамика Саркела—Белой Вежи, стр. 222, рис на стр. 223.

⁴ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, т. III. М., 1887, стр. 60.

⁵ Е. И. Крупнов. Археологические разведки в Кабардинской АССР, стр. 313—318.

⁶ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска, стр. 205—206.

женное погребение. Остальные три представляли собою остатки разрушенных могил, давно свалившихся вниз по осыпи откоса возвышенности, на которой был расположен могильник.

Скелет лежал на спине головой на юго-запад; руки вытянуты вдоль туловища, причем левая кисть лежала на бедренной кости левой ноги. Берцовые кости правой ноги пересекли левую ногу.¹ Е. И. Крупнов подчеркивает, что погребальный обряд могильника Кешенэ-аллы чужд одновременным памятникам Северного Кавказа и может быть сопоставлен с погребальным обрядом в Зливках.²

Теперь, когда принадлежность Зливкинского могильника булгарам доказана, можно расширить круг сопоставлений. Погребальный обряд, наблюдаемый в Кешенэ-аллы, тождествен погребальному обряду грунтовых могил Верхнего Чирюрта,³ Больше-Тарханского могильника,⁴ могильника Нови-Пазар.⁵ Скрещение голеней наблюдается в некоторых погребениях Чирюрта и Нови-Пазара. Положение левой руки на бедренной кости имеет место в погребениях №№ 29, 35 и 38 Новипазарского могильника.⁶ Ориентировка во всех упомянутых памятниках западная с некоторыми отклонениями к северу, югу, востоку. Наиболее устойчива ориентировка Большетарханского могильника.

Инвентарь могильника Кешенэ-аллы был очень беден. В погребении № 1 обнаружен сосуд в форме низкого кувшина с двойной ручкой, биконическим туловом и прямым горлом; в погребении № 2 слабоизогнутая сабля с прямым перекрестием, два железных наконечника копья, прямоугольная пряжка, продолговатая бусина из оникса и обломок железного ножа.

Сосуд из погребения № 1 подобен сосудам с двойной ручкой из Кабардино-Балкарии, отнесенным В. А. Кузнецовым к керамике центрального локального варианта Аланской культуры Северного Кавказа, датируемый VII—IX вв.⁷ Сосуд находился у колена правой ноги погребенного. Расположение сосудов

¹ Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 314.

² Там же, стр. 317—318.

³ Н. Д. Путинцева. Верхнечирюртовский могильник, стр. 250.

⁴ В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге, стр. 20.

⁵ С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. «Советская археология», т. XXVII, М., 1957, стр. 113.

⁶ Там же, стр. 113, рис. 3 (погребение № 23), рис. 2 (погребение № 29, 35, 38).

⁷ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, рис. 24, Б-5, 6.

с правой стороны костяка характерно и для Большетарханского могильника, причем расположение именно у правой ноги отмечено примерно в $\frac{1}{3}$ общего числа погребений.¹

Аналогию сабле из могильника Кешенэ-аллы можно подыскать среди оружия новипазарских погребений. То же относится к прямоугольной пряжке и к наконечникам копий.²

В заключение надо отметить, что обряд погребений Кешенэ-аллы и сопровождающий инвентарь полностью сопоставимы с булгарскими древностями Подунавья и Среднего Поволжья. В связи с этим следует вспомнить, что на Дунай ушла орда Аспаруха, костяк которой состоял из в—н—н—т—р'ов, т. е. оногуров. Датировка могильника Кешенэ-аллы совпадает с временем откочевки булгар-венендеров из Приазовья, которую мы рассматриваем как вторую волну булгарских переселенцев в пределы центральной части Северного Кавказа.

В ы в о д ы

1. Ранние булгары и родственные им племена савиров и барсилов составили две последовательные переселенческие волны. Первая, более ранняя, проникла на Северный Кавказ двумя потоками: двигаясь из Нижнего Поволжья, савиры и барсилы дошли до Северо-Восточного Кавказа еще в догуннское время; сарагулы проникли в предгорья центральной части Северного Кавказа не позже конца IV в. Вторая волна — булгары-венендеры, или оногуры (иначе называемые «черными булгарами»), — осела в предгорьях Северного Кавказа, в его центральной части, во второй половине VII в.

2. Сарагуры целиком растворились в местной этнической среде еще в VI в., савиры и барсилы — в хазарской среде (несколько позже), но не ранее середины VII в. Памятники Северо-Восточного Кавказа эпохи раннего средневековья указывают на глубокий процесс этнического и культурного влияния аборигенов на пришельцев.

3. Булгары-венендеры («черные булгары») на первых порах образовали обособленные поселения вокруг укрепленных поселков аборигенов, сохранив до поры до времени свои этнокультурные особенности. За отсутствием краниологического материала процесс смешения пришельцев с аборигенами проследить

¹ В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 26.

² С. Р. Станчев. Указ. соч., стр. 115, рис. 5 (1, 7, 8, 9).

не удастся. В виде исключения следует отметить заимствования пришельцами некоторых приемов гончарного производства, о чем можно судить по керамике сравнительно позднего памятника болгарского облика в Кабардино-Балкарии — могильника Кешенэ-аллы.

4. По-видимому, пришельцы-болгары селились на Северном Кавказе локальными районами. Такие районы вырисовываются в верховьях Кубани вокруг Хумары, в Пятигорье и прилегающей части Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, в низовьях Сулака — в Северном Дагестане. Это обстоятельство имеет немаловажное значение для осмысления процесса формирования на Северном Кавказе тюркоязычного ядра карачаево-балкарского и кумыкского народов.

Задача историков — всесторонне обследовать выделенные районы, полностью изучить памятники, которые могли бы быть отнесены к числу болгарских в широком смысле слова, в сопоставлении с материалами синхронных памятников аборигенов, а также — с памятниками соседних территорий.

Особое внимание должно быть уделено антропологическим материалам, которые, как это явствует из опыта изучения салтово-маяцких древностей, будут иметь решающее значение в определении этнической принадлежности памятников, а также удельного веса пришлого этноса в отношении коренного населения Северного Кавказа.

К ТОПОНИМИКЕ КАРАЧАЯ

Вопрос о происхождении карачаевцев и балкарцев разработан пока что слабо и требует углубленного и всестороннего изучения. Выводы научной сессии, посвященной происхождению карачаевского и балкарского народов, едва ли можно считать удовлетворительными, так как они сделаны главным образом на основе данных археологии и отчасти лингвистики, а данные этнографии, антропологии, топонимики, ономастики почти не использованы. Более того, исторический и языковой материал, приведенный на указанной сессии, не дает полного основания для категорического утверждения о том, что «карачаевский и балкарский» народы образовались в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо, «черные болгары» и, в особенности, одно из западнокипчакских племен.¹

Разумеется, в этногенезе карачаевцев и балкарцев принимали участие различные пришлые и автохтонные племена, но считать основным этническим ядром для них кипчаков, нам кажется, нет сколько-нибудь убедительных доводов.

То обстоятельство, что, согласно последней генеологической классификации, язык карачаевцев и балкарцев в составе тюркской языковой семьи занимает место в кипчакско-огузской или половецкой подгруппе кипчакской группы,² не может служить основным аргументом в пользу кипчакской гипотезы. Ведь хорошо известно, что кипчакский (половецко-куманский) язык был йокающим, предка же карачаево-балкарского языка, как

¹ О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960, стр. 310.

² Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 152.

справедливо указывают профессор У. Б. Алиев и кандидат филологических наук Ш. Х. Акбаев,¹ нужно искать в джокающих и зокающе-цокающих языках.

Здесь уместно отметить и то, что антропологические данные карачаевцев и балкарцев также свидетельствуют против кипчакской теории.²

Можно предполагать, что тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев жили на Северном Кавказе задолго до появления здесь кипчаков (половцев). Возможно, они были еще в среде скифов и сарматов. Ведь известно, что некоторые ученые считали скифов тюрками.³

Обнаружение древнетюркских рунических надписей на стенах аланского Хумаринского городища,⁴ рунических знаков внутри аланских катакомб,⁵ у входа в них и некоторые другие факты дают основание говорить о том, что часть алан, а именно носители этнонима алан, были тюркоязычными. Эту мысль впервые высказал видный исследователь карачаево-балкарского языка профессор У. Б. Алиев на научной сессии, посвященной проблеме происхождения карачаевцев и балкарцев. «Язык карачаевцев и балкарцев является осколком языка тюркского племени, давшего наименование аланскому союзу племен. Этот язык мог быть одной из многочисленных ветвей тюркских языков, который затерян и не учтен тюркологией», — читаем у У. Б. Алиева по этому вопросу.⁶ Есть основание считать, что одним из основных этнических компонентов в формировании карачаевского и балкарского народов были тюркоязычные аланы.

В пользу всего сказанного говорят и данные археологии. «О том, что аланы, наряду с горцами — «кобанцами», болгарами и кипчаками, явились одним из компонентов в формировании

¹ См. статью У. Б. Алиева в сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 249—250; Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963, стр. 94.

² В. П. Алексеев. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии. В сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 312—332.

³ См. Я. Лазарев. О гуннах Дагестана. Тифлис, 1859, стр. 5.

⁴ В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. «Советская археология», 1963, № 1, стр. 298—305.

⁵ У. Б. Алиев, А. Д. Баучиев, К. Т. Лайпанов, М. А. Хабицев. О некоторых алано-тюркских памятниках в верховьях Кубани. «Ленини байрагы», 1963, 20 апреля.

⁶ См. сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 251.

карачаево-балкарской народности, неопровержимо говорят и данные археологии», — читаем у Е. П. Алексеевой.¹

Вопрос о языке алан, разумеется, нельзя считать окончательно решенным, и проблема эта еще долгое время будет оставаться актуальной. Здесь отметим только то, что и доводы сторонников теории об изначальной ираноязычности алан, основанные на фразе, записанной византийским автором XII в. И. Цецом, на надписи Зеленчукского памятника, а также на ономастике и особенно на топонимике, по мере развития и совершенствования исторической и лингвистической наук и исследовательских методов становятся все более и более неубедительными.

В последнее время зеленчукскую надпись прочли специалисты, не только исходя из осетинского, но и из кабардинского и карачаево-балкарского языков. Имена аланских вождей II в. Базука и Амбазука, которые пытаются объяснить, исходя из осетинского языка, легко объяснимы исходя из карачаево-балкарского языка:

Базук (<Базыкъ) — Толстый, в смысле «сильный», «могучий».

Амбазук (<Эмбазыкъ) — Претолстый, в смысле «сильнейший», «могущественный».

Что же касается стремления некоторых лингвистов доказать на данных топонимике ираноязычность алан, то их утверждения, к сожалению, также далеки от истины. В частности, высказывание известного ираниста В. И. Абаева об «обилии» ираноязычных топонимических названий на территории современного Карачая, где некогда жили аланы, не находит подтверждения на фактическом языковом материале.

Забегая вперед, мы должны сказать, что не только топонимика Карачая, но и всей огромной территории, начиная от нынешней Чечено-Ингушетии и кончая западными границами Карачаево-Черкесии, т. е. той территории, где свыше тысячи лет жили северокавказские аланы, изобилует тюркскими географическими названиями. Что же касается иранских топонимических названий, то они встречаются лишь в ираноязычной Осетии, причем там имеется немало и тюркских топонимов. Наличие тюркских топонимических названий даже там, где никогда не жили и не

¹ Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. Труды Карачаево-Черкесского НИИ, вып. V. 1966, стр. 238.

живут тюркские народы, а долгое время жили аланы (горная часть Чечено-Ингушетии, Осетии, юго-запад Карачаево-Черкесии), говорит в пользу теории о тюркоязычности алан.

В настоящей статье мы не намерены касаться широкого круга вопросов, связанных с этногенезом карачаевцев и балкарцев, а остановимся лишь на одном — топонимике Карачая — и постараемся раскрыть этимологию тех топонимических названий, которые пытались объяснить, исходя из осетинского языка, а также некоторых важных топонимов, значения которых непонятны современным носителям карачаево-балкарского языка.

Изучение топонимики Карачая имеет несомненную важность и принципиальное историческое значение для выявления этнокультурной связи карачаевцев с более ранними обитателями верховьев Кубани, ибо, по образному выражению В. А. Никонова, «подчас географические названия — единственное эхо умолкшего языка; исчезли народы, забыт язык, в прахе мощные сооружения, а хрупкое слово названия оказалось прочнее гранита».¹

Однако, к сожалению, до сих пор в этом отношении почти ничего не сделано, а из сделанного не все можно принять всерьез.

В исторической и лингвистической литературе до последнего времени поддерживается мнение о том, что территория нынешнего Карачая некогда входила в состав исторической Алании и что верховья Кубани и поныне пестрят ираноязычной аланской топонимикой.²

То, что в течение более чем тысячи лет предгорья и горы Северного Кавказа (в том числе и территория нынешнего Карачая) были заселены аланскими племенами, научно доказано и ни у кого в настоящее время сомнений не вызывает. Позволяет возразить вторая сторона этого вопроса, а именно: были ли аланские племена верховьев Кубани вообще ираноязычными и действительно ли на данной территории встречаются ираноязычные топонимические названия?

Одним из тех, кто в известной степени дезориентировал по-

¹ В. А. Никонов. Вопросы топонимики Востока. В сб. «Топонимика Востока». М., 1962, стр. 9.

² В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, тт. I—III. М., 1881—1887; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949; Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, вып. 106, М., 1962.

следующих исследователей в вопросе о языковой принадлежности аланских племен верховьев Кубани, был Вс. Миллер.¹

Как известно, все началось с того, что при дешифровке аланской надписи с надгробной плиты, найденной еще в 1888 г. Д. М. Струковым на правом берегу р. Большой Зеленчук, Вс. Миллер надпись признал древнеосетинской. Основанием для подобного утверждения послужило то, что, после внесения ряда произвольных поправок и при определенной разбивке текста, четырежды встречается одно и то же слово, имеющее чисто внешнее созвучие с осетинским словом (в дигорской форме), обозначающим понятие «сын» (фоурт > фурт).

«Хотя некоторые слова и не поддаются точной дешифровке,— писал Вс. Миллер,— четыре раза явственно читающееся осетинское слово и два употребительных у осетин личных имени несомненно свидетельствуют о том, что перед нами древнеосетинская надпись, представляющая попытку выразить греческими буквами осетинские слова. Мало того, интерес памятника возвышается местом его нахождения и христианской эмблемой. Он найден в местности, где указываются развалины поселения и в недалеком расстоянии от обширных развалин древнего христианского города, который, судя по числу церквей, мог быть центром аланской епархии (метрополии), упоминаемой византийскими писателями. Подробное археологическое исследование развалин этого города, его христианских памятников и могил должно разъяснить национальность и культуру его древнего населения. Но уже на основании рассмотренного памятника мы можем заключить, что одним из элементов населения были некогда предки современных осетин — аланы, или яссы,— знавшие греческие письма и делавшие попытки выражать ими звуки родного языка».²

Так, Вс. Миллер одним из первых на основании данных языка попытался показать этническую связь современных ираноязычных осетин с аланами и тождество древнеосетинского языка с аланским.

О том, насколько все это доказательно, говорят слова самого же Вс. Миллера, наиболее полно характеризующие основной принцип его исследовательского метода. «Мы склонны думать,— писал Вс. Миллер в своих «Осетинских этюдах», — что

¹ Вс. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. МАК, вып. III, 1893, стр. 110—118.

² Вс. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области, МАК, вып. III, 1893.

даже неудачная попытка к объяснению того или иного лингвистического факта полезнее для дальнейшего движения науки, нежели молчаливое занесение темного факта в столбцы грамматики».¹

В наши дни дешифровкой надписи зеленчукской надмогильной плиты занимались В. И. Абаев, В. А. Алборов, Г. Ф. Турчанинов.² Все они, как и Вс. Миллер, к разрешению этого вопроса подошли только с позиций осетинского языка и подтвердили прежнее мнение о том, что надпись выполнена греческими буквами на древнеосетинском (аланском) языке, и окончательно поставили знак равенства между предками современных осетин и древними аланами, между древнеосетинским языком и языком аланских племен Северного Кавказа.

Увлечшись только алано-осетинской связью и игнорируя связи алан как с современным населением верховьев Кубани—карачаевцами, так и вообще с остальными народностями Северного Кавказа, некоторые исследователи дошли до того, что в категорической форме стали утверждать: «Несомненно, что в ущельях на Запад от нынешней Осетии: Черекском, Хуламо-безенгийском, Чегемском, Баксанском, Верхне-Кубанском слышалась когда-то осетинская, именно дигорская речь. Не случайно в этом же районе найдена надпись X в. на осетинском языке».³ И далее, развивая эту же мысль, профессор В. И. Абаев в статье «Топонимика горной Кабарды и Клухорского района» писал, что «эти две области, расположенные на северо-запад от нынешней Осетии, буквально насыщены осетинскими топонимическими названиями».⁴

Так ли это на самом деле, мы ниже постараемся разобраться на фактическом языковом материале. Вполне допустимо, что в момент выхода в свет объемистого труда профессора В. И. Абаева об осетинском языке и фольклоре в 1949 г. на территории Горной Кабарды и Клухорского района могли встретиться самые различные топонимические названия по вполне понятным объективным причинам.

¹ Вс. Миллер. Осетинские этюды, ч. II, стр. 1. Ученые записки Императорского Московского университета, 1881.

² В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. I. М., 1949, стр. 260; В. А. Алборов. Новые чтения зеленчукской надписи. Ученые записки Северо-Осетинского ГПИ им. К. Хетагурова, т. XXI, вып. II, 1951; Г. Ф. Турчанинов. Еще раз о древнезеленчукской надписи, «Эпиграфика Востока», 1958, № 12.

³ В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 46.

⁴ Там же, стр. 249.

В 1963 г. А. Ж. Кафоев опубликовал работу, в которой предложил свой вариант дешифровки зеленчукской надписи на основе кабардинского (адыгского) языка и все прежние варианты чтения текста этой надписи, а также датировку, сделанные до него Вс. Миллером, В. И. Абаевым, Б. А. Алборовым и Г. Ф. Турчаниновым, признал недостоверными и выполненными без соблюдения элементарных правил расшифровки древних надписей.¹

«Поскольку Зеленчукская надгробная плита была найдена на территории, где в прошлом жили аланы,— пишет А. Ж. Кафоев,— надписи на ней могли быть выполнены на языке одной из северокавказских народностей, входивших в аланское племенное объединение. Допуская вероятность вхождения в аланское объединение предков адыгского народа наряду с предками осетин, мы считаем возможным читать зеленчукскую надгробную надпись на кабардинском языке, причем для этого не требуется вносить в первоначальный текст никаких поправок и дополнений. Надпись читается свободно».²

Из изложенного видно, что А. Ж. Кафоев не отрицает определенной этнокультурной связи предков современных осетин с древними аланами, но в то же время считает ошибочным существующее мнение о том, что средневековые северокавказские аланы будто бы являются прямыми предками одного лишь осетинского народа. Что же касается расшифровки зеленчукской надписи, то, по уверениям А. Ж. Кафоева, его вариант чтения на основе кабардинского языка является наиболее достоверным из всех вариантов, выполненных до него, и «слова текста в новой расшифровке подчиняются логике языка, язык — логике писца, писец — логике событий».³

Появление работы А. Ж. Кафоева вызвало соответствующую ответную реакцию. «Ираноязычность зеленчукской надписи обосновано столь детально,— пишут В. И. Абаев и В. А. Кузнецов,— что иное чтение ее А. Ж. Кафоевым производит странное впечатление».⁴ И это понятно, так как иное чтение зеленчукской надписи сводило на нет один из важных доводов в пользу ираноязычности алан. Ведь в «Истории Северо-Осетинской АССР» В. И. Абаев писал: «Перед историками встал вопрос, существуют ли языковые доказательства преемственной связи современ-

¹ А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники. Нальчик, 1963, стр. 10.

² А. Ж. Кафоев. Указ. соч., стр. 23.

³ Там же, стр. 23.

⁴ «Вопросы истории», М., 1965, № 12, стр. 151—154.

ных осетин с аланами и скифо-сарматами. Оказалось, что такие доказательства имеются. На территории, которая была заселена в прошлом аланами, была обнаружена надгробная надпись, сделанная греческими буквами на осетинском языке... Надпись, как показало исследование, относилась к XI в. Она убедила историков в единстве аланского и осетинского языков».¹

В 1965 г. кандидат физико-математических наук М. Кудавев в газете «Коммунизмге джол» опубликовал результаты своей многолетней работы по расшифровке (чтению) надписи того же зеленчукского памятника на основе цокающего (малкарского или черекского) диалекта современного карачаево-балкарского языка и дал серьезный палеографический и историко-филологический разбор, заслуживающий внимания.²

Интерес к варианту дешифровки М. Кудавева повышается еще и потому, что сам этноним «алан» до сих пор сохранился только в языке карачаевцев и балкарцев в значении «друг», «единоплеменник» и имеет четкую этимологию:³

окъ + лан → огълан —→ улан — сын, юноша
 наследник сын → алан — единоплеменник

(от карачаево-балкарского **окъ** «мужское семя» + аффикс **лан**)

Кроме того, общеизвестно, что нынешняя территория Карачая и Балкарии некогда входила в состав Алании — родины средневековых северокавказских алан.

И все-таки возникает вопрос: что эта за надпись, одинаково удобочитаемая на осетинском, кабардинском и карачаево-балкарском языках?

Итак, хотя упомянутые исследования содержат много интересных фактов и теоретических обобщений, как по аланской проблеме в целом, так и по вопросу расшифровки надписи зеленчукского памятника, наличие подобного количества диаметрально противоположных точек зрения убедительно доказывает, что многие аспекты затронутых вопросов все еще ожидают своего серьезного научного освещения. Изучение этимологии

¹ История Северо-Осетинской АССР, 1959, стр. 32.

² М. Кудавев. Опыт расшифровки надписи Зеленчукского памятника на основе балкарского языка. «Коммунизмге джол». Нальчик, 1965, 14 февраля (на балкарском языке).

³ Подробнее об этом см. статью проф. У. Б. Алиева в сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 250—251; Х. И. Хаджилаев. К вопросу исследования и истории карачаево-балкарского языка. Ученые записки Азгосуниверситета им. С. М. Кирова, вып. I, Баку, 1961, стр. 93.

географических названий верховьев Кубани может быть успешным только в том случае, если будет привлечен неиспользованный до сих пор языковой материал. В данном случае таким материалом могут служить диалектные данные как современных «живых», так и древних «мертвых» языков тюркской языковой семьи, ибо «материя и форма родного языка» только тогда могут быть поняты,— указывал Ф. Энгельс,— когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы, и во-вторых, родственные живые и мертвые языки».¹

Перехожу к этимологии некоторых наиболее значительных топонимических названий Карачая.

Прежде всего несколько слов о гидрониме **Кубань**. Довольно широко распространено заблуждение, согласно которому гидроним **Кубань** этимологически связывается с этнонимом **куман**. Так, А. П. Дульзон в своей статье «Гидронимический ареал—ман в южной части Сибири» пишет: «Тюрками гидронимы на ман были вынесены в Европу, например: *Чулман (Вятка), Чулыман (Кама), Караман (приток Волги), Тюменка (приток Терека), Кубань (Из Куман)*. От названия последней происходит, вероятно, и древнее название половцев (куманы, комань)».²

Аналогичного мнения по этому вопросу придерживается и К. И. Петров, у которого читаем: «Топо-этноним **Куман (Кубан)** был известен, как указано, в качестве самоназвания группы кымакских племен, переселившихся в Причерноморье. Принесенный куманами топоним **Кубань** сохраняется до сих пор на Северном Кавказе».³

Во первых, в данном случае **-ман**, как самостоятельный топонимический морфемант в гидрониме **Куман** || **Кубан** отсутствует, он возможен при неправильном чтении этого слова: **Ку-ман** вместо **Кум-ан** || **Куб-ан**.

Во-вторых, большинству наиболее древних топонимов верховьев Кубани и Карачая свойственна точная передача геомор-

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 327). О значении диалектных данных в изучении топонимики см. еще: В. А. Никонов. Диалектология и топонимика. В сб.: «Балканско езикознание», III, 2. София, 1961, стр. 12.

² Сб. Топонимика Востока, М., 1962, стр. 25.

³ К. И. Петров. Очерки происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963, стр. 52.

фологии, признаков, качеств и свойств географических объектов. Сам гидроним **Кубань** (карач.-балк. названия **Къобан** < **Къобхан**, причастие на **-ан**, **-хан** от глагола **къоб**)¹ в этом отношении не является исключением и в переводе с карачаево-балкарского языка означает «**бурная ~ вздувающаяся ~ разливающаяся ~ полноводная**», что достаточно полно передает свойства этой реки.

О бурном характере р. Кубани в свое время, как нельзя лучше, высказался профессор В. И. Абаев, еще в 1933 г. посетивший ее верховья:

«Доехав до города Микоян-Шахара, мы двинулись оттуда вверх по Кубани и скоро углубились в теснину, которую река в течение долгих геологических эпох прогрызла в Боковом хребте. В этом стремительном, бурном и клокочущем горном потоке трудно было узнать широкую и величественную реку, какой Кубань становится, выходя на северокавказскую равнину».²

Топонимические названия, выраженные одним словом, представляющим собой причастие на **-ан**, **-гъан**, **-хан**, не являются специфической особенностью только карачаево-балкарского языка. Как указывает Г. И. Донидзе, и в других тюркских языках аналогичные отглагольные географические названия имеют достаточно широкое распространение. Например: **Сой-улан**, населенный пункт (азерб., причастие на **-ан** от страдательн. формы глагола **сой** — *грабить, обчистить*); **Кескен**, местность (казах. причастие на **-кен** от глагола **кес** — *резать*); **Ачылман**, река (алтай, отриц. причастие на **-ан** от страдательн. формы глагола **ач** — *открывать*)³ и т. д.

Здесь уместно отметить и то, что с гидронимом **Къобан** в тесной семантической связи находятся и названия таких смежных с нею рек, как **Уруп** || **Уруб** «бурная» (деепричастная форма на **-б** от глагола **ур** — *бить, биться*; **Баксан** || **Басхан** «затопляющая, разливающаяся» (причастная форма на **-хан** от гла-

¹ Явление **къобхан** < **къобан** широко представлено в самом карачаево-балкарском языке. Ср. **бичген** > **бичен**, **келген** > **келин**, **кебген** > **кебен** > **гебен**. **Къобхан** (> **Къобан**) еще в VI в. был известен как **Кофин**. См. М. И. Артамонов. История Хазар. Л., 1962, стр. 136. Исходя из законов сравнительной фонетики тюркских языков, легко догадаться, что **Кофин** и **Къобан** (< **Къобхан**) являются различными фонетическими вариантами одного и того же слова.

² В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 272.

³ Г. И. Донидзе. Глагольные топонимы в тюркских языках. В сб. «Топонимика Востока». М., 1964, стр. 40—41.

гола **бас** — затопить; Терек || Терк «быстрая, стремительная» (от прилагательного **терк** — *быстрый, стремительный*).¹

Из изложенного видно, что эти гидронимы образуют своего рода семантический пучок, имеют прозрачную этимологию и ни в какой дополнительной конкретизации значений не нуждаются. И, наконец, отметим, что до последнего времени слово **кьобан** карачаевцами очень часто употребляется и как имя нарицательное в значении вообще **река**.

Надо полагать, что в древнем карачаево-балкарском языке это слово употреблялось в значении «горный поток», «бурная река» и переход нарицательного в топонимическое собственное название произошел значительно позднее.

Нечто аналогичное наблюдается и в русском языке, где слово «река» в глуби веков значило — «бурный поток», «стремнина» и этимологически связано со словами «рой», «реять», «ринуться».²

Минги-тау — карачаево-балкарское название Эльбруса. Вторая часть этого сложного оронима **тау** — «гора» — общетюркское слово и встречается в качестве составного компонента в названиях ряда других смежных гор. Например, в районе Главного хребта и Кавминвод на Северном Кавказе встречаются следующие названия: **Бештау** (*Пятигорье*, от общетюркского **беш** — «пять» + **тау** — «гора»), **Темир-тау** (*гора Железная*, от общетюркского **темир** — «железо» + **тау** — «гора»), **Къашха-тау** (*Лысая гора*, от карач.-балк. **къашха** — «лысый» + **тау** — «гора»), **Дых-тау** (<Тик-тау) *Крутая гора* (от общетюркского **тик** — «крутой» + **тау** — «гора») и т. д.

Аналогичные составные оронимы с самостоятельным топорформантом **тау**—**тав**—**таг**—**даг**—**тоо**—**туу** и т. д. встречаются и на остальной территории расселения тюркских народов.³

Что же касается первого составного компонента рассматриваемого оронима — **минги**, то значение его неясно для современного носителя карачаево-балкарского языка, но он легко этимологизируется при сравнении с другими родственными языками. Так, например, в современном киргизском языке есть

¹ Значение гидронима **Терек**, исходя из карачаево-балкарского **Терк** — «быстрый», объясняет и М. Фасмер. См. В. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 415. Новейший же иностранный топонимический словарь гидроним **Терек** неправильно этимологизирует как «река турок» (см. W. Sturmfels, H. Bischof. Unsere Ortsnamen, Bonn, 1961).

² См.: Л. Успенский. Краткий этимологический словарь. «Наука и жизнь», 1966, № 5, стр. 134.

³ См.: В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

слово **мāngu** в значении «горный ледник, вечный снег».¹ В ойротском языке встречается другая фонетическая разновидность этого слова — «**менку**, почти с теми же значениями, что и в киргизском — «вечный, вечный снег, горный ледник».² В тувинском же языке слово «**менге** || **менги** употребляется в значении — «ледник, белок».³

Это слово встречается и в других современных тюркских языках (уйгурском, башкирском и др.) в более узких значениях — «вечно, вечный, навеки». Оно встречается в языке памятников древнетюркской письменности и в куманском.⁴

Таким образом, слово **менги** > **минги** (карачаев.-балк. написание **минги**⁵) в различных фонетических вариантах существовало в древних и существует в современных тюркских языках.

Следовательно, первый компонент этого географического названия минги является определением к **тау** — *гора* и ороним **Минги-Тау** означает «вечная ледниковая гора», «гора с вечным снегом», что вполне соответствует главному внешнему признаку этого исполина.

Думается, что и второе название этой вершины — **Эльбрус** объяснимо из карачаево-балкарского языка, хотя до последнего времени в топонимической литературе его пытаются объяснить то из иранского **Айтибарес** — «высокая гора», то из армянского **Альберис**, связанного с общеиндоевропейским **Альпы** — «горы», или с **альб** — «белый» и т. д.⁶

Хотя двуглавый Эльбрус и является потухшим вулканом, покрытым вечными ледниками, его огненное сердце и по сей день время от времени дает о себе знать сейсмологам.⁷ Надо полагать, что Эльбрусом эта гора названа в ту эпоху, когда вулкан еще был действующим и своей смертоносной лавой

¹ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1940, стр. 305.

² Н. А. Баскаков. Г. М. Тошак ова. Ойротско-русский словарь. М., 1947.

³ И. А. Батманов, З. Б. Алагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 213.

⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 100; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, СПб, 1911, стр. 2082.

⁵ О закономерности перехода **менги** > **минги** в тюркских языках см.: Ш. Х. Акбаев. К вопросу о происхождении названия **Минги-тау**. Доклады АН Азербайджанской ССР, т. XX, № 2, Баку, 1964, стр. 75—78.

⁶ См.: В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 483.

⁷ См.: «Правда», 1969, 9 января.

разрушал все окружающее. Вот почему ороним Эльбрус этимологизируется как **Эльбуз** > **Эльбурз** > **Эльбруз** > **Эльбрус** «страны разрушитель» (из общетюркского **эль** — «страна» и **буз** — «разрушать»)¹.

Уллу-Кам. Так называется верховье правого притока реки Кубани в Приэльбрусье и ущелье, по которому течет эта река. Первая часть этого гидронима — **уллу** — «большая» — общетюркское слово. Что же касается второго составного компонента **кам**, то он непонятен для современного карачаевца и балкарца. Тут опять-таки на помощь приходят языковые данные родственных языков. Так, на территории Тувы и прилегающей к ней части Алтая, по данным профессора А. П. Дульзона, имеется хорошо отграниченный и довольно плотный ареал гидронимов с компонентом **кем**, **хем** — «река».² Названий рек с элементом **кем** в Туве и на Алтае можно насчитать несколько сотен (*Улуг-хем*, *Акхем*, *Каракем*, *Башхем*, *Кызылхем*, *Аракем*, *Беккем*, *Бийхем* и т. д.).

Словом **Кэм** (**Кам**) называет реку Енисей местное приенисейское население (тувинцы и хакасы) на участке выше устья Ангары.

В топонимической литературе до последнего времени упорно отстаивается точка зрения, согласно которой тюркское **кэм** восходит к индоевропейскому источнику. При этом все стараются аргументировать свои положения, подбирая различные высказывания профессора В. И. Абаева из «Историко-этимологического словаря осетинского языка», в котором имеется слово **ком** со значением: «1) рот, отверстие, пасть; 2) ущелье...»³ В. И. Абаев, а вслед за ним Э. М. Мурзаев и А. А. Дульзон это слово считают общеиранским. А насколько это доказательно?

Вот как доказывает свою точку зрения по этому вопросу Э. М. Мурзаев в статье «Центральноазиатские топонимические миниатюры».

«Тувинское **кем**, **хем**—«река». Это слово в тувинском языке употребляется только в названиях рек. Отсюда можно сделать

¹ Небезынтересно отметить, что **Эльбрус** под названием **Эльбурз** был известен персоязычному ученому XV в. Шериф-ад-дин-Иезиди. См. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды, извлечения В. Г. Тизенгаузена, т. II, М., 1941, стр. 181.

² А. П. Дульзон. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения. В сб. «Топонимика Востока». М., 1964, стр. 14.

³ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958, стр. 598.

вывод, что оно не тувинское, а иноязычное, сохранившееся только в топонимии».¹

Невольно напрашивается вопрос: а где же должно употребляться слово, обозначающее понятие «река», если не в названиях рек?

Представляется, что гидронимы на кэм, хэм не могут быть по своему происхождению иранскими (а тем более староосетинскими, как считает профессор В. И. Абаев).²

По свидетельству профессора А. П. Дульзона, еще в 60-х гг. XIX столетия А. Кастрен, а вслед за ним и В. Томашек слово кэм сближали с пермским кам — «река», известным и некоторым другим финно-угорским языкам (например, удмуртскому) и в наличии этого термина видели одно из важнейших доказательств саянского происхождения угро-финнов.³ В наши дни аналогичную мысль поддерживает составитель «Краткого топонимического словаря» В. А. Никонов, у которого название р. Кама — левого притока Волги — связывается с удмуртским кам — «река».⁴

В пользу тюркского же происхождения слов кам, кэм, хэм говорит и то, что, согласно арабо-персоязычным источникам, у енисейских кыргызов IX—X вв. основным культом был культ воды, а жрец именовался кам.⁵ Как указывает Гардизи, духи реки являлись главным божеством также у кымакских племен.⁶ Отсюда, как полагает К. И. Петров, и древнетюркское название Енисея — Кам (Кэм).⁷ Однако академик Б. Я. Владимирцов в своей работе «Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском», указывал, что верховье Енисея тюркоязычным племенем под названием Кам (Кэм) было изве-

¹ Э. М. Мурзаев. Центральнoазиатские топонимические миниатюры. В сб.: «Топонимика Востока». М., 1964, стр. 4.

² В. И. Абаев. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке. В сб.: «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 129.

³ А. П. Дульзон. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения. В сб.: «Топонимика Востока». М., 1964, стр. 14.

⁴ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 170.

⁵ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950, стр. 350.

⁶ Гардизи. Украшение известий Записки АН, серия VIII, т. 1, № 4, СПб, 1897, стр. 82.

⁷ К. И. Петров. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963, стр. 55.

стно еще в VI—VIII вв. и сопоставлял это слово с монгольским письменным **кем** и халхаским **хем—кхем**.¹

И, наконец, в топонимической литературе есть указание на то, что в XIII в. у хакасов слово **кем** обозначало просто «река».²

После всего изложенного считаем возможным отнести слова **кам**, **кэм**, **хэм** к образованиям урало-алтайской языковой общности, когда финно-угорские языки были еще слабо разобщены с языками алтайскими. Более позднее дифференциация алтайских языков, как известно, дала две крупные группы современных языков: тунгусо-маньчжурскую и тюрко-монгольскую.

Что же касается и другого гидронима на **кам**: **Мысты-кам**, приведенного В. И. Абаевым в статье: «Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Терека»,³ отметим, что и он имеет прозрачную этимологию на карачаево-балкарской языковой почве. **Мысты-кам** «кисловатая, соленоватая вода, река» от карачаево-балкарского **мысты** «кисловатый, солоноватый»⁴

Хурзук — название древнего карачаевского аула в Приэльбрусье, расположенного на берегу правого притока Кубани. Этот аул, как и другие древнейшие карачаевские поселения Карт-Джурт и Учкулан, основан приблизительно в XIV—XV вв.⁴

В работе В. И. Абаева «Осетинский язык и фольклор» относительно этимологии названия этого аула сказано следующее: «Хурзук — название осетинское и значит «Каменистая впадина». И тут же в подтверждение своих слов он пишет: «Местоположение аула в ущелье Уллу-кам соответствовало этому названию. Камней здесь больше чем достаточно».⁵

Приходится с сожалением отметить, что подобная этимология названия одного из самых древних мест поселения карачаевцев является произвольным домыслом. Ведь автор пишет, что а. Хурзук произвел на него впечатление архаичностью своих построек. «Наряду с каменными встречались сакли большой древности, сколоченные из таких толстых бревен, что мы диву давались: где же тот лес, где были срублены эти гиганты?» — читаем у В. И. Абаева.⁶

Само собой очевидно, что объяснение этимологии названия в данном случае в первую очередь нужно искать на основе

¹ Доклады АН СССР. Л., 1929, № 10, стр. 171.

² Топонимика Востока. М., 1964, стр. 4.

³ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 284.

⁴ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 42—44.

⁵ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 272.

⁶ Там же.

языка строителей и жителей древнего Хурзука, а не на почве осетинской речи, которая прежде никогда не бытовала в верховьях Кубани.

В современном карачаево-балкарском языке это слово встречается в несколько иной фонетической огласовке, в значении «хвост» — **къуйрукъ**. В других родственных языках оно имеет следующие фонетические параллели: в тувинском — **кудурук**, в чувашском — **хуре**, в башкирском — **койрок**, в якутском — **кутурук**, в хакасском — **хузурух**, в шорском — **курзук** и т. д.

Полагаем, что топоним хурзук есть не что иное, как незначительно трансформировавшие **хузурух** — «хвост», в результате дистактной матетезы ($з \rightarrow r > r \rightarrow з$) и выпадения безударного узкого вокального звука **у** в позиции после сонорного, по следующей схеме:

ХУЗУРУХ — ХУРУЗУХ — ХУРЗУХ — ХУРЗУК.¹

Аул своим первоначальным месторасположением напоминает хвост животного, и название ему было дано по признаку уподобления. Аналогичный перенос значения анатомио-биологического термина — явление, характерное как для самого карачаево-балкарского, так и для остальных родственных языков. Ср. например, карач.-балкарское **аууз** — «рот», одновременно — «ущелье», монгольское **ам** — «рот», одновременно — «горная долина», азербайджанское **агъыз** — «рот», одновременно — «проход» и т. д.

Или же возьмем слово **къол**, **кол**, **гол**. В карачаево-балкарском **къол** — «рука», одновременно — «пологая долина», «длинная балка»; в киргизском **кол** — «рука» и в названиях рек: **Каракол**, **Нарынкол** и т. д. Примером же образного географического названия, данного по признаку уподобления, может служить и ороним **Аю-даг** (Медведь-гора) — на Южном берегу Крыма, очертания которой напоминают медведя, припавшего к морю напиться.

Махар. Так называются горы и местность, откуда берет свое начало левый приток Кубани. Этимология слова неясна для носителей современного карачаево-балкарского языка. Допустимо сближение с халха-монгольским **мухар** — «тупик», «коонец». В Бурятии и Монголии многочисленные тупиковые пади,

¹ Дистактная метатаза звуков типа $r \rightarrow c > c \rightarrow r$ имеет место и в азербайджанском языке. См. М. Ш. Ширалиев. Основы азербайджанской диалектологии. Баку, 1962.

долины, овраги также носят название — **Мухор, Мухар**.¹ Возможно, что слово это относится к общетюркско-монгольскому пласту лексики. В пользу данного предположения говорит и то, что в «Словаре» Э. и В. Мурзаевых фонетические параллели этого слова даны с пометкой как общетюркско-монгольские.²

Худес. Так называются ущелье и один из немногих больших притоков р. Кубани, который впадает в нее в районе Рудника «Эльбрус». Топо-гидроним на основе современного карачаево-балкарского языка не этимологизируется. Не встречается это слово и в лексике остальных тюркских языков. Возможно сближение с современным монгольским **худэр** в значении «руда».³ Соответствия **р—з (с)**, т. е. (**худэр—худез—худес**), являются закономерными в языках тюркских и монгольских (явления ротацизма). Вероятно, название дано по цветовому признаку, так как цвет воды и прибрежной почвы с давних пор свидетельствовали о близком нахождении какого-то цветного рудоносного пласта. И, действительно, в этом районе уже в наши дни обнаружены богатейшие запасы медной руды неглубокого залегания.

Можно предположить, что топо-гидроним **Худес (Худэр)** относится к образованиям эпохи тюркско-монгольской языковой общности.

Ибчык — название нескольких труднопроходимых перевалов, горных проходов Главного хребта в бассейне р. Кубани.

Относительно этимологии этого слова у В. И. Абаева сказано следующее: «Если балкарская топонимика была достаточно обследована еще Вс. Миллером с точки зрения осетинских в ней элементов, то топонимика верхней Кубани обследована с этой точки зрения впервые нашей экспедицией. Мы нашли прежде всего те наиболее употребительные осетинские термины, которые нам уже знакомы по балкарской топонимике именно: **эрчек** — ос. **эфцэг** в названиях перевалов, например **Даут — эрчек**».⁴ Тут опять-таки налицо прежняя направленность суждений профессора В. И. Абаева. В свое время лингвист Вс. Мил-

¹ Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., Географиздат, 1959, стр. 151; См.: Э. М. Мурзаев. Монгольские топонимы Курдистана. В сб.: «Топонимика Востока». М., 1964, стр. 213.

² Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., Географиздат, 1959, стр. 151.

³ Монгольско-русский словарь. М., 1957, стр. 572.

⁴ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 285

лер и историк М. Ковалевский не только топонимику Карачая и Балкарии считали иранской, но и самих карачаевцев и балкарцев называли «отатарившимися осетинами».¹

Справедливости ради следует отметить, что В. И. Абаев в свое время отнесся весьма критически к подобным утверждениям.

«Следуя методу Миллера-Ковалевского, — писал профессор В. И. Абаев, характеризуя их исследования, — не представило бы особого труда доказать, что ни у кого другого, как у осетин, эти несчастные балкарцы научились кушать хлеб, ходить на ногах и рожать детей».²

Представляется возможным топоним **ибчык** считать карачаево-балкарским сложным образованием из двух самостоятельных слов: **илиниб** — «цепляясь», «карабкаясь» (деепричастие на **-иб** от карач.-балк. глагола **илин** — «цепляться», «карабкаться») и глагола **чыкъ** — «восходить», «перевалить» в результате опрощения морфемного состава первого компонента и последующего словосложения:

илиниб чыкъ > ибчыкъ > ибчык.

Постараюсь доказать правомерность такого суждения.

Общеизвестно, что в тюркских языках аффиксы присоединяются к основе слова (корню или производной основе), которая, без данного аффикса, является отдельным самостоятельным словом. Следовательно, механически отбрасывая аффикс, мы обычно получаем реально существующее слово. Но нередки и такие случаи, когда соединение аффикса с корнями имеет характер тесного сплетения, и невозможно установить границу между отдельными морфемами, когда конечные звуки корня вступают во взаимодействие с начальными звуками аффиксов и, наоборот, в результате чего происходит чередование или выпадение звуков, а также образование долгих гласных на границе корня с аффиксом.

Для иллюстрации всего сказанного обратимся к сравнительной грамматике тюркских языков. Возьмем, например, тувинское **алып** — «беря» — деепричастие, образованное от глагола **ал** при помощи аффикса — **ып**. Это слово в современном тувинском

¹ См.: В. И. Абаев. Указ. соч., стр. 275.

² В. И. Абаев. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев. «Язык и мышление». 1933, № 1, стр. 73.

языке подвергается следующим фонетическим изменениям:
алып > **ап** > **ап**¹

Как видно, разделить это слово на морфемы невозможно, так как от корня **ал** остался только один звук **а** и от аффикса — звук **п**, и они срослись в один слог. Такому же изменению подверглись деепричастия **келип** — «приходя» и **болуп** — «будущи» в тувинском языке: **келип** > **кэп**, **болуп** > **боп**.

Аналогичному фонетическому изменению подвергалось и карачаево-балкарское деепричастие **илиниб** «карабкаясь», «цепляясь»: **илиниб** > **иб** > **иб**. Отсюда **ибчык** (<**иб** + **чык**>) «горный проход», «труднопроходимый перевал», ибо обычные перевалы карачаевцами и балкарцами называются **аууш**, например, **Махар аууш**, **Загъзан аууш**, **Морх аууш** и т. д.

Составители «Грамматики тувинского языка» указывают, что, поскольку процесс сращения типа: **алып** > **ап** > **ап**, **келип** > **кэп**, **болуп** > **боп** носит чисто фонетический характер, он не затрагивает значения слова (ни значения корня, ни значения аффикса), и сращенные основы (**ап**, **кэп**, **боп**) в лексико-семантическом и в лексико-грамматическом отношениях равняются обычным основам, состоящим из корня и соответствующего аффикса, не подвергшимся фонетическим изменениям.²

Теберди. Так называется местность, курорт и левый приток р. Кубани. Этимология этого слова вызывает различные толки у специалистов и неспециалистов. Одни сближают с черкесским словом со значением холмистая местность; другие считают, что слово **теберди** образовано из **тейри берди** (от карачаево-балкарского **тейри** — «бог» и **берди** — «дал»). И та и другая этимология неубедительны. Не убедительнее и этимология, предложенная Г. Зардалишвили: из этнонима абхазского племени **цербельда** или из грузинского **тба** — «озеро».³ Вероятнее всего — этимология, предложенная В. М. Сысоевым, из карачаевского **теберди** — «вытолкнул», в смысле «выселок».⁴ Нужно полагать,

¹ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 111. Аналогичное фонетическое явление имеет место и в уйгурском языке. См.: С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961, стр. 94. Ср. еще ногайское **акел** <**алыб** **кел**.

² Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 112.

³ См. «Известия Всесоюзного географического общества СССР», Л., 1952, № 3, стр. 311—312.

⁴ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. XXIII. Тифлис, 1913, стр. 131.

что топоним первичен и по нему стали именовать приток Кубани и курорт.

Следует заметить, что очень часто параллельно с топонимом **теберди** в качестве названия той же местности карачаевцами употребляется словосочетание **Шам Теберди**. Ввиду того, что значение первого составного компонента — **шам** неясен для современного носителя карачаево-балкарского языка, некоторые сближают его с арабским **шамсун** «солнце» и переводят как **Солнечная Теберда**. Против такого толкования слова **шам** приходится возражать, ибо совершенно невероятно, чтобы вместо общетюркского слова **кюн** «солнце», которое существует в языке, употреблялось иноязычное **шамсун**, которого нет в языке. Вероятнее всего сближение этого слова с азербайджанским и турецким **шам** со значением «сосна»,¹ а то, что Тебердинское ущелье славится своими соснами, широко известно.

В пользу тюркского же происхождения слова **шам** говорят следующие обстоятельства:

а) ни у одного из кавказских народов, кроме карачаевцев, эта местность не носит названия **Шам Теберди**;

б) слово **шам** является определением к карачаево-балкарскому слову **теберди** — «выселок».

Мара — название двух населенных пунктов (**Огъары Мара** — Верхняя Мара; **Тёбен Мара** — Нижняя Мара), правого притока реки Кубани и ущелья. Топоним на основе карачаево-балкарского языка не этимологизируется. Возможно сближение с уйгурским диалектным словом **мара** со значением «глухой, мало-заселенный пункт»,² что достаточно полно характеризует недавнее прошлое ущелья **Мара**, или же с азербайджанским диалектным **марыг** со значением «засада», «укрытое место».³

Архыз — название древнейшего места поселения карачаевцев у истока Зеленчука. Ущелье Большого Зеленчука, в том числе Архыз, по мнению Е. П. Алексеевой, входили в зону формирования и раннего расселения карачаевцев (до XIV в.).⁴ Профессор У. Б. Алиев склонен это слово этимологизировать, как: **аргъы ыз > аргъыз > архыз** (из карачаево-балкарского **аргъы** — «дальняя, крайняя» и **ыз** — «межа», «граница».

¹ Азербайджано-русский словарь. Баку, 1962, стр. 237; Русско-турецкий словарь. М., 1946, стр. 276.

² С. Е. Малов. Уйгурские наречия сныцзяна. М., 1961, стр. 137.

³ М. Ш. Ширалиев. Основы азербайджанской диалектологии. Баку, 1962, стр. 343.

⁴ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 44—46.

Не оспаривая возможности подобной этимологии, считаем допустимым и иное толкование значения этого слова.

В карачаево-балкарском языке имеется слово **ырхыз** со значением «зародыш». Не является ли **архыз** фонетической разновидностью слова **ырхыз** в значении «зародыш», «место, где родились», «древнее местожительство». С фонетической точки зрения, предположение вполне оправдывается, ибо соответствие звуков **а ~ ы** в начале слова явление не единичное как в самом карачаево-балкарском языке, так и в остальных тюркских языках. Например, карач.-балк. **анна ~ ынна** «мама», «обращение к матери», **арыкь** «оросительный канал» ~ **ырхы** «русло дождевого потока». Или же сравним:

карач.-балк. чувашское¹

алтын	ылтан	«золото»
алмаш	ылмаш	«смена», «чередование»
азгын	ырхан	«худой», «тощий»
ары	ыр	«установить»

Аналогичное соответствие имеет место и в ойротском языке: карач.-балк. **ангырчакь** ~ ойротское **ынгырчакь** «вьючное седло».²

Оправдывается это предположение и согласно народным преданиям, в которых повествуется о том, что карачаевцы в очень давние времена жили в Архызе.³ Как указывает Е. П. Алексеева, развалины «Старое Жилище» в районе Архыза карачаевцы считают остатками карачаевского аула, где, согласно преданиям, раньше находили плиты, на которых были выцарапаны тамги всех карачаевских родоначальников. Более того, один из холмов, на котором находятся развалины башни, носит название «Къарча Тёбе» — холм Карчи.

Такие топонимы, как **Архыз (Ырхыз)** в значении «древнее местожительство», **Къарт-Джурт** — «старое местожительство», **Эл-Джурт** — «местожительство племени народа», **Хунджурту** — «местожительство хуннов || гуннов»⁴ имеют общую смысловую соотнесенность и образуют единый семантический пучок.

Загедан. В примечании к разделу «Топонимика» в статье «Поездка к верховьям Кубани, Баксана и Черека» В. И. Абаев

¹ См. Чувашско-русский словарь. М., 1961, стр. 573—574.

² См. Ойротско-русский словарь. М., 1947, стр. 188.

³ См.: Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 44.

⁴ Ср. название джемата в Казии-Кумухе. (Дагестан) Гъуннал ал «народ гуннов». См. С. М. Хайдаков. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961, стр. 97.

писал: «Не нужно думать, что область верховьев Кубани является крайним западным пределом распространения осетинской (аланской) топонимики на Северном Кавказе. Хотя мы лично не производили обследования, но на существующих картах и по литературным данным осетинские названия прослеживаются на запад по левым притокам Кубани (Зеленчуку, Лабе и др.) почти до самого моря».¹ В подтверждение сказанного в качестве одного из примеров приводится слово **Загедан, Загдан, Заадан**—название одного из притоков Лабы, местности, села и ущелья, которое этимологизируется из осетинского языка как «Оленья река». На самом же деле название реки, ущелья и местности не **Загедан**, как это занесено на современные карты, а **Заган** (так оно значится в письменных источниках и на картах XIX в.) и в переводе с карачаево-балкарского языка означает «защищенная сторона» — из карачаево-балкарского (диалектного) **закъ**—«защищенная»+**зан**—«сторона»: **зак+зан > загъзан (заган)**||джакъджан.

Общеизвестно, что черекский, или малкарский, диалект карачаево-балкарского языка является зокающим, и литературному **дж** систематически соответствует переднеязычный фриктивный свистящий звонкий **з**.

Лаба. Гидроним непонятен носителям современного карачаево-балкарского языка, но он легко этимологизируется при сравнении с лексикой родственных тюркских языков. Так, в якутском языке слово **лаба** означает «ветвь», «исток реки».² В чувашском языке слово **лапа** употребляется в значении «лощина», «ложбина», «низина».³ Якутский и чувашский языки являются наиболее близкими к древнейшим тюркским языкам,⁴

¹ В. И. Абаев. Осетинский фольклор. М.—Л., 1949, стр. 285.

² Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, т. II, вып. 5—9, 1959, стр. 1457.

³ Чувашско-русский словарь. М., 1961, стр. 190.

⁴ Подробнее об этом см.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 6 (раздел «Древние и новые тюркские языки»). Здесь уместно отметить и то, что многие авторы, писавшие как в прошлом веке, так и в наши дни о Карачае и Балкарии, выражали свое удивление тем, что карачаево-балкарский язык сохранился в «чистоте», как один из древних тюркских языков. См. сб.: «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик. 1960, стр. 11, 12, 21, 22, 95, 251, а также Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963. На эту же особенность карачаево-балкарского языка в свое время обратили внимание профессор Н. К. Дмитриев и Ф. Г. Исхаков, занимаясь анализом лексики хакасского, шорского и якутского языков в сравнительно-историческом аспекте. (Н. К. Дмитриев, Ф. Г. Исхаков. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954, стр. 22—23).

и название это, видимо, восходит к древнетюркскому-аланскому и древнебулгарскому языкам. Как известно, граница средневековой Алании проходила по Лабе.

Ограничиваясь размерами статьи и исходя из изложенного, сделаем некоторые выводы, а именно:

1. Топонимика верховьев Кубани — тюркская.
2. Тезис профессора В. И. Абаева о том, что верховья Кубани «буквально насыщены осетинскими топонимическими названиями»¹ ошибочен и не соответствует действительности.
3. Обнаружение древнетюркских рунических надписей в верховьях Кубани — в одном из важнейших центров средневековой Алании, возможность дешифровки надписи зеленчукского памятника на основе карачаево-балкарского языка, топонимический материал, частично рассмотренный в настоящей статье, а также наличие этнонима алан в языке карачаевцев и балкарцев в значении единоплеменник, друг и ряд других фактов дают основание считать средневековых алан бассейна Кубани тюркоязычными.²

¹ См.: В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 249.

² В работе Е. П. Алексеевой (Труды Карачаево-Черкесского НИИ, вып. V, 1966, стр. 239) отмечается, что слово «алан» в качестве самоназвания встречается и у одного из туркменских племен. Небезынтересно и то, что древних алан к тюркам безоговорочно относит и современный испанский этнограф Хосе Мануэль-Гомес-Табанера. См.: «Советская этнография», 1966, № 5, стр. 62.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК НА ГОРЕ ДАРДОН У КАРАЧАЕВСКА

На юго-западной окраине г. Карачаевска, на левом берегу р. Теберды, в трех километрах к югу от места слияния Кубани и Теберды расположена неширокая долина. С запада к этой долине примыкает гора Дардон. В долине, между Тебердой и горой Дардон, находятся остатки средневекового поселения, а на восточном склоне горы Дардон — могильник (рис. 1).

С 1930 г. долина заселена и в данное время является продолжением г. Карачаевска — здесь, на левом берегу Теберды, в настоящее время проходит улица Пушкина.

Рис. 1. План Дардонского могильника.

До начала застройки эта долина у местного карачаевского населения была известна под названием Алмалы—Тала, что означает «Яблоневая Поляна». Название это объясняется тем, что до 1930 г. долина была усеяна одичавшими фруктовыми деревьями: грушами, яблонями и сливами. Сохранялись также разрушенные средневековые постройки, заросшие травой и кустарником. Сохранность этих построек была довольно хорошей, и поэтому в конце XIX и начале XX вв. карачаевцы, перегоняя свой скот на горные пастбища, останавливались в этой долине на ночлег и загоняли скот в полуразрушенные строения.

В окрестностях Карачаевска, особенно к югу от него, известны многочисленные могильники, расположенные довольно близко друг от друга: на склоне горы Дардон; на горе Дардон (курганы); на территории города Карачаевска; на горе возле а. Новая Теберда; в Нижней Теберде — Сентинский могильник; могильник Амга-Ата близ а. Верхняя Теберда; в ущелье Джамагат и на Домбайской Поляне.

Много средневековых могильников расположено также в верховьях р. Кубани.

В 1959 г. в местности Дардон проводились земляные работы. Однажды учащиеся средней школы № 3 г. Карачаевска заметили, что бульдозер вывернул из земли большую каменную плиту. Присмотревшись, они обнаружили «подвал». На следующий день сюда пришли члены исторического кружка этой школы во главе со своим руководителем, автором этих строк. При тщательном осмотре мы установили, что «подвал» является склепом.

Памятник был осмотрен старшим научным сотрудником Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института археологом Е. П. Алексеевой. Получив от Е. П. Алексеевой необходимые указания и разъяснения¹ и Открытый лист на право исследований могильника (при содействии Карачаево-Черкесского НИИ), мы приступили к раскопкам.

В первую очередь раскапывались разрушающиеся могилы. В течение 1959 и 1960 гг. нами было раскопано 53 погребения.

Небольшой объем данной статьи не позволяет нам дать подробную характеристику всех 53 могил. Поэтому ниже приведем описание наиболее интересных и характерных из раскрытых нами погребений.

¹ Приношу глубокую благодарность Е. П. Алексеевой за помощь, оказанную в работе.

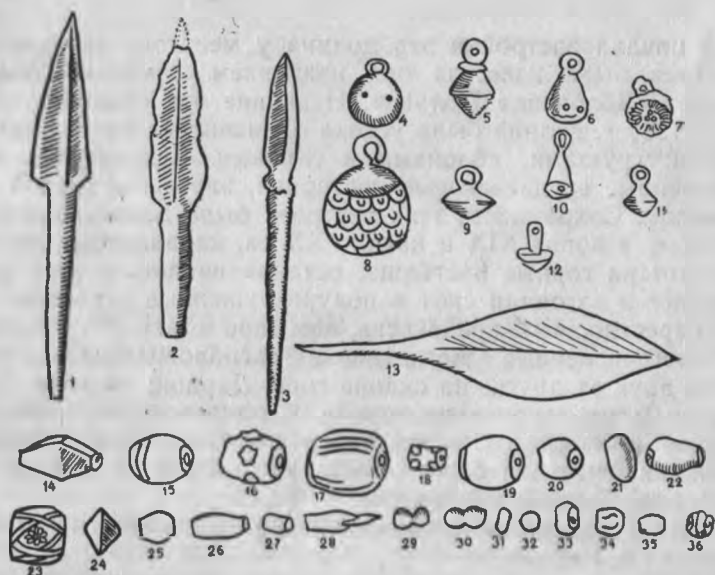

Рис. 2. Инвентарь Дардонского могильника.

1. Железный трехлопастный наконечник стрелы; 2. Железный наконечник стрелы, ромбический в сечении; 3. Треугольный наконечник стрелы; 4-7. 9-11. Бронзовые пуговицы-бубенчики; 8. Бронзовый шаровидный бубенчик; 12. Бронзовая пуговка; 13. Железный черешковый листовидный наконечник стрелы; 14. Янтарная бусина; 15. Сердцевидная бусина; 16. Стеклообразная глазчатая бусина; 17. Прозрачная стеклянная бусина; 18. Глиняная бусина; 19, 20. Боченковидные стеклянные бусины; 21, 22, 33-36. Стеклянные бусы; 23. Мозаичная бусина из стекловидной массы; 24. Стеклянная биконическая бусина; 25-28. Стеклянные золоченые бусы; 29-32. Бусы из синего стекла.

Все предметы в пол. натур. велич. 1-погр. 15; 2-погр. 5. 13; 8-погр. 19; 9-погр. 16; 10-погр. 1; 11-погр. 14; 12-погр. 4, 6, 14; 13-погр. 1. 8; 14-погр. 15; 15-погр. 15; 16-погр. 15; 17-погр. 10; 18-погр. 2, 4; 20-погр. 5; 14-20-погр. 14; 21-погр. 2; 22-погр. 2, 5; 23-погр. 4, 5, 17; 24-погр. 5; 25-погр. 3; 29-погр. 5; 30-32-погр. 3; 33-36-погр. 5. Остальные предметы происходят из других погребений Дардонского могильника. В данной статье приведено описание 24 погребений из раскопанных нами 53.

ПОГРЕБЕНИЕ 1.

Располагалось в юго-восточной части могильника (см. рис. 1, 1). Ориентированное с З на В, оно представляло собой подземный склеп, стенки которого были сложены из неотесанного песчаникового камня, положенного насухо, без раствора. Длина склепа 2 м, ширина 1,1, высота 0,9 м. В западной стене имела ниша, высотой 0,25 м, шириной 0,3 м. В нише ничего не оказалось. Сверху погребение было покрыто тремя каменными плитами, толщиной 20-23 см, на которых насыпан слой земли

0,4 м. Дно устлано тонкими плитами, на которых лежал слой земли, толщиной 3 см. На плитах находились три человеческих костяка, головой на З. Под одним из них обнаружена небольшая дубовая доска, длиной 0,15 м, шириной 0,12 м, толщиной 0,4 м. Очевидно, на плиты настилали дубовые доски и на них клали умерших. В восточной части склепа, у ног стоял горшок, заполненный землей (рис. 4, 1). В этом склепе были найдены также следующие вещи, лежащие в полном беспорядке:

1. Сабля железная, длиной 0,85 м, ширина полосы 3 см, заострена с одной стороны (сабля однолезвийная). Полоса почти прямая, лишь в нижней части имеется едва заметный изгиб. Перекрестье прямое. Сохранилось железное, закругленное в верхней части, навершие рукояти, а также железные части ножен — ручка в виде скобы и закругленная внизу нижняя оконечность ножен.

2. Железный плоский черешковый листовидный наконечник стрелы (рис. 2, 13).

3. Нож железный, без ручки, длиной 0,15 м.

4. Браслет стеклянный, темно-зеленого цвета, диаметр 0,08 м.

5. Бубенчики бронзовые, большие и малые, с ушком вверх и разрезом внизу (рис. 2, 10). Использовались в качестве пуговок.

6. Подвеска бронзовая (рис. 7, 8). Вверху — полукруглая, внизу имеет три выступа. Украшена точечным орнаментом. Отдаленно напоминает стилизованное изображение птицы с раскрытыми крыльями, поэтому условно такие подвески можно назвать «подвески в виде птицы».

7. Колечки медные разного размера от конской упряжи (рис. 6, 11).

ПОГРЕБЕНИЕ 2.

Располагалось в двух метрах к югу от 1-го. Длина склепа 2,1 м, ширина 1,15 м, глубина 0,9 м. Расстояние от дневной поверхности до покровных плит 0,25 м, от покровных плит до дна склепа — 0,9 м. Устройство склепа аналогично первому. На дне могилы лежало два человеческих скелета в скорченном положении, на правом боку, на запад.

В склепе найдены следующие предметы, лежащие в беспорядке:

1. Сабля, подобная обнаруженной в погребении № 1. Длина ее 0,89 м, ширина полосы 3 см.

2. Браслет стеклянный темно-зеленого цвета (рис. 6, 9).

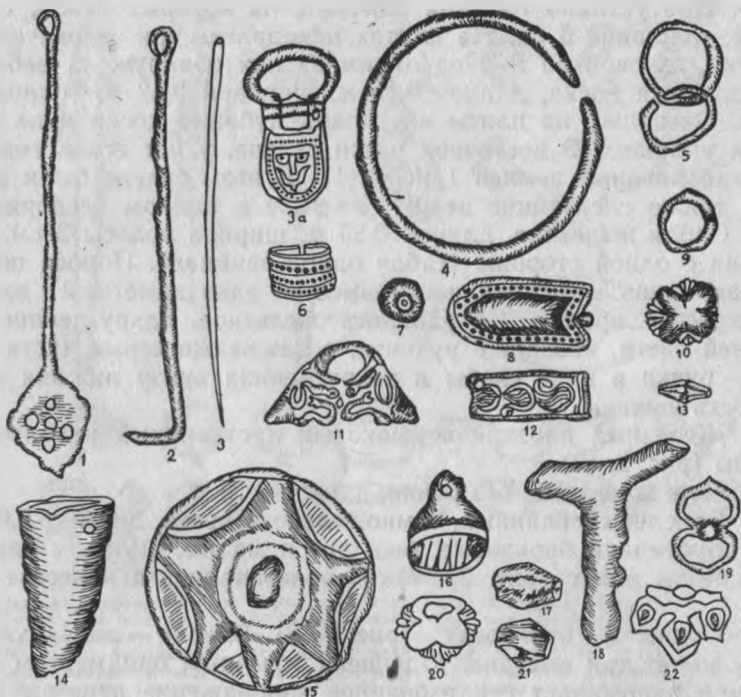

Рис. 3. Инвентарь Дардонского могильника.

1. Ложечка-щепилка; 2. Ногтечистка; 3. Предмет в виде острия; 3а. Поясная пряжка; 4. Браслет; 5, 9. Колечки; 6—8, 10—12, 20, 23. Поясные украшения: согнутая в кольцо пластинка и бляшки; 13, 17, 21. Гагатовые бусы; 14. Конусовидный предмет; 15. Зеркало; 16. Бубенчик; 17, 18. Удила.
14—рог; 18—железо; 13, 17, 21—гагат; остальное — медь и бронза. Все предметы в пол. натур. велич. 2—погр. 19; 3—погр. 19, 23; 5—погр. 11; 6—погр. 4; 9—погр. 11; 13—погр. 3; 14—погр. 19; 15—погр. 17; 16—погр. 19; 17—погр. 3; 21—погр. 3.
Остальные вещи — из других погребений Дардонского могильника.

3. Стекланные глазчатые бусы (рис. 2, 18).
4. Бронзовые поясные пряжки (рис. 8, 5, 10).
5. Горшочек.
6. Глиняное пряслице (рис. 6, 5).
7. Стекланные бусы (рис. 2, 21, 23, 33, 36).

ПОГРЕБЕНИЕ 3.

Находилось в 1,3 м к югу от 2-го. Длина 2,6 м, ширина 1,1 м, расстояние от покровных плит до дна 0,85 м. Устройство склепа и ориентировка, как в погребении 1-м. Здесь найдены два

скелета. Покойники были положены на спину в вытянутом положении, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на запад.

Между костяками найдена бронзовая серьга с крестовидной подвеской из шариков (рис. 7, 7).¹

В склепе найдены также следующие предметы, находящиеся в беспорядке:

1. Бусы стеклянные (рис. 2, 30—32).
2. Бусы из белого золотистого стекла (рис. 2, 25, 28).
3. Железный нож.
4. Гагатовые бусы (рис. 3, 13, 17, 21).

ПОГРЕБЕНИЕ 4.

В юго-восточной части могильника, в 350 м к югу от 3-го погребения обнаружен склеп (рис. 1, II). Длина 1,9 м, ширина 0,9 м, расстояние от дневной поверхности до покровных плит 0,69 м, от покровных плит до дна склепа — 0,8 м. Стенки склепа с восточной стороны были разрушены бульдозером. Склеп ориентирован З—В. Покойник лежал на спине, головой на запад. В северо-восточном углу находилась куча человеческих костей, в юго-восточном — три черепа.

Инвентарь:

1. Бронзовая серьга с крестовидной подвеской (рис. 8, 1).
2. Клык кабана.
3. Бусы мозаичные (рис. 2, 23).
4. Пуговицы бронзовые (рис. 2, 12).
5. Бронзовая пластинка, согнутая в колечко (перстень) (рис. 3, 6).
6. Железная пряжка (рис. 8, 16).
7. Бусинка глиняная, красного цвета, четырехгранная, на каждой стороне по четыре выступа синего цвета.

Вещи лежали в беспорядке.

ПОГРЕБЕНИЕ 5.

Склеп располагался рядом с предыдущим. Длина 2,2 м, ширина 1,2 м, глубина 0,9 м. Склеп ориентирован З—В, костяк лежал головой на запад. С правой стороны покойника лежали два наконечника стрел, железные, ромбические в сечении (рис. 2, 2), обломки железного клинка сабли, подвеска в виде узкой пластинки из бронзы (рис. 6, 12); серебряная орнаментирован-

¹ Автор настоящей статьи А. К. Кузьминов без достаточных оснований называет эти серьги крестами (Ред.).

Рис. 4. Инвентарь Дардонского могильника.

1—3. Глиняные кувшинчики; 4. Обломок доски; 5. Фрагмент глиняного сосуда. Одна шестая натуральной величины. 1—погр. 1; 2—погр. 5; 3—погр. 6; 4—погр. 1; 5—погр. 7.

ная пластинка, согнутая в кольцо (рис. 8, 15); бусина синяя, стеклянная (рис. 2, 29); такая же другой формы (рис. 2, 32); бусина биконическая, стеклянная, малинового цвета (рис. 2, 24); стеклянные бусы (рис. 2, 20, 22, 33—36), секира железная; кувшинчик (рис. 4, 2); плоский оселок, длиной 7,5 см.

ПОГРЕБЕНИЕ 6.

Находилось в 0,9 м от 5-го. Могила представляла собой низкий узкий каменный ящик из четырех плит, поставленных на ребро и прикрытых тонкими плитами. Длина 1,8 м, ширина 0,96 м, глубина 0,65 м. Ориентировано З—В. На ровном земляном полу лежал плохо сохранившийся скелет женщины в скорченном положении, головой на З, на правом боку. Около позвонков обнаружили бронзовую подвеску (рис. 7, 13), в виде «птицы», медные пуговицы (рис. 2, 12).

ПОГРЕБЕНИЕ 7.

Располагалось южнее 6-го, выше по склону, на расстоянии 22 м. Склеп оказался разрушенным. Покрывавших его плит не было, и стенки, выложенные камнем, частично были сдвинуты с первоначального места. Длина 2,3 м, ширина 0,9 м, глубина

1,05 м. На дне лежал покойник, головой на З. Ориентировано 3—В. Строение склепа такое же, как в погребении 1. По всей могиле беспорядочно разбросаны черепки глиняных сосудов. Найден маленький обломочек сосуда из красной, тонко отмученной глины, на внешней, ярко-красной поверхности — линей-

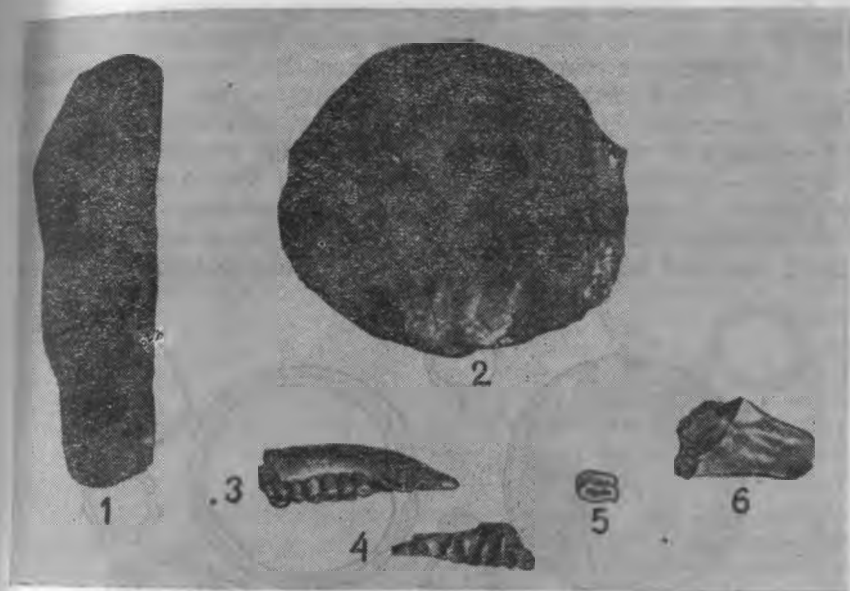

Рис. 5. Инвентарь Дардонского могильника.
1. Каменный пест; 2. Жернов; 3—6—кости животных.
Одна шестая натуральной величины. 2—погр. 6, 8; 5, 6—погр. 6.

ный орнамент (полоски — темно-коричневого цвета) (рис. 8, 17); венчик кувшина (рис. 4, 6); кости и челюсть лошади (рис. 5, 7); кости овцы — позвонки и крестцы (рис. 5, 5, 6); верхний круг каменного жернова (рис. 5, 2).

ПОГРЕБЕНИЕ 8.

Находилось рядом с предыдущим. Могила прямоугольной формы. Стены ее выложены битым камнем без раствора. Длина 2,12 м, ширина 0,9 м, глубина 0,6 м. Ориентировано 3—В. На дне могилы лежали кости умершего. Череп находился в западной части могилы. Рядом с черепом — глиняный сосуд высо-

той 0,16 м. У ног лежали три плоских железных черешковых наконечника стрелы листовидной формы (рис. 2, 13), нижняя челюсть лошади (рис. 5, 3).

ПОГРЕБЕНИЕ 9.

Обнаружено на дороге вдоль балки на расстоянии 400 м к югу от 1-го погребения. В северной части могильника растянулись погребения с одиночным захоронением. Могила № 9 представляла собой низкий и узкий каменный ящик из четырех плит, поставленных на ребро, накрытый тонкими плитами. Длина ящика 1,98 м, ширина 0,63 м, высота 0,6 м. Дно земляное. На дне — тонкий слой золы с древесными угольками. Здесь обнаружен один костяк. Погребенный — мужчина — был положен на спину, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища. У правого бока лежали железный трехлопастный наконеч-

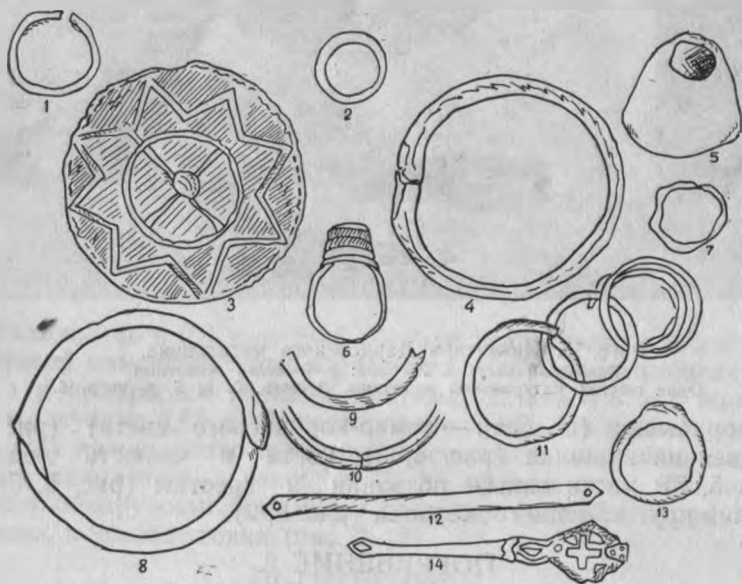

Рис. 6. Инвентарь Дардонского могильника.

1, 2, 7, 11. Медные колечки; 3. Зеркало; 4, 8. Стекланные браслеты; 5. Глиняное пряслице; 6. Бронзовый перстень; 9, 10. Фрагменты стекланных браслетов; 13. Бронзовый перстень; 14. Бронзовая копоушка;
9, 10—уменьшены в четыре раза, остальное — в пол. натур. велич. 5—погр. 2; 6—погр. 15; 8—погр. 10; 9—погр. 2; 14; 11—погр. 1; 12—погр. 5; 13—погр. 10; 14—погр. 24. Остальное — из других погребений Дардонского могильника.

ник стрелы (рис. 2, 1) и железная сабля, подобная найденной в склепе 1, только ручка-скоба от ножен не сохранилась. Длина сабли 0,78 м, ширина 2,8 см. Секира железная, длина 1,7 м.

ПОГРЕБЕНИЕ 10.

Находилось в той же группе, в 6 м от погребения 9-го. Длина 1,9 м, ширина 0,7 м, глубина 0,9 м. Ориентировано С—Ю. На дне каменного ящика лежал скелет женщины головой на С. В юго-западном углу могилы находился глиняный горшочек, емкостью 280 куб. см. Около скелета найдены бусины из прозрачной стеклянной пасты (рис. 2, 17), стеклянный браслет (рис. 6, 8), серьга бронзовая с крестовидной подвеской (рис. 7, 7), ложечка-цедилка бронзовая (рис. 7, 11); бронзовая ногтечистка (рис. 7, 2), подвеска бронзовая, в виде «птицы» (рис. 8, 2), ложечка бронзовая (рис. 7, 3), железный скребок, напоминающий по форме тесло из Сентинского могильника;¹ медный перстень (рис. 6, 13), обломки головного венчика из меди (рис. 7, 4).

ПОГРЕБЕНИЕ 11.

Располагалось в той же группе. Длина 2,1 м, ширина 0,8 м, глубина 0,7 м. На дне лежал тонкий слой золы с древесным углем. Ориентировано З—В. В каменном ящике оказался скелет мужчины, в скорченном положении, на правом боку, головой на запад. Около костяка найдены трехлопастный наконечник, с сохранившимся древком. У ног лежали два куска выделанной кожи, с орнаментом, с медными выпуклыми украшениями на поверхности. Ширина куска 3 см, длина обоих кусков вместе 18 см. Очевидно, это были остатки пояса. Медное кольцо было связано с кольцом меньшего размера. Это последнее соединено с каким-то деревянным предметом (рис. 8, 3). По-видимому, это фрагмент седла. Найдены также медные кольца (рис. 3, 5, 9), сосудик серо-лощеный с расширенным горлом (на тулове сосуда знак в виде буквы Ш).

¹ Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии, Черкесск, 1960, стр. 62, табл. 13, рис. 2.

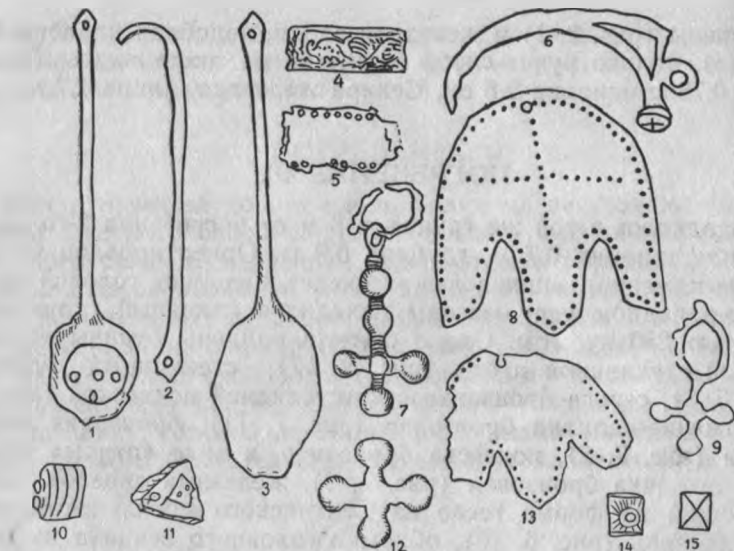

Рис. 7. Инвентарь Дардонского могильника

1. Ложечка-цедилка; 2. Ногтегистка; 3. Ложечка; 4, 5. Фрагменты головного венчика; 6, 8, 13. Подвески; 7, 9, 12. Серьги с крестовидными подвесками; 10, 11, 14, 15. Бляшки—поясные украшения.

Все предметы из бронзы. Изображены в пол. натур. велич. 1—погр. 10; 13—погр. 10; 4—погр. 10; 5—погр. 17; 7—погр. 3, 10, 16; 8—погр. 1; 13—погр. 6.

ПОГРЕБЕНИЕ 12.

Располагалось в той же группе, что и 11-е. Каменный ящик ориентирован З—В. Длина 1,8 м, ширина 0,52 м, глубина 0,5 м. На земляном грунте лежал костяк в скорченном положении, на правом боку, головой на запад. Вещей не обнаружено. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что стены ящика сложены из хорошо отесанного камня.

ПОГРЕБЕНИЕ 13.

Находилось северо-восточнее 12-го, выше по склону, на расстоянии 4,8 м. Каменный ящик длиной 2 м, шириной 0,95 м, глубиной 0,9 м. Ориентировано Ю—С. Умерший захоронен в скорченном положении, головой на юг. В северо-восточном углу могилы стоял глиняный горшочек. Около костяка найдены серебряные украшения — бляшка от пояса (рис. 8, 12) и пластин-

чатое кольцо (рис. 8, 15), а также железный трехлопастный наконечник стрелы (рис. 2, 1), железный ромбический в сечении наконечник стрелы (рис. 2, 2), бронзовая серьга с крестовидной привеской (рис. 8, 1).

Рис. 8. Инвентарь Дардонского могильника.

1. Серьга; 2. Подвеска-бляшка; 3. Предмет неизвестного назначения (фрагмент седла?); 4, 6—9, 13, 14, 18. Поясные украшения: бляшка, щитки от пряжек, свернутые в цилиндры бляшки; 5, 10, 11. Поясные пряжки; 12. Поясная бляшка; 15. Колечко, свернутое из пластины; 16. Пряжка; 17. Черепок миски. 12, 15—серебро; 16—железо; 17—красная глина; остальное—медь и бронза. Все предметы в пол. натур. велич. 1—погр. 4, 13; 2—погр. 10; 3—погр. 11; 8—погр. 14; 11—погр. 15; 12—погр. 13; 13—погр. 4; 15—погр. 13; 17—погр. 6.

ПОГРЕБЕНИЕ 14.

Располагалось рядом с 13-м. Длина каменного ящика 1,98 м, ширина 0,7 м, глубина 0,9 м. Ориентировано З—В. В каменном ящике на земляном грунте лежал женский скелет на спине, руки вытянуты вдоль туловища, головой на З. На кисти левой руки был найден стеклянный браслет, круглый в сечении, диаметром 7,5 см (рис. 6, 9). В беспорядке лежали следующие предметы: нож железный, длиной 11 см, бусы шаровидные из черной стеклянной массы (рис. 2, 19—20), пуговицы медные (рис. 2, 11—12).

ПОГРЕБЕНИЕ 15.

В 36 м к западу от погребения 14-го. Длина 1,8 м, ширина 6,78 м, глубина 0,65 м. Каменный ящик ориентирован с Ю на С. На земляном грунте лежал скелет, в скорченном положении, на правом боку, головой на Ю. Здесь найдены бронзовый перстень (рис. 6, 6), бусина сердоликовая (рис. 2, 15), бусина боченковидная с выпуклыми глазками (рис. 2, 16), трехлопастный железный наконечник (рис. 2, 1), круглый в сечении оселок.

ПОГРЕБЕНИЕ 16.

Располагалось в той же группе, в 19 м к северу от погребения 15-го. Каменный ящик ориентирован З—В. Костяк на спине, вытянутый, головой на З. Руки—вдоль туловища. Здесь найдены бронзовая прямоугольная пряжка (рис. 8, 11), бронзовая поясная бляшка (рис. 8, 8); кольцо, согнутое, из бронзовой пластинки (рис. 8, 14); медные литые пугови-бубенчики (рис. 2, 9), серьга бронзовая с крестовидной подвеской (рис. 7, 7) и ложечка-цедилка с тремя отверстиями.

ПОГРЕБЕНИЕ 17.

Находилось рядом с предыдущим. Ориентировано З—В. Каменный ящик длиной 1,8 м, шириной 0,62 м, глубиной 0,8 м. Костяк на спине, головой на З. Руки скрещены на груди. Около позвонков лежал медный крестовидный предмет. У правой кисти руки найдены три каменных крестца, зеркальце из белого сплава (рис. 3, 15), обломки головного венчика из бронзы (рис. 7, 5), ложечка-цедилка с пятью отверстиями и бусинка мозаичная (рис. 2, 23).

ПОГРЕБЕНИЕ 18.

Располагалось рядом с 17-м. Длина—2,2 м, ширина 0,7 м, глубина 0,6 м. Ориентировано с З на В. В каменном ящике лежал костяк на спине, головой на З, руки скрещены на груди. У ног покойника был поставлен глиняный горшочек, высотой 9,5 см. Около шейных позвонков найдены 24 бусины, пож, длиной 23 см.

ПОГРЕБЕНИЕ 19.

Находилось в 180 м к северу от моста, ведущего на ул. Пушкина (рис. 1, V), в скале, нависающей над р. Теберда. С трех сторон в естественном углублении, лишь с четвертой стороны обложено нетесаным камнем. Ориентировано Ю—С.

Умершего положили головой на юг, на спине, со скрещенными на груди руками. На кисти рук были надеты медные браслеты, круглые, с несомкнутыми концами, треугольные в сечении. Около позвоночника в куче лежали зеркало медное с орнаментом, ложка-цедилка с пятью отверстиями, медный длинный предмет в виде заостряющегося книзу стержня (рис. 3, 3), медная ногтечистка (рис. 3, 2), шаровидный бронзовый бубенчик (рис. 3, 16), вверху — петелка для подвешивания, внизу — щель, через которую внутрь бубенчика положен камешек, производящий при движении звон. Бубенчик большого размера (рис. 2, 8); конусовидный предмет (рис. 3, 14), сделанный из кончика оленьего рога, длиной 5 см, диаметр самой широкой части конуса — 2,2 см. Внутри рог полый, снаружи в верхней части обтянут бронзовой пластинкой на половину высоты (2,5 см). Отверстие конуса закрыто бронзовой круглой пластинкой. В верхней части предмета, под бронзовой полоской-кольцом, которое легко сдвигается, имеется круглое отверстие, диаметр 2 мм. Возможно, предмет использовался как мерка для сыпучего вещества.

ПОГРЕБЕНИЕ 20.

Находится в северо-западной части могильника на высоком бугре, в 1,3 км от погребения 18-го, и в 750 м от улицы Пушкина на запад. Длина 2,1 м, ширина 0,9 м, глубина 0,85 м (рис. 1, IV). Ориентировано З—В. На дне склепа обнаружены остатки костей шести погребенных — четырех взрослых и двух детей. Три костяка ориентированы головой на запад. Кости остальных умерших сложены в две кучи. Среди костей в беспорядке разбросаны различные предметы. В северо-западном углу склепа стоял глиняный сосуд, наполненный землей. Обращает на себя внимание каменная плита, толщиной 23 см. Она была поставлена плотно к стене в восточной части могилы, без крепления. Высота 0,6 м, ширина внизу 0,8 м. В верхней ее части посередине высечен крест, вертикальная линия креста 18 см, горизонтальная — 12 см. Ниже креста полукруглое отверстие шириной

0,45 м, высотой 0,38 м. Через это отверстие, очевидно, клали в могилу умерших. Каждая из боковых сторон плиты имеет вид трех ступеней (рис. 9).

ПОГРЕБЕНИЕ 21.

Располагалось рядом с предыдущим. Длина 1,9 м, ширина 1,1 м, глубина 0,9 м. Склеп ориентирован по линии Ю—С. На ровном земляном полу, засыпанном золой, положены два покровника, головой на север. Вплотную к восточной стороне стены лежали железная секира, пять бронзовых поясных пряжек, медная бляха, бронзовое колечко, маленькая секира, железный скребок, железный нож. У головы погребенного, в северо-западной части могилы стоял горшочек, у ног лежала ложечка-цедилка с тремя отверстиями и бронзовый перстень. Между костяками найдена секира. В области грудной клетки погребенных — бронзовая ложечка с орнаментом на ручке, ногтечистка, бусины из гешира — 18 шт., разного размера; бусы стеклянные — мозаичные шаровидные, в неразделенных трубочках; бусины янтарные; одна полосатая бусина; перстень, два бубенчика, раковина-каури (кипрза монета).

ПОГРЕБЕНИЕ 22.

В 20 м С—В от 21-го (рис. 1, IV — на юг).

На вершине горы, на склоне которой мы проводили раскопки, по рассказам местных жителей, до недавнего времени стоял большой каменный крест. Мы поднялись туда и нашли место, где стоял крест, но креста там не оказалось. Он был сдвинут с места и сполз вниз по склону горы, на расстоянии 12 м. Осмотрев место, мы пришли к заключению, что здесь надо провести раскопки.

Раскопки провел бывший ученик школы № 3, член исторического кружка К. Т. Чагаров. Он здесь обнаружил значительное количество различных предметов — украшений, орудий труда и др.

Мы рассмотрели раскопанное погребение. Оно оказалось подземным склепом, состоявшим из двух помещений.¹

Дополнительно к находкам К. Т. Чагарова в северном помещении были обнаружены фрагмент железного буравчика,

¹ Подробнее об этом склепе и о находках, сделанных в нем, см. в статье К. Т. Чагарова, помещенной в настоящем сборнике.

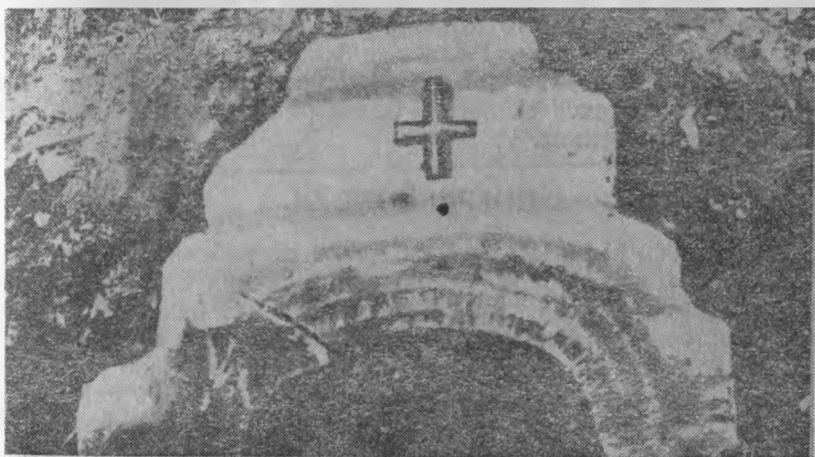

Рис. 9. Каменная плита, на которой изображен крест. Из погребения 20.

бронзовый шаровидный бубенчик и серебряная бляшка, прикрепленная к обрывку кожи (очевидно, это был фрагмент ремня от уздечки).

ПОГРЕБЕНИЕ 23.

Находилось рядом с погребением 22-м. Два отбитых камня, находившихся на поверхности местности, исследованной нами, натолкнули на мысль, что перед нами погребение. Начатые раскопки подтвердили это. Очистив яму от земли и кусков сломанных плит, мы обнаружили одиночную могилу длиной 1,67 м, шириной 0,4 м, глубиной 0,9 м. В яме никаких вещей не найдено. В северной стороне ямы была плита, размером 0,5×0,45 м. Когда плиту сняли, увидели склеп. Очевидно, одиночная могила была пристроена к склепу. Второе погребение (склеп) имело длину 1,8 м, ширину 0,95 м, глубину 0,65 м. Ориентировано по линии С—Ю. На четырех плитах, плотно подогнанных одна к другой, толщиной 12 см, находились скелеты двух погребенных — мужчины и женщины, головой на С. Умерших клали на спину, руки вытягивали вдоль туловища. У женского костяка, возле ног, найдена бронзовая привеска, на которой имеется изображение креста (рис. 7, 6). Около черепа обнаружена бронзовая приколка (рис. 3, 3).

Во время осмотра скелетов под нашей тяжестью сломалась одна из плит, на которой лежали костяки, и образовался завал. Так мы обнаружили, что имеется и нижнее погребение. Склеп оказался двухъярусным. Размер нижнего помещения склепа такой же, как и верхнего. В нижнем помещении найдены два плохо сохранившихся скелета — более ранние захоронения, чем в верхнем помещении.

ПОГРЕБЕНИЕ 24.

Находилось в той же группе, что и погребение 4-е, на расстоянии 28 м в северном направлении. Длина 2,18 м, ширина 1,2 м, глубина 1,1 м. Склеп ориентирован с З на В. Нами раскрыта восточная стенка склепа. Посредине стенки оказалось отверстие, высотой 0,6 м, шириной 0,42 м, которое было заложено небольшими плитами. Дно земляное, ровное. Вдоль северной и южной стенок на небольших камнях (подставках) положены тонкие плиты, на них — дубовые доски, на которых клали умерших. Вдоль северной стенки захоронен мужчина, вдоль южной — женщина (возможно, муж и жена). Головы погребенных были

Рис. 10. Схема расположения могильников в районе г. Карачаевска.

обращены к западу. Под скелетом женщины доска полностью сохранилась — длина ее 1,7 м, ширина 0,6 м, толщина 5 см. Когда доску стали поднимать, она сломалась на три части. У ног мужчины обнаружили бронзовую копоушку с изображением креста на щитке (рис. 6, 14). Вдоль северной стенки лежали сабля железная, нож; на полу, между скелетами — бронзовое зеркало и бронзовая подвеска, нож. Возможно, эти предметы упали с досок. Вдоль западной стенки — за черепами — вторая сабля. Около позвоночника женского костяка — пуговицы и бу-

бенчики. В юго-восточном углу склепа — глиняный сосуд. Вдоль южной стенки — третья сабля, около нее — колючко и стеклянный браслет, ближе к грудной клетке женского костяка — железный наконечник стрелы. У голени — разбитый на две части горшочек. Между головами погребенных — горшочек и бронзовая пластинка. Под плитой, на которой лежал костяк мужчины, горшочек, железная бляха и четыре стеклянных браслета. У его головы две железные секиры. У головы женщины — фрагмент браслета и бронзовая ложечка, железная секира, нож. Между западной стенкой и головой женщины — горшочек. На доске у ног женщины — бронзовая серьга с крестовидной подвеской (типа рис. 7, 12).

Погребальный обряд. При исследовании Дардонского могильника нами установлено четыре вида захоронения умерших:

1. Одиночные захоронения, в которых покойника клали в скорченном положении на правом боку (погр. 6, 11, 12, 13, 15).

2. Одиночные захоронения, в которых умерших клали на спине, со скрещенными руками (погр. 17, 18, 19).

3. Одиночные захоронения с вытянутыми вдоль туловища руками (погр. 4, 5, 8, 10, 14).

4. Групповые, или семейные, захоронения (погр. 1, 2, 3, 7, 20—24).

Одиночные захоронения производились в каменных ящиках. Групповые, или семейные, погребения производились в подземных склепах, стенки которых выкладывались из песчаника. Сверху склепы покрывались каменными плитами, толщиной 12—20 см. Поверх плит насыпалась земля до уровня окружающей поверхности. Дно могилы устилалось тонкими плитками, толщиной 8—12 см. Иногда дно было земляное. В двух склепах (погребения 1 и 24) под захороненными найдены дубовые доски.

Доска под погребенным найдена в погребении у с. Каракент.¹ В Терской области, у бывшего а. Ислам, в одной из могил также найдены дубовые доски.²

В погребениях IX—XII вв. у а. Верхний Чегем в Балкарии были обнаружены костяки, лежащие на досках.³ Групповые, разновременные погребения в склепах производились в разные исторические периоды.

¹ Е. П. Алексеева. Отчет о работах экспедиции Карачаево-Черкесского НИИ в 1959 г., Архив Карачаево-Черкесского НИИ.

² ОАК за 1898 г., стр. 160—раскопки И. А. Владимирова.

³ П. Г. Акритас. Археологические исследования в Чегемском ущелье. 1958 г., Архив Кабардино-Балкарского НИИ.

Во время вторичных захоронений вынималась каменная пробка, которой закрывалось полукруглое отверстие в одной из стенок могилы. Нам удалось проследить, что отверстия в склепах всегда делались у ног погребенных. Ширина отверстия чаще всего 0,5 м, высота 0,6 м. Через отверстие вносили погребяемого в могилу, а потом оно закладывалось той же пробкой и засыпалось землей.

В восьми склепах имелись ниши, но в них ничего не найдено. Аналогичные склепы с нишами обнаружены в Гилячских могильниках.¹

Существенной чертой погребального обряда является угольная подстилка, прослеженная под большинством захороненных. Обычай посыпания дна могилы золой, появившийся в древности, сохранился в могилах Северного Кавказа до XIV—XV вв. Угольная подстилка обнаружена в могильнике Байтал-Чапкан,² в курганах в устье р. Кара-Бежгон,³ в могилах на р. Кривой и верховьях Зеленчука,⁴ в могилах в верховьях Кубани⁵ и в Змейском могильнике,⁶ в других могильниках.⁷

Погребальный инвентарь. В могильнике Дардон найдены разнообразные вещи: предметы личного убора и вооружения, орудия труда. Среди инвентаря выделяются женские украшения, в том числе браслеты, стеклянные и бронзовые. Стеклянные браслеты разного цвета — черные, синие, желтые; в сечении — круглые и треугольные. В погребении 24-м найдено четыре браслета из светло-желтого стекла, треугольные в сечении. У места спайки имеется выступ в виде валика, диаметр браслета 5,5 см. Другие стеклянные браслеты соединяются путем наклепливания одного конца на другой, некоторые концы сплюще-

¹ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, вып. 23, М.—Л., 1951, стр. 273.

² Ее же: Могильник Байтал-Чапкан. МИСК, вып. 2—3, Ставрополь, 1950 г., стр. 205—240; Ее же: Могильник Байтал-Чапкан. «Советская археология», т. XXVI, М., 1956, стр. 236—267.

³ Ее же: Археологические памятники Черкесии. Труды Черкесского НИИ, вып. II, Черкесск, 1954, стр. 278.

⁴ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края. МИСК, вып. VI, Ставрополь, 1954, стр. 345.

⁵ В. М. Сысоев. Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г., МАК, вып. VII, М., 1898, стр. 115—136.

⁶ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. «Советская археология», 1959, № 2, стр. 98.

⁷ Отметим от себя, что угольная подстилка обнаружена в дубовых гробах под курганными насыпями у а. Жако и Бесленей в кабардино-черкесских курганах XIV—XV вв. (Ред.).

ны лепешечкой (рис. 6, 8), другие смыкаются с хорошо заметным швом (рис. 6, 4).

Как известно, стеклянные браслеты в Северном Причерноморье, на Руси и на Кавказе начинают распространяться с середины X в. Возможно, что на Северный Кавказ стеклянные браслеты доставлялись из Тмутаракани.

Бронзовые браслеты, как правило, в сечении круглые и прямоугольные, а также круглые, с несомкнутыми концами, диаметром 6,6 см, 6 см (рис. 3, 4). Датируются IX—XII вв. Бронзовые перстни — со вставками из прозрачной пасты. Гнездо для вставки — высокое (рис. 6, 6), иногда с четырьмя лапками. Перстни такого типа довольно часто встречаются в могильниках Северного Кавказа. Близкие по форме перстни найдены в мавзолее городища Адиух. В Зеленчукском Северном храме обнаружены подобные же перстни из золота. Встречались такие перстни при раскопках в Кабардино-Балкарии и в Северной Осетии.

В Дардонском могильнике найдены разнообразные бусы. Часто встречались стеклянные шаровидные бусинки в неразделенных трубочках разного цвета — белые, синие и желтые. Найдены также мозаичные бусины, шаровидные из разноцветного стекла; бусы из гешира, янтаря, сердолика, пасты и др.

Заслуживают внимания бронзовые ложечки-цедилки (рис. 3, 1, 7, 1). Подобная же ложечка-цедилка, но с одним отверстием, найдена в мраморном карьере у аула Верхняя Теберда.

Ложечкам-цедилкам сопутствуют ногтечистки (рис. 3, 2, 7, 2), бронзовые ложечки (рис. 7, 3), зеркала, перстни, бусы и бубенчики. Во всех случаях цедилки найдены в женских могилах. Две цедилки найдены в одиночных могилах, остальные в склепах. Вещи эти очень распространены в могильниках Северного Кавказа, главным образом, в центральной его части и в верховьях Кубани (например, они обнаружены и в могильниках городища Гиляч и в других могильниках IX—XII вв.). В погребении 24-м найдена ложечка бронзовая, по форме напоминающая цедилку, но без отверстий, края ее незначительно вогнуты.

Существует мнение, что ложечки-цедилки использовались для процеживания вина. Местное население — карачаевцы уверяют, что это не цедилка, а орудие труда женщин; оно использовалось для наведения орнамента на металлических предметах. Полагают, что женщины искусно наносили орнамент на заранее приготовленные металлические предметы.

Пока ни то, ни другое объяснение назначения ложечек-цедиллок нельзя считать доказанным.

Нами найдено четыре зеркала разного диаметра (рис. 3, 15, 6, 3). На оборотной стороне — в центре ушка и орнамент из рельефных линий, образующих концентрические окружности, хорды, сегменты, радиальные линии, многоконечные звезды. Такие зеркала часто встречаются на Северном Кавказе, особенно в памятниках VIII—IX вв. Они есть в могильниках верховьев Кубани и Зеленчуков, в Кабардино-Балкарии (окрестности Налъчика и в других местах) и в Северной Осетии (катакомбы Кубани и другие могильники).

В дардонских погребениях обнаружены железные сабли. Длина их около 89 см; ширина полосы 3,6 см. Полоса — однолезвийная, почти прямая, на нижнем конце незначительный изгиб. Перекрестье прямое, рукоять — прямая. Навершие рукояти — железное, вверху закругленное. Сабли носились в деревянных ножнах, оправленных внизу в железные наконечники. На ножнах имелись железные полукруглые ручки-скобы. Сабли, найденные в Дардонском могильнике, аналогичны саблям Змейского могильника и датируются X—XI вв.¹ Дардонские сабли, как нам представляется, генетически связаны с саблями более раннего периода — VIII—IX вв., найденными на Северном Кавказе, и являются их дальнейшим развитием и усовершенствованием. Прототипами дардонских сабель можно считать саблю из погребения VIII в. у с. Галиат,² а также сабли из могильников а. Верхний Кобан³ и других мест.

В Кабардино-Балкарии, близ а. Кашка-Тау, в одном из погребений найдены вещи, аналогичные дардонским: железные, слегка изогнутые сабли, железные наконечники стрел, ножи в деревянных ножнах, бронзовые пряжки и пуговицы.⁴

В Дардонском могильнике найдено четыре типа железных черешковых наконечников стрел: трехлопастные (рис. 2, 1);

¹ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. «Советская археология», 1959, № 2, стр. 102, рис. 1—3; Его же: Аланские племена Северного Кавказа. МИА, вып. 106. М., 1962, стр. 139, рис. 7, 4—6; ср. сабли из других могильников Северного Кавказа — там же, стр. 137, рис. 5, 1—3 (ред.).

² К. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. (По материалам Северо-Кавказской экспедиции ГИМ, 1935 г.). Известия Северо-Осетинского НИИ, т. IX, Орджоникидзе, 1940, стр. 154, рис. 11.

³ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, М., 1900, стр. 93, рис. 90.

⁴ ОАК за 1899 г., раскопки И. А. Владимирова.

листовидные (рис. 2, 13), трехгранные (рис. 2, 3) и узкие листовидные, ромбические в сечении (рис. 2, 2).

Найдено 12 железных секир семи типов:

1. Один конец заострен в виде наконечника стрелы, другой имеет вид широкой лопасти с дугообразным острым лезвием. Длина 0,15 м.

2. Один конец круглый в сечении, заостренный, другой расширенный плоский острый, длина 0,17 м.

3. Один конец копьевидный, другой расширенный, плоский, в виде полукруга. Длина 0,14 м. Подобные секиры найдены в верховьях Кубани Е. Д. Фелицыным, Г. И. Куликовским, В. М. Сысоевым.

4. Один конец плоский острый, другой в виде широкой лопасти с дугообразным острым лезвием. Длина 0,12 м.

5. Оба конца плоские, острые, одинаковой ширины. Длина 0,15 м.

6. Полукруглое лезвие на одной стороне, другой конец — плоский, острый.

7. Один конец расширенный, острый, другой — листовидный, плоский, острый.

Секиры такого же типа найдены в 1940 г. недалеко от р. Амга-Ата — притока р. Теберды. Близкие аналогии дардонским секирам мы находим в могильниках Кобань¹ и Чми.² Железная секира с длинным копьевидным концом найдена В. И. Долбежевым в могильнике близ села Камунта в Северной Осетии. Сходные секиры встречены в Змейском могильнике.³ В наземных гробницах в верховьях Зеленчуков найдены железные секиры, аналогичные дардонским. Секиры такого же типа встречаются в восточной части Северного Кавказа, в Дагестане, в местности Рачол. Список аналогий можно было бы продолжить.

В погребениях найдены бронзовые пугови-бубенчики: шаровидные (рис. 2, 4), грушевидные (рис. 2, 6, 10), биконические (рис. 2, 5, 9), в виде «гирек» (рис. 2, 11, 12), крупные орнаментированные шаровидные бубенчики со звоном (камешком) (рис. 2, 8).

Подобные пугови-бубенчики очень характерны для памятников Северного Кавказа X—XI вв.

Обнаружены также крестовидные серьги с подвесками из

¹ МАК, вып. VIII, табл. 47, рис. 5, 6, 8.

² МАК, вып. VIII, табл. 60, 12.

³ МИА, вып. 106, стр. 140, рис. 8, 2, 3; В. А. Кузнецов. Исследования Змейского могильника. МИА, вып. 114, М., 1963, стр. 28, рис. 12, 1—3.

шариков (подвески двух типов — короткие (рис. 2, 9) и более длинные (рис. 7, 7, 8, 1), подвески из перламутра, с отверстием посередине, различные бляхи и бляшки из серебра, меди и бронзы (рис. 3, 8, 10, 11, 12, 20, 22; рис. 8 (4, 12, 18). Обращают на себя внимание бляхи в виде «птицы» (рис. 7, 8, 13; рис. 8, 2).¹

Эти бляхи и бляшки, по нашему мнению, служили украшением мужского пояса.

В могилах найдены также орудия труда: конусовидное пряслице из серой, хорошо отмученной глины, разнообразные железные скребки (типа тесел), у некоторых сохранились остатки деревянной ручки. Возможно, что такими скребками пользовались при обработке дерева и кожи. В дардонских могилах встреча-

¹ Эти украшения находят себе аналогии среди инвентаря могильников Северного Кавказа, датирующихся концом IX—началом XII в. Так, дардонские бляшки (рис. 3, 11; рис. 8, 18) подобны бляшке, обнаруженной в могильнике X—XI вв. у п. Колосовка на р. Фарс (П. А. Дитлер. Могильники в районе п. Колосовка на р. Фарс. Труды Адыгейского НИИ, вып. II. Майкоп, 1961, табл. XXI, 1). Отметим, кстати, что дардонские сабли имеют сходство с колосовскими саблями (П. А. Дитлер. Могильники в районе п. Колосовка... табл. XIV).

Бляшка — «птица», сходная с дардонскими, найдена в Змейском катакомбном могильнике (В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, вып. 106, М., 1962, стр. 143, рис. 12, 5). Подвеска в виде «когтя» (рис. 7, 6) аналогична подвеске из Змейского могильника (В. А. Кузнецов. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г., МИА, вып. 114, М., 1963, табл. IV, 11, 15). Дардонские бубенчики-пугови (рис. 2, 4—6, 9—12) тождественны змейским (В. А. Кузнецов. Исследования Змейского катакомбного могильника... стр. 13, рис. 4).

Серьги с крестовидными подвесками (рис. 7, 7; рис. 8, 1), головной венчик (рис. 7, 8, 13), пугови-бубенчики (рис. 2, 4—12), пластинчатые перстни (рис. 3, 6; рис. 8, 15), зеркало (рис. 6, 3) и некоторые другие украшения, найденные в Дардонском могильнике, очень сходны с украшениями, обнаруженными в погребениях на городище Адюх (Т. М. Минаева. Городище Адюх в Черкесии. КСИИМК, вып. 60, М., 1955, стр. 114, рис. 49, 1—5, 9—13). Ср. также с вещами, найденными в могилах на Сентинской горе у а. Нижняя Теберда (Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960, таб. 13, 3, 5, 6; табл. 14, 2, 3).

Сходные с дардонскими предметы найдены и в Тебердинских могильниках. Так, дардонские сабли, наконечники пожен сабель, секиры, жернова (рис. 5, 2), каменная ступа (рис. 5, 1), тесло, стеклянные браслеты (рис. 6, 8), бронзовые серьги с крестовидной подвеской (рис. 7, 7; рис. 8, 1), бляшки — «птицы» (рис. 7, 8, 13; рис. 8, 2), шаровидная пуговка-бубенчик (рис. 2, 4), биконическая пуговка-бубенчик (рис. 2, 9, 11), пуговка с изображением цветка (рис. 2, 7), ложечки-цедилки (рис. 3, 1; рис. 7, 1), обычная ложечка (рис. 7, 3) аналогичны находкам из Тебердинских могильников. См. Т. М. Минаева. Могильник в устье р. Теберды. МИСК, вып. 7, Ставрополь, 1955, рис. 2, 4, 2; рис. 3, 1, 3, 6; рис. 4, 3, 4, 9; рис. 5, 1, 4, 6, 7; рис. 6, 10; рис. 7, 2, 5, 6. (ред.)

лись жернова. Они часто встречаются в могильниках Северного Кавказа.

Найдены кабаньи клыки для выглаживания узоров золототканной вышивки. Такой же клык, передававшийся из поколения в поколение, имелся у одной старой черкешенки из а. Хумара. Согласно рассказу этой черкешенки, такой клык был крайне необходим при шитье женских костюмов с золотым и серебряным шитьем.

В дардонских погребениях найдены куски кожи, окрашенные черной краской. На некоторых из них видны следы проколки — это фрагменты ноговиц и куски от пояса. Пояса сделаны из сыромятной кожи, густо украшены медными и серебряными бляшками.

В могильнике найдено 14 ножей разных размеров. Длина их от 0,08 м до 0,23 м. Ножи узкие, стержни для насадки рукоятки плоские, заостренные, ручки деревянные.

При женском костяке в погребении 18-м найден нож узкий с толстой спинкой и сильно заостренным концом, нож был в деревянных ножнах, обтянутых бронзовой пластинкой, нижняя часть ножен имеет форму шарика. Такого же типа и размера нож нами найден в устье р. Мары — притока Кубани. Возможно, что именно такого типа ножи носили женщины.

В погребении 15-м найден круглый в сечении оселок, длиной 8 см, один конец овальной формы, другой с отверстием для подвешивания. Такие оселки часто встречаются в средневековых могильниках Северного Кавказа. Подобными же оселками, как показывают исследования, карачаевцы пользовались вплоть до недавнего времени.

В погребении 5-м найден оселок плоский, длиной 7,5 см, шириной 1,5 см. Один конец острый, в виде трапеции, на нем имеется отверстие для подвешивания.

Глиняные сосуды Дардонского могильника — гончарные, сделаны из хорошо отмученной серой и желтой глины, с незначительной примесью песка. Формы их самые разнообразные. Сосуды частично орнаментированы. Поверхность некоторых из них лощеная. Обжиг неравномерный, что особенно заметно в изломе.

Сосуды делятся на семь типов:

1. Кувшинчики лощеные, черные, высотой 17 см. По плечикам — кайма из лощеных полосок в косую клетку. Ручки плоские (рис. 4, 1).

2. Кувшинчики лощеные, черные, высотой 14 см, с круглой

в сечении ручкой и такие же кувшинчики желтоватого цвета, с воронковидным горлом (рис. 4, 3).

3. Кувшинчик грушевидной формы из желтоватой глины, ручка круглая в сечении (рис. 4, 2).

4. Маленький кувшинчик с носиком, у края по корпусу имеет волнистый орнамент.

5. Серый лощеный сосудик с расширенным горлом, высотой 9 см, диаметр у горлышка 8 см. Ручка плоская, с двумя отверстиями. Около ручки на тулове вырезан знак в виде буквы Ш.

6. Горшочки большого объема, высотой 48 см, горлышко узкое, диаметр 18 см. Ручка плоская. По корпусу — волнистый орнамент.

7. Миски из красной глины (черепки).

Кувшины первого типа подобны тем, которые найдены в могильнике на р. Кривой в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесской автономной области.

Время могильника. По обряду и инвентарю погребения Дардонский могильник очень близок усть-тебердинским могильникам, Адюхскому могильнику, Каракентскому (в 10 км к северу от Карачаевска), могильнику у а. Жако (X в.), Сентинскому (у а. Нижняя Теберда), Амга-Антипскому, могильникам в верховьях Большого и Малого Зеленчуков.¹ Инвентарь дардонских погребений имеет сходство также с вещами, найденными в катакомбах Змейского могильника в Северной Осетии. Указанные памятники датируются в пределах от конца IX до начала XII вв. На основании этих аналогий мы считаем возможным отнести дардонские погребения к IX—XI вв.

К востоку от местности, где находится Дардонский могильник, между улицей Пушкинской и центром города Карачаевска, расположены более ранние могилы, IV—IX вв., раскопанные Т. М. Минаевой в 1939 г.²

Таким образом, в районе г. Карачаевска и, в частности, на юго-западной его окраине расположены многочисленные разновременные могильники. Часть захоронений совершена по языческому обряду. Так, в трех погребениях Дардонского могильника обнаружены кости животных — лошадей, коров и овец. Есть могилы, ориентированные с Ю на С.

Но на Дардонском могильнике есть и христианские захоронения. Преобладающая ориентировка дардонских могил — В—З.

¹ Об этих могильниках см. указ. выше работы Т. М. Минаевой, Е. П. Алексеевой и В. А. Кузнецова.

² См. указ. соч., Т. М. Минаевой в МИСК, вып. 7.

В ряде одиночных погребений руки захороненных были сложены на груди — по-христианскому обряду. В некоторых склепах (погребения 20-е и 22-е) имелись каменные плиты с высеченными на них крестами. Вспомним, что кресты были высечены на стенках катакомб в окрестностях Нальчика.¹

В дардонских погребениях найдены крестообразные предметы, надетые на петлю. В археологической литературе эти предметы обычно называют серьгами, поэтому и мы в настоящей статье придерживались этой терминологии. Но, как мы полагаем, эти предметы являются не серьгами, а крестами.² Обычно эти предметы находились у ног погребенных.

Таким образом, Дардонский могильник является еще одним источником для изучения проникновения христианства в средневековую Аланию.

Следует, однако же, отметить, что христианство было здесь поверхностным явлением, а языческие верования — очень живучими. Так, во многих погребениях Дардонского могильника, в том числе и христианских, найдены вещи, в частности — оружие, что христианскому обряду погребения не свойственно.

Инвентарь Дардонского могильника дает нам представление о некоторых сторонах социально-экономической жизни населения, оставившего этот могильник.

В погребениях найден жернов и кости домашних животных, что говорит о существовании земледелия и скотоводства. Найденные здесь вещи — орудия труда, предметы вооружения, конской упряжи и принадлежности одежды, керамика — свидетельствуют о высокой степени развития ремесла у населения этой местности.

Обращает на себя внимание тот факт, что раскрытые нами погребения сильно отличались друг от друга по количеству и ценности инвентаря. В одних могилах вещей было много, в других — мало. Есть могилы, в которых вообще ничего из вещей не обнаружено.

Это говорит о далеко зашедшей имущественной дифференциации, что может служить доказательством существования здесь классового, феодального общества.

Дардонский могильник является еще одним ярким свидетельством высокой культуры местного населения.

¹ ОАК за 1898 г., раскопки И. А. Владимирова.

² Выше мы отмечали, что мы не можем согласиться с мнением А. К. Кузьмина о том, что указанные серьги с крестообразными подвесками являются крестами (ред.).

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СКЛЕП ДАРДОНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Памятник, о котором пойдет речь ниже, находится на территории города Карачаевска, севернее улицы Пушкина, на расстоянии около километра от дороги, вверх по склону горы Дардон.¹ На этом месте, по направлению с СЗ на ЮВ, лежит каменный крест, длиной 2 м, толщиной 0,36 м, шириной в перекрестье 1,07 м.

В 12 м от креста, вверх по склону горы, находилась хорошо заметная впадина эллипсовидной формы, длиной 2,50 м, глубиной 0,80 м. На глубине 1,10 м мы обнаружили остатки костра, древесный уголь и золу. Слой золы шел до 1,75 м. На глубине 1,80 м от поверхности обнаружены каменные плиты, которые, как выяснилось дальше, были покровными плитами склепа.

Толщина плит — 8—10 см. Плиты поломались, в результате чего образовался провал. Склеп был полностью завален землей. Ориентирован склеп с ЮЮЗ на ССВ. Он состоял из двух смежных помещений — более узкого южного и более широкого северного (рис. 24, а, б, в).² В поперечной стенке, отделявшей южное помещение от северного, находилась плита с арочным отверстием. В верхней части плиты, на южной стороне, был изображен крест. На каждой из боковых сторон плиты — по три ступеньки (рис. 24, б, в). Поверхности плиты тщательно обработаны и покрыты полосками, расположенными в виде солнеч-

¹ См. в настоящем сб. ст. А. К. Кузьмина «Средневековый могильник на горе Дардон у Карачаевска», погребение 22.

² Чертежи и обмеры склепа сделаны научным сотрудником Института этнографии АН СССР Л. Г. Нечаевой.

ных лучей (табл. 3, рис. 21, рис. 9 в ст. А. К. Кузьмина, погр. 20).

Размеры. Длина южного помещения (с ЮЮЗ на ССВ) — 2,40 м; ширина — 0,65—0,70 м. Длина северного помещения — 2,10 м, ширина — 1,26—1,34 м. Высота южного помещения — 1—1,10 м, северного — 1,43 м. Размеры поперечной плиты с крестом: толщина 0,15 м, длина и ширина по 0,70 м. Ширина арочного отверстия — 0,45 м, высота — 0,40 м.

В первом (южном) помещении найдено только ребро крупного животного, лежащее на камне. Во втором (северном) помещении — многочисленные и интересные находки. Скелет, находившийся здесь, почти полностью обратился в труху. Судя по этим остаткам, умерший лежал на спине, в вытянутом положении, с Ю на С, головой на С. Череп сдвинут со своего первоначального места (очевидно, грызунами). Не потревоженной оказалась только нижняя челюсть, обращенная подбородком на восток.

При костяке найдены следующие предметы. В области черепа лежали металлические ажурные обломки от головного убора (табл. 3, рис. 18, 19). Верхняя часть убора представляла собой ажурную медную накладку в виде конуса (табл. 3, рис. 18). К основанию конуса прикреплялась налобная лента со спиралевидным орнаментом (табл. 3, рис. 19). При помощи заклепок эта металлическая часть убора скреплялась с основой из тонкой кожи. Судя по этим обломкам, головной убор имел вид конуса. Аналогий этому предмету привести не могу. Хочу лишь заметить, что техника изготовления и мотивы орнамента не иноземные, а местные.

У правого плеча — бляшка бронзовая в виде бабочки, с рельефными узорами (табл. 1, рис. 2).

Ниже, с левой стороны костяка, найдены обломки бронзовых ажурных накладок от колчана (табл. 2, рис. 16, 17). Размеры колчана — длина 0,43 м, ширина 0,27 м. Бронзовые накладки были позолочены. Эти накладки надевались на деревянную основу, обтянутую кожей. С правой стороны костяка — остатки еще одного колчана (табл. 2, рис. 16-а). От него, кроме ажурной накладки, сохранились обломки дерева, металлические части и бляшки с кольцами, на которых он был повешен (табл. 1, рис. 7). Колчаны, очевидно, подвешивались на ремнях, украшенных бляшками такого типа, как табл. 1, рис. 6 и 7.

У левого бока найдены железная секира (табл. 2, рис. 14) и железное тесло (табл. 2, рис. 15).

У правого бока — нож в ножнах (табл. 2, рис. 13). Нож железный, ножны деревянные. Справа, в тазовых костях — остатки железного кинжала с медными частями рукоятки и ножен. Кинжал носился спереди, у правого бока (табл. 3, рис. 22, 22-а, 22-б). Бронзовый наконечник ножен этого кинжала имел форму конуса, с шариком на конце (табл. 2, рис. 12). Ножны эти сходны с ножнами кинжалов, которые до недавнего времени имелись у карачаевцев, черкесов и осетин.

Несколько выше тазовых костей найдены остатки пояса (табл. 1, рис. 11, 11-а, 11-б). На кожаную основу пояса при помощи шпеньков прикреплялись бронзовые, позолоченные, богато украшенные рельефным узором бляшки. Большая часть бляшек была квадратной формы, в центре находится или выпуклый круг, окруженный «зернью», или выпуклый же ромб, по краям квадрата — рубчатый орнамент (табл. 1, рис. 11-б). Есть бляшки гладкие прямоугольные и продолговатые, орнаментированные. У этих последних один конец закруглен. Они располагались по поясу как горизонтально, так и вертикально, «свисали» (табл. 1, рис. 11). Части пояса скреплялись треугольными бляшками с тремя петлями (табл. 1, рис. 11-а, 11-б).

Справа от пояса найдена бронзовая пряжка с продолговатой, суженной посередине и закругленной на конце обоймицей — щитком (табл. 1, рис. 9, 9-а).

У костей рук обнаружены полые бронзовые пуговики, шаровидные со щелью в нижней части (табл. 1, рис. 3) и шаровидные же с круглым отверстием (табл. 1, рис. 4). У правой руки было два бубенчика, у левой — один. Шаровидные пуговики-бубенчики, а также пуговики грушевидной формы (табл. 1, рис. 5), расположены от груди до колен. На уровне колен найден поперечный ряд бубенчиков, типа изображенных на табл. 1, рис. 3.

Мы полагаем, что такими шаровидными бубенчиками были обшиты борта и полы какой-то верхней одежды, возможно, кожаной шубы. Грушевидные же бубенчики типа изображенных на табл. 1, рис. 5, служили пуговицами. У черкесов, карачаевцев и осетин очень долгое время бытовали подобные же пуговицы грушевидной формы, но не металлические, а сплетенные из ниток.

У костей ног лежало по паре бронзовых бус (шаровидные и биконические, орнаментированные, табл. 1, рис. 1) и остатки кожаных ноговиц. Ноговицы (без подошв) у колена завязывались кожаным шнуром. Этот шнур был сплошь покрыт бронзовыми позолоченными бляшечками. К тыльной стороне бляшек

прикреплены колечки, через которые и пропущался шнур (табл. 1, рис. 10, 10-а). Здесь же были найдены бубенчики двух типов — шаровидные и грушевидные.

Бронзовые полые позолоченные пуговицы-бубенчики, шаровидные и грушевидные, найдены в других местах склепа. Из других находок, обнаруженных в земле также при расчистке склепа, следует отметить такие: круглые бронзовые позолоченные бляшки с изображением креста, нашитые на обрывки толстой кожи, всего 59 экз. (табл. 1, рис. 6); лоскутки тонкой шерстяной материи, обрывки одежды из узорной парчи (табл. 3, рис. 23); два бронзовых кольца (табл. 1, рис. 8). Золотая круглая бляшка, размером с копеечную монету. На обеих сторонах бляшки изображен крест. На одной стороне крест составлен из двух сплошных пересекающихся линий, на другой — из двух пересекающихся линий, составленных из точек.

Как датируются найденные предметы?

Большая часть обнаруженных в этом склепе вещей подобна предметам, происходящим из других погребений Дардонского могильника. Аналогичны бляшки, пряжки, пуговицы-бубенчики, железная секира, тесло и другие вещи. Каменная плита с крестом (табл. 3, рис. 21) подобна плите из склепа № 20. Дардонские погребения датируются концом IX — началом XII в. (см. ст. А. К. Кузьминова).

Не имеют аналогий в других захоронениях Дардонского могильника колчаны с бронзовыми позолоченными ажурными накладками (табл. 2, рис. 16, 16-а, 17) и остатки головного убора, также с ажурными накладками (табл. 3, рис. 18, 19).

П. С. Уварова публикует изображения остатков деревянного колчана с накладкой из тонкого ажурного бронзового листа.¹ Орнамент — треугольники, кружки и пр. Этот колчан происходит из могильника у Змейской в Северной Осетии. Накладка этого колчана является, хотя и не точной, но довольно близкой аналогией накладкам от колчана и головного убора из описываемого нами Дардонского склепа.

В Змейских катакомбах, раскопанных В. А. Кузнецовым, найдены деревянные колчаны.² Но эти украшения иного рода, чем наши накладки. Однако здесь, в Змейском могильнике, обнаружены остатки тканей и кожаной попоны, на которых имеют-

¹ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, М., 1900, стр. 347, табл. СXXX, 6.

² В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. «Советская археология», 1959, № 2, стр. 104, рис. 7.

ся узоры, очень сходные с узорами дардонских накладок. Особенно близок узор на кожаной попоне из пересекающихся угловатых и спиральных линий¹ (почти такой же, как на нашей накладке от колчана, табл. 2, рис. 16).

Можно привести и другие аналогии вещам из Дардонского склепа среди предметов, происходящих из Змейских катакомб.² Змейский катакомбный могильник датируется X—XII вв.³

В этих же пределах, или несколько ранее (с IX в.), можно датировать и инвентарь открытого нами склепа Дардонского могильника.⁴

Что касается устройства самого склепа, то сходные склепы обнаружены и в других местах Карачаево-Черкесии, а также за ее пределами: в могильнике у сел. Каракент, у сел. Коста Хетагурова, у городища Адиюх, у сел. Гижгид (КБ АССР), у сел. Галиат (СО АССР) и в других районах Северного Кавказа.

Дардонский склеп имеет отличительные особенности. Он разделен на две части, причем в поперечной стенке имеется ступенчатая плита с изображением. Находка плиты с изображением креста в склепе, а также каменный крест над склепом (если этот крест, действительно, принадлежал данному погребению) свидетельствуют о том, что этот склеп предназначался для погребения по христианскому обряду. Однако отмеченный здесь обряд захоронения нельзя назвать полностью христианским.

Покойник лежал головой на север, а не на запад, как требует христианский обряд. При погребении найдено много вещей, в том числе предметов вооружения, что христианским погребальным обрядом не допускается.

¹ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. «Советская археология», 1959, № 2, стр. 106, рис. 9. Ср. у нас табл. 2, рис. 16.

² Навершие рукоятки сабли — там же, стр. 102, рис. 5, 2. Ср. у нас табл. 3, рис. 22-а. См. также: В. А. Кузнецов. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. МИА, вып. 114, М., 1963. Пугови-бубенчики — стр. 12, рис. 4. Ср. у нас табл. 1, рис. 3—5; пряжки — там же, стр. 31, рис. 14, 1, 2. Ср. у нас табл. 1, рис. 9, 9-а.

³ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре, стр. 117.

⁴ Выдвигая дату IX в., автор основывается на том, что процесс христианизации должен был занять определенный период времени, который предшествовал бы изгнанию христианских священников в X в. (932 г.). Аналогий же найденным вещам в комплексах IX в. автор не приводит.

Все приведенные аналогии ведут к X—XI и даже к началу XII века, поэтому дату X—начало XII в. для комплекса этого склепа следует считать более правильной. (ред.).

Чем же объяснить такое сочетание христианских и языческих черт в погребальном обряде, который представлен в открытом нами Дардонском склепе?

Судя по византийским источникам, христианство стало насаждаться в Алании с VI—VII вв. Однако широкое распространение христианской религии в Алании началось только с X в.¹ Центр Аланской епархии, позднее преобразованный в митрополию, находился в верховьях Кубани и Зеленчуков. Здесь был выстроен кафедральный собор — Зеленчукский Северный храм у сел. Нижний Архыз.² Этот храм датируется X в. В это же время или несколько позднее построены и другие христианские храмы, известные в этих местах: Зеленчукские (у сс. Нижний Архыз — Южный и Средний), Сентинский (у а. Нижняя Теберда) и Шоанинский (у с. Коста Хетагурова).

Дардонский могильник конца IX — начала XII в. находится между Сентинским и Шоанинским храмами, то есть в «эпицентре» распространения христианства, и наличие в его обряде христианских элементов не должно вызывать удивления. Но почему же в обряде столь сильны черты язычества?

Характерной особенностью христианства, насаждаемого в Алании, было то, что оно принималось далеко не всеми слоями населения одинаково охотно. В первую очередь его принимала знать. Простые же люди упорно не хотели расставаться со своими древними языческими верованиями.

Инициатор крещения алан константинопольский патриарх Николай Мистик (901—925 гг.) в письме к аланскому епископу Петру рекомендовал ему по отношению к «знатым» и «властным» аланам соблюдать крайнюю осторожность, «чтобы не отратить от христианства весь новообращенный для церкви народ». «Ты сам понимаешь, — писал Николай Петру, — что не легко дается переход от языческой жизни к строгости евангелия».³ При обращении в христианство «простых» алан, очевидно, такой деликатности не требовалось.

О том, что христианство принималось в первую очередь «знатыми» и «властными» людьми, царями и князьями, свиде-

¹ Ю. Л. Кулаковский. Христианство у алан. Византийский Временник, т. V, вып. 1—2, СПб., 1898, стр. 1—18.

² В. А. Кузнецов. Северный Зеленчукский храм X в. «Советская археология», 1964, № 4, стр. 136—150.

³ Ю. А. Кулаковский. Христианство у алан, стр. 4—5.

тельствуют данные арабского автора X в. ибн-Руста и неизвестного персидского автора X века («Книга границ мира»).

Ибн-Руст писал, что сам царь алан христианин, а часть его подданных — язычники, поклоняющиеся идолам. В «Книге границ мира» сообщается, что часть алан — язычники, часть — христиане. Царь аланский — христианин.

Таким образом, если в бедных захоронениях Дардонского и подобных ему могильников христианский обряд погребения не всегда соблюдался достаточно строго, это не должно нас удивлять.

Но ведь открытый нами Дардонский склеп представляет собой очень богатое погребение. Почему же здесь мы не видим последовательности в христианском обряде? Ответ на этот вопрос может быть только один — среди знати христианизация была весьма поверхностной, и пережитки язычества в религиозных представлениях были очень живучи, что и сказывалось в погребальном обряде.

Доказательством недостаточно глубокого проникновения христианского вероучения в сознание людей, в том числе и представителей правящей верхушки, является то, что из-за каких-либо соображений, например, соображений политического порядка, знать иногда отказывалась от христианства.

Так, например, арабский автор X в. Масуди сообщает, что в 932 г. аланские князья, бывшие до этого христианами, отреклись от этой веры и изгнали из Алании христианских священников.² М. И. Артамонов объясняет это военной и дипломатической победой хазарского кагана Аарона, который сумел сделать алан из своих врагов союзниками и временно разорвать их союз с Византией, а следовательно, и отказаться от христианства, распространяемого Византией.³

Таким образом, Дардонский склеп и вообще Дардонский могильник является красноречивым свидетельством большой сложности и противоречивости процесса христианизации населения Алании.

¹ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 363; Е. П. Алексеева. Зарождение и развитие феодальных отношений у закубанских адыгов на территории Карачаево-Черкесии. «Очерк истории Карачаево-Черкесии», т. I, гл. II, Черкесск, 1965. Макет, т. I, ч. I, стр. 142—145.

² М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 364; Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 145; Масуди. Россыпи злота. В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963, стр. 204.

³ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 364, 373; Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 145.

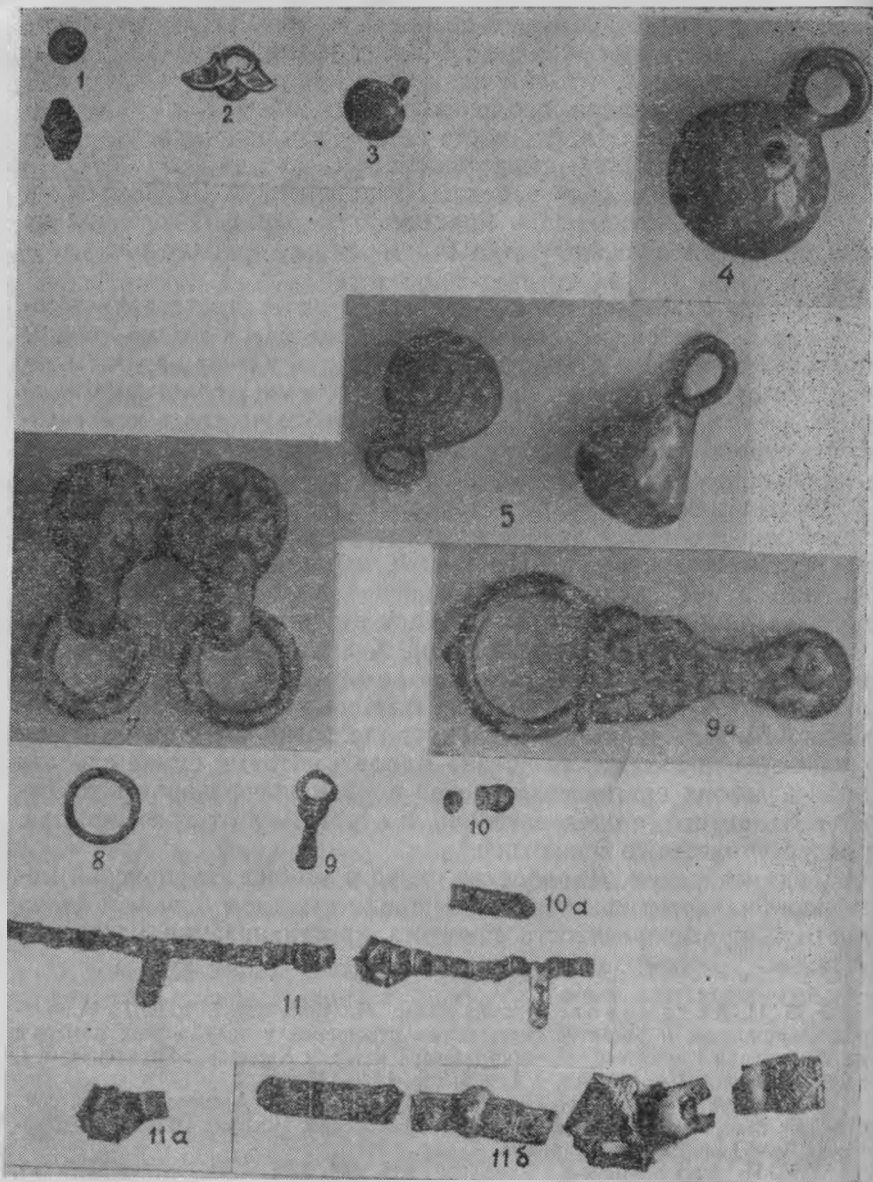

Табл. 1.

Табл. 2.

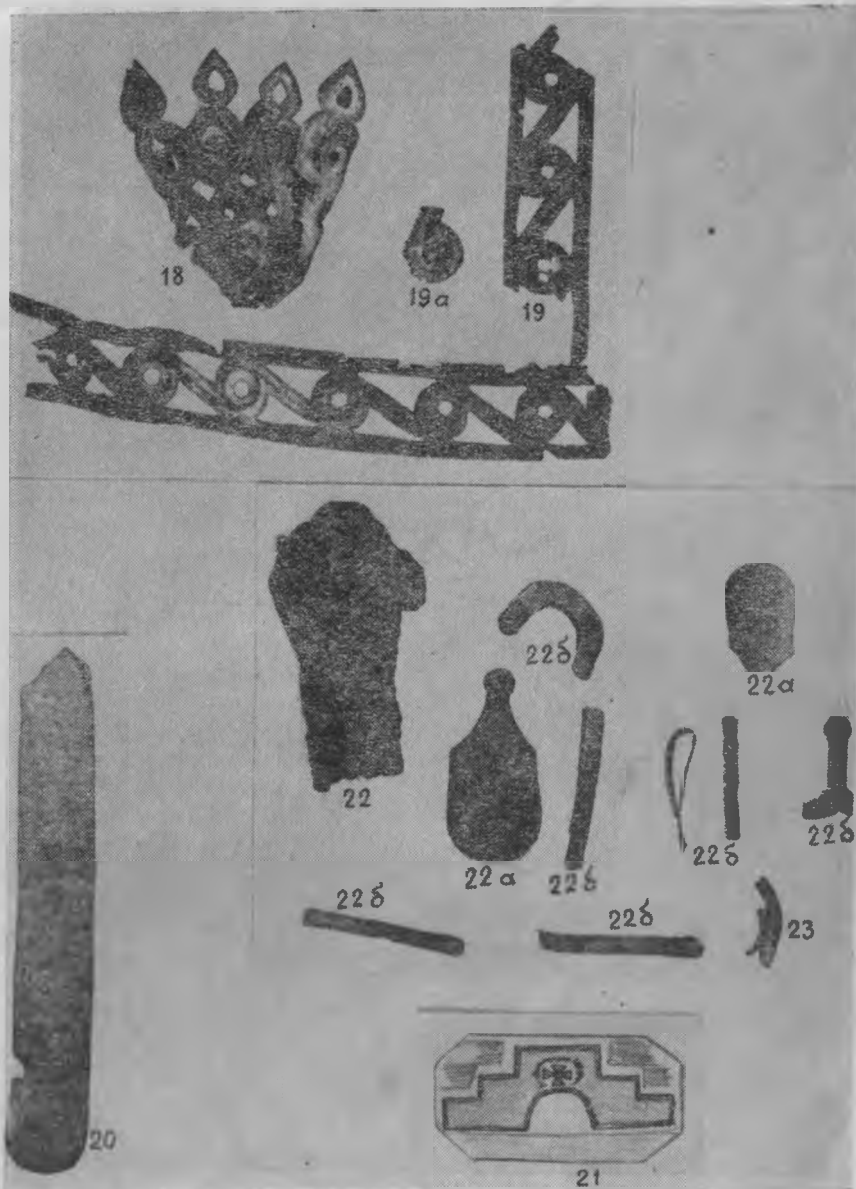

Табл. 3.

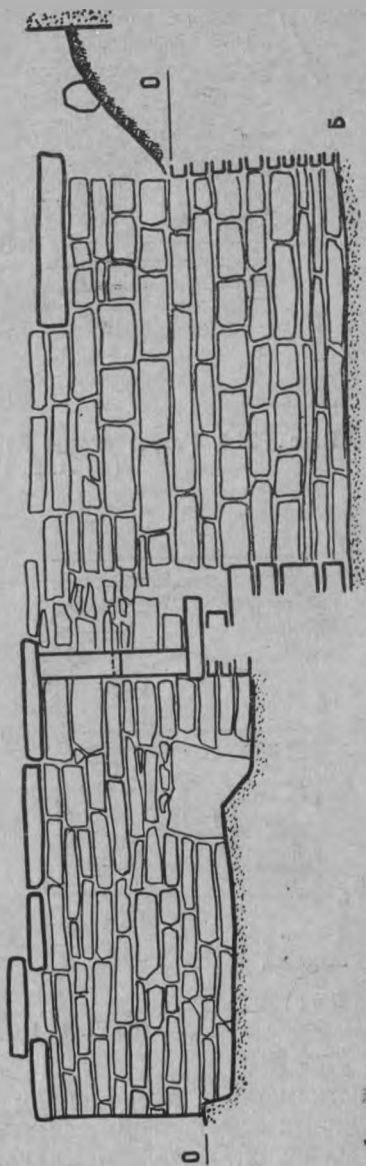
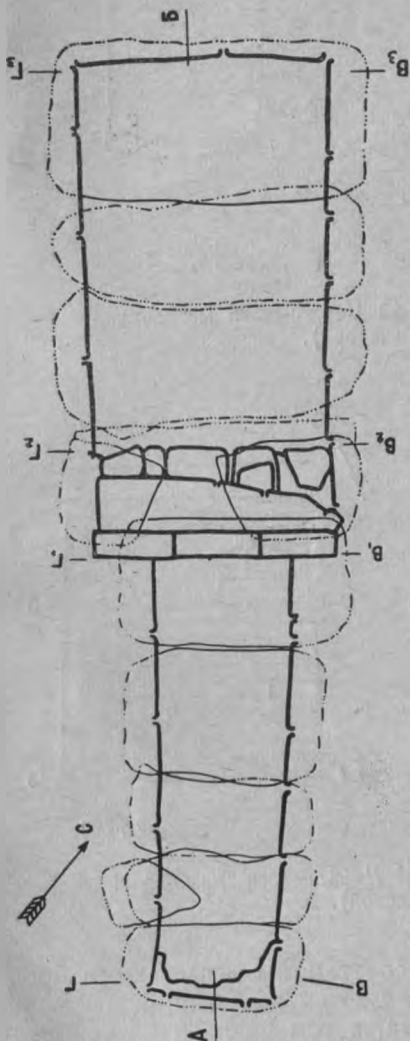

Рис. 24 а. План sklepa № 22 Дардонского могильника.

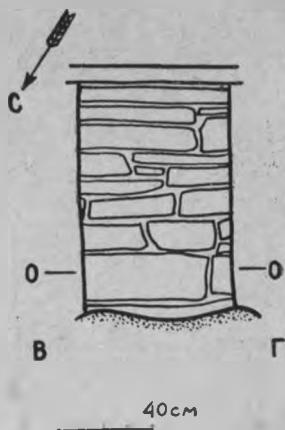
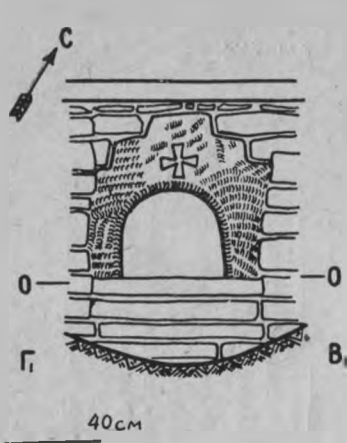

Рис. 24 б. Разрез склепа № 22 Дардонского могильника
(по Л. Г. Нечаевой).

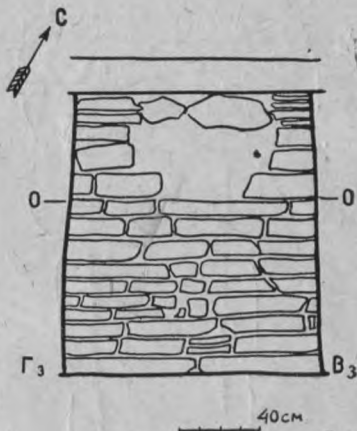
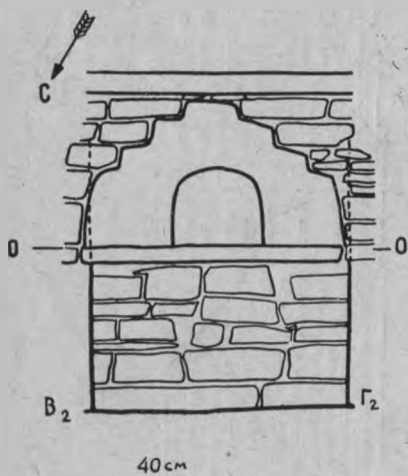

Рис. 24 в. Разрез склепа № 22 Дардонского могильника
(по Л. Г. Нечаевой).

Христианство в неперменном сочетании с языческими представлениями еще долго, в течение многих столетий, существовало у населения Северного Кавказа, в том числе и на территории Карачаево-Черкесии.

Табл. 1. Инвентарь Дардонского склепа № 22.

1. Две медные бусины. Высота 4,4 см, наибольшая ширина 1,8 см; 2. Бронзовые бляшки. Длина 4,8 см, ширина 2,7 см; 3. Медная пуговка-бубенчик. Высота 1,5 см, наибольшая ширина 1 см; 4. Медная пуговка-бубенчик. Высота 1,6 см, наибольшая ширина 1,1 см; 5. Две медные пуговки-бубенчика. Высота 1,2 см, наибольшая ширина 0,7 см; 6. Бронзовые бляшки на ремне. Размеры каждой бляшки: длина 1 см, ширина 1 см; 7. Бронзовые бляшки с кольцами. Размеры бляшек: длина 2,1 см, ширина 0,8 см и длина 3,3 см, ширина 0,9 см; 8. Бронзовое кольцо. Диаметр 1,1 см; 9. Бронзовая поясная пряжка. Длина 4,6 см, наибольшая ширина 1,5 см; 9а. Бронзовая поясная пряжка. Длина 4,6 см, наибольшая ширина 1,5 см; 10. Петельки с бронзовыми бляшками от шнура. Длина 1,4 см, ширина 1,1 см; 10а. Бляшки от шнура; 11. Наборный пояс с бронзовыми бляшками. Размеры каждой бляшки: длина 4,1 см, ширина 1,1 см; 11а. Детали пояса № 11: бронзовые бляшки, треугольная и квадратная; 11б. Детали пояса № 11.

Табл. 2. Инвентарь Дардонского склепа № 22.

12. Бронзовый наконечник ножен кинжала. Длина 4,5 см, ширина 1,5 см; 13. Железный кинжал в деревянных ножнах. Длина 16,5 см, ширина 1,3 см; 14. Железная секира. Длина 14,4 см, наибольшая ширина 3,2 см; 15. Железное тесло. Длина 10,6 см, ширина 2,4 см; 16. Металлическая накладка от колчана. Высота 32,5 см, наибольшая ширина 28,6 см; 16а. Металлическая накладка от другого колчана. Высота 21 см, наибольшая ширина 17,5 см; 17. Часть металлической накладки от колчана № 16. Высота 15,6 см, наибольшая ширина 10,9 см.

Табл. 3. Инвентарь Дардонского склепа № 22.

18. Металлическая накладка от головного убора. Высота 17,9 см, наибольшая ширина 10,9 см; 19. Обломки накладки от головного убора № 18. Общая длина 24 см, ширина 3,2 см; 19а. Деталь накладки головного убора № 18; 20. Костяная накладка на рукоять кинжала № 13; 21. Каменная плита из склепа № 22; 22. Обломок железного кинжала; 22а, 22б. Обломки рукояти кинжала и фрагменты оков его ножен; 23. Обрывок парчевой ткани. Длина 7,5 см, ширина 4,3 см.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ВЕРХОВЬЯХ Р. ИНДЫШ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1966 г.

Археологические работы в горной зоне Карачаево-Черкесской автономной области в 1966 г. были организованы с целью доисследования некоторых уже известных в литературе памятников и поисков новых археологических объектов, тщательное изучение которых может помочь освещению исторического прошлого карачаевского народа.

В археологическом изучении Карачаево-Черкесии уже сделано немало В. М. Сысоевым, Т. М. Минаевой, Е. П. Алексеевой, В. А. Кузнецовым и др. Но до сих пор средневековая история края изучена недостаточно.

Кроме того, отдельные районы Карачая до сих пор оставались неисследованными, несмотря на неоднократное упоминание в дореволюционной литературе об интересных в археологическом отношении районах, например, в верховьях р. Индыш.

Изучению именно этих памятников и была посвящена экспедиция 1966 г. Надо отметить, что верховья рр. Кубани, Зеленчука и Теберды издавна привлекали внимание путешественников и исследователей. Начиная со второй половины XVIII в. этот район явился одним из основных объектов, привлечших внимание ученых, потому что именно здесь мы находим основное сосредоточение древних христианских храмов XI—XII вв. Во

время путешествий к этим храмам многие исследователи обращали внимание и на другие виды памятников. Порой давали их короткое описание. Интересующихся историей верховья Кубани мы отсылаем к историографической работе Т. М. Минаевой.¹

Нашей экспедицией был выбран маршрут по наименее изученным районам Карачая. К одному из таких районов относится верховье р. Индыш (пятый правый приток Кубани). Район этот — одно из самых высокогорных урочищ Карачая. Он расположен в отрогах Эльбруса на высоте более 2000 м над уровнем моря, и местные жители называют это урочище Индыш-Баши и Сышла («надгробия»).

Первые сведения о памятниках на р. Индыш оставил в 1892 г. учитель аульного училища И. Хурумов.² Затем в своем обобщающем труде о Карачае В. М. Сысоев³ тоже говорит о памятниках на Индыш-Баши. Причем только В. М. Сысоев опубликовал несколько предметов,⁴ которых явно недостаточно для датировки, а тем более для общего представления о памятниках. Памятники эти до сих пор не получили освещения и не исследованы,⁵ хотя поездки туда дважды совершались в наше время.

Самое высокогорное урочище верховьев Индыша — местность Сышла — надгробия. Интересно, что этот высокогорный район очень богат различными археологическими памятниками. Особо надо отметить наличие здесь раннесредневекового поселения, пожалуй, самого высокогорного в Карачае. Расположено оно по южному склону крутого плато, двумя террасами спускающегося к речке Индыш справа.

На поселении, к сожалению, не производились большие раскопки. Мы ограничились зачистками в нескольких местах срезов с культурным пластом и сбором подъемного материала. Культурный слой поселения достигает 1,2 м. Добытая нами керамика сплошь серая, часть — из грубого теста с примесью песка,

¹ Т. М. Минаева. Из истории археологического обследования верховьев р. Кубани. УЗ СГПИ, т. VII, 1951, стр. 211—236.

² И. Хурумов. Древние гробницы на р. Индыш. СМОМПК, вып. XIII, 1892, отд. 1, стр. 20.

³ В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении, СМОМПК, вып. 43, 1913, стр. 107.

⁴ В. М. Сысоев. МАК, вып. IX, 1904, стр. 165, рис. 71—72.

⁵ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, вып. 106. М., 1962, стр. 44.

другая — из хорошо отмученного теста без всякой примеси. Эта часть всегда с лощеной поверхностью, серой или черной.

Черепки первого типа покрыты сплошными резными линиями по всему тулову сосудов. Иногда подобные линии образуют на поверхности черепков сплошную сетку или же сочетаются с волнистыми линиями. Очень часто встречаются сероглиняные черепки, покрытые сажей, и вследствие этого черного цвета, с подобными же резными прямыми и волнистыми линиями. Порой поверхность их покрыта сплошными пересекающимися линиями, нанесенными, видимо, пучком травы.

Все эти черепки являются фрагментами горшкообразных невысоких сосудов со слабоотогнутыми или прямыми венчиками, на которых имеются иногда вдавленные насечки, придающие волнообразность самой линии венчика.

Вторая часть сероглиняной керамики состоит из черепков серого и черного лощения. По лощеной поверхности часто идут вдавленные блестящие полосы, порой в виде редких широких полос, порой частыми узкими линиями. Иногда лощеные линии образуют сетку по тулову сосудов. К этой же керамике относятся фрагменты лощеных сосудов с едва загнутым венчиком, от которого непосредственно отходит небольшая овальная в сечении ручка. Эти сосуды, видимо, представляли небольшие кувшинчики с шаровидным туловом, порой с резко выраженным плечиком. Иногда же встречаются эти сосуды с ручкой на тулове. Эта керамика находит много аналогий среди средневековых поселений бассейна Кубани, всего Северного Кавказа и за его пределами.

К числу наиболее хорошо представленных сосудов относятся лощеные, чаще всего встречающиеся в могильниках Северного Кавказа. Что же касается кухонной, бытовой керамики из поселений, то нужно признать, что мы до сих пор не имеем четкого хронологического разделения ее для Северного Кавказа. И этот пробел признают многие археологи.

Ближние аналогии нашей керамике мы находим из раскопок поселения Кызыл-Кала, Клин-Яр, в нижних слоях Рим-горы (VIII в.).¹ Из поселения Рим-горы мы относим сюда только серую керамику, исключая поздние сосуды из верхних слоев. Эта же керамика хорошо представлена в городище Гиляч (вер-

¹ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 22—26.

ховья Кубани, ранний слой которого датируется IV—V вв.,¹ поздний слой — IX—XI вв.²

Лощеная керамика из Индышского поселения находит прямые аналогии почти на всех раннесредневековых памятниках верховьев Кубани и восточных соседних районов Северного Кавказа — на могильнике Гилячского городища, на Байтал-Чапхане и др.,³ на могильниках Балкарии V—VIII вв. — Гижгид, Быллым, Тырны-Ауз, Нижний Чегем и др.

Приведенные здесь аналогии безусловно не могут служить эталоном для датирования интересующего нас поселения, потому что здесь представлены черепки широкого диапазона времени. Возможно датировать это поселение VII—IX вв. Эту дату подкрепляет и обнаруженный на поселении фрагмент сероглиняного коричневатого цвета котла с внутренним ушком. Ушко представляет собою плоский выступ от венчика во внутрь сосуда, в выступе просверлены два отверстия (видимо, для подвешивания сосуда над огнем). Эти ушки на Северном Кавказе локализуются в районе Кисловодска, Джегуты-Джеганаса и по правому берегу Кубани до г. Карачаевска.⁴ Находятся они во многих поселениях и появляются на территории Карачаево-Черкесии с конца VII в. (на рубеже VIII в.)⁵ на поселении Узун-Кол, Кызыл-Кала, Рим-гора, Гиляч. Внутренние ушки генетически связываются с болгарскими племенами, часть которых после смерти Кубрата (предводителя) отодвинулась к горам Северного Кавказа (в конце VII в.). Находка внутреннего ушка на Индыше заставляет немного расширить район их распространения, доведя его до верховьев р. Индыш. Одно внутреннее ушко, но несколько иного типа, было найдено нами в 1960 г. на Нижне-Чегемском поселении в Балкарии, где также прослеживается керамика VIII—IX вв., очень близкая поселению на Индыше.

Наличие в районе Кисловодска этих внутренних ушек VIII—IX вв. и очень слабая изученность керамики именно этого периода не раз заставляли обращаться исследователей к хорошо датированным культурам VIII—IX вв.: Салтово-Маяцкой на Дону и Абоба-Плнски в Болгарии. В настоящее время вряд ли кто

¹ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, вып. 23. М.—Л., 1951, стр. 296.

² Там же, стр. 300.

³ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, вып. 106, стр. 60.

⁴ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 23.

⁵ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 22.

будет оспаривать сходство и даже родство Аланской культуры Северного Кавказа и Салтово-Маяцкой культуры, хотя эта близость устанавливалась прежде всего на катакомбных могильниках этих областей. В последнее время сходство это наблюдается именно по этим внутренним ушкам, находимым в салтово-маяцких памятниках.¹

Действительно эти котлы с внутренними ушками свойственны раннеболгарским памятникам на Дунае (VIII—IX вв.).² В Салтово-Маяцкой культуре того же времени, и в салтовомаяцком слое Саркела³ и во всех этих районах они связаны с болгарами. Однако сходство этих культур можно проследить не только по ушкам, но и по другим признакам керамики. Так, горшкообразные сосуды из грубого теста с примесью песка со слабоотогнутыми венчиками, с насечками, покрытые почти целиком по тулову резными прямыми и волнистыми линиями составляют основную черту проболгарской керамики Абоба-Плиски,⁴ Саркела⁵ и болгарских памятников Поволжья.⁶ К этому же относится общность лощеных сосудов с вдавленными блестящими полосками по тулову, особенно серолощенной керамики,⁷ которая так часто встречается на поселении Индыша.

Таким образом, в верховьях р. Индыша в местности Сышла мы имеем поселение с хорошо датированной VIII—IX вв. керамикой, которая находит много общего с поселениями верховьев Кубани и других районов Северного Кавказа того же времени, и по ряду признаков связывается с кругом поселений и других памятников Карачаево-Черкесии, связанных с болгарскими племенами VII—VIII вв. Эта связь становится вполне реальной, если учесть, что с конца VII в. часть приазовских болгар была

¹ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 19; В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и районе Кисловодска в 1959 г. Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. IX. Нальчик, 1961, стр. 213—214.

² Известия русского археологического института в Константинополе, т. X, альбом Абоба-Плиски.

³ С. А. Плетнева. Керамика Саркела—Белой Вежи. МИА, вып. 75, стр. 222 и прим. 19; И. И. Ляпушкин. Памятники Салтово-Маяцкой культуры. МИА, вып. 62, стр. 108—110.

⁴ С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. «Советская археология», т. XXVII, 1957, стр. 117.

⁵ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 220—222; И. И. Ляпушкин. Указ. соч., рис. на стр. 108, 109.

⁶ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, табл. VII.

⁷ С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. «Советская археология», т. XXVII, стр. 118, рис. 8—9.

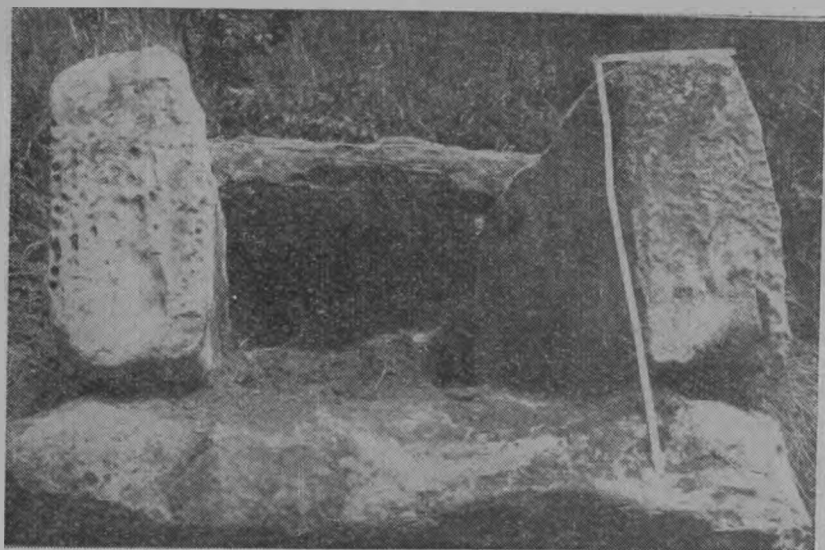

Рис. 1. Склеп на склоне горы, спускающейся к Индышу.

оттеснена к горам Северного Кавказа и что археологический материал столицы древних болгар на Дунае привел болгарских археологов к выводу, что родиной проболгар являются северокавказские степи.¹

Касаясь вопроса происхождения Салтово-Маяцкой культуры, И. И. Ляпушкин говорит, что непрерывное развитие культуры типа Салтово-Маяцкой можно проследить на памятниках центральной части Северного Кавказа и что появление в VIII в. Салтово-Маяцкой культуры можно объяснить расселением племен этой культуры из Центрального Кавказа.²

Связь некоторых памятников Карачаево-Черкесии с болгарскими признают Е. П. Алексеева, много сделавшая для изучения археологии области, и В. А. Кузнецов, исследовавший ряд поселений в районе г. Кисловодска. Сейчас же подробно останавливаться на этих связях, наблюдающихся и по ряду других памятников, мы не будем.

¹ С. Р. Станчев. Указ. соч., стр. 130.

² И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 145.

Рис. 2а. Погребение в Индышском склепе.

Рис. 26. Инвентарь Индышского склепа.

1. Чернолощеный кувшинчик; 2. Железный нож; 3. Сердоликовая бусина.

Как уже отмечалось, в урочище Сылла представлены и некоторые другие памятники — гробницы и склепы.

Склепы расположены по крутому склону горы, спускающейся к Индышу. Сооружены они в срезе склона так, что входы их открыты и представляют полуподземные склепы. Склепы состоят из громадных плит, поставленных на ребро, дно представляет также плиту, перекрыты они такими же плитами (двумя или тремя, рис. 1). Большинство склепов ограблены и разрушены, т. к. издавна плиты из этих склепов выбирались населением для хозяйственных нужд. Вследствие того, что они располагаются по склону и приспособлены к условиям рельефа, ориентировка склепов различна. Все склепы сооружены для индивидуальных захоронений. Иногда боковые стенки склепов искусственно подняты плитами над склонами, чтобы придать большую глубину. Размеры их различны: длина доходит до 2,30 м, шири-

на от — 0,50 до 0,70 м, высота погребальных камер — от 0,35 м до 0,6 м.

Нам удалось раскопать один склеп, в котором сохранился скелет. Костяк лежал головой на восток, ногами к выходу, на спине, в вытянутом положении, руки опущены вдоль туловища (рис. 2-а). Справа у кисти рук находился черно-лощенный сосуд с шаровидным туловом и ручкой-петлей на тулове. Поверх лощеной поверхности идут вдавленные блестящие линии. Рядом с кувшинчиком находился железный черешковый однолезвийный нож (рис. 2-б) и 14-гранная бусина из желтоватой стекловидной массы.

Склеп длиной (внутри) 2,80 м, шириной 0,60, высотой 0,35 м. Дно его представляет плоскую плиту. Перекрыт он тремя большими плитами, стенки сооружены также из плит. Найденный в склепе кувшинчик очень близок подобным сосудам IV—VI вв.,

Рис. 3. Гробницы, высеченные в скалах (скальные катакомбы). Юго-восточная окраина средневекового поселения, на отвесных скалах, над спуском к реке Индыш.

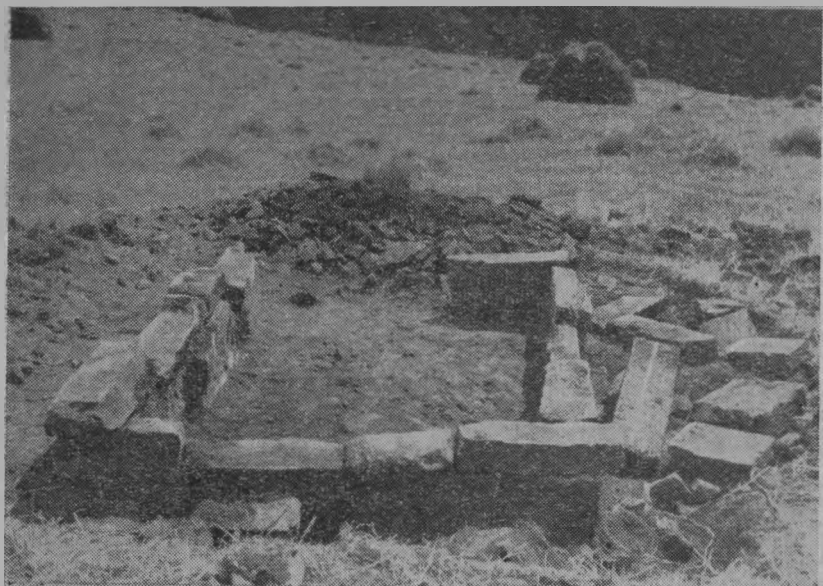

Рис. 4. Наземная гробница на Индыше.

обнаруженным в верховьях Кубани и в Балкарии.¹ Прямые аналогии ему находятся в склепах Балкарии (VII—IX вв.), в Гижигте, Тырнаузе, Быллыме и др. Четырнадцатигранные бусы распространены на Северном Кавказе (VII—IX вв.).² Таким образом, нам кажется возможным датировать полуподземные склепы описанного типа VI—IX вв.

Необходимо отметить, что среди керамики на поселении найдены черепки однотипные по фактуре и внешнему виду с кувшинчиком в склепе.

Следующая группа памятников этой же территории состоит из вырубленных в отвесных скалах гробниц. На юго-восточной окраине поселения имеются отвесные скалы над спуском к р. Индыш. В этих скалах высечены овальные погребальные камеры с полукруглыми входами-отверстиями (рис. 3). Иногда вокруг входного отверстия высечена неглубокая канавка, в которую вгоняли плиты, закрывающие вход. Камеры напоминают

¹ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 60—83.

² В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв., МИА, вып. 114, стр. 137, табл. 32, стр. 144.

собой небольшие катакомбы. Длина камер — от 125 до 197 см, высота — от 50 до 90 см, ширина — от 70 до 105 см. Всего в этом районе насчитано 19 камер, причем 18 из них находятся на одной скальной группе и одна — на отдельно стоящей скальной глыбе.

Связанный с этими гробницами погребальный обряд сейчас уже трудно установить, т. к. все они пусты. Можно только предполагать, что они могут относиться к IX—X вв. Подобные на- скальные камеры нам известны и в других районах верховьев р. Кубани, в Малокарачаевском районе и по р. Гундулен в Балкарии.

К последнему типу археологических памятников этого района относятся остатки наземных гробниц, сооруженных из хорошо отесанных каменных блоков. До нас дошли лишь нижние ряды кладки прямоугольных сооружений (рис. 4). Видимо, это остатки тех наземных гробниц, о которых говорил И. Хурумов (опубликовал рисунок одной из таких гробниц). О подобных гробницах с входами в передней стене и двухскатными крышами в урочище Марджа в верховьях р. Индыш говорил Т. Фиркович в отчете¹ о своей поездке по Кубани в 1849 году.

Эти гробницы имеют прямоугольную (в плане) форму, сооружены из добротных каменных брусьев, достигающих в длину порой более 1 м. Кладка совершена с большим умением, углы сооружения плотно увязывались перекрестной кладкой. Иногда угловые камни специально вырезывали для лучшей увязки стен. Интересно отметить, что при раскопках этих гробниц (раскопано две) не встречено ни единой кости человека. Видимо, разрушая стены с целью вывоза этих хорошо обработанных плит и снятия перекрытия, кости погребенных перезахоронили или же они истлели после разрушения гробниц.

Гробницы находятся в непосредственной близости с описанным поселением, и границы их смыкаются. Одна гробница квадратная со сторонами 2,9 м, другая — 2,5×2,8 м (длинные стороны) и 2,1×2 м (короткие стороны).

При раскопках гробниц был добыт сравнительно богатый материал. Прежде всего — железные черешковые трехгранные наконечники стрел (рис. 5). Черешок и лезвие стрел отделяются небольшим бортиком. У основания лезвий почти всех стрел

¹ А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. Записки Русского археологического общества, т. IX, вып. 2, СПб, 1857, стр. 389.

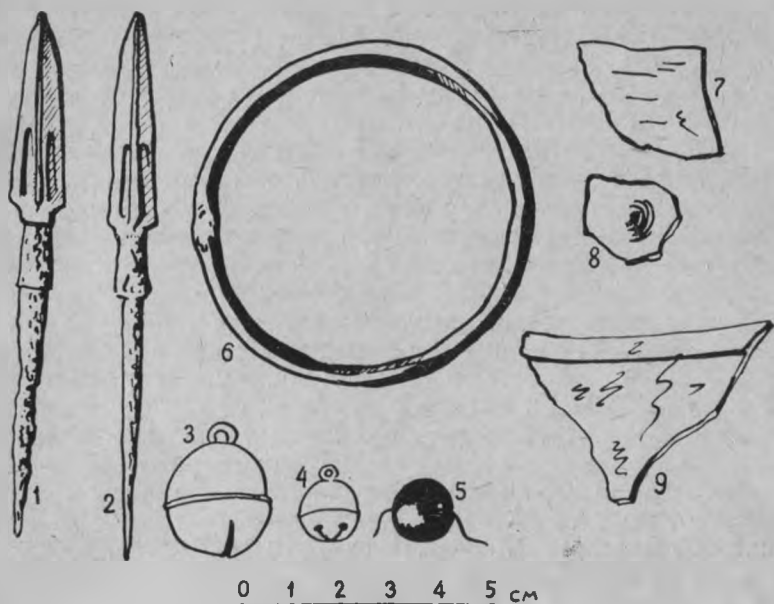

Рис. 5. Вещи из Индышских наземных гробниц.

1, 2. Железные наконечники стрел; 3, 4. Бронзовые бубенцы; 5. Гагатова бусина; 6. Стекланный браслет; 7—9. Фрагменты стекланных кубков.

(17 экз.) имеются углубления — бороздки, две стрелы — плоские, ромбовидные. Эти стрелы очень часто находятся на городище Гиляч IX—XI вв.,¹ которое является самым близким памятником к верхнеиндышскому комплексу.

В этих гробницах найдены браслеты из коричневого и зеленого стекла, в сечении браслеты треугольноовальные (рис. 5). Всего найдено 7 фрагментов: 4 из коричневого и 3 из зеленого стекла. Диаметр их 5,9—7 см. Кроме того, обнаружено много стекланных сосудов из светло-зеленого очень тонкого стекла.

Подобные браслеты находила Т. М. Минаева на городище Гиляч IX—XI вв.,² там же находились стекланные кубки из точно такого же стекла. Эти же вещи обнаружены Т. М. Минаевой

¹ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч, стр. 293, рис. 22 (1—3).

² Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч, рис. 22 (5—6).

на Усть-Тебердинском могильнике. Она датирует их IX—XI вв.¹

Браслеты обнаруживаются и в ряде других памятников Карачаево-Черкесии и Северного Кавказа. В. А. Кузнецов датирует браслеты устья Теберды временем не ранее X в.,² браслеты из местности Архыз и Калы-Сырты — X—XII вв.³ Ко времени не ранее X в. он отнес и браслеты из наземных гробниц на р. Кривой.⁴ Кроме браслетов, фрагментов стеклянных сосудов и наконечников стрел здесь найдены различные полые бронзовые бубенчики иногда с продольными разрезами, состоящие из двух половинок, соединенных витой бровкой вокруг тулова (рис. 5), и 15 экземпляров черных гагатовых шаровидных бус, характерных для средневековых могильников Дагестана VI—IX вв. а с VIII в. весьма частых и в могильниках Центрального Кавказа.⁵ К VIII—IX вв. относится и большая часть упомянутых бубенчиков, хотя бытуют они и много позднее. И, наконец, отметим один фрагмент браслета серо-голубого цвета треугольно-овальный в сечении. Подобного цвета браслеты редки в могильниках Центрального Кавказа. Они встречаются на Агач-Калинском могильнике Дагестана VI—X вв.,⁶ в Херсоне и Саркеле VIII—X вв. и унайской Болгарии (Абоба-Плиски)⁷ VIII в. Черные же браслеты Саркела на основании аналогий в Закавказье датируются X—X вв.⁸

Таким образом, мы можем датировать наши гробницы VIII—II вв.

Завершая обзор археологических памятников урочища Сына, мы должны отметить три типа погребальных сооружений и оселение, в общем-то охватывающие время от VII до XII вв. Особо важно наличие болгарских элементов в материалах VII—X вв. и возможность расширить существующие границы распространений этих элементов.

В этом отношении памятники Индыша не составляют исключения. Они находят аналогии и в ряде других памятников со-

¹ Т. М. Минаева. Могильники в устье р. Теберды, МИСК, вып. 7, 1955, с. 276.

² В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 50.

³ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 47, 50.

⁴ Там же, стр. 45.

⁵ В. Б. Деоник. Классификация и хронология аланских украшений. ИА, вып. 114, стр. 144, рис. 5 (35).

⁶ К. Ф. Смирнов. Агач-Калинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 144.

⁷ З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи. А, вып. 75, стр. 318.

⁸ Там же, стр. 310.

седних районов. Небезынтересно здесь сказать о наличии в этом районе ряда древних топонимов, как «Сынкла» (на тюркских языках — «надгробия»). Это как раз район, где находятся описанные выше памятники: Джети-Эшик, в переводе — «семь дверей» (видимо, имелось в виду небольшое село); Джашыртынкала — «тайная крепость», остатки которой расположены в глухом боковом ущелье Индыша. Остатки оборонительных сооружений видны и у упомянутого поселения. Эти и ряд других топонимов данного района вместе с археологическими памятниками свидетельствуют о том, что тюркоязычные предки карачаевцев могли давно проникнуть в горы Центрального Кавказа.

ИСЧЕЗНУВШЕЕ АДЫГСКОЕ ПЛЕМЯ СОБАЙ

В XV в. И. Барбаро сообщал, что в районе Тамани находится область Кремух (Cremuch),¹ а «за Кремухом,— писал он,— обитают разные народы, в недалеком расстоянии один от другого, как-то: киппики (Chippiche), татакозцы (Tatacosia), собайцы (Sobai), кевертейцы (Cheverthei) и ас (As), или аланы (Alani)».² Из них точно распознать можно только кабардинцев («кевертейцы») и осетин («ас», или «аланы»), а этническая принадлежность других народов этого списка до сих пор остается неясной.

Приведу материалы, которые, как мне кажется, могут пролить свет на собайцев и их дальнейшую судьбу.

Проезжая по Закубанью в 1665 г., Эвлия Челеби встретил в степи восточнее р. Афипс хатукаевское селение Субай. Жители Субая были искусные ремесленники, и само селение напоминало небольшой городок. Там проживал тогда один из хатукаевских беков по имени Хан-бий Гирей.³

На карте Кавказа в «Атласе российском» 1745 г. в Закубанье указаны некоторые адыгские племена, в том числе между хатукаевцами и темиргоевцами помещены «собайцы».⁴

Других письменных известий о собайцах я не нашел, но о

¹ Название происходит, очевидно, от «Крым».

² Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина. Библиотека иностранных писателей о России, т. I, СПб, 1836, стр. 45 и 89.

³ Сияхат намеси Эвлия Челеби, П. Истанбул, 1314, стр. 732.

⁴ Атлас российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том генеральною картою великия сея империи, старанием и трудами Императорской Академии наук. В Санкт-Петербурге, 1745 г., карта XI.

них до сих пор напоминает в ауле Хатукай (Адыгейская авт. обл.) название квартала Собэйепшым йи къуэджэ, что означает «селение Собэйепша». В 1937 г. в Хатукае мне рассказывали, что хатукаевское племя в старину состояло из четырех частей, которыми управляли отдельные фамилии тлякотлешей.¹ Одна из таких частей, до середины XIX в. составлявшая особое селение, находилась под управлением тлякотлешей Собэйепш, фамилия которых буквально переводится как «князь собайский».

Приведенные материалы позволяют предполагать, что собайцы — одно из старейших адыгских племен, которое к XVII в. попало в политическую зависимость от хатукаевских князей и позже «растворилось» среди хатукаевцев.

¹ Лэкълэш обычно переводят как «первостепенный дворянин».

К ВОПРОСУ ОБ АДЫГСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ

(Предварительная публикация)

Происхождение этнических названий изучают ученые различных специальностей. Выяснение этимологии самоназвания — весьма сложный вопрос. Самоназвание народа чаще всего является древнейшим словом словарного фонда его литературного языка. Закрепление определенного названия нам представляется довольно длительным историческим процессом. Самоназвание закрепляется лишь тогда, когда это слово становится объединяющим символом, и складывается оно в процессе формирования общего убеждения в том, что все члены одной этнографической группы ведут свое начало от одного корня.

Большинство этнических терминов возникло на том языке, на котором говорила та или иная этнографическая группа. Однако имеются случаи, когда этнографическая группа получала название от своих соседей.

Этимология этнических названий современных народов Карачаево-Черкесии не получила до сих пор всестороннего освещения в литературе. Отсутствие специальных исследований по данной проблеме объясняется трудностью вопроса.

Карачаево-Черкесия является самой многонациональной автономной областью в составе Российской Федерации. Ее населяют четыре коренных народа: карачаевцы, черкесы, абазинцы и ногойцы.

В XIX в. коренных жителей Карачая и Черкесии, как и народы Дагестана, именовали собирательным термином — «горцы». Этот термин широко бытует в советской исторической литературе в том же значении и сейчас.

В прошлом предки современных черкесов КЧАО были известны соседним народам Северо-Западного Кавказа под двумя этническими терминами: «кабардинцы», «бесленевцы». В то же время кабардинцы и бесленевцы имели общее самоназвание — «адыги». Однако адыгами считали себя не только они, но и абадзехи, адамий, бжедухи, егерухаевцы, жанэ, махощевцы, мамхеговцы, натухайцы, темиргоевцы, хакучи, хатукаевцы, хегайки, шапсуги и др. В XVIII в. в составе адыгов насчитывалось 18 этнографических групп.

Термин «адыгэ» является древнейшим этническим названием в словарном фонде адыгских языков. Об этом свидетельствует прежде всего собирательное значение термина для всех адыгских этнических групп.

Известный ученый и просветитель кабардинского народа Ш. Б. Ногмов воспроизводит термин «адыгэ» от слова «ант». Он пишет: «...настоящее родовое название нашего народа есть то, которое уцелело в поэзии и в преданиях, т. е. ант, изменившееся с течением времени в адыге или адыхе, причем, по свойству языка, буква «т» изменилась в «ди» с прибавлением слова хе, служащего в именах наращением множественного числа».¹ Далее, развивая свою мысль, Ш. Б. Ногмов замечает: «Витязи или знаменитые вожди назывались нарт, это слово есть сокращенное нарант и значит «глаз антов».²

Свое мнение высказал по этому вопросу и дореволюционный лингвист Л. Лопатинский. Термин «адыгэ» он воспроизводит от слова «зих».³ В. XIII—XV вв. этим термином называли адыгов итальянцы. Другое истолкование этому термину дал также П. Зубов. «Закубанские черкесы», — писал П. Зубов, — сами себя называют адехе. Слово сие означает ущелье, находящееся при море, ибо «аде» значит ущелье, а «хе» — море».⁴ Существуют и другие объяснения.⁵ Совершенно различные суждения по части происхождения термина свидетельствуют о сложности и неразрешенности до конца этого вопроса. По нашему мнению, термин

¹ Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик. 1947, стр. 21.

² Там же, стр. 21.

³ Л. Лопатинский. Заметка о народе адыге, вообще, и кабардинцах, в частности. СМОМПК, вып. XII, стр. 1.

⁴ П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. ч. III, СПб, 1835, стр. 15.

⁵ См. Дж. Н. Кокоев. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966, стр. 167—170.

«адыгэ» образовался от слова «дыгъэ» (солнце). К такому предположению нас приводят древние религиозные воззрения адыгов и анализ этнического названия.

Археологические раскопки, произведенные на Северном Кавказе, свидетельствуют о том, что в основе религиозных воззрений древних адыгов лежал солярный, или солнечный, культ.¹ Как и многие народы земного шара, далекие предки адыгов выводили свое начало от солнца. Адыги считали себя детьми солнца. Предки адыгов обращались к солнцу — «а-дыгъэ!» — (о солнце!). Следует полагать, что первоначально слово «дыгъэ» означало только солнце, но с течением времени это название закрепилось за народом и постепенно видоизменилось.

Слово «адыгэ» состоит из двух компонентов: «а» — междометие, выражающее обращение, «дыгъэ», восходящее к слову «тыгъэ» (солнце), в котором начальный звук «т» озвончился в интервокальном положении и перешел в «д». В ряде адыгских выражений и до сих пор «а» продолжает выступать в форме обращения. Так, например, «а дышэ!» (ты золото), «а нэху!» (ты светлый), «а сипса!» (ты душа) и т. п.

Дальнейшее развитие адыгского общества сопровождалось возникновением ряда локальных групп и появлением для них самостоятельных этнических названий. По-видимому, именно так сложились известные нам этнические названия: «шапсуги», «бжедуги», «бесленеевцы» и другие.

Распад некогда единого адыгского ядра на локальные группы был вызван развитием производительных сил и численным ростом общества. Однако несмотря на образование локальных групп с обособленной политической и экономической жизнью, они по-прежнему продолжали сохранять начальное этническое единство. Это единство выражалось в употреблении термина «адыгэ» всеми членами локальных групп. И до сих пор адыгами называют себя кабардинцы (КБ АССР), черкесы (КЧАО) и адыгейцы (ААО).² Сохранившееся самоназвание у этих народов еще раз убеждает нас в том, что термин «адыгэ» является древнейшим самоназванием их предков и что служил он во все времена символом этнического единства адыгских народов.

Как свидетельствуют этнографические данные, адыги рев-

¹ См. Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960.

² Адыгами продолжают называть себя и выходцы из Северо-Западного Кавказа, которые в XIX в. переселились в Турцию. Из этой страны часть адыгов затем оказалась в Египте, Сирии, Иордании и в других государствах арабского мира.

ностно оберегали значение этнического самоназвания. С термином «адыгэ» они связывали и продолжают связывать лучшие человеческие качества. От этого термина происходит слово «адыгагъэ», что означает совокупность положительных качеств адыгских народных обычаев. В сочетании с термином «адыгэ» употребляют слово «щэн» (адыгский характер), «хабзэ» (адыгский обычай),¹ «бзэ» (адыгский язык), «унэ» (адыгский дом) и т. п. Эти примеры позволяют говорить о том, что адыги высоко ценили свою самобытную культуру и гордились ею. Как свидетельствуют очевидцы средневековья, культура адыгов находилась на высоком уровне. Адыгская культура оказала положительное для своего времени влияние на культуру многих народов Кавказа.

Термин «адыгэ» широко применяли и продолжают применять и абазины. Они особенно пользуются этим термином в тех случаях, когда хотят подчеркнуть положительные качества человека. Кроме того, этим же термином они выражают свою принадлежность к адыгской этнической группе. Так, например, в разговоре абазин может сказать: «А, зунаува багIваз, угядыгямма?» (О, Счастье дому твоему! Разве ты не адыг?!). Данное словосочетание в языке абазин еще раз указывает на то обстоятельство, что как адыги, так и абазины имели в далеком прошлом общее начало и единую материальную и духовную культуру.

Как было сказано выше, несмотря на образование локальных этнографических групп с собственными названиями, термин «адыгэ» продолжал оставаться символом этнического единства адыгов на протяжении многих тысячелетий. Бесконечные межплеменные и междоусобные войны не смогли стереть в памяти людей начальное значение этого слова.

По мере развития общества, наряду с общим самоназванием «адыгэ», возникали новые локальные этнические названия. Большинство названий, по всей вероятности, возникло от собственных адыгских мужских имен. К собственным именам можно отнести следующие этнические названия: темиргоевцы («кIэмгуйей»), хатукаевцы («хъатикъуай»), натухайцы («натхъуаджъ»), мамхеговцы («мамхегъ»), егерухаевцы («еджэркъуай»), чеченевцы («чэчэнай»), хамышевцы («хъымыш»), жанеевцы («жа-

¹ Весьма высоко ценили свод адыгских народных обычаев и карачаевцы. Об этом свидетельствует сохранившееся в словарном фонде карачаевского языка словосочетание «адыга намыс» (свод правил адыгского адата).

нэ»), махошевы («мэхъош»), хакучи («хьакуцу»), бесленевцы («бесленей»), кабардинцы («къабард»). Адыгские народы до сих пор употребляют эти термины в этническом значении. От этих же терминов впоследствии возникли такие фамилии, как Бесленевы, Кабардаевы, Жановы, Хатукаевы, Мамхяговы, Темиргоевы, Кемовы, бытующие в наши дни в Адыгее,¹ Кабарде и Черкесии.

В отличие от вышеназванных терминов, этническое название «шапсуг» («шапсыгъ»), по всей вероятности, первоначально сложилось как топонимическое название. На эту мысль наталкивает нас наличие в термине компонента «псы» (вода).

Слово «шапсыгъу» распадается на следующие компоненты: шапсы-гъу. Первая часть слова «ша», по-видимому, означала название реки. Вторая часть «псы» — вода, река. Третья часть «гъу» означает «около, вблизи».²

В слове «гъу», может быть, мы имеем факт озвончения начального согласного звука первоначального слова «хъу?». Тогда этимология этого слова будет такой: ша-псы-хъу (житель долины реки Ша). К югу от Туапсе протекает речка, которая и сейчас носит название Шепси. Из адыгск. шэпсы < шэпсэ, что буквально значит, «молочная (белая) вода».³

Относительно происхождения термина «бжадуг» («бжьэдыгъу») в литературе имеются различные мнения. Термин состоит из двух слов: «бжьэ» (рог)⁴ и «дыгъу» (вор). Происхождение этого термина Каменев объясняет следующим образом: на каком-то пиру у соседнего племени один знатный адыг украл у хозяина рог, за что он и его народ получили прозвище «бжьэдыгъу» (похититель рога).⁵ П. П. Короленко объясняет таким образом: «В документах конца XVIII ст. это объясняли так: пши — по-черкесски значит князь, а дух — вор, и вместе пшедух, т. е. князь-вор. Следовательно, проворо-

¹ В Адыгейской автономной области многие фамилии не имеют окончания «ов». Поэтому фамилии, возникшие от этнических терминов, здесь сохранили первоначальную форму. Например, адыгейцы пишут Жанэ, а не Жапов, как в Кабарде и Черкесии.

² В том же значении выступает «гъу» в словах «гъунэгъу» (близко живущий, сосед), «пшбжьэгъу» (близкий по возрасту, ровесник, товарищ), «зэмэлъхъуэгъу» (близкие, зятя) и т. п.

³ Дж. Н. Коков. Указ. соч., стр. 153.

⁴ Рог — сосуд, который использовался для напитков: «бжьэ» — переводится и как «тост» и как «пчела».

⁵ «Кубанские войсковые ведомости», 1867, № 5.

вался какой-то адыхский князь, которого народ заклеил позорным именем пшедух или бжедуг, да так и осталось название за всем его народом на долгие века».¹

Термин «бжьэдыгъу» можно перевести и как воров пчел. Но независимо от того, от какого случая возник этот термин, он, безусловно, сложился как прозвище, данное извне. В эпоху средневековья бжедуги уже делились на две этнические группы: чеченевцы («чэчнай») и хамышевцы («хъымыш»). Несмотря на то, что эти этнографические группы имели свои названия, они «сохранили между собою связь и удержали свое древнее наименование бжедуг», — писал Хан-Гирей.²

В литературе прошлого века получило свое объяснение этническое название «абадзех». Нам представляется совершенно правильным анализ, сделанный Л. Я. Люлье относительно этого термина. «Абадзех, — писал Л. Я. Люлье, в буквальном переводе значит «ниже абазцев». Название это некоторым образом доказывает, что абадзехи жили в соседстве с абазцами и, не составляя самобытного племени, получили это название от своих соседей».³

На базе того материала, которым располагает современная историческая наука, трудно установить в какой последовательности возникали адыгские этнографические группы и их этнические названия. Но, как нам кажется, после термина «адыгэ» самым древним этническим названием является термин «шапсуг». Основанием для такого вывода служит многосложность термина и его топонимическое значение.

Термин «шапсуг» служил не только самоназванием народа, но и выполнял топонимическую функцию. Местность, которую занимали шапсуги, называлась Шапсугией. По всей вероятности, шапсуги раньше выделились из общей массы адыгского народа и локализовались на северо-восточном побережье Черного моря. К такому предположению приводит самоназвание народа и численность шапсугского населения. В первой половине XIX в. шапсуги по численности превосходили все другие адыгские этнические группы.⁴

Этнические названия, которые возникли от имен, по всей ве-

¹ П. П. Короленко. Записки о черкесах. Кубанский сборник, т. XIV. Екатеринодар, 1908, стр. 338.

² Хан-Гирей, Князь Пшъской аходягоко, СМОПК, вып. 17, 1893, стр. 2.

³ Л. Я. Люлье. Черкесия. Краснодар, 1927, стр. 18.

⁴ Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957, стр. 154.

роятности, сложились в более позднюю эпоху. Так, например, по мнению Л. И. Лаврова, термин «кабардей» мог появиться не раньше XII—XIV вв.¹

Термин «адыге» на протяжении ряда столетий оставался общим самоназванием и символом этнического единства адыгских народов. Несмотря на широкое бытование этого слова среди адыгских народов, оно не получило распространения в работах дореволюционных авторов. «Не знаю почему,— писал большой знаток истории адыгов Л. Я. Люлье,— но мы привыкли все племена, населяющие Северную покатость Кавказских гор, называть черкесами, между тем как они называют себя адыге».² Термин «черкес» впервые появился в работах восточных авторов.

Этнический термин «черкес» на ранних этапах его распространения относился только к адыгам. Но в XVIII и в первой половине XIX в. этот термин получил более широкое толкование. Его начали применять и по отношению к другим народам Северного Кавказа. «Расширенное истолкование слова «черкес», — пишет В. К. Гарданов, — принятое в русской и иностранной литературе первой половины XIX в. имело под собой то реальное основание, что адыги действительно в то время были самой значительной этнической группой на Северном Кавказе, оказывавшей большое и всестороннее влияние на окружающих их народов».³

Этноним «черкес» получил также широкое распространение и в топонимике Украины и юга России.⁴

На данном этапе развития адыгской этимологической науки трудно дать точное объяснение, что означал термин «черкес» в начале его появления. В литературе имеются различные объяснения этого термина.⁵

Однако существующие высказывания по этому вопросу

¹ Л. И. Лавров. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. «Советская этнография», 1956, № 1, стр. 21.

² Л. Я. Люлье. Указ. соч., стр. 5.

³ В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов. М., 1967, стр. 19.

⁴ Дж. Н. Кокоев. Указ. соч., стр. 155—159.

⁵ Ф. Черкесы, казаки и адыге. Русский вестник, т. 48, № 12, М., 1863; П. Зубов. Картины Кавказского края, принадлежащего России, сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях, ч. III, СПб, 1835; Е. Вейденбаум. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888 и в др. работах.

нельзя считать удовлетворительными.¹ Но как совершенно правильно отметил Е. И. Крупнов, «по единодушному признанию всех лингвистов «керкеты» античных авторов (Плиний, Страбон и др.), или «черкений» в более позднее время — не кто иные, как современные черкесы».²

В начале XX в. термин «черкес» перестали употреблять в широком смысле. В этот период значение термина настолько сузилось, что им продолжали пользоваться лишь отдельные представители адыгской интеллигенции. Накануне Октябрьской социалистической революции термином «черкес» официально не пользовалась ни одна адыгская этническая группа.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Коммунистическая партия, в интересах экономического и политического развития ранее отсталых народов России, занялась выработкой форм национальной Советской государственности на Северном Кавказе. Впервые здесь были созданы автономные республики и автономные области.

В процессе подготовки к созданию автономии на территории бывшего Баталпашинского отдела ее организаторы вновь обратились к термину «черкес». Так, в 1922 г. с применением этого термина была создана Карачаево-Черкесская автономная область. Затем в 1928 г. возникла самостоятельная Черкесская автономная область.³ В 1957 г. она была реорганизована в Карачаево-Черкесскую автономную область.

В первые годы существования автономии в области проживали различные представители этнических групп адыгов. Но среди них численно преобладали кабардинцы и бесленеевцы. Под влиянием последних остальные малочисленные этнографические группы постепенно «растворились» в их среде.

Таким образом, за годы Советской власти различные адыгские этнические группы Карачаево-Черкесии сложились в черкесскую народность. За пределами области каждый адыг теперь называет себя черкесом. Современный литературный язык адыгов Карачаево-Черкесии именуется кабардино-черкесским.

¹ Дж. Н. Кокоев. Указ. соч., стр. 174—181.

² Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 156.

³ После Октябрьской революции термин «черкес» был использован и для адыгов Адыгейской автономной области. До 24 августа 1922 г. Адыгейская область называлась Черкесской (адыгейской) автономной областью, затем Адыгейской (черкесской) и в 1928 г. Указом Президиума ВЦИК была преобразована в Адыгейскую автономную область.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР — Архив внешней политики России.
АКАК — Акты кавказской археографической комиссии.
АРХИВ МО СССР — Архив Министерства Обороны СССР.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВПСЗ — Второе полное собрание законов Российской империи.
ГАКК — Государственный архив Краснодарского края.
ГАКЧАО — Государственный архив Карачаево-Черкесской автономной области.
ГАСК — Государственный архив Ставропольского края.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАК — Известия археологической комиссии.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСНИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАД — Материалы по археологии Дагестана.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края.
ОАК — Отчет Археологической комиссии.
ПАСКК — Партийный архив Ставропольского крайкома КПСС.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.
РОПА — Ростовский областной партийный архив.
СМОМПК — Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа.
СООПА — Северо-Осетинский областной партийный архив.
СУ — Свод узаконений.
УЗСГПИ — Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГАКА — Центральный государственный архив Красной Армии.
ЦГА КБ АССР — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской АССР.

ЦГА СО АССР — Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР.

ЦГА ЧИ АССР — Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР.

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГИА Гр. ССР — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма.

ЧОПА ~~от~~ Чечено-Ингушский областной партийный архив.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К. Т. Лайпанов. Борьба большевиков за упрочение Советской власти в Карачае и Черкесии (март-декабрь 1920 гг.).	3
Д. А. Напсо. Создание национальной государственности народов Северного Кавказа — торжество ленинской политики самоопределения народов	41
Ч. С. Кулаев. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов	100
Ф. П. Тройно. Вовлечение горских народов Северного Кавказа в систему русского капитализма	139
В. П. Невская. Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX веке	174
С. А. Чеkmeneв. К истории дружественных взаимоотношений между русским и северокавказскими народами в конце XVIII — первой половине XIX в.	226
С. А. Чеkmeneв. Из истории меновой торговли с горскими народами на Северном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX в.	272
Е. П. Алексеева. К вопросу о происхождении абазин, по данным археологии	299
Я. А. Федоров, Г. С. Федоров. Ранние булгары на Северном Кавказе	336
Х. И. Хаджилаев. К топонимике Карачая.	373
А. К. Кузьмин. Средневековый могильник на горе Дардон у Карачаевска	396
К. Т. Чагаров. Средневековый склеп Дардонского могильника	423
И. М. Мизиев. Археологические разведки в верховьях р. Индыч Карачаево-Черкесской автономной области в 1966 г.	436
Л. И. Лавров. Исчезнувшее адыгское племя собай	450
И. Х. Калмыков. К вопросу об адыгских этнических названиях.	452